

ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1914

1

стр.

5. Княжна Туркестанова, фрейлина Высочайшаго двора. Монографія княгини **Е. Ф. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой**.
25. Письма **Властителей Сербіи** къ **М. Г. Черняеву**, съ предисловіемъ **А. М. Черняевой**.
66. Новые матеріалы изъ раннѣйшей исторіи духоборческой секты, статьи **Н. Г. Высоцкаго**.
87. Изъ переписки **Графа Л. Н. Толстого** съ **П. И. Бартевымъ** (О «Войнѣ и Мирѣ»).
90. Къ Исторіи Московской Оружейной Палаты, сообщено **Л. М. Савеловымъ**.
105. Изъ Кавказской старины. Воспоминанія **А. Аноева**.
132. Записки Сенатора **И. В. Лопухина**.

Внутри обложки. О книгахъ: Языковскій Архивъ. Выпускъ 1. Письма **П. М. Языкова** къ роднымъ за Дерптскій періодъ его жизни (1822-1829) Подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями **Е. В. Пѣтухова**; **В. З. Завитневичъ**, **Алексій Степановичъ Хомяковъ**; Профессоръ **Гр. А. Вокресенскій**, Православные славяне въ Австро-Венгріи; Профессору **Нв. Ивановъ**, **Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ**; Описаніе Документовъ и дѣлъ хранящихся въ Архивѣ Св. Правительствующаго Синода; **О. В. Щербицкій**, Что дала православнымъ западно-руссамъ унія?

МОСКВА

Синодальная Типографія

1914.

ЯЗЫКОВСКИЙ АРХИВЪ.

Выпускъ 1-й. **Письма Н. М. Языкова къ роднымъ за дерптскій періодъ его жизни (1822—1829).** Подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями **Е. В. ПѢТУХОВА.** Сиб. 1913. Ц. 2 р. 25 к.

Первый выпускъ „Языковского Архива“, только что изданный Академіею наукъ, заключаетъ въ себѣ письма поэта къ роднымъ съ приложениями и примѣчаніями. Юный Языковъ не былъ, конечно, вполне откровененъ съ своими старшими братьями и сестрою; поэтому, для восстановленія его облика и его жизни въ Дерптѣ, необходимы другіе источники, которые и даетъ проф. Пѣтуховъ. Въ общемъ, получается нѣчто интересное. Помимо данныхъ объ Языковѣ, вы читаете множество подробностей объ Дерптскомъ университетѣ въ наиболѣе цвѣтущій періодъ его существованія, объ его профессорахъ, о студентахъ и о небольшой русской колоніи въ Дерптѣ. Сверхъ того, вы находите въ письмахъ Языкова цѣлый рядъ или неизданныхъ его стихотвореній, или стихотвореній со многими вариантами сравнительно съ извѣстнымъ въ печати текстомъ. Почти всѣ матеріалы, вошедшіе въ этотъ выпускъ, принадлежали В. П. Поливанову, по жень родственнику Языкова, и имъ переданы въ собственность Академіи Наукъ. Изданіе исполнено во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно.

В. З. ЗАВИТНЕВИЧЪ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ 2-й. Система философско-богословскаго міровоззрѣнія Хомякова. Кіевъ, 1913. Ц. 2 руб.

Первый томъ, въ двухъ большихъ книгахъ, вышелъ въ 1902 г. Онъ говоритъ объ молодыхъ годахъ, общественной и научно-исторической дѣятельности и о трудахъ Хомякова въ области богословія. Второй томъ содержитъ въ себѣ догматику Хомякова, извлеченную авторомъ изъ его сочиненій. Послѣ небольшого, но цѣннаго предисловія, авторъ даетъ главы: 1. Критика началъ нѣмецкой философіи школы Канта (Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Фейербахъ), 2. Гносеология, 3. Онтологія, 4. Ученіе о церкви, 5. Критика началъ западныхъ исповѣданій.

Проф. ГР. А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ. Православные славяне въ Австро-Венгріи. Съ приложеніемъ карты православныхъ славянскихъ епархій въ Австро-Венгріи. Изданіе Сиб. Славянскаго Благотворительнаго Общества. Сиб. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ много лѣтъ слѣдилъ въ одномъ изъ специальныхъ журналовъ за жизнью православныхъ христіанъ и въ настоящей книгѣ даетъ свои очерки въ дополненномъ и передѣланномъ видѣ, съ отличною картою въ краскахъ, вполне новою, и въ своемъ родѣ, единственною. Онъ обзираетъ какъ недавно приобретенныя Австро-Венгріею Босно-герцеговинскія митрополіи, такъ и старыя, существующія въ ней съ XVII в.,—Буковинско-далматинскую и Карловецкую митрополіи. О православныхъ славянахъ внѣ Россіи у насъ мало кто что-нибудь знаетъ, уже по одному этому трудъ г. Воскресенскаго, богатый, между прочимъ, историческими данными, заслуживаетъ вниманія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ

1914

I

РУССКОЙ АРХИВЪ

ИЗДАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ (младшимъ)

„Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей“.

Барамзинъ.

1914

КНИГА ПЕРВАЯ

МОСКВА
Синодальная Типографія
1914

КНЯЖНА ТУРКЕСТАНОВА

Фрейлина Высочайшаго двора.

Ла-Брюеръ говоритъ „Дворъ такое мѣсто, гдѣ горести существуютъ, но скрыты отъ всѣхъ, а удовольствія у всѣхъ на виду, но онѣ призрачны“. Эта жизнь не даетъ счастья и мѣшаетъ, разъ познакомишься съ нею, найти его гдѣ-либо.

Примѣръ княжны Вари Туркестановой можетъ служить однимъ изъ многочисленныхъ подтвержденій этого мнѣнія¹⁾.

Красивая, обаятельная, одаренная тонкими чувствами и умомъ, она заплатила ужасными страданіями за успѣхи тамъ, гдѣ все снаружи блестяще, но гдѣ горечи неизбѣжны.

Одаренная нѣжнымъ сердцемъ и чувственной природой—наслѣдіемъ восточнаго происхожденія²⁾—княжна была создана къ другой жизни, къ которой ее постоянно тянуло, несмотря на все торжество ея тщеславія и самолюбія. Она сама пишетъ по этому поводу: „Я не только не довольна тѣмъ, что ко мнѣ благоволятъ, но огорчена

¹⁾ Княжна Туркестанова родилась 20 Мая 1775 г. Авторъ этой работы обязанъ генералу отъ кавалеріи графу Алексѣю Васильевичу Олсуфьеву, давшему ему идею ея, доставленіемъ самыхъ важныхъ по этому предмету документовъ. Княжна Туркестанова была родственницей Олсуфьевыхъ, будучи дочерью одной изъ двоюродныхъ сестеръ Дмитрія Олсуфьева, московскаго предводителя дворянства, и, слѣдовательно, она приходилась двоюродной сестрой Василю Олсуфьеву, будущему графу и гофмаршалу двора Императора Александра II, отцу графа Алексѣя Васильевича. Княжна Туркестанова, осыпанная милостіями, оказывала покровительство своему младшему двоюродному брату, тогда гвардейскому гусарскому поручику.

²⁾ Туркестановы персидскаго происхожденія.

имъ. Съ другой стороны, покинуть Дворъ и отправиться—куда?... Неизвѣстно... Увы, судьба не благосклонна ко мнѣ...“ Она часто возвращалась къ этой мысли. „Возможно, что это путешествіе (по Россіи) я дѣлаю только для того, чтобы найти спокойную пристань, у которой вздохнетъ моя душа; но когда, въ какой годъ, въ какой день!“

Иностранка, madame де Нуазевиль имѣла глубокое вліяніе на нравственное и уметвенное развитіе княжны Туркестановой. Послѣ 1793 года у эмигрантовъ въ Россіи появилась своего рода специальность—специальность воспитателей, такъ какъ, за исключеніемъ Лавалей, Сень-При, Полиньяковъ¹⁾ и нѣсколькихъ другихъ, сохранившихъ состояніе или занимавшихъ официальные должности, многимъ изъ нихъ приходилось зарабатывать учительствомъ горькій хлѣбъ изгнанія въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Имперіи. Принадлежа большею частью къ высшему обществу, они, конечно, распространяли вокругъ себя свои взгляды и нравы.

Жены эмигрантовъ тоже занимались воспитаніемъ. Къ числу ихъ принадлежала и изящная госпожа де Нуазевиль, и по рожденію и по образованію, особа высшаго круга; одаренная практическимъ умомъ, она скоро стала во главѣ всей интимной жизни семьи, куда вступила воспитательницей. Хозяйка дома, жена князь Бориса Голицына отличалась многими странностями²⁾; но если она не была въ состояніи исполнять обязанности матери семейства, то княжнѣ Туркестановой, которую она пріютила у себя, какъ сироту³⁾, не пришлось страдать отъ того, благодаря доброй и умной женщинѣ, направлявшей воспитаніе ея и ея трехъ двоюродныхъ сестеръ, другомъ которыхъ она осталась до послѣдняго дня. При своей отзывчивой душѣ и стремленіи къ идеалу въ противоположность, можетъ быть, слишкомъ страстному темпераменту, „этому темпераменту, что есть воображеніе тѣла“, будущая фрейлина, скорѣе всякой другой, должна была проникнуться духомъ гуманности и высокой добродѣтели, подъ вліяніемъ котораго прожила свои молодые годы и свидѣтельствомъ

1) У герцога Полиньяка даже были большія имѣнія въ Россіи (Письмо княжны Туркестановой къ Кристину отъ 11 сентября 1817 г.).

2) Ея старшая дочь княгиня Куракина въ минуту религіозной экзальтаціи сожгла себѣ руку на жаровнѣ, вслѣдствіе чего пришлось сдѣлать ампутацію. „Поведеніе М-не де Нуазевиль въ этомъ случаѣ восхвалялось всѣми“—пишетъ княжна Туркестанова Крестину. Позднѣ княгиня Куракина сошла съ ума.

3) Дома воспитаніе княжны было начато нѣмкой г-жею Эверсъ, къ которой она была очень привязана.

чего служатъ ея прелестныя письма, проникнутыя всеѣмъ обаяніемъ переписки французенки XVIII вѣка *).

Среда, гдѣ выросла княжна Туркестанова, была средой аристократіи, богатой и могущественной, насколько это возможно при наиболѣе полномъ самодержавіи во всеѣмъ мірѣ. „Дворянство“, жившее въ Москвѣ въ началѣ прошлаго столѣтія, кичилось политической независимостью, сравнительно съ петербургскимъ; впоследствии тамъ образовывались вліятельныя литературныя кружки, гдѣ общество всегда веселилось. Великій переворотъ „Освобожденія“, реформа необходимая, но выполненная съ неописуемымъ легкомысліемъ и неразборчивостью—еще не разорила, чтобъ не сказать, уничтожила, дворянство; это не пошло на пользу и крестьянству, обѣднѣвшему вслѣдствіе реформы не меньше своихъ господъ. Княгиня Вогіс принимала весь городъ, и также Дворъ, когда Государь и Государыня бывали въ Москвѣ; изъ ея трехъ дочерей одна стала знаменитой красавицей; все сдѣлали блестящія партіи и при такихъ двоюродныхъ сестрахъ, Варя Туркестанова, несмотря на всю свою привлекательность и своеобразность, оставалась нѣсколько въ тѣни.

Не будучи въ состояніи показать себя съ полнымъ достоинствомъ, испытавъ даже, можетъ быть, нѣкоторые уколы самолюбія, какъ невѣста-безприданница—что, впрочемъ не озлобило и не раздражило ея—очень понятно, что она была чрезвычайно довольна, когда въ 1808 г. была назначена ко Двору. Эта перемѣна въ ея существованіи раскрывала передъ ней новыя и многообѣщающіе горизонты. Ея дѣтство было печально: между сестрами и ею не было близости, и за исключеніемъ тетки старухи Арсеньевой, у нея не было близкихъ родственниковъ. Между тѣмъ она вела въ Москвѣ, въ богатомъ домѣ Бориса Голицына, исполненномъ безпорядка и пустяковъ, свѣтскую жизнь, полную развлеченій, и только г-жа де Нуазевиль давала среди окружающей пустоты серьезное направленіе ея мыслямъ и невольно своей набожностью увлекала ее къ католицизму. Когда она стала фрейлиной, ей уже исполнилось тридцать три года, но красота ея еще была въ полномъ расцвѣтѣ.

„Княжна Туркестанова отличалась большимъ умомъ, развитымъ серьезнымъ образованіемъ, прекраснымъ характеромъ и увлекающейся,

*) Эмиль Гоманъ приводитъ нѣсколько этихъ писемъ въ своемъ сочиненіи „La culture française en Russie 1705—1900. Paris, librairie Hachette. 1882 г.

Въ Русскомъ Архивѣ была помѣщена часть переписки Княжны Туркестановой съ Кристиномъ, а съ 1912 г. Русскій Архивъ началъ печатаніе этой переписки полностью. Въ Январской книжкѣ помѣщена обстоятельная статья барона Будберга, служащая предисловіемъ къ этимъ письмамъ.

нѣсколько фантастической натурой, которой ея азіатское происхожденіе придавало всю прелесть восточной женщины¹⁾. Во взглядѣ ея и манерахъ было много живости и чего-то не совсѣмъ обыкновеннаго, что, сдерживаемое прекраснымъ воспитаніемъ, дѣлало ея личностью весьма замѣчательной по уму и обаятельности обращенія...“ Она обладала способностью становиться истиннымъ чудомъ, т. е. одѣваться съ чрезвычайнымъ вкусомъ и изяществомъ²⁾.

*

Нѣсколько лѣтъ прошло прежде, чѣмъ княжна заняла видное мѣсто при дворѣ. Императрица Елизавета, столь тонкаго ума, столь мѣткая въ своихъ сужденіяхъ³⁾, не сумѣла оцѣнить сразу княжну, хотя она, казалось, была создана, чтобы правиться ей, какъ по своему умственному развитію, какъ по нѣжности сердца; но глубокое горе отъ невѣрности мужа, которое она таила въ душѣ, вѣроятно, слишкомъ поглощало молодую государыню, чтобъ она желала себѣ создавать новыя связи въ средѣ, гдѣ ее недостаточно цѣнили.

Императоръ все еще находился подъ обаяніемъ красавицы Нарышкиной⁴⁾. Императрица-мать впослѣдствіи осыпала Варю Туркестанову своими милостями и окончательно приблизила ее къ себѣ. Дворъ вдовствующей государыни—въ противоположность обыкновенному порядку вещей—составлялъ самый интересный и дѣятельный центръ въ Имперіи. Императоръ, не заблуждаясь относительно недалежнаго ума своей матери⁵⁾, оставался силой вещей подъ ея вліяніемъ, вслѣдствіе ужасной смерти Павла I, часть отвѣтственности за которую падала на него, что нравственно ставило его въ зависимость отъ вдовы убитаго государя. „Александръ не принималъ никакого рѣшенія, не предпринималъ никакого политическаго шага, не совѣтовалъсь съ матерью, хотя часто встрѣчалъ съ ея стороны противорѣчіе“.

Положеніе, въ какое умѣла себя поставить эта хитрая Вюртембергская принцесса, уменьшало вліяніе царствующей императрицы, и не только привлекало къ ней всѣхъ честолюбцевъ, искавшихъ власти,

¹⁾ Замѣтка барона Будберга (бывшаго посла въ Парижѣ).

²⁾ Замѣтка Кристина къ его черепицкѣ съ княжной Туркестановой.

³⁾ Доказательствомъ можетъ служить ея проницательный—можно сказать пророческій—взглядъ на великую ошибку этого царствованія—военныя поселенія. Она также желала для Россіи конституціи.

⁴⁾ Нарышкина была полька, рожденная княжна Четвертинская.

⁵⁾ Онъ говорилъ о ней: „Какія глупости дѣлаетъ матушка! Она вовсе не умѣетъ держать себя“.

но къ ея двору—какъ вода стекается къ рѣкѣ—стекалось все, что было наиболѣе выдающагося умственно среди представителей петербургскаго общества. Въ этомъ высшемъ свѣтѣ успѣхъ княжны Туркестановой былъ полнымъ. Та среда, гдѣ теперь пришлось вращаться новой фрейлинѣ, имѣла совершенно иное значеніе, чѣмъ московская, но княжна всегда умѣла въ совершенствѣ выполнить свою роль: обладая безупречнымъ тактомъ, услужливая безъ навязчивости въ отношеніи государыни, вѣжливая и внимательная къ своимъ подругамъ по дежурству и къ посѣтителямъ, она, кромѣ того, обладала искусствомъ создавать себѣ многочисленныхъ друзей внѣ своего круга, во главѣ которыхъ надо поставить француза—графа Рибопьера¹⁾.

Она открыто предпочитала честную дружбу мужчинъ менѣе надежному женскому расположенію и откровенно признается въ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, гдѣ говоритъ о коварствѣ и зависти, часто одушевляющихъ представительницъ ея пола.

При полученномъ ею воспитаніи и природной обходительности, она привлекала къ себѣ эмигрантовъ, изъ которыхъ многіе посѣщали ея гостинную, не пугаясь ста тринадцати ступеней, на которые приходилось взбираться, чтобы достигнуть ея небольшой квартиры въ Зимнемъ дворцѣ. Среди нихъ графъ Моденъ²⁾ былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ завсегдатаевъ. Изъ большого числа всей французской знати, имена которой гремѣли по Россіи въ это время, онъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ, которые окончательно поселились въ странѣ, гдѣ они нашли себѣ пристанище. Фамилія Модена не сохранилась, такъ какъ у него не было сына. Онъ состоялъ въ родствѣ съ одной знатной русской семьей, какъ многіе изъ его соотечественниковъ въ то время. Княжна Туркестанова пишетъ по этому поводу: „Перейдемъ къ нашему герою Ланжерону; скажу вамъ, что онъ одержимъ маніей жениться во что бы то ни стало. Развѣ онъ не отравилъ графиню Діану де Полиньякъ, чтобъ предложить себя княгинѣ Борисъ, даже не указывая, которой изъ ея дочерей онъ дѣлаетъ предложеніе. Онъ, кажется, готовъ взять все что угодно, лишь бы дали“.

Габріель Моденъ былъ красивымъ образцомъ жантильома стараго режима и простился съ Франціей не безъ сожалѣнія. Княжна Турке-

1) Швейцарскаго происхожденія, по словамъ Кристина.

2) Онъ былъ женатъ на графинѣ Салтыковой и умеръ въ 1833 г. Его дочь Софія была замужемъ за княземъ Валентиномъ Шаховскимъ, свекромъ автора этой статьи.

становя писала Крестину по возвращеніи Модена изъ Парижа, куда онъ ѣздилъ послѣ Реставраціи: „Моденъ возвратился изъ своей поѣздки, разгоряченный и загорѣлый, но вернулся такимъ же французомъ, какимъ только возможно быть. Онъ мнѣ много рассказывалъ про Парижъ, который былъ чрезвычайно радъ снова увидѣть¹⁾. Король и принцы отнеслись къ нему великолѣпно. Этотъ добрый король, по словамъ Модена, дѣйствительно пользуется любовью, но члены его семьи живутъ между собой, какъ кошки съ собаками. Герцогиня Ангулемская хочетъ вмѣшиваться во все, вслѣдствіе чего иногда впутывается въ сплетни, вовсе неприличныя женщинѣ ея положенія. Герцогиня Беррійская не умѣетъ сказать двухъ словъ кряду; это невоспитанная дѣвочка... Когда я думаю о нашихъ княжнахъ, нельзя не согласиться, что онѣ изумительно воспитаны, и что М-те Ливенъ лучшая воспитательница въ мірѣ. Напримѣръ, я видѣла какъ великая княжна Анна²⁾, тринадцати лѣтъ, вела пріемъ.... Болѣе ста человекъ въ гостиной, и она обращалась къ каждому съ непринужденностью тридцатилѣтней женщины, привыкшей къ обществу. Я думаю, что не имѣй Моденъ такой жены, какой ее создало Небо, онъ былъ бы радъ вернуться въ Парижъ....“ Правда, эта жена, обожавшая своего мужа, не была при всей своей знатности, представительна.

20 мая княжна Туркестанова пишетъ снова:

„Моденъ назначенъ гофмаршаломъ *ad interim*.... Хотя онъ недоволенъ, я, признаюсь, въ восторгѣ отъ подобнаго пріобрѣтенія. Онъ заходитъ ко мнѣ послѣ обѣда; онъ неистощимъ, когда говоритъ о Франціи, и рассказываетъ самыя интересныя вещи на свѣтѣ.... Моденъ все видѣлъ—въ кружкѣ общества, между прочимъ кружокъ сентъ-жерменскаго предмета, прозванный „*exagerés*“, и затѣмъ людей новаго режима. Не могу скрыть отъ васъ, что онъ нашелъ среди нихъ людей очень умныхъ, достойныхъ и чрезвычайно пріятныхъ.... Онъ мнѣ рассказывалъ о частыхъ спорахъ Ростопчина съ М-те де Сталь, въ которыхъ побѣда всегда оставалась на его сторонѣ“...

Императрица Александра Феодоровна жена Николая I, въ то время великая княгиня, пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Мы какъ нельзя болѣе довольны Моденомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ замѣнилъ Кирилла Нарышкина³⁾: изысканныя манеры стариннаго Версальскаго двора, изящный тонъ, даже въ шуткахъ; любезенъ безъ низкопоклонства. Онъ все

¹⁾ Письмо отъ 3 февраля 1817.

²⁾ Будущая королева Нидерландская.

³⁾ Гофмаршалъ великокняжескаго двора.

устраиваетъ чудесно: единственно, въ чемъ можно упрекнуть его, это нѣкоторая щепетильность“....

Онъ умеръ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ. Булгаковъ писалъ по этому поводу своей дочери, княгинѣ Долгоруковой¹⁾.

„....Подробности смерти Модена трогательны: онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ, съ твердостью; вся императорская семья пріѣзжала прощаться съ нимъ, даже Наслѣдникъ, которому онъ далъ добрые совѣты, пользуясь правомъ каждаго человѣка, готоваго предстать передъ Господомъ“..

Этотъ иностранный аристократъ былъ для княжны Туркестановой—при пріѣздѣ ея въ Петербургъ—драгоценнымъ руководителемъ на зыбкой почвѣ, куда она ступала впервые, и которую онъ, въ качествѣ стараго придворнаго, зналъ лучше всякаго другого. Ему нравилось бывать у нея, гдѣ образовался центръ единенія эмигрантовъ „ничему не научившихся и ничего не позабывшихъ“. Ее связывали съ ними умственные склонности и общіе вкусы, особенно склонность къ блестящему разговору, и она часто проникалась ихъ взглядами, иногда невѣрными и поверхностными. Это стало очевиднымъ, нѣсколько лѣтъ спустя, когда была объявлена война съ Франціей, изъ ея мнѣнія „о измѣнникѣ Моро“, перешедшемъ въ русскій генеральный штабъ. Это легкомысленное мнѣніе находится въ полномъ несоотвѣтствіи съ ея обычной прозорливостью.

„....Должно быть г-жа Моро соскучилась въ Америкѣ“,—писала она 3 іюня 1818 г. Съ другой стороны вліяніе окружающей среды не помѣшало ей оставаться горячей патріоткой, немного ослабленной, судя по чувствамъ, которыя она высказывала въ продолженіе своего неудачнаго путешествія²⁾.

По поводу появленія Моро она пишетъ:

„У меня кровь закипаетъ, когда я слышу, какъ радуются, что подобный иностранецъ можетъ считаться освободителемъ Россіи“.

¹⁾ Письмо А. И. Булгакова къ дочери. „Русскій Архивъ“ 1896 г. стр. 350—361.

²⁾ Дневникъ путешествія княжны Туркестановой, въ 1818 г. 8 ноября (Русскій Архивъ)... „Какъ быстро промелькнуло время въ Брюсселѣ. Я буду сожалѣть о немъ, когда мы очутимся въ этой Германіи (sic), но думаю, что вскорѣ все позабуду, когда вернемся въ нашъ дорогой Петербургъ, который я предпочитаю всѣмъ городамъ, несмотря на его 25 градусные морозы“.

Западная культура, усвоенная княжною, немало способствовала созданию ей положенія при Дворѣ, гдѣ еще витало воспоминаніе о Великой Екатеринѣ и энциклопедистахъ, хотя въ началѣ она и была далека отъ того, чтобы собрать вокругъ себя, то, что называлось тогда „bureau d'esprit“. Скорѣе, она съ увлеченіемъ совершенно молодой дѣвушки, на какую походила по внѣшности, предавалась свѣтскимъ удовольствіямъ, появляясь то въ одной, то въ другой гостиной, пользуясь каждой свободной минутой, чтобы дѣлать визиты, зимой въ городѣ, лѣтомъ въ его окрестностяхъ, не считая развлеченій, обязательныхъ по должности: любительскихъ спектаклей— гдѣ она талантливо исполняла роли субретога,—баловъ, вечеровъ, на которыхъ она присутствовала по обязанности, внося, однако, въ нихъ совершенно своеобразный восторгъ. Это однако, не мѣшало ей продолжать свое умственное образованіе, напримѣръ, она собиралась учиться по латыни и отказалась отъ этой трудной задачи только по совѣту Кристины. Надо отмѣтить, что свѣтскія женщины ея времени въ Россіи стояли выше современныхъ. Княжна Туркестанова не была единственной между фрейлинами, отличавшимися своимъ умомъ: дѣвица Росетти, графиня Моденъ, дочь графа Габріеля, ея друга, хотя появились при Дворѣ позднѣе княжны Туркестановой, но заслуживаютъ быть упомянутыми рядомъ съ нею. Роксана Струдза была глубокимъ знатокомъ богословія; Александрина Росетти дружила съ поэтами Пушкинымъ и Жуковскимъ: выдающіеся писатели собирались въ ея маленькомъ помѣщеніи въ Царскомъ Селѣ. Софія де Моденъ была блистательна въ разговорѣ, и это было одинаково оцѣнено въ гостинныхъ Петербурга, Берлина и Парижа.

Между тѣмъ, событіе вѣка, нашествіе—приближалось... Можно себѣ представить волненіе при Дворѣ, безпокойства, трепетныя надежды, когда узнали, что Наполеонъ перешелъ Нѣманъ. Но, несмотря на все, это былъ чудный моментъ въ Россіи—эти дни ожиданія, еще не предвѣщавшіе побѣды, но дававшіе чувствовать силу противленія народа, начиная съ перваго дворянина и до послѣдняго крестьянина готовыхъ до смерти защищать свои очаги.

Ненависть къ „корсиканскому людоѣду“ нашла себѣ отзвукъ въ сердцѣ княжны Туркестановой, раздѣлявшей чувства своихъ друзей-французовъ противъ „притѣснителя“, „апокалиптическаго чудовища“, но въ ней это чувство проявлялось съ чисто женской горячностью. Кромѣ того въ салонѣ императрицы Маріи было принято анаематствовать Бонапарта. Извѣстно, какое сопротивленіе встрѣтилъ со стороны матери

проектъ брака великой княгини Екатерины Павловны съ Императоромъ Наполеономъ; всѣ просьбы сына не побудили ее уступить.

Славная война отразилась и на личной судьбѣ Вари Туркестановой. Общественный переворотъ, вызванный катастрофическимъ уничтоженіемъ Москвы, привелъ къ сближенію Фрейлины съ человѣкомъ рѣдкаго ума и душевныхъ качествъ, которое при нормальномъ порядкѣ вещей было бы невозможно,—столь различны были ихъ общественныя положенія.

Въ 1813 г. княжна Туркестанова получила отпускъ, чтобы повидаться съ своей теткой Арсеньевой, вернувшейся въ Москву послѣ общаго бѣгства дворянства.

„Старые обитатели искали подъ пепломъ остатковъ своихъ бывшихъ жилищъ. Недостатокъ во всемъ, дававшій себя чувствовать въ разоренномъ городѣ, въ которомъ въ это время насчитывалось всего пятнадцать (!) собственныхъ экипажей, заставлялъ людей, которые иначе никогда бы не познакомились, сходиться очень близко подъ вліяніемъ общаго бѣдствія. Живая надежда одушевляла всѣхъ; жили въ развалинахъ, нуждаясь въ самыхъ примитивныхъ удобствахъ жизни, но каждый день получали извѣстія о успѣхѣ нашего оружія и гибельномъ отступленіи французовъ. Всѣ чувствовали себя избавленными навсегда отъ ужаснаго вторженія, чуть было не погубившаго Россію и, вѣроятно, отодвинувшаго бы ее и на сто лѣтъ назадъ, если бы нетерпѣніе Наполеона позволило бы ему дождаться на Дибрѣ весны 1813 г., чтобы проникнуть въ сердце Россіи, и если бы онъ въ это время отдѣлилъ Польшу, давъ ей короля и возстановивъ ее древнюю самостоятельность.

„Опасности, которымъ подвергались и которыхъ избѣгли чудеснымъ образомъ, открывали всѣ сердца; среди лишеній жили весело и служили молебны на еще дымящихся развалинахъ“¹⁾.

При такихъ то обстоятельствахъ Варя Туркестанова встрѣтилась съ Фердинандомъ Кристиномъ, занявшимъ съ этого времени первенствующее мѣсто въ ея существованіи. Со времени ихъ перваго свиданія въ Москвѣ между ними началась правильная переписка; они аккуратно писали другъ другу два раза въ недѣлю письма,—совершенно непринужденныя и полныя дружескаго довѣрія со стороны женщины—и носящія отпечатокъ мужественной заботливости и нѣжной преданности со стороны мужчины.

*

Кристинъ, попавшій въ Россію совершенно случайно, поселился здѣсь навсегда, благодаря сердечной привязанности²⁾. Онъ познакомился

¹⁾ Предисловіе къ перепискѣ Кристина и княжны Туркестановой барона Будберга.

²⁾ Записки Вигеля.

въ Москвѣ съ графиней де Броли¹⁾, вдовой князя Александра Трубецкого, вторично вышедшей замужъ за негодяя-эмигранта. Она была очень красива и несчастна; ея мужъ, между прочими своими неблагоприятными продѣлками, пользовался ея красотой, чтобы привлекать гостей въ игорный притонъ, устроенный у себя. Вернувшись впоследствии во Францію, онъ совершенно покинулъ жену.

Любовь, которую она внушила Кристину, несмотря на свой ограниченный умъ, капризы и меланхолю, не охладѣла; онъ ей завѣщалъ свое скромное, нажитое добрымъ трудомъ состояніе, вслѣдствіе чего утерялись его записки и чрезвычайно интересная переписка, между прочимъ, съ г-жей Сталь;—глупая особа, которой онъ завѣщалъ свои бумаги, нашла лучшимъ ихъ уничтожить. Весь романъ его жизни былъ брошенъ въ огонь, какъ негодный хламъ... „Но все, что ему приходилось переносить отъ непониманія и некультурности женщины, съ которой онъ былъ неразрывно связанъ, заставляло его еще больше цѣнить выдающійся умъ княжны Туркестановой и привлекательность ея мягкаго характера. Въ домѣ графини Броли онъ былъ хозяиномъ, хотя и не жилъ тамъ“...—пишетъ Вигель. Онъ не былъ французомъ²⁾, но воспитывался во Франціи, въ іезуитской коллегіи. Въ молодыхъ годахъ онъ получилъ мѣсто секретаря при Колоннѣ. Онъ видѣлъ начало революціи. Въ Кобленцѣ его услугами пользовались братья Людовика XVI и, главнымъ образомъ, графъ Артуа. Нѣсколько разъ онъ, переодѣтый, совершалъ путешествія въ Парижъ; рискуя жизнью, онъ проникъ въ Тюилери, чтобы передать письма королю. Этикета, въ сущности, не существовало; Кристинъ запросто разговаривалъ съ Королемъ, Королевой, принцессой Елизаветой и ласкалъ маленькаго несчастнаго дофина. Послѣ смерти Людовика XVI, графъ Артуа увезъ Кристину въ Петербургъ. Императрица Екатерина оказала блестящій пріемъ принцу. Онъ уѣхалъ, а Кристинъ остался въ Россіи.

Прежде чѣмъ онъ поселился здѣсь окончательно, его постигло фантастическое приключеніе въ Швеціи, доказывающее, что онъ уже тогда имѣлъ сношенія съ русскимъ правительствомъ. Въ Стокгольмѣ онъ держалъ себя странно: злословилъ Россію, ненавидимую регентомъ, благодаря чему встрѣтилъ ласковый пріемъ, такъ что его—неизвѣстнаго иностранца—приглашали на придворные балы. На одномъ изъ этихъ

1) Урожденной Левашовой.

2) Кристинъ родомъ швейцарецъ. Онъ родился 11 сентября 1753 г.

баловъ Крестинъ какъ бы случайно толкнулъ молодого короля Густава IV и, будто извиняясь, шепнулъ ему на ухо: „Государь, васъ обманываютъ, васъ хотятъ женить на уродѣ; позвольте поговорить объ этомъ съ вами“. Король отвѣтилъ ему тихо: „У меня есть учитель математики, кавалеръ Сюрменъ, вашъ соотечественникъ; напишите мнѣ черезъ него“. Крестинъ представилъ меморандумъ, гдѣ онъ описывалъ красоту великой княжны Александры и выставялъ пользу семейнаго союза съ императрицей Екатериной. Когда король прочелъ эту бумагу, уже ничѣмъ не возможно было заставить его жениться на избранной для него принцессѣ Мекленбургской, горбатой и некрасивой. Никто не понималъ причины такого внезапнаго упорства, пока самъ король не проговорился и не навелъ регента на слѣды виновнаго. Тогда всѣ громы обрушились на него. Къ счастью для Крестина его предупредили, что на слѣдующій день его намѣреваются отправить въ рудники Далекарліи. Ему удалось избѣгнуть этой ужасной опасности, бѣжать съ помощью англійскаго посла и вернуться въ Петербургъ, гдѣ, вскорѣ послѣ того, онъ, со смертью Екатерины, исчезъ съ политической арены. Переговоры о женитьбѣ молодого короля на великой княгинѣ Александрѣ совершенно не удались въ Петербургъ, но Императрица, тѣмъ не менѣе, щедро вознаградила секретнаго агента, который, принявъ награду, служилъ только потому, что императорская политика отвѣчала его собственнымъ убѣжденіямъ*). Онъ навсегда остался завзятымъ роялистомъ, несмотря на всѣ ошибки законныхъ государей, которыя онъ самъ первый признавалъ. Среди нихъ самой непростительной ему казалось казнь маркиза де Фавра. Въ 1816 г., когда уже всѣ съ трудомъ вспоминали, кто былъ маркизь де Фавръ, Крестинъ выражалъ убѣжденіе, что несчастья Бурбоновъ—справедливое возмездіе за непростительную низость, совершенную королемъ, предавшимъ ужасамъ революціи человѣка, преданнаго его дѣлу.

Послѣ восшествія на престолъ Императора Александра, добровольный изгнанникъ Крестинъ возвратился изъ своего имѣнія, гдѣ прожилъ время царствованія Павла I. Имъ снова завладѣла страсть къ приключеніямъ; ему было мало... И онъ поѣхалъ въ Парижъ съ своимъ другомъ Марковымъ, назначеннымъ туда посломъ. Такимъ то образомъ Крестинъ познакомился съ семьей Бонапарта, съ его сестрами, съ Жозефиной и Гортензіей; но онъ не отказался отъ своихъ принциповъ и оставался поклонникомъ графа д'Артуа. Это замѣтили, и съ этихъ поръ поли-

*) Онъ былъ прикомандированъ къ коллегіи Министерства Иностранныхъ дѣлъ и получилъ въ даръ 400 душъ въ Подольской губерніи (Мемуары Вигеля).

ція стала слѣдить за нимъ, и онъ, по совѣтамъ друзей, отправился въ Швейцарію. Тамъ его постоянныя сношенія съ г-жей де Сталь и политическимъ изгнанникомъ Коппэ повели къ домашнему аресту по приказанію презекта Лемана.

Это было начало ужасныхъ преслѣдованій, которыя ему пришлось испытать въ Парижѣ, куда его перевезли. 29 августа 1803 г. его вызвали къ коронному судѣ и секретно посадили въ сырую камеру Тампля.

26 сентября приказано было посадить его въ башенку Латуръ, гдѣ съ нимъ обходились какъ съ самымъ опаснымъ преступникомъ. Онъ самъ рассказывалъ потомъ, что его окружали ловушками, чтобы добиться признаній, компрометирующихъ русское правительство. Ему постоянно внушали, что онъ покинуть послѣднимъ, и что особенно посолъ графъ Марковъ относится къ нему совершенно равнодушно, что на самомъ дѣлѣ было какъ разъ наоборотъ.

Крестинъ обнаружилъ непоколебимую вѣрность, несмотря на обхожденіе, достойное инквизиціи. Дошли даже до того, что разыграли сцену осужденія на смерть, чтобы ужаснуть его.

Въ ночь съ 28 на 29 февраля 1804 г. его внезапно перевезли въ тюрьму Сенъ-Пелажи и бросили въ темный карцеръ на снопъ соломы. Онъ опасно заболѣлъ, что не мѣшало держать его въ секретѣ и обращаться съ ними крайне сурово. 26 іюля его перевезли обратно въ Тамплъ, гдѣ остался до января 1805. Странное и любопытное обстоятельство: съ него не снимали допросовъ, но въ то время, какъ его перевозили изъ тюрьмы въ тюрьму, совершился рядъ неслыханныхъ насилій, самымъ знаменитыми жертвами которыхъ стали Кадудаль, Пишегрю, герцогъ Энгіенскій, Моро. Первый консулъ не сдерживалъ своей рѣзкости; на приѣмѣ въ Тюилери онъ грубо обратился къ покровителю Крестина, послу графу Маркову, намекая, что тайные русскіе агенты замѣшаны въ заговорѣ противъ него.

Когда въ Парижѣ почувствовали печальныя слѣдствія этого постоянного нарушенія людскихъ правъ, эти строгости смягчились, и Крестинъ въ числѣ другихъ получилъ свободу по просьбѣ папы Пія VII. По выходѣ изъ тюрьмы, онъ получилъ приказаніе выѣхать съ французской территоріи, и въ Маѣ мѣсяцѣ онъ вернулся въ Петербургъ, увѣренный, что страданія, перенесенныя за русское дѣло, обезпечатъ ему лучшій

пріемъ. Но онъ не принялъ въ расчетъ предупреденій императора Александра, возстановленнаго противъ него Лагарпомъ, его политическимъ-антагонистомъ, и въ Петербургъ встрѣтилъ лишь разочарованія. Но, несмотря на такую тяжкую несправедливость, онъ—удержанный хорошо извѣстной причиной—не вернулся во Францію при Реставраціи. Кромѣ того, теперь онъ не чувствовалъ разочарованія, не видя представителей принципа, за который онъ съ идеальнымъ самоотреченіемъ жертвовалъ собой.

За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, когда Людовикъ Филиппъ былъ на престолѣ, Кристина писала Софіи Бобринской, предлагавшей ему напечатать его мемуары¹⁾: „Пока Бурбоны были на престолѣ, этого не допустили бы; теперь, когда они въ несчастіи, было бы низостью опубликовать, какими я видѣлъ ихъ во время эмиграціи. Въ то время я былъ близокъ къ нимъ, отдаваясь ихъ дѣлу, которое считалъ столь прекраснымъ, и ради котораго не разъ рисковалъ своею жизнью. .. Но я служилъ имъ и любилъ ихъ; нескоро я разочаровался въ нихъ, хотя съ той уже минуты, какъ началъ принимать участіе въ ихъ дѣлахъ, видѣлъ массу вещей, шокировавшихъ меня. Я замѣтилъ, что у нихъ,— у Людовика XVIII въ особенности,—фальшивость полагалась благо-разуміемъ: я видѣлъ, что можно ласкать до послѣдней минуты человѣка, смертный приговоръ котораго уже подписанъ...

Княгиня Софія Бобринской завѣщала Кристинѣ многочисленныя письма княжны Туркестановой, сохраненныя имъ благоговѣйно, и въ то же время сообщила ей о причинѣ трагической смерти прелестной женщины, исчезновеніе которой омрачило послѣднія двадцать лѣтъ его жизни²⁾.

Его связь съ графиней де Брולי была не такого рода, чтобы утѣшить его въ подобной потерѣ. Съ Варей Туркестановой его связывали другіе интересы—интересы чувства и ума, дополнявшіе его существованіе. Съ другой стороны, и онъ имѣлъ большое вліяніе на ту, кто недолгое время пользовалась негласнымъ расположеніемъ самаго могущественнаго самодержца того времени. Долгая близость Кристины и княжны никогда не имѣла оттѣнка влюбленности, и письма этихъ двухъ людей, созданныхъ, чтобы любить другъ друга, указываютъ на глубокую нѣжность, безъ малѣйшаго оттѣнка исключительной галантности.

¹⁾ Письмо отъ 26 іюля 1831. Кристина умеръ въ 1837.

²⁾ Письмо отъ 5 іюля 1837.

Кристинъ былъ слишкомъ прямодушенъ, и у обоихъ были другія связи, исключая подобную игру. Княжна доводила даже отсутствіе кокетства до того, что совершенно откровенно говорила съ Кристиномъ о своихъ физическихъ недомоганіяхъ. Она дѣлилась съ нимъ также своими нравственными страданіями, тѣмъ, что тяжело лежало у нея на душѣ, и въ чемъ почти невозможно было признаться, и—когда наступило время—своимъ отвращеніемъ къ Двору, откуда не могла уйти. Въ одномъ Кристинѣ она находила дѣйствительную нравственную поддержку среди искусственной атмосферы, гдѣ она страдала и сомнѣвалась, и гдѣ тщетно старалась придать мѣнѣ легковѣсное направленіе своей жизни. Напрасно пытался онъ удержать ее на опасномъ склонѣ; онъ чувствовалъ, что она ускользаетъ изъ подъ его вліянія, и тѣмъ не менѣе продолжалъ любить ее...

Когда все будетъ кончено, когда годы пронесутся надъ его горечью, онъ напишетъ во введеніи къ письмамъ незабвеннаго своего друга: „Я почувствовалъ, лишившись ея, пустоту, какую чувствуетъ отецъ, теряя внезапно, непредвидѣнно единственнаго ребенка“.

Вѣроятно въ княжнѣ было очень большое обаяніе, кромѣ чисто внѣшней привлекательности, что она пробуждала такія горячія чувства, будучи уже не первой молодости. Даже женщины страстно любили ее, между прочими, графиня Остерманъ, братъ которой „обожалъ“ ее, что не помѣшало ему, со временемъ, сдѣлаться ея врагомъ и стараться всѣми средствами вредить ей. Жена князя Бориса Голицына сходила съ ума по ней, съ тѣхъ поръ какъ княжна не жила у нея, и дѣлала ей сцены ревности, на которыя та жаловалась Кристину.

Княжна мало вѣрила выраженіямъ этой преувеличенной нѣжности. такъ же, какъ и проявленіямъ привязанности своихъ подругъ по дежурству при дворѣ, и была съ ними—за исключеніемъ молоденькой графини Самойловой¹⁾—всегда очень сдержана.

„При чрезвычайной наружной откровенности, я вижу очень многое“—писала она²⁾. Всегда сосредоточенная и ревниво хранящая тайну своихъ личныхъ страданій, она говоритъ: „Лучше меньше чувствовать

¹⁾ Въ послѣдствіи княгиня Софія Бобринская.

²⁾ Письмо отъ 26 февраля 1867 г.

жизнь, чѣмъ чувствовать ее слишкомъ глубоко. Фраза въ стилѣ М-ше де Сталь... Иногда очень тяжело жить только *съ самимъ собой*; я, отчасти, поставила себя сама въ такое положеніе, отчасти обстоятельства привели меня къ тому. Міръ смотритъ на меня положительно какъ на одно изъ тѣхъ сердець, осужденныхъ на вѣчное вдовство, о которыхъ упоминаетъ Шатобрианъ, на нравственное одиночество, и это въ то время, когда я сознаю, что одарена въ высшей степени способностью любить“.

Она писала эти слова передъ тѣмъ, какъ вполнѣ вступила въ мутныя волны любви, которыя должны были ее погубить. Старалась ли она обмануть себя, или своего друга? „Честь женщины не можетъ походить на мужскую прямоту и ложь иногда является для нея тяжелымъ необходимымъ долгомъ“. Въ этой истинѣ ей пришлось съ грустью убѣдиться, такъ какъ, несмотря на свою женскую грацію и вкрадчивую мягкость, въ ней много гордости.

*

Чудное лѣто—восьмое при дворѣ—было поворотной точкой въ жизни княжны Туркестановой: ею увлекся Императоръ Александръ. На нее дѣйствовалъ не одинъ ослѣпительный престижъ царскаго вѣнца; она полюбила его искренне, но—странная судьба!—въ то же время, не въ силахъ подавить свой чувственный порывъ, она поддалась другой любви, ставшей причиной всѣхъ ея страданій и безумствъ. Она почти открывается Кристину въ своемъ увлеченіи: „...Дѣло вовсе плохо, мое тѣло опустошаетъ меня“....

Это очень важное признаніе относится,—если сравнить даты,—къ началу ея связи съ красивымъ офицеромъ, княземъ Владиміромъ Голицынымъ. Что касается Императора, онъ казался ей, не менѣе обольстительнымъ, и она пишетъ по поводу одного изъ его посѣщеній: „Никогда я не видала его такимъ красивымъ; онъ былъ въ сюртукѣ и фуражкѣ. Конечно, онъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ людей на свѣтѣ“.

Княжна не преувеличивала; извѣстно, что любимый внукъ Императрицы Екатерины отличался очаровательной наружностью, изысканными манерами и, будучи въ свое время рѣшителемъ судебъ Европы, истощилъ все обаяніе власти и славы. обладая неудержимымъ стремленіемъ къ донъ-жуанству.

Онъ любилъ женское общество и постоянно находился подъ вліяніемъ какой-нибудь женщины, за исключеніемъ собственной жены. Вскружить головку хорошенькой и остроумной фрейлинь, казалось ему забавнымъ. Весьма занятый своею внѣшностью и туалетомъ, онъ охотно пользовался своими внѣшними преимуществами, чтобы покорять сердца своихъ многочисленныхъ поклонницъ. Эта слабость Августѣйшаго супруга была хорошо извѣстна Императрицѣ Елизаветѣ. Послѣ его смерти—закрывъ ему лицо—она написала матери нѣсколько трогательныхъ строкъ, полныхъ нѣжнаго, наивнаго чувства. „Я не хотѣла открывать его, это показалось бы мнѣ святотатствомъ. Онъ всегда такъ заботился о своей внѣшности; ему было бы неурѣдно, если бы увидали его настолько измѣнившимся“.

Но кромѣ обычнаго увлеченія флиртомъ, княжна Туркестанова привлекала Императора той глубиной чувства, той серьезностью въ взглядахъ, столь рѣдкими въ ея средѣ,—которыя сходились съ его настроеніемъ, часто задумчивымъ и печальнымъ, съ неизлѣчимой наклонностью къ меланхоліи—порожденной угрызеніями совѣсти, поддерживаемой и возбуждаемой жестокой политикой Императрицы. Мать не давала ему успокоиться; между прочимъ, желая добиться отъ него чего-нибудь, она приводила его въ комнату, гдѣ бережно сохранились окровавленные принадлежности ночного туалета Павла I¹⁾.

Князь Адамъ Чарторыйскій говоритъ о глубокой грусти своего царственнаго друга во время коронаціи: эта грусть иногда неопределимо овладѣвала имъ, и ей надо приписать странное вліяніе на него мистицизма г-жи Крюднеръ, даже въ наиболѣе счастливую пору его существованія: родъ отвращенія къ жизни. въ концѣ царствованія дошедшій до ипохондріи. Противорѣчія въ измѣнчивомъ характерѣ этого необыкновеннаго человѣка, которыя Наполеонъ называлъ живостью, еще до сихъ поръ не объяснены исторіей, и онъ остался, сойдя въ могилу „непостижимымъ сфинксомъ“.

Княжна такъ рассказываетъ о первомъ сближеніи между нею и Императоромъ, вызванномъ случайнымъ обстоятельствомъ. „Въ теченіе восьми лѣтъ, что я при Дворѣ, мнѣ впервые пришлось обѣдать у Государя, т. е. на его семейномъ обѣдѣ. Въ прошедшую субботу онъ пригласилъ Оранскій дворъ, а слѣдовательно фрейлину Самарину и меня²⁾). Никогда онъ со мной не говорилъ до того времени: на этотъ

¹⁾ Приведено П. Баргелевымъ въ Русскомъ Архивѣ.

²⁾ Княжна Туркестанова была временно назначена состоять при великой княгинѣ Аннѣ, только что вышедшей замужъ за принца Оранскаго.

разъ намъ пришлось перекинуться мелькомъ нѣсколькими словами. Послѣ обѣда онъ опять подошелъ ко мнѣ и разговаривалъ о разныхъ пустякахъ. Я вовсе не смутилась, такъ что говорила очень непринужденно и весело. Я нашла его любезнымъ, и если бы мнѣ приходилось часто встрѣчаться съ нимъ, какъ въ этотъ день, мнѣ кажется, я любила бы его до безумія“.

Впечатлѣніе было произведено на великаго человѣка, и повидимому, съ этого дня началось ухаживаніе, сначала осторожное и задерживаемое отсутствіями императора и безчисленными занятіями. Что же касается княжны, она видѣла окружающее черезъ розовую призму въ началѣ любовнаго опьяненія, въ которомъ, можетъ быть, не отдавала себѣ отчета.

„Наше пребываніе здѣсь“—пишетъ она,—„настоящее очарованіе; природа во всей красѣ, и Петергофъ дѣйствительно величествененъ... Прощайте, милый Крестинъ, будьте здоровы, любите меня и радуйтесь вмѣстѣ со мною, что мнѣ не восемнадцать, не двадцать лѣтъ: въ эти года мелкія знаки милости, оказанные мнѣ за эти дни, могли бы стать опасны для меня“.

Окружающіе скоро замѣтили положеніе вещей, особенно послѣ продолжительнаго разговора княжны съ Императоромъ по возвращеніи съ катанія по морю, о которомъ княжна остроумно рассказываетъ: „Говоря съ нимъ—замѣчаетъ она,—я наслаждалась удовольствіемъ, съ которымъ онъ слушалъ меня, и когда случайно взглянула на эту толпу, окружившую меня, лишь только онъ отошелъ, повѣрите ли—когда я въ одно мгновеніе оглядѣла всѣ эти фizioноміи, мнѣ показалось, что всѣ эти люди видятъ меня въ первый разъ! Всѣ наперерывъ старались заговорить со мной, подойти ко мнѣ! Я еще теперь смѣюсь, вспоминая объ этомъ; но такъ уже ведется на свѣтѣ съ начала вѣковъ, съ тѣхъ поръ, какъ есть государи и придворные“.

Черезъ нѣсколько времени она возвращается къ этому животрепещущему вопросу.

„Сближеніе, начавшееся тогда, продолжается, и я, конечно, сумѣю поддержать его, потому что—не скрою отъ васъ—буду прилагать съ своей стороны всѣ старанія для этого. Клянусь вамъ, не будь этотъ человѣкъ государемъ, я бы очень желала нравиться ему, такъ какъ онъ мнѣ безконечно нравится“...

Флиртъ развивался...

„Лицо, любезно отнесшееся ко мнѣ, спросило меня, желаю ли я принять *его у себя*. Я отвѣтила, что это доставило бы мнѣ большое удовольствіе, но я знаю, что у другихъ фрейлинъ не бываютъ, и я не хочу выдѣляться. Лицо, пожелавшее, можетъ быть, меня нѣсколько помучить, сказало, что, очевидно, не внушаетъ мнѣ никакого довѣрія, а когда я собиралась отвѣтить, кто-то насъ прервалъ. Что вы думаете о сказанномъ мнѣ? И о моемъ отвѣтѣ? Признаюсь, я желаю этого посѣщенія, но не вызову его*)“.

Княжна сначала кокетничала, стараясь нравиться столько же искусствомъ туалета, какъ тонкостью ума, но скоро болѣе благородныя побужденія взяли верхъ: она пожелала воспользоваться пріобрѣтенной властью для добрыхъ дѣлъ, и когда во время посѣщенія государя, ей удалось оказать услуги двумъ достойнымъ особамъ, она писала: „только такія дѣла могутъ мнѣ помочь выбраться“. Очевидно недовольная собою, она прибавляетъ: „Я шлепнулась носомъ въ грязь.... Какъ мы заблуждаемся относительно нашихъ силъ“... Несмотря на то, у нея была вспышка счастья на зарѣ ея романа. Торжествуя, она пишетъ Кристину тономъ веселой шутки: „ну, не смѣшной ли вы, право, человѣкъ, желая, чтобы я рассказывала вамъ о какомъ-то полонезѣ, который танцовали со мной, послѣ того, что я вамъ пишу объ этихъ посѣщеніяхъ.“

„Вы, совсѣмъ съ ума сошли!“

Ея вліяніе на непостояннаго Императора, можетъ быть, не было очень глубоко, но судя по разговорамъ о ихъ разговорахъ, продолжавшихся по цѣлымъ часамъ, при этомъ въ немъ проявлялось, все что было лучшаго.

*

1817 годъ слѣдовало особенно отмѣтить въ жизни княжны Туркестановой. Увѣренность въ милости государя вносила внутреннюю радость въ удовольствія и обязанности, связанныя съ ея положеніемъ. Она съ увлеченіемъ шла къ цѣли, участвовала въ спектакляхъ и восхищала зрителей Павловска своей красотой и артистическимъ талантомъ. До сихъ поръ ея отношенія къ Императору оставались, повидимому, чисто платоническими, но онъ все больше и

*) Свиданіе происходило въ Павловскѣ.

больше увлекался ею, вовсе не скрывая этого. Въ день ея именинь онъ подарилъ ей свой портретъ въ формѣ камеи, замѣчательно похожий, сопровождая его строками: „Celui que vous préférez. De la part de celui qui vous prèrèze“.

Онъ принялъ обыкновеніе, обойдя дамъ, садиться возлѣ нея и не отходить до конца вечера. Но уже слѣдующею осенью ея мимолетное торжество было омрачено. Что ее смущало?

Охлажденіе того „кого она предпочитаетъ“? Показалъ ли ей это Александръ съ свойственной ему безцеремонностью, отъ которой жестоко пришлось страдать даже королевѣ?*)). Она,—одна изъ красивѣйшихъ женщинъ своего времени,—тоже питала иллюзію глубокаго и раздѣленнаго чувства.

Въ письмахъ княжны Туркестановой мало по малу начинаетъ звучать разочарованіе; сквозь общее отвращеніе къ придворной жизни „не дающей счастья, но мѣшающей искать его въ другомъ мѣстѣ“, проглядываютъ скрытыя страданія. Императоръ, столь жалостливый на словахъ, столь либеральный, какъ ученикъ своего бывшаго воспитателя Лагарпа, на дѣлѣ проявлялъ деспотизмъ, заставлявшій его скрѣплять своей подписью возмутительно-жестокія распоряженія своего злого генія Аракчеева. Его наслѣдственные инстинкты вспыхивали неожиданно, и тогда онъ такъ же мало щадилъ женщинъ, какъ мужчинъ, и ни одна изъ нихъ не была гарантирована отъ изумительныхъ вспышекъ „вѣчнаго странника“.

Несчастливая фрейлина, вѣроятно, предчувствовала неминуемый разрывъ, хотя послѣднее слово и не было еще произнесено; если тѣнь застилала настоящее, если облака собирались на горизонтѣ, ей еще долгое время можно было надѣяться....

Какъ всѣ натуры чуткія и впечатлительныя она платилась за свою чрезвычайную деликатность преувеличенной душевной щепетильностью. „По моей роковой системѣ, или, скорѣе, по обѣщанію, данному мною Богу...“—пишетъ она.—И въ другомъ мѣстѣ: „Я постоянно обдумываю планъ ухода, утомленная до крайности всѣмъ, что вижу“.

*) Луиза, супруга Фридриха Вильгельма III, къ которой такъ дурно отнесся Наполеонъ. „Souvenirs de la grande Maitresse de la cour“, m-me de Voss.

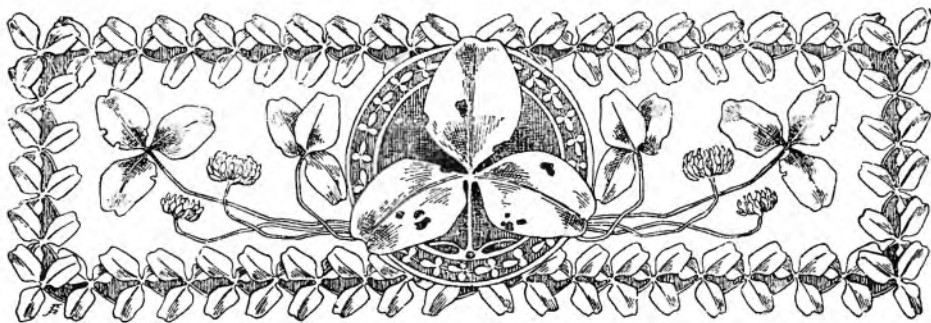
Императоръ Александръ сдѣлалъ несчастными всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ, а особенно тѣхъ, которыя любили его, начиная съ трогательной императрицы Елизаветы Алексѣевны. Единственное исключеніе составляетъ Нарышкина, но она не любила его и смѣло обманывала съ молодымъ гусаромъ-полякомъ, своимъ соотечественникомъ. Въ его характерѣ была такая двойственность, что новѣйшіе психологи *) даже приписывали ее физической аномаліи—мозговой болѣзни, однимъ изъ признаковъ которой была потребность къ постоянному передвиженію.

Наслѣдственность отца, конечно, могла имѣть значеніе, и ужасныя впечатлѣнія при вступленіи на престолъ могли быть причиной невропатіи. Вообще это была натура богато одаренная, особенно въ эстетическомъ отношеніи, но при плохо развитой волѣ,—слабость заставляла дѣлать ошибки, несомѣстимыя съ его крупнымъ умомъ. Уже императрица Екатерина отмѣчала въ своей перепискѣ съ Гриммомъ этотъ недостатокъ. Совершенно непонятныя черты характера, какъ бы исключаютія другъ друга, не представляютъ затрудненія для современнаго медицинскаго анализа, и наличность психическихъ контрастовъ, полное отсутствіе мѣры, могли бы объяснить загадку противорѣчій и неожиданностей, которыми была полна жизнь этого столь же симпатичнаго, какъ несчастнаго человѣка.

Кн. Шаховская-Стрѣшнева.

*) Сикорскій, профессоръ Кіевскаго университета „Вопросы психологической невропатіи“. Кіевъ, 1901 г.

ПИСЬМА ВЛАСТИТЕЛЕЙ СЕРБИИ КЪ М. Г. ЧЕРНЯЕВУ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Общность интересовъ міра всеславянскаго въ настоящей борьбѣ съ мусульманствомъ, еще не поверженнымъ предъ нимъ во прахъ и въ грядущемъ боевомъ состязаніи съ наступающимъ германизмомъ— вотъ вкратцѣ исповѣданіе политической вѣры Михаила Григорьевича.

Въ единеніи всеславянства—его мощь и сила, его процвѣтаніе и будущность.

Это убѣжденіе было выношено въ умѣ и сердцѣ Михаила Григорьевича еще задолго до сербско-турецкой войны и плодомъ зрѣлыхъ и многолѣтнихъ размышленій—явилось его самоотверженное въ ней участіе.

Это было не слѣдствіе тягостнаго положенія его на военномъ поприщѣ въ Россіи, по случаю явной къ нему вражды Милютина, не авантюра, не безразсудная вспышка внезапнаго энтузіазма, какъ то желалъ изобразить Голось, органъ тогдашнихъ либераловъ своими неотступными и яростными нападками побудившій Михаила Григорьевича вызвать его редактора Краевскаго на дуэль, отъ которой послѣдній уклонился. Нѣтъ, командованіе Михаиломъ Григорьевичемъ сербской арміей было плодомъ давно выношенной имъ идеи.

Доказательствомъ этому могутъ служить слѣдующія біографическія данныя.

Въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба, въ должности оберъ-квартирмейстера войскъ Терской области, Михаилъ Григорьевичъ принималъ участіе въ покореніи Кавказа.

Съ Ноября 1860 г. по Декабрь 1861 г. онъ, то самостоятельно, то подъ непосредственнымъ начальствомъ генераль-маіора Кундухова и князя Туманова усмиралъ горцевъ, дѣлалъ опасныя рекогносцировки, пролагалъ просѣки въ чернолѣсныхъ дебряхъ подъ перекрестнымъ огнемъ абрековъ.

Среди этой-то боевой жизни, воспѣтой нашими поэтами, онъ получилъ первый номеръ Аксаковскаго Дня, вышедшаго 15-го Октября 1861 г.

Въ прекрасной передовой статьѣ, подчеркивая общность славянскихъ интересовъ, Иванъ Сергѣевичъ указывалъ на то, что народныя начала крѣпки не однимъ воплощающимъ ихъ въ себѣ бытомъ, *но еще болѣе яснымъ сознаниемъ*. Для правильной выработки и распространенія этого, увы въ то время крайне шаткаго и даже шедшаго по совершенно ложному („либеральному“) пути общественнаго сознанія, для поддержки зарубезныхъ славянъ со стороны Россіи живымъ и дружественнымъ словомъ онъ открывалъ въ своей газетѣ особый отдѣлъ славянскихъ извѣстій.

Эта полная живаго интереса передовая статья вызвала Михаила Григорьевича на первое скромное выступленіе въ пользу славянъ среди офицеровъ Навагинскаго полка, стоявшаго тогда во Владикавказѣ, къ которымъ онъ обратился съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Два года тому назадъ учредился въ Москвѣ Славянскій Благотворительный Комитетъ, который, между прочимъ, содержитъ на свой счетъ болѣе двѣнадцати молодыхъ болгаръ, пріѣхавшихъ въ Россію учиться и по возможности снабжаетъ книгами народныя училища въ Болгаріи. Не имѣя никакого основнаго капитала, комитетъ съ трудомъ поддерживаетъ свое существованіе, или лучше сказать свою благотворительную дѣятельность, помощью разныхъ временныхъ, случайныхъ пожертвованій. Но именно потому, что сочувствіе къ Славянамъ распространено въ *очень тѣсномъ кругу*, необходимость жертвованія ложится всею своею тяжестью на весьма незначительное число лицъ, искренно преданныхъ Славянскому дѣлу.

„Между тѣмъ было бы чрезвычайно полезно и важно, если бы Комитетъ могъ расширить размѣры своей дѣятельности. Жажда просвѣщенія возбуждена въ Болгарахъ съ неимоверною силой. Иезуиты искусно этимъ пользуются и доставляютъ имъ все способы ѣхать въ Парижъ или другіе города, въ полной увѣренности, что, воспитавшись во Франціи или Германіи, Болгары развѣдинятся духовно съ Россіей, а, слѣдовательно, и со своей народностью.

„Недавно въ Парижѣ съ цѣлью противодѣйствовать русскому вліянію въ Болгаріи и для распространенія въ ней католицизма учредилось общество, успѣвшее въ короткое время собрать громадныя средства, такъ что соперничать съ нимъ Славянскому Благотворительному Обществу не представляется возможности, если въ этомъ дѣлѣ не помогутъ ему все сочувствующіе интересамъ Русской и Славянской народности.

„Предложеніе участвовать въ пожертвованіяхъ для образованія Славянъ, въ то время, когда у насъ дома такъ мало сдѣлано для этой цѣли, можетъ показаться съ перваго взгляда неумѣстнымъ и каждый, повидимому, въ правѣ сказать, что намъ, Русскимъ, гораздо ближе позаботиться объ распространеніи отечественнаго образованія, чѣмъ думать теперь о Славянахъ.

„Но легко убѣдиться, что каждый, сочувствующій пробужденію Русскаго народа, не можетъ въ то же время оставаться безучастнымъ зрителемъ пробужденія единоплеменныхъ намъ Славянъ.

„Кому средства позволяютъ сдѣлать пожертвованія въ пользу отечественнаго образованія, того не разорить помощь, оказанная съ тою же цѣлью и въ пользу Славянъ. Вѣдь участвуемъ же мы иногда, по нѣскольку разъ въ годъ, въ подпискѣ на объѣды и подношенія при прощаніи каждому начальнику края, хотя бы онъ вовсе не заслуживалъ нашей признательности.

„Если мы находимъ средства для подобныхъ безцѣльныхъ манифестацій, то неужели для дѣла общаго, для дѣла народнаго не найдется у насъ лишней копѣйки?

„Пожертвованія, доставленныя изъ Терской области, кромѣ матеріальнаго пособія будутъ имѣть особенную важность въ дѣлѣ славянъ

какъ отголосокъ отдаленнаго конца Россіи и лучше всѣхъ воззваній могутъ содѣйствовать къ возбужденію общаго сочувствія.

„Пожертвованія будутъ отправлены въ редакцію Дня, изъ котораго заимствованы вышеприведенныя свѣдѣнія о Славянахъ для гг. офицеровъ Навагинскаго полка“.

Какъ видятъ читатели изъ вышеприведеннаго воззванія, Михайлъ Григорьевичъ еще задолго до Сербско-Турецкой войны среди трудовъ и опасностей боевой жизни былъ прекрасно освѣдомленъ о славянскихъ дѣлахъ и проявлялъ къ нимъ большой интересъ и вниманіе.

Блестящая эпоха покоренія Кавказа княземъ Барятинскимъ, военачальникомъ, одареннымъ сверхъ того даромъ государственной мысли, какимъ его считалъ Михайлъ Григорьевичъ, закончилась для послѣдняго полученіемъ полковничьяго чина и единовременнаго годового оклада жалованья.

Затѣмъ, предвидя, что наша граница при помощи оружія станетъ раздвигаться въ глубь средней Азіи, онъ, согласно желанію своему, былъ назначенъ исполняющимъ должность начальника Штаба оренбургскаго корпуса.

Въ 1864 году, будучи посланъ въ распоряженіе командира отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, онъ около двухъ лѣтъ провелъ въ степяхъ Средней Азіи. во главѣ маленькаго двухтысячнаго отряда. запечатлѣвъ свое пребываніе тамъ Ташкентской эпопей, стяжавшей ему всемірную извѣстность и навлекшую на него безпощадное преслѣдованіе тогдашняго всесильнаго министра Милютина. Вслѣдъ за производствомъ въ генералъ-маіоры и полученіемъ Георгія на шею и золотой сабли съ брилліантами за взятіе Ташкента, онъ былъ отставленъ отъ должности военнаго губернатора Туркестанской области, которую онъ началъ было устривать съ такимъ рвеніемъ и знаніемъ края и его населенія.

Пріѣхавъ въ Петербургъ и отправившись въ одиннадцатимѣсячный отпускъ за границу, когда онъ вернулся обратно, узналъ, что Критяне, желавшіе присоединенія къ Греціи, возстали противъ Турціи, сербскій же князь Михайлъ, войдя въ сношеніе съ первой, хотѣлъ приготовить общее возстаніе славянъ противъ Оттоманской имперіи.

Пользуясь нашимъ въ то время сильнымъ вліяніемъ въ Константинополь и тревожнымъ положеніемъ Турціи, князь Михаилъ сталъ домогаться освобожденія сербскихъ крѣпостей Смердова, Шабаци и Бѣлграда отъ турецкихъ гарнизоновъ. Турція принуждена была уступить, потребовавъ только какъ признакъ вассальнаго ей подчиненія, чтобы флагъ Оттоманской имперіи развѣвался рядомъ съ Сербскимъ надъ цитаделью Бѣлграда.

На Балканскомъ полуостровѣ готова была вспыхнуть война, отведенная русскимъ правительствомъ. Къ этому то тревожному времени и относится письмо Михаила Григорьевича къ князю Михаилу отъ 7-го Марта 1867 г., въ которомъ онъ предлагалъ князю свои услуги въ случаѣ войны.

Передать письмо по назначенію взялся бывший въ то время въ Петербургѣ сербскій артиллерійскій поручикъ Груичъ, впоследствии занимавшій мѣсто сербскаго посланника въ Россіи.

Князь Михаилъ по пріѣздѣ Груича въ Бѣлградъ сказалъ ему, что будетъ отвѣчать Михаилу Григорьевичу изъ Константинополя, куда собирается ѣхать. Дѣйствительно, оттуда онъ не замедлилъ прислать письмо Михаилу Григорьевичу черезъ наше посольство въ Константинополь въ Петербургъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Князь, благодаря Михаила Григорьевича за предложеніе своихъ услугъ въ случаѣ войны княжества съ Турціей, просилъ его взять отпускъ и пріѣхать въ Сербію, не подавая въ отставку.

Письмо это было въ министерствѣ вскрыто и Стремоуховъ передалъ его содержаніе Милютину, который, обрадовавшись случаю, немедленно доложилъ о немъ Государю. Къ счастью Михаилъ Григорьевичъ изъ предосторожности черновое письмо свое къ князю Михаилу показывалъ графу Шувалову, и Государю оно было уже извѣстно, почему при докладѣ Милютинъ онъ только небрежно сказалъ ему: „Ну, сдѣлай ему замѣчаніе“.

Тогда Милютинъ, призвавъ Михаила Григорьевича, назвалъ его измѣнникомъ, послѣ чего между ними произошла такая бурная сцена, что они больше никогда не видѣлись.

Послѣ этого Михаилъ Григорьевичъ подалъ въ отставку, получивъ половинный окладъ пенсіона, а именно 430 рублей въ годъ.

Хотя, какъ писалъ впоследствии Михаилъ Григорьевичъ, онъ никогда не смотрѣлъ на свою службу отечеству, какъ на средство существованія, всегда жертвуя личными и семейными интересами велѣніямъ долга, однако жить чѣмъ нибудь надо было. Двери же военного министерства, какъ онъ вполне основательно предвидѣлъ, были для него отселѣ закрыты.

Тогда онъ сталъ усердно готовиться къ экзамену на нотаріуса, который и сдалъ блестяще при Московскомъ окружномъ судѣ, немедленно утвердившемъ его въ этомъ званіи, въ предвидѣніи возможной помѣхи изъ Петербурга, откуда дѣйствительно была получена телеграмма, воспрещавшая состоявшееся утвержденіе.

Уже было нанято помѣщеніе подѣ контору Михаиломъ Григорьевичемъ, и многія торговыя фирмы Москвы пріостановили совершеніе своихъ сдѣлокъ, предполагая оформить ихъ въ нотаріальной конторѣ покорителя Ташкента. Успѣхъ дѣла и матерьяльное благосостояніе казалось обеспеченнымъ.

Въ это время онъ получаетъ отъ графа Шувалова письмо, черезъ жандармскаго генерала Слезкина слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ, узнавъ изъ Московскихъ Вѣдомостей о томъ, что вы желаете сдѣлаться публичнымъ нотаріусомъ, приказалъ мнѣ предупредить васъ, что Его Величество признаетъ избранное Вами занятіе не соответствующимъ прежнему Вашему служебному положенію“.

Положеніе же Михаила Григорьевича становилось отчаяннымъ, такъ какъ онъ только что женился, пенсіи же ему было назначено всего 430 р. въ годъ.

Тогда со свойственной ему горячностью, онъ немедленно собрался въ Петербургъ, не внявъ совѣту М. Н. Каткова обождать и вести переговоры изъ Москвы.

Въ Петербургѣ онъ отправился, разразившись филиппикой, къ графу Шувалову, обѣщавшему доложить обо всемъ Государю, а затѣмъ къ князю Горчакову, который сказалъ что онъ сегодня же сдѣлаетъ запросъ въ Государственномъ совѣтѣ, что все это значить.

Графъ Шуваловъ, будучи тогда въ контрахъ съ Милютинимъ хотѣлъ устроить Михаила Григорьевича при графѣ Валуевѣ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но Государь съ этимъ не согласился и Михаилу Григорьевичу было предложено поступить на военную службу.

Тогда онъ снова облекся въ мундиръ, получивъ прежнее содержаніе и состоялъ сначала въ распоряженіи командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа, графа Берга, а затѣмъ графа Коцебу.

Въ этомъ положеніи, не соотвѣтствовавшемъ ни его боевому прошлому, ни его дѣятельной натурѣ онъ дотянулъ до 1875 г. когда опять вышелъ въ отставку и сталъ издавать *Русскій Миръ*. Газета эта въ предѣлахъ Оттоманской Имперіи за сочувствіе славянамъ была строго воспрещена, а у насъ, въ Россіи подверглась непрерывнымъ репрессіямъ со стороны графа Тимашева.

Русскій Миръ своимъ направленіемъ и интересными корреспонденціями изъ Босніи и Герцеговины, гдѣ кипѣло возстаніе противъ вѣковаго гнета Турокъ, сталъ пользоваться успѣхомъ, приобрѣтя большое по тому времени количество подписчиковъ.

Но Михаилу Григорьевичу показалось мало перомъ защищать славянское дѣло, онъ поѣхалъ въ Сербію и сталъ во главѣ ея военныхъ силъ, оставивъ Русскій Миръ на попеченіи Н. О. Берга, къ сожалѣнію, провалившаго газету.

Къ пребыванію Михаила Григорьевича на позиціяхъ во время сербско-турецкой войны относятся почти всѣ письма князя Милана, вырисовывающія ихъ отношенія.

Присутствіе Государя на войнѣ Михаилъ Григорьевичъ считалъ благотворнымъ только тогда, когда на подобіе Цезаря, Густава Вазы, Петра Великаго или Наполеона онъ самъ руководитъ сраженіемъ, самъ принимаетъ въ немъ непосредственное участіе въ качествѣ главнокомандующаго, иначе это становится только стѣснительнымъ.

И вотъ, князь Миланъ на основаніи совпаденія, или зная мнѣніе по этому важному вопросу Михаила Григорьевича, освѣдомляется—желательно ли ему присутствіе его въ станѣ сербскихъ воиновъ.

По прїѣздѣ своемъ въ Сербію въ 1876 г. Михаилъ Григорьевичъ засталъ князя и супругу его, славившуюся своей красотой, совершенно юными. Кн. Милана онъ считалъ очень умнымъ: хорошимъ политикомъ, *sans foi et loi*, супругу же его женщиной болѣе чѣмъ ограниченной.

Во время войны она стала во главѣ оппозиціонной, мирной партіи и однажды на большомъ обѣдѣ, гдѣ былъ и Михаилъ Григорьевичъ, стала говорить въ этомъ духѣ. Кн. Миланъ рѣзко оборвалъ ее, сказавъ, что, когда чуть ли не подъ стѣнами Бѣлграда льется кровь за свободу Сербіи, здѣсь не мѣсто говорить противъ войны. Княгиня ударилась въ слезы и вышла изъ за стола.

Въ 1878 г. по умиротвореніи Балканскаго полуострова, Михаилъ Григорьевичъ снова прїѣзжалъ въ Сербію съ цѣлью провести тамъ французскую желѣзно-дорожную концессию Бонту, желая оградить молодое королевство отъ экономическаго порабоженія его Австріей, но предпріятіе его, къ сожалѣнію, успѣха не имѣло.

Князя Милана и супругу его Михаилъ Григорьевичъ нашелъ очень возмущавшими. При дворѣ царило тогда безцеремонность, допускавшая кавалеровъ во время котильона ударять кнутами убѣгавшихъ дамъ, среди которыхъ особеннымъ весельемъ отличалась, молодая, но значительно огрубѣвшая королева.

Къ 1885 г. относится полное горечи обращеніе Михаила Григорьевича къ королю Милану, когда этотъ послѣдній объявилъ болгарамъ братоубійственную войну, послѣ присоединенія ими къ своему государству Восточной Румеліи.

За годъ до кончины Михаила Григорьевича, въ 1897 г. С. Д. Груичъ*) будучи сербскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, всегда съ глубокой благодарностью и вниманіемъ относившійся къ Михаилу Григорьевичу, по случаю исполнившагося 35-лѣтія его служенія въ рядахъ русской арміи, передалъ ему портретъ съ автографомъ несчастнаго короля Сербіи, Александра.

*) Въ 1857 г. онъ будучи поручикомъ передалъ князю Михаилу письмо Михаила Григорьевича, повлекшее на него громы Милютина.

Благодарственнымъ письмомъ Михаила Григорьевича королю Александру за этотъ знакъ вниманія, вызванный по иниціативѣ почтеннѣйшаго С. Д. Груича, заканчивается переписка главнокомандующаго сербской арміей съ властителями Сербіи.

Антонина Черняева.

Тубыцки. Сентябрь 1913 г.

La lettre de M. Tcherniaeff au prince Mikhail de Serbie.

Altesse Sérénissime

Animé du désir de me vouer à la grande cause dont V. A. est le représentant et le défenseur et osant espérer que Vous ne refuserez l'offre de mes services, je viens les mettre à la disposition de V. A. prêt à passer en Serbie immédiatement sans considération de paix ou de guerre. L'enthousiasme étant l'unique modèle de ma démarche, V. A. peut être assurée qu'Elle trouvera en moi un serviteur zélé et fidèle n'ayant d'autre désir que celui de se rendre utile au pays en exécutant les vœux de V. A.

J'ai l'honneur d'être de V. A. S.

le très humble et très obeissant serviteur

M. Tcherniaeff.

7 Mars 1867.

Les lettres de prince Milan de Serbie à M. Tcherniaeff.

Belgrade ce 5 Juin 1876.

Mon cher Generale,

Très confidentielle.

Je profite du départ du colonel Protic pour remplir ma promesse à votre égard. Si je ne vous ai écrit plus tôt, c'est que je n'avais rien de bien positif à vous dire; tout ce que je vous aurai dit eut été très sujet à caution. La situation n'est tirée au clair que depuis ce matin. Comme vous le savez ou ne le savez pas (car je ne puis me souvenir si vous étiez encore ici à ce moment) le grand vizir m'a télégraphié direc-

Письмо М. Г. Черняева къ сербскому князю Михаилу.

Ваша Свѣтлость,

Воодушевленный желаніемъ посвятить себя великому дѣлу, котораго Вы являетесь представителемъ и защитникомъ, смѣю надѣяться, что Вы не откажетесь отъ предложенія моихъ услугъ и прошу Вашу Свѣтлость располагать мною и моею готовностью явиться въ Сербію немедленно, какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

Энтузіазмъ служить къ этому единственной причиной на основаніи которой Вы, Ваша Свѣтлость, можете убѣдиться, что найдете во мнѣ ревностнаго и вѣрнаго слугу, одушевленнаго единственно желаніемъ принести странѣ пользу, исполняя волю Вашей Свѣтлости.

Имѣю честь быть Вашей Свѣтлости
всепреданный слуга

М. Черняевъ.

7-го Марта 1867 г.

Письма князя Милана сербскаго къ М. Г. Черняеву.

Бѣлградъ. 5-го Іюня 76.

Дорогой генераль,

Очень секретно.

Пользуюсь отъѣздомъ полковника Протича чтобы исполнить относительно Васъ свое обѣщаніе. Я не писалъ Вамъ раньше, не имѣя ничего положительнаго, сообщить Вамъ. Все, что я могъ бы Вамъ сообщить, очень сомнительно. Положеніе разъяснилось только сегодня утромъ. Вы, можетъ быть, уже знаете или еще не знаете (не могу вспомнить, были ли Вы еще здѣсь въ это время), что великій

tement pour me demander des explications sur le but et le motif de nos armements. Je lui ai répondu d'une façon assez évasive, en ajoutant toute fois que j'avais décidé d'envoyer à Constantinople un envoyé dans le but de mettre nos rapports sur un pied amical (!). Tout ceci naturellement pour gagner du temps. Je me proposais de demander par une lettre qu'aurait remise cet envoyé, l'autorisation d'entrer en Bosnie, de créer un état de choses stable et de garder la Bosnie pour nous aux mêmes conditions que la Serbie, c'est à dire en respectant l'intégrité de l'empire et en payant un tribut.

Pendant que le fil électrique portait cette dépêche à Constantinople, un autre envoyé partait pour Venise, où il devait s'aboucher avec Banko Radivoi sénateur Monténégrin à l'effet d'échanger les ratifications de notre traité. J'ai le plaisir de vous annoncer, mon général que le traité a été signé. D'après un article du traité, aucune partie contractante ne peut agir séparément. Nous avons donc proposé au Monténégro de faire la même chose que nous, c'est à dire d'expédier aussi un envoyé à Constantinople pour demander l'autorisation d'entrer en Herségowine. Ce n'est pas que nous eussions espéré un seul instant que la Porte prêterait une oreille favorable à nos propositions, mais nous considérons comme plus digne de ne pas tomber en Turquie comme des bandits sans avoir amené à l'avance une rupture sur le terrain diplomatique, et puis nous croyions qu'il n'était pas de notre intérêt d'effrayer l'Europe en prenant à parti l'intégrité de l'Empire. Mais le Monténégro se refuse d'adhérer à cette entrée en matière et aujourd'hui nous avons déjà depeché à Zettinié pour annoncer que nous avons abandonné le projet d'envoyer quelqu'un en mission auprès de la sublime Porte. Il s'agit maintenant de trouver un prétexte pour excuser devant les yeux de l'Europe le changement qui s'est opéré dans nos intentions. En même temps nous nous occupons de trouver la manière d'entrer en matière; c'est à dire devons nous purement et simplement déclarer la guerre à la Turquie, se basant sur la présence des troupes turques le long de nos frontières et sur nos devoirs et obligations vis à vis de nos frères opprimés, faut-il peut-être formuler par télégraphe et demander à la Porte la cession de la Bosnie, qu'elle refusera naturellement, et entrer vingt quatre heures après avec nos troupes sur le territoire ottoman. Comme Prince je crois que cette dernière hypothèse est plus sage; comme homme je préfère la première. Mais en un mot tout ceci est une question de détail; l'important c'est que la guerre est décidée et bien décidée. (Je veux dire par là que les moins belliqueux du ministère y sont aussi décidés car, quant à moi, vous savez, je l'espère, il y a longtemps que je

визирь мнѣ лично телеграфировалъ, спрашивая объясненій о цѣли и причинѣ нашихъ вооруженій. Я отвѣтилъ ему довольно уклончиво, прибавивъ однако, что намѣреваюсь послать въ Константинополь посланнаго для установленія между нами дружескихъ отношеній (!) Все это я сдѣлалъ, конечно, для того, чтобы выиграть время. Я предполагалъ просить въ письмѣ своемъ, которое передалъ бы этотъ посланный, разрѣшенія вступить въ Боснію, положить основаніе прочному положенію дѣлъ и оставить за собой Боснію на тѣхъ же условіяхъ какъ и Сербію, то есть, соблюдая цѣлость имперіи, и платя дань. Пока телеграфъ передавалъ вышеозначенную депешу въ Константинополь, мною былъ отправленъ гонецъ въ Венецію, который долженъ былъ вести переговоры съ Банко Радивоемъ, черногорскимъ сенаторомъ съ тѣмъ, чтобы обмѣняться ратификаціей нашего договора. Съ удовольствіемъ могу Вамъ сообщить, что договоръ былъ подписанъ. По одной изъ статей договора ни одна изъ договаривающихся сторонъ не можетъ дѣйствовать отдѣльно.

Поэтому мы предложили Черногоріи сдѣлать то же, что и мы, то есть отправить гонца въ Константинополь и просить разрѣшенія вступить въ Герцеговину. Мы ни единой минуты не предполагали, что Порта выслушаетъ благосклонно наши предположенія, но мы считаемъ достойнѣе не нападать на Турцію какъ разбойники, а предварительно подготовить почву дипломатическаго разрыва. Кромѣ того мы считаемъ несогласнымъ съ нашими интересами пугать Европу, нарушая неприкосновенность Имперіи. Но Черногорія отказалась присоединиться къ намъ, выдвинувъ этотъ поводъ къ войнѣ, и потому сегодня мы послали депешу въ Цетинье, сообщающую, что мы отказались отъ намѣренія послать кого либо для переговоровъ съ блистательной Портой. Теперь необходимъ предлогъ, извиняющій въ глазахъ Европы перемѣну, происшедшую въ нашихъ съ ней отношеніяхъ. Одновременно мы изыскиваемъ предлогъ къ наступленію, колеблясь въ выборѣ одного изъ двухъ способовъ: то есть, должны ли мы просто на просто объявить войну Турціи, основываясь на присутствіи ея войскъ вдоль нашей границы, и на нашемъ долгѣ, и обязанности къ нашимъ угнетеннымъ братьямъ или, можетъ быть, намъ слѣдуетъ заявить наши требованія по телеграфу, прося Порту уступить Боснію, что, конечно, она откажетъ и тогда черезъ 24 часа вступить съ нашими войсками въ предѣлы Оттоманской имперіи. Въ качествѣ князя, считаю послѣдній способъ разумнѣе, какъ человѣкъ, предпочитаю первый.

Однако, все это только подробности, главное заключается въ томъ, что война *рѣшена и рѣшена безвозвратно*. Этимъ я хочу сказать, что

suis décidé, coûte, que coûte à la guerre, et que je n'aurais, comme je vous l'ai dit dans nos conversations, reculé que devant une intervention militaire, non sur papier mais en réalité.) C'est pourquoi j'ai donné ce soir même les ordres de concentration et mobilisation (sauf la brigade de II cl. l'escadron et la batterie du district de Belgrade. que je réserve pour le dernier moment, car je veux tenir le plus secret possible notre concentration).

J'espère, mon général, que vous ne m'en voudrez pas de ce que je vous ai prié de n'annoncer à personne de vos amis notre intention ferme et arrêtée, car je désire, si c'est possible, que tout soit fait secrètement, et qu'au dernier moment l'Europe soit réveillé par la nouvelle que le Prince Nicolas et le Prince Milan, se tendant la main, marchent pour la libération de leurs frères opprimés, ce qui me fait espérer que notre entente empêchera l'Europe d'intervenir et que la Russie sera plus favorable à ce mouvement que s'il était entrepris par une seule des principautés slaves.

Ce qui va malheureusement mal c'est l'argent, dont nous manquons presque totalement. Mais à la guerre comme à la guerre. La loi sur les réquisitions, l'émission de papier monnaie, espérons le patriotisme réveillé au moment du danger et les sympathies du monde slave nous aideront. Je termine ma lettre, que vous lirez difficilement grâce à mon écriture déplorable, en comptant sur vous, mon cher général, pour prendre toutes les mesures énergiquement pour préparer le succès.

Depêchez au général Nowossielow (si je ne me trompe?) que je l'accepterai avec plaisir au service. Que dites vous de la mort de Hussein Avni? Je crois que nous ne pouvons que nous en féliciter Il est remplacé au ministère de la guerre par le sardar Wrem Abdul Kérim pacha.

Quant à moi, j'espère vous rejoindre dans une dizaine ou douze jours.

Recevez l'assurance de mes meilleurs sentiments.

M. M. O.

La Princesse vous fait ses compliments.

члены министерства, наименѣе воинственно настроенные, тоже рѣшились воевать, что же меня касается, то Вы, надѣюсь, знаете, что я давно стою за войну и отступаю отъ своего желанія, какъ я уже Вамъ говорилъ, только въ виду посторонняго военнаго вмѣшательства въ дѣйствительности, а не на бумагѣ только.

Поэтому сегодня я отдалъ приказъ стягивать и мобилизовать войска (за исключеніемъ бригады II-го разряда и эскадрона и батареи бѣлградскаго округа, предназначаемыхъ мною къ мобилизаціи въ послѣдній моментъ, потому что я хочу, чтобы наша мобилизація хранилась въ тайнѣ какъ можно дольше).

Надѣюсь, что Вы не претендуете на меня за то, что я просилъ Васъ не сообщать никому изъ Вашихъ друзей о нашемъ твердомъ и непоколебимомъ намѣреніи. Я желаю, по мѣрѣ возможности, чтобы все было совершенно тайно и чтобы Европа только въ послѣдній моментъ была пробуждена извѣстіемъ, что князь Николай и князь Миланъ, протянувъ другъ другу руки, идутъ освобождать своихъ угнетенныхъ братьевъ? Я надѣюсь, что наше соглашеніе воспрепятствуетъ вмѣшательству Европы, а Россія болѣе благосклонно отнесется къ этому движенію, нежели когда оно будетъ предпринято отдѣльно однимъ изъ славянскихъ княжествъ. Къ несчастію, денегъ у насъ совсѣмъ нѣтъ. Но, какъ говорится въ пословицѣ: *à la guerre comme à la guerre*. Военные налоги, выпускъ бумажныхъ денегъ, надежда на проснувшійся патріотизмъ во время опасности и наконецъ сочувствіе славянскаго міра, все это, вмѣстѣ взятое, надѣюсь, послужитъ намъ поддержкой. Это письмо, которое Вы прочтете съ трудомъ, изъ за моего дурного почерка, оканчиваю съ надеждой, что Вы энергично примете. дорогой генераль, всѣ мѣры, обезпечивающія успѣхъ.

Пошлите депешу генералу Новоселову (если не ошибаюсь) что я принимаю его съ удовольствіемъ на службу. Что Вы скажете о смерти Гуссейнъ Авни? Думаю, что мы можемъ этому только радоваться. Онъ замѣщенъ въ военномъ министерствѣ сардаремъ Абдуль-Керимъ пашей.

Думаю пріѣхать къ Вамъ дней черезъ десять или двѣнадцать.

Примите выраженіе моихъ лучшихъ чувствъ.

М. М. Обреновичъ.

Княгиня шлетъ Вамъ свой привѣтъ.

Mon cher général,

Après la brillante victoire que vous avez remportée après 6 jours de privations, de fatigue, de combat, le 12 de ce mois devant Alexinatz, je remplis un devoir en vous offrant mes félicitations les plus cordiales, l'expression de ma plus profonde reconnaissance et en vous priant d'accepter comme un faible témoignage de ma gratitude, que ressent aussi aujourd'hui toute l'armée Serbe pour son illustre chef, les insignes ci joint de la croix de Takowo, qui se porte au cou.

Votre sincèrement reconnaissant et affectionné

M. M. Obrenovitsch.

Belgrade.

13 Aout 1876.

Belgrade, ce 18 Aout 1876.

Mon cher général,

Je ne sais vraiment comment commencer ma lettre. Dois-je d'abord vous adresser mes plus sincères félicitations sur les résultats que vous avez obtenu devant Alexinatz, avec des troupes telles que celles dont vous disposez, ou dois-je vous adresser de longs reproches sur votre silence bien plus long encore à mon égard.

Je viens de recevoir à l'instant votre télégramme m'annonçant que les Turcs se retirent de toutes leurs positions sur la rive droite de la Morawa. Le télégramme du général Komaroff à Ristic au sujet du correspondant du „Pester Lloyd“ dit aussi que c'est sur la rive gauche qu'ils se concentrent. Je considère ce mouvement des Turcs comme ayant pour but de brûler et de piller le plus de villages possibles dans l'arrondissement de Boulgar Morawa et dans le district de Krouchematz, car je ne crois pas qu'ils essayent de tourner Mesinatz en se dirigeant sur Gicunis. Leur mouvement de retraite de Kniajewatz et changement d'opérations de la vallée du Timok dans celle de la Morawa est pour moi une preuve, que n'ayant pas de train mobile ils ne peuvent guère s'aventurer dans l'intérieur de la Serbie, ce qui du reste serait le cas pour nous.

Дорогой Генераль,

Послѣ блестящей побѣды, одержанной Вами 12-го числа сего мѣсяца подъ Алексинцемъ, послѣ шестидневныхъ лишеній, трудовъ и брани, я исполняю свой долгъ, посылая Вамъ самыя сердечныя поздравленія вмѣстѣ съ выраженіемъ моей наиглубочайшей благодарности. Прошу Васъ принять прилагаемые знаки ордена Такова на шею, какъ скромное свидѣтельство моей признательности, которой нынѣ проникнуто все Сербское войско къ своему славному военачальнику.

Искренно признательный и благодарный

М. М. Обреновичъ.

Бѣлградъ.

13-го Авг. 1876 г.

Бѣлградъ 18 Августа 1876 г.

Дорогой генераль,

Право, не знаю съ чего начать свое письмо. Выразить ли мнѣ Вамъ свои искреннія поздравленія за результаты побѣды, одержанной Вами подъ Алексинцемъ, съ тѣми войсками, которыми Вы располагали или обратиться къ Вамъ съ длинными упреками за Ваше молчаніе особенно для меня тягостное.

Только что получилъ Ваше сообщеніе по телеграфу. что Турки на правомъ берегу Моравы отступаютъ со всѣхъ своихъ позицій. Генераль Комаровъ въ телеграммѣ Ристичу относительно корреспондента „Pester Lloyd“ тоже говоритъ, что они сосредоточиваютъ свои силы на лѣвомъ берегу. Я не думаю, чтобы Турки попытались обойти Мессинацъ и двинуться на Жикунисъ, а потому мнѣ кажется, что они предприняли это движеніе съ цѣлью *сжечь и разрабить* наибольшее количество деревень въ округахъ Бургесъ-Морава и въ Кращевачкомъ уѣздѣ. Направленіе ихъ отступленія изъ Княжевица и перенесеніе военныхъ движеній изъ долины Тимока въ долину Моравы служить для меня доказательствомъ, что у нихъ нѣтъ подвижного состава и потому они не могутъ двинуться внутрь Сербіи, что для насъ вполне возможно. Считаю своимъ долгомъ, дорогой генераль, выразить Вамъ при этомъ

Du reste, mon cher général, je considère comme un devoir de vous exprimer toute mon admiration de ce que vous aviez prévu la chose et que vous aviez concentré vos troupes à Déligrade. Les opinions sur l'attaque probable des Turcs étaient très partagées et pas mal de monde considèrait comme probable l'attaque de Loukowo. Vos prévisions ont été accomplies et c'est Mesinatz que les Turcs ont choisi, comme vous l'aviez prévu.

Maintenant, mon cher général, permettez moi aussi de vous adresser des reproches, pour le télégramme que vous avez adressé à Ristic, lui disant qu'il était nécessaire de travailler à l'armistice. Pourquoi ne pas me l'avoir adressé à moi? Ne vous aurait-on pas, peut-être dit, que je m'occupais peu d'affaires étant préoccupé par l'état de ma femme? N'étiez vous pas peut-être froissé de ce que j'avais laissé vos deux lettres envoyées l'une par le pauvre capitaine Dmitrieff et l'autre par Laurentieff, sans reponse? Je vous prie de me dire la chose franchement sans détours, car je vous avouerai que j'ai été peiné de ceci. Connaisant vos sentiments pour la cause serbe et slave et pour moi, j'aurai préféré que vous vous adressiez à moi. Je ne dit pas pour cela que vous ne pouviez pas vous adresser aussi aux ministres, car à mon avis, ce sont les seuls aujourd'hui qui peuvent être utiles à la cause. Les autres hommes d'état ou soi disant tels en Serbie ont tout aussi peur des Tcherkesses que les bataillons Voscharewatz qui fuient devant dix de ces sauvages. Le ministère actuel qui a une certaine responsabilité d'avoir été au pouvoir lors de la declaration de la guerre a un certain intérêt à ne pas travailler à la paix quelle qu'elle soit. Si nous voulons donc continuer la lutte, ce qui à mon avis, est absolument nécessaire, si pas peut-être pour la Serbie, mais pour la sainte et noble cause slave, le ministère actuel est le seul qui aura assez de feu en soi pour combattre le courant pacifique qui tend à se former dans l'opinion publique. Je vous prie instamment, mon cher général, de me mettre au courant de la situation. Faut il à votre avis travailler ou non à la paix. L'armistice serait bon pour pouvoir se réorganiser, mais il sera, je crois, difficile à obtenir et pourrait bon gré, mal gré nous mener à la paix? De votre reponse dependra ma conduite, la démarche que j'ai fait auprès des puissances n'engage encore à rien, j'ai demandé simplement les bons offices des puissances pour la cessation des hostilités. Ceci est très vague comme vous voyez. J'ai déclaré en outre qu'une cessation partielle entre la Serbie et la Turquie ne servirait à rien si elle ne comprenait pas aussi le Monténégro, et ceci j'ai dit avec l'assentiment du prince Nicolas. Vous pouvez tout de suite voir qu'on peut trouver des batons à

свое восхищеніе потому, что Вы это предвидѣли и сосредоточили Ваши войска у Делиграда. Мнѣнія, относительно предполагаемыхъ атакъ Турокъ, были очень разнообразны и многіе считали возможной атаку со стороны Лукова. Турки же, согласно Вашимъ предположеніямъ, выбрали Месинацъ. Теперь, дорогой генераль, позвольте упрекнуть Васъ за телеграмму, посланную Ристичу, въ которой Вы говорите о необходимости добиться перемирія. Почему Вы не отправили мнѣ этой телеграммы? Не сказали ли Вамъ, что, будучи озабоченъ состояніемъ здоровья жены моей, я мало занимаюсь дѣлами? Быть можетъ, Вы обидѣлись на меня за то, что я не отвѣтилъ на Ваши два письма, доставленныя мнѣ бѣднымъ капитаномъ Дмитриевымъ и Лаврентьевымъ. Сознаюсь, что это меня огорчило, и прошу отвѣтить мнѣ совершенно откровенно. Зная Ваши чувства къ судьбамъ Сербіи и Славянства и ко мнѣ лично, я предпочелъ бы чтобы Вы обратились прямо ко мнѣ. Это не помѣшало бы Вамъ обратиться также къ министрамъ, тѣмъ болѣе, что по моему мнѣнію только они могутъ принести пользу этому дѣлу. Другіе государственные мужи Сербіи, или мнѣніе себя таковыми, такъ же боятся Черкесовъ, какъ Вашаревацкіе батальоны, обращаемые въ бѣгство десяткомъ этихъ дикарей. Теперешнее министерство, на которомъ лежитъ часть отвѣтственности за настоящую войну, будучи у власти до ея объявленія, не имѣетъ основаній содѣйствовать миру, каковъ бы онъ ни былъ. По моему мнѣнію, продолженіе борьбы необходимо, если не собственно для Сербіи, то за святое и правое дѣло защиты Славянства и потому, если мы желаемъ ея продолженія, то только въ настоящемъ министерствѣ можно почерпнуть силу, необходимую для противодѣйствія мирному теченію, начинающему проявляться въ общественномъ мнѣніи. Настоятельно прошу Васъ, дорогой генераль, сообщить мнѣ все, касающееся настоящаго положенія. Слѣдуетъ ли по *Вашему* мнѣнію добиваться мира или нѣтъ? Отъ Вашего отвѣта будутъ зависѣть мои дальнѣйшія дѣйствія. Мое обращеніе къ державамъ еще рѣшительно ни къ чему не обязываетъ. Я просилъ только благосклонной помощи державъ относительно *прекращенія враждебныхъ дѣйствій*. Это, какъ видите, очень неопредѣленно. Кромѣ того, я объявилъ, что частичное прекращеніе военныхъ дѣйствій между Сербіей и Турціей ни къ чему не приведетъ, если сюда не будетъ включена Черногорія, сказавъ это съ согласія кн. Николая. Вы видите, что при желаніи можно немедленно найти предлогъ затормозить дѣло. Но мнѣ хотѣлось бы знать Ваше мнѣніе относительно всего этого. Поэтому, дорогой генераль, нисколько не претендуя на Васъ за Ваше молчаніе, я прошу Вашего совѣта. Надѣюсь, что и Вы, если думаете, что у Васъ есть основаніе имѣть относительно меня какое либо

mettre dans les roues, si on le désire. Mais je voudrais avoir votre opinion au sujet de toutes ces choses. Donc, mon cher général, loin de vous en vouloir pour votre silence, je viens vous demander un conseil; j'espère qu'à votre tour, si vous croyez que vous avez quelque raison de m'en vouloir, (ce que j'espère ne pas être) vous n'y penserez pas même et que vous me répondrez avec franchise. Si vous le jugez nécessaire, je crois qu'il serait bon d'ici à quelques jours, quand la situation sera éclaircie, d'envoyer un homme de confiance à vous à Petersbourg et Moscou auprès des comités slaves, qui nous aident tant pour atténuer le mauvais effet produit par la demande d'armistice. Je vois avec peine le nombre des officiers Russes diminuer après chaque bataille. Ce que je vois avec plus de peine encore c'est les intrigues qui se font contre eux. Exprimez leurs toute mon admiration et ma reconnaissance pour leur courage et leur dévouement et faites en sorte que ces petites misères ne les impressionnent pas trop.

Le capitaine Ghika me dit qu'il y a beaucoup de soldats qui se blessent eux mêmes. Prenez, mon cher général, toutes les mesures, même les plus sévères et surtout sévères, dirai je, contre eux. Je vous prie de m'envoyer la liste des officiers que vous avez décoré de la croix pour que je publie les décrets dans le journal officiel. Je désirerai beaucoup dans quelques jours retourner vous voir. Veuillez me tenir aussi votre opinion à ce sujet très franchement, s'il est bien et utile que je vienne et où dois je venir.

Soyez convaincu, mon cher général, de mes sentiments d'inaltérable amitié et reconnaissance.

Votre sincèrement reconnaissant.

M. M. Obrénovitch.

Mon cher Général,

Le d-r Wladan Georgewic partant demain matin pour retourner à Deligrad, je vous écris quelques mots à la hâte pour vous accuser réception de la lettre confidentielle, que vous m'avez envoyée par lui. Je regrette, mon cher Général, de ne pas pouvoir vous accorder mon consentement pour l'acte important que vous projetiez.

Ce n'est pas que j'y sois en principe contraire, mais je ne considère pas le moment comme favorable. Maintenant, et vous partagez mon avis en ceci, ce qui nous est absolument nécessaire, tant pour réorganiser

неудовольствіе (чего, надѣюсь, нѣтъ въ дѣйствительности), оставите это совершенно и отвѣтите мнѣ съ полной откровенностью. Если Вы найдете нужнымъ, по моему мнѣнію, было бы хорошо черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ положеніе разъяснится, послать вѣрнаго Вамъ человѣка въ Петербургъ и Москву, въ Славянскіе комитеты, которые принесли намъ много пользы, смягчая дурное впечатлѣніе, вызванное просьбой перемирія. Съ горестью вижу, какъ послѣ каждой битвы уменьшается число русскихъ офицеровъ. Интриги, направленныя противъ нихъ производятъ на меня еще болѣе тягостное впечатлѣніе. Выразите имъ мой восторгъ и мою благодарность за ихъ отвагу и самоотверженіе и постарайтесь ослабить впечатлѣніе направленныхъ противъ нихъ мелочныхъ интригъ.

Капитанъ Гика сказалъ мнѣ, что многіе солдаты сами себя ранятъ. Примите, дорогой генераль, самыя строгія мѣры противъ этого, особенно строгія лично противъ провинившихся. Пришлите мнѣ, прошу Васъ, списокъ офицеровъ, награжденныхъ Вами крестомъ, чтобы можно было напечатать приказы въ официальной газетѣ. Мнѣ очень хотѣлось бы черезъ нѣсколько дней возвратиться къ Вамъ. Пропу Васъ высказаться по этому вопросу, также совершенно откровенно, полезень ли будетъ мой прїездъ и куда именно мнѣ слѣдуетъ прїѣхать?

Примите увѣреніе дорогой генераль въ моей неизмѣнной дружбѣ и благодарности.

Искренно Вамъ благодарный.

М. М. Обреновичъ.

Дорогой генераль,

Пишу Вамъ спѣшно эти строки, въ отвѣтъ на довѣрительное конфиденціальное письмо Ваше, посланное Вами черезъ Владана Георгіевича, возвращающагося завтра въ Делиградъ. Сожалѣю, дорогой генераль, что не могу дать Вамъ своего согласія на совершеніе того важнаго шага, который Вы замыслили. Въ сущности, я ничего противъ него не имѣю, но считаю настоящій моментъ неблагоприятнымъ. Въ настоящее время, и Вы со мной согласились въ этомъ, намъ совершенно необходимо перемиріе для преобразованія арміи и пополне-

l'armée que pour se compléter en munitions, c'est un armistice. La proclamation d'indépendance de la Serbie serait un acte qui nous aliénerait assurément toutes les puissances et nous avons malheureusement besoin d'elles pour arriver au but désirable. Quant à la Russie, c'est encore une question de savoir si elle reconnaîtrait le nouvel état de choses en Serbie et si cela l'entraînerait à la guerre. Quelque fort que soit le courant de l'opinion publique en Russie, il ne faut pas oublier que c'est la volonté suprême de l'Empereur qui décide de questions aussi graves que celle là. Je ne doute pas que l'Empereur Alexandre, qui du reste l'a souvent prouvé, ne soit avisé des sentiments les plus amicaux pour la Serbie, mais si l'Europe toute entière se prononce contre une guerre Russe, je ne crois pas qu'il risque les chances de la guerre. Quant à moi personnellement, mon cher général, vous comprendrez que le projet en question pourrait me sourire, mais mon devoir vis à vis de mon pays m'impose de refuser absolument mon consentement à cet acte et de vous prier de ne pas donner suite à s'idée que vous aviez; d'autant plus qu'un acte aussi important dans la vie d'un peuple demande que le terrain soit préparé plus à cet effet et qu'il soit exécuté dans toutes les armées et dans le capitale à la fois. Du reste, mon cher général, comme je compte aller bientôt vous faire une visite à Déligrad dans le but de causer sur la situation générale je profiterai de cette occasion pour parler plus au long avec vous à ce sujet. En attendant recevez, mon cher général, l'assurance de mes meilleurs sentiments.

Votre sincèrement reconnaissant.

Belgrade

M. M. Obrénovitch.

ce 3 Sept. 1876.

Mon cher général.

Je charge mon ministre de la guerre, le colonel Nicolic, de vous expliquer les raisons qui rendent inacceptable de ma part la proclamation qui a été faite par l'armée de la royauté Serbe et de rechercher avec vous les moyens pour arranger la chose de façon à ménager les sentiments de l'armée et ceux des grandes puissances qui seraient contraires à l'inauguration d'un nouvel état de choses en Serbie; sans en excepter le gouvernement Russe qui y est catégoriquement opposé.

Je compte, mon général sur votre dévouement pour arranger le tout à l'amiable avec le colonel Nicolic et je regrette que des raisons

нія боевыхъ припасовъ. Объявленіе независимости Сербіи, безъ сомнѣнія, лишитъ насъ сочувствія всѣхъ державъ, которое намъ необходимо для достиженія желанной цѣли. Что же касается Россіи, то нельзя знать предварительно, признаетъ ли она новое положеніе въ Сербіи и объявитъ ли она войну. Какъ бы ни было сильно въ Россіи общественное сочувствіе въ нашу пользу, слѣдуетъ помнить, что такіе важные вопросы разрѣшаются верховной властью Государя. Я не сомнѣваюсь въ искреннемъ расположеніи Императора Александра къ Сербіи, неоднократно имъ уже доказанномъ, но если вся Европа выскажется противъ объявленія Россіей войны, не думаю, чтобы Онъ рискнулъ испробовать удачи войны.

Поймите, дорогой генераль, что мнѣ лично настоящій проектъ кажется привлекательнымъ, но обязанности, налагаемыя на меня управленіемъ страной, рѣшительно препятствуютъ мнѣ дать на это свое согласіе, и потому я прошу Васъ не проводить Вашей идеи, тѣмъ болѣе, что необходимо приготовить предварительно почву для приведенія въ исполненіе акта такой важности въ жизни народа, обнародованіе котораго должно совершиться одновременно во всѣхъ арміяхъ и въ столицѣ. Въ скоромъ времени я намѣренъ навѣститъ Васъ, дорогой генераль, въ Делиградѣ, и переговорить съ Вами о положеніи дѣлъ вообще, пользуясь случаемъ подробно обсудить съ Вами этотъ вопросъ, а пока примите, дорогой генераль, выраженіе моихъ дружескихъ чувствъ.

Искренно Вамъ благодарный.

М. М. Обреновичъ.

Бѣлградъ.

3-го Сент. 1876.

Дорогой генераль,

Поручаю моему военному министру Николичу объяснить Вамъ причины, которыя препятствуютъ мнѣ признать объявленіе независимости, провозглашенной королевской Сербской арміей. Я поручилъ ему одновременно придумать вмѣстѣ съ Вами способъ уладить дѣло, не затронувъ самолюбія арміи и великихъ державъ, не сочувствующихъ введенію новаго положенія въ Сербіи, не исключая и Русскаго правительства, которое положительно этому противится. Я полагаюсь на Вашу преданность, генераль, надѣясь, что Вы уладите все полюбовно съ полковникомъ Николичемъ и сожалью, что причины первостепен-

politiques de force majeure ne me mettent pas en mesure de profiter de la nouvelle preuve de dévouement que vous et votre armée m'avez donnée et sur laquelle je compterai à l'avenir.

Votre sincèrement reconnaissant.

Belgrade.

M. M. Obrénovitsch.

Ce 6 Sept. 1876.

Mon cher général,

Je recommande à votre bienveillance personnelle le porteur de la présente, mon oncle, Géorges Catargi, ancien colonel dans l'armée Roumaine, qui est venu, s'incorporer dans nos rangs. Mon oncle est ancien élève de S-t Cyr et a servi en Roumanie dans l'état major. Il se mettra à votre pleine et entière disposition pour tout dont vous le juger apte. Je vous écris rien au sujet de la politique, car l'horizon est toujours aussi nuageux qu'avant. Avant quelques jours il n'y aura, je suppose, rien de neuf.

Agréez mes sentiments amicaux.

Votre sincèrement reconnaissant.

11 Sept. 1876.

M. M. Obrenovitsch.

Mon cher général,

Lors de la bataille de Mramor le major Svetozar Nadjic ayant reçu deux blessures à la tête de la brigade de Tsimpria reçut de moi la promesse d'obtenir la croix de Takowo. Je vous prie de lui remettre une de ces deux croix; quant à l'autre, si vous jugez qu'il le merite, je vous prie de la remettre au docteur Georjevic porteur de cette lettre de ma part.

M. M. Obrenovitsch.

Sans date.

ной важности препятствуютъ мнѣ воспользоваться тою преданностью, которую Вы и Ваша армія мнѣ выказали и на которую я впредь буду разсчитывать.

Искренно Вамъ благодарный.

М. М. Обреновичъ.

Бѣлградъ.

6-го Сент. 1876 г.

Дорогой генераль.

Я препоручаю Вамъ лично, подателя письма этого, дядю моего. Георгія Катаржи, бывшаго полковника Румынской арміи, поступающаго теперь въ наши ряды. Дядя мой воспитывался въ Сень-Сирѣ и служилъ въ Румынскомъ генеральномъ штабѣ. Онъ выражаетъ готовность исполнять безпрекословно все, что Вы пожелаете ему поручить. Я не пишу Вамъ ничего о политикѣ, такъ какъ горизонтъ и теперь по прежнему мраченъ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, думаю, не произойдетъ ничего новаго.

Примите выраженіе моихъ дружескихъ чувствъ.

Искренно Вамъ благодарный.

М. М. Обреновичъ.

11 Сент. 1876.

Дорогой генераль.

Когда маіоръ Свѣтозаръ Наджичъ былъ дважды раненъ, команду Тсимпрійской бригадой, въ сраженіи при Мраморѣ, я объщалъ наградить его орденомъ Такова. Прошу Васъ, вручить ему одинъ изъ прилагаемыхъ крестовъ, другой же крестъ прошу передать доктору Георгіевичу подателю письма отъ меня, если Вы сочтете его достойнымъ этой награды.

М. М. Обреновичъ.

Confidentielle et personnelle.

Mon cher général,

Vous m'avez personnellement, depuis le commencement de nos relations, témoigné tant de dévouement et d'intérêt, que je crois pouvoir m'adresser à vous actuellement à propos de certaines affaires personnelles, étant convaincu d'avance, que vous voudrez bien garder à leur sujet le secret le plus absolu.

Différentes circonstances s'enchainant l'une à l'autre me font, actuellement personnellement un grand besoin d'argent. Ne vous serait-il pas possible par vos relations en Russie de me trouver un emprunt personnellement pour moi de 2 ou 3 cent mille roubles, qui pourrait être effectué dans un bref délai totalement ou en partie; et payables d'ici à 4 ou 5 ans avec intérêt qu'on désirerait, sur ma propre signature. Je vous prierai de me répondre le plus tôt possible car je dois vous avouer que la chose est très pressante pour moi. J'avais voulu vendre certaines propriétés à moi en Roumanie, mais dans la situation politique actuelle dans ce pays et dans la crise financière qui y regne, il est impossible de trouver des acheteurs.

Je vous prierai donc de me répondre le plus tot possible à ce sujet.

Croyez à mes sentiments d'amitié et d'estime.

Votre reconnaissant.

M. M. Obrenovitsch.

12 Sept. 1876.

Confidentielle.

Mon cher général,

J'accepte l'offre que vous me faites de mettre à ma disposition les quarante mille roubles, qui se trouvent chez Ephrussi. Je vous prierai de les faire adresser en papiers autrichiens à mon cousin Ephrem Germani à Belgrade. Il est inutile de faire ceci par télégraphe, mais faites écrire à Vienne. Quant aux conditions sous lesquels je disposerai de cet argent je vous écrirai dans quelques jours ou je vous en entretiendrai verbalement. Je vous serais très reconnaissant d'écrire en Russie pour l'autre affaire. En tout cas, je compte, mon cher général sur votre discrétion et vous prie de ne pas parler de ces affaires même à mon oncle M. Catargi, car je ne désire pas qu'il soit au courant. Dès que j'aurai reçu de Vienne l'argent, je vous écrirai.

Довѣрительно.

Дорогой генераль,

Съ самаго начала нашихъ отношеній Вы выказали мнѣ лично столько преданности и сочувствія, что я могу обратиться къ Вамъ въ настоящее время по своимъ личнымъ дѣламъ, при этомъ я увѣренъ, что Вы будете хранить это совершенно въ тайнѣ.

Силою различныхъ послѣдовательныхъ обстоятельствъ я поставленъ въ крайне затруднительное денежное положеніе. Не можете ли Вы въ скоромъ времени при помощи Вашихъ связей въ Россіи устроить для меня заемъ одновременно въ двѣсти или триста тысячъ рублей за просимые проценты, подъ обезпеченіе моей подписи при выплатѣ этого долга мною въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Прошу Васъ отвѣтить мнѣ какъ можно скорѣе, такъ какъ это дѣло очень спѣшно. Я хотѣлъ продать мои помѣстья въ Румыніи, но при настоящемъ тамъ политическомъ положеніи и финансовомъ кризисѣ, невозможно найти покупателя. Прошу Васъ поэтому отвѣтить мнѣ какъ можно скорѣе.

Вѣрьте моимъ чувствамъ любви и уваженія.

Благодарный Вамъ.

М. М. Обреновичъ.

12-го Сент. 1876 г.

Довѣрительно.

Дорогой генераль,

Принимаю Ваше предложеніе предоставить въ мое распоряженіе сорокъ тысячъ рублей, находящихся у Ефруси. Прошу Васъ, обмѣнявши эти деньги на австрійскія ассигнаціи, адресовать ихъ моему двоюродному брату Ефрему Жермани въ Бѣлградъ. Не телеграфируйте объ этомъ, а просто напишите въ Вѣну. Объ условіяхъ, на которыхъ я буду пользоваться этими деньгами, я напишу Вамъ черезъ нѣсколько дней или сообщу словесно.

Буду Вамъ очень благодаренъ, если Вы напишите въ Россію относительно другого дѣла. Во всякомъ случаѣ я полагаюсь, дорогой генераль, на Ваше молчаніе и прошу никому не говорить, даже дядѣ моему М. Катаржи, потому что не хочу чтобы онъ зналъ объ этомъ.

Vous m'écrivez longuement dans votre lettre au sujet de la royauté. Le prompt départ du capitaine Ghika m'empêche de vous reponqre longuement à ce sujet; j'attends aussi le retour de Monteverdo qui vous aura explique' les differents embarras dans lesquels je me trouve. J'espère qu'il vous aura bien fait comprendre que ce n'est pas moi qui jamais douterait des sentiments d'amitié de celui qui dirige si glorieusement nos troupes. Je ne suis pas animé de pussillanimité dans cette question. S'il s'agissait de moi seul je risquerais tout, mais ce qui me fait reculer c'est la crainte d'une responsabilité immense devant mon pays. Du reste ni vous ni moi ne devons désespérer. Nous sommes trop liés à une même cause pour ne pas espérer que par une entente franche et loyale ou moi j'accepterai vos idées, ou vous les miennes, ou nous trouverons un moyen pour concilier nos sentiments. Ma femme et moi vous remercions d'avoir pensé à nous pour le baptême de votre nouveau né. Je vous prie seulement de me faire savoir où se trouve en ce moment la générale et votre fils? quand doit avoir lieu le baptême. Je n'abuserai pas non plus de votre amabilité, j'espère, en vous priant de me désigner le nom qui vous conviendrait pour votre fils.

Croyez, mon cher general, à mes sentiments de sincère amitié et estime.

Votre reconnaissant.

M. M. Obrenovitsch.

Belgrade 15 Sept. 1876.

Je joins à ma lettre la copie de la note laquelle nous avons répondu aux consuls qui nous avaient communiqué la prolongation de l'armistice.

Belgrade ce 18 Sept. 1876.

Mon cher général.

Le It-colonel Monteverdo vient d'arriver. C'est par lui que je vous repondrai au sujet de la grande question. Je profite de cette occasion pour vous repondre à quelques autres affaires dont m'a parlé Monteverdo.

Quant à l'intendance, je sais qu'il y a du désordre, mais je crois être juste en attribuant ceci plutôt aux commissaires de brigade, au personnel de l'intendance dans l'armée, recruté parmi les fonctionnaires civils, gens ayant passé leur vie dans la bureaucratie, manquant totalement d'iniative et faisant leur devoir à contre coeur, qu'au major Giom-

Вы мнѣ пишете подробно въ письмѣ Вашемъ о королевствѣ. Быстрый отъѣздъ капитана Гики не даетъ мнѣ возможности отвѣтить Вамъ на это подробно. Ожидаю также отъѣзда Монтевердо, который объяснить Вамъ затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ я нахожусь. Надѣюсь, онъ объяснить Вамъ, что мнѣ невозможно сомнѣваться въ чувствахъ дружбы того, кто такъ доблестно и славно руководитъ нашими войсками. Не чувство малодушія побуждаетъ меня къ такому рѣшенію вопроса. Если бы дѣло касалось только меня лично, я рѣшился бы на все, но я отступаю въ виду страшной отвѣтственности передъ отечествомъ. Впрочемъ ни Вы, ни я не должны отчаиваться. Мы съ Вами слишкомъ связаны одними и тѣми же интересами и потому объяснившись откровенно можемъ надѣяться, что или я восприму Ваши мнѣнія, или Вы согласитесь со мною, или наконецъ мы придемъ къ взаимному соглашенію. Жена и я благодаримъ Васъ за то, что Вы вспомнили о насъ по случаю крестинъ Вашего новорожденнаго сына. Я прошу Васъ сообщить, гдѣ въ настоящее время находится генеральша и сынъ Вашъ, когда назначены крестины? Надѣюсь, что не злоупотреблю Вашей любезностью просьбой сообщить какимъ именемъ Вы намѣрены наречь Вашего сына?*)

Вѣрите, дорогой генераль, моей искренней дружбѣ и уваженію.

Бѣлградъ 15-го сент. 1876.

Благодарный Вамъ

М. М. Обреновичъ.

Присоединяю къ письму моему ноту, которую мы послали въ отвѣтъ консуламъ, сообщившимъ намъ о продолженіи перемирія.

Бѣлградъ, 18 Сент. 1876 г.

Дорогой генераль,

Подполковникъ Монтевердо только что пріѣхалъ. Черезъ него я и отвѣчу Вамъ на важный вопросъ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы отвѣтить Вамъ относительно нѣкоторыхъ другихъ дѣлъ, о которыхъ говорилъ мнѣ Монтевердо. Я знаю, что въ интендантствѣ безпорядокъ, однако мнѣ кажется, что по справедливости слѣдуетъ это приписать скорѣе бригаднымъ комиссарамъ, персоналу интендантства въ арміи, набраннаго изъ гражданскихъ чиновъ, проводшихъ жизнь въ канцеля-

*) Младшій сынъ Мях. Гр. Михаиль скончавшійся 8 лѣтъ отъ роду, воспріемникомъ котораго былъ кн. Миланъ.

ric que j'ai pu juger personnellement à l'oeuvre et qui est plein de bonne volonté.

Je ferai tout mon possible pour y remédier.

Quant aux munitions d'artillerie ce n'est pas la bonne volonté qui manque. J'ai donné l'ordre à Kragouevatz que tout ce qui y serait fabriqué vous soit immédiatement expédié, mais avec toute la bonne volonté on ne peut arriver qu'à faire journellement 350 projectiles. Dans une semaine ou deux j'espère qu'on pourra arriver à faire 3000 par jour, mais ce qui manque maintenant ce sont des machines et des ouvriers experts dans la fabrication et grâce aux embarras qu'on nous fait en Autriche et en Roumanie, il est très difficile de faire passer ces choses qui ont été commandées et même payées depuis assez longtemps.

En fait de nouvelles politiques, c'est l'arrivée à Vienne du général comte Soumarokow-Elston, envoyé par l'Empereur pour remettre une lettre à l'Empereur d'Autriche. Le but de sa mission est un mystère. On dit qu'il a été chargé de dire que l'Empereur Alexandre était le seul en Russie disposé à la paix et qu'il tiendrait ferme sa volonté. Mais ceci sont des cancanes des journaux autrichiens, ce n'est rien de positif. L'Angleterre est furieuse de votre refus d'accepter l'armistice dérisoire de huit jours que la Porte nous offrait si généreusement! Elle menace de se retirer des négociations pour la paix, croyant nous très effrayer! Comme si nous ne savions pas que le petit changement de sa politique est plus tôt provoqué par la crainte d'une guerre avec la Russie et par les embarras que lui causent intérieurement les meetings, que par une sympathie trop grande pour les Serbes.

Novossielow est revenu ici. On me dit qu'il ne veut pas aller à l'armée de l'Ibar. J'apprends que les Autrichiens ont donné l'ordre de masser plus de troupes sur notre frontière à cause de la proclamation.

Croyez à mes sentiments sincères d'amitié et d'estime.

Votre reconnaissant.

M. M. Obrenovitsch.

J'attends la réponse à la lettre ci incluse, personnelle par le porteur de la présente, mon officier d'ordonnance le s. lieu. Paonnowic.

M. M. O.

рiяхъ, людей безъ всякой иниціативы, исполняющихъ долгъ нехотя, нежели маіору Гiамичу преисполненному усердія, о которомъ могу судить по личному наблюденію. Для улучшенія этого вопроса употреблю всѣ усилія.

Это же касается артиллерійскихъ снарядовъ¹⁾, то происходитъ это не по недостатку усердія. Я приказалъ, чтобы все что производится въ Крагуевацѣ немедленно высылалось Вамъ, но при всемъ желаніи нельзя выработать болѣе 350 снарядовъ въ день. Надѣюсь, что по прошествіи одной или двухъ недѣль можно будетъ ихъ дѣлать до трехъ тысячъ, но въ настоящее время нехватаетъ машинъ и мастеровъ. Вслѣдствіе же, дѣлаемыхъ Австріей и Румыніей затрудненій, трудно доставить машины, давно заказанныя и даже заплоченныя.

Политическую новость составляетъ пріѣздъ въ Вѣну генерала, графа Сумарокова-Эльстона, посланнаго Государемъ для передачи письма Императору Австрійскому. Говорятъ, что ему было поручено передать, что только Императоръ Александръ стоитъ за миръ въ Россіи, котораго Онъ будетъ твердо придерживаться. Но все это сплетни Австрійскихъ газетъ и во всемъ этомъ нѣтъ ничего положительнаго. Англія обозлена за Вашъ отказъ принять восьмидневное смѣшное перемиріе, предложенное намъ столь великодушно Портой. Думая очень насъ напугать, она грозитъ не принимать болѣе участія въ переговорахъ о мирѣ! Какъ будто мы не знаемъ, что нѣкоторая перемѣна ея политики была вызвана скорѣе боязнью войны съ Россіей. и внутренними затрудненіями, вызванными митингами, нежели слишкомъ горячей симпатіей къ Сербамъ.

Сюда возвратился Новоселовъ. Говорятъ, что онъ не хочетъ отправиться въ Ибарскую армію. Меня извѣстили, что Австрійцы приказали стянуть войска къ нашей границѣ послѣ объявленія независимости.

Вѣрите моимъ искреннимъ чувствамъ дружбы и уваженія.

Благодарный Вамъ

М. М. Обреновичъ.

¹⁾ О крайнемъ недостаткѣ артиллеріи и другихъ дѣлахъ въ Сербіи Мих. Гр. довелъ до свѣдѣній Наслѣдника Цесар. черезъ состоявшаго при Немъ генер. Зиновьева, от-

Mon cher general,

Je profite du départ du colonel Monteverso pour vous écrire sur plusieurs questions. La question la plus brulante et dont je l'ai entre-tenu c'est le manque d'argent qui se fait sentir. On ne peut, je crois, y remedier, qu'en faisant connaître la véritable situation en Russie car nous pouvons être mis d'ici à peu dans un grand embarras. L'emprunt ne marche pas bien. Du reste ces messieurs qui se sont chargés de l'émettre out avancé un million de roubles, qu'ils retiendront sur le pre-mie million obtenu par les souscriptions publiques. Il serait absolument nécessaire qu'ils ne retiennent pour le moment rien. Ce manque d'argent se fait sentir dans tout et amène du retard dans l'exécution des différentes demandes que vous nous faites parvenir de Deligrad; retard que vous attribuez à tort souvent à la mauvaise volonté.

A propos de la proclamation de la royauté voilà l'extrême conces-sion que je puis vous faire. C'est d'ignorer la chose. de ne pas publier l'ordre du jour dans l'armée, de laisser les choses dans le statu quo à Deligrad. mais je vous demande à votre tour votre parole d'honneur de militaire de ne pas chercher à augmenter la chose. à faire de la propa-gande dans les autres armées et dans le pays, car à ceci je m'opposerai formellement. Ma conviction personnelle est toujours la même, c'est qu'il serait très inopportun pour le moment indécis où nous nous trouvons de nous mettre toute l'Europe sur les bras en acceptant la chose, et ce n'est que par égard pour vous que je consens à laisser la chose en suspens.

Du reste il me semble que ceci est une question de second ordre, qui est subordonnée à la situation politique générale et à la tournure des événements. Le noeud gordien de tout, c'est la mission de Souma-rokow à Vienne et ceci est encore un mystère. Nous avons reçu la nou-velle de notre agent à Vienne que la Porte avait réjété les reformes proposées par les Puissances pour la Bulgarie, la Bosnie, l'Herzegovine. offrant des réformes tout aussi larges pour tout l'Empire. mais sans la garantie et sans immiation do l'Europe. Si cette nouvelle se confirme il est possible que la situation se complique; la Russie declarera-t-elle la guerre à la Porte, ou bien occupera-t-elle la Bulgarie. tandis que l'Aut-riche entrerait en Bosnie, telle est du moins. dit-on les proposition que Soumarokoff était chargé de soumettre à Vienne; en tout cas la situation est assez grosse de nuages, il est possible qu'elle s'eclaircisse par un coup de théâtre parti de Vienne a Pètersbourg, ce qui serait de beau-

Дорогой генераль.

Пишу Вамъ о различныхъ вопросахъ, пользуясь отъѣздомъ подполковника Монтевердо. Главный вопросъ, о которомъ я съ нимъ бесѣдовалъ, заключается въ недостатокъ денегъ, очень чувствительномъ. Мнѣ кажется, что этому можно помочь только сообщивъ въ Россію объ истинномъ положеніи дѣла, тѣмъ болѣе, что въ самомъ скоромъ времени наше положеніе будетъ весьма затруднительно. Заемъ успѣха не имѣеть. Лица, взявшія на себя задачу устроить его, выдали авансомъ миллионъ рублей, намѣреваясь удержать первый миллионъ изъ денегъ, полученныхъ отъ публичной подписки. Необходимо въ настоящее время, ничего не удерживать. Недостатокъ денегъ чувствуется во всемъ и задерживаетъ исполненіе Вашихъ требованій изъ Делиграда, предписываемыя Вами мерамъ часто напрасно.

Огнорително объявленія Сербіи королевствомъ, вотъ крайняя уступка, которую могу Вамъ сдѣлать: игнорировать этотъ фактъ, напечатать приказъ по арміи и въ Делиградъ оставить все въ настоящемъ положеніи. Но при этомъ я прошу Васъ дать честное слово война не стремиться къ распространенію этого дѣла и не прибѣгать къ пропагандѣ въ другихъ войскахъ и въ народѣ, предупреждая Васъ, что этому я формально воспрепятствую. Мое личное убѣжденіе осталось все тоже, а именно, что это было бы съ нашей стороны очень не своевременно. Съ теперешнимъ неопредѣленнымъ положеніемъ мы возбудимъ противъ себя всю Европу, признавъ объявленіе независимости. Только изъ уваженія къ Вамъ, я соглашаюсь оставить дѣло въ неопредѣленномъ положеніи. Кромѣ того, мнѣ кажется, что это составляетъ вопросъ второстепенной важности, зависящій отъ общаго политическаго положенія и дальнѣйшаго направленія событій. Гордіевъ узелъ заключается въ миссіи Сумарокова въ Вѣнѣ, составляющей тоже тайну. Изъ Вѣны отъ нашего агента мы получили извѣщеніе, что Порта отвергла реформы, предложенныя державами для Болгаріи, Босніи, Герцеговины, предлагая введеніе столь же широкихъ реформъ во всей Имперіи, но безъ гарантіи и вмѣшательства Европы. Если эти извѣстія подтвердятся, то весьма возможно, что положеніе усложнится. Объявить ли Россія войну Портѣ, займетъ ли она Болгарію, одно-

вѣтншаго слѣдующимъ письмомъ отъ 13-го Сентября: Порученное вами письмо на мое имя гр. Келлеру я получилъ и по желанію Вашему имѣлъ честь передать Его Высочеству. Какъ вы можете себя представить, содержаніе письма Вашего въ высшей степени интересовало Вел. Кнзя, но несмотря на всѣ Его желанія нѣкоторыхъ вещей, о которыхъ вы мнѣ пишете, Его Высочество не въ состояніи исполнить, именно о доставкѣ ружей и артиллеріи, т. е. по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, такъ какъ Государь Императоръ находится теперь въ Крыму. Перелискою это довольно затруднительно исполнить, а сами въ Крымъ мы поѣдемъ не ранѣе 3-хъ недѣль. На счетъ отправления кадровъ въ Болгарію и вооруженія страны Его Высочество вполне раздѣляетъ Ваше мнѣніе и ни въ какомъ случаѣ не думалъ содѣйствовать этому предпріятію. Впрочемъ, я

coup préférable à la situation si peu claire dans laquelle se trouve aujourd'hui tout le monde.

Pour nous spécialement il nous serait difficile de prolonger la lutte l'hiver, si la Russie ne s'en mêle pas, où si les secours de la Russie non-officielle ne deviennent pas plus grands et cela surtout en argent. Ceci n'est pas une opinion ministérielle, c'est mon opinion personnelle qui est contraire à mes désirs, mais je ne prévois pas malheureusement l'avenir sans une perspective plus brillante si les choses ne se passent pas comme je dis; du reste, je crois, qu'ayant pu vous rendre compte des efforts énormes faits par le pays, de son épuisement, vous ne pouvez pas avoir une autre opinion que moi à ce sujet.

Mon oncle m'a écrit pour me dire qu'il vous avait parlé au sujet du général Komaroff. Je regrette, mon cher général, de vous dire très franchement, que je ne puis que répéter, que je suis très mécontent de lui. J'en ai même parlé au lt. colonel Monteverdo que je crois vous être un homme dévoué et à la cause aussi et je suppose qu'il vous en retiendra à ce sujet. Je dois vous avouer très franchement que tous les officiers Russes qui passent par Belgrade sont unanimes à se plaindre de Komaroff et à le critiquer.

Je vous envoie par le lt. colonel Monteverdo un certain nombre de croix de Takowo. Je charge le lt. colonel Monteverdo de vous parler aussi au sujet du général Protic, dont je voudrais voir la position régularisée, et qui à mon avis pourrait vous être excessivement utile et réparer bien du désordre dû à Komaroff, s'il était employé comme je pense qu'il devrait l'être.

Vous voyez, mon cher général que je vous parle avec franchise, et ceci vous est la meilleur preuve de mon amitié.

Quand aux munitions d'artillerie j'espère que d'ici à quelques jours on pourra en fabriquer d'avantage. Novossieloff après quelques tentations a fini par accepter l'armée de l'Ibar.

Par rapport a mon voyage soit a Deligrad soit a Paratsin, je ne puis rien décider avant quelques jours, et je tiens énormément a vous voir pour vous parler de beaucoup de choses.

временно съ вступленіемъ Австріи въ предѣлы Босніи таковы, говорятъ предложенія, которыя поручено Сумарокову предложить въ Вѣнѣ. Во всякомъ случаѣ положеніе очень тревожно. Возможно, что оно разъяснится съ театранною внезапностью, направленной изъ Вѣны въ Петербургъ, что было бы гораздо желательнѣе, нежели настоящее всеобщее неопредѣленное положеніе.

Собственно, намъ будетъ очень трудно продолжать борьбу зимой, если только не вступится Россія или, если помощь Россіи неофициальной не будетъ значительнѣе, особенно въ денежномъ отношеніи. Это не мнѣніе министерства. мое личное, съ моими желаніями не согласующееся, но, къ сожалѣнію. я не предвижу въ будущемъ ничего хорошаго, если обстоятельства не примутъ упоминаемаго мною направленія.

Я изложилъ Вамъ насколько страна истощена сдѣланными ею громадными усиліями, и на основаніи этого, полагаю, что Вы не можете не согласиться со мною относительно настоящаго положенія дѣлъ.

Дядя написалъ мнѣ что говорилъ съ Вами о генералѣ Комаровѣ*). Откровенно говорю не могу къ своему сожалѣнію не повторить, что *я очень имъ недоволенъ*. Я говорилъ съ подполковникомъ Монтевердо, котораго считаю человѣкомъ Вамъ и дѣлу очень преданнымъ и предполагаю, что онъ съ Вами будетъ говорить о Комаровѣ.

Сознаюсь откровенно, что всѣ русскіе офицеры, пріѣзжающіе въ Бѣлградъ единодушно жалуются и критикуютъ Комарова.

Посылаю Вамъ черезъ подполковника Монтевердо нѣсколько Таковскихъ крестовъ. Я поручилъ также подполковнику Монтевердо переговорить съ Вами о генералѣ Протичѣ. желая, чтобы положеніе его было опредѣлено. Употребивъ его въ дѣло, согласно моему мнѣнію о немъ, онъ можетъ быть Вамъ очень полезенъ, устранивъ неустройства, причиненныя Комаровымъ.

Вы видите, дорогой генералъ, что я говорю съ Вами совершенно откровенно, что должно служить лучшимъ доказательствомъ моей дружбы къ Вамъ.

Что же касается, артиллерійскихъ снарядовъ я надѣюсь, что черезъ нѣсколько дней можно будетъ выдѣлывать ихъ въ большомъ количествѣ. Долгомъ считаю объяснить Вамъ, что и генер. Фадѣевъ, очень горячо было взявшійся за его исполненіе, теперь, большею частію, измѣнилъ оный планъ и предполагалъ бы послать эти кадры въ Болгарію только въ случаѣ объявленія Россіей войны Турціи и вхожденія ея въ ея предѣлы.

Что же касается вашего черезъ капит. Лаврентьева порученія, узнать черезъ меня у Его Высочества будетъ ли Вамъ по окончаніи настоящей войны, разрѣшенъ выѣздъ въ Россію, то Его Высоч. отвѣтилъ, что положительнаго отвѣта онъ въ настоящее время дать не можетъ, но нимало не сомнѣвается, что вамъ никакого препятствія дѣлать не будутъ, на что употребить все свое вліяніе и когда вы вернетесь, то съ удовольствіемъ приметъ васъ.

*) Къ другимъ заботамъ Мих. Гр. присоединилась необходимость отставить своего начальника штаба А. Ч.

Mon officier d'ordonnance vient d'arriver pendant que j'écris cette lettre, porteur de l'ordre a la banque Ephrussi. Je saisis cette occasion pour vous réitérer. mon cher général, l'expression de mes sentiments affectueux.

Votre reconnaissant.

M. M. Obrenovitsch.

Belgrade.

Ce 22 Sept. 1876.

Mon cher général,

Le colonel Doktouroff m'ayant manifesté son désir de continuer à servir sous vos ordres et de ne pas passer a l'armée de l'Ibar en qualité de chef d'état major du général Nowossieloff, j'ai cru devoir accéder a son désir, 'convaincu que vous seriez heureux de garder dans votre armée un officier, qui me semble être, des plus distingués, et appelé a rendre de grands services sur un terrain qu'il connaît déjà tandis qu'il lui faudrait du temps pour étudier les choses a l'Ibar.

On m'a dit hier soir que certains agents diplomatiques avaient reçu des dépêches de leurs gouvernements leur annonçant que l'Europe avait résolu d'imposer aux trois belligérants (Serbie, Monténégro, Turquie) un armistice et qu'en cas de refus d'un des parties, les puissances autoriseraient une ou plusieurs d'elles d'occuper militairement celle des parties belligérantes qui ne se prêterait pas au désir de l'Europe. Les agents qui ont reçu ces dépêches ne les ont pas jusqu'à présent communiqué, car d'après ce qu'on m'a dit ils attendent que les autres représentants reçoivent des ordres dans le même sens, pour faire auprès du gouvernement Serbe une démarche collective. On dit aussi que ceci a été décidé sur la proposition de la Russie. L'armistice serait en règle, c'est à dire avec ligne de demarcation etc, etc, c'est a dire tel que nous le désirions, mais malheureusement le temps et la durée de l'armistice ne serait pas défini. Il ne faut pas conclure de là, si cette nouvelle se confirme, que la Turquie pourrait se permettre d'enfreindre l'armistice au de le dénoncer quant bon lui semblerait, mais l'idée prédominante serait à mon avis que la diplomatie veut gagner du temps pour pouvoir régler la

ствѣ. Новоселовъ, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился наконецъ принять командованіе Ибарской арміей.

Только по прошествіи нѣсколькихъ дней я могу рѣшить что либо окончательно, относительно своей поѣздки въ Делиградъ или Порачинь, видѣть же Васъ мнѣ очень хочется, чтобы переговорить о многомъ.

Мой ординарецъ, пока я пишу настоящее письмо, только что пріѣхалъ и привезъ довѣренность на банкъ Ефруси. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы снова возразить Вамъ, дорогой генераль, мои дружескія чувства.

Благодарный Вамъ.

М. М. Обреновичъ.

Бѣлградъ.

22 Сент. 1876 г.

Дорогой генераль,

Полковникъ Дохтуровъ выразилъ мнѣ свое желаніе продолжать службу подъ Вашимъ начальствомъ, а не переходить въ Ибарскую армію въ качествѣ начальника штаба генерала Новослова. Я уступилъ его желанію въ убѣжденіи, что Вы охотно оставите въ своей арміи прекраснаго, по моему мнѣнію, офицера, который можетъ оказать большія услуги на извѣстномъ уже ему театрѣ военныхъ дѣйствій, тогда какъ въ Ибарѣ ему придется посвятить нѣкоторое время на ознакомленіе съ положеніемъ дѣла.

Вчера вечеромъ мнѣ сказали, что нѣкоторые дипломатическіе агенты получили депеши отъ своихъ правительствъ, сообщающія, что Европа рѣшила предложить всѣмъ воюющимъ сторонамъ (Сербіи, Черногоріи и Турціи) перемиріе, въ случаѣ же отказа одной изъ сторонъ, державы разрѣшатъ одной или нѣсколькимъ державамъ оккупацию, не подчинившейся желанію Европы, воюющей страны. Агенты, получившіе эти депеши не сдѣлали о нихъ сообщенія, ожидая, какъ говорятъ, полученія представителями другихъ державъ одинаковыхъ распоряженій, чтобы сдѣлать Сербскому правительству коллективное представленіе. Говорятъ, что это было рѣшено по представленію Россіи. Говорятъ, что условія перемирія будутъ точно опредѣлены, то есть будетъ назначена разграничительная линія, и такъ далѣе. Это будетъ вполне согласно нашему желанію, но, къ несчастію, время и продолжительность перемирія не будетъ назначена. Если это извѣстіе подтвердится, не слѣдуетъ изъ этого еще выводить заключеніе, что Турція осмѣлится нарушить перемиріе или произвольно отказаться отъ него.

question bulgare, bosniagne et herzegowinienne. Je m'attendais à mieux après le rejet des reformes par la Porte.

Si la démarche est faite collectivement et surtout si la Russie est aussi de la partie, il est impossible que nous refusions cet armistice, d'abord pour ne pas nous mettre toute l'Europe sur les bras, et puis parce que nous avons nous même demande un armistice en regle.

Quant au Monténégro je suis convaincu qu'il l'acceptera, car la haute direction politique là bas est donnée par le colonel Ihemmel, envoyé militaire autrichien. Il est possible, d'après ce qu'on dit, qu'un congrès européen soit convoqué pendant l'armistice pour regler la question d'Orient. Il semble donc que tout est pour le moment à la paix. sur la base du status-quo pour la Serbie et le Monténégro et de l'amélioration du sort des chrétiens en Bosnie, Herzegowine et Bulgarie. Assurement le status-quo pour la Serbie est une injustice. C'est pour cela qu'il faudra essayer d'envoyer quelqu'un auprès de l'Empereur pour le mettre au courant de la véritable situation du pays; quelqu'un auprès du grand duc Héritier pour lui demander conseil et ce quelqu'un pendant l'armistice ne pourrait être à mon avis, que vous, mon cher général, qui par votre présence seule en Russie, pourriez être d'un poids immense sur les décisions du gouvernement. Lorsque vous m'avez fait d'abord part de votre intention d'aller pour deux ou trois semaines en Russie, je n'ai pas souri à cette idée, car j'ai craint, que l'armée, qui a grande confiance en vous, ne se débande. C'est pourquoi avant de se décider en cas d'armistice d'aller en Russie, il faudra que vous étudiez ce côté de la question et que vous voyez qu'elle est en cas de départ la personne qui pourrait vous remplacer provisoirement. A mon avis ce serait Horwatowic ou Doktouroff. Quant à Komaroff je ne puis que répéter que je lui suis très reconnaissant de l'enthousiasme qu'il a pour la cause, mais que la meilleure manière de rendre service à la cause de sa part, serait de ne pas s'en mêler, car de jour en jour je me convains qu'il n'est pas à sa place.

Cette nuit sont arrivés 47 ouvriers pour la fabrique de Kragouewatz, ce qui va permettre que le travail soit activé. Du reste à ce point de vue là, il est necessaire d'avoir un armistice, car vous manquez de munitions et un mois ou six semaines d'armistice nous permettrait de nous compléter.

Ce qui est affreux, c'est le manque d'argent. Si nous ne recevons pas de secours de la Russie nous serons complètement à court. J'ai entendu dire que la Croix rouge disposait de 1.400.000 roubles. N'y aurait-il pas moyen de lui soutirer la moitié de cette somme, car sans argent je ne sais comment nous faisons pour une campagne d'hiver. Avec

Однако, мнѣ кажется, что дипломатіей прежде всего руководить желаніе выиграть время, для урегулированія вопроса относительно Болгаріи, Босніи и Герцеговины. Я ожидалъ лучшаго послѣ отказа Порты отъ реформъ.

Намъ невозможно отказаться отъ перемирія, предложеннаго коллективно, особенно при участіи въ этомъ Россіи. Отказъ возстанетъ противъ насъ всю Европу тѣмъ болѣе, что мы сами просили правильнаго перемирія. Что же касается Черногоріи, то я убѣжденъ, что она согласится на перемиріе, потому что ея высшей политикой руководитъ полковникъ Йеммель, военный агентъ Австріи. Говорятъ о созывѣ Европейскаго конгресса для рѣшенія Восточнаго вопроса. Все въ настоящее время клонится къ миру съ оставленіемъ прежняго положенія Сербіи и Черногоріи и улучшеніи судьбы христіанъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи. Конечно сохраненіе status quo въ Сербіи несправедливо. Для устраненія этого слѣдуетъ послать кого либо къ Государю,¹⁾ чтобы изъяснить Ему настоящее положеніе дѣлъ въ Сербіи. Необходимо также послать кого либо къ Наслѣднику Цесаревичу, чтобы просить его совѣта. Во время перемирія только Вы, дорогой генераль, можете мнѣ кажется взять это на себя, такъ какъ одно ваше присутствіе въ Россіи способно произвести громадное давленіе на рѣшеніе правительства. Когда Вы мнѣ говорили о вашемъ желаніи побхать на двѣ или три на недѣли въ Россію, я не отнесся къ этому сочувственно изъ боязни разложенія арміи, имѣющей къ Вамъ такое довѣріе. Поэтому необходимо, прежде нежели Вы рѣшите ѣхать въ Россію въ случаѣ перемирія, чтобы Вы обратили вниманіе на этотъ вопросъ и указали бы на человѣка, который могъ бы, въ случаѣ Вашего отъѣзда, временно Васъ замѣстить. Мнѣ кажется, что замѣстить Васъ могли бы Хорватовичъ или Дохтуровъ. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что Комаровъ не на своемъ мѣстѣ и могу только повторить, что очень благодаренъ ему за его энтузіазмъ къ Славянскому вопросу, которому онъ окажетъ лучшую услугу, если не будетъ вмѣшиваться въ дѣло.

Ночью прибыли 47 рабочихъ на фабрику въ Крагуевацъ; благодаря этому, можно будетъ ускорить производство. Перемиріе необходимо

1) Полковникъ Дохтуровъ былъ посланъ въ Россію, откуда телеграфировалъ кн. Милану слѣдующее: „Благосклонно принять своимъ Государемъ. Изложилъ ему виды Вашего Высочества о необходимости реформъ и поддержки которую вы требуете. Его Величество согласенъ въ необходимости реформъ. Онъ надѣется, что Сербія поддержитъ наши войска вспомогательнымъ корпусомъ въ случаѣ конфликта. Относительно же поддержки реформъ,—то это требуетъ размышленія; ожидаютъ Карцева. Необходимо сдѣлать все для организациіи и комплектованія постоянной дивизіи.“

le manque de munitions actuellement inutile de vous recommander de ne plus prendre l'offensive. Dès qu'il y aura quelque chose de plus positif je vous informerai.

Mes meilleurs sentiments d'amitié.

Votre reconnaissant.

M. M. Obrenowitch.

26 Sept. 1876.

Au moment de fermer ma lettre mon cousin Germani me dit qu'il vient de voir le consul de France qui lui a dit que l'armistice serait de 4 semaines minimum ou 8 semaines maximum. Ceci ne serait pas mauvais et serait très acceptable.

въ виду недостатка снарядовъ, мѣсячное же или шестинедѣльное перемиріе дастъ намъ возможность его пополнить.

Недостатокъ денегъ ставитъ насъ въ ужасное положеніе. Если только мы не получимъ помощи изъ Россіи мы останемся совершенно безъ средствъ. Я слышалъ, что красный крестъ обладаетъ капиталомъ въ 1.400.000 рублей. Нельзя ли было бы намъ взять у него половину этой суммы, такъ какъ воевать зимою безъ денегъ будетъ невозможно. Считаю излишнимъ при недостаткѣ снарядовъ рекомендовать вамъ воздержаться отъ наступленія.

Если будутъ какія либо болѣе положительныя извѣстія, сообщу вамъ.

Примите мои лучшіе дружескія пожеланія.

Благодарный Вамъ

М. М. Обреновичъ.

26 Сент. 1876.

Только что хотѣлъ запечатать письмо, какъ мой кузень Жермани сообщилъ мнѣ, что видѣлъ французскаго консула, сказавшаго ему, что перемиріе будетъ длиться *minimum* 4 недѣли и *maximum* 8 недѣль. Это было бы недурно и весьма приеменно.

Новые матеріалы изъ раннѣйшей исторіи духоборческой секты

По мнѣнію изслѣдователей, духоборчество, какъ секта, дѣлается исторически извѣстною сравнительно поздно, около половины XVIII столѣтія; при чемъ къ этому времени оно является уже въ видѣ совершенно обособившагося общества, съ болѣе или менѣе опредѣлившимся вѣроученіемъ.

Но если обратиться къ тѣмъ историческимъ даннымъ, на которыхъ основываются изслѣдователи въ своемъ утвержденіи, то окажется, что эти данныя относятся главнымъ образомъ къ послѣдней четверти, а не къ половинѣ XVIII вѣка. Въ распоряженіи изслѣдователей до сихъ поръ почти не было матеріаловъ, которые касались бы болѣе времени исторіи секты.

Въ настоящемъ мы имѣемъ возможность нѣсколько восполнить этотъ недостатокъ. Намъ удалось найти новые архивные матеріалы по исторіи духоборчества, которые относятся именно къ первой четверти второй половины XVIII столѣтія.

Найденные нами матеріалы касаются „отступниковъ“ вѣры, появившихся въ предѣлахъ нынѣшнихъ Воронежской и Тамбовской губерній, и являются документами, имѣющими важное значеніе для исторіи духоборчества. Въ нихъ содержится много данныхъ для нѣсколькихъ вопросовъ (сравнительно съ установившимся въ настоящее время) рѣшенія вопросовъ о томъ, каково было вѣроученіе духоборческой секты въ раннѣйшую исторически извѣстную пору ея жизни, какъ относилась въ это время къ духоборцамъ власть, какъ духовная, такъ и гражданская, какія мѣры принимались къ искорененію сектантскаго заблужденія, каковы были способы, которыми велось распространеніе духобор-

чества, кто были главными дѣятелями духоворчества въ эту пору и какъ было велико число его послѣдователей и пр. и пр.

29-го мая 1767-го года въ Святѣйшемъ Синодѣ было получено доношеніе Тамбовскаго епископа Θεодосія¹⁾, въ которомъ послѣдній сообщалъ, что въ селѣ Жидиловкѣ, Козловскаго уѣзда, Алешинскаго стану, появились лица, отступившія отъ истиннаго благочестія и впавшія „въ какую-то новую и неизвѣстную“ для него²⁾ секту: каковыхъ сектантовъ въ этомъ селѣ насчитывалось уже до 26-ти человекъ, обоего пола,³⁾ кромѣ того, къ этой же сектѣ несомнѣнно принадлежали: церковникъ села Горѣлаго Кириллъ Петровъ и шесть человекъ однодворцевъ села Лысыхъ-Горь. Такъ какъ по справкѣ въ Синодѣ оказалось, что указанные преосвященнымъ Θεодосіемъ лица въ расколъ не записаны, то Святѣйшій Синодъ, въ отвѣтъ на доношеніе этого епископа, отправилъ ему указъ, въ коемъ предписывалъ преосвященному Θεодосію произвести тщательное разслѣдованіе о томъ, съ какого времени эти сектанты отступили отъ благочестія, какой собственно секты они являются послѣдователями, кѣмъ во оную со-вращены, гдѣ находятся ихъ учителя и „о прочемъ, къ тому приличномъ“ предоставляя ему вмѣстѣ съ тѣмъ право учинить рѣшеніе по правиламъ Святыхъ Отцовъ и по указамъ Ея Императорскаго Величества; о своихъ дѣйствіяхъ по этому дѣлу преосвященный Θεодосій долженъ былъ обстоятельно донести Святѣйшему Синоду.

Предписанное Синодомъ разслѣдованіе производилось довольно долго. Только въ 1768-мъ году преосвященный Θεодосій представилъ въ Синодъ подробное доношеніе о плодахъ этого разслѣдованія. Въ этомъ доношеніи Тамбовскій епископъ доводилъ до свѣдѣнія Синода, что „означенные однодворцы, и церковникъ и другіе, имъ подобные люди всего по именамъ, мужска и женска пола, сорокъ человекъ⁴⁾, по при-

1) Θεодосій Голосницкій, епископъ Тамбовскій и Пензенскій съ 9-го ноября 1766 г. переведенъ сюда изъ Устюга; ум. 23 дек. 1786 года.

2) Для Θεодосія эта секта могла быть неизвѣстной и новой; но вообще духовная власть Воронежско-Тамбовскаго края было уже освѣдомлена о подобномъ заблужденіи: въ 1765 году въ Воронежской Духовной Консисторіи производилось цѣлое разслѣдованіе о такихъ же сектантахъ. См. *Всрон. Еп. Вид.*, 1880 г., № 4-й, ст. М. Былова: Расколъ въ Воронежской епархіи при Епископѣ Тихонѣ I (Святителѣ).

3) Къ сожалѣнію, поименнаго перечня этихъ сектантовъ въ доношеніи сдѣлано не было.

4) Ко времени производства разслѣдованія число сектантовъ, слѣдовательно увеличилось; въ первомъ доношеніи еп. Θεодосія ихъ числилось 32 человекъ, а теперь ихъ насчитывается уже 40 человекъ,

сылкѣ изъ Козловской Воеводской и изъ Тамбовской Провинціальной Канцелярій, при опредѣленномъ изъ той Провинціальной Канцеляріи депутатѣ, въ Консистерскомъ Присутствіи порознь допрашиваны“; при чемъ эти допросы еще разъ подтвердили то, о чемъ преосвященный Θεодосій уже доносилъ Святѣйшему Синоду: всѣ допрошенныя лица оказались отступниками отъ Православной Вѣры; при допросахъ они подвергались увѣщанію чрезъ учительнаго священника, но несмотря на это, въ своемъ заблужденіи не раскаялись; въ частности на допросахъ выяснилось: 1-е, что они, оставя благочестіе, во оную секту вступили въ 1767-мъ году, и вѣрують съ домашними своими въ истиннаго живаго Бога, въ Троицѣ Святѣй славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа, сотворшаго небо и землю, и исповѣдуютъ такъ, какъ читають въ Символѣ Вѣры; а поклоняются Отцу и Сыну и Святому Духу не тѣломъ, какъ прочіе поклоняются, но духомъ своимъ истиннымъ; 2-е, Законъ Божій, преданный въ десяти заповѣдяхъ, пріемлють и почитаютъ, кромѣ написаннаго во оныхъ заповѣдяхъ о почитаніи писанныхъ на доскахъ образовъ, которыхъ-де они не пріемлють, и не почитаютъ, и не поклоняются имъ, затѣмъ, что въ нихъ нѣтъ Божества и святости, а все-де то сдѣлано человѣческими руками; 3-е, въ пречистую Божію Матерь они вѣрують, и исповѣдуютъ и Ее чтуть, точію вмѣсто поклоненія тѣломъ покоряются*), какъ предъ Нею, такъ и предъ Апостолы, Пророки и всѣми Угодниками Христовыми, которыхъ-де они только почитаютъ; 4-е, въ Крестѣ же Христовѣ они не вѣрують, и не поклоняются, и не почитаютъ, за тѣмъ, что-де оной сдѣланъ изъ дерева человѣческими руками, а почитаютъ они Крестъ, то есть Слово Господне, за которое Господь нашъ Іисусъ Христосъ рѣспялъ и Онимъ воскресъ; 5-е, крестное знаменіе рукою тремя персты на себѣ не изображаютъ, для того, что-де въ ономъ знаменіи нѣтъ спасенія, а крестятся Словомъ Господнимъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь; 6-е, въ церковь нашу Православную не ходять, и всѣхъ таинствъ, обрядовъ и молитвъ не пріемлють, за тѣмъ, что-де она церковь со всѣмъ, въ ней имѣющимся, сотворенная человѣческими руками, а въ совершаемыхъ въ ней таинствахъ, обрядахъ и молитвахъ нѣтъ никакого спасенія, а къ тому и таинства оныя устрояются человѣческими руками, а не отъ отъ Бога, и преподаются священниками, имѣющими пьянство, сквернословіе и свары, а желаютъ-де они ходить въ церковь нерукотворенную, соборную, апостольскую, собраніе святыхъ, (о которой-де глаголетъ Господь: *вы есте церковь Бога живаго, Азъ же все-*

*) Сектанты строго различали термины: *поклоненіе* и *покореніе*; сами они не даютъ объясненія этихъ терминовъ и не выясняютъ различія ихъ.

люся въ васъ, и похожду по васъ, и буду вамъ Богъ), и таинства Христовы принимать сотворенныя отъ Самого Бога и оными причащаться, такъ же и исповѣдываться у священника, кого они сами изберутъ, такого, который посвященъ отъ Бога, и слово приѣмлетъ отъ устъ Божіихъ; изъ нихъ же одноворець Андрей Поповъ въ Присутствіи онъ говорилъ, писано-де есть: Богъ Отець—память, Богъ Сынъ—разумъ, Богъ Духъ Святой—воля; а церковникъ Кирила Петровъ о святой евхаристіи объявилъ, что-де въ ней хлѣбъ въ тѣло, а вино въ кровь претворилось, того онъ не вѣруетъ и не исповѣдуетъ, а исповѣдуетъ, что хлѣбъ отъ пшеницы, а вино виноградный квасъ и вода бываетъ просто, также онъ въ Матерь Божію и святыхъ Угодниковъ не вѣруетъ, а только ихъ почитаетъ и вмѣсто поклоненія покоряется предъ ними.

Изложивъ сущность содержимаго сектантами ученія, преосвященный Θεодосій въ дальнѣйшемъ заявлялъ, что самостоятельно, безъ руководственнаго указанія со стороны Святѣйшаго Синода, учинять окончательное рѣшеніе по этому дѣлу онъ считаетъ для себя невозможнымъ. По его мнѣнію, этихъ сектантовъ надлежало еще препроводить въ гражданскій судъ и тамъ „обстоятельно, со изысканіемъ истиннымъ¹⁾ допросить“, такъ какъ въ Консistorіи они обнаруживаютъ упрямство и не только не отвѣчаютъ на предлагаемые имъ вопросы, но вообще ничего не хотятъ говорить, а если и говорятъ, то въ своихъ рѣчахъ только поносятъ и хулятъ Православную Церковь, ея Таинства, честный крестъ и святые образа, за каковое непочитаніе они собственно подлежатъ прежде всего гражданскому наказанію [по 1-му пункту 1-й главы Уложения²⁾ и по 3-му пункту 1-й главы Воинскаго Артикула],³⁾ а затѣмъ и церковный анаѣмъ [по 16-му пункту Духовнаго Регламентна о дѣлахъ епископскихъ].⁴⁾ Въ гражданскій же судъ, по

1) Что разумѣлъ еп. Θεодосій подъ „истиннымъ изысканіемъ“, сказать опредѣленно довольно трудно; не разумѣлъ-ли онъ подъ этимъ *пытки* при допросахъ?

2) „Будетъ кто иновѣрцы, какія ни буди вѣры или и русскій человекъ, возложить хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію, или на Честный Крестъ, или на Святыхъ Его Угодниковъ, и про то сыскивати всякими сыскн накрѣпко; да будетъ сыщется про то допряма, и того богохульника, обличивъ, казнити, сжечь“.

3) „Кто имени Божію хуленіе приноситъ, и оно презираетъ и службу Божію поноситъ и ругается Слово Божію и Святымъ Таинствамъ, а весьма въ томъ обличенъ будетъ, хотя сіе въ пьянствѣ или трезвомъ умѣ учинится, тогда ему раскаленнымъ желѣзомъ прожженъ, и потомъ отсѣчена глава да будетъ“.

4) „Аще кто явственно худитъ имя Божіе или Священное Писаніе, или Церковь или явно грѣшникъ есть, не стыдися дѣла своего, но и паче, тѣмъ чваняся, или безъ правильной вина покаянія и Святыя Евхаристіи больше году не приѣмлетъ; или что-либо

мнѣнію Тамбовскаго епископа, слѣдовало бы отослать не только тѣхъ, кто упорствуетъ въ своихъ сектантскихъ заблужденіяхъ, но и тѣхъ, кто уже оставилъ ихъ и обратился къ Православной Вѣрѣ, такъ какъ послѣдніе могутъ оказать большую услугу всестороннему раскрытію истины объ этихъ сектантахъ. Изъ лицъ, подвергавшихся допросамъ, только одинъ человекъ оставилъ секту и возвратился въ лоно Православной Церкви; однодворецъ села Ранина Ефремъ Мжачевъ, который, вѣроятно, подъ вліяніемъ увѣщаній, началъ ходить въ церковь и сталъ молиться со изображеніемъ на себѣ крестнаго знаменія рукою и съ обыкновеннымъ поклоненіемъ. Объ этомъ-то однодворцѣ и говорилъ Тамбовскій епископъ, когда указывалъ на необходимость, въ цѣляхъ обстоятельнаго изысканія истины, отсылать въ гражданскій судъ лицъ, перешедшихъ изъ сектантства въ Православіе.

Уклоняясь отъ самостоятельнаго опредѣленія по дѣлу объ открытыхъ сектантахъ, преосвященный Θεодосій просилъ Святѣйшій Синодъ преподать ему руководственныя указанія какъ специально по этому поводу, такъ и вообще на тотъ случай, если-бы отступники, подобные допрошеннымъ лицамъ, стали вновь появляться въ его епархіи.

Что касается привлеченныхъ къ слѣдствію и содержавшихся подъ стражей сектантовъ, то всѣ они, послѣ учиненныхъ имъ допросовъ, были отосланы преосвященнымъ Θεодосіемъ въ Тамбовскую Провинціальную Канцелярію, гдѣ должны были содержаться подъ стражей, впредь до воспослѣдованія изъ Святѣйшаго Синода руководственнаго указа. А обратившійся въ православіе однодворецъ Ефремъ Мжачевъ былъ посланъ имъ на покаяніе въ Козловскій Троицкій монастырь.

Святѣйшій Синодъ не успѣлъ еще рассмотреть приведеннаго доношенія преосвященнаго Θεодосія, какъ получилъ новую официальную бумагу, имѣвшую прямое и непосредственное отношеніе къ дѣлу Тамбовскихъ сектантовъ, 17-го ноября того же года въ Святѣйшій Синодъ вошелъ съ „представленіемъ“ депутатъ Тамбовской провинціи Василій Веденѣвъ, въ которомъ препровождалъ на разсмотрѣніе Синода присланы ему за руками священниковъ: города Козлова, Заворонежской слободы—Бориса Полуектова, да сель: Ранина—Стефана Васильева

иное творить съ явнымъ Закона Божія ругательствомъ и посмѣяніемъ, таковой, по вторенномъ наказаніи, упрямъ и гордъ пребудъ, достоинъ судитися толикой казни (т. е. анаемѣ) ибо не просто за грѣхъ подлежитъ анаемѣ, но за явное и гордое презрѣніе суда Божія и власти Церковныя съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій, и что тако вою безбожія издаеть отъ себя“.

и Жидиловки—Леонтыя Иванова и діакона Силы Осипова; отъ имени ихъ и выборныхъ однодворцевъ съ товарищи, объявленіе, гдѣ эти лица указывали на отступничество отъ Православной Вѣры многихъ изъ своихъ прихожанъ, перечисляя при этомъ ихъ по именамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляли, что такіе же отступники отъ благочестія появились и въ другихъ мѣстахъ. Сообщая объ этомъ, названныя духовныя лица просили Веденѣева „объявить“ о семъ высшему начальству.

Святѣйшій Синодъ при разсмотрѣніи этого „объявленія“, обративъ вниманіе на то, что въ немъ названо много такихъ лицъ, на которыхъ уже указывалъ въ своемъ доношеніи преосвященный Θεодосій. Было такимъ образомъ ясно, что въ томъ и въ другомъ случаѣ рѣчь шла собственно объ одномъ и томъ же явленіи. Поэтому Синодъ не придавъ этому „объявленію“ самостоятельнаго значенія, а приобщилъ его къ доношенію преосвященнаго Θεодосія, на которое имъ уже изготовлялся особый указъ.

Вскорѣ этотъ указъ былъ подписанъ членами Синода и отправленъ Тамбовскому епископу. Содержаніе указа было таково.

Такъ какъ изъ доношенія епископа Θεодосія не было видно, увѣщевалъ-ли сектантовъ самъ преосвященный или нѣтъ, то Святѣйшій Синодъ приказывалъ учинить слѣдующее: отступившихъ отъ благочестія однодворцевъ и церковника, въ чаяніи ихъ исправленія, снова подвергнуть увѣщанію, сначала чрезъ учительныхъ священниковъ, а потомъ и самому Тамбовскому епископу, при чемъ это увѣщаніе должно было производиться въ присутствіи Тамбовскаго Воеводы или опредѣленнаго отъ него лица; всѣхъ сектантовъ, содержащихся въ Тамбовской Провинціальной Канцеляріи, надлежало освободить изъ подъ караула съ обязательствомъ, чтобы они до рѣшенія дѣла изъ Тамбова нигде не отлучались и отлучаться не могли, и когда они для того увѣщанія будутъ потребны, то являлись бы безъ всякаго отрицанія; за этимъ, а также и за тѣмъ, чтобы они никого въ свою секту ни подъ какимъ видомъ не совращали, должны были строго наблюдать какъ Тамбовскій епископъ, такъ и мѣстная Провинціальная Канцелярія; о результатахъ увѣщанія преосвященный Θεодосій обязанъ былъ обстоятельно и немедленно рапортомъ донести въ Святѣйшій Синодъ; церковника Кирилла Петрова до будущаго о немъ рѣшенія предписывалось содержать при Консисторіи подъ надлежащимъ присмотромъ; обратившаго же въ Православіе однодворца Ефрема Мжачева немед-

ленно должно было освободить изъ Козловскаго Троицкаго монастыря и по надлежащему принять его въ Православную Вѣру, а за то, что онъ, оставя свое и отецъ своихъ благочестіе, тѣхъ однодворцевъ сектѣ послѣдовалъ, хотя бы и подлежалъ точной, въ силу Святыхъ Отецъ правилъ, епитиміи, но въ разсужденіи его добровольнаго и чистосердечнаго раскаяніи и обращенія, она епитимія ему умѣривается уменьшается, почему и велѣтъ ему токмо чрезъ цѣлый годъ по вся воскресныя и праздничныя дни ходить въ церковь Божію на молитву и класть земные поклоны, и по вся посты исповѣдываться, а до Святыхъ Таинъ въ то годичное время, кромѣ смертнаго случая, его не допускать, а по прошествіи оногo времени и отъ той епитиміи его разрѣшить.

О такомъ опредѣленіи Синода было сообщено указами не только Тамбовскому епископу, но и Тамбовской Провиціальной Канцеляріи, а въ Сенатъ былъ отправленъ „вѣдѣніе“, „да благоволитъ о томъ быть извѣстенъ“. Это „вѣдѣніе“ помѣчено 22-мъ Декабря 1768 года.

Означенный указъ былъ полученъ преосвященнымъ Θεодосіемъ 15-го Января 1769-го года. Къ исполненію его Тамбовскій епископъ приступилъ немедленно, и 24-го Марта онъ уже отправилъ въ Синодъ отвѣтное доношеніе, въ которомъ писалъ:

„Какъ означенные, содержащіеся въ Канцеляріи, такъ и еще сверхъ ихъ, по вступившимъ дѣламъ и по объявленію самихъ ихъ, оказавшіеся, состоящіе въ таковой же ихъ сектѣ, сто пятьдесятъ одинъ человекъ, а всего мужска и женска пола до двухсотъ тридцати двухъ человекъ, по сыску чрезъ Тамбовскую Провинціальную Канцелярію и по представленію ихъ отъ опредѣленнаго къ нимъ отъ той Канцеляріи депутата, Тамбовской Инвалидной команды подпоручика, Михайлы Одуевцова, многократно отъ Слова Божія при немъ, депутатъ, были увѣщаваемы, во-первыхъ, опредѣленными: проповѣдникомъ Александромъ Полянскимъ, Тамбовскаго Собора ключаремъ Алексіемъ и прочими священниками, а потомъ и самимъ мною, при показанномъ Тамбовскомъ Воеводѣ, коллежскомъ совѣтникѣ Черкасовѣ и при прочихъ многихъ бывшихъ дворянѣхъ, также и прежде и послѣ ихъ, но оныя отступники не только истиннаго отъ Слова Божія увѣщанія не слушаютъ и не пріемлютъ, но еще паче свою ложную вѣру, значившуюся въ показаніи ихъ, представленномъ отъ меня Святѣйшему Правительствующему Синоду, утверждаютъ быть правою. А къ тому еще изъ нихъ нѣкоторые и прежде человекъ до десяти въ такомъ же отступничествѣ находились; и показывалъ въ 765-мъ году Тамбовской Стрѣ-

лецкой слободы однодворецъ Семень Жерноклевъ¹⁾, что онъ того году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, ѣздилъ въ домъ къ вышеупоминаемому Горѣловскому церковнику Кирилѣ Петрову²⁾ для наученія божественнаго писанія, гдѣ были того жъ села: однодворецъ Ларіонъ Побирахинъ, (коего нынѣ за побѣгомъ не отыскали), съ прочими, всего человѣкъ до осьми; и оный Побирахинъ сидѣлъ за столомъ въ переднемъ углу, а прочіе всѣ стояли и передъ нимъ пѣли изъ Библии, Захарія Пророка 14-ю главу: *сія дни Господни ярядуть и раздѣлятся корысти твоя въ тебѣ*, да еще изъ Псалтири разные псалмы, а какіе именно—онъ, Семень, не упомнитъ. По отпѣтїи же тѣхъ псалмовъ, означенный Побирахинъ въ противность Святыя Церкви толковалъ имъ тѣ псалмы, между чѣмъ онъ проговаривалъ, что онъ въ Писаніи нигдѣ не нашель, чтобъ поклоняться деревянному, или мѣдяному, или сребренному, или золотому, или каменному образамъ, а должно поклоняться человѣку, потому что онъ по образу и по подобію Божію созданъ. А потомъ всѣ объявленные разнаго званія люди, въ томъ числѣ и онъ, Жерноклевъ, по приказанію онаго Побирахина, какъ начали ложиться въ самую полночь спать, то каждый порознь подходили ко означенному Побирахину, двоекратно кланялись ему въ ноги и цѣловали его въ уста, а послѣ того, еще въ-третьи поклонясь въ ноги, отходили прочь; которое цѣлованіе и поклоненіе, вставши и по-утру, чинили. А сверхъ онаго, еще всѣ они, по приказанію его, всегда называютъ его „радостью“, а для чего—онъ, Семень, не знаетъ, а когда-де кто придетъ во время бытія означеннаго Побирахина въ дому, то никогда Богу не молятся, а только какъ скоро въ избу войдетъ, то упадетъ ему въ ноги, а потомъ поцѣлуетъ его во уста, что и онъ-де, Семень, по повелѣнію ихъ, все исполнялъ. И хотя тогда прочіе, имѣя о нечиреніи онаго въ записательство, и присягали, что они находятся въ Православной Вѣрѣ, какъ долгъ христіанскій велить, и ничего того показуемаго противнаго церкви творить не будутъ, но нынѣ паки и чрезъ ту присягу отступили, почему и оказывается, что они, конечно, какъ отъ меня и прежде Святѣйшему Правительствующему Синоду представлено. по ложной своей вѣрѣ содержатъ и отправляютъ особливое свое богопочитаніе и избираютъ особливыхъ своихъ священниковъ. И какъ ихъ

¹⁾ Объ этомъ однодворцѣ упоминается о разслѣдованіи о сектантахъ въ 1765 году. См. ст. *Былова*, въ Вор. Еп. Вѣд., 1890 г. № 4.

²⁾ Церковникъ Кирила Петровъ былъ, очевидно, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сектантовъ: его познанія въ области церковнаго богословія и его освѣдомленность во всѣхъ неприглядныхъ мелочахъ быта тогдашняго духовенства несомнѣнно отражались на характерѣ складывающагося сектантскаго ученія и дѣлали его болѣе обоснованнымъ и жизненно-правдивымъ.

въ разныхъ мѣстахъ сказывается всѣхъ теперь великое число, и всѣ они между правовѣрныхъ обращаются, то и могутъ они удобно прочихъ къ таковому же ихъ заблужденію совращать потаенно, чего и усмотрѣть никакъ невозможно. Того ради, заканчивалъ свое доношеніе преосвященный Феодосій, объ ономъ Святѣйшему Синоду въ главнѣйшее благоразсмотрѣніе симъ доношеніемъ всепочтеннѣйше представляя, что съ таковыми отступившими соблаговолено будетъ чинить, прошу покорнѣйше снабдить меня опредѣлительнымъ указомъ; означенный же церковникъ Кирила Петровъ, который содержался при Консистоіи моей подъ карауломъ, по присланному ко мнѣ сего года, Февраля 26-го дня, отъ господина Воронежскаго Губернатора сообщенію, взять къ нему въ Воронежъ, по особливому ему объ немъ повелѣнію, чрезъ нарочно, присланнаго, скованный“.

Это доношеніе Тамбовскаго епископа было получено въ Синодѣ 21-го Апрѣля; но за день ранѣе, т. е. 20-го Апрѣля, въ Святѣйшій Синодъ поступило секретное доношеніе отъ Тихова, епископа Воронежскаго и Елецкаго,—доношеніе, содержаніе котораго имѣло ближайшее отношеніе къ дѣлу, поднятому Тамбовскимъ епископомъ. Изъ этого доношенія открывается, что подобные же отступники отъ Православной Вѣры проникли и въ Воронежскую епархію, гдѣ они также обратили на себя вниманіе духовной и гражданской власти. Преосвященный Тихонъ писалъ слѣдующее.

„По присланному Ея Императорскаго Величества отъ Вашего Сіятельства ко мнѣ, низайшему, указу, велѣно о оказавшихся въ городѣ Воронежѣ Церкви Святой противникахъ: Дворцовой Битюцкой волости, села Тишанки, крестьянинъ Степанъ Кузнецовъ и его сообщникахъ, въ томъ числѣ здѣшняго фабриканта Василія Туликова крестьянинъ-жь Игнатъ Даниловъ, онъ же и Балычевъ*),—при опредѣленномъ отъ Воронежской Губернской Канцеляріи депутатѣ, по надлежащему, въ здѣшней Консистоіи изслѣдовать, развѣдывая при томъ, во-первыхъ, съ коего времени они отъ истиннаго благочестія отступили, кѣмъ именно, отъ него отвращены, и какой точно сектѣ научены, и гдѣ оныя ихъ учителя находятся, и сколько ихъ по тому развѣдыванію окажется, во-первыхъ, рапортовать, а по окончаніи слѣдствія, чему они за ихъ Церкви Святѣй противность, въ силу законовъ, будутъ подлежательны, со обстоятельнымъ всего того показаніемъ и съ приложеніемъ мнѣнія, представить Вашему Сіятельству безъ укос-

*) И объ этихъ лицахъ есть упоминаніе въ разслѣдованіи 1765 года. См. у *Былова*.

ненія и ожидать на оное указа. А прошлаго 1768-го года, Декабря 29-го дня, присланнымъ ко мнѣ генераль-майоромъ, кавалеръ и Воронежской губерніи губернаторъ Масловъ секретно сообщеніемъ объявля, отъ господина-де Генераль-Прокурора и кавалера князя Александра Алексѣевича Вяземскаго присланъ къ нему, губернатору, показанной фабриканта Тулинова дворовый челоувѣкъ Игнатъ Балычевъ *), въ содержаніи имъ Противъ Православной Вѣры раскола, съ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества ему, губернатору, повелѣніемъ, разсмотря о семъ, надлежащее и немедленное учинить опредѣленіе.—то какъ-де о таковыхъ же развратникахъ вѣры, въ силу Вашего Святѣйшества указу, мнѣ велѣно, при опредѣленномъ отъ Губернской Канцеляріи депутатѣ, изслѣдывать, и объявленный Балычевъ къ единственному производству и окончанію объ нихъ дѣлъ присланъ при томъ,—требовалъ: о содержаніи ихъ противъ Православной Вѣры раскола безъ продолженія изслѣдовать и по окончаніи онаго о всѣхъ со изъясненіемъ до каждаго касательства и какому они за преступленія свои подлежатъ будутъ наказанію, для донесенія Ея Императорскому Величеству, прислать къ нему, губернатору, экстрактъ, какъ возможно наискорѣе. А потомъ на посланные отъ меня сообщенія, присланными отъ него, губернатора, сего 1769-го года, Февраля 6-го и 10-го числъ, сообщеніями объявлено: къ показанному-де слѣдствію отъ него, губернатора, депутатомъ опредѣленъ Воронежской губерніи Губернаторскій Товарищъ, надворный совѣтникъ Поповъ, коему присутствіе при томъ слѣдствіи имѣть въ недѣли два дня, т. е. вторникъ и пятокъ, который въ то присутствіе того же Февраля съ 13-го и вступилъ, при коемъ съ того времени о показанныхъ Церкви Святѣй противникахъ и Православной Вѣры развратникахъ, въ силу вышеписаннаго присланнаго Ея Императорскаго Величества отъ Вашего Святѣйшества указа, слѣдствіе началось и въ помянутые дни хотя и производится, токмо оныя развратники не точію того, что къмъ они точно отъ истиннаго благочестія отвращены, и научены, и гдѣ оныя ихъ учителя находятся, нимало въ отвѣтахъ своихъ не изъясняютъ, но еще во время вопроса и увѣщанія о томъ въ присутствіи показываютъ немалыя суровости, упрямства и неучтивости, и, закрывая своихъ учителей, между прочаго объявляютъ рознорѣчно: нѣкоторые якобы сами начитавши въ книгахъ, иные—будто услыша въ церквахъ, а другимъ на мысль пришло и приняли въ разсужденіе, что *Богъ въ нерукотворенныхъ храмахъ живетъ и отъ длѣвъ рукъ челоувеческихъ утѣжденія не*

*) Какимъ образомъ Игнатъ Балычевъ попалъ къ генераль-прокурору кн. Вяземскому—изъ нашихъ документовъ не видно.

пріемлетъ; не сотворите себѣ образовъ рукотворенныхъ: образъ Божій—души человѣческая; егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною; ибо Господь таковыхъ ищетъ поклонниковъ; исповѣдайтесь Богу Небесному; Азъ есмь Хлѣбъ Животный, иже съестъ отъ Хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки; а отъ рукотвореннаго и бездушнаго Бога спасенія не положилъ. И затѣмъ они состоятъ въ слѣдующей сектѣ, а именно: 1-е, вѣруютъ въ Святую Троицу: Отца и Сына и Святаго Духа, молятся и кланяются Богу духомъ и истиною; 2-е, въ Церковь греческаго исповѣданія ко всякой службѣ не ходятъ, а вмѣсто того собираются на молитвословіе другъ къ другу въ дома, гдѣ вмѣстѣ поютъ и читаютъ изъ Псалтыри псалмы, Отче нашъ, и то свое собраніе почитаютъ за нерукотворенную церковь; 3-е, образамъ святымъ, написаннымъ на доскахъ и прочихъ орудіяхъ и литымъ, не поклоняются, и оныя за святую вещь не почитаютъ, а почитаютъ вмѣсто оныхъ человѣка, почему и поклоняются другъ другу, и лобызаются; 4-е, къ исповѣди къ попамъ они не ходятъ, а исповѣдываются Богу Небесному; 5-е, Святыхъ Таинъ, то есть: Тѣла и Крови Христовой, совершающихся въ церквахъ греческаго исповѣданія подъ видомъ хлѣба и вина, не принимаютъ и ихъ за истинныя Тѣло и Кровь Спасителя нашего не признаютъ и не почитаютъ, а почитаютъ за простой хлѣбъ и вино, и для того вмѣсто пріобщенія Святыхъ, Безсмертныхъ и Животворящихъ Таинъ, соблюденіе Слова Божія и исполненіе Его заповѣдей. 6-е, крестное знаменіе на себѣ не полагаютъ, и, оное вмѣняя ни во что, почитаютъ за щепоть, а вмѣсто того крестятся однимъ словомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа; 7-е, тайну крещенія оставляютъ такимъ порядкомъ: когда младенецъ родится, то онъ долженъ быть до самаго возраста безъ крещенія, для того, что по пришествіи въ возрастъ окрестится онъ Святымъ Духомъ, то есть покаяніемъ во оставленіе грѣховъ, кротостію, смиреніемъ и терпѣніемъ; 8-е, священниковъ, рукополагаемыхъ отъ архіереевъ, за истинныхъ не почитаютъ, а почитаютъ за истинныхъ священниковъ тѣхъ, кои отъ Самого Христа исполненіемъ дѣлъ Его посвящаются; 9-е, всѣхъ угодниковъ Божіихъ почитаютъ они за святыхъ, точію образамъ ихъ не поклоняются и мощей ихъ, яко тѣлъ мертвыхъ за святую вещь не признаютъ; а, 10-е, изъ нихъ Степанъ Кузнецовъ изъяснилъ, между де брачившимися отъ посвященныхъ архіереями священниковъ вѣнчаніе, яко отъ неистинныхъ, почитаютъ за неправильное, а по ихъ де истинному поклонничеству должно жениху избравъ себѣ невѣсту по любви, и при свидѣтеляхъ взявши и жить другъ съ другомъ по Закону Божію; 11-е, по отступленіи де отъ вѣры греческаго исповѣданія, таковой же секты, каковую они имѣютъ, никого не научали

и будто никого, кромѣ содержащихся съ ними, въ другихъ мѣстахъ таковой же секты людей не знаютъ; но напротивъ того, сего Марта 17-го дня, пришедъ въ Консисторію, во время присутствія, собою живущіе въ городѣ Воронежѣ однодворцы и женки, всего по именамъ семь человекъ, объявили, что они одинаго по согласію и ученію общества съ предписанными слѣдующимися въ Консисторіи при депутатѣ церкви святой противниками, хорчевникомъ Степаномъ Кузнецовымъ съ товарищи, и просили о принятіи ихъ къ содержанію обще съ ними; и такъ чрезъ оныхъ собою явившихся людей, явная объявленныхъ слѣдующихся развратниковъ Православной Вѣры въ показательствахъ, якобы они въ другихъ мѣстахъ таковой же секты никого не знаютъ, открылась ложь; и впредь какъ о таковыхъ же ихъ сообщникахъ, такъ паче и учителя, за чинимыми ими во время вопроса и увѣщанія о томъ не малыми суровостями и упрямствами и неучтивостями, сыскать и въ производствѣ слѣдствія желаемого успѣха получить неможно. Въ разсужденіи такового обстоятельства Консисторію моею приговорено и мною утверждено учинить слѣдующее: 1-е, о всемъ вышеписанномъ представить Вашему Святѣйшеству и всепокорно просить, каковыя, за вышеобъявленными обстоятельства, упомянутыхъ Церкви Святѣй противниковъ и Православной Вѣры развратниковъ во изысканіи священниковъ и учителей, для обстоятельнаго изслѣдованія и скорѣйшаго въ томъ успѣха, мѣры предпріять, снабдить меня повелительнымъ указомъ; а пока оный послѣдуетъ, показаннаго слѣдствія не останавливать, но во опредѣленные дни производить неотмѣнно, и производится; 2-е, къ здѣшнему господину губернатору секретно сообщить, и сообщено, съ тѣмъ, что не соблаговолятъ-ли и онъ о вышеписанномъ же, куда надлежитъ, отъ себя представить и что на то свое представленіе получить, меня увѣдомить; 3-е, въ Воронежскую Губернскую Канцелярію послать, и послана, промеморію съ тѣмъ, дабы благоволила о предписанныхъ, собою въ Консисторію приходившихъ Церкви Святѣй противникахъ, Кузнецову съ товарищи сообщникахъ, учинить достовѣрную справку, что они въ расколъ, въ силу указовъ, записаны-ль, и буде окажутся записаны, то о томъ Консисторію мою увѣдомить, если же не записаны, то ихъ прислать къ слѣдствію во оную Консисторію немедленно. О чемъ Вашему Святѣйшеству низайше донеся, имѣю ожидать о вышеобъявленномъ отъ Вашего Святѣйшества повелительнаго указа“.

Святѣйшій Синодъ, заслушавъ приведенныя доношенія Тамбовскаго и Воронежскаго епископовъ, опредѣлилъ: „съ объявленныхъ присланныхъ отъ преосвященныхъ Тамбовскаго и Воронежскаго архіере-

евъ доношеній, списавъ копіи, сообщить при вѣдѣніи, съ требованіемъ, что учинено будетъ, увѣдомленія, Правительствующему Сенату; а отъ Святѣйшаго Синода къ таковому жъ дальняго разврата предупрежденію и отвращенію преосвященнымъ Тамбовскому и Воронежскому епископамъ подтвердить указали, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оныя отъ Церкви Святой отступники находятся, священники пристойнымъ образомъ накрѣпко наблюдали, дабы отъ нихъ другіе православные таковымъ же заблужденіемъ заражены быть не могли, и если бы тѣхъ мѣстъ священники оказывались къ тому мало способными, въ такомъ случаѣ онымъ преосвященнымъ, переведши таковыхъ къ другимъ церквамъ, на ихъ мѣста изыскавъ къ тому достойныхъ опредѣлить; а при томъ онымъ же священникамъ подтвердить, что если при всемъ ихъ стараніи какія вновь открылись развращенія, то объ ономъ тѣмъ священникамъ немедленно доносить каждому своему епархіальному архіерею, а оныя жъ преосвященные представляли Святѣйшему Синоду въ немедленномъ же времени“.

Вѣдѣніе въ Сенатъ было отправлено Синодомъ 5-го мая 1769 года. Получено оно было здѣсь въ тотъ же день.

Въ Сенатъ такимъ образомъ накопилось уже два „вѣдѣнія“ Синода по дѣлу объ отступникахъ отъ Православной Вѣры: отъ 22-го Декабря 1768-го года и отъ 5-го Мая 1769-го года. Эти „вѣдѣнія“ были заслушаны Сенатомъ 20-го Мая 1769-го года и тогда же состоялось его опредѣленіе по этому поводу. Приводимъ его полностью, въ виду той важности, которую оно имѣло въ послѣдующей исторіи секты, съ неизбѣжными при этомъ повтореніями.

„1769-го года, Мая 20-го дня. По указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ по двумъ вѣдѣніямъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, прошлаго 1768-го года, декабря 22-го, и сего мая отъ 5-го чисель, изъ которыхъ объявляя: *первымъ* съ доношенія Тамбовскаго епископа Θεодосія, что Козловскаго уѣзда, Алешинскаго стана, села Жидиловки однодворцы, всего мужеска и женска полу двадцать шесть человѣкъ, отступили отъ истиннаго благочестія и содержатъ новую секту; а какъ они и еще имъ же подобныя—Тамбовскаго уѣзда, села Горѣлаго церковникъ одинъ, да села Лысыхъ-Горъ однодворцевъ по именамъ шесть человѣкъ, по справкѣ оказались въ расколъ не записные, то по посланнымъ изъ Святѣйшаго Синода указамъ оныя и другіе, имъ подобныя, всего мужеска и женска полу сорокъ человѣкъ въ Тамбовской Духовной Консисторіи при депутатѣ

отъ Тамбовской Провинціальной Канцеляріи о томъ, съ коего времени они отъ истиннаго благочестія отступили, и какой сектѣ послѣдователи, и къмъ во оную совращены и научены, и гдѣ оныя ихъ учителя находятся, допрашиваны; и показали себя отъ православной церкви отступниками, и по увѣщанію чрезъ учительнаго священника отъ секты не отступаютъ, объявляя при томъ: 1-ое, „что они, оставя благочестіе, во оную секту вступили въ 1767-мъ году, и вѣруютъ съ домашними своими въ истиннаго живаго Бога, въ Троицѣ святѣй славимаго: Отца и Сына и Святаго Духа, сотворшаго небо и землю, исповѣдуютъ такъ, какъ читается Символь Вѣры, а поклоняются Отцу и Сыну и Святому Духу не тѣломъ, какъ прочіе поклоняются, но духомъ своимъ истиннымъ; 2-е, Законъ Божій, преданный въ десяти заповѣдяхъ, приѣмлютъ и почитаютъ, кромѣ написаннаго во оныхъ заповѣдяхъ о почитаніи писанныхъ на доскахъ образовъ, которыхъ де они не приѣмлютъ, и не почитаютъ и не поклоняются имъ за тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ Божества и святости, а все-де то сдѣлано человѣческими руками; 3-е, въ Пречистую Божию Матерь они вѣруютъ и исповѣдуютъ и Ее чтутъ точію, вмѣсто поклоненія тѣломъ покоряются, какъ предъ Нею, такъ и предъ Апостолы, Пророки и всѣми Угодниками Христовыми, которыхъ-де они только почитаютъ; 4-е, въ крестъ же Христовъ они не вѣруютъ и не поклоняются за тѣмъ, что-де оный сдѣланъ изъ дерева человѣческими руками, а почитаютъ они Крестъ, то есть Слово Господне, за которое Господь нашъ Иисусъ Христосъ распятъ и Онимъ воскресъ; 5-е, крестное знаменіе рукою тремя первыми персты на себѣ не изображаютъ для того, что-де въ ономъ знаменіи нѣтъ спасенія, а крестятся Словомъ Господнимъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь; 6-е, въ церковь нашу православную не ходятъ, и всѣхъ таинствъ, обрядовъ и молитвъ не приѣмлютъ за тѣмъ что де оная церковь со всѣмъ, въ ней имѣющимся, сотворенная человѣческими руками, а въ совершаемыхъ въ ней таинствахъ, обрядахъ и молитвахъ нѣтъ никакого спасенія, а къ тому и таинства оныя устрояются человѣческими руками, а не отъ Бога, и преподаются священниками, имѣющими пьянство, сквернословіе и ссоры, и желаютъ де они ходить въ церковь нерукотворенную, соборную, апостольскую, собраніе святыхъ, о которой-де глаголетъ Господь: *вы есте церковь Бога живаго, Азъ же вселюся въ васъ и похожду по васъ и буду вамъ Богъ, И таинства Христовы принимать сотворенные отъ Самого Бога и оными причащаются, такъ же и исповѣдываются у священника, кого они сами изберутъ, такого, который посвященъ отъ Бога, и Слово приѣмлетъ отъ устъ Божіихъ; 7-е, изъ нихъ же однодворецъ Андрей Поповъ въ присутствіи говорилъ, писано-де есть: Богъ Отецъ—память, Богъ Сынъ—*

разумъ, Богъ Духъ Святой—воля; а церковникъ Кирила Петровъ о Святой Евхаристіи объявилъ: чтобъ въ ней бывъ хлѣбъ въ Тѣло и вино въ Кровь претворилась, того онъ не вѣруеть и не исповѣдуетъ, а исповѣдуетъ, что хлѣбъ отъ пшеницы, а вино—виноградный квасъ и вода бываетъ просто, также онъ въ Матерь Божию и Святыхъ Угодниковъ не вѣруеть, а только ихъ почитаетъ, и вмѣсто поклоненія покоряется предъ ними“; И потому онымъ Святѣйшимъ Синодомъ опредѣлено: тѣхъ, отступившихъ отъ благочестія, однодворцевъ и церковника въ чаяніи ихъ исправленія еще, *во первыхъ*, чрезъ учительныхъ священниковъ, а потомъ и самому Тамбовскому архіерею по пастырской должности, отъ Слова Божія увѣщевать, дабы они пришли на путь истины и обратились къ Святой Церкви, въ которой духовно родились; *вторымъ*—съ доношеній онаго жъ Тамбовскаго и Воронежскаго архіерея Тихона, что Тамбовской епархіи какъ тѣ прежніе, такъ и еще сверхъ оныхъ по вступившимъ дѣламъ и по объявленію самихъ ихъ оказавшіеся таковой же секты разныхъ жительствовавшихъ, всего мужеска и женска полу до двухсотъ тридцати двухъ человекъ, по сыску чрезъ Тамбовскую Провинціальную Канцелярію и по представленіи ихъ отъ опредѣленнаго отъ той же Канцелярии депутата, многократно отъ Слова Божія при ономъ депутатѣ были увѣщаны во-первыхъ учительными священниками, а потомъ и самимъ онымъ Тамбовскимъ архіереемъ, при Тамбовскомъ Воеводѣ и при прочихъ дворянѣхъ; но онаго увѣщанія не слушаютъ и не приѣмлютъ, но еще паче свою лживую вѣру правую быть утверждаютъ; изъ нихъ же нѣкоторые и прежде человекъ до десяти въ таковомъ же отступничествѣ находились, и хотя о нечиненіи того и присягу чинили, но нынѣ паки отступили, почему и оказывается, что они по ложной своей вѣрѣ содержатъ и отправляютъ особенное свое богопочитаніе, и избираютъ особенныхъ своихъ священниковъ; а какъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ оказывается великое число и всѣ они между правовѣрными обращаются, то и могутъ удобно прочихъ къ таковому жъ ихъ заблужденію совращать потаенно, чего и усмотрѣть никакъ невозможно; изъ нихъ же содержащійся въ Тамбовской Духовной Консисторіи подъ карауломъ той же секты послѣдователь церковникъ Кирила Петровъ, по присланному къ оному архіерею минувшаго февраля 26-го дня отъ Воронежскаго Губернатора сообщенію, взять къ нему въ Воронежъ по особливому объ немъ повелѣнію; а Воронежскій архіерей Святѣйшему Синоду на посланный къ нему, о учиненіи о таковыхъ же въ Воронежской епархіи оказавшихся Церкви Святой противникахъ: Дворцовой Битюцкой волости крестьянинѣ Степанѣ Кузнецовѣ и его сообщникахъ, слѣдствія, указъ представляетъ, что присланнымъ къ нему Воронежскій Губернаторъ

секретнымъ сообщеніемъ объявилъ, присланъ де къ нему, губернатору, отъ господина Генераль-Прокурора и кавалера князя Вяземскаго изъ тѣхъ же противниковъ фабриканта Тулинова крестьянинъ Игнатъ Болычевъ, въ содержаніи противъ Православной Вѣры раскола. съ такимъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества ему, губернатору, повелѣніемъ, чтобъ, разсмотря о семъ, надлежащее и немедленное опредѣленіе учинить, чего для и оный Болычевъ къ единственному о таковыхъ же развратникахъ вѣры слѣдствія производству представленъ съ такимъ требованіемъ, чтобъ о содержаніи ихъ раскола безъ продолженія изслѣдовать и по окончаніи онаго о всѣхъ съ изъясненіемъ до каждаго касательства и какому они за преступленія подлежатъ будутъ наказанію, для донесенія Ея Императорскому Величеству, прислать къ нему, губернатору, экстрактъ; а потомъ къ оному слѣдствію отъ него, губернатора, по требованію Воронежскаго архіерея, опредѣленъ депутатомъ Губернаторскій Товарищъ, надворный совѣтникъ Поповъ, а при слѣдствіи оныя раскольники не точію того, къмъ они точно отъ истиннаго благочестія отвращены и научены, и гдѣ оныя ихъ учителя находятся нимаго въ отвѣтахъ своихъ не изъясняютъ, но еще во время спроса и увѣщанія о томъ въ Присутствіи, показываютъ немалыя суровости, упрямства и неучтивости, и закрывая своихъ учителей, а о понятіи своей секты, которая въ чемъ состоитъ, о томъ съ отвѣтовъ ихъ въ томъ доношеніи показано объявляютъ разнорѣчно, и будто бы они никого кромѣ содержащихся съ ними въ другихъ мѣстахъ таковой же секты людей не знаютъ; но напротивъ того въ Консисторію являсь собою, живущіе въ городѣ Воронежѣ однодворцы и женки всего по именамъ семь человекъ, объявили, что они одинаго по согласію и ученію сообщества съ предписанными слѣдующимися въ Воронежской Консисторіи, Церкви Святой противниками, и просили о принятіи ихъ къ содержанію обще съ ними жъ, а чрезъ то и открылась явная тѣхъ развратниковъ въ показательствахъ, якобы они въ другихъ мѣстахъ таковой же секты никого не знаютъ, ложь; и впредь за таковымъ ихъ упрямствомъ и непреклонностью какъ о обращеніи къ благочестію увѣщанія чинить, такъ и слѣдствія производить болѣе невозможно, и чтобъ они то свое заблужденіе оставили и, въ незнаніе истины пришедъ, паки къ Церкви Святой обратились, надежды нынѣ не предусматривается, а потому и можетъ произойти прочимъ развратъ, а въ обществѣ безпокойство и смущеніе, то, въ предупрежденіе и отвращеніе онаго какія мѣры употребить надлежитъ, Святѣйшій Синодъ представляетъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, и для того, прилагая съ вышепомянутыхъ присланныхъ о томъ въ оный Синодъ отъ Тамбовскаго и Воронежскаго

архіереевъ доношеній копій, отъ Правительствующаго Сената требуетъ, что учинено будетъ, увѣдомленія, а къ упомянутымъ архіереямъ подтверждено, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оныя отступники находятся, священники пристойнымъ образомъ накрѣпко наблюдали, дабы отъ нихъ другіе таковымъ же заблужденіемъ заражены быть не могли, и если бы тѣхъ мѣстъ священники оказались къ тому мало способными, въ такомъ случаѣ, переведши ихъ къ другимъ церквамъ, на ихъ мѣста достойныхъ опредѣлить съ тѣмъ, что если бъ при всемъ ихъ стараніи какіе вновь открылись развращенія, то объ ономъ имъ немедленно доносить каждому своему архіерею, а оныя бъ представляли Святѣйшему Синоду; въ приложенныхъ же при томъ вѣдѣніи съ архіерейскихъ доношеній копійхъ содержаніе тѣхъ отступниковъ сверхъ выше-описанной секты показано слѣдующее: отъ Тамбовскаго, съ допроса однодворца Семена Жерноклева—„что онъ въ 1765 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, ѣздилъ въ домъ къ вышеупоминаемому Горѣловскому церковнику Кирилѣ Петрову для наученія божественнаго писанія, гдѣ и были того жъ села однодворецъ Ларіонъ Побирахинъ, (когого нынѣ за побѣгомъ не отыскано), съ прочими, всего человѣкъ до восьми, и оный Побирахинъ сидѣлъ за столомъ въ переднемъ углу, а прочіе все стояли и передъ нимъ пѣли изъ Библии, Захарія пророка 14-ю главу: *сія дни Господни ядутъ и раздѣлятся корысти твоя въ тебѣ*, да еще изъ Псалтыри разные псалмы, а какіе именно—онъ, Семень, не упомнитъ; по отпѣтіи же тѣхъ псалмовъ означенный Побирахинъ въ противность Святой Церкви толковалъ имъ тѣ псалмы. между чѣмъ онъ проговаривалъ, что онъ въ Писаніи нигдѣ не нашелъ, чтобъ поклоняться деревянному, или мѣдяному, или серебряному, или золотому, или каменному образамъ, а должно поклоняться человѣку, потому что онъ по образу и по подобію Божію созданъ; а потомъ все объявленные разнаго рода люди, въ томъ числѣ и онъ, Жерноклевъ, по приказанію одного Побирахина, какъ начали ложиться въ самую полночь спать, то каждый порознь подходили къ означенному Побирахину. двоекратно кланялися ему въ ноги и цѣловали его въ уста, а послѣ того, еще въ-третьи поклоняся въ ноги, отходили прочь, которое цѣлованіе и поклоненіе, вставши и поутру, чинили; а сверхъ одного еще все они, по приказанію его, всегда называютъ его „радостью“; а для чего—онъ, Семень, не знаетъ: а когда-де кто придетъ во время бытія означеннаго Побирахина въ дому, то никогда Богу не молятся, а только какъ скоро въ избу войдетъ, то упадетъ ему въ ноги, а потомъ поцѣлуеъ его въ уста, что и онъ, Семень, по повелѣнію ихъ, все исполнялъ“; отъ Воронежскаго—что тѣ отступники, между прочаго, объявляютъ о той ихъ сектѣ разнорѣчно: нѣкоторые—якобы сами

начитавшись въ книгахъ, иные—будто услыша въ церквахъ, а другимъ—на мысль пришло и приняли въ разсужденіе, что „*Богъ въ нерукотворенныхъ храмахъ живетъ и отъ длѣй рукъ человѣческихъ прозвѣдѣній не пріемлетъ, не сотворите себѣ образовъ рукотворенныхъ, образъ Божій—душа*)* человѣческая, егда истиннии поклонницы поклоняются Отцу духомъ и истиною, ибо Господь таковыхъ ищетъ поклонниковъ, исповѣдайтесь Богу Небесному, Азъ есмь Хлѣбъ Животный, иже съестъ отъ Хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки, а отъ рукотворенною и бездушною Богъ спасенія не положилъ“; и затѣмъ они состоятъ въ слѣдующей сектѣ, а именно: 1-е. вѣруютъ въ Святую Троицу: Отца и Сына и Святаго Духа, молятся и поклоняются Богу Духомъ и истиною; 2-е, въ церковь греческаго исповѣданія по всякой службѣ не ходятъ, а вмѣсто того собираются на молитвословіе другъ къ другу въ дома, гдѣ вмѣстѣ поютъ и читаютъ изъ Псалтыри *псалмы, Отче нашъ*, и то свое собраніе почитаютъ за нерукотворенную церковь; 3-е, образамъ святымъ, написаннымъ на десахъ и прочихъ орудіяхъ и литымъ не поклоняются и оныя за святую вещь не почитаютъ, а почитаютъ вмѣсто оныхъ челоуѣка, почему и поклоняются другъ другу и лобызаются; 4-е, къ исповѣди къ попамъ они не ходятъ, а исповѣдуются Богу Небесному; 5-е. Святыхъ Таинъ. то есть Тѣла и Крови Христовой, совершающихся въ церквахъ греческаго исповѣданія подъ видомъ хлѣба и вина, не принимаютъ, и ихъ за истинныя Тѣло и Кровь Спасителя нашего не признаютъ и не почитаютъ, а почитаютъ за простой хлѣбъ и вино, и для того вмѣсто пріобщенія оныхъ Таинъ почитаютъ они за причащеніе Святыхъ Безсмертныхъ и Животворящихъ Таинъ соблюденіе Слова Божія и исполненіе Его заповѣдей; 6-е крестное знаменіе на себѣ не полагаютъ и, оное вмѣняя ни во что, почитаютъ за щепоть, а вмѣсто того крестятся однимъ словомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа; 7-е, тайну крещенія оставляютъ такимъ порядкомъ: когда младенецъ родится, то онъ долженъ быть до самого возраста безъ крещенія для того, что по пришествіи въ возрастъ окрестится онъ Святымъ Духомъ. то есть покаяніемъ въ оставленіе грѣховъ, кротостію. смиреніемъ и терпѣніемъ; 8-е, священниковъ, рукополагаемыхъ отъ архіереевъ, за истинныхъ не почитаютъ, а почитаютъ, за истинныхъ священниковъ тѣхъ, кои отъ самого Христа исполненіемъ длѣй Его посвящаются; 9-е, всѣхъ Угодниковъ Божіихъ почитаютъ они за святыхъ, точію образамъ ихъ не поклоняются и мощей ихъ. яко тѣлъ мертвыхъ, за святую вещь не признавають; а, 10-е, изъ нихъ Степанъ Кузнецовъ изъяснилъ. между-де брачившимся

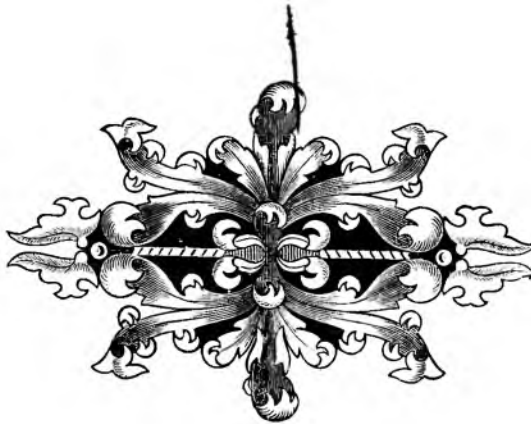
*) Въ подлинникѣ ошибочно: рука.

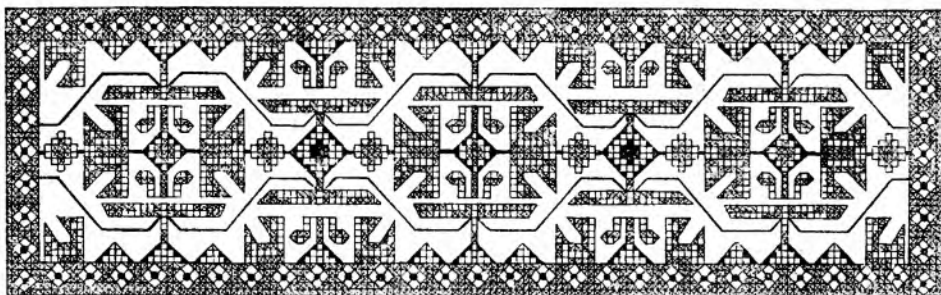
отъ посвященныхъ архіереями священниковъ яко отъ неистинныхъ, почитаютъ за неправильное, а по ихъ-де истинному поклонничеству, должно жениху, избравъ себѣ невѣсту по любви и при свидѣтеляхъ взявши ее, жить другъ съ другомъ по Закону Божию“. Приказали: хотя вышепрописанные разночинцы за отступленіе ихъ отъ благочестія и хуленіе онаго, по силѣ Уложения 1-й и 1-го Военнаго Артикула 1-й же главъ, 3-го пунктовъ, и подвергли себя не только тягчайшему наказанію, но и смертной казни, но какъ напротивъ того, по церковнымъ преданіямъ, основаннымъ на священномъ писаніи: грѣшники оставляются собственному ихъ въ погрѣшеніи признанію, а непризнавшіеся—времени къ познанію ихъ заблужденія и покаянію, то въ разсужденіи того, что оныя люди природы и воспитанія подлаго, которыхъ по легкомыслію и суевѣрію, равно и по невѣжеству не столько можно страхомъ смерти къ познанію истины привести, сколько другими средствами и временемъ, а паче слѣдую безпримѣрному Ея Императорскаго Величества человеколюбію и милосердію, должны имъ по законамъ осужденіе отмѣнить, а по случаю настоящей нынѣ съ турками войны и по надобности въ военныхъ людяхъ, гдѣ не только таковыя развратники, но и самые Церкви Святой дѣти и истинные сыны отечества противъ непріятеля жертвуютъ своею жизнію, и дабы сіи невѣжды, имѣвъ еще время къ раскаянію своего преступленія, военною службою доведены были до соединенія Святой Церкви со всеми благочестно живущими христіанами въ единомысленное Закона Божія,— (предписать) Воронежскому губернатору: 1-е, если изъ нихъ кто и понынѣ въ томъ своемъ заблужденіи состоитъ, мужескъ полу, не извиня старостию, начавъ отъ пятнадцати лѣтъ, всѣхъ безъ изыятія, отослать къ находящемуся нынѣ при возобновляемыхъ Азовской и Таганрогской крѣпостяхъ генералу-поручику Вернесу, которому, всѣхъ ихъ разобравъ, могущихъ нести военную службу, опредѣлить въ оную, въ число тамо состоящихъ военныхъ людей, а негодныхъ въ военную службу въ тамошнія при крѣпостномъ укрѣпленіи работы, сколько возможно, не соединяя ихъ въ одни мѣста и команды, и съ такою при томъ предосторожностію, чтобъ они, будучи тамъ, никакого между собою въ согласіе ихъ суевѣрія сообщенія не имѣли и той ихъ прелести не разсѣвали, чего для за ними накрѣпко приказать смотрѣть; 2-е, малолѣтнихъ дѣтей ихъ мужеска жъ полу, пятнадцати лѣтъ и ниже, то есть до пятилѣтняго возраста, разослать для обученія російской грамотѣ въ гарнизонныя школы, и, по приспѣяніи ихъ въ совершенныя лѣта, равно съ прочими находящимися въ тѣхъ школахъ солдатскими дѣтьми распределить по способности по полкамъ, а пятилѣтнихъ и ниже отослать на воспитаніе въ Сирочитательный домъ: но всѣхъ

изъ сихъ положенныхъ въ подушный окладъ тѣмъ селеніямъ, изъ коихъ оныя преступники, въ рекрутскіе наборы не зачитать для того, что они до нынѣ въ тѣхъ селеніяхъ терпимы были безъ объявленія объ нихъ, къ тому жъ оныя по законамъ подлежательны смертному осужденію, а избавлены отъ того только по одному челоуѣколюбію и милосердію Ея Императорскаго Величества, то по сему таковыя оному зачету и не подлежатъ; а потому, 3-е, имѣнія ихъ, то есть наличный, стоячей, молочный и въ землѣ посѣянный хлѣбъ, скотъ, дворовое строеніе и прочее, тому подобное описавъ, наблюдая при томъ, чтобъ все оное ихъ совмѣстниками или и самими тѣми преступниками чрезъ посредство другихъ растащено и разграблено не было, продать съ публичнаго торга, а земли при тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они жителство имѣли, раздѣлить прочимъ тѣхъ мѣсть жителямъ, которые за нихъ положенную до будущей ревизіи тягость нести принуждены останутся, и вырученныя продажею деньги употребить на отправленіе и препровожденіе, такоужъ и пропитаніе тѣхъ преступниковъ и ихъ дѣтей до повелѣнныхъ мѣсть, по его губернаторскому разсмотрѣнію; а затѣмъ, 4-е, жены сихъ преступниковъ въ томъ же заблужденіи утвердившіяся имѣютъ остаться при своихъ мужьяхъ на такомъ основаніи, какъ и прочія солдатскія жены, на собственномъ мужей ихъ попеченіи состоять, но съ тою только предосторожностью, чтобъ они отиудъ въ прежнихъ ихъ жителствахъ не остались; а вдовъ и дѣвокъ, пришедшихъ въ совершенный возрастъ, выведя изъ тѣхъ въ другія жъ селенія, раздать на содержаніе прочимъ правовѣрнымъ и добраго житія однодворцамъ и крестьянамъ съ тѣмъ, чтобъ они, пользуясь будущими при домахъ ихъ отъ нихъ работами, старались вывести оныхъ изъ заблужденія и присоединить Святой Церкви, и тогда по мѣрѣ каждой заслуги и склонности роздали ихъ въ замужество въ казенныя разныя селенія за тѣхъ, кто ихъ взять пожелаетъ, а буде ко взятыю ихъ желающихъ въ казенныхъ селеніяхъ не отыщется, то и за другихъ разночинцевъ, въ вѣрѣ благочестивой пребывающихъ; не пришедшихъ же въ совершенный возрастъ по выше прописанному о малолѣтнихъ мужеска полу ихъ дѣтяхъ основанію отослать въ Сиропитательный домъ, а о самыхъ престарѣлыхъ женщинахъ и неспособныхъ въ замужество дѣвкахъ, которые не могутъ никакой нести работы и никѣмъ, благочестно живущимъ, на содержаніе взяты не будутъ, къ точному объ нихъ положенію прислать въ Сенатъ имянную вѣдомость; а наконецъ, 5-е, если и еще сверхъ оныхъ въ сей же сектѣ пребывающіе или подобные имъ преступники окажутся, то и съ тѣми ему, губернатору, поступать такимъ же порядкомъ, какъ о сихъ преступникахъ положеніе сдѣлано.

но прежде доносить Сенату. И о томъ Воронежскому губернатору, въ Военную Коллегію, Главную Дворцовую Канцелярію, Московскаго Воспитательнаго Дома въ Опекунскій Совѣтъ послать указы, а для вѣдома въ Святѣйшій Синодъ и Московскія Сената Департаменты сообщить вѣдѣнія, а Ея Императорскому Величеству донести всеподданнѣйшимъ рапортомъ.

Н. Г. Высоцкій.

**Изъ переписки Графа Л. Н. Толстого съ П. И. Бартевымъ
(о „Войнѣ и Мирѣ“).**

(1867 годъ).

Въ одномъ мѣстѣ разсужденія Пьера о жи онъ говоритъ: *Императоры (заманивали) спорятъ о томъ кто предложитъ Наполеону свою дочь въ незаконныя (дочери) жены.* Ежели это опасно то замѣните: Имп. Австр. считаетъ себя счастливымъ что успѣлъ прежде другихъ предложить свою дочь въ незаконную жену.—

Не получалъ еще корректуръ а нахожусь въ хорошемъ рабочемъ духѣ. Только бы еще на мѣсяць.—

Четвертаго тома первые листы пришлю на этой недѣлѣ.—Пора бы напечатать объявленія.

14 Ноября.

Л. Толстой.

26 Ноября.

Посылаю послѣднія корректуры 3-го тома. Я измучился за ними. но за то единственной стороной доволенъ. Онѣ страшно измараны. Въ большей части есть подрядъ переписанные для ясности листы. Въ нѣкоторыхъ—нѣтъ. Но прочесть и разобрать все можно. Ежели же бы вышло недоразумѣніе-неясность, лучше велите прислать мнѣ еще разъ корректуры.

Во многихъ листахъ пришитыхъ и сплошь переписанныхъ (для ясности) прибавлено иногда и измѣнено. Однимъ словомъ *держаться надо редакціи переписанныхъ листовъ.*

Эти всѣ гранки самое важное мѣсто романа—узелъ. Ради Бога просмотрите повнимательнѣе и при малѣйшемъ сомнѣніи пришлите мнѣ другой разъ.

У меня въ головѣ страшный дурманъ—я 4-й день не разгибаясь работаю и теперь 2-й часъ ночи.

Четвертый томъ пойдетъ легко, завтра пришлю еще рукописи.

Л. Толстой.

Пришлите мнѣ экземпляръ.

Отвѣчайте поскорѣе.

Наполеонъ говоритъ Балашеву: „Бенигсенъ долженъ бы возбуждать въ Имп. Ал. ужасныя воспоминанія“. Это и тому подобныя мѣста вымарывайте ежели вы найдете ихъ опасными въ цензурномъ отношеніи. Даю вамъ *carte blanche* вымарывайте все что покажется опаснымъ. Вы лучше меня знаете что можно и нельзя.

Предисловіе я пришлю Вамъ и прежде чѣмъ его набирать вы прочтите въ рукописи и напишите свое мнѣніе.

Вашъ Л. Толстой.

6 Декабря.

Посылаю еще рукопись любезный Петръ Ивановичъ. Она написана разными руками и въ ней много есть французскаго (кот. надо переводить) и потому пожалуйста скажите въ типографіи чтобы лучше корректировали. Я не задержу рукописи но меня задерживаетъ типографія. Я не получалъ листовъ III т. и послѣднихъ корректуръ 4 т. хотя отъ меня все уже давно отослано. Когда то что я посылаю будетъ набрано сообщите мнѣ сколько это будетъ листовъ. Мнѣ это нужно для соображенія.

Въ томъ что я посылаю есть тоже опасныя мѣста въ цензурномъ отношеніи; пожалуйста руководствуйтесь тѣмъ что я вамъ писалъ въ послѣднемъ письмѣ т. е. вымарывайте все что сочтете опаснымъ. Теперь когда дѣло приближается къ концу на меня находить страхъ какъ бы цензура или типографія не сдѣлала какой нибудь гадости. Въ обоихъ случаяхъ одна надежда на васъ.

Вашъ Л. Толстой.

8-го Декабря.

Посылаю двѣ пачки гранокъ 4-го тома, остальные четыре пришлю завтра вмѣстѣ съ рукописью. Еще посылаю сверстанный листочекъ привезенный женою. Вы меня совѣмъ не поняли, или я не умѣлъ объяснить въ моемъ письмѣ: но вышло Богъ знаетъ что и хорошо что я могъ поправить. Я поправилъ такъ что число линеекъ одинаково и переверстки не будутъ.

Цѣна за три тома съ билетомъ на четвертый 7 р. сер. По выходѣ всѣхъ 4-хъ 8 р.

Въ первыхъ главахъ 4-го тома есть французское письмо Им. Алек. къ Наполеону я не поправлялъ ошибки—его поправить по печатному у Богдановича и перевести надо.

Съ нынѣшняго дня я чувствую себя здоровымъ послѣ долгаго періода нездоровья и теперь надѣюсь что съ моей стороны работа закипитъ.—

Отчего вы отказываетесь отъ веденія дѣла съ типографіей? Не отказывайтесь пожалуйста, а ежели вамъ не въ трудъ и вы хотите помочь мнѣ, то пожалуйста позвольте чтобы деньги Рису проходили черезъ ваши руки. Онъ у меня былъ получилъ 200 р. еще получилъ я письмо въ которомъ онъ лаконически требуетъ 500 и я ничего не понимаю. Будьте такъ добры переговорите съ нимъ съ контрактомъ въ рукахъ.

Читать въ пользу славянъ я очень радъ, т. е. согласенъ. Билета я не получалъ но это все равно печатайте его. Сверстанные листы 3-го тома я не задержу дня.—

Жена говоритъ что вы не унываете и на меня не сердитесь чему я очень радъ.

Вашъ Л. Толстой.

4 Декабря.

Посылаю еще двѣ пачки гранокъ въ надеждѣ что вы не пропустите въ нихъ безобразій.

22 Декабря 2 часа ночи

Посылаю двѣ тетради гранокъ *отъ 41 до 58*. Я очень торопился ихъ отправить и боюсь чтобы не переврали пожалуйста повнимательнѣе просмотрите ихъ и ежели вамъ покажется неясно или очень нескладенъ слогъ пришлите мнѣ ихъ другой разъ. Онѣ такъ перемараны что я не могу судить. А я очень дорожу *собратьемъ въ слободскомъ дворцѣ*.

Въ 3-мъ томѣ много опечатокъ.

Какъ идетъ продажа?

Сколько выдетъ листовъ изъ того что теперь есть 4 т. въ типографіи?

Вашъ Л. Толстой.

23. 7 ч. утра

Распросукинъ сынъ Рису второй разъ будить меня всерединѣ ночи. Разъ прискабалъ ночью, а нынче напугалъ васъ съ женою ночной телеграммой. Ему нужны деньги для того чтобы шла его типографія, а мнѣ нуженъ сонъ для того чтобы шла моя машина.

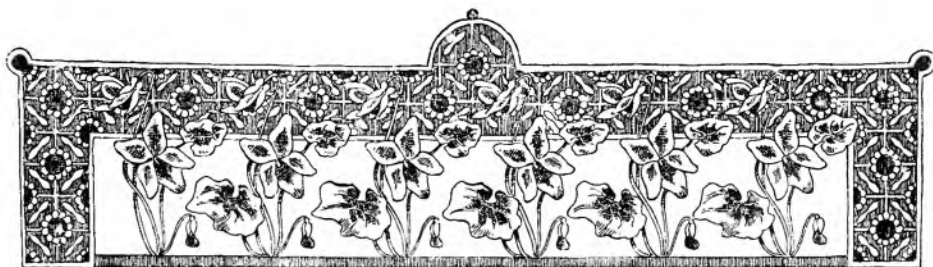
Онъ проситъ 2000 рублей денегъ. Я очень радъ заплатить ихъ, но по тому условію которое у меня есть я не знаю обязанъ ли я теперь заплатить ему столько. (Въ находящемся у меня условіи нѣтъ ни слова о срокахъ платежей).

Если я обязанъ заплатить теперь, то, пожалуйста тотчасъ же выдайте ему требуемыя имъ деньги, безъ всякихъ соображеній. Если же я не обязанъ еще заплатить эти деньги то всетаки *выдайте* ихъ ему, но только съ соблюденіемъ для меня нѣкоторыхъ выгодъ, а именно выговоривъ у него уничтоженіе всякихъ штрафовъ и мелкихъ начетовъ за корректуры и предупредивъ его что 4 томъ не кончится раньше половины Января.

Будутъ ли работать въ типографіи и во время праздниковъ.—

Не сердитесь на меня любезный Петръ Ивановичъ за это можетъ быть неприятное для васъ порученіе и помогайте мнѣ попрежнему.

Дальнѣйшая рукопись будетъ прислана 28-го.

Къ Исторіи Московской Оружейной Палаты

Наше хранилище Государственныхъ реликвій и цѣнностей давно ожидаетъ своего историка, и если кое что и сдѣлано по описанію хранящихся въ немъ драгоценностей, то болѣе чѣмъ недостаточны тѣ свѣдѣнія, которыя говорятъ о томъ, какъ созидалась Оружейная Палата и какъ она шла на протяженіи своего уже не краткаго существованія.

Печатаемая переписка Михаила Яковлевича Волкова и Тимофея Тимофеевича Савелова можетъ послужить камнемъ при созиданіи исторіи Палаты, тѣмъ болѣе, что она касается именно того времени когда эта Палата приводилась въ извѣстность и описывалась. Одинъ изъ корреспондентовъ до конца жизни оставался на службѣ при Оружейной Палатѣ и скончался въ 1741 г. въ Петербургѣ, куда отвозилъ короны для церемоніала погребенія Императрицы Анны Іоанновны.

Извлечены эти письма изъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора (Оп. 36-я № 1952).

Л. М. Савеловъ.

Письма изъ С. Петербурга отъ Генерала Михайла Яковлевича къ Статскому Совѣтнику Савелову

1736-года.

Копія.

Высокоблагородный и высокопревосходительный Господинъ Господинъ Генераль Лейтнантъ и Ковалеръ

Милостивый Государь мой Михайла Яковлевичъ

За высоко благоприятнѣйшѣе вашего высокоблагородія письмо прешедшаго декабря отъ 30-го, а получено сего генваря 5-го числа

по премногу благодарствую на что вашему Высокопревосходительству доношу въ мастерской и оружейной палатѣ и въ казенномъ приказе все состоитъ Милостію Божію благополучно, по отбытіи Вашемъ изъ Москвы въ Санктъ Питербурхъ Правительствующаго Сената ис конторы и ис канцеляріи его графскаго Сіятельства Семена Андреевича Салтыкова каковы указы въ мастерскую и Оружейную палату получены о томъ при семъ прилагается реестръ

У подлиннаго письма подписано тако

Вашего высоко благородія Превосходительнейшаго Государя, моего всепокорный слуга Тимофей Савеловъ

генваря 13-го дня

1736-го году

Москва.

Подлинное письмо и при немъ реестръ для посылки въ Санктъ Питербурхъ отдано копейсту Афонасью Семенову того жъ числа.

На конверте

Высокоблагородному и высоко превосходительному Господину, Господину. Генералу Лейтнанту и ковалеру Милостивому Государю моему Михаилу Яковлевичу Его Превосходительству Волкову.

Реестръ

1735 указъ ис канцеляріи Его Графскаго Сіятельства Семена Андреевича Салтыкова о представленіи для отправленія въ Санктъ Питербурхъ ко двору Ея Императорскаго Величества мастерицъ которые золотомъ шьютъ штп человѣкъ

1736 году въ генваре

2 дня о взысканіи по вершенымъ дѣламъ пошлинь на виноватыхъ по силе указовъ Ея Императорскаго Величества безъ всякаго замедленія не запуская въ доимку и о репортованіи куда по указомъ надлежитъ и для того Юстицъ Колегіи и канторе имѣя о томъ по силе указовъ исправные репорты взысканіе имѣть не ослабное чтобъ отнюдь въ тѣхъ пошлинахъ никакой доимки не было

2 дня о отнятїи ранга у статского дѣйствительнаго Совѣтника Юстицъ Колегіи вице президента Григорья Ергольскаго за неправо

имъ Ергольскимъ въ Юстицъ Канторе объявленіе Сенатскаго приказа и о бытіи ему Статскимъ Совѣтникомъ и о взятіи съ него штрафа въ канцелярію конфискаціи тысячи рублейъ и о вычете жалованья на полгода у совѣтниковъ князь Алексѣя Шаховскаго и князь Федора Щербатова

5 дня объ отсылке ото всехъ казенныхъ зборовъ собираемые мелкіе серебряные денги въ манетную канцелярію

7.—О отвѣти по одной ранге у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Зыбина да маэора Степана Ступишина и быть имъ Алексѣю Зыбину Статскимъ Совѣтникомъ а Степану Ступишину Капитаномъ а Секретаря Назарова въ канцеляристы и о взятіи съ нихъ въ канцелярію конфискаціи штрафа з Зыбина пяти сотъ рублейъ Ступишина и з секретаря по двести рублейъ

7-го дня о покупке въ губерніяхъ и провинціяхъ для укомплектованія полковъ лошадей.

12-го дня о выдачѣ посылающимся въ Санктъ Питербурхъ ко двору Ея Императорскаго Величества шести человекъ мастерицъ которые шьютъ золотомъ заслуженаго жалованья на майскую и сентябрьскую трети 735 году по окладомъ ихъ изъ штатсъ конторы

Благородный и почтенный Господинъ Статскій Совѣтникъ

Государь мой Тимофѣй Тимофѣевичъ

На прешедшей почтѣ декабря отъ 30-го числа изъ Санктъ Питербурха писалъ я до Вашего благородія о увѣдомленіи меня о состояніи присутствія нашего въ Мастерской полатѣ; на которое какъ и по прѣздѣ моемъ ни единого писма отъ васъ не получалъ токмо нынѣ о состояніи нашего присутствія въ Мастерской полатѣ хотя секретарь и пишетъ чему обстоятельнаго уверенія не имѣю того ради ваше благородіе какъ по прежнему такъ и по сему и впредь о обстоятельствѣ извольте увѣдомить.

Вашего благородія всегдашній слуга Михайла Волковъ

Санктъ Питербурхъ
 генваря 13-го дня 1736-году
 Получено генваря 18-го дня

Господинъ Секретарь

письмо твое писанное из Москвы генваря 6-го числа въ Санктъ-Петербургъ генваря 10-го дня о благополучномъ состояніи присутствія моего въ Мастерской полатѣ; я получилъ токмо впродъ ежели во оную полату будутъ вновь присланные отъ куда о чемъ указы тако жъ увѣдомляй по вся почты о чемъ же я и къ Тимофѣю Тимофѣевичу писалъ на которое письмо извѣстія никакого не получилъ. Однако жъ ты его благородію о семъ объяви чтобъ по прежнимъ моимъ письмамъ изволилъ увѣдомлять меня писменно отъ себя Генераль Лейтнантъ Волковъ

Генваря въ 13-й день 1736-го года

получено генваря 18-го дня

Высокоблагородный и Высокопревосходительный Господинъ Господинъ Генераль Лейтнантъ и ковалеръ

Милостивый Государь мой Михайло Яковлевичъ

За высокоблагоприятнейшее вашего высокоблагородія письмо сего генваря отъ 13-го а получено сего жъ генваря 18-го числа по премного благодарствію на что вашему высокопревосходительству доношу въ мастерской и оружейной полатѣ и въ казенномъ приказѣ все состоитъ милостію Божію благополучно а что изволите писать на прошедшей почте отъ 30-го числа декабря мѣсяца изволили ваше высокоблагородія писать ко мнѣ о состояніи присутствія вашего жъ высокоблагородія въ мастерской полатѣ на которое отъ насъ якобы ни единого письма не получилъ и о томъ вашему высокоблагородію доношу на оныя письма на прошедшей почте генваря 13-го дня я до вашего высокопревосходительства о состояніи мастерской и оружейной полаты писалъ и при томъ письме присланнымъ по отбыти вашему изъ Москвы указомъ сообщенъ реестръ и оное письмо для посылки до вашего высокопревосходительства отдано подьячему Афонасию Семенову а что послѣ оныхъ указовъ въ приылке еще имѣется о томъ при семъ сообщенъ реестръ

У подлиннаго письма подписано тако:

Вашего высокоблагородія превосходительнейшего Государя моего всепокорный слуга Тимофей Савеловъ

Генваря 20-го дня 1736-году Москва

Подлинное письмо и при немъ реэстръ для посылки въ Санктъ Питербурхъ отдано Подканцеляристъ Василей Ивановъ подалъ въ канцелярію Его Превосходительства Михаила Яковлевича Волкова секретарю Пегру Федоровичу Васильеву генваря 20-го дня 1736 году

Реэстръ

Генваря въ 14-й день.

Указъ изъ Канцеляріи Его Графскаго сіятельства Семена Андреевича Салтыкова объ отсылке изъ мастерской и оружейной полаты въ дворцовую щетную комиссію вѣдомостей и щетовъ безъ замедленія и объ отвѣтствіи зачѣмъ оныя щеты въ ту комиссію не отосланы по которому указу въ означенную комиссію вѣдомости поданы а въ канцелярію Его Графскаго сіятельства объ ономъ отвѣтствовано

Благородный и почтенный Господинъ Статскій Совѣтникъ

Государь мой Тимофей Тимофѣевичъ

Письмо ваше отнущенное изъ Москвы генваря отъ 13-го числа въ Санктъ Питербурхе 17-го дня о благополучномъ состояніи присутствія нашего мастерской полаты и при томъ сообщенной присланнымъ указомъ реэстръ я получилъ о чемъ и впредь насъ извольте увѣдомлять

Вашъ Государя моего всегдашній слуга

Михайла Волковъ.

Изъ Санктъ Питербурха
генваря 20-го дня
1736 году

получено Генваря 25 дня.

Высокоблагородный и высокопревосходительный Господинъ Господинъ Лейтнантъ и ковалеръ

Милостивый Государь мой Михайло Яковлевичъ

За высоко пріятнѣйшее вашего высокоблагородія письмо сего генваря отъ 20-го а получено сего жъ генваря 25-го числа по премоного благодарствую, на что вашему высокопревосходительству доношу въ

мастерской и во оружейной полате и въ казенномъ приказе все состоитъ милостию Божію благополучно а что въ присылке во означенной полатѣ имѣйтца о томъ при семъ сообщенъ реэстръ между тѣмъ требуютъ промеморію ис щетной дворцовой комисіи о мастерской и оружейной полатѣ, и о казенномъ приказѣ и о конюшенной казнѣ и о верховыхъ соборехъ и церквахъ ризницахъ и о прочихъ всѣхъ вещахъ о присылке къ щету подлинныхъ описныхъ книгъ и съ нихъ точныхъ копей со всякимъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ за руками той полаты присутствующихъ въ немедленномъ времени. на которое ихъ требованіе вашему высокопревосходительству доношу, что оное сочинять не кимъ. По неже приказныхъ служителей имѣется только восемь человекъ а при прежнихъ описяхъ было болѣе тридцати человекъ да и не подлежитъ вторичныхъ щетовъ сочинять понеже той казнѣ описи и осмотръ з достовѣрнымъ свидѣтельствомъ произведены были послѣ смерти князя Прозоровского по имяннымъ указомъ княземъ Одоевскимъ и Плещеевымъ и о томъ въ Сенатъ описные книги поданы и то вмѣнятся въ такой же щетъ, а послѣ князя Одоевского по имянному жъ указу велено по описи жъ принять вашему Превосходительству, чего для и опись начата (но не окончена за множествомъ вещей) и ежели въ ту комисію подлинныя описные книги отослать то вашему Превосходительству почему будетъ опись той казнѣ и приемъ чинить; къ тому жъ будетъ напрасныя два канцелярскіе затрудненія и вашему Превосходительству въ осмотре и описи и о приемѣ не малая остановка и для того тѣхъ книгъ къ щету ни которыми дѣлы отдавать невозможно да и вещей которые въ вѣдомствѣ вашего превосходительства не публичныя не таѣ какъ деньги, которымъ надлежитъ быть, въ секретѣ а въ протчихъ мѣстахъ безвѣстнымъ—а ежели въ ту комисію о семъ дать звать то многіе о нихъ будутъ вѣдать чего ради вашему Превосходительству мнѣніе свое предлагаю ежели соизволите о семъ доложить Ея Императорскаго Величества чтобъ въ ту комисію щетовъ и книгъ не отпускать пока опись и осмотръ свидѣтельствомъ окончитца отъ Вашего Превосходительства по неже ныне не освидѣтельствовавъ подлинно и остатку показать не можно. А что какихъ во оную полату въ присылке указовъ при семъ сообщенъ реэстръ, а съ присланной и з дворцовой щетной Комисіи промеморіи копія

Вашаго высокоблагородія Превосходительнѣйшаго Государя моего всепокорный слуга

на подлинномъ подписано тако:

Тимофей Савеловъ

Генваря 27-го дня
1736 году
Москва.

Подлинное писмо и при немъ реэстръ указомъ и промеморію подалъ въ пакете подканцеляристъ Василей Ивановъ а принялъ на почту въ канцеляріи Его Превосходительства Михайла Яковлевича Волкова Секретарь Петръ Федоровичъ Васильевъ того жъ числа.

Реэстръ.

Указы Правительствующаго Сената ис Канторы для вѣдома

Генваря въ 26-й день

О береженіи во всемъ Государстве для флота лесовъ и о порядномъ оныхъ на казенные дѣла заготовленіи и при немъ печатной одинъ указъ.

Чтобъ бѣглые драгуны солдаты матрозы и рекруты явились изъ бѣговъ собою о продолженіи срока будущаго 1737-году генваря до 1-го числа и объ опредѣленіи годныхъ безъ суда и безъ наказанія въ службу а негодныхъ объ отпуске на прежни жилища и о прочемъ и при немъ печатной одинъ указъ

Въ 27-й день

Указъ изъ Санктъ Питербурха ис Правительствующаго Сената о поступке по силе инструкціи ревизіонъ коллеги и о сочиненіи щетовъ и о подачѣ оныхъ щетовъ въ ревизіонъ коллегію въ указной срокъ.

Промеморія

Двора Ея Императорскаго Величества и главной дворцовой канцеляріи изъ учрежденной щетной Комисіи въ мастерскую и оружейную полату въ присланныхъ въ тое Комисію, ис той мастерской и оружейной палаты промеморіи на требованіе той комисіи къ произведенію той мастерской и оружейной палаты щетовъ, ведомостяхъ показано по мастерской де полате въ правленіи имелось и ныне имѣются описью и осмотромъ и приходомъ и расходомъ по описной книгѣ главнѣйшія алмазныя и прочія вещи да одиннадцати верховыхъ соборовъ и церквей по описнымъ же книгамъ ризницы, да зборъ съ

Кисловскіе и съ протчихъ земель оброчные денги по окладной книге а казеннымъ де всякимъ и другимъ вещамъ изъ году въ годъ росписныхъ списковъ не иментца а имѣтца де главнѣйшимъ алмазнымъ и прочимъ вещамъ описная книга 722 году за рукою полковника князя Одоевского, которая де книга написана съ переписной книги 700-году и осмотру 720 году да описная жъ книга 727 году за руками ево жъ князя Одоевского, да Статского Совѣтника Афонася Савелова, по которымъ де книгамъ по силѣ состоявшагося Ея Императорскаго Величества имянного указу прошедшаго 733 году апрѣля 14-дня, велено тое мастерскую полату вмѣсто князь Василья Одоевского ведать генералу Лейтенанту и ковалеру Господину Волкову, по которому указу она опись и осмотръ по описнымъ книгамъ за разобраніемъ многихъ вещей свидѣтельствомъ по ныне еще не окончено, а пооружейной полате въ правленіи имѣлась и ныне имѣется Оружейная и конюшенная всякая казна всякими вещами съ разными уборы золотую и серебряною оправою и съ каменьи съ алмазы и съ изумруды и съ яхонты и з другими каменьи по описнымъ книгамъ 711 году а казеннымъ де всякимъ вещамъ изъ году въ годъ росписныхъ списковъ не имѣтся а имѣтца де описные книги означеннаго 711-году, книга оружейная казне ружью и всякимъ ружейнымъ вещамъ за рукою столника Матвѣя Головина вторая описная того жъ 711 году конюшенной седельной казне и всякимъ вещамъ за рукою ево жъ Головина, да съ тѣхъ же описныхъ книгъ сочинены две жъ книги по силѣ имянного указу 727-году октября 20-го дня свидѣтельства Дѣйствительнаго Статского Совѣтника князя Одоевского, да Статского Совѣтника Афонася Савелова, по которымъ де книгамъ та опись производилась съ 727 по 730 году съ отмѣтками подъ статьями рукою оныхъ Одоевского и Савелова, книга жъ оружейной казне ружью и протчимъ уборомъ за справою канцеляриста Фомы Иванова, въ которомъ де подъ статьями и расходъ ис техъ вещей подписанъ, руками оныхъ же Одоевского и Савелова по которымъ де книгамъ по силе вышеписанного же имянного указу прошлого 733 году апрѣля 14-го дня велено Оружейную полату вѣдать означенному жъ генералу и ковалеру Господину Волкову а по казенному де приказу, на казенномъ дворе въ правленіи имѣлось и ныне имѣтца охраненіемъ золотая и серебряная и прочая посуда и разные вещи по описной книге, которая описана въ 719-мъ году и описная де книга въ томъ же году июня 17 дня, въ Санктъ Питеръ Бурхъ подана въ Штатсъ контору. а въ казенномъ де приказе оставлена такая же и росписныхъ де списковъ казеннымъ всякимъ и другимъ вещамъ изъ году въ годъ не имѣтца жъ а имѣютца описные книги, а имянно книга описная 719-году которая со-

чинялась марта съ 21 мая 1-е число по приговору за рукою боярина князя Прозоровского за скрепами по листамъ дяковъ Бориса Артемьева Ивана Сумороцкого Романа Смирнова, вторая описная книга сочинена съ означеной съ описной книги 719-го году по силѣ именного указу 720-году свидѣтельства полковниковъ князь Василья Одоевского да Ивана Плещеева столника Афонася Савелова зачалась 721 году октября съ 18 дня и производилась 729-го году іюня по 6-е число за скрѣпою по листамъ означеннаго князь Одоевского и Савелова, вторая подъ статьями и расходъ подписанъ, книга же описная перечневая серебряной и прочей посуды сочинена по силѣ указу изъ верховнаго тайнаго совѣта 727 году со оной описной книги съ нумерами и съ вѣсомъ съ отмѣтками означеннаго Одоевского и Афонася Савелова, книга жъ описная по большой казне оставшимъ товаромъ и прочему и взятой серебряной посудѣ на казенной дворѣ въ казенную палату для охраненія зачалась 721 году ноября со 2-го дня въ ней же подъ статьями и расходъ подписанъ и производилась по 732-й годъ закрепа по листамъ Афонася Савелова, а въ 733-мъ де году апрѣля 14-дня по именному Ея Императорскаго Величества указу и мастерскую полату велено ведать ему жъ Генералу Лейтнанту и ковалеру Господину Волкову и оную де Мастерскую и оружейную полату и имѣющіяся въ ней вещи отдать въ вѣдомство ево по которому указу на казенномъ де дворѣ въ казенной полатѣ казенного приказу всякой казне осмотру и описи не было для того что де осмотръ и опись не окончена въ Мастерской полате въ тѣхъ же ведомостяхъ показано въ мастерской де полатѣ у приходу и росходу денежной казны были подъячіе а именно съ 719 по 723-й годъ подъячіе что ныне секретарь Никифоръ Кормилицынъ, у канцелярскаго росходу со оною жъ 719 по 721 годъ подъячіе Ильи Тверитиновъ у шитья всякаго платья и у стросенья и у починокъ всякихъ дѣлъ и въ 721-мъ де году іюня 15 дня оной Тверитиновъ умре и въ томъ де приходѣ и расходѣ тѣ подъячіе не считаны а ныне де тотъ щетъ сочиняется а октября де 22-го дня того жъ году по опредѣленію въ мастерской полатѣ велено казенного приказу служителей для отправленія дѣлъ перевести во оную полату и расходъ впредь содержать въ казенной приказѣ отъ мастерской полаты которые де и переведены того жъ октября 23-го дня и съ 723-го де 732 годъ у приходу и росходу денежной казны былъ канцеляристъ Иванъ Кононовъ въ томъ приходѣ и расходѣ онъ Кононовъ считанъ а подлинныя де приходныя и расходныя книги и указы и щетные списки имѣютца въ мастерской полатѣ въ томъ числѣ изъ оныхъ списковъ 727 и 728 годовъ отосланы и освидѣтельствованы въ Ревизионъ Колегіи и въ оружейной полатѣ у приходу и росходу де-

нежной казны гербовой бумаги и за нее денегъ и у мелочныхъ канцелярскихъ расходовъ были въ 719, 720, 721, 722 годехъ канцеляристъ Андрей Древской; да въ 722-мъ же году канцеляристъ Леонтій Ненѣвъ и съ того де 719 по 723-й годъ тѣхъ годовъ книги приходные и расходные какъ гербовой такъ и денгамъ иметца въ мануфактуръ колегіи а означенной де Древской въ 722-мъ году умре, а канцеляристъ Ненѣвъ имѣетца у дѣлъ во оной канторѣ и оной де Древской и Ненѣвъ считаны ль извѣстія не имѣетца для того что де имѣвшея въ Оружейной полате дякъ Никифоръ Зайцовъ и означенной канцеляріи Ненѣвъ въ 723-мъ году взяты изъ Оружейные полаты съ тѣми приходными и расходными книгами и з дѣлами въ мануфактуръ колегію, и въ той де Оружейной полатѣ дяковъ и подъячихъ никого не осталось и тѣхъ годовъ дѣла и гербовая бумага и поныне отправленіемъ имѣетца въ той мануфактуръ колегіи а въ 723-мъ и 724 годехъ приходу и расходу денежной казне и протчимъ вещамъ не было понеже въ оружейной полатѣ дяковъ и подъячихъ никого не осталось, а оружейная де казна съ ружьемъ и съ протчимъ уборомъ за печатью имѣлась Стольника Матфея Головина, которой де заседание отправленіе имѣлъ въ мундирной канторе, въ 725-мъ году у приходу и расходу канцелярскаго мелочнаго денегъ былъ подканцеляристъ Григорей Устиновъ и оной де Устиновъ въ 726-мъ году умре и за смертію де онъ нещитанъ а ныне де того году щетной списокъ сочиняется въ 726 и 727-мъ годехъ у приходу и расходу такого жъ мелочнаго Канцелярскаго денегъ, канцеляристъ Фома Ивановъ, и въ тѣхъ годѣхъ онъ не щитанъ, что де имѣлся осмотръ и разбораніе Оружейной казне ружью и ружейнымъ уборомъ также и конюшенной седельной казне всякимъ уборомъ же и тѣ де щетные списки сочиняются жъ а съ 727 году къ той же оружейной полате расходъ денежной содежанъ отъ мастерской полаты а оруженую и конюшенную казну ружью и ружейнымъ уборомъ и седельной казне и протчимъ вещамъ по описнымъ книгамъ приходъ и расходъ въ тѣхъ годѣхъ имѣли и въ тѣхъ книгахъ подъ отмѣтками и по листамъ крепили своими руками и ту казну печатали присутствующія въ той полатѣ они жъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Князь Одоевской, да при немъ подполковникъ что ныне Статскій Совѣтникъ Тимофей Савеловъ, канцелярскую жъ и своими печатями всякъ въ свою во оной полатѣ бытность а въ казенномъ де приказе въ 719-мъ году приходъ денежной казны и на канцелярской расходъ и на разные починки и на строеніе на казенной полатѣ кровли и на жалованье содержалъ канцеляристъ Алексѣй Чулковъ денги браны изъ приказу большой казны и въ томъ де не щитанъ для того что де все дѣла и казна были запечатаны и приходные и расходные

и всякіе книги взяты у него Чулкова въ казенную полату къ описнымъ дѣламъ для описи, августа 3-дня 720 году а при взятіи де онъ Чулковъ скаскою объявилъ что болѣе того иныхъ книгъ у него не имѣется, а въ 724-мъ году приходъ былъ на чиску серебряной посуды денги браны изъ Московской рентерей у того де приходу денегъ былъ канцеляристъ Иванъ Андреевъ. а у покупки матеріаловъ и у расходу денегъ купчина Басманной слободы Иванъ Ильинъ и въ томъ де приходе и расходе онъ Ильинъ щитанъ мастерской палаты и казеннаго приказу у описныхъ дѣлъ и квитанціа де ему отъ тѣхъ дѣлъ дана а подлинныя де о томъ книги и щеть и дѣло въ мастерской полате да въ томъ же 724-мъ году на починку казенной полаты денги иманы по осигнаціи штатсъ конторы изъ Московской же рентерей, у того приходу и расходу былъ канцеляристъ Алексѣй Чулковъ, въ томъ приходе и расходе онъ Чулковъ щитанъ и щетныя де списки въ ревизіонъ колегію отосланы и освидѣтельствованы а подлинныя приходныя и расходныя книги съ росписками и съ указами въ мастерской полатѣ, въ 727-мъ году по указу каморъ колегіи изъ Московской рентерей на покупку въ шафы стеколь у того приходу у расходу былъ означенной же канцеляристъ Чулковъ въ томъ приходѣ и расходѣ онъ Чулковъ щитанъ и щетныя списки въ ревизіонъ колегію отосланы и освидѣтельствованы а подлинныя де приходныя и расходныя книги съ росписками и съ указами въ мастерской полате и въ 729-мъ году мая 21 дня оной канцеляристъ Чулковъ умре а золотой де и серебряной и прочей посуде и разнымъ вещамъ по описной книге приемъ и выдачу въ тѣхъ годѣхъ имѣли и въ тѣхъ книгахъ подъ отмѣтками и по листамъ крепили своими руками и ту казну печатали, означенныя присутствующіе канцелярскою и своими печатми всякъ въ свою въ оной полате бытность того ради по Ея Императорскаго Величества указу и по опредѣленію вышерѣченной комисіи велено изъ мастерской и оружейной полаты сею промеморію требовать, первое чтобъ для подлиннаго вышеписаннымъ всемъ главнѣйшимъ и прочимъ вещамъ щету и свидѣтельства съ вышеписанныхъ описныхъ книгъ списаны были въ той полате точныя копіи и оныя со всякимъ достовернымъ съ тѣми описными подлинными книгами свидѣтельствомъ за руками той полаты присутствующихъ купно и съ тѣми описными подлинными книгами присланы въ тое комисію въ немедленномъ времени, второе а о денежной казне и о прочемъ во первыхъ чтобъ учинены были въ той мастерской и оружейной полате изъ приходныхъ и расходныхъ книгъ 719-году обстоятельныя щетныя выписки и изъ оныхъ краткіе экстракты какъ той мастерской и оружейной полате такъ и казеннаго приказу и оныя съ освидѣтель-

ствомъ и съ подписаніемъ рукъ присутствующихъ купно и съ тѣми приходными и расходными книгами и со всеми къ тому щету обстоятельству, и съ тѣми прихотчики и роскошники присланы были въ тое комисію въ самоскорости а потомъ съ 720-го по 732 чтобъ сочиняемы были таковыя жъ счетныя выписки по годомаъ таковымъ же образомъ какъ и того 719 году и оныя годъ за годомаъ присланы были бѣ въ тое жъ комисію безъ замедленія а которыя приходныя и расходныя книги и щетныя выписки отосланы въ камерцаъ и ревизионъ колегію какъ съ вышеписанныхъ присланныхъ ис той мастерской и оружейной полаты вѣдомостяхъ показано а оныя подлежатъ дощету той комисіи и о присылке тѣхъ приходныхъ и расходныхъ книгъ и щетныхъ выписокъ которыя въ тѣхъ колегіяхъ имѣютца и съ помянутыми въ тѣхъ годѣхъ расходчики, во оныя колегіи послать промеморіи а которыя за тою въ тое колегію отсылкою имѣютца въ той мастерской и оружейной полате и оныхъ требовать ис той полаты противъ вышеписанного третіе а для подлинного той мастерской и оружейной полате щету не было ль во оныя мѣста откуда съ того 719-го по 732-й годъ въ отпуску денежной казны и протчихъ вещей о томъ въ сенать и въ синодъ подать доношеніи а въ колегіи и канцеляріи послать промеморіи, а въ губерніи и провинціи указы немедленно и о вышеписанномъ о всемъ въ мастерской и оружейной полате учинить по Ея Императорского Величества указу и по сей промеморіи непременно а въ Правительствующій Сенать и синодъ доношеніи а въ колегіи и канцеляріи промеморіи, а въ губерніи и провинци указы отправлены будутъ немедленно 1736 году генваря 22-го дня, подлинная промеморія за руками тако, Александръ Раевской

Секретарь Василей Казариновъ

Канцеляристъ Никита Ивановъ

Благородный и почтенный Господинъ Статскій Совѣтникъ

Государь мой Тимофей Тимофеевичъ

Писмо ваше отпущенное изъ Москвы генваря отъ 20-го числа о благополучномъ состояніи вѣдомства нашего мастерской полаты и при томъ присланному во оную полату указу реестръ я получилъ генваря 24 дня о чемъ и впредь извольте увѣдомлять меня по вся почты

Вашего благородія всегдашній слуга

Михайла Волковъ

Генваря 27 дня
1736 году.

Копія.

Высокоблагородный и высокопревосходительный Господинъ, Господинъ генераль Лейтнантъ и кавалеръ

Милостивый Государь мой Михайла Яковлевичъ

За высоко благопріятнейшее вашего высокоблагородія письмо прешедшаго генваря отъ 27-го а получено сего февраля 1-го числа по премногу благодарствую на что вашему высокопревосходительству доношу въ мастерской и во оружейной полате и въ казенномъ приказе все состоитъ милостію Божію благополучно а указовъ въ оную полату въ присылке никакихъ не имѣется но только прошу вашего высокопревосходительства по прежде посланному отъ насъ до вашего Превосходительства писма чтобъ учинить предстательство гдѣ надлежитъ о щетахъ, которыхъ требуетъ въ дворцовую щетную комисію

Вашего высокоблагородія превосходительнейшего Государя моего всепокорный слуга

У подлиннаго писма приписано тако:

Тимофей Савеловъ

Москва февраля 3-го дня
1736 году.

Подлинное писмо для отсылки въ Санктъ Петербурхъ подалъ копействъ Александръ Корневскій, секретарю Петру Федорову того жъ числа.

Благородный и почтенный Господинъ Статскій Совѣтникъ

Государь мой Тимофей Тимофеевичъ

Писмо ваше отпущенное изъ Москвы генваря отъ 27 числа о благополучномъ состояніи вѣдомства мастерской и оружейной полаты и казеннаго приказу и при томъ сообщенной реэстръ вступившимъ во оную полату указомъ ис промеморіи копію о присылке въ дворцовую щетную комисію какъ мастерской полате такъ и прочей имѣющейя подъ вѣденіемъ нашимъ казне описныхъ книгъ или съ нихъ копей

для щету въ Санктъ-питербурхе генваря 31 дня я получилъ о чемъ и впредь изволте увѣдомлять а по указомъ изволте жь отправлять

Вашь Государя моего слуга Михайло Волковъ.

февраля 3 дня 1736 году.

получено февраля 8-го дня.

Высокоблагородный и высокопревосходительный Господинъ Господинъ Генераль Лейтнантъ и квалеръ

Милостивый Государь мой Михайло Яковлевичъ

За высокоблагоприятнѣйшее вашего Превосходительства писмо февраля отъ 3-го а получено сего жь февраля 8-го числа по премногу благодарствую на что вашему Превосходительству доношу въ мастерской и оружейной полате и въ казенномъ приказе все состоитъ милостию Божию благополучно а что въ присылке во оной полате указовъ и имется о томъ при семь сообщенъ реэстръ а что изволилъ писать по указомъ что надлежитъ и оно исполняется

Вашего высокоблагородія Превосходительнейшаго Государя моего всепокорный слуга, у подлиннаго писма подписано тако:

Тимофей Савеловъ

Москва

Февраля 10-го дня

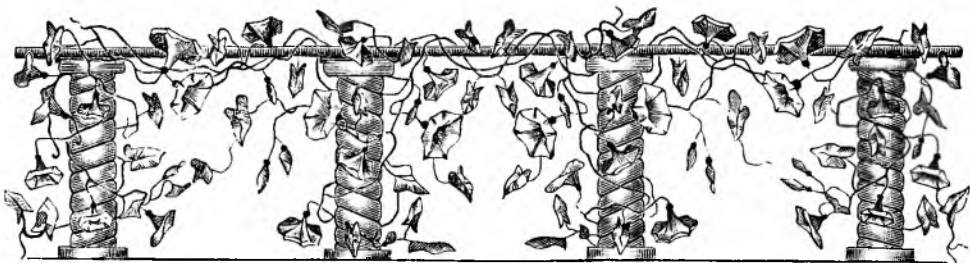
1736-го году.

Подлинное писмо для посылки въ Санктъ Питербурхъ (отдалъ) на почтѣ въ канцеляріи Его превосходительства Михайла Яковлевича Волкова подканцеляристу Василью Аристову а отдалъ подканцеляристь Василей Ивановъ февраля 10-го дни 1736 году.

Реэстръ.

Февраля 7 дня указъ изъ Правительствующаго Сената по которому велено по имянному Ея Императорскаго Величества указу Генеральную щетную комисію отставить а вмѣсто той комисіи для тѣхъ щетовъ быть подъ надзираніемъ ревизіонъ колегіи и опредѣлить особую кантору.

Л. М. Савеловъ.

ИЗЪ КАВКАЗСКОЙ СТАРИНЫ

Ш.

Подошелъ Февраль 1859 года. Въ природѣ замѣчалась уже большая переменѣна и суровая буртунаевская зима, исчезая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, давала надежду скоро освободиться и отъ снѣга и отъ шубъ. Во второй половинѣ того же мѣсяца подкатила и масленица; въ слободкѣ запахло блинами и въ духанѣ нашего Карапѣта появилась цѣлая гора бурдюковъ съ кахетинскимъ, лучше котораго, по увѣренію самаго Карапѣта, нельзя было найти даже и въ Шурѣ. Кахетинское оказалась такъ хорошо, что любители охотно запасались имъ, какъ необходимою приправою къ блинамъ, и масленица закурилась по всей слободкѣ, широко распахнувъ двери пирушкамъ, которыя у многихъ заканчивались далеко за полночь.

Въ штабѣ уже было извѣстно, что на первой недѣлѣ великаго поста три баталіона нашего полка должны будутъ выступить въ Ичкерію и войти тамъ въ составъ вспомогательнаго отряда для совокупныхъ дѣйствій съ отрядомъ генерала Евдокимова и потому передъ походомъ всѣмъ хотѣлось кутнуть, давъ полный просторъ веселью.

Походы въ горы, не смотря на сопряженные съ ними тяжелые труды и разныя лишенія, которыя часто приходилось войскамъ нести на Кавказѣ, не только никого не страшили, но, напротивъ, они имѣли для насъ своего рода неотъемлемую прелесть; и послѣ долгой и скучной стоянки въ крѣпости или въ какомъ нибудь аулѣ вѣсть о походѣ, да еще весною, когда природа Кавказа становится такъ хороша, что невольно манить на свой просторъ,—такая вѣсть особенно была заманчива для многихъ и даже возбуждала зависть въ тѣхъ, кому приходилось оставаться въ мѣстахъ ихъ зимнихъ стоянокъ. Конечно, тутъ всегда являлось не мало и охотниковъ, желавшихъ на время похода

приксмандироваться къ дѣйствующимъ частямъ, но это удавалось далеко не всѣмъ, такъ какъ въ баталіонахъ составъ офицеровъ былъ тогда очень великъ.

Предстоящій походъ въ Ичкерію, еще памятную всѣмъ по событіямъ 1845 года, долженъ былъ по расчетамъ затянуться надолго и потому шли большія приготовленія: роты сушили сухари, запасались прочною обувью; офицеры снаряжали себѣ вьюки и подкармливали лошадей.

Выступленіе баталіоновъ изъ штаба назначено было на 25 Февраля. Еще задолго до зари вся слободка пришла въ движеніе: по всѣмъ улицамъ засновали солдаты одни съ приказаніями отъ начальниковъ, другіе съ офицерскими вещами, чтобы уложить ихъ въ обозъ, а кто и просто торопился попрощаться, можетъ быть въ послѣдній разъ, съ своей возлюбленной и, если можно, перехватить у нея на дорогу что нибудь изъ съѣстнаго.

Къ утру однако все было готово къ выступленію и послѣ напутственнаго молебна баталіоны съ музыкою и пѣснями тронулись къ укрѣпленію Евгеніевскому.

Первый переходъ былъ небольшой. Мы благополучно миновали гору Ибрагимъ Дада, и, спустившись къ полудню въ Евгеніевское, разбили свой бивакъ у селенія Новый Черкей.

Возбужденные любопытствомъ узнать о цѣли нашего движенія, черкеевцы толпами тотчасъ же хлынули къ намъ, стараясь вывѣдать у солдатъ, куда и зачѣмъ мы идемъ; но, конечно, не много получили отъ нихъ свѣдѣній на этотъ счетъ, такъ какъ не только солдаты, но и офицеры не знали еще, гдѣ будетъ собранъ отрядъ и куда онъ за тѣмъ выступить.

Слѣдующій сорокаверстный переходъ къ Чирь-Юрту былъ до крайней степени утомителенъ. Теплая погода такъ распустила землю, что мы всю дорогу вязли по колѣно въ грязи и только къ вечеру могли кое какъ дотащиться до мѣста ночлега. О палаткахъ и вещахъ нечего было и думать: весь обозъ такъ застрялъ въ дорогѣ, что ранѣе другого дня его ожидать было нельзя. Волей-неволей пришлось располагаться подъ открытымъ небомъ, и оно, какъ нарочно, начи-

нало сильно хмуриться, собираясь вотъ-вотъ прыснуть дождемъ или снѣгомъ.

И какъ было не позавидовать тогда нашимъ старымъ офицерамъ, захватившимъ съ собою свои вьюки, въ которыхъ у нихъ была и закуска, и чай, и даже брезентъ, чтобы укрыться въ случаѣ непогоды! Но высшимъ удобствомъ всё-таки пользовались тѣ, кто имѣлъ у себя парадные сундуки съ переплетомъ для спанья. Въ одномъ изъ этихъ сундуковъ укладывалась кухня, самоваръ и запасъ съѣстнаго,—въ другомъ платье, бѣлье и вещи, необходимыя офицеру въ походѣ. Этимъ счастливымъ уже не грозила никакая непогода, и они спокойно могли предаваться отдыху не опасаясь ни дождя, ни холода.

По маршруту въ Чирь-Юртъ намъ приходилось дѣлать дневку, что послѣ большого и труднаго перехода было очень кстати, тѣмъ болѣе, что до Хасавъ-Юрта предстояло опять мѣсить грязь около тридцати верстъ и при томъ оставаться весь день на однихъ сухаряхъ, такъ какъ по мѣстнымъ условіямъ кухню выслать впередъ было нельзя.

Впрочемъ, къ нашему благополучію, въ ночь передъ выступленіемъ изъ Чирь-Юрта, легкой морозецъ такъ хорошо сковалъ землю, что благодаря этому, мы успѣли безъ большого труда добраться еще за свѣтло до Хасавъ-Юрта и расположились тамъ бивакомъ. Здѣсь находились уже въ сборѣ четыре баталіона Апшеронскаго полка, 21-й стрѣлковый баталіонъ, полубригада полевой артиллеріи, одна горная батарея и семь эскадроновъ и сотенъ кавалеріи, — Нижегородскихъ драгунъ съ конной милиціей. — Этотъ отрядъ, съ присоединеніемъ къ нему нашихъ баталіоновъ, долженъ былъ двинуться изъ Хасавъ-Юрта въ ауховское общество, разорить прилегавшія къ рѣкамъ Ярыкъ-су и Яманъ-су чеченскіе аулы, и затѣмъ начать военныя дѣйствія въ самой Ичкеріи.

Рано утромъ 1 Марта отрядъ выступилъ со сборнаго пункта на Кишень-Аухъ и, пройдя отъ него около пятнадцати верстъ, расположился лагеремъ на мѣстности испещренной по разнымъ направленіямъ глубокими балками и оврагами. Нашему баталіону въ тотъ день выпала очередь идти въ арріергардъ колонны и потому, не доходя еще до бивака, командиръ баталіона получилъ приказаніе занять его баталіономъ пѣхоты, выставивъ ихъ по ротнo на высотахъ вокругъ всего лагернаго расположенія. Ни палатокъ, ни кухонь,—а тѣмъ болѣе ве-

щей,—намъ, конечно, на пикеты не дали и потому остальную часть сутокъ предстояло провести на голой, промерзлой землѣ и притомъ поголодать, такъ какъ кромѣ солдатскихъ сухарей у насъ съ собою ничего не было. Положеніе выходило такъ не завидно, что я рѣшился тотчасъ же идти въ большой лагерь, надѣясь перекусить что нибудь у своего дяди и еще засвѣтло возвратиться на пикетъ.

Заручившись на этотъ случай разрѣшеніемъ командира роты, я перекинулъ черезъ плечо ружье и направился прямо на палатки, которыя бѣлѣлись на вершинѣ горы, не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ насъ. Какъ ни близко было до лагеря, а мнѣ однако долго пришлось блуждать по балкамъ и оврагамъ, въ которыхъ мѣстами лежалъ еще снѣгъ, пока, наконецъ я добрался до палатки дяди, но за то къ своему удовольствію, я нашелъ у него не только вкусный походный обѣдъ, но и готовый чай, о которомъ мечталъ болѣе всего идя съ пикета.

Прохлаждаться долго однако было нельзя; я осмотрѣлъ ружье, переѣмнилъ въ немъ капсюль и, попрощавшись съ дядею тѣмъ же путемъ отправился обратно.

Взявъ, какъ мнѣ казалось, вѣрное направленіе къ пикету я сталъ спускаться съ горы и совершенно не замѣтилъ, какъ очутился вскорѣ на днѣ большого оврага. Отсюда не видно было ни лагеря, ни пикета и царила глубокая тишина, при которой невольно становилось какъ-то жутко. А короткій мартовскій день уже клонился къ вечеру; густыя сумерки быстро надвигались на землю и все болѣе завлакивали окружающіе предметы. Опасаясь какъ бы не запутаться въ лабиринтѣ овраговъ я старался припомнить путь по которому шелъ въ лагерь, какъ вдругъ, съ правой стороны, изъ лѣсной балки послышался выстрѣлъ и въ тотъ же мигъ надъ головою моею прожужжала пуля, ударившись въ землю всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Теперь очевидно было, что я сбился съ пути и зашелъ слишкомъ далеко за черту бивачнаго охраненія.

Не рѣшаясь идти дальше я хотѣлъ было уже вернуться назадъ въ лагерь, какъ въ это время мнѣ кто то крикнулъ съ горы.

—Эй кунакъ!—куда айда?¹⁾

¹⁾ Эй пріятель?—куда идешь.

Я вскинулъ глаза кверху и тутъ только увидѣлъ на одномъ изъ выступовъ горы небольшую кучку горцевъ, которые съ любопытствомъ смотрѣли на меня, но не трогались однако съ мѣста.

—Тамъ шайтанъ садись,—твоя уруби,¹⁾ крикнулъ мнѣ опять одинъ изъ горцевъ.

Сообразивъ, что такое предупрежденіе мнѣ могли сдѣлать только свои я быстро вскоробкался къ горцамъ и по краснымъ башлыкамъ узналъ нашихъ милиціонеровъ, занимавшихъ передовой пикетъ. Какъ-какъ, мѣшая русскія слова съ татарскими, я объяснилъ милиціонерамъ, что ищу солдатскій пикетъ, но запутался въ горахъ и не знаю какъ пройти къ нему.

—Салдусъ садись тамъ,²⁾—проговорилъ одинъ изъ милиціонеровъ, и указалъ въ лѣвую сторону на мелькавшій вдаль огонекъ небольшого костра.

—Чохъ саулъ³⁾, поблагодарилъ я татарина и ужъ не разбирая овраговъ, чуть не бѣгомъ, пустился прямо на этотъ огонекъ.

—Что вамъ была за охота, юный мой, идти изъ лагеря такъ поздно на пикетъ?! Вѣдь здѣсь очень опасно,—говорилъ мнѣ ротный командиръ, когда я подошелъ къ костру, около котораго онъ лежалъ на разостланной буркѣ и покуривалъ папиросу.

Я рассказалъ капитану какъ я блуждалъ по оврагамъ, и какъ было не подвергся большой опасности, зайдя слишкомъ далеко.

—И очень легко могли попасть подъ чеченскую пулю, если не прямо въ лапы чеченцевъ,—сказалъ капитанъ примасывая себѣ подъ голову сюртукъ и закутываясь теплымъ пальто.—Эти Ичкеринцы,—продолжалъ онъ,—очень смѣлый и ловкій народъ; они отлично умѣютъ пользоваться всякимъ случаемъ нашей оплошности, и, навѣрное какъ ищейки рыщутъ теперь партіями и въ одиночку около нашего лагеря. Совѣтую, юный мой, никогда не рисковать такъ, въ особенности безъ всякой къ тому надобности. Ну, а теперь,—заклучилъ капитанъ,—вы можете располагаться около костра и отдохнуть послѣ вашего вояжа.—

1) Тамъ недобрый человекъ сидитъ—тебя убьетъ.

2) Солдаты стоятъ тамъ.

3) Очень благодаренъ.

Конечно, я съ признательностію принялъ добрый совѣтъ моего командира и, воспользовавшись его разрѣшеніемъ тотчасъ же растянулся на самомъ припекѣ костра.

Но этимъ бивачнымъ удобствомъ намъ пришлось пользоваться не долго: вскорѣ явился изъ лагеря драгунъ съ приказаніемъ отъ начальника отряда потушить на пикетѣ огонь, чтобы не привлечь тѣмъ горцевъ, которые умѣютъ очень тихо подползать ночью къ пикетамъ и, мѣтя на огонь, часто совершенно безнаказанно подстрѣливаютъ людей.

Какъ ни жалко было разставаться съ костромъ, но приказаніе нужно было исполнить, и немедленно потушить огонь. Впрочемъ ночь во всемъ станѣ прошла спокойно. Утромъ на слѣдующій день насъ смѣнила рота другого полка, и мы перешли въ общій лагерь, размѣстившись, наконецъ, въ своихъ палаткахъ.

Первыя дѣйствія нашего отряда начались набѣгомъ на чеченскій аулъ Гассанъ-Бекъ-Кентъ. Помню, наканунѣ вечеромъ, въ палатку моего дяди собралось нѣсколько офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ капитанъ Клюки-фонъ-Клугенау.¹⁾ Погода стояла ненастная: дождь хлесталъ вторыя сутки не переставая ни на минуту. но въ палаткѣ, гдѣ посрединѣ теплился манголь, а на походномъ столикѣ шипѣлъ самоваръ и стояла бутылка съ ромомъ,—было и тепло и уютно. Бесѣда вертѣлась большею частію на воспоминаніяхъ про старое кавказское житье-бытье, но, по обыкновенію, въ концѣ-концовъ свелась на болѣе интимный характеръ. Капитанъ Клугенау, человекъ долгое время возвращавшійся въ лучшемъ обществѣ Закавказья, рассказывалъ много любопытныхъ случаевъ о романическихъ приключеніяхъ людей того круга и, между прочимъ, рассказалъ объ одной пирушкѣ, на которой г-жа Б....кая, жена одного изъ лицъ занимавшихъ видное положеніе въ Тифлисѣ,—очень красивая женщина, но отличавшаяся крайнею эксцентричністію,—появилась вдругъ среди мужской компаніи въ костюмѣ состоявшемъ лишь только изъ одной пуговицы!²⁾... Рассказы капитана по своей веселости были очень любопытны, но, къ сожалѣ-

1) Николай Францовичъ Клюки-фонъ-Клугенау былъ сынъ командующаго войсками Сѣвернаго Дагестана,—сподвижника генерала Головина, который въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія командовалъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ.

2) Рассказъ объ этомъ курьезномъ случаѣ я слышалъ и отъ другихъ лицъ, когда впоследствии находился въ Тифлисѣ, и потому въ достоверности его едва ли можно сомнѣваться.

нію, они прерваны были нашимъ адъютантомъ, подпоручикомъ Лаворко, который войдя въ палатку въ мокрой буркѣ, обрызганной грязью, доложилъ моему дядѣ, что на завтрашній день назначенъ набѣгъ и баталіону послѣ ранняго обѣда быть готовымъ къ 5 часамъ утра для выступленія, оставивъ въ лагерѣ только больныхъ и слабыхъ.

—Славное дѣло! воскликнули офицеры хлопнувъ въ ладоши, и, наскоро распрощавшись, поспѣшили разойтись, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія на завтрашній день, такъ какъ было уже довольно поздно.

Набѣги въ кавказской войнѣ предпринимались весьма нерѣдко, но небольшими, легкими отрядами, такъ какъ главная цѣль набѣга состояла или въ томъ, чтобы напасть на непріятельскій аулъ въ распахъ, разорить и сжечь его, или просто отбить у горцевъ скоть, о количествѣ и мѣстѣ нахождения котораго собирались предварительно точныя свѣдѣнія отъ лазутчиковъ,—и, совершивъ такую операцію, быстро затѣмъ отступить, не давъ непріятелю время собраться для преслѣдованія.

Само собою, что такія предпріятія сопряжены были для маленькаго отряда всегда съ нѣкоторою опасностью, но набѣги входили въ образъ веденія нашей войны, и главной основой ихъ были не только вѣрный расчетъ, но и точное исполненіе заранѣе составленнаго плана. И если при обыкновенномъ походномъ движеніи всякаго заболѣвшаго или отставшаго приходилось подбирать особо назначеннымъ для того людямъ и вести этого слабаго подъ руки, а вещи его тащить на себѣ,—то въ набѣгѣ, гдѣ успѣхъ предпріятія зависѣлъ главнымъ образомъ отъ быстроты движенія, дѣло обстояло уже иначе. Тутъ всякій отвѣчалъ самъ за себя, почему въ набѣгъ и выбирались всегда люди сильные и выносливые. Ротные командиры передъ выступленіемъ въ набѣгъ обыкновенно предупреждали своихъ солдатъ, что всякій отставшій и даже заболѣвшій дорогою будетъ оставленъ на произволь судьбы, и объявляли при этомъ, что тотъ, кто чувствуетъ себя не вполне крѣпкимъ,—можетъ оставаться въ лагерѣ.

Утромъ 5-го Марта, едва лишь въ палатку стали пробиваться первые проблески разсвѣта, какъ дядя мой разбудивъ меня, началъ торопить скорѣе одѣваться. Самъ онъ былъ уже въ походныхъ сапо-

гахъ и окончивъ свой чай покуривалъ трубочку сидя на кровати, около которой приготовлены были всѣ его походныя вещи.

Я наскоро сдѣлалъ нѣсколько глотковъ горячаго чая, набилъ на всякій случай карманы солдатскими сухарями и черезъ нѣсколько минутъ стоялъ уже въ рядахъ своей роты.

Отрядъ тронулся изъ лагерей около 5 часовъ утра, имѣя въ авангардѣ стрѣлковый баталіонъ и полубатарею горной артиллеріи. Точно ныряя въ волнахъ океана, то спускаясь въ глубокія балки, то взбираясь на вершины лѣсистыхъ холмовъ, мы шли форсированнымъ маршемъ и, пройдя около восьми верстъ, спустились, наконецъ, къ рѣкѣ Ярыкъ-су, на противоположной сторонѣ которой находился небольшой чеченскій аулъ Гассанъ-Бекъ-Кентъ.

Это селеніе пріютилось на узкой, покрытой лѣсомъ террасѣ, которая имѣла справа и слѣва довольно глубокія и трудно проходимыя балки, и съ нагорной стороны примыкало къ большому чинаровому лѣсу, тянувшемуся широкой полосой до самыхъ высотъ праваго берега Ярыкъ-су. Прямо отъ селенія къ рѣкѣ шель пологіи спускъ съ рѣдкою зарослью молодого орѣшника, и только лишь съ этой стороны представлялъ сколько нибудь возможный подступъ къ аулу Гассанъ-Бекъ.

Вотъ этотъ-то аулъ баронъ Врангель и рѣшилъ разорить, чтобы тѣмъ заставить жителей этого селенія и другихъ, расположенныхъ по правому берегу Ярыкъ-су, выселиться изъ предѣловъ Ичкеріи.

Въ ту пору Ярыкъ-су, почти вездѣ проходима въ бродъ, — вслѣдствіе выпавшаго передъ тѣмъ большого дождя и таянія снѣговъ, въ горахъ, — имѣла очень высокую воду, и съ такою стремительностію катила свои мутныя волны, что перейти ее вбродъ можно было не иначе, какъ сплошною массою людей. Не считая это большимъ препятствіемъ для переправы, баронъ Врангель приказалъ пустить черезъ рѣку сначала кавалерію, и когда оказалось, что вода въ самомъ глубокомъ мѣстѣ достигала лишь только до груди лошади. — сдѣлалъ распоряженіе переправляться немедленно тутъ и всему отряду.

Въ одинъ мигъ горная артиллерія положила орудія на выюки, связала по три лошади въ рядъ и спустилась въ воду, а вслѣдъ за ней двинулась и пѣхота.

Не снимая обуви и ухватившись руками другъ съ другомъ, солдаты длинными шеренгами начали переходить рѣку. Хотя сильный напоръ воды и при такомъ способѣ довольно много сдвигалъ людей съ первоначально взятаго ими направленія, однако весь отрядъ благополучно переправился на другую сторону и только лишь потерялъ нѣсколько ружей упущенныхъ солдатами въ воду, да одинъ артиллерійскій ящикъ со снарядами, какъ-то сорвавшійся съ вьючнаго сѣдла,— что, вмѣстѣ съ ружьями, такъ и осталось достояніемъ Ярыкъ-су. Но это, впрочемъ, были не важные трофеи этой, бушевавшей въ то время, рѣки.

Перейдя на правый берегъ Ярыкъ-су отрядъ не теряя времени для переобуванія,—хотя у всѣхъ сапоги были полны водою,—быстро повелъ наступленіе на аулъ, выставивъ въ тоже время три роты нашего баталіона со взводомъ артиллеріи на позицію за лѣвою балкою. Тутъ колонна расположилась, разсыпавъ по крайнѣ балки густую цѣпь, въ серединѣ которой стали орудія горной батареи.

Внезапное появленіе нашего отряда у аула Гассанъ-Бекъ привело горцевъ въ такое смятеніе, что они не успѣли даже вывести изъ селенія всѣхъ семействъ, но угнали однако весь свой скотъ и, послѣ незначительной перестрѣлки, стали быстро отступать къ лѣсу. Преслѣдуя горцевъ, наша главная колонна втянулась за ними также въ лѣсъ, а тѣмъ временемъ аулъ, подоженный солдатами, уже началъ пылать во многихъ мѣстахъ.

Съ добрый часъ намъ пришлось пролежать, наблюдая съ своей позиціи какъ погибалъ аулъ Гассанъ-Бекъ. Наконецъ по звуку выстрѣловъ, которые стали раздаваться все ближе и ближе, можно было опредѣлить, что началось отступленіе нашей колонны изъ лѣсу. Дѣйствительно, въ аулѣ вскорѣ показались солдаты, главное отбитый у непріятеля скотъ, а за тѣмъ и отступавшія роты, ведя живую перестрѣлку съ горцами, которые теперь сами перешли въ преслѣдованіе русскихъ.

Много лѣтъ прошло съ того времени, а мнѣ и теперь съ полною ясностію представляется картина того страшнаго погрома, который происходилъ тогда передъ моими глазами.

Тамъ, въ отдаленіи гремѣли выстрѣлы, гулко раздававшіеся по лѣсу; здѣсь изъ селенія неслись отчаянные вопли женщинъ и дѣтей

охваченныхъ паническимъ страхомъ, подъ вліяніемъ котораго они метались по аулу отыскивая безопасное мѣсто, гдѣ можно было бы укрыться отъ пуль и огня; трескъ горѣвшихъ сакель, съ грохотомъ валившихся одна за другою; неистовый лай собакъ, переходившій въ дикія завыванія и, въ довершеніе къ этому. самый необузданный грабежъ нашими милиціонерами послѣдняго достоянія бѣдныхъ жителей этого аула.

Я видѣлъ какъ эти мародеры, швыряя въ дыму по саклямъ, тащили оттуда кто каймакъ, кто кубышку съ медомъ, ловили куръ и тутъ же, свернувъ имъ головы обвѣшивали себя этими трофеями: видѣлъ какъ тѣ же милиціонеры стаскивали съ обезумѣвшихъ женщинъ чадры, срывали съ нихъ ожерелья украшенныя серебрянными монетами и, забравъ все это, бѣжали дальше искать другой добычи.

Захвативъ въ плѣнъ нѣсколько чеченскихъ семействъ и около полусотни головъ рогатаго скота, главная колонна стала спускаться къ рѣкѣ. Чеченцы, продолжая преслѣдованіе русскихъ, ринулись къ аулу. но едва толпы ихъ замелькали между горѣвшими саклями, какъ наши роты, расположенныя по гребню горы за лѣвымъ оврагомъ, пустили въ аулъ такой градъ пуль и картечи, что чеченцы въ одинъ мигъ рассыпались, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными.

Впрочемъ дѣйствіе нашей горной батареи было до того ничтожно. что она придавала только лишь нѣкоторый эффектъ общему огню, но едва ли нанесла много вреда чеченцамъ. такъ какъ ея снаряды даже не всѣ долетали до аула, хотя разстояніе до него не превышало и 500 шаговъ. Конечно, будь при насъ лучшая артиллерія—пораженіе горцевъ было бы еще болѣе ужасно.

Подъ прикрытіемъ нашихъ трехъ ротъ главная колонна и артиллерія довольно скоро переправилась обратно черезъ рѣку. а за ними, подъ прикрытіемъ баталіона стрѣлковъ, перебралась на другую сторону и наша колонна. Здѣсь, на нѣкоторое время. отрядъ былъ пріостановленъ, чтобы привести всѣ части въ надлежащій порядокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать время плѣннымъ переправиться черезъ Ярыкъ-су, которая по глубинѣ и быстротѣ своего теченія представляла для чеченскихъ семействъ много затрудненій. и въ особенности для ихъ тяжело нагруженныхъ арбъ.

Послѣдними переправились драгуны и не останавливаясь пошли мимо насъ впередъ. Эти молодцы, какъ мы замѣтили, успѣли тоже за-

пастьсь кое-чѣмъ въ аулѣ, а одинъ изъ нихъ даже везъ лѣтъ двухъ дѣвочку укутанную въ какія то лохмотья, примостивъ ее на передней лукѣ своего сѣдла.

Это заинтересовало многихъ офицеровъ и кто-то спросилъ у драгуна—куда онъ везетъ эту малютку.

—Да вотъ, ваше благородіе,—сказалъ драгунъ, пріостановивъ коня,—эту дѣвчурку мы нашли въ саклѣ. Мать, должно быть ее, лежала убитая у порога въ саклю, а возлѣ нее сидѣла вотъ эта дѣвочка. Жалко было оставить малютку,—вѣдь можетъ помереть съ голоду безъ матери, подумалъ я,—и взялъ ее себѣ. Дѣтьми Господь Богъ не благословилъ насъ съ моею старухой, такъ вотъ хочу воспитать сиротку,—добавилъ добрякъ солдатъ, и, усадивъ свою маленькую плѣнницу поудобнѣе въ сѣдлѣ, поѣхалъ догонять свой эскадронъ *).

Какъ водилось у насъ въ такихъ случаяхъ, войска бывшіе въ набѣгѣ, по возвращеніи въ лагерь получили по быку на роту, а за труды по лишней чаркѣ водки. Скоро всѣ костры запрудились котелками съ разными похлебками, зашипѣли за палатками офицеровъ шашлыки на шампурахъ и ужинъ у всѣхъ въ тотъ день вышелъ, на славу.

Здѣсь отрядъ нашъ простоялъ еще два дня и затѣмъ потянулся въ долину рѣки Яманъ-су, къ большому аулу Баши-юртъ, который расположенъ былъ среди дремучаго лѣса на самомъ берегу Яманъ-су.

Хороша природа Большой Чечни въ ту пору весны. Мы шли по долинѣ окаймленной невысокими горами, поросшими рѣдкимъ чинаровымъ лѣсомъ, почти уже совсѣмъ одѣвшимя молодою листвою. День былъ теплый; яркіе лучи солнца, падая съ высоты безоблачнаго неба, придавали особенную свѣжесть зелени и въ особенности молодой травкѣ, которая точно бархатный коверъ разстиралась по долинѣ и манила понѣжиться на ней подъ тѣнью развѣсистыхъ чинаръ, росшихъ по сторонамъ дороги. А тамъ, вдали по высотамъ зеленѣли прекрасные всходы хлѣбныхъ полей. общія жителямъ этой благодатной страны обильный сборъ, который могъ обезпечить ихъ благосостояніе на долгое время.

*) На Кавказѣ во время войны во многихъ полкахъ были призрѣваемы дѣти—по преимуществу сироты взятые при разгромѣ татарскихъ селеній. Мальчики-сироты росли въ солдатскихъ семействахъ, а дѣвочки нерѣдко получали названіе *дочери полка*, и воспитывались на средства офицеровъ въ какомъ нибудь женскомъ заведеніи, оставаясь до замужества на попеченіи полка.

Казалось здѣсь само небо давало все для счастья человѣка, посылая ему миръ, радость и благоденствіе.

Но не миръ и радость сулилъ тотъ день аулу Баши-юртъ, куда теперь шель русскій отрядъ разметать это гнѣздо хищниковъ, которые своими набѣгами на станицы Терской линіи постоянно тревожили станичниковъ, отбивали у нихъ скоть и не рѣдко уводили въ плѣнъ у казаковъ цѣлыя семейства, въ расчетѣ получить потомъ за нихъ выкупъ.

Теперь насталъ и для этихъ хищниковъ часъ возмездія!

Отрядъ не прошелъ и десяти верстъ по долинь, какъ впереди послышались пушечные выстрѣлы и частые перекаты ружейной пальбы. Это начинали Апшеронцы, которые, слѣдуя въ передовомъ отрядѣ, перешли въ бродъ рѣку Яманъ-су и быстро повели наступленіе на аулъ Баши-юртъ. Горцы, засѣвъ по саклямъ и за загражденіями, какъ видно заранѣе ими устроенными по берегу рѣки, защищались упорно, но оказать большого сопротивленія Апшеронцамъ не могли и, бросивъ аулъ скоро отступили въ лѣсъ. Дѣло было жаркое. Апшеронцы приступомъ взяли въ короткое время всѣ загражденія горцевъ, захватили въ плѣнъ много чеченскихъ семействъ и сожгли до основанія весь аулъ.

Намъ не пришлось принять участіе въ этомъ дѣлѣ такъ какъ, находясь въ арріергардѣ отряда, мы подошли къ мѣсту боя въ то время, когда уже было все кончено, и только по густымъ клубамъ дыма, взвивавшимся надъ обгорѣлыми остовами сакель, можно было еще видѣть, гдѣ находился аулъ Баши Юрть, теперь стертый русскими съ лица земли.

Вблизи сгорѣвшаго аула, и частію по лѣвую сторону рѣки, отрядъ и расположился бивакомъ. Пока разбивали палатки и спустился къ рѣкѣ, гдѣ шла переправа захваченныхъ въ плѣнъ чеченскихъ семействъ. Тамъ по обѣимъ берегамъ стояло до сотни арбъ нагруженныхъ разнымъ домашнимъ скарбомъ плѣнныхъ, часть которыхъ уже переправилась черезъ рѣку, а другая ожидала своей очереди на другой сторонѣ. Бродъ былъ узокъ и сильно замедлялъ переправу арбъ, около которыхъ толпилась масса женщинъ, дѣтей и стариковъ, но между ними не видно было ни одного, кто могъ бы владѣть оружіемъ. Тѣ не сдались въ плѣнъ, и одни предпочли сложить свои головы подъ рус-

скими штыками, а другіе скрылись въ лѣса, затаивъ непримиримую злобу къ гяурамъ, которые пришли разорить ихъ родное пепелище и тѣмъ лишить послѣдняго крова.

IV.

Цѣлую недѣлю отрядъ нашъ простоялъ у рѣки Яманъ-су. Баронъ Врангель, находя что это мѣсто можетъ служить удобнымъ этапомъ для оказій, слѣдовавшихъ изъ отряда на линію, рѣшилъ устроить здѣсь укрѣпленный лагерь и для этого приказалъ обнести его ровомъ съ колючею изгородью; возвели для обезпеченія этого лагеря, въ тылу его, небольшой редуть и затѣмъ приступили къ рубкѣ лѣса въ долину рѣки Яманъ-су.

Рубка лѣса въ непроходимыхъ дебряхъ Ичкеріи, покрытой почти сплошь вѣковымъ чинаровымъ лѣсомъ,—далеко не легкая работа. Тамъ, напримѣръ, нерѣдко можно встрѣтить деревья въ нѣсколько десятковъ сажень вышины съ толщиною въ два-три обхвата, и чтобы свалить такого великана,—нужно повозиться около него немало времени, да и то при непрерывной работѣ нѣсколькихъ человѣкъ. Самая эта работа состояла въ слѣдующемъ: по приходѣ на мѣсто, прежде всего, весь участокъ предназначенный къ вырубкѣ, окружался цѣпью солдатъ, на обязанности которыхъ было зорко слѣдить за появленіемъ въ лѣсу горцевъ и прислушиваться ко всякому шороху впереди себя; затѣмъ начальникъ колонны указывалъ гдѣ стать артиллеріи съ ея прикрытіемъ и, удостовѣрившись что всѣ заняли свои мѣста, подавалъ сигналъ приступить къ работѣ. Солдаты, распределенные по кучкамъ, расходились на указанные имъ участки и работа начиналась.

И вотъ безмолвный лѣсъ вдругъ оживился. Застучали сотни топоровъ по деревьямъ, послышались громкія нѣси солдатъ, гдѣ-то затянули „дубинушку“—и передъ глазами знакомая картина далекой родины. Такъ проходитъ около получаса и вдругъ, гдѣ нибудь въ сторонѣ, проносится крикъ: „Берегись, братцы, берегись!“ а вслѣдъ затѣмъ раздается страшный грохотъ упавшаго дерева.

Любилъ я, бывало, слѣдить на рубкѣ лѣса за паденіемъ деревьевъ и въ особенности большихъ. Вотъ передъ вами стоитъ громадная чинара; она на половину уже подрублена у корня, но гордо еще держится, раскинувъ свои широкія вѣтви по сторонамъ. Около нее взятыя добрые полчаса четыре человѣка, и вдругъ вы замѣчаете, что

этотъ великанъ, котораго, казалось, не могла сокрушить никакая сила, начинаетъ медленно покачиваться изъ стороны въ сторону и дѣлаетъ какъ будто размахъ. Ухъ!—даже жутко станеть, когда видишь какъ такой исполинъ, захвативъ нѣсколько стоявшихъ вблизи деревьевъ и, сломивъ ихъ какъ тонкія жердочки, со страшнымъ трескомъ валится вмѣстѣ съ ними на землю. Тутъ уже смотри, какъ говорится, „въ оба“, чтобы не угодить подъ то, либо другое дерево, которое при паденіи можетъ въ одинъ мигъ не только искалѣчить, но и превратить зазѣвавшагося въ безформенную массу. Я помню, какъ однажды, не успѣвъ отбѣжать отъ валившихся сразу двухъ деревьевъ, я чуть было не попалъ подъ одно изъ нихъ, и избѣжалъ неминуемой смерти только потому, что былъ накрытъ одними лишь молодыми вѣтвями, которыя однако меня такъ помяли, что я потомъ нѣсколько дней чувствовалъ довольно сильную боль во всемъ тѣлѣ.

Начинается рубка лѣса обыкновенно съ ранняго утра, продолжаясь часовъ до четырехъ дня; затѣмъ солдаты раскладываютъ огонь подъ срубленные деревья и, въ ожиданіи отбоя, собираются кучками къ кострамъ. Тутъ можно и отдохнуть послѣ трудовъ цѣлаго дня, можно и поболтать на досугѣ другъ съ другомъ, да и затянуться табачкомъ, благо есть чѣмъ закурить трубочку, не прибѣгая къ кремню и огниву. Но вотъ настаетъ, наконецъ, время окончанія работы. Звучитъ сигналъ отбоя, за нимъ „сборъ“. Тотчасъ же снимается оцѣпление, артиллерія подѣзжаетъ къ сборному пункту и колонны въ опредѣленномъ порядкѣ возвращаются въ лагерь. На слѣдующій день очередные баталіоны идутъ опять къ тому же мѣсту и рубка лѣса продолжается дальше.

Такъ идетъ изо дня въ день, пока работа не будетъ окончена на всемъ протяженіи извѣстнаго участка.

Къ 13-му Марта всѣ работы на намѣченномъ участкѣ были окончены и баронъ Врангель, устроивъ въ нашемъ лагерѣ вагенбургъ со складомъ провіанта и фуража, оставилъ въ немъ баталіонъ пѣхоты съ двумя орудіями и съ остальнымъ отрядомъ на слѣдующій же день предпринялъ движеніе вверхъ по Яманъ-су. Это передвиженіе имѣло цѣлью продолжить просѣку къ аулу Аллерой, расположенному въ самомъ сердцѣ Ичкеріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвлечь часть горцевъ изъ аула Ведено, противъ котораго генералъ Евдокимовъ велъ тогда правильную осаду, предполагая въ скоромъ времени произвести своими войсками штурмъ этаго укрѣпленнаго аула.

Переходъ до новой позиціи предстояло намъ сдѣлать небольшой, но этотъ переходъ надолго останется у меня въ памяти, такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ связано воспоминаніе о первомъ жаркомъ дѣлѣ, въ которомъ мнѣ пришлось участвовать въ Чечнѣ.

Нужно сказать, что путь слѣдованія нашего отряда долженъ былъ проходить по лѣвому берегу Яманъ-су, которая въ одномъ мѣстѣ врѣзывалась въ узкое ущелье, покрытое чащею густого лѣса. Имѣя черезъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что въ этомъ ущельѣ засѣлъ большой отрядъ чеченцевъ, съ намѣреніемъ не пропустить тамъ русскій отрядъ, баронъ Врангель рѣшилъ, однако, направить главную колонну по этому именно пути, какъ болѣе удобному для колеснаго обоза, и для обезпеченія его, приказалъ выслать боковой отрядъ. Этотъ отрядъ долженъ былъ слѣдовать по высотамъ лѣвой стороры Яманъ-су и могъ не только прикрывать главную колонну съ ея обозомъ, но своимъ обходнымъ движеніемъ принудить даже горцевъ бросить занятое ими ущелье, которое въ этомъ случаѣ теряло для нихъ всякое значеніе.

По диспозиціи походнаго движенія на 14 Марта, въ правый боковой отрядъ назначены были 1-й и 4 баталіоны Дагестанскаго полка, одна полубатарея 21-й артиллерійской бригады и двѣ сотни конной милиціи. Отряду этому предписывалось выступить съ бивака въ 5 часовъ утра, а главной колоннѣ получасомъ позже.

Еще было совсѣмъ темно, когда, снявъ палатки и уложивъ все въ обозъ, отрядъ былъ готовъ къ движенію. Ярко пылавшіе костры, на которые солдаты уходя сносятъ обыкновенно все, что не берутъ съ собою, багровымъ заревомъ отражались на сводѣ сумрачнаго неба и красноватымъ отблескомъ озаряли кучки солдатъ, толпившихся вокругъ огня. Вездѣ шли толки о предстоящемъ движеніи и о проклятомъ *мурдѣ*,—какъ называли солдаты мюридовъ,—который, разсуждали они, навѣрное засѣлъ теперь гдѣ нибудь въ лѣсу и поджидаетъ тамъ русскихъ.

Но вотъ подошло время и къ выступленію. Загромыхали орудія, подвѣзая къ пѣхотѣ, слышались команды „становись въ ружье“ и баталіоны одинъ за другимъ стали выдвигаться съ бивака.

Дорога снѣгомъ шла на гору и за переваломъ ея, спускаясь крутыми извилинами, выходила на вспаханное поле, поросшее мѣстами кустарникомъ. Начинало свѣтать. Впереди показался раззоренный

аульчикъ, а за нимъ темной полосой громадный лѣсъ, занимавшій почти все пространство, какое только можно было окинуть глазомъ.

Приказано отъ 4-го баталіона выслать роту въ цѣпь; но едва лишь она разсыпалась, какъ изъ дальнихъ кустовъ замелькали частые выстрѣлы;—это было первыя привѣтствія чеченцевъ нашему отряду.

Завязалась живая перестрѣлка; но разстояніе отъ нашей цѣпи до кустовъ занятыхъ чеченцами было такъ велико, что перестрѣлка эта не принесла ни намъ, да, вѣроятно, и чеченцамъ никакого вреда. Любопытно однако было наблюдать съ какимъ проворствомъ и ловкостію горцы умѣли пользоваться всякаго рода закрытіями: какой нибудь пенекъ, дерево, маленькій бугорокъ—все служило горцу хорошею защитою отъ нашихъ пуль, и не разъ приходилось видѣть, какъ, сдѣлавъ выстрѣлъ, онъ въ тотъ-же мигъ исчезалъ изъ своей засады невѣдомо куда. Наши солдаты, въ особенности недавно прибывшіе въ кавказскія войска и, конечно, далеко еще неопытные. имѣли обыкновеніе стрѣлять на дымокъ выстрѣла, показавшагося изъ за дерева или куста, не видя даже иногда и противника, но уловить въ такомъ случаѣ горца было очень трудно и надобно сознаться,—въ этомъ отношеніи они всегда имѣли передъ нами неоспоримое превосходство.

Между тѣмъ въ авангардѣ, который повернувъ влѣво поднялся на гору, слышались пушечные выстрѣлы и учащенная трескотня ружейной пальбы. Очевидно было, что тамъ собралась большая партія горцевъ и дѣло принимало серьезный оборотъ. Дѣйствительно, векорѣ къ намъ прискакалъ адъютантъ начальника отряда съ приказаніемъ отъ него 4-мъ баталіону снять цѣпь и немедленно итти на выстрѣлы.

Быстро собравшись въ колонну баталіонъ ускореннымъ шагомъ сталъ подниматься на гору, но густой трудно проходимый лѣсъ заставилъ роты такъ растянуться, что командиръ баталіона, не доходя еще до вершины горы, вынужденъ былъ пріостановить на нѣсколько минутъ всю колонну, чтобы дать ей сомкнуться плотнѣе въ ряды и передъ вступленіемъ въ бой сдѣлать солдатамъ свои указанія.

—Помни, братцы,—говорилъ полковникъ, протискиваясь на лошади между рядами ротъ, —безъ суеты въ дѣлѣ: даромъ патрона не выпускай и сигнала объ отступленіи не слушай, и жди на томъ приказаній. Да смотри „въ оба“, чтобы не потерять изъ вида сосѣдняго штыка и не остаться одному въ лѣсу. — Ну, —теперь съ Богомъ!— закончилъ полковникъ. и двинулъ баталіонъ впередъ.

Вершина горы, на которую мы поднялись представляла довольно обширную поляну, окруженную со всѣхъ сторонъ невысокимъ, но густолиственнымъ лѣсомъ. Тутъ 1-й баталіонъ, принявъ боевое положеніе, велъ жаркую перестрѣлку съ чеченцами, занимавшими всю правую сторону лѣса. На большомъ бугрѣ стояла батарея и громила картечью опушку, изъ которой чеченцы, прикрываясь кустами, отвѣчали сильнымъ огнемъ, направленнымъ главнымъ образомъ на батарею. По видимому сборъ горцевъ былъ большой, но, несмотря на малочисленность нашего отряда, они не рѣшались однако переходить сами въ наступленіе и ограничивались пока, одною, перестрѣлкою. Пользуясь нерѣшительностію чеченцевъ начальникъ колонны приказалъ усилить цѣпь тремя ротами нашего баталіона. 13-ю и 14-ю роты за бугромъ, гдѣ стояла батарея и, обстрѣлявъ учащеннымъ огнемъ опушку,—далъ сигналъ къ атакѣ.

Дружно загремѣло по линіи боевое „ура“. цѣпь сомкнувшись въ ряды взяла ружья на перевѣсъ и стремительно бросилась къ опушкѣ.

Горцы отступили въ глубину лѣса; но преслѣдовать ихъ дальше, въ виду возможности натолкнуться тамъ гдѣ нибудь на засаду,—было очень опасно, и потому цѣпи приказано было остановиться на окраинѣ лѣса и не трогаться впередъ.

Помню, въ это время, шагахъ въ полуторастахъ отъ насъ, на лѣсной прогалинѣ показался джигитъ-чеченецъ въ щегольской темно-коричневой черкескѣ и бѣлой полахъ заломленной ухарски назадъ. Онъ сидѣлъ на прекрасномъ сѣромъ конѣ съ винтовкою въ рукахъ и, по видимому, не обращалъ никакого вниманія на жужжавшія вокругъ него пули. Храбрецъ, казалось, хотѣлъ похвастаться своею удачею и, остановивъ передъ цѣпью коня, сдѣлалъ выстрѣлъ, затѣмъ сталъ было заряжать вновь винтовку, но вдругъ какъ ужаленный, выпустилъ ее изъ рукъ, судорожно схватился за рукоять шашки, и, зашатавшись на сѣдлѣ, какъ снопъ свалился съ лошади.

Роковая пуля, какъ видно, нашла свою жертву и уложила безстрашнаго молодца на мѣстѣ!

Между тѣмъ сборъ горцевъ въ лѣсу ежеминутно увеличивался, а намъ предстояло еще отступать, и отступать при этомъ изъ лѣса, что въ кавказской войнѣ считалось самымъ труднымъ и опаснымъ дѣломъ.

Но прежде, чѣмъ описать наше отступление, нужно сказать, что продолжительная война на Кавказѣ давно уже приучила горцевъ къ многимъ нашимъ военнымъ порядкамъ. Они очень хорошо знали значеніе почти всѣхъ русскихъ сигналовъ, и въ густыхъ лѣсахъ Чечни умѣли такъ этимъ пользоваться, что приводили иногда наши боевыя части въ большое замѣшательство. Тамъ не рѣдко бывали случаи, когда при движеніи русскихъ впередъ, горцы почти совсѣмъ не обнаруживали себя, но едва лишь подавали сигналъ „слушайте всѣ и назадъ“—они вдругъ, какъ будто изъ земли выростали передъ цѣпью, и горе было тѣмъ частямъ, которыя отступали безъ соблюденія необходимыхъ предосторожностей: горцы стремительно нападали тогда на нихъ и не только рубили цѣпь цѣлыми звеньями, но успѣвали при этомъ и захватить съ убитыхъ все ихъ вооруженіе.

А бывали даже и такіе случаи,—какъ рассказывали мнѣ старые кавказцы,—что въ самый разгаръ отчаянной схватки съ русскими, когда по мѣстнымъ условіямъ наши роты были разбросаны въ разныхъ направленіяхъ по лѣсу,—горцы вдругъ сами подавали сигналъ отступления на русскомъ рожкѣ. Принимая этотъ сигналъ за свой, роты начинали отступать, а горцы, только того и ожидавшіе, пользовались происшедшемъ при этомъ у насъ безпорядкомъ и страшно преслѣдовали тогда отступавшихъ.

Во избѣжаніе подобныхъ случаевъ, въ кавказскихъ войскахъ издавна принято было за правило, отступление производить не по сигналу горнистовъ, а по приказанію начальника или заранѣе условленному знаку, на примѣръ,—стуку топора по дереву, пушечному выстрѣлу въ опредѣленномъ мѣстѣ, свистку и тому подобному. Наметка при этомъ у кавказскихъ солдатъ была очень большая, и часто отступление цѣпи по знаку производилось до того тихо, что горцы замѣчали это въ то время, когда цѣпь наша была отъ нихъ уже далеко,—чѣмъ дѣло не рѣдко и кончалось.

Но продолжаю рассказъ. Послѣ нашей атаки и отступления горцевъ въ глубину лѣса, бой мало по малу начиналъ стихать. Артиллерія выпустивъ послѣдніе заряды взяла на передки и отъѣхала назадъ: стрѣльба въ цѣпи становилась все слабѣе и, наконецъ, наступило затишье. Но это затишье продолжалось недолго и только лишь было предвѣстіемъ къ еще болѣе сильной вспышкѣ. Дѣйствительно, едва цѣпь, получивъ приказаніе отступать, начала отходить отъ лѣса, какъ горцы, выжидавшіе повидимому этого времени, огромною массою бро-

сились преслѣдовать отступавшихъ. Завязалась оиятъ сильная перестрѣлка; цѣпь, продолжая отступать, быстро стала разступаться въ стороны и передъ горами разомъ вдругъ открылся фронтъ нашихъ резервовъ, лежавшихъ за бугромъ.

—Рота... пли!—раздалась команда капитана Клугенау;—Рота... пли!—скомандовалъ за нимъ поручикъ князь Андрониковъ своей ротѣ. И дружные залпы двухъ ротъ, одинъ за другимъ грянули въ толпу насѣдавшихъ горцевъ.

Это были страшные залпы, до того ошеломившіе горцевъ, что въ первую минуту они даже пріостановились, но скоро оправились, выхватили шашки и съ крикомъ „алла! алла!“ бросились оиятъ на цѣпь. —Рота...пли!—вторично слышалась команда капитана Клугенау.

—Рота...—началъ было команду и князь Андронниковъ, но въ этотъ моментъ чеченская пуля ударила его въ руку и онъ, обливаясь кровью, упалъ не докончивъ своей команды.

Второй залпъ, не менѣе удачный, привелъ въ полное смятеніе горцевъ; они не выдержали этого удара, и, не подобравъ даже своихъ раненыхъ и убитыхъ, бросились въ разсыпную оиятъ къ лѣсу*).

Этой схваткой дѣло и кончилось. Мы захватили съ перевязочнаго пункта тѣла своихъ убитыхъ, положили раненыхъ на носилки и уже безъ выстрѣла прошли небольшой перелѣсокъ, за которымъ шелъ спускъ въ долину Яманъ-су.

Вскорѣ съ горы показался и нашъ новый бивакъ. Тамъ на широкихъ плавняхъ уже раскинуты были палатки, а за ними курился рядъ котловъ, около которыхъ точно муравьи копошились кучки солдатъ. Очевидно обѣдъ на бивакъ былъ готовъ и тамъ шла раздача пищи.

Обычная, но милая картина для уставшаго, и въ особенности голоднаго человѣка!

*) Нужно замѣтить, что при крайне плохомъ вооруженіи войскъ того времени дисциплина огня въ кавказскихъ полкахъ доведена была до такого совершенства, что сорвать, наиримѣръ, залпъ или сдѣлать выстрѣлъ ранѣ команды—считалось для роты въ 200 человекъ тѣмъ то позорнымъ, и ближайшее начальство такой ротѣ, какъ недостаточно еще подготовленной для боя, избѣгало даже давать серьезныя порученія въ дѣлахъ съ горами.

И съ какимъ, помню, удовольствіемъ, войдя въ палатку, я растянулся на своемъ персидскомъ ковригѣ, проведя весь день на ногахъ. Хотѣлось прежде всего подкрѣпить себя сномъ, но, подъ впечатлѣніемъ пережитаго дня, мнѣ это совѣтъ не удалось,—сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ. Передо мною какъ въ калейдоскопѣ, смѣняясь одна другою, мелькали картины происходившаго боя, и казалось, что я даже и теперь еще вижу тѣ искаженные яростію лица чеченцевъ, когда они, обнаживъ шашки, съ дикимъ крикомъ бросились на нашу цѣпь. Конечно, это были впечатлѣнія человѣка не получившаго еще военной закалки; впоследствии я уже рѣдко имъ поддавался и, послѣ всякаго дѣла, спокойно засыпалъ, воздавая благодареніе Господу, что остался живъ и невредимъ.

Въ тотъ же день, когда стемнѣло, мы отдали послѣднюю честь нашимъ товарищамъ погибшимъ въ бою. (Обрядъ погребенія совершился просто: за неимѣніемъ гробовъ, тѣла убитыхъ завернули въ холстъ, прочли надъ ними краткую молитву и опустили всѣхъ въ общую могилу: а на томъ мѣстѣ, гдѣ нашли вѣчное упокоеніе эти доблестные воины развели большой костеръ дабы скрыть тѣмъ могилу отъ горцевъ, большихъ охотниковъ выкапывать тѣла русскихъ съ цѣлью поживиться съ мертвецовъ одеждою и обувью.

Простоявъ одинъ день на этомъ мѣстѣ отрядъ перешелъ къ разоренному аулу Аллерой, отъ котораго нужно было вести просѣку еще около двухъ верстъ. Тутъ мы нашли лишь нѣсколько брошенныхъ ауловъ, но горцевъ нигдѣ болѣе не видѣли:—точно это былъ вымершій край, хотя прекрасно воздѣланныя поля указывали, что жизнь здѣсь еще недавно кипѣла полнымъ ключемъ, но сразу вдругъ застыла, и оставилась.

Работы начались обычнымъ порядкомъ. Въ окрестностяхъ все было тихо и только одинъ случай нарушилъ покой нашего баталіона, заставивъ насъ напрасно промаршировать по холмамъ и оврагамъ около восьми верстъ, да притомъ еще ночью и въ ненастную погоду.

Дѣло произошло такъ: въ одну темную ночь, когда послѣ дневныхъ трудовъ весь лагерь покоился глубокимъ сномъ, къ палаткѣ нашей подсакалъ дежурный по отряду офицеръ и, приказавъ разбудить моего дядю, передалъ ему приказаніе барона Врангеля, чтобы онъ немедленно выступилъ съ своимъ баталіономъ изъ лагеря и слѣдовалъ въ залогъ *).

*) Залогъ—тоже, что засада.

— Тамъ, пояснилъ дежурный, баталіонъ вашъ долженъ расположиться по указанію лазутчика и выждать появленіе партіи мюридовъ, которые въ эту ночь будутъ провозить изъ аула Ведено большой транспортъ съ имуществомъ Шамиля.

Этотъ транспортъ баронъ Врангель поручаетъ вамъ отбить у мюридовъ и доставить въ лагерь.—

Принявъ черезъ палатку такое приказаніе отъ дежурнаго, дядя мой еще съ постели крикнулъ:— Четвертый баталіонъ въ ружье!

Быстро за тѣмъ одѣвшись онъ вскочилъ на свою лошадь, находившуюся всегда осѣдланною за его палаткою, и черезъ нѣсколько минутъ уже былъ съ баталіономъ на походѣ къ мѣсту залога*).

Имѣя впереди лазутчика, баталіонъ шелъ безъ дороги, пробираясь чуть не ощупью по холмамъ и оврагамъ. Темь была страшная. Моросилъ мелкій дождь и, проникая холодными струйками за воротникъ шинели, неприятно щекоталъ кожу. Мы проклинали и мюридовъ съ ихъ транспортомъ, и дождь, который вскорѣ такъ размочилъ землю, что съ трудомъ лишь можно было двигаться, подвергаясь опасности на каждомъ шагу либо скатиться въ оврагъ, либо попасть въ какую нибудь трясиину, откуда, пожалуй, и ногъ не вытащить.

Пройдя такимъ образомъ около четырехъ верстъ, баталіонъ спустился, наконецъ, въ небольшую балку и, по указанію лазутчика, залегъ на откосѣ ея, шагахъ въ пятнадцати отъ дороги въ Ведено.

Долго намъ пришлось мокнуть подъ дождемъ. Въ баталіонѣ ни шелеста, не слышно ни шопота, — такая тишина, что если бы кто нибудь въ это время проѣхалъ по дорогѣ мимо насъ, онъ, навѣрное, не услышалъ бы со стороны нашей ни малѣйшаго шороха, — точно тутъ и не было живыхъ людей. А вѣдь въ нашей засадѣ находился баталіонъ въ тысячу слишкомъ человекъ, и сдѣлай хоть одинъ изъ нихъ даже небольшое движеніе или слабый лягъ ружьемъ, — онъ, неминуемо, обнаружилъ бы засаду, и тогда все дѣло могло окончиться для насъ полною неудачею.

*) Замѣчательная быстрота, съ какой кавказскія войска выходили на тревогу была, конечно, дѣломъ ихъ большого навыка, а главное укоренившася обычая солдатъ — въ походѣ спать не раздѣваясь и при этомъ никогда не снимать съ себя ночью обуви.

Между тѣмъ лазутчикъ, посланный командиромъ баталіона развѣдать о партіи и своевременно извѣстить насъ о ея появленіи съ транспортомъ на дорогѣ, не возвращался, и мы уже начали терять надежду подкараулить горцевъ, какъ вдругъ невдалекѣ послышался выстрѣлъ, потомъ другой, третій и затѣмъ все смолкло. Баталіонъ по знаку командира ползкомъ передвинулся ближе къ дорогѣ, но, къ сожалѣнію, дѣло кончилось однимъ пустякомъ. Вскорѣ явился лазутчикъ и сообщилъ полковнику, что недалеко отъ насъ дѣйствительно показалось было довольно значительная партія конныхъ мюридовъ, направлявшаяся какъ разъ по той дорогѣ, гдѣ находился нашъ залогъ, но, по неизвѣстной ему причинѣ, эта партія вдругъ остановилась, сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ и, повернувъ назадъ, быстро скрылась въ темнотѣ.

Такъ ли произошло въ дѣйствительности все это какъ рассказывалъ лазутчикъ—провѣрить, конечно, было трудно, но вѣроятнѣе, что виновникомъ всей неудачи былъ самъ же лазутчикъ, который обнаружилъ себя чѣмъ нибудь и горцы, почувя опасность, не пошли далѣе. Какъ бы однако тамъ ни было, а намъ не оставалось ничего болѣе, какъ пожурить только лазутчика и возвратиться съ пустыми руками въ лагерь.

Направляясь въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, въ составѣ нѣсколькихъ баталіоновъ, на рекогносцировку намъ пришлось проходить въ Ичкеринскомъ лѣсу ту поляну, гдѣ въ 1845 году кипѣлъ страшный бой русскихъ съ чеченцами, стоившій тогда нашимъ войскамъ такихъ огромныхъ потерь, что о нихъ не легко и вспоминать. Тутъ старые кавказцы указывали намъ, гдѣ были чеченскіе завалы и то мѣсто, гдѣ убитъ славный герой Кавказа генераль Пассекъ, бросившійся съ горстью солдатъ Наваганскаго полка на штурмъ этихъ заваловъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ глухимъ лѣсомъ, эта мѣстность представляла и теперь такую же трупщобу, какою, какъ говорили, она была четырнадцать лѣтъ назадъ; но и тутъ уже ни одна чеченская пуля не прожужжала надъ нашими головами. Отсюда уже ясно былъ слышенъ гулъ пушечной пальбы въ отрядѣ генерала Евдокимова, который, какъ я говорилъ, блокировалъ въ то время аулъ Ведено.

Тамъ, сосредоточивъ около тринадцати тысячъ чеченцевъ, Шамиль упорно боролся съ русскими, делѣя еще надежду какъ нибудь отсидѣться со своими мюридами въ укрѣпленіяхъ; но истощивъ въ продолженіе полуторамѣсячной осады всѣ средства къ оборонѣ, бросилъ,

наконецъ, это лѣсное логовище, предоставивъ своимъ наибамамъ вести дальнѣйшую защиту аула.

Бросая Ведено, Шамиль, однако, ничего въ немъ не оставилъ. Онъ сжегъ свой домъ, захватилъ всѣ драгоценности, награбленные имъ у русскихъ, и со всею семьею бѣжалъ въ Дагестанъ.

Бѣгство Шамиля рѣшило участь Ведено, и 1 Апрѣля этотъ аулъ, бывшій долгое время резиденціею имама, генералъ Евдокимовъ взялъ штурмомъ.

Съ паденіемъ Ведено экспедиція наша въ Чечню была окончена, и въ отрядномъ штабѣ заговорили о роспускѣ отряда. Однако баронъ Врангель, имѣя въ виду, что до Пасхи оставалось очень немного времени, и что люди въ полкахъ еще не говѣли,—отдалъ приказаніе командирамъ частей немедленно вытребовать въ отрядъ своихъ священниковъ и всѣмъ говѣть въ походѣ.

Въ силу такого приказанія, въ Вербное Воскресенье къ намъ прибылъ изъ Буртуная нашъ полковой священникъ Стефанъ Ястребовъ и со слѣдующаго же дня приступилъ къ отправленію церковной службы.

Въ походѣ и самый обрядъ говѣнія нашего совершался по походному. Разбили впереди лагеря офицерскую палатку, устроили въ ней небольшой помостъ, на которомъ поставили всегда возимую съ полкомъ икону Спасителя,—и къ богослуженію все было готово.

Говѣніе людей происходило цѣлыми баталіонами*) и начиналось вечернею, отслуживъ которую отецъ Стефанъ выставлялъ передъ палаткою аналой, клалъ на него крестъ съ Евангеліемъ и, прочитавъ по уставу церкви *правила*, произносилъ передъ говѣльщиками свое поучительное слово.

—Православные войны!—помню сказалъ намъ отецъ Стефанъ,—вы пришли сюда исполнить христіанскій долгъ, необходимый и важный для всякаго человѣка. Обстоятельства походнаго времени не позволяютъ вамъ исполнить обрядъ говѣнія въ тѣхъ правилахъ, кои указы-

*) Баталіоны въ кавказскихъ полкахъ въ то время были въ пятиратномъ составѣ и имѣли въ своихъ рядахъ до тысячи и болѣе человѣкъ.

ваетъ намъ наша Святая Православная церковь, но милосердый Господь нашъ не поставитъ вамъ это въ вину, требуя отъ человѣка лишь сознанія и полнаго раскаянія въ содѣянныхъ имъ грѣхахъ. Какъ служитель Бога нашего, и пастырь вашъ, предлагаю вамъ, братья мои, съ чистосердечнымъ раскаянiемъ прибѣгнуть къ Творцу Небесному: Преклоните колѣна и вознеситесь съ теплою молитвою къ Всевышнему, дабы, принявъ исповѣдь вашу, Онъ сподобилъ васъ принять Святыхъ Христовы Тайны. Затѣмъ каждый съ благоговѣнiемъ приложитесь къ кресту и Святому Евангелiю и идите съ миромъ въ свои палатки, памятуя, что завтра предстоитъ вамъ Великiй день—причащенiя Святыми Божественными Дарами и съ ними воспрiять благодать Святаго Духа. Аминь.

На слѣдующiй день, послѣ краткаго богослуженiя (обѣдницы), мы причастились запасными Дарами, привезенными отцомъ Стефаномъ изъ полковаго штаба,—и обрядъ нашего говѣнiя былъ оконченъ.

Приказъ о роспускѣ отряда послѣдовалъ лишь только вечеромъ 9 Апрѣля и полки со слѣдующаго же дня начали расходиться по своимъ штабъ-квартирамъ. Мы выступили съ бивака въ пятницу на страстной недѣлѣ, сдѣлавъ ночлегъ у Кишень-Ауха и къ полудню Великой Субботы подошли къ крѣпости Внезапной. Здѣсь предполагено было сдѣлать дневку и встрѣтить праздникъ Св. Пасхи.

Крѣпость Внезапная была расположена на равнинѣ между Чиръ-Юртовскимъ и Хасавъ-Юртовскимъ укрѣпленiями. Теперь эта крѣпость упразднена, но въ то время она была передовой и до окончанiя войны на Кавказѣ, служа сторожевымъ пунктомъ, прикрывала выходъ изъ горъ по ущелью рѣки Акташъ, охраняя вмѣстѣ съ тѣмъ и Кумыкскую плоскость отъ набѣговъ горцевъ. Построенная еще въ Ермоловскiя времена*), какъ и всѣ маленькiя крѣпости на Кавказѣ, эта крѣпость состояла изъ земляного вала со рвомъ,—очень слабой, впрочемъ, профили,—и трехъ батарей вооруженныхъ шестью крѣпостными орудiями очень старой конструкцiи.

Двѣ небольшiя казармы для гарнизона, крошечная церковь на площади среди офицерскихъ домиковъ и единственный духанъ, вмѣщавшiй въ себѣ всю торговлю крѣпости,—вотъ всѣ ея постройки и достопримѣчательности.

*) Крѣпость Внезапная построена генераломъ Ермоловымъ въ 1819 году.

Подлѣ самой крѣпости, и также на равнинѣ, размѣщался большой аулъ Эндрени, получившій у русскихъ названіе деревни Андреевой, — вѣроятно по созвучію съ чеченскимъ именемъ этого селенія, — онъ издавна находился подъ покровительствомъ русскаго правительства и населенъ былъ вышедшими изъ горъ чеченцами, которые содержали кордоны у подножія горъ и нерѣдко доставляли нашимъ властямъ весьма важныя свѣдѣнія о сборахъ и намѣреніяхъ горцевъ.

Расположились мы бивакомъ вблизи аула, послали артельщиковъ закупить у чеченцевъ для разговѣнія творогъ, яйца, пшеничные чуреки, и за полчаса до начала заутрени отправились всѣ въ крѣпостную церковь.

Ночь была тихая, безоблачная. Какъ теперь вижу ярко освѣщенную маленькую церковь съ ея плюминованною съ верху до низу колокольнею. Передъ раскрытыми настѣжъ окнами стояла кучка офицеровъ, а за нею множество солдатъ. Храмъ былъ настолько малъ, что не могъ вмѣстить даже всѣхъ офицеровъ и потому многимъ пришлось остаться на площади. Всѣ въ благоговѣйной тишинѣ ожидали начала заутрени и поглядывали на колокольню, съ которой должна была провестись первая вѣсть о наступленіи Свѣтлаго праздника.

Я стоялъ среди солдатъ и уносился мыслями къ далекой Москвѣ, вспоминая то счастливое время, когда этотъ день—день всеобщей радости и ликованія—я встрѣчалъ въ кругу близкихъ своихъ и меня охватило такое глубокое чувство грусти, что невольно наворачивались слезы на глаза.

Но вотъ прозвучалъ первый ударъ колокола; всѣ встрепенулись, въ рукахъ загорѣлись свѣчи и площадь сразу вдругъ освѣтилась множествомъ мигающихъ огоньковъ.

Служба началась, какъ установлено, крестнымъ ходомъ, и когда, вслѣдъ за возгласомъ священнослужителя, хоръ пѣвчихъ пропѣлъ весь Воскресный стихъ, изъ церкви вышелъ священникъ съ крестомъ и, обходя молящихся, поздравилъ всѣхъ съ праздникомъ Воскресенія Христова.

Не пышна была обстановка, при которой намъ пришлось встрѣтить тогда Свѣтлый праздникъ, но она не умалила того торжества, съ которымъ мы, русскіе, всегда встрѣчаемъ этотъ Великій день. Мы

похристосовались другъ съ другомъ, отстояли до конца церковную службу и всѣ вмѣстѣ возвратились въ лагерь.

Разговѣніе было по походному,—то есть болѣе, чѣмъ скромное и часъ спустя весь лагерь уже покоился глубокимъ сномъ.

Первый день Св. Пасхи мы отпраздновали у крѣпости Внезапной, съ вечера отправили весь колесный обозъ кружною дорогою черезъ Чирь-Юртъ, и въ понедѣльникъ рано утромъ потянулись прямымъ путемъ по берегу рѣки Сулака на укрѣпленіе Міатлы. Переваливъ отсюда Хубанскія высоты мы спустились къ Теренгульскому оврагу и къ вечеру уже были въ своемъ Буртунаѣ.

Это былъ нашъ послѣдній походъ въ Чечню. Съ паденіемъ Ведено и бѣгствомъ Шамиля въ Дагестанъ Ичкеринцы, Качкалыки, Чаберлаевцы и другіе чеченскія племена тотчасъ же изъявили полную покорность русскому правительству и въ подкрѣпленіе своей вѣрности выдали аманатовъ.

Чечня окончательно смирилась и, ставъ на степень русской провинціи, въ томъ же году была раздѣлена на округа съ учрежденіемъ въ нихъ военныхъ управленій.

Потерявъ Чечню, Шамиль однако не упалъ духомъ. Онъ имѣлъ въ своемъ владѣніи еще весь покорный ему Дагестанъ съ его дикими скалами и суровой природой и былъ твердо убѣжденъ, что если русскіе вторгнутся туда, то его народъ и наибы сумѣютъ напомнить имъ событія 1843 года.

Но времена и обстоятельства измѣнились. Потерпѣвъ лѣтомъ въ томъ же году нѣсколько пораженій въ Андіи и Аваріи, Шамиль вынужденъ былъ, наконецъ, укрыться на неприступной горѣ Гунибъ-Дагъ. Тамъ, окруживъ себя нѣсколькими сотнями преданнѣйшихъ ему мюридовъ, съ надеждою на помощь Аллаха, онъ рѣшился выждать благоприятнаго для него оборота дѣла, и тогда опять стать во главѣ своихъ полчищъ. Но дни владычества имама уже были сочтены. Ни народъ, ни наибы его не хотѣли продолжать разорительной войны съ русскими; они, такъ же какъ чеченцы, изъявили покорность, выдали своихъ аманатовъ и на Алькоринѣ дали клятву оставаться навсегда вѣрными Бѣлому царю*).

*) Кромѣ Ункратля, гдѣ волненія продолжались до 1861 года и были прекращены только съ поимкою предводителя ункратлинцевъ—Курэвъ-Магомы,—сосланнаго на поселеніе въ Сибирь.

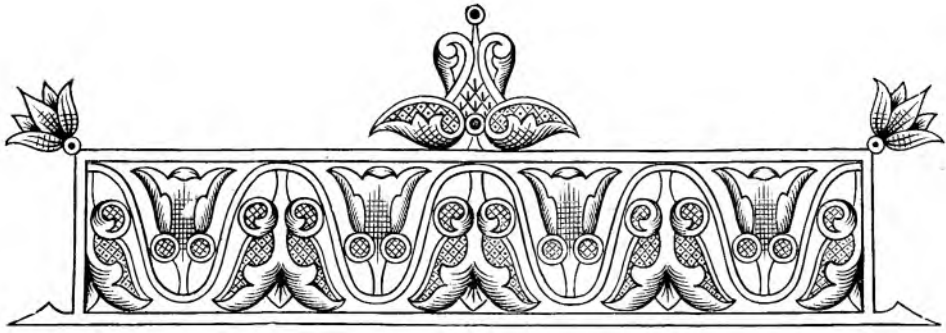
И вотъ, видя себя оставленнымъ почти всѣми, этотъ грозный властелинъ Чечни и Дагестана покоряясь превратностямъ судьбы, отдался, наконецъ, на волю побѣдителя князя Барятинскаго, и на томъ же Гунибѣ предсталъ передъ нимъ, но уже не какъ глава независимаго народа, а какъ простой плѣнникъ, вымолившій пощаду себѣ и милость своему семейству.

Гунибъ палъ, какъ извѣстно, взятый штурмомъ 25 Августа 1859 года. Это былъ день великой славы Кавказской арміи,—день, положившій конецъ полувѣковой борьбѣ русскихъ съ воинственными народами Чечни и Дагестана, съ покореніемъ которыхъ вся громадная область отъ Грузіи до береговъ Каспіи вошла навсегда въ составъ русскихъ владѣній.

И тамъ, гдѣ многія десятки лѣтъ люди проливали кровь за обладаніе каждой пяди земли,—теперь процвѣтаютъ миръ, спокойствіе и то народное благосостояніе, которое, несомнѣнно, послужитъ лучшимъ залогомъ къ будущему развитію культуры этого края.

А. А. Аноевъ.

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ.

Часть вторая.

Книга шестая.

Человѣкъ яко трава,
дне его яко цвѣтъ селъный
[Псал. 102. Ст. 15].

Когда Государь Императоръ Александръ Павловичъ воцарился, то я, имѣвъ счастье, по службѣ моей при Государѣ, родителѣ его, быть нѣсколько особливо извѣстнымъ Его Величеству, принялъ смѣлость всеподданнѣйшимъ письмомъ изъяснить ему чувствованія моего вѣрноподданнаго усердія и любви; Всемилостивѣйше отвѣчая мнѣ на сіе (отъ 25-го Марта 1801-го года), Государь изволилъ увѣрить меня во вниманіи его на службу и труды мои.

Вступленіе свое на Престолъ благодѣтельный монархъ сей ознаменовалъ явленіями милостей, провозвѣщавшими времена Титовъ и Маркъ-Авреліевъ.

Между прочими дѣлами Его милосердія, уничтоженіе тайной экспедиціи весьма было блистательное; оно имѣло въ предметъ ея злоупотребленія: ибо впрочемъ тайный судъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ столько жъ необходимъ, сколько никогда не можетъ справедливо быть наказаніе тайное; развѣ только, когда одна цѣль его есть отечески исправить наказуемаго, скрывая при томъ его отъ стыда.

Намѣреніе Государево при уничтоженіи тайной экспедиціи самое благотворное было; но не соотвѣствовало ему положеніе Сената, которому предоставилъ Государь постановить, какимъ образомъ производится роду бывшихъ въ ней дѣлъ.

Сенатъ положилъ ввести дѣла сіи въ общій кругъ судопроизводства и о людяхъ нижняго состоянія оканчивать по рѣшеніямъ Палатъ, съ согласія Начальниковъ Губерній на основаніи законовъ.

Между тѣмъ же такихъ—и самыхъ пустыхъ, но тѣмъ не меньше бѣдственныхъ, особливо по словамъ, случиться можетъ,—какъ не между людьми нижняго состоянія въ разсужденіи ихъ невѣжества и грубости правовъ. Сколько бы жалкихъ жертвъ было строгости Законовъ, которую Цари—и самые грозные укрощали, когда подобныя дѣла доходили до ихъ собственнаго рѣшенія, и отъ коей, кромѣ ихъ, никто не имѣетъ власти удалиться.

Не могли бы Начальники Губерній съ Палатами нисколько облегчить судьбу судимыхъ; не смѣли бы представлять о томъ—если бъ не сыскались еще и такіе, которые бы стали въ сихъ случаяхъ отмѣнною строгостію выслуживаться.

Не дерзко предполагать сіе—когда недавно видѣли, что въ самомъ Правительствующемъ Сенатѣ, по дѣлу такого рода произошелъ между Г. Г. Сенаторами споръ единственно о числѣ ударовъ и дѣло вышло потому одному въ общее собраніе¹⁾.

¹⁾ Дѣло сіе слушано въ общемъ собраніи Московскихъ Департаментовъ 1-го Іюля 1808-го года. Оно производилось по доносу о словахъ, относящихся къ оскорбленію Царскаго Величества за доносъ недоказанный. Уголовная Палата опредѣлила: наказавъ двухъ челоѣкъ (отца съ сыномъ) тѣлесно, вмѣсто смертной казни, сослать на каторгу. Въ 6-мъ Департаментѣ одни Г. Г. Сенаторы утвердили рѣшеніе палаты съ опредѣленнымъ ею числомъ ударовъ, а другіе такъ же утвердили и точно тѣми же словами, только съ прибавкою числа ударовъ вдвое.—Не могли согласиться, и дѣло перешло въ общее собраніе, въ коемъ наконецъ всѣ согласились на меньшее число ударовъ. Я одинъ не полагалъ ихъ нисколько; а долгомъ совѣсти и самаго законнаго порядка, о чемъ подать слѣдующій голосъ.

„Нахожу въ дѣлѣ семь возможностей, какъ умысленной клеветы—такъ равно и упорства... въ признаніи вины своей и при справедливомъ можетъ быть показаніи первыхъ; ибо хотя въ мудрое укрощеніе неосновательныхъ и ложныхъ доносовъ опредѣляется законами тяжкое наказаніе за доносъ недоказанный; однако по многимъ опытамъ извѣстно, что иногда самой справедливый доносъ не можетъ быть доказанъ, или не докажется по нѣкоторому только стеченію обстоятельствъ; а въ сихъ случаяхъ наипаче достойны со-

Итакъ уничтоженіе тайной могло имѣть гибельнѣйшія для чело-
вѣчества слѣдствія, нежели ея существованіе во времена величайшей
строгости.

По усердію моему къ общему благу, къ истинной славѣ Госуда-
ревой и по любви къ челоувѣчеству, хотѣлъ я представить о семъ отъ
себя чрезъ письмо, которое для поднесенія Государю располагался я
отдать другу моему Сергѣю Ивановичу Плещееву, отправлявшемуся
тогда въ С.-Петербургъ, проѣздомъ въ чужіе края. Началъ было я и
писать его; но приключившаяся вдругъ мнѣ болѣзнь помѣшала: Пле-
щеевъ уѣхалъ, я долго проневогъ и, между тѣмъ, рассудилъ оставить
оное до удобнѣйшаго случая, который и подлинно скоро мнѣ пред-
ставился, какъ опишу я въ своемъ мѣстѣ.

Государь изволилъ прибыть въ Москву на короткое время для ко-
ронаціи.

Во время пребыванія Его въ Москвѣ общее собраніе составляли
1, 5 и 6-й Департаменты. Въ Собраніи семъ Государь изволилъ быть
однажды и очень долго.

Въ присутствіи Его Величества разсматривали мы дѣло по жало-
бамъ о сборахъ въ одной Губерніи въ пользу нѣкоторыхъ чиновни-
ковъ, и для угощенія Губернатора и разныхъ проѣзжающихъ знат-
ныхъ лицъ. При семъ было между нами разсужденіе вообще о та-
кихъ угощеніяхъ и о подносѣ хлѣба-соли. Одни находили это дозво-
лительнымъ, а другіе нѣтъ—и я въ числѣ былъ послѣднихъ. Съ двумя
изъ важныхъ Сенаторовъ вышелъ у меня громкой споръ:—какъ,—гово-
рили они мнѣ, по обычаю хлѣба-соли не принимать, или не пріѣхать
на объѣдъ, когда приглашаютъ?—Вы сами много ѣздили по Губерніямъ,
неужели не принимали вы хлѣба-соли и не ѣздили на званые
объѣды?—Всегда я принималъ и приму, отвѣчалъ я хлѣбъ печеной и

жалѣнія неосторожные и часто усердные доносители, и на такіе то случаи весьма
кстати по мнѣнію моему, обращаемъ можетъ быть самымъ правосудіемъ, столько же стро-
гимъ, сколько и челоувѣколюбивымъ изрѣченный законъ, что лучше безъ совершеннаго
удовѣренія десять виновныхъ простить, нежели осудить на казнь одного невиннаго.

„Но настоящее дѣло, преступленіе въ себѣ заключающее, со всѣхъ сторонъ пред-
ставляется принадлежащимъ къ такому роду дѣлъ, кои свой источникъ пріемлютъ отъ
людей зловредныхъ и коихъ отношенія могутъ имѣть вліянія для общаго спокойства
оскорбительныя; а потому я считаю приличнѣйшимъ, дѣло сіе для надлежащаго окончанія
представить разсмотрѣнію извѣстнаго комитета, учрежденнаго Высочайшимъ указомъ, дан-
нымъ Правительствующему Сенату въ прошломъ 1807-мъ году генваря въ 13-й день.“

какуюнибудь глиняную. или серебряную рублей въ пятокъ солонку; обѣдать пойду ко всякому, начиная отъ перваго чиновника въ Губерніи до послѣдняго купца;—но не приму я хлѣба-соли, ежели поднесутъ мнѣ ее на золотомъ блюдѣ и въ осыпанной алмазами солонкѣ; подь какимъ видомъ можно выдумать способъ и большую деревню поднести. Такъ же не соглашусь я на праздникъ для меня, про который узналъ я. что въ тягость будетъ тому, отъ кого онъ мнѣ дается; а если свѣдаю, что собирается давать его цѣлый городъ, причемъ обыкновенно дѣлается денежный сборъ, то поспѣшу запретить и пресѣчь какъ злоупотребленіе.

Одинъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинской держалъ мою сторону. Статью о сборахъ на угощеніе и проч. въ оной Губерніи положили мы изслѣдовать по порядку судомъ: что и Государь подтвердить изволилъ: а о хлѣбѣ-соли только поговорили. Но на другой, или на третій день, издавъ Имянной указъ, коимъ повелѣвается. съ очень подробнымъ изъясненіемъ, отнюдь ничего не подносить и не принимать въ хлѣбѣ-соль.

При семъ осмѣливаюсь сказать, что намѣреніе указа сего изъясненное, но въ разсужденіи долгимъ временемъ укоренившася обычая, легче обуздать злоупотребленія могущія происходить посредствомъ подноса хлѣба и соли въ вещахъ драгоцѣнныхъ, нежели совѣмъ перевести простоты нравовъ—обычай въ хлѣбѣ-соль подносить вещи, подносицамъ ничего почти нестоющія, какъ-то, напримѣръ:—плоды и тому подобное.

Я думаю, что чѣмъ труднѣе обизательства закона, тѣмъ осторожнѣе издавать его должно. Ничто столько не ослабляетъ силу законовъ, какъ ихъ неисполненіе: а требовать исполненія невозможнаго, или крайне труднаго. есть только умножить виновныхъ.

Еще громкое тогда было дѣло въ общемъ собраніи Сената, но не въ присутствіи въ немъ Государя, Н. П. А—ва съ нѣкоторымъ Малышевымъ, по условію о запроданномъ имѣніи и проч., рѣшенное 3-мъ Департаментомъ и по жалобѣ А—ва внесенное въ общее собраніе.

Я ничего не зналъ объ этомъ дѣлѣ, хотя вездѣ объ немъ говорили. но я всегда отмѣнно нелюбопытенъ былъ знать чужія дѣла такого рода, признаться, что часто изъ благопристойности слушаю ихъ,

не слышу. Рассказывали мнѣ объ немъ нѣкоторыя барыни, только я не слушалъ, какъ говорю, ихъ разговоровъ, или не понималъ ихъ. Помню только, что они А—ва и казнили и вѣшали, сказывая, что и самъ Государь расположенъ противъ него.

На другой день послѣ сихъ рассказовъ, пріѣхавши въ общее собраніе, примѣтилъ я, что они не совсѣмъ неправду говорили. Генераль-Прокуроръ сказалъ мнѣ, что рѣшеніе 3-го Департамента святое и что я конечно съ нимъ согласенъ буду. Посмотрю, отвѣчалъ я, если найду справедливымъ, то вѣрно соглашусь.

Только что сѣли мы на свои мѣста, читаютъ Имянной указъ о разсмотрѣніи онаго дѣла въ общемъ Собраніи, а затѣмъ вслѣдъ и дѣло стали докладывать. Необыкновенная такая поспѣшность удивила меня, и подтвердила мнѣ о томъ, что подлинно уже заключеніе о дѣлѣ сдѣлано. Я спрашиваю Оберъ-Секретаря, для чего онъ такъ спѣшитъ?—приказано,—отвѣчалъ онъ мнѣ тихонько.

Изъ всего увидѣлъ я, что дѣло это трактоваться будетъ не безъ предубѣжденій, шумно—и какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, въ которыхъ принялъ я за правило сказать, или записать свое мнѣніе—да, и какъ изволятъ.—А потому, сохраняя слабую грудь свою отъ напраснаго спора и крика, взялъ я поскорѣе короткую изъ дѣла записку, и увидѣвъ изъ нее, что А—въ по законамъ правъ, тутъ же написалъ въ пользу его мое мнѣніе, которое и отдалъ Оберъ-Секретарю, сказавъ, что я при немъ и останусь. Нѣкоторые Сенаторы изъ знатнѣйшихъ, согласились съ моимъ мнѣніемъ, только другими словами. Большинство же голосовъ было противъ; а объ иныхъ, Генераль-прокуроръ, вѣроятно, прежде отобравъ ихъ мнѣніе, приказывалъ такъ записывать: „ну ниши братецъ, что онъ согласенъ съ 3-мъ Департаментомъ.“

Замѣчательно было то, что послѣ А—вы, узнавъ о моемъ голосѣ, удивили крайнею благодарностію князя П. В. А., считая, что онъ по знакомству своему съ ними, непременно убѣдилъ меня къ тому моею просьбою, а я отъ него не слыхалъ о дѣлѣ ихъ ни слова, и, помнится, не успѣлъ еще тогда и видѣться съ нимъ по пріѣздѣ его изъ Петербурга. Изумились они, какъ князь имъ это сказалъ. Они не привыкли видѣть часто такихъ нелицепріятій въ случаяхъ подобныхъ ополченій, и, особливо, не ожидали отъ меня потому, что никогда не былъ я съ ними въ пріятельскихъ связяхъ, а съ большимъ Ар—мъ было у насъ по службѣ Московской нѣкоторое неудовольствіе.

Государь предъ возвращеніемъ своимъ въ Петербургъ, изволилъ послать меня съ Юрьемъ Александровичемъ Нелединскимъ-Мелецкимъ осмотрѣть Слободско-украинскую губернію и произвести въ ней нѣкоторыя изслѣдованія.

Сей товарищъ мой, весьма извѣстный по рѣдкимъ дарованіямъ его разума и столько же благородствомъ души отличающійся, имѣлъ ко мнѣ довѣренность уже до пристрастія. Онъ, конечно, сдѣлалъ бы все и сдѣлалъ не хуже меня, но ни во что не входилъ изъ сказаннаго мною пристрастія, и—даже можно сказать ослѣпленія, при всей необыкновенной остротѣ его ума. Не только во всемъ соглашался онъ со мною, но не хотѣлъ, чтобъ я и требовалъ его согласія, хотя не преставаъ я требовать онаго во всемъ.

При семъ то осмотрѣ Губерніи, открылся мнѣ случай сдѣлать давно лежавшее у меня на сердцѣ представленіе о злоупотребленіяхъ, могущихъ произойти отъ постановленія Сената по дѣламъ уничтоженной тайной экспедиціи.

Въ тюрьмѣ Уѣзнаго Города Богучары, между колодниками увидѣлъ я одного въ оковахъ на рукахъ и на ногахъ, имѣющаго еще замѣтное по чертамъ благонравіе и по глубокому на немъ унынію. Когда я подошелъ къ нему, то онъ, зарыдавъ, повалился мнѣ въ ноги и просилъ, чтобъ избавить отъ гибели его съ дѣтьми, коихъ у него было 11-ть; успокаивая его надеждою на милосердіе Императора, спросилъ я, по какому содержится онъ дѣлу и гдѣ оно?—По секрету,—сказалъ мнѣ на ухо Городничій,—а дѣло въ уѣздномъ Судѣ.

Я велѣлъ привести его ввечеру къ намъ на квартиру, а уѣздному судѣ съ Секретаремъ принести все дѣло. Поговоря съ колодникомъ, разсмотрѣли мы съ товарищемъ дѣло, и нашли, что содержаніе его самое глупое, и что судимый не заслуживаетъ никакого наказанія, однако по порядку законному долженъ быть непременно обвиненъ и наказанъ вмѣсто смертной казни.

Въ праздничный день добрый однодворецъ этотъ, зашелъ въ питейной домъ выпить чарку вина. Тутъ же случился отпущенный въ домовый отпускъ матросъ, который за разныя шалости отданъ былъ въ рекруты изъ того же селенія, когда братъ однодворца былъ головою. По старой злобѣ на брата, сталъ матросъ къ однодворцу придирается. Смирный однодворецъ отмалчивался; и только сказалъ глупую

простолюдимскую пословицу, которой по непристойности въ ней словъ нельзя написать, матросъ переговоровъ и ея иначе, закричалъ: „такъ-то говоришь“, и донесъ начальству на одиодворца въ словахъ оскорбительныхъ Царскому Величеству, коихъ одиодворецъ и не говорилъ. Десять свидѣтелей подтвердили доносъ клеветника.

По законамъ должно основываться на свидѣтельскихъ показаніяхъ, когда обвиняемый не можетъ ихъ ничѣмъ отвести; т. е. не можетъ доказать, чтобъ они по враждѣ на него, или почему ни есть, могли имѣть причину свидѣльствовать ложно.

Но можетъ ли это всегда доказано быть?—Иногда человѣкъ имѣеть себѣ такихъ непріятелей, которые готовы на него все всклевать и всякое зло сдѣлать; но онъ ничѣмъ такого расположенія ихъ доказать не можетъ. У меня перваго не безъ такихъ—и у многихъ конечно. Сверхъ того можетъ иногда свидѣтель ложно сказать и потому только. что или не такъ ему слышалось, или забылъ точныя слова, или не такъ ихъ понялъ, а въ подобныхъ дѣлахъ иные и отъ робости, отъ торопливости, не вслушаясь, наговорять ложь.

Потому то я думаю, что справедливо обвинять можно по свидѣтельству такихъ только свидѣтелей, которые не только не имѣютъ причины, но и не могутъ лжесвидѣльствовать.

Не имѣя власти уничтожать дѣло, велѣли мы одиодворца опять отвести въ тюрьму, только уже безъ оковъ, которые велѣлъ я съ него снять, прежде для того, что не прилично, говорилъ я городничему, въ спальню къ сенаторамъ вводить скованнаго, а послѣ обнадежилъ я его что колодникъ не уйдетъ. Уѣздному же Судѣ приказалъ я подать намъ при секретномъ рапортѣ выписку изъ сего дѣла, поручивъ проворному Секретарю поскорѣе это исполнить.

Отпустивъ ихъ я принялся писать донесеніе Государю, для отправления по отходившей утромъ на другой день почтѣ. Черезъ нѣсколько минутъ острый Секретарь вбѣжалъ ко мнѣ, спрашиваетъ, прикажу ли я и законы выписать?—Знавъ коротко, какъ въ уѣздахъ водится, я тотчасъ право догадался, для чего онъ меня спрашиваетъ, и сказавъ, что когда дѣлается выписка, то порядокъ требуетъ, чтобъ и законы приведены были, говорилъ я ему: скажи мнѣ правду, для чего ты объ этомъ спрашиваешь?—Для того, Ваше Превосходительство, от-

вѣчалъ мнѣ бойкій Секретарь, что по данной вамъ власти не угодно ли будетъ—завтра при васъ приказать и экзекуцію сдѣлать.

Нарочно описалъ я сіе, чтобъ показать образъ мыслей и расположеніе о дѣлахъ сего рода по уѣздамъ и Губерніямъ, въ коихъ было оныя о большей части народа и оканчивать начали.

О дѣлѣ однодворца написалъ я отъ обоихъ насъ съ товарищемъ Государю донесеніе, въ коемъ въ надеждѣ на его человѣколюбіе, представляли мы о семь дѣлѣ, какъ о незаслуживающемъ уваженія, однако такомъ, которое по законамъ не можетъ быть уничтожено; и судьба страждущаго не можетъ быть облегчена иначе, какъ властію Императорскою, а по сдѣланному Сенатомъ о дѣлахъ сего рода постановленію, дѣло оное не можетъ дойти до Его Величества, и что мы, приказавъ продолжать слѣдствіе по точному обряду законовъ, осмѣлились предписать Губернатору, что когда оно внесется къ нему на разсмотрѣніе, то бы онъ никакого не дѣлалъ по оному исполненія до полученія Высочайшаго указа.

Къ находящемуся же тогда при Государѣ Дмитрію Прокофьевичу Троцинскому послали мы для объясненія при докладѣ выписку изъ дѣла—а я приложилъ къ нему для поднесенія къ Государю записку, съ пространнымъ разсужденіемъ моимъ о дѣлахъ сего рода и о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя могутъ выдти отъ самаго уничтоженія тайной Экспедиціи,—какъ описывалъ я выше.

Въ запискѣ моей представлялъ я, съ какою тонкостію разбирать должно дѣла, особливо о *словахъ*, которые иногда означать могутъ рѣшительное расположеніе ко злу, иногда еще нерѣшительное, а иногда произносятся только отъ вѣтренности, или невѣжества и проч., чего однако же законы не различаютъ,—но, что, впрочемъ, сколь ни строги у насъ законы на дѣла сего рода, только я думаю, что по уваженію ко всѣмъ отношеніямъ нравовъ и состоянія народнаго, неудобно спѣшить ихъ перемѣною, а всего лучше повелѣть всѣ по первымъ двумъ пунктамъ дѣла, по коимъ обвиняются люди, представлять Сенату и Его Величеству, дабы и справедливость въ производствѣ ихъ точнѣе соблюдаема была, и Государь бы имѣлъ способы въ отраду чело-вѣчества являть небесное свойство Милосердія, особливо въ дѣлахъ до оскорбленія лица Его касающихся и проч. и проч.

Представленіе сіе принято было человѣколюбивымъ Государемъ съ отличнымъ благоволеніемъ, и на другой же день по полученіи его

(14-го генваря 1802-го года) поскакалъ въ Харьковъ курьеръ съ повелѣніемъ немедленно освободить однодворца; а Сенату данъ указъ, чтобъ всѣ дѣла сего рода подъ названіемъ преступленій противъ первыхъ двухъ пунктовъ извѣстные, согласно оному представленію внести въ Правительствующій Сенатъ; а ему съ мнѣніемъ своимъ однако жъ о каждомъ доносить Его Императорскому Величеству и ожидать утвержденія.

Отъ 20-го Генваря увѣдомилъ меня о семъ Д. П. Троцинскій слѣдующимъ письмомъ:

„Изъ Всемиловѣйшаго рескрипта Вашему Превосходительству вмѣстѣ съ Юріемъ Александровичемъ даннаго, вы изволили уже видѣть съ какимъ расположеніемъ Его Императорскимъ Величествомъ приняты донесенія ваши обо окончаніи порученнаго вамъ въ Слободско-Украинской губерніи слѣдствія. Послѣднее ваше донесеніе объ однодворцѣ Саласинѣ, судившемся въ Богучарскомъ уѣздѣ, не меньше привлекло на себя Монаршее вниманіе, и вслѣдствіе онаго не только данъ указъ объ освобожденіи однодворца сего, но и вообще предписано дѣла сего рода не вершить въ губернскихъ мѣстахъ, но по ревизіи ихъ представлять въ Правительствующій Сенатъ, а ему доносить Государю Императору. Принося Вашему Превосход. истинную благодарность мою за всѣ благосклонныя выраженія и знаки довѣренности, коими угодно было вамъ почтить меня во все теченіе дѣла сего, считаю себя пріятнымъ долгомъ соединить съ вами совершенное мое удовольствіе, что труды и просвѣщеніе ваше обратили на себя Монаршее благоволеніе и проч.“

Всегда благодарю я Бога за оное сдѣланное мною представленіе, которымъ помогъ онъ конечно многимъ избавиться отъ бѣдъ.

Товарищъ мой, который по окончаніи осмотра нашего почти прямо поѣхалъ въ Петербургъ по своимъ надобностямъ, писалъ оттуда ко мнѣ: „дѣло Саласина (секретное въ Богучарѣ) не только рѣшилось къ его избавленію личному, но и будетъ имѣть вліяніе на всѣ прочія таковыя же дѣла, изъ которыхъ по поводу сего многіе уже, — сказывалъ мнѣ Дмитрій Прокофьевичъ *), — рассмотрены и привели въ удивленіе“.

*) Троцинскій.

Случай оной въ Богучарѣ былъ уже на возвратномъ пути нашимъ въ Москву изъ Харькова, откуда и донесенія всѣ объ осмотрѣ Губерніи нами уже отправлены были.

Осмотръ сей удостоился личнаго благоволенія Монаршаго и мы имѣли счастье получить слѣдующій рескриптъ.

„Господа Тайные совѣтники и Сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! съ совершеннымъ удовольствіемъ получилъ я послѣднее донесеніе ваше объ оконченномъ вами слѣдствіи по жалобамъ жителей Богучарскаго уѣзда. Производства сего дѣла, исполненіе и другихъ порученій, а особенно вамъ отъ меня данныхъ, собственныя ваши примѣчанія на всѣ части Слободско-Украинской Губерніи, дѣлають честь вашему просвѣщенію, правотѣ и видамъ справедливаго человѣколюбія. Изъявляя вамъ за сіе благодарность и приѣмля за благо всѣ представленія ваши, я далъ надлежащія по тому предписанія, а въ уваженіе свидѣтельства вашего пожаловалъ харьковскаго Вице-Губернатора Статскаго Совѣтника Картвелина въ Дѣйств. Стат. Совѣтники, Директора училища коллежскаго ассесора Кудрицкаго въ надворные совѣтники и сверхъ того опредѣлилъ ему въ пенсіонъ кромѣ жалованья 250 рублей;—въ подкрѣпленіе самому Училищу приказалъ отпустить 5 т. руб., предполагая и впредь давать ему вспоможеніе. Титулярнаго совѣтника Шишкина утвердилъ въ Харьковѣ Городничимъ и находящихся при васъ чиновниковъ Щепина, Добачевского и Яковенкова произвелъ слѣдующими чинами. Пребываю вамъ благосклонный.

„На подлинномъ: Александръ

„въ С. Петербургѣ

„Генваря 14-го 1802 года“.

Случившееся при осмотрѣ Слободско-Украинской Губерніи, касательно называющихся духоборцами, требуетъ такъ же особливаго и подробнѣйшаго описанія.

Проѣзжая вмѣстѣ съ товарищемъ въ Харьковѣ, остановились мы на сутки въ Бѣлгородѣ, гдѣ обѣдали у Архіерея. Вспомня, что при покойной Императрицѣ Екатеринѣ поручено ему было увѣщаніе находившихся въ тамошнихъ окрестностяхъ Духоборцевъ, полюбопытствовалъ я обстоятельно объ нихъ узнать отъ него. Нашедъ въ семъ пастырѣ только судью имъ самаго строгаго, коего и горячность излишняя въ разговорѣ мѣшала ему удовольствовать мое любопытство,

прервалъ я разговоръ. Тутъ же обѣдалъ одинъ чиновникъ бывшій Земскимъ Исправникомъ во время розысковъ надъ Духоборцами, который помогаль хозяину бранить ихъ.

День былъ зимній самый ясный. Послѣ обѣда пошелъ я по городу прогуливаться съ онымъ чиновникомъ и распрашивалъ его наединѣ о Духоборцахъ.—Повѣсть его состояла только въ брани-же.—Да изволите ли вы ихъ знать, спросилъ онъ меня?—„Нѣтъ“,—и подлинно мнѣ тогда не случалось ни одного изъ нихъ видѣть.—Извольте жъ ихъ посмотрѣть, продолжалъ онъ, похожи ли хоть мало на христіанъ, кровинки въ лицѣ нѣтъ; они злодѣи и въ церкви хаживали, да полно, что—въ церкви стоитъ, и не то думаетъ. Только бывала и отрада душѣ, что оттуда ихъ вытащимъ, да въ однихъ рубашкахъ палочьемъ дуемъ.—

„Почему жъ, спрашивалъ я его, знать было вамъ, что они думаютъ?“—Какъ же-съ,—это видно,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я видѣлъ, что говорить съ нимъ больше нечего, и уже довольно узналъ, какъ поступали съ этими людьми. Скоро имѣлъ я случай съ нѣкоторыми изъ нихъ разговаривать.

Пріѣхавши въ Харьковъ, между прочими вѣдомостями потребовалъ я особливую вѣдомость и о томъ, что происходило и происходитъ съ Духоборцами живущими въ тамошней губерніи.

Губернаторъ подалъ мнѣ вѣдомость, при немъ читая ее, нашелъ я, что въ царствованіе покойной Императрицы нѣкоторые изъ нихъ взяты были въ тѣсныя заточенія и не возвратились.—А при Государѣ покойномъ всякій Генералъ-Прокуроръ вслѣдствіи Губернаторскихъ представленій объявлялъ Имянной указъ о ссылкѣ ихъ цѣлыми Семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу; и сослано было ихъ такимъ образомъ не одно сто.

Всегда сопровождаемая мудрою терпимостію, благодать воцарившаяся въ Государѣ Императорѣ Александрѣ 1-мъ, отверзла всѣ темницы въ Россіи и страдальцы оные освободились. Велѣно было ихъ водворить въ прежнія жилища и оставить въ покоѣ; предоставляя въ случаѣ нужды духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, но безъ всякаго принужденія.

Въ Августѣ возвратились они въ свои дома, или лучше сказать на мѣста опустошенныхъ домовъ своихъ, а въ Октябрѣ по отзывамъ нѣкоторыхъ поповъ и чиновниковъ Земской Полиціи начали ихъ опять увѣщевать. И для того отряжены были Епархіальнымъ Архіереемъ, два ученѣйшіе какъ въ вѣдомостяхъ было сказано, священника и земскаго суда засѣдатель съ командою.

„Вы сдѣлаете бунтъ, говорилъ я губернатору, люди не успѣли вздохнуть спокойно—а ихъ опять тревожатъ“. Губернаторъ извинялся тѣмъ, что распоряженіе о увѣщаніи ихъ сдѣлано въ его отсутствіи, но, что конечно никакихъ безпокойныхъ слѣдствій оно имѣть не будетъ. „За послѣднее вы отвѣчать будете, сказалъ я ему, и прикажите командѣ воротиться; а чтобъ священники теперь погодили трудиться, о томъ поговорите съ преосвященнымъ“.

Это происходило у меня съ губернаторомъ ввечеру поздно.

На другой день который былъ почтовой, по утру, только что я сѣлъ писать на почту, вбѣжалъ ко мнѣ Губернаторъ съ бумагами въ рукахъ, говоритъ мнѣ: Ваше превос-во отгадали—въ Изюмовскомъ уѣздѣ (гдѣ происходило увѣщаніе) бунтъ, и я пропалъ: Духоборцы не слушаются, говорятъ, что они Государя помазанникомъ Божіимъ не признають, Распятому Господу Иисусу Христу не поклоняются и никакихъ податей платить не хотятъ. Вотъ о семъ секретный рапортъ ко мнѣ отъ засѣдателя съ нарочнымъ, при которомъ приложенъ и напѣвъ ихъ (пѣснь или псаломъ дурными стихами сочиненный) доказывающей ихъ безбожіе. Нѣкоторые изъ нихъ взяты подъ стражу и земскій судъ отправился на мѣсто для слѣдствія“.

Успокаивалъ я Губернатора надеждою, что мы этотъ бунтъ не только укротимъ да и предупредимъ; совѣтовалъ ему остерегаться и меньше робѣть.

„Что прикажете дѣлать?“—спрашивалъ онъ меня.—А вотъ что, сказалъ я ему, повѣрьте, что это все произошло отъ того, что стали увѣщевать этихъ людей не во время, безъ нужды, не искусно; ожесточили ихъ и не такъ поняли; доказательство тому самой присланный къ вамъ напѣвъ ихъ; читайте его: онъ присланъ въ обличеніе ихъ невѣрія къ Спасителю, а преисполненъ благоговѣнія къ нему*); вѣрно

*) Въ напѣвѣ семь написано было; поклоняемся Христу не мѣдному не серебряному, не золотому не кованному и не шптому и не писанному, а Христу Сыну Божію, Спасу міра и пр. и пр.

ихъ спрашивали, что думаютъ они о коронаціи, которая недавно была. Извѣстно, что обрядовъ они ни какихъ не уважаютъ, что конечно и о семъ надлежащаго понятія не имѣютъ; да какая же нужда всякаго теперь мужика, который встрѣтится, спрашивать, что онъ думаетъ о коронаціи.

„Вѣрно ихъ заставляли кланяться образу и они по своимъ понятіямъ не послушались. Вѣрно ихъ спрашивали будутъ ли платить подати?—Они будучи теперь разоренные, нищія ожесточились такимъ вопросомъ, и пр.

„Итакъ вотъ что вы сдѣлайте: пошлите тотчасъ туда нарочнаго; прикажите всѣхъ взятыхъ подъ стражу освободить; донесеніе о увѣщаніи припишите тому, что не такъ ихъ поняли, какъ и подлинно; земскому суду сдѣлайте самый строгій выговоръ за то, что онъ въ такомъ дѣлѣ, не описавшись къ вамъ и безъ вашего наставленія осмѣлился отправляться для слѣдствія на мѣсто; прикажите ему съ командою тотъ-часъ вѣхъ въ городъ, а засѣдателю явиться сюда къ отвѣту; о возвращеніи же увѣщателей священниковъ извольте отнестись офиціально къ преосвященному, а мы на нынѣшней же почтѣ донесемъ о всемъ томъ Государю.“

Губернаторъ вышелъ отъ меня исполнять порученное, а я началъ писать донесеніе Государю.

Товарищъ мой тогда былъ нездоровъ и спалъ еще когда онъ проснулся, я ему все рассказалъ и прочиталъ заготовленное мною донесеніе. При благоразуміи своемъ и человѣколюбіи, находилъ онъ поступокъ мой слишкомъ рѣшительнымъ и снисходительнымъ; и при всей неограниченной ко мнѣ довѣренности, этотъ разъ согласился онъ кажется только изъ нѣкоторой нѣжности особство его характеризующей.

Первое донесеніе наше о семъ Государю было слѣдующее.

„Изъ Харькова 12-го ноября 1801-го года.

„Высочайшее Вашего Императорскаго Величества имѣя повелѣніе обратить здѣсь вниманіе на всѣ предметы заслуживающіе уваженіе, особливимъ долгомъ поставили мы обратить оное на происшедшее по Изюмскому уѣзду, относительно такъ называемыхъ Духоборцевъ; о семъ подробно изыясняя въ представленной у сего

выпискѣ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доносимъ слѣдующее.

Прежде нашего сюда прїѣзда, начальство здѣшнее отъ избытка конечно усердія, но не проникнувъ въ прямое существо Высочайшаго, о духоборцахъ оныхъ, указа Вашего, Государь, предприняло ихъ увѣщевать и обращать едва только освободившихся отъ тяжкихъ узъ, разрѣшенныхъ милосердіемъ и мудрою терпимостію, воцарившимися въ Священной Особѣ Вашего Императорскаго Величества.

При ономъ нарядномъ увѣщаніи, вопросы неискусно конечно сдѣланные, безвременные и ненужные, исторгли изъ увѣщаемыхъ отзвы, какъ доносятъ увѣщатели, противные вѣрноподданническимъ обязанностямъ. Но весьма вѣроятно, что вновь раздраженный фанатизмъ отвѣтствовавшихъ, прежними ихъ бѣдствіями угнетенныхъ и разоренныхъ, облекъ слова ихъ жестокостію, и въ сердцахъ несуществующею, или недостаточное просвѣщеніе увѣщателей превратно ихъ поняло, а предразсудокъ уже противъ говорившихъ, представилъ имъ оныя въ краскахъ гораздо больше черныхъ, нежели онѣ въ самомъ дѣлѣ суть.

Такое заключеніе, думаемъ мы, основательно можно дѣлать, Всемилости вѣйшій Государь, изъ самаго противорѣчія, находящагося въ донесеніяхъ увѣщателей, относительно къ образу мыслей духоборцевъ оныхъ въ Религіи; ибо между прочими статьями доносятъ, что они распятому Господу Іисусу Христу не поклоняются, а въ нѣкоторомъ, такъ называемомъ напѣвѣ, (находящемся въ прилагаемой выпискѣ) котораго нелѣпость въ свидѣтельство ихъ беззаконія приводятъ, все показываетъ вѣру и благоговѣніе оныхъ людей къ воплощенію Господню. Заключеніе оное подкрѣпляемъ еще мы тѣмъ, что въ прилежныхъ съ ласковостію разговорахъ нашихъ съ нѣкоторыми изъ такихъ же духоборцевъ въ харьковскомъ уѣздѣ, несомнѣнно открыли мы, при чувствахъ особенной благодарности же Вашему Императорскому Величеству—готовность повиноваться Монаршей власти и всѣ земскія обязанности исполнять.

По вышедонесенному слѣдствію увѣщанія, Изюмской Нижній земскій судъ, движимый необузданною ревностію и неопытностію, конечно, въ подобныхъ дѣлахъ, поспѣшилъ отправиться на мѣсто въ то селеніе гдѣ происходило оное увѣщаніе, для изысканія и производства изъ того криминальнаго дѣла, и о таковомъ опредѣленіи своемъ донесъ Губернатору съ нарочнымъ. Когда Губернаторъ насъ о томъ увѣдомилъ,

то мы за долгъ сочтя весьма обратить на случай сей вниманіе, сообразно, думаемъ, Августѣйшей благотворной волѣ Вашего Императорскаго Величества и дѣйствительнымъ средствамъ сохраненія общаго спокойства, толико драгоцѣннаго отеческому сердцу Вашему, настояли, чтобъ все оное приписано было недоумѣнію и неискусству увѣщателей, всякое тѣмъ слѣдствіе и розыскъ были бы тотчасъ пресѣчены, чтобъ никакого никому стѣсненія по сему дѣлу ничего не было, если кто взять подъ стражу, то нимало не мѣшкавъ былъ бы освобожденъ, а что по время полученія сего отвѣтнаго предписанія уже произошло, о томъ бы для надлежащаго уваженія обстоятельно судъ рапортовалъ и ожидалъ повелѣнія, какъ то означено въ предписаніи Губернаторскомъ, въ копіи находящемся въ прилагаемой выпискѣ. А Губернаторъ бы донесъ Вашему Императорскому Величеству для Высочайшаго благоусмотрѣнія.

Настояніе о такомъ поступкѣ въ случаѣ семъ отъ главнаго здѣсь начальства сочли мы за нужное, дабы не воспалить фанатизмъ, котораго лучшая пища есть броситься въ огонь и оковы, всего больше его усиливающія и распространяющія, и дабы отвратить непремѣнное принесеніе жертвъ невинности, или невѣжества крайней строгости правосудія, не могущаго тутъ дѣйствовать съ пользою и успѣхомъ. Еще и потому разсудили мы, за правильное такъ сдѣлать, что образъ мыслей оныхъ духоборцевъ давно уже испытанъ правительствомъ, чрезъ прежніе розыски по тайной экспедиціи, которую упразднила именованъ и дѣйствіемъ такъ же великодушная благодѣтельность Вашего Императорскаго Величества, которая и людей оныхъ изъ заточенія освободила.

Долгомъ также почитаемъ мы, касательно увѣщанія и вообще обхожденія съ оными духоборцами (коихъ всѣхъ здѣсь небольшое число) изъяснить здѣшнему начальству Августѣйшую волю Вашу, Государь, изображенную въ доставленныхъ намъ о томъ документахъ, такъ, что въ повелѣніи предоставлять духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, безъ всякаго съ ихъ стороны принужденія, не должно разумѣть безвременныхъ, нарядныхъ, въ видѣ суда, образомъ смущать и устрашать могущимъ, производимыхъ увѣщаній, но дѣлать то ктати, наблюдая расположеніе, стараясь въ самыхъ мѣстахъ ихъ жилищъ имѣть при церквахъ священниковъ, не столько отличающихся блескомъ школьнаго ученія и искусствомъ благонравія, какъ истиннымъ благочестіемъ и усердною любовію къ закону Божию и евангельскому ученію, жизнию своею свидѣтельствующихъ чувствованія

свои и правила. Таковые Пастыри, естественно, вкореня о себѣ добрыя мнѣнія, привлекутъ къ себѣ довѣренность, найдутъ время, случай и мѣсто къ бесѣдамъ своимъ, и самыми простыми способами откроютъ пути къ подѣйствованію на сердца ихъ и умы, желающія просвѣщенія и къ закону Божию внутренно ревностные, но заблуждающіеся въ образахъ и средствахъ. Что же касается до вѣрноподданческаго долга и обязанности то, слѣдуя мудрому Вашего Императорскаго Величества соизволенію при обхожденіи съ ними съ кротостію и терпѣніемъ, требовать отъ нихъ, какъ отъ всѣхъ вообще, исполненія обязанностей предписанныхъ указами Вашего Императорскаго Величества и Государственными законами по общему гражданскому и земскому состоянію, а съ неисполняющихъ оныя чинить взысканія по тѣмъ же законамъ, не входя въ мысленные источники и причины неисполненія, есть ли же бы кто на дѣлѣ оказался прямо возмутителемъ противу власти и общаго спокойства, съ тѣмъ поступать по всей точности и строгости законовъ.

Не оставимъ мы Всемилостивѣйшій Государь устремлять своего вниманія на оное дѣло, во время бытности нашей въ здѣшной губерніи. для исполненія Высочайшихъ порученій намъ отъ Вашего Императорскаго Величества, которыя всѣ стараемся со всякою рачительностію наилучшимъ образомъ исполнять и о всемъ будемъ въ свое время доносить Вамъ Государь съ искренностію и откровенностію, свойственнымъ безпредѣльному усердію, съ коимъ повергаемся къ священнымъ Вашимъ стопамъ.

Возвратившіеся увѣщатели подтвердили мою догадку.

Въ Отчетѣ своемъ сказали они, что подлинно первый отъ нихъ вопросъ духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы неимѣющіе къ обрядамъ уваженія не могли сдѣлать имъ отвѣта удовлетворительнаго: а сказали, что они всякаго Царя почитаютъ отъ Бога постановленнымъ. доброгo—даромъ Божиимъ, а злого—бичемъ за грѣхи. Поставили предъ нихъ образъ Спасителявъ, и спрашивали ихъ вѣруютъ ли они въ предстоящаго распятаго предъ ними Спасителя? Духоборцы отвѣчали: это не Спаситель, а доска расписанная. Наконецъ ихъ спрашивали: будутъ ли они платить подати и рекрутъ ставить?—Они съ досадою говорили: мы нищіе, чѣмъ намъ подати платить! Какіе отъ насъ рекруты, остался старый да малый, да изувѣченный. Мы прежде служили Государю, а теперь, власть его,—не можемъ.

Скоро собралось у насъ много духоборцевъ. Нѣсколько ихъ пришло изъ Екатеринославской Губерніи. Хотя для порядка сохранилъ я въ

дѣлѣ ихъ форму секретнаго производства; однако, чтобъ не подавать видовъ, случающихся и привлекающихъ излишнее отъ народа любопытство, говаривалъ я часто съ ними при всѣхъ, и обыкновенно ходили они ко мнѣ всякій день по утру. Они очень полюбили меня и говаривали со мною откровенно.

Кромѣ безмѣрныхъ, фанатическихъ, можно сказать, предрасудковъ, противъ всякой наружности, и сектическаго особничества, нашелъ я въ нихъ понятія о христіанствѣ самыя коренныя и правильныя, сила духа вѣры въ нихъ весьма замѣчательная и общая. Никто, почти, изъ нихъ грамотѣ не знаетъ хорошенько, писать изъ многихъ бывшихъ тогда у насъ, худо умѣлъ только одинъ, а всякій о законѣ говорить, какъ книга.

Соглашаясь съ ними и по справедливости въ томъ, что все существованіе заключается во внутреннемъ, убѣждалъ я ихъ надобности и пользы ходить въ храмы, исполнять всѣ внѣшнія обязанности и повиноваться всѣмъ уставамъ церковнымъ; дѣлайте это, говорилъ я имъ, хотя изъ любви къ ближнему, безъ которой не можно быть христіаниномъ,—дѣлайте это по крайней мѣрѣ для того, чтобъ ближнихъ вашихъ не вводить въ грѣхъ отвращенія отъ васъ и вражды. Да для чего жъ, спрашивалъ я ихъ перестали вы ходить въ церковь? Вѣдь вы прежде ходили и все исполняли какъ и прочіе.

„Признаемся, отвѣчали они мнѣ, въ грѣхѣ своемъ, что перестали ходить отъ досады и теперь не можемъ переломить себя.—Отъ какой же досады?—Ну да, какъ насъ начали изъ церквей-то таскать, да въ однихъ рубашкахъ бить палочьемъ, приговаривая. въ церкви стоишь. а не то думаешь“.

Что они не лгали, въ томъ я очень увѣренъ былъ отъ самаго Г. бывшего исправника, которой мнѣ хвалился, такую палочною противъ ихъ войною и которой почиталъ христіанами только тѣхъ. у кого въ щекахъ румянецъ играетъ.

Наконецъ Духоборцы подали намъ прошеніе, въ коемъ изъявляли—намъ свою вѣрность и усердіе къ Государю, просили исходатайствовать имъ позволеніе отдѣлиться въ особое поселеніе.

Въ слѣдствіе сего написали мы къ Государю включаемое здѣсь донесеніе.

Изъ Харькова, Декабря 3-го дня, 1801-го Года.

Въ слѣдствіе нашего всеподаннѣйшаго донесенія Вашему Императорскому Величеству отъ 12-го числа Ноября о происшедшемъ въ Изюмскомъ Уѣздѣ по случаю безвременнаго увѣщанія, такъ называемыхъ духоворцевъ, нынѣ за долгъ считаемъ донести, что, продолжая обращать самое прилежное вниманіе на дѣло сіе, всегда находили мы подтвержденіе нашего заключенія о томъ, что безвременное увѣщаніе оное производимо было, и образомъ неискуснымъ, и вопросами неосторожными и напрасными и что отвѣты увѣщаемыхъ не такъ поняты.

Наконецъ самые тѣ изъ оныхъ духоворцевъ, которые наиболѣе и съ такою важностію обвиняемы были, которые и по прежде бывшимъ розыскамъ изъ главныхъ почитались, будучи по настоянію нашему освобождены, на сихъ дняхъ пришли къ намъ оправдать себя. и въ ласковомъ обращеніи, испытывая ихъ лично, мы совершенно удостоувѣрились въ справедливости нашего прежняго заключенія. Потомъ, испросивъ позволеніе, они намъ подали прошеніе, которое подтвердили при насъ и при Губернаторѣ здѣшнемъ, и которое мы при семъ осмѣливаемся въ подлинникъ представить Высочайшему воззрѣнію Вашего Императорскаго Величества. Въ немъ совсѣмъ противное тому, что имъ приписывали, и мы свидѣтели чувствъ ихъ вѣрности, благодарности и почтенія къ Августѣйшей особѣ Вашей, Всемилостивѣйшій Государь, простыми изреченіями въ прошеніи ономъ изображенныхъ.

Давно и довольно долженъ быть извѣстенъ ихъ образъ мыслей, хотя едва ли, когда осмѣлимся сказать, при испытаніи ихъ поступлено было съ полнымъ равнодушіемъ и совсѣмъ должнымъ уваженіемъ къ человѣчеству вообще, безъ различія лицъ, однако, довольно извѣстно, что они пріемля только духовное поклоненіе и совершеніе таинствъ, единственно духомъ же во внутренности отметають всякую наружность въ Религіи, а посему естественно, что не могутъ они уважать и обрядовъ мѣропомазанія. Но они признають Государей отъ Бога поставленными и за долгъ считаютъ имъ повиноваться, какъ и всѣмъ властямъ отъ нихъ учрежденнымъ. А къ Особѣ Вашего Императорскаго Величества, они, можно сказать, проникнуты признательностію и любовію, и говоря о Вашемъ Величествѣ, всякій разъ прибавляють: „Онъ нашъ Государь и человѣкъ добрый и милостивый“. Смѣло повторяемъ мы сіи слова ихъ простодушія, вѣдая, что вѣрно-

подданическая преданность въ простотѣ чувствованій особливо угодна истинно отеческой любви Вашей и великодушной благодати.

Изъ всѣхъ селеній здѣшнихъ духоборцы, гдѣ они есть, и нѣкоторые изъ Новороссійской Губерніи были у насъ, Всемиловѣйшій Государь, и всѣ изъявили желаніе отдѣлиться въ особое поселеніе, не назначая никакихъ тому мѣстъ; а въ оныхъ, какъ въ нужномъ имъ для того вспоможеніи, совершенно предаваясь Всемиловѣйшей волѣ Вашей.

Мы за нужное считаемъ донести о томъ Вашему Императорскому Величеству, предполагая, что не найдется ли какого образа исполненія онаго на общую пользу—Государственную и къ успокоенію самыхъ сихъ людей устраненіемъ ихъ отъ случаевъ и причинъ быть притѣсняемыми иногда невѣжествомъ или безразсудною дерзостію и удаленіемъ ихъ отъ вредныхъ послѣдствій вражды съ прочими поселянами, которые подлинно ихъ не терпятъ, какъ и всѣ почти жители; а при томъ не пресѣкнутся ли, или по крайнѣй мѣрѣ не затруднятся ли чрезъ самое сіе, способы размножаться обращеніемъ къ себѣ другихъ.

Имѣвъ нынѣ довольно случая узнать оныхъ духоборцевъ, осмѣливаемся сказать, что если бы заблагоразсуждено было переселить ихъ въ особыя мѣста, то кажется удобнѣе бы, не учреждая между ними, какъ между прочими поселянами, своихъ волостныхъ Правленій, учредить надъ ними начальство, по примѣру бывшихъ—въ экономическихъ волостяхъ комиссаровъ, или управителей, опредѣляя чиновниковъ честныхъ, добронравныхъ и не суетвѣрныхъ.

Не теряя также по связи общей изъ виду полного присоединенія ихъ къ господствующей въ Россіи православной Церкви, средствами истинному духу христіанства приличными и сообразными сохраненію повсемѣстнаго спокойства, небезполезно, конечно, было бы тогда селенія оныя помѣстить не въ самой большой отдаленности отъ городовъ, или такихъ селеній, въ которыхъ могли бы просвѣщенные истиннымъ познаніемъ закона священники, славою благочиннаго прохожденія своей должности, добраго житія и убѣдительнаго сердечнаго проповѣданія слова Божія, привлекать къ себѣ оныхъ людей, которымъ конечно не столько нужно доказывать пользу и необходимость обрядовъ, какъ то, что никакіе обряды не могутъ препятствовать существенному Бо-

гослуженію и поклоненію внутреннему, которое подлинно есть коренное и котораго они не отвергають.

Мудрая терпимость, каковую Ваше Императорское Величество столь великодушно являть изволите, и снисходительное, такъ сказать, забвеніе оныхъ людей со стороны ихъ образа мыслей, всего дѣйствительнѣе могутъ ослабить ихъ энтузіазмъ, которымъ они весьма сильно и единственно водятся. Всякое принужденіе раздражить только энтузіазмъ сей, всякое утѣшеніе воспалить его. Прочіе раскольники, держимые закоснѣлостью навыка, или особливо выгодами корысти привлекаемые, могутъ одни отвлекаться отсѣченіемъ средствъ пріобрѣтать оныя выгоды, или даже приведеніемъ въ состояніе необходимо терять предъ другими; иные могутъ убѣждаемы быть въ своихъ заблужденіяхъ, которымъ они слѣдуютъ часто болѣе по навыку, и которые не укоренилися въ умахъ ихъ, а въ сердцахъ по большей части и вовсе не существуютъ; но, такъ называемые, духоборцы оные совершенно восхищены однимъ энтузіазмомъ, и такъ бѣдны, что терять имъ ничего.

Бѣдность ихъ Государь прекрайняя; ибо они до конца разорены ссылкой со всѣми семействами на заточеніе и работы, изъ коихъ освободили ихъ милосердіе и человѣколюбіе Вашего Императорскаго Величества. Дома ихъ и всѣ пожитки проданы, и хотя повелѣно было полученные за оное деньги имъ доставить, и доставлены въ мѣста бывшей ихъ неволи, но все сіе продано за безцѣнокъ и не могло иначе быть продано,—а впрочемъ какъ все оное въ подобныхъ случаяхъ дѣлается, то конечно извѣстно, осмѣливаемся мы сказать, спасительной для вѣранныхъ Вамъ народовъ, опытности Вашей, Государь, и прозорливости.

Бѣдное состояніе оныхъ людей, коихъ и число здѣсь невелико, столько жалостно, что поистиннѣ достойно обратить на себя воззрѣніе великой щедроты Вашего Императорскаго Величества, дающаго примѣръ земнымъ владыкамъ священнаго уваженія къ человѣчеству.

За долгъ поставили мы все оное всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству и мнѣніе наше смѣло и свободно представили, руководимы будучи безпредѣльнымъ усердіемъ къ Августѣйшей особѣ Вашего Императорскаго Величества и къ пользѣ Отечества,—съ вѣрноподданническою любовію цѣлуя скиптръ благоденствія его держащую руку Вашу, повергаемъ къ священнымъ Вашимъ стопамъ.“

Сіе донесеніе отправили мы уже при окончаніи осмотра Слободско-Украинской Губерніи и собираясь вмѣстѣ съ товарищемъ возвратиться въ Москву чрезъ Богучарской Уѣздъ той же Губерніи, въ которомъ надобно еще намъ было произвести нѣкоторое изслѣдованіе.

На первое донесеніе наше о духоборцахъ не имѣли мы еще отвѣта.—Признаюсь, что не ожидалъ я пріятнаго. Я очень надѣялся на прозорливость и челоувѣколюбіе Государя; но не былъ совершенно увѣренъ въ томъ, чтобъ ни сколько не могли подѣйствовать толки иныхъ изъ окружающихъ, такихъ, которые хотя въ высшій степени, представляя вездѣ опасности, хотя ни одной прямой отвратить не умѣютъ, и которые хвалятъ, или порочатъ дѣло не потому каково оно, а потому кѣмъ оно сдѣлано *). Тѣмъ больше, думалъ я, толки такіе могли навлечь препятства, что тогда со стороны образа мыслей моихъ не могъ я еще столько быть извѣстенъ Государю, какъ послѣ я имѣлъ къ тому счастье чрезъ нѣкоторые особливые случаи.

Впрочемъ при всемъ производствѣ онаго дѣла о духоборцахъ; и съ начала самаго, не ожидалъ я себѣ пріятности за него по службѣ; а предметомъ однимъ имѣлъ оказать услугу общей Государственной

*) Особливо могъ я думать такъ потому, что клевета и недоразумѣніе давно разглашаются, будто я превеликій защитникъ всякой секты и расколовъ и заключеніе сіе обо мнѣ простирается до слѣпоты. Довольно сказать о томъ только два примѣра.

1-е) Предъ самою сею поѣздкою въ Харьковъ у одного отличнаго разумнаго и ученаго Архіерея, (который былъ то пріятелемъ, то гонителемъ моимъ и умеръ кажется первымъ) разговаривалъ я съ нимъ о расколахъ и о средствахъ укротить ихъ—представляя къ тому самыя дѣйствительныя, кромѣ жестокости и тѣлесныхъ наказаній. На другой день Архіерей сей въ собраніи Синода, бывшаго тогда въ Москвѣ, рассказываетъ, что онъ съ ужасомъ вчера слышалъ отъ меня самаго, какой я защитникъ и покровитель всѣхъ раскольниковъ;—что это такого рода расположеніе мое, которое не бездостоинно даже вниманія Правительства. Другой Архіерей, съ которымъ случилось мнѣ говорить точно то же въ тотъ самый день, только въ вечеру позже, съ удивленіемъ отвѣчалъ ему, что онъ наканунѣ же слышалъ отъ меня напротивъ самыя сильныя и дѣйствительныя средства къ пресѣченію расколовъ; но только жаль, что уже поздно ихъ употреблять и пересказывалъ какія. Гонитель мой, при всей лютости своего ополченія, смягчился однакожъ и утихъ посовѣтися, слово въ слово, что я и ему говорилъ, слыша самое то же—отъ своего товарища и еще старшаго.

2-е) Вошла въ сенатъ жалоба отъ раскольника крестьянина на своего помѣщика, въ коей онъ особливо жалуется на то, что помѣщикъ мѣшаетъ ему раскольниковать. Въ Сенатѣ дается резолюція, послабляющая раскольнику. Я за болѣзнію тогда не присутствовалъ. Несогласясь на такую резолюцію, далъ я голосъ, чтобъ жалобу передать въ уголовный Департаментъ для поступленія по строгости законовъ, въ укрощеніе буйства. При чтеніи моего голоса, товарищи въ первомъ движеніи закричали: „Ну, извѣстно что онъ за раскольника!“ Это даже забавно.

пользѣ и человѣчеству, хотя бы самому и много потерпѣть за то случилось.

Наканунѣ выѣзда изъ Харькова, по обыкновенію своему, проснувшись рано поутру, нашелъ я въ своей предспальнѣ ожидавшагося меня почтмейстера, который вручилъ мнѣ на эстафетѣ полученной отъ Императора рескриптъ. Готовъ уже будучи прочитатъ себѣ неудовольствіе долго не распечатывалъ я его, и распечаталъ послѣ—распрошавшись съ почтмейстеромъ.

„Господа тайные Совѣтники и Сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! примите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ духоборцевъ. Я нахожу его столько же сообразнымъ просвѣщенію и благоразумнымъ вашимъ правиламъ, сколько и основаннымъ на справедливости и настоящемъ положеніи сихъ людей и, вслѣдствіе того поручаю вамъ въ продолженіи пребыванія вашего въ Слободско-украинской Губерніи наблюсти, дабы распорядженія вами сдѣланныя воспріяли точныя ихъ дѣйствія и послужили мѣстному начальству и на будущее время образцомъ поведенія его съ симъ родомъ людей. Вмѣстѣ съ симъ вразумляю я губернатора, какимъ образомъ должно располагать ему назначенное при возвращеніи сихъ духоборцевъ увѣщаніе, и находя, между тѣмъ, что прежде предпрятаго тамошнимъ правительствомъ народнаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе было бы помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что правительство сіе въ разоренномъ ихъ положеніи, готово простерть имъ руку помощи и покровительства, я предписываю ему войдя въ ихъ состояніе и описавъ ихъ нужды, представить миѣ, имѣютъ ли они дома, и если не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать немедленно нужное пособіе. Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ: Александръ.

С. Петербургъ, 2-го Ноября 1801-го года.

До восхищенія пріятенъ былъ сей рескриптъ, коего слова изъявляющія терпимость и щедроту Государя, должны неизгладимыми буквами начертаться въ славнѣйшихъ дѣянїяхъ человѣколюбія и просвѣщенія.

Успокоился и порадовался очень товарищъ мой—и вотъ что онъ при этомъ сдѣлалъ,—черта почтеннаго характера, достойная быть извѣстною.

На одномъ эстафетѣ съ рескриптомъ симъ получилъ я письмо отъ Д. П. Троцинскаго, въ которомъ сей министръ, отличною твердостью и рѣдкимъ въ дѣлахъ Государственныхъ искусствомъ одаренный, писалъ ко мнѣ о томъ удовольствіи, коимъ онъ искренно участвовалъ при семъ случаѣ въ благоволеніи Монаршемъ; и въ концѣ письма своего писалъ поклонъ моему товарищу.

Товарищъ мой, благодаря его письмомъ, которое приготовилъ онъ послать съ фельдъегеремъ, коего наканунѣ отъѣзда нашего изъ Харькова надобно намъ было отправить въ Петербургъ, въ письмѣ ономъ и писалъ, что: „онъ нисколько не можетъ участвовать въ благоволеніи намъ отъ Государя оказанномъ, потому что онъ во все время ничего больше не дѣлалъ,—какъ только подписывалъ, что я напишу.“—Письмо это показалъ онъ мнѣ; я хотѣлъ его пріятельски изодрать, но онъ слишкомъ серьезно сказавъ, что поссорится со мною, вырвалъ его у меня, запечаталъ и отдалъ фельдъегерю. Тутъ я попробовалъ взять письмо у фельдъегеря; только тутъ дошло было, подлинно, до брани.

Такимъ образомъ кончилась исторія духоборцевъ, которые, по нашему представленію, сходному съ ихъ желаніемъ, переселены въ особое жилище на молочныя воды, съ щедрыми пособіями отъ милосердія Государева и составляютъ теперь одну изъ лучшихъ колоній.

Поступокъ нашъ въ дѣлѣ семъ поставленъ былъ за образецъ начальствамъ всѣхъ Губерній Высочайшимъ Имяннымъ указомъ, который чрезъ Генераль-Прокурора объявленъ всѣмъ Губернаторамъ въ томъ же Декабрѣ 1801-го года.

Въ публикѣ иные хвалили это дѣло, а большая часть осуждала, и всѣ критики и порицанія устремлялись на меня.

Бранили меня нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все касающееся до религіи, есть ихъ монополія, и что безъ рясы и клобука не можно имѣть истиннаго просвѣщенія въ сей религіи, коея начало и конецъ есть *Сый вездѣ и вся Исполняй*.

Бранили меня благочестивыми слывуцїе старцы, кои не пропускаютъ обѣденъ и прилежно разбираютъ: рыба ли вязига¹⁾ и можно ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ, потому, что въ него-де кладется кровь; и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку и всякую неправду для прїятеля, особливо для придворнаго.

Бранили думающїе о себѣ, что они философы и выше, какъ говорятъ они, предразсудковъ, которые презираютъ всѣ расколы и секты, хотя не знаютъ прямо, что такое секты или расколъ, не знаютъ сами, хорошенько, какой они религіи и съ надменною улыбкою славныхъ умовъ, говорятъ: всякій честный человекъ христіанинъ; какъ будто нѣтъ честныхъ людей между изычниками, и какъ будто не было ихъ до Христа, коему они не вѣрятъ.

Бранили охотники вмѣшиваться въ политику, которые какъ бы заботясь о благосостояніи и твердости Государства. кричатъ, что секты не должны быть терпимы, хотя также не знаютъ не вѣдаютъ, что такое секта и въ чемъ состоитъ благосостояніе Государства,—и хотя они сами изъ ленточки, изъ титула какого нибудь Превосходительства и. особливо, изъ знатной суммы ходящихъ достоинствъ—готовы на все пуститься.

Брани и толки такихъ господъ и доселѣ продолжающїеся, принималъ я всегда очень равнодушно; но узнавъ, что и тамъ объ ономъ дѣлѣ духоборцевъ перемѣняются заключенія, откуда вліяніе ихъ можетъ простираться и на общую пользу, не говоря о томъ, что и мнѣ лично въ нѣкоторый вредъ; ибо я о себѣ въ такихъ случаяхъ мало привыкъ думать и по самому природному моему нраву равнодушїе тутъ для меня не трудно.—Узнавъ о семъ, разсѣялъ я одну рукопись, въ которой описалъ все мое происшествїе съ духоборцами, причины моего съ ними поступка, образъ мыслей моихъ о расколахъ и о томъ, какъ съ ними поступать вообще. Я помѣщу здѣсь мою рукопись, которая не могла быть напечатана, исключая изъ нее сказанное уже мною выше о семъ случаѣ. Къ сочиненію ея особливо побужденъ я былъ однимъ извѣстіемъ мнѣ: письмомъ первенствующаго въ Синодѣ Архіерея, въ коемъ онъ по нѣкоторому случаю говоря о духоборцахъ, писалъ: сей родъ сильно умножается, и не зная что дѣлать съ нимъ, зѣло винятъ Ивана Владиміровича.

¹⁾ Подлинно зналъ я одну старую барыню, очень богомольную и разумную,—и еще мастерицу по французски и по нѣмецки, которая толковала съ Архіереями, можно ли ѣсть вязигу въ тѣ дни, въ которые по уставу не положено ѣсть рыбу?—И ей разрѣшили почему-то не упомяну, вязигу къ рыбѣ не причитая.

Выписка изъ рукописи подъ названіемъ отзывъ искренности.

· Слышу что умножается число такъ называемыхъ духоборцевъ и что за сіе винять меня.

Если бы я зналъ, что обвиненіе такое заключается только въ разныхъ толкахъ невѣжества и въ злорѣчіяхъ моихъ непріятелей (хотя я ихъ развѣ отъ того имѣю, что никогда не могъ быть и не есть ни кому непріятель) то я бы не только постыдился, да и полѣнился бы, право, себя оправдывать.

Но какъ разглашенія такія, могутъ ввести въ ложное понятіе и самыхъ благомыслящихъ людей, тѣхъ, которые не знаютъ прямо обстоятельствъ, и какъ статья сія относится къ важному состоянію религіи и къ общественному благоустройству, то я, почувствовавъ мое благоговѣніе къ Церкви и ревностную любовь къ отечеству, считаю за нужное нѣчто о семъ сказать:

I.

Никогда не только на бумагѣ, но ниже на словахъ и съ самыми короткими пріятелями не одобрялъ я оную секту. Всякая секта должна имѣть и, конечно, имѣеть свои заблужденія.

Истинная Религія есть ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, и новая тварь во Христѣ Иисусѣ есть истинная натура христіанства. Кто сего Евангельскаго и Апостольскаго о христіанствѣ заключенія не приметъ тотъ или врагъ христіанству или совсѣмъ никакого объ немъ чувства и понятія не имѣеть.

Но для возведенія падшихъ грѣхомъ людей на оный таинственный путь христіанской жизни и для постепеннаго ихъ по оному препровожденія, при содѣйствіи благодати свыше, нужны церковныя уставы, обряды, служенія, правительства, начальства и проч. А посему надобность учрежденной религіи есть самая священная и спасительная, и изъ всѣхъ истину исповѣдающихъ т. е. христіанскихъ религій, уставъ Греко-восточной церкви почитаю я наилучшимъ, не потому только, что я въ ней родился, но по убѣжденію сердца моего и разума.

II.

Исторія раздѣленій церкви извѣстна. Они столько жъ естественны, сколь естественно заблужденіе людямъ, не могущимъ видѣть истину съ точки прямого на нее зрѣнія, а испытывающимъ ее по образамъ

и отгѣнкамъ, слабостію разсудка природнаго. Отъ сего произошли всѣ раздѣленія (секты) и расколы. Политическія побужденія были всегда уже вторыми причинами. Фанатизмомъ ли суевѣрія, честолюбіемъ, или сребролюбіемъ руководствовались учредители секты, но всегда пользовались они заблужденіемъ людей, — слѣпотствующиѣхъ на пути къ истинѣ.

Источникъ всѣхъ почти расколовъ есть усердіе не просвященное, исканіе лучшаго образа Богослуженія, которое конечно рождается отъ усердія къ Богу; но безъ просвѣщенія на самомъ подвигѣ усердія сего въ заблужденіе войти можно. *Для того же, кто называясь христіаниномъ въ Христа не вѣруеть, о Богѣ не помышляетъ, конечно, все равно тотъ или другой образъ поклоненія, или совсѣмъ никакого. Таковой конечно не уклонится ни въ какую секту и уклоняться ему не отъ чего.*

И такъ самая ревность къ Закону Божію, но свѣтомъ истиннаго разума не управляемая, заводитъ въ разнообразныя заблужденія и производитъ различные расколы и раздѣленія.

Непостигающій силы духа и внутренняго качества христіанскаго и заключающій все въ одной внѣшности боготворить ее и ею соблазняется; разнища въ литерахъ, въ какомъ нибудь обрядѣ соблазняетъ и совращаетъ его. Онъ лучше согласится не величать Христа, нежели говорить тѣми, а не другими словами; лучше совсѣмъ не будетъ молиться, нежели не тѣ употреблять внѣшніе знаки поклоненія, какіе употребляли его предки.

На семь совратившихся самое большое число. Въ подвигѣ усердія непросвѣщеннаго, при суевѣрномъ обожаніи внѣшности, гораздо удобнѣе слабостямъ человѣческимъ удовлетворяться ея исполненіями, нежели сражаться со страстями и отрицаться самолюбія.

Другіе впадаютъ въ противное, но также въ заблужденіе и столько же удаляются отъ пути истиннаго. Понимая, что не во внѣшности заключается существенное, но не понимая пользу внѣшности и необходимость ея, какъ средства къ внутреннему, отвергаютъ внѣшнее. презираютъ образное; но не постигаютъ истиннаго, не вѣдаютъ существенной внутренности духовнаго. Разсужденіе о Богѣ принимаютъ за созерцаніе божественнаго; молитву не устную, мысли о молитвѣ, за поклоненіе духомъ и истиною; безразсудное неуваженіе всякой внѣшности, при размысленіи духовномъ и при нѣкоторомъ стараніи

естественными силами исполнять поверхность христіанскихъ обязанностей съ большимъ пожертвованіемъ самолюбію, почитаютъ жизнь духовною,—внутреннимъ христіанствомъ. Не вѣдаютъ, что созерцаніе небснаго свойственно быть можетъ только чистому оку Божественной премудрости, которая не входитъ въ злую душу и не обитаетъ въ тѣлѣ оскверняющемся грѣхами; что поклоненіе духомъ и истиною есть жертвоприношеніе сердца исполненнаго страха Господня, при живомъ вѣроу и любовію ощущеніи присутствія Божія, что духовная жизнь внутренняго христіанства есть безпрестанное распятіе плоти и страстей на внутреннемъ крестѣ самоотверженія и смиренія.

III.

Изъ оной-то смѣси стремленія къ чистѣйшему поклоненію и ложнаго понятія о духовномъ, родилась секта, такъ называемыхъ, духовборцевъ.

Кто именно сіе учредилъ и точное время начала ея не извѣстно. Нѣкоторые изъ нихъ меня увѣряли, что уже слишкомъ сто лѣтъ существуетъ у нихъ такой образъ исповѣданія. Правительству же стали они весьма извѣстны около 1770-го года. Впрочемъ, хотя отъ начала своего имѣли они правиломъ не уважать ничего наружнаго и все заключать единственно во внутренности и въ дѣятельномъ исполненіи евангельскихъ заповѣдей, однако, они всегда ходили въ храмы, бывали у святаго причастія, въ храмахъ крестились, бракомъ сочетались и всѣ внѣшнія обязанности религіи исполняли. Сіе между ними продолжалось до самаго послѣдняго времени ихъ ссылки и заточеній.

Никакая секта въ новѣйшія времена не была столь строго преслѣдуема, какъ оныя духовборцы и, конечно, не потому только, что они всѣхъ бѣднѣе.

Разными образами истязали ихъ; цѣлыми семействами ссылали въ тяжкія работы,—заклучали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ такихъ, гдѣ ни стоять во весь ростъ, ни лежать протянувшись нельзя было. Это мнѣ сказывалъ, хвалясь своимъ распоряженіемъ, одинъ изъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они содержались.

IV.

Взятыхъ подъ стражу въ Слободско-Украинской губерніи духовборцевъ велѣли мы съ товарищемъ тотчасъ освободить и уничтожить

всякое надъ ними слѣдствіе, въ надеждѣ на прозорливость и челоуѣколюбіе Государя, а притомъ зная, что въ подобныхъ случаяхъ средства строгости всегда обрацаются, или въ несправедливое истязаніе слабости и невѣжества, или въ пищу фанатизму, который тѣмъ укрѣпляется и воспламеняется больше. Слепоту разума должно исцѣлять просвѣщеніемъ разума; заблужденія духовныя исправлять надобно убѣжденіемъ духа, силою истины.—Я думаю что одна проповѣдь Евангельскаго ученія, словами и книгами, при добродѣтельныхъ примѣрахъ, можетъ выводить изъ заблужденія совращающихся съ прямого пути религіи. Исполненныхъ предразсудками противъ всякой внѣшности, или безразсудно прилѣпленныхъ къ какимъ либо особливымъ обрядамъ, никогда не убѣдимъ въ пользѣ тѣхъ, а не другихъ. Опыты многихъ вѣковъ сіе доказываютъ. Но когда заблуждающіеся въ ономъ будутъ просвѣщены и сердечно убѣждены въ существѣ животворнаго внутренняго христіанства, тогда всякая для нихъ преграда на правильный путь сама собою разрушится и они при истинномъ на него вступленіи, узнаютъ и необходимую при томъ пользу внѣшности и обрядовъ для людей, изъ души и тѣла составленныхъ.

Совершенное отнетаніе духоборцами всякой наружности конечно есть великое заблужденіе.—Кромѣ установленныхъ въ церкви таинствъ, коихъ предметъ есть освѣщать души и цѣлить тѣла силою вѣры, отвергая пути сокровенному дѣйствию Духа Божія, всѣ уставы и обряды церковныя спасительны и полезны; ибо въ нихъ устроены способы внѣшними упражненіями обращать самыя внѣшнія чувства на вспоможеніе духу, возбуждать сердце трогательностью совершенія служебныхъ обрядовъ и видимыми образами, описаніями, чувственнымъ пѣніемъ невидимыхъ истинъ, сообщать объ нихъ разительное понятіе разуму.

И такъ отверженіе всякой наружности есть конечно заблужденіе, но оно должно исправляться просвѣщеніемъ; а не жестокостью; хотябы то и не въ сотняхъ семействъ. Убѣжденія нужны—жестокость же не убѣждаетъ, но только раздражаетъ, или принуждаетъ надѣвать личину, которая въ религіи хуже раскола. Лучше, при усердномъ намѣреніи угождать Богу, отъ невѣжества заблуждаться въ образѣ поклоненія, нежели играть имъ въ угодность людямъ.

Принявъ все сіе въ уваженіе, безпристрастныя, разсудительныя, уважающіе челоуѣчество и знающіе соотношеніе пользы Государственныхъ, конечно не осудятъ того, что въ случаѣ семъ сдѣлать я съ моимъ почтеннымъ товарищемъ.

ПРОФ. ИВ. ИВАНОВЪ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Жизнь, личность, творчество. Иѣжинь, 1914. Ц. 5 руб.

Этотъ обширный трудъ г. Иванова не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ его трудомъ, посвященнымъ Тургеневу, вышедшимъ около двадцати лѣтъ тому назадъ; между ними общаго лишь бойкость пера и нѣкоторая небрежность изложенія. Теперь г. Ивановъ даетъ намъ нѣчто тщательно продуманное и взвѣшенное, основанное на изученіи сочиненій Тургенева, его переписки, критическихъ статей о сочиненіяхъ Тургенева и т. п. Горячая симпатія къ нашему романисту проглядываетъ въ каждомъ его словѣ. Г. Иванову приходится касаться личности и дѣятельности Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова, Льва Толстого, отношеній Тургенева къ г-жѣ Віардо, къ Гончарову, Некрасову, Флоберу, А. Додэ и др., и вездѣ читатель находитъ что-нибудь для себя новое и цѣнное.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Правительствующаго Синода Томъ XIX. Спб. 1913.

Документы и дѣла, описанные въ этомъ томѣ, не богаты цѣнными данными. Можно отмѣтить дѣло по ходатайству православнаго епископа Сегединскаго о помощи и покровительствѣ, въ виду постоянного нарушенія привилегій и разнообразныхъ притѣсненій, его паствѣ, австрійскимъ сербамъ (стр. 417), донесеніе Смоленскаго епископа о безпорядкахъ въ его епархіи, между прочимъ, объ обычныхъ тамъ бракахъ малолѣтнихъ мальчиковъ съ взрослыми дѣвушками (стр. 454),

о ремонтѣ Успенскаго собора въ Москвѣ (стр. 517), о самоожженіи раскольниковъ (стр. 597), о Симонѣ Тодорскомъ (260), Михаилѣ Казачинскомъ (323), объ одномъ изъ переводчиковъ малороссійскихъ „книгъ правныхъ“ на русскій языкъ (478).

О. В. ЩЕРВИЦКІЙ. Что дала православнымъ западно-руссамъ уніа? По поводу попытки ввести унію въ столицѣ. Вильна, 1913. Изданіе Виленскаго Православнаго Св.-Духовскаго Братства.

Книжка не велика, но богата содержаніемъ. На основаніи изданныхъ и неизданныхъ документовъ, авторъ рассказываетъ, какъ католики относились въ XVIII и XIX вв. въ Зап. Руси къ уніатамъ. Приводимые имъ факты говорятъ громко. Католики, духовенство и помѣшники, особенно монахи, смотрѣли на унію какъ на нѣчто не имѣющее правъ на существованіе, и не стѣснялись въ словахъ, чтобы ее унижить, и въ средствахъ, чтобы ее уничтожить. Законы (послѣ воссоединенія Западной Руси) ими не признавались, приличія не соблюдались и найти отъ нихъ защиту было трудно.

А между тѣмъ недавно въ Петербургѣ нѣкій Дейбнеръ, по документамъ отставной титулярный совѣтникъ, устроилъ уніатскую церковь и началъ было—подъ предлогомъ соединенія церквей—завлекать простодушныхъ православныхъ въ унію.

П. И. ВАРТЕНЕВЪ. ПУШКИНЪ въ Южной Россіи. Матерьялы для его біографіи. М. 1914. Изданіе „Русскаго Архива“ Ц. 1 р. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).

1914-й годъ.

(годъ изданія 52-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1914 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 10 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5⁰/₀.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 г., по цѣнѣ. 12 рублей.

Отдѣльные №№ за 1913 г., по цѣнѣ. 2 рубля.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ:

Впереди текста, страница	100 р.
$\frac{1}{2}$ стр.	50 р.
$\frac{1}{4}$ стр.	25 р.
Позади текста, страница	80 р.
$\frac{1}{2}$ стр.	40 р.
$\frac{1}{4}$ стр.	20 р.

Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель Петръ Бартеневъ (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1914

2

стр.

162. Княжна Турнестанова, Фрейлина Высочайшаго двора. Монографія княгини Е. Ф. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.
182. Письма Властителей Сербіи къ М. Г. Черняеву, съ предисловіемъ А. М. Черняевой.
199. Записки Сенатора И. В. Лопухина.
222. Страничка изъ исторіи Смугнаго времени. Царица Марія Петровна Шуйская. Сообщ. Л. М. Савеловымъ.
235. Новые матеріалы изъ раннѣйшей исторіи духоборческой секты. Статья Н. Г. Высоцкаго.
262. Экстрактъ о службѣ адмирала А. И. Нагаева, поданный имъ въ 1740 г. Сооб. В. Арсеньевымъ.
271. Родъ Арсеньевыхъ. Сооб. В. Арсеньевымъ.
281. Рѣдкія и цѣнныя изданія, собраныя В. М. Остроглазовымъ.
Внутри Обложки. О книгахъ: Богородицкій Тихвинскій монастырь Курск. г., основанный Фельдмаршаломъ Б. П. Шереметевымъ. Князя Курбскаго Исторія о великомъ князѣ Московскомъ. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Правительствующаго Синода Томъ XXIX, Спб. 1913 г. Минская Старина. Выпускъ 4.

МОСКВА

Синодальная Типографія

1914.

Богородицкій Тихвинскій монастырь Курской губ, основанный Фельдмаршаломъ В. П. Шереметевымъ; 1713-1913 г. По сохранившимся документамъ домашняго и мѣстнаго архивовъ. Москва 1914 г., 334 стр., большая восьмушка.

Изданіемъ названной книги ознаменовано было Графомъ С. Д. Шереметевымъ двухсотлѣтіе монастыря Тихвинскаго. Въ Борисовской вотчинѣ своей провелъ фельдмаршалъ гр. Борисъ Петровичъ Шереметевъ около шести недѣль вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ, и едва ли не здѣсь выработанъ былъ планъ Полтавской битвы. Также и въ 1709 году, послѣ сей знаменательной викторіи, выведшей Россію на оеатръ Европейской славы, останавливался побѣдитель Полтавскій въ вотчинѣ ближайшаго помощника своего „въ трудахъ державства и войны“. Слобода Борисовская, соприкасающаяся съ Малороссіей, искони близкой сердцу Шереметевыхъ, пользовалась особымъ расположеніемъ Бориса Петровича; и въ 1713 году имъ былъ основанъ тамъ женскій монастырь на 12 монахинь. Своеручно писанный Фельдмаршаломъ „завѣтъ“, въ коемъ опредѣленъ укладъ монастырскій и расходъ на его содержаніе, весьма любопытенъ; онъ свидѣтельствуетъ, съ какою заботливостью относился Гр. Борисъ Петровичъ къ своему начинанію и какъ входилъ въ самыя мелочныя подробности. Надлежитъ отмѣтить, что, несмотря на всѣ тяготы трудовъ государственныхъ, Гр. Борисъ Петровичъ никогда не упускалъ дѣлъ домашняго быта, соединяя даръ „мужа битвы и совѣта“ съ заботливостью рачительнаго хозяина. Опредѣляя кого слѣдуетъ принимать въ братію новооснованнаго Монастыря,

Фельдмаршалъ пишетъ: „а всѣ бы старицы умѣли грамотѣ.... а прочіи, которыя иныя обрѣтаются въ Борисовкѣ, а крылоса править не умѣютъ, тѣмъ отказать,“ полагая, что монастырь долженъ быть и очагомъ истиннаго просвѣщенія.

Напротяженіи двухсотлѣтъ Шереметевы непрестанно неклись о монастырѣ Борисовскомъ, способствуя его процвѣтанію не одними денежными приношеніями. Читая архивныя бумаги, коими изобилуетъ разбираемая книга: указы Графа В. П. Шереметева, переписку съ Борисовскимъ вотчиннымъ правленіемъ, распоряженія Гр. В. П. Шереметева о Тихвинскомъ монастырѣ; распоряженія Гр. Н. П. Шереметева и Гр. Д. П. Шереметева, который немало потрудился надъ украшеніемъ монастыря, видишь, какъ во всемъ сквозитъ то особенное благородство, которое по слову Пушкина было отличительною чертою Фельдмаршала Бориса Петровича.

Въ настоящее время, когда Россія начинаетъ понемногу исцѣляться отъ тяжкаго недуга *чужбности*, книга, изданная Графомъ Сергіемъ Димитріевичемъ, имѣетъ особую цѣнность: въ ней ярко очерченъ родной хозяйственный бытъ въ теченіе двухъ столѣтій.

П. Б. (младшій)

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ XXIX. Спб. 1913.

Комиссія при Св. Синодѣ, завѣдующая описаніемъ его архивныхъ богатствъ, ведетъ дѣло съ большою энергіею и выпускаетъ томъ за томомъ. Лежащій передъ нами XXIX томъ посвященъ 1749 году и, подобно своимъ предшественни-

КНЯЖНА ТУРКЕСТАНОВА

Фрейлина Высочайшаго Двора.

Время проходило; перипетии романа Вари Туркестановой, часто прерываемаго отсутствіемъ Императора, шли своимъ чередомъ, и все болѣе и болѣе она убѣждалась, что ей не удержать его, не отдавшись ему вполне. Однако она еще пыталась отдалить близкое паденіе и мрачно отвѣчала на предупрежденія Кристина: „Напрасно вы предрекаете мнѣ, что мои надежды тщетны. Ахъ! Боже мой, мои глаза открыты и мнѣ не весело; и одно только утѣшаетъ меня, что всѣ страданія должны имѣть конецъ, и время ничто по сравненію съ вѣчностью“.

Въ этотъ періодъ упадка духа, усиленнаго разлукой съ нѣкоторыми друзьями-французами, между прочимъ, съ герцогомъ Ришелье, она рѣшается на попытку бѣжать и сообщаетъ объ этомъ Кристину. Она начинаетъ свое письмо нѣсколькими эгоистичными жалобами на эмигрантовъ: „Мнѣ кажется,—пишетъ она,—что они немного выиграли, вернувшись на свою родину. Герцогъ Полиньякъ и графиня Діана не спѣшили уѣхать; и поступили благоразумно, очень вѣроятно, что они останутся въ Россіи, какъ возможно, что и герцогъ Ришелье вернется къ намъ, потому что во Франціи теперь нѣтъ ничего установившагося“... Далѣе она говоритъ о своемъ уединеніи во время говѣнія: „Я провела 8 дней одна; мнѣ хотѣлось испытать, очень ли чувствительно будетъ для меня лишеніе общества; говоря по правдѣ, это не было ужаснымъ; однако, я еще не дошла до того, чтобы добровольно откзаться отъ него окончательно.. Вообще, я, кажется, еще далеко не созрѣла для одиночества...“

То была борьба пламенной души противъ искусственныхъ узъ, но, главнымъ образомъ, бѣгство отъ страсти, проснувшейся поздно и заставлявшей ее грѣшить противъ того, что княжна возвела въ принципъ своего существованія—противъ стремленія къ цѣломудрію и чистотѣ нравовъ. Также смущало ее опасеніе упасть въ глазахъ тѣхъ, кто ставилъ ее на такой высокой пьедесталъ... Старательно избѣгая признанія, которое могло бы пролить свѣтъ на настоящее положеніе вещей, она говоритъ о тоскѣ своей въ письмахъ, прибавляя: „будьте осторожны и не заставьте меня горевать обо мнѣ самой, этимъ вы причинили бы мнѣ зло“....

Она была ревностной православной, однако ее привлекалъ католицизмъ, и іезуиты, нашедшіе убѣжище въ Петербургѣ, вызывали ея симпатію; ихъ просвѣтленная вѣра, ихъ личное самоотреченіе—говорили ея воображенію и сердцу; она, главнымъ образомъ, жаждала того, чего не находила въ своей религіи—духовнаго руководителя, идеаль конхъ видѣла она у іезуитовъ. Въ это время она познакомилась съ М-те Свѣчиной, приготовлявшейся къ великой роли, предстоявшей ей въ католическомъ мірѣ, и сумѣла оцѣнить ея значеніе. Общія стремленія привлекали ихъ одну къ другой, и эти двѣ женщины съ одинаково возбужденными душами должны были понять другъ друга.

Варя Туркестанова пишетъ въ одномъ письмѣ къ Кристину*): „Ахъ, Боже мой, что же такое это хожденіе въ церковь, обѣдни, чтенія? Вѣдь ясно же, что это только виѣшнее поклоненіе. А, между тѣмъ, не то вѣдь намъ проповѣдывалъ Тотъ, къ кому мы обращаемся съ этимъ поклоненіемъ. Самоуничтоженіе, полное самоуничженіе, *милостыня самая нѣжная*, вотъ, что требуется,—и чего здѣсь нѣтъ“.

Что касается ея, она раздавала милостыню шире, чѣмъ позволяли ея скромныя средства. Она воспитывала сироту одиннадцати лѣтъ, сына проворовавшагося портоваго служащаго Гертеля: она, поддерживала свою старую гувернантку и вообще относилась къ бѣднымъ и обездоленнымъ съ великимъ самоотверженіемъ; но ея снисходительность не распространялась на сильнымъ міра сего, которыхъ она съ удовольствіемъ безжалостно критиковала.

Она доводила свои якобы демократическія чувства до того, что сдѣлалась учительницей своей молоденькой горничной Надежды, ко-

*) Письмо отъ 3 сентября 1814 г. ненапечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“.

торую она прозвала „мадемуазель де Модень“, потому что она напоминала ей чертами лица ея самого стариннаго друга. Княжна каждый день давала ей уроки французскаго языка *) и исполняла всё ея желанія. Въ концѣ концовъ, въ душѣ этой свѣтской женщины проснулась жажда миссіонерства, и она такъ усердно работала надъ обращеніемъ графа Маркова, бывшаго парижскаго посланника, что Крестинь думалъ выдать ее за него замужъ; но ничего подобнаго не могло быть... Когда ей не удалось возбудить религіозности Маркова, она принялась за своего сосѣда по дворцу Свистунова, и говорить въ своихъ письмахъ о его набожности и большой перемѣнѣ, которую ей удалось произвести въ немъ. Она молится и посѣщаетъ проповѣди, между тѣмъ какъ посѣтителю ждуть ее въ пріемной. Крестинь сравниваетъ ее съ св. Терезой... Чѣмъ болѣе вчитываешься въ эту оригинальную переписку, тѣмъ сильнѣе становится предпочтеніе къ Крестину, неизмѣнно болѣе благородному, великодушному, симпатичному въ своей простодушной довѣрчивости къ графинѣ Брולי и къ самой княжнѣ Туркестановой, которую приходится чаще сожалѣть, чѣмъ восхищаться ею.

Иногда Варя Туркестанова обнаруживаетъ страхъ, какъ бы кто не прикоснулся къ ея тайной ранѣ, и Крестинь ей отвѣчаетъ: „Ваше письмо отъ одиннадцатаго доказываетъ, что ваши душевныя горести, заставляютъ страдать больше физической боли. Я знаю это состояніе и умѣю ему сочувствовать. Остается только одно—постараться развлечься. Это болѣзнь людей, пресыщенныхъ и избалованныхъ судьбою и уснѣхомъ, а также тѣхъ, кто видитъ, что нравственно невозможно получить желаемое, и когда желаніе это слишкомъ сильно. Я нѣкогда самъ страдалъ такимъ образомъ. Меня вылѣчили года, отнявъ у меня силы желаній. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ мои желанія были словно лучи жгучаго сердца, теперь—это лунный лучъ, мягкій, нѣжный, чуть-чуть меланхолическій, но не ранищій никогда“.

Чувствамъ его друга было еще далеко до луннаго свѣта. Любовь, пока, озаряетъ ея горизонты, но въ своемъ отчаяніи она пишетъ: „My time is finished! (Мое время прошло). Я хотѣла было выгравировать эти слова на печаткѣ, чтобы убѣдить въ томъ немногихъ людей, интересующихся мною: но что-то помѣшало; можетъ быть то, что это изрѣченіе навело бы меня на грустныя воспоминанія, а ихъ было бы опасно оживлять каждый разъ, какъ пришлось бы запечатать письмо или записку“.

*) Письмо отъ 18 іюня 1815, тоже неизданное.

Она ошибалась, говоря, что ея „время миновало“. Хотя ея всемогущій возлюбленный и охладѣвалъ къ ней, но драма только что начиналась. Какая сердечная загадка или неожиданная вспышка чувственности, заставила эту женщину столь возвышеннаго ума и наклонностей, столь безупречнаго поведенія до тѣхъ поръ, испытывая исключительное по своей красотѣ чувство. въ то же время начать чувствовать по иному? Если она не хотѣла сказать Кристину всего, происходившаго между ею и Императоромъ, тѣмъ болѣе она должна была скрывать отъ него свое безумное увлеченіе Владиміромъ Голицынымъ: но она искала облегченія отъ своихъ душевныхъ страданій въ неопредѣленныхъ жалобахъ и полупризнаніяхъ.

„Ваши жалобы огорчаютъ меня и возбуждаютъ мое участіе,— писалъ ей Кристинъ,—но совершенно не объясняютъ мнѣ, въ чемъ ваше страданіе. Я желалъ бы угадать это, и моя дружба, можетъ быть, смягчила бы его. Во всякомъ случаѣ, не теряйте твердой рѣшимости бороться, противиться всѣми средствами: напрягайте всѣ ваши силы, надѣйтесь на самыя дѣйствительныя, одерживайте, сколько можете побѣды, но не впадайте въ отчаяніе, не теряйте бодрости духа, если вамъ и не всегда случится взять верхъ... Можетъ быть, мои слова не имѣютъ никакого отношенія къ вашему положенію, и въ такомъ случаѣ вамъ легко дать мнѣ понять это: потому что легче сознаться во всякой слабости, чѣмъ въ той, что приходитъ отъ *сердечной нѣжности* и отъ *вспыхнувшихъ чувствъ*“.

Кристинъ мечталъ о роли де Ментенонъ для своего друга (кромѣ морганатическаго брака), но онъ забывалъ насколько времена перемѣнились. То, что могло составить славу женщины при дворѣ Людовика XIV. не было допустимо при дворѣ Александра I, любовь котораго къ фрейлинѣ требовала такой тайны, что даже потомство не можетъ вполне разъяснить ее.

Кристинъ пишетъ еще:

„*Рискуя, что вы выберете меня*, не могу не сказать, что нахожу въ васъ большое сходство съ де Ментенонъ: вы обладаете именно тѣми качествами, какія у нея были, и помогли ей сдѣлать карьеру“....

Дѣйствительно, княжна Туркестанова обладала удивительнымъ тактомъ, большой свѣтской находчивостью, но, въ сущности, по своей

природѣ составляла полную противоположность съ весьма осторожной особой. которую ей ставили въ примѣръ, и Крестинъ. несмотря на весь свой умъ, несмотря на слишкомъ откровенныя признанія, вырвавшіяся у несчастнаго друга. продолжалъ заблуждаться. Особенно ему не приходило въ голову подозрѣвать ея любви къ Владиміру Голицыну, котораго онъ касался мелькомъ и спокойно: „Онъ сталъ очень красивымъ молодымъ человекомъ, и если что нибудь не испортитъ хорошаго въ немъ, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ замѣтнымъ“.

Этотъ спокойный тонъ скоро смѣняется новымъ недвусмысленнымъ признаніемъ:

„Увы, дорогой другъ, вы слишкомъ хорошо угадали положеніе, въ которомъ я вамъ писала о недовольствѣ собою. Но будьте увѣрены, что я еще крѣпко хочу побороться съ *стремленіями этого приводящаго въ отчаяніе тѣла*. Бываютъ дни, когда я переполнена геройской храбрости. бываютъ другіе, когда я настолько падаю духомъ, что ни одной утѣшительной мысли не приходитъ въ голову. Странная моя судьба: мнѣ кажется, что единственная работа. требуемая отъ меня,—стоять всегда какъ солдатъ съ пикой на готовѣ. чтобы отражать нападенія моего рокового врага, и можно ли представить себѣ, что мои годы еще не защищаютъ меня отъ подобныхъ нападеній, потому что вѣдь только Мятлевъ считаетъ меня молодою. Однако, довольно на эту тему, и дайте мнѣ честное слово. что никогда не будете меня спрашивать ни о чемъ подобномъ: увѣряю, что я вамъ оказала этимъ большое довѣріе: я чувствую. что не могла бы говорить объ этомъ съ родной сестрой“.

Это лестное и необычайное довѣріе, обращенное къ мужчине, все еще держится въ извѣстныхъ границахъ: никто не названъ.

Вѣрный рыцарь княжны въ Москвѣ старался представить себѣ положеніе дѣль и предугадать послѣдствія. Онъ пишетъ: „Никто, кромѣ Андрея, сказавшаго мнѣ, что Государь много разговаривалъ и танцевалъ съ вами, ничего не говорилъ по этому поводу: можетъ быть, это. случится рано или поздно. и я скажу вамъ. если объ этомъ будутъ судить превратно. То что вамъ *отвѣчали* о правдивости и о очарованіи быть дѣйствительно любимымъ. конечно. должно было тронуть ваше сердце. Я думаю тоже, что вамъ *хотятъ оказать* свою привязанность. говоря столь кудрявымъ слогомъ про васъ.
. Вы поступили бла-

горазумно, рассказавъ Государынѣ объ этомъ посѣщеніи; то же благо-разуміе должно заставить васъ умолчать о немъ передъ другими. Мнѣ не приходится напоминать, что вы должны крѣпко держать голову обѣими руками, чтобъ она не закружилась. Не выпускайте себя изъ рукъ, но живите этой милостью, ибо она сама пришла къ вамъ; наслаждайтесь ею вполнѣ, а, если сердце принимаетъ тутъ участіе, старайтесь отвести долю и разсудку. Это очень трудно, — я это очень хорошо знаю, — но необходимо, или вслѣдъ за первыми восторгами придутъ живыя, острые страданія. Смотрите всегда въ будущее, чтобы не ошибаться въ настоящемъ. Если возможно, чтобы между *вами* установилась стойкая, продолжительная *дружба* съ тѣмъ оттѣнкомъ нѣжности, который всегда слышенъ въ дружбѣ мужчины и женщины, это бы было раемъ для васъ на этой землѣ.... Желаю вамъ этого больше всего, дорогая княжна, это пожеланіе нѣжнаго друга, покинувшего страну страстей. Но въ раю этомъ будетъ своя змѣя, и эта змѣя станетъ искушать васъ: не сомнѣвайтесь въ томъ! Посѣщенія, конечно, повторятся, и я даже отчасти радъ, что столь быстрый отъѣздъ дастъ вамъ возможность все обдумать. Вы стоите передъ большимъ искусомъ; я увѣренъ, что вы выйдете изъ него побѣдительницей. Всѣ мои желанія съ вами и мысль о васъ почти стала моей обычной мыслью. Вы, конечно, помните особу, съ которой я сравнивалъ васъ прошлой зимой: я сравнивалъ васъ по характерамъ прежде, чѣмъ можно было сравнивать ваши положенія. Возьмите эту особу себѣ за образецъ, и прошу васъ настоятельно, дѣлайте все, что могло бы напомнить вамъ ее; имѣйте ея умъ, умѣренность, скромность и высокую осторожность“....

Онъ разсуждалъ вѣрно, но, если можно было бы найти во Франціи прошлыхъ вѣковъ прототипъ русской фрейлины, то такимъ прототипомъ сѣорѣ могла бы быть мадемуазель де Леспинасъ, мучимая свою двойною любовью къ Мора и Гиберу, чѣмъ уравновѣшенная и благоразумная возлюбленная Великаго Короля.

Опасенія Кристина не замедлили оправдаться: по городу стали ходить слухи, сильно смутившіе его, и онъ писалъ княжнѣ:

„У меня будетъ случай сказать вамъ, что думаютъ о вашемъ положеніи; по почтѣ это сдѣлать невозможно, потому что это могло бы скомпрометировать глумцовъ, что повторяютъ здѣсь сплетни ложныхъ друзей, окружающихъ васъ. Когда я вамъ сообщу эти подробности, вы сами разсудите, могутъ ли эти люди дѣйствительно интересоваться вами. когда имъ приходится превозносить васъ до небесъ. Вы скажете, пожа-

луй, что все это плоды моего воображенія. но, повторяю вамъ, я вижу ясно и убѣжденъ, что ваша безопасность и нерушимость пріятностей вашего существованія зависятъ во многомъ отъ нѣкотораго уединенія вашего въ настоящее время. Если мои опасенія покажутся вамъ преувеличенными, если вы увидите въ нихъ химеръ. смотрите на нихъ, по крайней мѣрѣ, какъ на доказательство дружбы. которая желала бы все предвидѣть и все предупредить“....

Кристинъ и не подозрѣвалъ. какъ тщетны были его проповѣди для влюбленной безъ ума женщины, чувственность которой не могло преодолѣть воспитаніе, и которая. когда наступило время, предпочла смерть признанію въ своей винѣ.

Впрочемъ, если Кристинъ и ошибался относительно ея душевнаго состоянія, то причиной тому была смѣсь вызывающихъ признаній и упорнаго умалчиванія, которыхъ княжна держалась въ своихъ письмахъ къ нему. Она такъ же сумѣла скрыть при Дворѣ свою связь съ Голицынымъ, о которой никто не зналъ при ея жизни. Всѣ считали это обыкновеннымъ свѣтскимъ флиртомъ, заслуживающимъ лишь улыбки; и никто не смотрѣлъ на это серьезно. Когда злословіе занялось княжною, ея имя связывали исключительно съ именемъ Императора. Въ Москвѣ, особенно, всякіе „говорять...“ приняли очень скоро фантастическіе размѣры; ея открыто называли фавориткой и, между прочимъ, обвиняли въ томъ, что она сдѣлалась орудіемъ „секты кальвинистовъ“. мистицизмъ которыхъ имѣлъ все увеличивающееся вліяніе на Александра I.—„Она слушаетъ только ихъ, и никто не можетъ сказать ей правды о той опасности, которой она подвергаетъ Государство“—говорило одно изъ важныхъ лицъ древней столицы сестрѣ предполагаемой виновницы. занятой гораздо больше своими личными сердечными дѣлами, чѣмъ политическими вопросами. Вся ея душевная жизнь была охвачена этой внутренней борьбой и сопротивленіемъ смѣлымъ попыткамъ Владиміра Голицына. По поводу свадьбы общей знакомой, княжна писала Кристину:

„Наташа умна и потому сдѣлаетъ изъ мужа все. что ей захочется. Что же касается безпокоящаго васъ вопроса, не знаю, какого она будетъ объ этомъ мнѣнія, но знаю, что для меня это было бы счастьемъ! Подобный человѣкъ неоцѣнимъ въ моихъ глазахъ. по крайней мѣрѣ. какъ любовникъ (какъ мужъ—не знаю); всю свою жизнь я мечтала объ этомъ,—именно всегда желала чего-то. что не вело бы къ *полному и счастливому* окончанію, какого вы желаете. Что меня всегда ужасно огорчало—это, что меня не хотѣли слушать въ этомъ отношеніи,

„И напрасно я представляла, что и того и другого довольно,—нѣтъ, не было возможности побѣдить то, что называютъ *щепетильностью*, и вотъ причина моего глубокаго огорченія.... Еще нынѣшней зимой (sic) я искала существа подобнаго тому, кого вы описываете. Я и не думаю не договаривать; вы, повидимому, напрасно стараетесь убѣдить себя, будто я не поняла ничего изъ сказаннаго вами.

„Увы! я хорошо понимаю васъ, и вотъ каковъ мой образъ мыслей... Но каковъ бы онъ ни былъ, эти глупости должны оставаться между нами“.—

Случившееся впоследствии заставляетъ думать, что княжна не была вполне откровенна, во всякомъ случаѣ, ей, можетъ быть, удалось бы найти осуществленіе своего „идеала“ (если бы онъ не былъ первымъ европейскимъ самодержцемъ!) въ Императорѣ Александрѣ, мечтателѣ, сентименталистѣ, котораго *mademoiselle George* въ своихъ мемуарахъ называетъ даже импотентнымъ.... Другой представлялъ изъ себя иной типъ.... Но какъ бы то ни было, пропасть разверзлась, и княжна бросилась въ нее, очертя голову.... Она отдалась Императору раньше: Голицынъ овладѣлъ ею лишь поздиѣ.... Всемогущій повелитель взялъ верхъ; она пала; и ея не пощадили всѣ ужасы отчаянія; она была набожна и боялась грѣха, но ея мученіе зависѣло также отъ сомнѣнія въ свойствахъ внушаемыхъ ею чувствъ, колебавшагося при каждомъ вѣтеркѣ, какъ слишкомъ слабое пламя. Скоро ее начала снѣдать новая, горькая забота: бывшая фаворитка снова появилась, послѣ долгаго отсутствія за границей. Варя Туркестанова, уязвленная ревностью, пишетъ Кристину*): „Дѣвица Нарышкина представлялась ко двору; она красива; однако мать гораздо красивѣе ее. Она ослѣпительна. Она обладаетъ какимъ вибудь секретомъ поддерживать свою красоту! Она поразила меня своей свѣжестью. Если бы я была Императоромъ, и я опять встрѣтила бы эту женщину, помня прошедшее.—мнѣ кажется, у меня снова закружилась бы голова“....

Кристинъ въ своемъ отвѣтѣ, безпокоится этой вспышкой ревности, которая могла отравить существованіе его друга. Разорвать магическій кругъ не было возможности; она не могла идти противъ силы вещей, но въ продолженіе лѣта, послѣдовавшаго за очаровательнымъ пребываніемъ въ Москвѣ, гдѣ, кромѣ плѣнительнаго вниманія Государя, она пользовалась обществомъ своихъ старыхъ друзей и, главнымъ обра-

*) Письмо отъ 25 іюля 1818 г.

зомъ, Кристина. несравненнаго нравственнаго руководителя, повѣреннаго ея самыхъ сокровенныхъ мыслей,—она продолжала пользоваться кратковременнымъ обманчивымъ уединеніемъ.

Разставаясь съ роднымъ городомъ, она посылаетъ Кристину трогательное письмо:

„Я плакала точно сумашедшая съ той минуты. какъ сѣла въ экипажъ, который долженъ былъ унести меня отъ васъ...

„Прощайте, дорогой; я грущу: мнѣ кажется, что со мной случится несчастье!“

Это было предчувствіе, оправдываемое роковой близостью. узы которой она не могла порвать, и которая стала еще тѣснѣе въ Москвѣ. гдѣ жила семья обольстителя, о чемъ она, впрочемъ, упоминаетъ лишь мелькомъ: „Я между Моденомъ и *Владиміромъ*, разговаривающимъ объ этомъ вѣчномъ процессѣ Фуальдеса“.... Но, какъ она сама признавалась, „роковая плоть производила жестокія опустошенія“, и у нея уже начинала кружиться голова.

Лѣтомъ. въ Іюль мѣсяцѣ, у нея снова явилась мысль удалиться отъ Двора и поселиться гдѣ нибудь въ провинціальной глуши; но черезъ нѣсколько недѣль она измѣнила свое рѣшеніе и успокаиваетъ Кристина, еще встревоженнаго ея планами: „Будьте покойны, я не покину Двора въ нынѣшнемъ году. если только не умру.

*

Развязка была ближе, чѣмъ она предполагала.

Съ возвращеніемъ зимы ея связь съ Голицынымъ развивалась своимъ чередомъ въ полной тайнѣ, рядомъ съ отношеніями къ Императору, которыя она съ необыкновеннымъ искусствомъ скрывала отъ всѣхъ. Одна только Императрица-мать знала о посѣщеніяхъ княжны сыномъ и не желала видѣть въ нихъ ничего предосудительнаго. Однако. несмотря на всѣ предосторожности, дальнозоркость придворныхъ проникла въ ея тайну, и, само собой разумѣется, княжна сдѣлалась предметомъ всеобщаго вниманія, что доставило ей даже нѣкоторое удовольствіе. Къ новому кружку. привлеченному къ ней ея зарождающимся вліяніемъ, присоединяются неизмѣнныя привязанности прошлаго. Рибопьеръ сохранилъ свою дружбу къ ней и не проходило дня, чтобы онъ не навѣщалъ ея. Моденъ, другой ея сердечный другъ,

вернулся изъ Парижа, и она шутила пріятно по поводу его возвращенія: „Если кто счастливъ, такъ это его жена; она не помнитъ себя отъ радости, любясь имъ съ утра до вечера. Что касается милаго муженька, то онъ, кажется, и на половину не раздѣляетъ этой радости“.

И если Моденъ не находилъ большого удовольствія въ супружескихъ нѣжностяхъ, тѣмъ болѣе онъ стремился встрѣчать изящную княжну Туркестанову и повторять этой женщинѣ, столь граціозной и отзывчивой, впечатлѣнія. вынесенныя изъ родины. Оттуда онъ бѣжалъ во время Террора, преслѣдуемый какъ дикій звѣрь, и тамъ теперь его такъ естественно привѣтствовалъ Дворъ, а еще больше возвышала въ глазахъ публики принадлежность къ свитѣ Императора Россійскаго, въ руки котораго рокъ два раза отдавалъ судьбы Франціи. Ни одинъ государь не игралъ въ исторіи этой страны такой роли, какъ Александръ I. что не мѣшало ему сохранять самое неблагоприятное воспоминаніе о націи. спасенной имъ, и слишкомъ охотно принимать перелѣзчиковъ, отъ Поццо ди Борго до Моро.

Внѣшнее поклоненіе отзывалось вдвойнѣ въ ея душѣ, и княжна Туркестанова тоже преклонялась передъ идоломъ своего народа. хотя и на другомъ алтарѣ курился въ то же время ѳиміамъ. Она продолжала покровительствовать передъ Государемъ честнымъ, непризнаннымъ людямъ, покинутымъ и обездоленнымъ. Она продолжала свои дежурства, исполняла свои свѣтскія обязанности, но мало по малу вопросы и болѣе важныя,—нѣкогда драгоцѣнная дружба, политическія личности, съ которыми приходилось встрѣчаться—все отступало на второй планъ. все стусевывалось: она вся ушла въ свое двойственное чувство. Въ отношеніи перваго ея ревность всегда была на сторожѣ. такъ какъ Императоръ, при своей новой связи, какъ казалось, не отказывался отъ старой: Нарышкина не сходила со сцены. Владиміръ Голицынъ думалъ о женитьбѣ, и княжна не знала, ревнуй,—отъ котораго изъ двухъ она больше страдаетъ: отъ повелителя ли, которому подвластны все земныя благополучія; или отъ молодого человѣка, къ которому ее влекла неодолимая сердечная и чувственная страсть. Голицынъ, гораздо моложе ея, вѣтренникъ, кутила, котораго обвинять впоследствии въ гнусномъ поступкѣ, будто совершенномъ надъ нею при помощи наркотическаго средства, даннаго подкупленной горничною*), открыто измѣнилъ ей, прося руки дѣвицы Лопухиной. Однако ему отказали. Этотъ коварный поступокъ дошелъ до свѣдѣнія женщины, которую онъ увѣрялъ въ своей любви.

*) Предисловіе бар. Будберга къ его замѣткѣ о Крестинѣ.

и причинилъ ей жестокия разочарованія. Перипетіи двойной драмы, созданной ею себѣ, ужасныя впечатлѣнія, которыя приходилось переживать не жалуясь.—все это начало отзываться на ее здоровьи. цвѣтущемъ до сихъ поръ. Ея единственнымъ утѣшеніемъ были ежедневныя посѣщенія ея друзей Модена, Рибоьера и Лаваля.—Императрица, расположенная къ своей изящной фрейлинѣ, утомляла ее своими мелочными порученіями. своими постоянными поѣздками; и все это приходилось принимать съ довольнымъ лицомъ. Вѣроятно, послѣ этой зимы, весной 1818 г. произошло роковое паденіе. Лѣтомъ, въ Августъ мѣсяцъ. Владиміръ Голицынъ засталъ однажды ночью Императора у княжны Туркестановой...

Какъ она была далеко отъ идеала, который ей рисовалъ Крестинъ! Не устоявъ противъ Императора, она съ другой стороны, не устроила свою жизнь такъ, чтобы серьезно привязать его къ себѣ. Можетъ быть причиной къ тому была страсть къ Голицыну, котораго она желала видѣть постоянно и, благодаря чему, она проводила все свое время въ гостинныхъ, гдѣ можно было его встрѣтить. Гораздо позднѣе,—когда трагедія уже окончилась—Крестинъ писалъ по этому поводу: „Любовь княжны къ свѣту и обществу, гдѣ она имѣла такой успѣхъ, не согласовалась съ дружбой Императора. Государь рѣдко открываетъ свое сердце человѣку, у котораго слишкомъ много знакомыхъ: болѣе уединенная жизнь внушила бы больше довѣрія, и я пытался убѣдить въ этомъ моего друга“.

Какъ видно. Крестинъ, несмотря на все свое знаніе человѣческихъ слабостей, вѣрилъ въ чистоту отношеній Вари Туркестановой съ Императоромъ. Чтобы объяснить это ослѣпленіе, можетъ быть, нѣсколько преднамѣренное, надо вспомнить собственное признаніе княжны въ одномъ изъ ея писемъ: „При видимой откровенности, я умѣю скрывать многое“.

Въ своемъ заблужденіи, онъ старался, чтобы она прониклась его желаніями относительно положенія, занимаемаго ею при Дворѣ; онъ желалъ, чтобы „она была другомъ Государя безъ примѣси какихъ либо иныхъ чувствъ“. Дѣйствительность оказалась иною: когда онъ узналъ истину и ему пришлось низвести княжну съ пьедестала чистоты, на который онъ поставилъ ее, онъ, умирая, писалъ княгинѣ Софіи Бобринской:

„Не кажется ли вамъ, что подобныя вещи не только не озлобляютъ противъ людскихъ слабостей, но, напротивъ, внушаютъ вѣжливую

жалость къ тѣмъ, кто падаетъ?“ И возвращаясь къ тому времени, когда онъ пытался поддержать княжну на добромъ пути, онъ вспоминаетъ „мои длинныя письма, что были моимъ самымъ вѣжнымъ наслажденіемъ“.

Если поведеніе княжны могло казаться легкомысленнымъ Императору, она сама не могла не дѣлать ему въ душѣ подобнаго же упрека. Въ слѣдующемъ году¹⁾ за нѣсколько недѣль до конца, она замѣчаетъ въ немъ измѣненіе, вносящее въ ея истерзанное сердце самое сладкое успокоеніе.

„Совершенная неправда, что посѣщенія Г. Великаго²⁾ прекратились... Эта привычка посѣщать всѣхъ женщинъ могла вызвать только сплетни.“—Однако перемѣну нельзя приписать новому сближенію между ними, котораго, въ дѣйствительности не произошло, хотя разрывъ съ Голицынымъ совершился еще въ предыдущую зиму:—„Я простила съ Голицынымъ“,—писала она.

Осенью княжна Туркестанова была выбрана въ число лицъ, которыя должны были сопутствовать Императрицѣ-матери въ путешествіи, и она покорилаь этому распоряженію, безусловно нелѣпому, ибо она уже готовилась стать матерью (это можно вывести изъ сопоставленія датъ) вѣроятно³⁾, не подозрѣвая объ этомъ. Можетъ быть, впрочемъ, она поступила бы также, еслибы и знала о своемъ положеніи: она стала равнодушна къ жизни, сдѣлать любую неосторожность—для нея ничего не значило: она погибла въ глазахъ Императора, тѣмъ болѣе, что ея отношенія къ Голицыну, особенно же роковая встрѣча въ Августовскую ночь, оставили въ душѣ Александра недовѣріе, которое не могло исчезнуть.

Она уѣхала изъ Петербурга больная, со смертельной тоской въ душѣ.

¹⁾ Письмо 24 марта 1819.

²⁾—„M. Le Grand“,—названіе, которымъ княжна Туркестанова обозначала въ своихъ письмахъ Крестину Императора.

³⁾ По словамъ кн. Наталіи Николаевны Голицыной: „Всѣ, кто помнитъ княжну Туркестанову, говорили, что ее опиялъ наркотическимъ средствомъ Императоръ Александръ I и тогда лишилъ ее дѣвственности. Княжна не подозрѣвала о своемъ положеніи, когда отправилась въ заграничное путешествіе съ Императрицей Маріей Феодоровной. Императоръ также не зналъ объ этомъ. Когда родилась маленькая Мими, князь Владиміръ Голицынъ потребовалъ ея выдачи ему, показывая уполномочіе Александра I“. Это свидѣтельство невѣрно: Императору не надо было наркотиковъ, чтобы обладать княжнью.

Путешествіе Императрицы-матери началось 28 августа 1818 г.

Княжна Туркестанова помѣщалась въ каретѣ Ея Величества—почетъ, который могъ только страшно стѣснять ее, такъ какъ лишалъ ее всякихъ удобствъ. Передъ отъѣздомъ она дала слово графу и графинѣ Литга вести дневникъ этой великолѣпной поѣздки, главная цѣль которой была посѣтить дворы различныхъ дочерей Ея Величества: Великой герцогини Веймарской, Принцессы Оранской и Королевы Виртембергской. Эти наѣзды были для матери Александра I родомъ триумфальнаго шествія по Европѣ,—всѣ государи при ея проѣздѣ, начиная съ Короля Прусскаго и Императора Австрійскаго, наперерывъ чествовали ее. „Мы путешествуемъ какъ вавилонскіе цари, а мнѣ все надоѣло до послѣдней возможности“,—пишетъ бѣдная фрейлина. Она переносила истинную физическую пытку и чувствовала себя словно подъ тяжестью кошмара. Несмотря на рѣшеніе не падать духомъ, у нея вырываются фразы, позволяющія догадываться о ея горѣ.

Этотъ дневникъ передавался въ двухъ экземплярахъ, Крестину, который могъ читать между строками, тѣмъ болѣе, что она съ тѣмъ же курьеромъ посылала ему письма, полныя подробностей о томъ, что она испытывала. Онъ писалъ въ отвѣтъ: „Судя по лѣкарствамъ, которыя вамъ даютъ, у васъ женская болѣзнь“.

Во всякомъ случаѣ онъ не подозрѣвалъ истины, даже когда она ему рассказывала:

„Антонъ Радзивиллъ давалъ намъ обѣды. Если бы у меня не болѣло все время что нибудь, я лучше бы сумѣла оцѣнить кушанье которое показалось мнѣ прекраснымъ. Но послѣ ужина въ этотъ вечеръ меня стошнило... Надо посмотрѣть, какъ ѣдятъ нѣмцы; если старикъ, бывшій моимъ сосѣдомъ за ужиномъ, не умеръ—то, нужно думать, онъ безсмертенъ“.

И путешествіе это, бывшее для нея тяжелой фантазмагоріей, продолжалось черезъ красивыя мѣстности,—прерываясь восторженными приѣмами, въ которыхъ княжна была принуждена принимать участіе. Она добросовѣстно описываетъ все своимъ друзьямъ, но вновь и вновь слышатся воспоминанія объ отчаянномъ нездоровьи: „При всемъ томъ я не могу наслаждаться всѣмъ этимъ, если мнѣ не вернется здорově.... Я ничего не могу ѣсть“....

Жизнерадостность проснулась въ ней въ Аахенѣ, гдѣ конгрессъ удерживалъ Александра. Что она испытала, свидѣвшись съ нимъ, изъ ея ежедневныхъ записей, предназначенныхъ для чтенія нѣсколькихъ лицъ, не видно;—она удовлетворяется тѣмъ, что записываетъ: „Я нашла Государя похудѣвшимъ послѣ легкой болѣзни: впрочемъ очень веселымъ и изящнымъ“.

Она часто смотрѣла на Герцога Веллингтона:

„Его лицо совершенно таково, какимъ я его себѣ представляла; въ немъ есть все, что можетъ нравиться въ отношеніи правильности чертъ и открытаго выраженія. Послѣ стола Императоръ (*sic*) пожелалъ, чтобы я познакомилась съ Герцогомъ, и представилъ мнѣ его. Можетъ быть, мы опять увидимъ его въ Брюсселѣ“.

Она знала, что встрѣтитъ тамъ своего возлюбленнаго монарха, и эта надежда ее больше всего озабочивала. И жалобная нота на время замолкаетъ: волненіе при мысли о свиданіи поглощаетъ всякое другое чувство.

Изумительно, что въ продолженіе всего путешествія, она, повидимому, и не подозрѣваетъ о своемъ положеніи; она совѣтуется съ докторами, принимаетъ въ изобиліи лѣкарства. Невѣроятно, чтобы дѣвушка въ ея годы могла быть до такой степени неосвѣдомлена, и чтобы нѣкоторые признаки, о которыхъ она пишетъ Кристину, не открыли ей глаза.

Въ Аахенѣ ее ожидало еще радостное волненіе встрѣча съ стариннымъ, дорогимъ другомъ, какимъ, по ея словамъ, былъ для нея „добрый герцогъ Ришелье“. Она нашла его похорошѣвшимъ и помолодѣвшимъ, а между тѣмъ онъ, уѣхавъ изъ Россіи, находился далеко не въ блестящемъ положеніи.

„Это милое и прекрасное общество задержало насъ до половины шестого, такъ что мы пріѣхали въ Кѣльнъ довольно поздно“,—прибавляетъ она.

По прибытіи въ Брюссель она съ увлеченіемъ принимается за различныя лѣченія, которыя начинается 1-го Ноября: „Утро у меня было свободное, у меня собрался консиліумъ изъ двухъ мѣстныхъ докторовъ; я имъ объяснила всѣ свои страданія, и хотя эти врачи,

можетъ быть, никогда меня больше не увидятъ, я была очень рада узнать ихъ мнѣніе о *странномъ состояніи* моего здоровья. Г. Монтэнъ, одинъ изъ нихъ, убѣдилъ меня, и я нахожу, что онъ объясняетъ исторію моей болѣзни гораздо лучше, чѣмъ нашъ маленькій Руль¹⁾... Затѣмъ отъ вопросовъ здоровья перешли къ политикѣ, докторъ разсказалъ мнѣ многое, что подтверждаетъ мои недавнія разсужденія о королевствѣ Нидерландскомъ и даже Франціи. Все ненадежно“.

Дальновидность княжны въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе замѣчательна, что окружавшіе ее не раздѣляли ея мнѣнія, и сохраняли свои иллюзіи. Принцесса Оранская считала себя популярной и жила, окруженная блестящимъ дворомъ въ городѣ, которому скоро предстояло, послѣ отдѣленія отъ Голландіи, сдѣлаться бельгійской столицей подъ другимъ скипетромъ.

На слѣдующій день, 2 Ноября, княжна пишетъ:

„День начался съ посѣщенія моего новаго эскулапа; онъ пропишетъ мнѣ средство, которое я хочу принимать безъ вѣдома маленькаго Руля; будь, что будетъ“.

Заблужденіе продолжается, но, быть можетъ,—это притворство? Варя Туркестанова жила въ такой неискренности, что оба предположенія допустимы; ясно только, что сильныя средства подрываютъ организмъ. Ей не къ кому было обратиться съ совѣтомъ: говорить съ княгиней Ливень, было тоже, что сообщить Императрицѣ. Это было невозможно; а подруга княжны по службѣ, прелестная Софи Самойлова, будущая графиня Бобринская, была слишкомъ молода, чтобы къ ней можно было обратиться съ подобными конфиденціями. Оставалось только идти по той-же дорогѣ.

Обратное путешествіе на родину, котораго княжна такъ страстно желала, совершилось скорѣе, чѣмъ путь туда, но мученія ея усиливались...

Есть одно свидѣтельство, утверждающее, что у княжны родилась дочь уже въ продолженіи пути, 28 Декабря въ Нарвѣ, послѣдней станціи подъ Петербургомъ. Но это совершенно неправдоподобно: даты не совпадаютъ, да, и кромѣ того, можно ли было бы укрыться отъ зоркаго

¹⁾ Лейбъ-медикъ Императрицы Маріи Теодоровны.

глаза гофмейстерины, графини Ливень? Многія стороны этого таинственнаго дѣла остаются невыясненными и понынѣ; въ интересахъ многихъ современниковъ было набросить непроницаемое покрывало на этотъ трагическій случай, чтобы особенно оградить священную особу Государя. Такъ, — чтобы обмануть общественное мнѣніе, вину приписывали Владиміру Голицыну, но будущее и одно свидѣтельство, стоящее совершенно внѣ всякаго сомнѣнія, опровергли намѣренную ошибку: у дочери княжны Туркестановой, у маленькой Мими, была въ свою очередь тоже дочь, до того поразительно похожая на Императора Александра, что сомнѣніе уже невозможно¹⁾. Первая версія тѣмъ менѣе допустима, что измѣнническій поступокъ, приписываемый горничной, которая будто бы ввела ночью молодого офицера въ спальню своей госпожи, что позволило ему выполнить гнусное покушеніе (слѣдствіе пари), совершенно не согласуется съ испытанной вѣрностью этой служанки, которую госпожа очень любила.

Поэтъ Пушкинъ вѣрилъ въ виновность Голицына, и по этому поводу есть даже замѣтка въ его дневникѣ²⁾. Однако, несмотря на великое имя писателя, его слова не могутъ перевѣсить другихъ болѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ³⁾, и послѣ столькихъ лѣтъ могутъ быть не болѣе, какъ отголосками досужихъ расказней.

Возвратившись на родину, въ свою милую дворцовую квартирку, княжна вздохнула и, повидимому, вернулась къ своей обычной жизни.

¹⁾ Одинъ историкъ, работавшій надъ исторіей времени Императрицы Елизаветы, и имѣвшій доступъ въ нѣныя писемохранилища, говорилъ въ частномъ письмѣ: „По моему все, что приписываютъ кн. В. Голицыну, невѣрно. Виновникъ горя и смерти кн. Туркестановой занималъ *болѣе высокое положеніе*. Мнѣ пришлось прійти къ этому заключенію, читая неизданную переписку.“ — По словамъ П. Бартечева, покойнаго составителя „Русскаго Архива“, княжна „Сафиръ“, дочь князя Владиміра Голицына говорила ему, что отцомъ дочери княжны Туркестановой былъ Императоръ Александръ, но что она была воспитана въ ихъ домѣ, и князь Владиміръ старался убѣдить ихъ, что это его грѣхъ. Графъ Александръ Адлербергъ подтверждалъ ей, что князь Голицынъ *„все взял на себя“*.

²⁾ Въ записи отъ 8 Марта 1833 г. неизданнаго дневника Пушкина, до сихъ поръ не опубликованнаго по желанію сына поэта, генерала Александра Пушкина, поэтъ писалъ: „Княжна Туркестанова состояла въ связи съ Императоромъ Александромъ I и В. Г., отъ котораго забеременѣла. Она во всемъ призналась Императору (?). Были приняты необходимыя предосторожности, и она разрѣшилась во дворцѣ, такъ что никто не подозрѣвалъ. Императрица Марія Ѳеодоровна приходила къ ней читать Евангеліе, когда она лежала въ постели. Ее вынесли въ другую комнату, и она умерла. В. Гол. все разсказалъ изъ трусости (par lâcheté).“

³⁾ Сестры княжны.

По внѣшности въ этой жизни, какъ бы ничто не измѣнилось—въ душѣ же, когда наконецъ пришлось убѣдиться въ своемъ положеніи—были муки, все возрастающія и тѣмъ болѣе тяжелыя, что приходилось скрывать нѣкоторыя припадки, которыя могли обличить дѣйствительность. Между прочимъ, она страдала отъ ужасныхъ невралгическихъ болей. Въ нихъ можно было признаться, но онѣ „способны были довести до безумія“. Но ея стоицизмъ былъ такъ великъ, что она успѣвала обманывать окружающихъ. Императоръ, еще не знавшій правды въ эту минуту, немного встревожился ея болѣзною. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ, написанномъ за мѣсяць до смерти, она слегка жалуется на свои болѣзни и прибавляетъ:

„Г. Великій желаетъ, чтобы я занялась исключительно своимъ здоровьемъ! Какъ будто это возможно при нашей доброй хозяйкѣ *)“.

Еще въ этомъ послѣднемъ письмѣ она слабѣющею ручкой старается окружить ореоломъ того, кого любила, и показать его гуманнымъ, либеральнымъ: „Когда я рассказала о свадебномъ подаркѣ Остерманна Софи (тысяча душъ крестьянъ) онъ воскликнулъ:—О Боже, у меня сердце обливается кровью, когда я слышу, что можно дѣлать подобныя подарки, словно дарить мебель!...“ Печальное безсиліе самодержца передъ вѣковымъ зломъ.

Жизнь несчастной женщины шла какъ будто въ какомъ то кошмарѣ. Что она перестрадала передъ ужаснымъ моментомъ, никто никогда не узнаетъ. „Мше Моденъ“ одна могла бы многое рассказать, но съ легендарной вѣрностью, свойственной русскимъ слугамъ, она умерла, не открывъ тайны своей госпожи. Самоубійство, на которое рѣшилась княжна, пришлось отложить до рожденія ребенка; но послѣ родовъ и перваго крика дочери, она, уже не колеблясь, поспѣшила уйти изъ жизни. Ядъ, который она считала дѣйствующимъ мгновенно, не умертвилъ ее достаточно быстро, и страданія причиненныя имъ были, вѣроятно, нестерпимы для этого тѣла, измученнаго родами. Она переносила эти страданія съ необычайнымъ мужествомъ, съ фанатизмомъ своихъ далекихъ восточныхъ предковъ.

Даже Крестину она не сдѣлала намека на близкую смерть. Когда имъ овладѣло безпокойство послѣ необъяснимаго молчанія, онъ обра-

*) Письмо отъ 27 Марга 1819.

тился къ соотечественнику де Сожи, прося извѣстій. Изъ отвѣта онъ узналъ, что княжна уже нѣсколько дней при смерти.

„Получивъ ваше письмо“—пишетъ де Сожи¹⁾,—„я немедленно отправился къ княжнѣ; уже четыре недѣли она въ самомъ плачевномъ состояніи! Какъ это случилось, что въ Москвѣ не знаютъ о ея болѣзни? Теперь она чрезвычайно слаба и часто бредитъ. Доктора потеряли надежду. Третьяго дня она исповѣдалась, а сегодня причастилась. Рибоьеръ заходитъ къ ней три, четыре раза въ день; онъ относится къ ней, словно къ родной сестрѣ...“

Послѣ отчаяннаго поступка, наполовину неудачнаго²⁾. послѣ полного упадка духа и нечеловѣческихъ страданій. у нея все еще хватало силы молчать. Ни при Дворѣ, ни среди окружающихъ никто не зналъ правды. Когда врачи объявили, что надежды больше нѣтъ. она улыбнулась, сказавъ, что у нея ее нѣтъ давно уже... Рибоьеръ у ея постели плакалъ; она утѣшала его; онъ умолялъ ее жить, а она ему отвѣчала, что часъ ея пришелъ³⁾... Она умерла девять мѣсяцевъ спустя послѣ ночнаго свиданія съ Императоромъ....

Черезъ восемнадцать лѣтъ Крестинъ писалъ о ней графинѣ Бобринской⁴⁾:

„Княжна не совѣтовалась ни съ кѣмъ: возлѣ нея была подруга, во мнѣ она имѣла друга. который не пощадилъ бы ничего, чтобы быть ей полезнымъ: если бы она рѣшилась признаться, что она всего только женщина: но она не могла спуститься съ пьедестала, на который поставили ее всегда высказываемые принципы высокой добродѣтели и полной чистоты нравовъ. Вы меня спрашиваете. кто мнѣ сообщилъ о причинѣ ея смерти? Старинная подруга, начавшая тѣмъ. что была

¹⁾ Письмо отъ 18 Мая 1819 г.

²⁾ Версія, уже тогда ходившая въ публикѣ и подтвержденная достоверными данными, утверждала, что послѣ рожденія дочери она приняла ядъ и умерла въ ужасныхъ мученіяхъ.. Ея дочь, носившая фамилію Г... была замужемъ за Нелидовымъ. (Замѣтка барона Будберга, стр. 17). Парижскій посоль получилъ эти документы отъ графа Бобринскаго, сына княгини Софи.

³⁾ Письмо графа Рибоьера Крестину отъ 22 Мая 1819 г.

⁴⁾ Письмо Крестина отъ 5 Мая 1827 г. къ графинѣ Софін Бобринской при отсылкѣ перенесенныя княжны Туркестановой.

покровительницей, и въ концѣ концовъ почувствовавшая, что можетъ только пользоваться покровительствомъ.“

Объ Императрицы никогда не узнали о паденіи своей блестящей фрейлины. Елизавета писала 22 Мая своей матери, Маркграфинѣ Амаліи Баденской¹⁾: „Княжна Туркестанова умерла сегодня ночью отъ послѣдствій холеры, которой она заболѣла двѣ или три недѣли тому назадъ“.

Черезъ день она возвращается къ тому же предмету: „Мы объедаемъ въ Павловскѣ; сегодня день рожденія Великаго князя Константина; обыкновенно, въ этотъ день бываетъ большое торжество, но на этотъ разъ по случаю смерти княжны Туркестановой, Императрица-мать не принимаетъ никого къ великому огорченію Александрины²⁾. Амэли³⁾ скажетъ вамъ, можно ли было предвидѣть шесть лѣтъ тому назадъ, даже три года, что Императрица-мать отмѣнитъ приѣмъ изъ за *Turcarette*, какъ мы называли ее тогда. Такъ, я все возвращаюсь къ своему стиху изъ трагедіи:

„Ergebt euch nicht der Schädlichen Gewohnheit
Daran zu denken was gewesen ist—
Am Hofe dringt jedwede Stunde ein neues Leben.“⁴⁾

Ни одного слова сожалѣнія о той, кто съ самаго начала состояла при ней лично; ни малѣйшей оцѣнки личности, возбуждавшей зависть при дворѣ, носимой на рукахъ въ петербургскихъ салонахъ.—Изъ этого можно догадаться о ревности, вспыхнувшей заднимъ числомъ, перешедшей за могилу женщины, вообще мягкой и привязчивой.

Старый другъ⁵⁾, отъ котораго Кристина узналъ дѣйствительный ходъ прошедшаго, былъ никто иной, какъ та самая княгиня Борисъ, „изъ покровительницъ превратившаяся въ покровительствуемую“, вѣроятно испытывавшая коварное удовольствіе, открываясь ему:

„Странная вещь міръ, дорогая Агнеса“.....

1) Письмо отъ 22 Мая 1819 г. „Русскій Архивъ“ Мартъ 1890, стр. 437.

2) Золова Императрицы, жена наследника престола.

3) Сестра Императрицы.

4) Не предавайтесь вредной привычкѣ думать о томъ, что было, — при дворѣ каждый часъ приноситъ новую жизнь.

5) Письмо Кристина къ графинѣ Софіи Бобринской отъ 11 Юля 1837.

Что же касается Голицына, то онъ рѣшилъ усыновить дитя тайной любви государя¹⁾. Это, можетъ быть, было больше поступкомъ перетонченнаго придворнаго, чѣмъ раскаяніемъ относительно женщины, противъ которой онъ былъ виноватъ. Князь воспитывалъ маленькую Мими съ собственною дочерью и, такимъ образомъ, подтвердилъ преднамѣренную ошибку, разсѣивавшую предположеніе о высокомъ происхожденіи дѣвочки²⁾.

*

Княжна угасла спокойная, покорившись судьбѣ, послѣ столькихъ пламенныхъ нравственныхъ судорогъ. Любя нѣкогда страстно жизнь, прилѣпляясь къ ея различнымъ интересамъ, затѣмъ увлеченная своею страстью—она теперь покорно умерла, хотя и оставляла послѣ себя ребенка, плодъ своей вины, сиротой, предоставленной всѣмъ случайностямъ существованія. Но она слишкомъ устала жить, ей слишкомъ опротивѣла пустота всего житейскаго, все ничтожество земныхъ ласкъ... Чѣмъ была она, въ концѣ концовъ, какъ не игрушкой своихъ двухъ любовниковъ? Для Александра она служила развлеченіемъ его уму, скорѣе чѣмъ чувству въ часы досуга; для Голицына—капризомъ чувственности.

Страшныя мученія, вызванныя ядомъ, прекратились; крайняя слабость мѣшала остротѣ чувствъ и создавала кругомъ мирную атмосферу. Княжна исполнила религіозныя обязанности³⁾. Императрица-мать ежедневно читала ей въ послѣдніе дни набожныя книги, присоединяя увѣщанія, и молодая женщина исчезла изъ міра—какъ жила среди тщетнаго великолѣпія Двора,—почти одинокая душой: ея сестеръ, ея лучшей подруги при ней не было, а Императоръ не посетилъ ее на ложѣ смерти... Это было тѣмъ болѣе удивительно, что ему не надо было признаваться въ преступныхъ сношеніяхъ, такъ какъ всѣмъ извѣстная дружба оправдала бы его присутствіе, и что подозрѣніе въ измѣнѣ, можетъ быть, закравшееся въ роковую Августовскую ночь.

¹⁾ Эта дочь, Александра (Сафиръ), постригшаяся въ монахини, нѣсколько разъ заявляла, что отцомъ Мими былъ Императоръ Александръ. Между прочимъ она говорила это П. И. Бартеневу.

²⁾ Въ концѣ одной рукописи, долгое время оставшейся неизданной, относительно смерти княжны Туркестановой, находится приписка одного изъ нашихъ извѣстныхъ библиографовъ и генеалоговъ: „Княжна Туркестанова родила дочь (Мими) Марію. Она воспитывалась у кв. В. С. Г. (Голицына) съ его прочими дѣтьми“.

³⁾ Въ воскресенье княжна причастилась съ необычайной твердостью. (Письмо графа Рибоьера Арсеневу (дядѣ княжны) отъ 22 Мая 1819 г.).

не могло служить извиненіемъ странному равнодушію въ подобную минуту этого человѣка съ таинственной и больной душой. И другой любовникъ тоже не пришелъ.

Когда послѣднее тяжелое посѣщеніе Императрицы кончилось, Варя Туркестанова, оставшись въ тишинѣ наединѣ съ Рибопьеромъ, протянула ему руку, которую онъ держалъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній вздохъ не вылетѣлъ безъ агоніи.

„Она была ласкова со смертью, какъ со всѣми“.—

Кн. Шаховская-Стрѣшневa.

Les lettres de prince Milan de Serbie à M. Tcherniaeff.

Mon cher général,

J'ai donné l'ordre au major Wolkoff de retourner à Déligrad, car je ne puis rien vous faire savoir de positif et il serait exposé à attendre ici encore assez longtemps peut-être. Il semble que la Porte a répondu déjà mercredi ou mardi à la demande d'un armistice régulier formulée par les Puissances sur l'initiative de la Russie, qu'elle accordait un armistice de cinq mois (!). Ne vaudrait il pas mieux dire tout de suite, qu'elle n'a nullement envie de tenir une campagne d'hiver et qu'elle accorde généreusement un armistice qui durerait jusqu'au mois de Mars, pour se donner le temps de se préparer pour une campagne le printemps prochain après les fontes des neiges.

Il semble en outre qu'elle aurait posé certaines conditions et d'après certains bruits se serait qu'il n'y ait plus d'arrivée de volontaires en Serbie (!); que les Serbes ne pourraient pas occuper les positions qui sont actuellement occupées par les Turcs (ce qui tendrait à prouver qu'ils doivent ou désirent se retirer de leurs positions actuelles). Comme jusqu'aujourd'hui il n'y a aucune communication de cet armistice et de ces conditions au gouvernement Serbe, il est à supposer soit que ces bruits sont peu fondés, soit que les Puissances ou une d'entre elles ont vu l'absurdité de ces demandes que la Porte et qu'elles n'ont même pas voulu les communiquer en Serbie. Mais je vous repete que tout ceci sont des bruits ou des hypotheses et que je ne sais rien ni officiellement ni officieusement.

Dès que j'aurai quelque communication positive je vous en informerai, si elle est pressante par télégraphe, si non par courrier; en tous cas à temps pour pouvoir avoir vos appréciations au sujet de ce qui aurait été proposé.

Письма къ М. Г. Черняеву князя Милана сербскаго.

Дорогой генераль,

Я приказалъ маіору Волкову вернуться въ Делиградъ, не имѣя возможности сообщить Вамъ что либо положительное, почему ему пришлось бы ждать еще долго. Кажется, что Порта отвѣтила уже въ среду или во вторникъ на предложеніе правильнаго перемирія, предложеннаго державами по инициативѣ Россіи. Она соглашается на пятимѣсячное (!) перемиріе. Лучше было бы ей прямо признаться, что она избѣгаетъ зимняго похода и великодушно даруетъ перемиріе до Марта мѣсяца, чтобы въ это время приготовиться къ весеннему походу, послѣ того какъ снѣга растаятъ. *Кажется*, что кромѣ того они предъявили нѣкоторыя условія, которыя по слухамъ заключаются въ требованіи прекращенія пріѣзда добровольцевъ въ Сербію (!) Они требуютъ еще, чтобы Сербы отказались отъ *занятія тѣхъ позицій, которыя въ настоящее время занимаютъ сами Турки* (что служитъ доказательствомъ, что они или должны или желаютъ удалиться съ занимаемыхъ позицій.) Такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ еще никакихъ сообщеній объ этомъ перемирії и его условіяхъ Сербскому правительству, то слѣдуетъ предположить, что или эти слухи не имѣютъ основаній, или державы совокупно, или одна изъ нихъ, убѣдилась въ безразсудности этихъ требованій Порты и поэтому онѣ не пожелали сообщить ихъ Сербіи.

Я долженъ при этомъ повторить, что все это только слухи или предположенія, положительнаго же я ничего не знаю ни официально, ни частнымъ образомъ.

Какъ только получу *какія либо положительныя свѣдѣнія*, я Вамъ сообщу по телеграфу, если это будетъ спѣшно, если же нѣтъ, то черезъ курьера, во всякомъ случаѣ сообщу во время, чтобы узнать Ваше мнѣніе относительно того, что будетъ предложено.

J'avais expliqué tout ceci verbalement au major Wolkoff pour vous le transmettre, mais au dernier moment j'ai préféré prendre la plume, craignant qu'il ne sache pas vous expliquer les choses clairement.

Vous m'avez télégraphié l'autre jour qu'il arriverait ces jours-ci une somme de cent mille ducats de Russie. Si cet argent n'est pas envoyé au gouvernement, mais à vous et s'il n'a pas un but special défini. ne pourriez vous pas venir en aide au gouvernement, qui se trouve actuellement dans une crise financière très aigue qui entrave la marche des affaires, avec une somme de 30 ou 40 mille ducats? Je puis vous assurer que pour la cause cela serait excellent et en ce cas, permettez moi si vous adoptez mon idée de vous prier, d'écrire une lettre à M-r Ristic, en lui disant quelques mots agréables, et en le priant de verser à la caisse de l'état cette somme. En général, je puis vous dire encore ceci, que Ristic a bien des défauts, mais c'est éminem nt l'homme qui. si on sais bien le prendre peut rendre de grands services à la cause et c'est un homme qu'il ne faut pas éloigner, mais tout au contraire chercher à s'attacher.

Je regrette de ne pas pu me rendre à votre invitation de venir à Paratchin.

Mais vous avez compris les raisons qui m'on retenu ici. En tout cas d'ici à 10 ou 12 jours j'aurai le plaisir de vous serrer amicalement la main. S'il y a armistice ou vous viendrez ici ou je viendrai à Déligrad; s'il n'y a pas d'armistice, dès que mon fils sera baptisé me voilà à Déligrad. En attendant recevez l'assurance de mes sentiments d'amitié.

Votre sincerement reconnaissant

M. M. Obrènovitsch.

Belgrade.

Ce 1 Octob. 1876.

Mon cher général.

Connaissant les sentiments qui vous animent à l'égard des membres du gouvernement, sur qui, permettez moi de le v us dire, vous faites retomber quelque fois les fautes commis s par un d'entre eux, (inutile de vous dire que c'est le ministre de la guerre) je crois pouvoir vous prier d'accueillir avec amabilité le porteur de la présente, M-r Rabowoi Mi-

Все это я устно объяснилъ майору Волкову для передачи Вамъ, но потомъ предпочелъ взяться за перо, изъ боязни, что онъ не сумѣетъ объяснить Вамъ все ясно.

Вы мнѣ телеграфировали на дняхъ, что изъ Россіи будутъ присланы сто тысячъ дукатовъ.

Если эти деньги посылаются Вамъ, а не правительству, и если онъ не имѣютъ спеціально опредѣленную назначенія, не можете ли Вы 30 или 40 тысячъ дукатовъ дать въ помощь правительству, переживающему въ настоящее время острый финансовый кризисъ, наносящій ущербъ дѣламъ. Могу Васъ увѣрить, что для дѣла¹⁾ это будетъ очень полезно. Если Вы согласитесь со мною, то позвольте обратиться къ Вамъ съ просьбой, написать письмо Г-ну Ристичу, сказавъ ему нѣсколько пріятныхъ словъ, и попросивъ его передать эту сумму въ государственное казначейство. Къ этому могу прибавить, что у Ристича много недостатковъ, но именно онъ можетъ быть очень полезенъ дѣлу, если *взяться за него умлючи*, и, по мѣрѣ возможности, не слѣдуетъ его удалять, а приблизить къ дѣлу.

Жалѣю, что не могъ по Вашему приглашенію пріѣхать въ Парачинъ. Но Вы понимаете причины, которыя меня здѣсь задержали. Во всякомъ случаѣ дней черезъ 10 или 12 буду имѣть удовольствіе позвать Вамъ дружески руку. Если будетъ перемиріе, то или Вы пріѣдете сюда, или я пріѣду въ Делиградъ, если же перемирія не будетъ то, какъ только состоится крещеніе сына моего, буду въ Делиградъ. Пока примите выраженіе моихъ дружескихъ чувствъ.

М. М. Обреновичъ.

Благодарный Вамъ

Бѣлградъ.

1-го Окт. 1876.

Дорогой генералъ.

Зная чувства, которыя Вы питаете къ членамъ правительства, которымъ Вы, позвольте мнѣ это Вамъ высказать, часто напрасно приписываете ошибки, содѣянные однимъ изъ нихъ (считаю напраснымъ

¹⁾ Борьбы съ Турками.

loikowitsch qui se rend à l'invitation que vous lui avez faite de venir à Deligrad pour s'entendre avec vous sur l'organisation meilleure des différents services de l'intendance.

M-r Radiwoi est un homme énergique qui quand il veut faire une chose sait bien la faire. C'est le beau frère de M-r Ristic.

Je vous serai très reconnaissant si vous causiez avec lui amicalement; c'est un homme qu'il faut attacher à la cause et non éloigner.

Du reste, je crois pouvoir vous dire qu'en général (excepté le ministre de la guerre) les autres membres du gouvernement sont des hommes. qui ont eu et ont bien des défauts. mais qui cependant sont les seuls parmi les hommes politiques en Serbie qui aient assez d'énergie pour continuer la lutte et qui soient personnellement intéressés à ce que la cause triomphe.

Les autres hommes politiques en Serbie ne font que rêver aux douces de la paix. Et comme dans un état même despotique, et à plus forte raison là où le pouvoir est partagé entre le souverain et d'autres facteurs, il y a besoin de ministres et qu'on les prend parmi ce que peut fournir le pays, vous pouvez comprendre, je crois. que je ne cherche pas du tout à provoquer de crise ministérielle. Quant au ministre de la guerre, j'en suis très mécontent. Si je n'insiste pas pour le faire sortir du cabinet, c'est que je crains d'amener une crise de tout le cabinet qui nuirait actuellement plus que jamais et que j'espère arriver à voir ses collègues eux mêmes convaincus de la nécessité de le changer. Du reste je vous conseille de faire part à M-r Radiwoi de tous vos griefs contre le colonel Nicolic.

De nouvelles politiques je ne vous donne point car je n'en ai pas. Tout ce qu'on m'a assuré c'est qu'Ignatieff (qui est revenu à Constantinople) travaillait à un armistice jusqu'au 15 Nov. ou 1 Dec. et que les Turcs regimbent toujours.

En Roumanie, paraît-il on fait de grands préparatifs. Dans quel but? Personne ne sait. En Grèce il y a aussi de l'agitation.

Je tiens à réparer à cette occasion deux oublis que j'ai commis, à cause des diverses préoccupations que j'ai.

указывать на военнаго министра)¹⁾, прошу Васъ принять благосклонно подателя этого письма Г-на Радивоя Милойковича, отправляющагося въ Делиградъ на Ваше приглашеніе для переговоровъ. относительно принятія мѣръ къ лучшей организаціи интенданства.

Радивой—человѣкъ энергичный. способный когда захочетъ, прекрасно исполнить возложенное на него дѣло, Ристичу онъ придется зятемъ.

Буду очень Вамъ признателенъ за дружескій пріемъ его. Этого человѣка слѣдуетъ привлечь къ дѣлу, а не удалять отъ него.

Кромѣ того, могу вполне основательно сказать, что вообще всѣ члены правительства (за исключеніемъ военнаго министра) единственно изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей Сербіи хотя и имѣютъ многіе недостатки проникнуты энергіей, необходимой для продолженія борьбы, будучи лично заинтересованы въ успѣхѣхъ дѣла.

Другіе политическіе дѣятели въ Сербіи мечтаютъ только о прелестьяхъ мира.

Даже въ государствѣ съ неограниченною властью. а, тѣмъ болѣе, тамъ гдѣ она разграничена между государемъ и другими ея представителями. нужны министры, набираемые изъ среды тѣхъ людей, которыхъ можетъ дать страна: на основаніи этого. Вы можете судить насколько я стараюсь избѣгнуть министерскаго кризиса. Что же касается военнаго министра, то я имъ очень недоволенъ. Я не настаиваю на его удаленіи изъ кабинета только потому, что боюсь этимъ вызвать кабинетскій кризисъ въ настоящее время въ высшей степени опасный и надѣюсь, что его товарищи сами придутъ къ убѣжденію о необходимости его замѣнить. Однако я Вамъ совѣтую объяснить г-ну Радивую всѣ причины Вашего неудовольствія прогнвъ полковника Николича.

О политическихъ новостяхъ я Вамъ ничего не сообщаю, самъ ничего не зная.

Мы говорили только, что Игнатьевъ возвратился изъ Константинополя и старается добиться перемирія до 15 Ноября или 1 Декабря, Турки же все упрямятся.

Въ Румыніи кажется дѣлаются большія приготовленія. Съ какою цѣлью? Никто этого не знаетъ. Въ Греціи тоже волненіе.

¹⁾ Изъ письма Дандевилля М. Г. Черняеву на позицію, изъ Бѣлграда, отъ 8-го октября.—„По перепискѣ моей съ Николичемъ и объясненіямъ, видно, что онъ желаетъ, чтобы Комит. Слав. платилъ жалованье русскимъ офицерамъ Вашей арміи, а Сербскимъ и офицерамъ другихъ армій платило бы сербское правительство. Все это я сообщилъ Комитетамъ Моск. и Петерб. Теперь, какъ мы съ Вами условились, надобно, чтобы *Вы, покуда я налажу рѣшенія Комитетовъ, давали русскимъ офицерамъ Вашей арміи* если не жалованье сполна, то хоть средства въ пособіе. Николичъ признался, что за два мѣсяца всѣ офицеры русскіе ничего не получили отъ Правительства, потому де что оно не знало, что будетъ такой наплывъ офицеровъ. Вотъ положеніе дѣла о содержаніи офицеровъ. Жду съ нетерпѣніемъ рѣшенія комитетовъ. Просиль, чтобы нашли суммы специально на жалованье офицерамъ—какъ Вы хотѣли.“

M-r Kartzoff m'a. il y a longtemps encore, chargé de vous dire qu'à Nish il y avait en tout 13 canons de siege, amenés de Constantinople et que le reste s'était abimé et perdu à Tatar-Basarjik. Outre cela, quelques jours avant la reconnaissance de Medwedofsky devant Saitschar. il m'avait dit avoir reçu la nouvelle que les dernier 4.000 hommes de réserve que les Turcs avaient étaient arrivés à Widin.

Je joins à ma lettre la traduction en Serbe de cette lettre écrite au baron Stuart par un italien au sujet de la conspiration dont je vous avais déjà informé par télégramme.

Le général Protic partira demain pour se mettre à vos ordres. Si il y a d'ici là quelque chose de neuf, je vous écrirai par lui.

J'ai écrit a M. Milosow Protic qui est à Pétersbourg de se rendre chez la générale, votre femme, pour lui demander quand elle desirait que le baptême de votre fils ait lieu. car c'est lui que j'ai chargé de me représenter comme parrain. La générale lui a dit de me demander à moi quand le baptême devrait avoir lieu. A mon tour je vieus vous prier de vouloir bien vous fixer le jour, car je ne sais vraiment pas comment le fixer.

Veillez croire, mon cher général, à tous les sentiments d'amitié et d'estime.

Votre sincerement reconnaissant.

M. M. Obrénovitsch.

Belgrade.

12 Octobre 1876.

Belgrade 13 Octobre 1876.

Confidentielle.

Mon cher général,

Je profite du depart du général Protic pour lui remettre cette lettre, car c'est entre les mains d'un homme parfaitement devoué à mon égard que je la remets.

Je viens vous prier, mon cher général, de ne plus m'envoyer comme courrier à Belgrade, le colonel Catargi. Des raisons de famille me font désirez qu'il ne vienne pas souvent à Belgrade et surtout que vous ne l'admettier pas dans votre intimité. comme jusqu'à présent et que vous

Спѣшу исправить мою двойную забывчивость, которую слѣдуетъ приписать многочисленнымъ моимъ заботамъ. Г-нъ Карцевъ давно просилъ меня передать Вамъ, что въ Нишѣ было всего 13 осадныхъ орудій, привезенныхъ изъ Константинополя, остальные были попорчены и потеряны у Татаръ—Базарджика. Кромѣ того за нѣсколько дней до развѣдки Медвѣдовскаго при Зайчарѣ, онъ мнѣ сообщилъ о полученномъ имъ извѣстїи, что послѣдніе 4.000 человекъ, бывшіе въ резервѣ у Турокъ, прибыли въ Виддинъ.

Присоединяю къ письму моему, переводъ на Сербскій языкъ письма, написаннаго итальянцемъ барону Стюарту¹⁾ относительно заговора, о которомъ я уже сообщилъ Вамъ по телеграфу.

Генераль Протичъ ѣдетъ завтра для поступленія въ Ваше распоряженіе. Если за это время произойдетъ что либо новое, сообщу Вамъ письменно черезъ него. Я писалъ Милосаву Протичу въ Петербургъ, чтобы онъ поѣхалъ къ Вашей супругѣ и узналъ, когда она желаетъ назначить крестины Вашего сына, поручивъ ему быть моимъ представителемъ въ качествѣ крестнаго отца. Супруга Ваша поручила ему узнать, когда я пожелаю назначить день крестинъ. Обращаюсь къ Вамъ съ просьбой назначить этотъ день, такъ какъ я право не знаю когда его назначить.

Вѣрьте прошу Васъ, дорогой генераль, моимъ чувствамъ дружбы и уваженія.

Искренно Вамъ признательный

М. М. Обреновичъ.

Бѣлградъ.

12 Окт. 1876.

Дорогой Генераль,

Пользуюсь отъѣздомъ генерала Протича для передачи Вамъ этого письма, желая поручить его человекъ въполнѣ мнѣ преданному.

Прошу Васъ, дорогой генераль не посылать болѣе ко мнѣ въ качествѣ курьера въ Бѣлградъ, полковника Катаржи. Вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, я не желаю, чтобы онъ прїѣзжалъ часто въ Бѣлградъ. Особенно мнѣ не хочется, чтобы Вы впредь приближали

¹⁾ Не относится ли это къ покушенію на М. Г. одного лица въ одѣянїи священника, предполагавашаго поднести икону. Болгаринъ этотъ былъ повѣщенъ. Намекъ на этотъ эпизодъ есть въ черновомъ наброскѣ плана Сербской войны, сдѣланномъ Мих. Гр. А. Ч.

ne l'initiez pas à toutes les affaires. Je vous prie de ne pas le traiter comme mon oncle, mais comme n'importe quel autre colonel. J'espère, mon cher général, que vous voudrez bien tenir compte à l'avenir du désir que je vous exprime. Du reste, je crois que par cela vous vous rendrez à vous même un service car je ne crois pas que le colonel Catargi soit un homme qui puisse vous faire du bien et que c'est le contraire plutôt, c'est à dire qu'il peut vous nuire à vous personnellement, à son insu probablement, mais l'effet en sera de même. Je vous prierai même d'être tout à fait sévère vis à vis du capitaine Ghika, qui est un individu, qui dans son pays jouit de la réputation d'un fou, qui vient à Belgrade et fréquente divers consulats où il bavarde Dieu sait quoi. Les courriers qui me seraient agréables, je vous le dit franchement, sont M. M. les comtes Konownitzine et Keller, prince Obolensky, major Wolkoff, colonel Schewic, ou n'importe quel autre qui jouit de votre confiance personnelle.

Je me permets aussi de vous recommander spécialement le général Protic, comme un homme sûr et qui m'est très dévoué, en cas de mission très importante et personnelle. Mais il ne faut pas l'envoyer trop souvent à Belgrade, car cela, je crois, ne lui conviendrait pas, attendu qu'il ne veut pas qu'on lui fasse le reproche de ne pas être là où l'on se bat.

Je vous ai envoyé par le ministre de l'intérieur des nouvelles médailles. D'ici à quelque temps je vais créer, selon le désir que vous m'avez exprimé de nouvelles classes de l'ordre de Takowo. A propos de décorations, vous m'avez exprimé le désir d'en envoyer à certaines personnes en Russie. Dès que j'aurai les nouvelles classes, j'en enverrai; j'ai déjà la liste des personnes qui nous ont été très utiles. Je vous l'enverrai un de ces jours pour que vous la voyez et y ajoutiez quelques noms, si vous le jugez nécessaire.

Vous aurez appris peut-être certaine histoire avec le capitaine Orjiewsky ou Orjifsky, je ne sais plus comment il s'appelle. Le colonel Catargi ayant été la cause de la mesure que je voulais prendre contre cet officier, saura quand il sera à Deligrad, mieux vous expliquer comment les choses se sont passées. En fait de nouvelles politiques aucunes. Toujours l'incertain. Agréez mes sentiments d'amitié et d'estime.

Votre sincèrement reconnaissant.

M. M Obrenowitseh.

его къ себѣ и посвящали во всѣ дѣла. Прошу Васъ обращаться съ нимъ не какъ съ дядей моимъ, а какъ со всякимъ другимъ полковникомъ. Надѣюсь, дорогой генералъ, что Вы будете на будущее время согласоваться съ выраженнымъ мною желаніемъ. Думаю при этомъ, что этимъ Вы окажете себѣ самому услугу, тѣмъ болѣе, что полковникъ Катаржи скорѣе, мнѣ кажется, можетъ принести Вамъ лично не пользу, а вредъ, пожалуй и вопреки своему желанію, но результатъ отъ этого не измѣнится. Я попрошу Васъ отнестись съ полною строгостью къ капитану Гикѣ, пользующемуся у себя на родинѣ репутаціей человѣка сумасшедшаго. Онъ пріѣзжаетъ въ Бѣлградъ, бываетъ во всѣхъ консульствахъ и болтаетъ тамъ Богъ знаетъ что. Откровенно Вамъ говоря, наиболѣе пріятными мнѣ лицами въ качествѣ курьеровъ будутъ графы Коновницынъ и Келлеръ, князь Оболенскій, майоръ Волковъ, полковникъ Шевичъ или изъ числа другихъ лицъ, которыя пользуются Вашимъ личнымъ довѣріемъ.

Позвольте особенно рекомендовать Вамъ генерала Протича въ качествѣ вѣрнаго и очень мнѣ преданнаго человѣка, для исполненій личныхъ и важныхъ порученій. Но посылать его часто въ Бѣлградъ не слѣдуетъ въ виду того, что онъ желаетъ постоянно быть въ сферѣ сраженій и избѣгнуть нареканія въ томъ, что избѣгаетъ огня.

Я послалъ Вамъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ новыя медали. Черезъ нѣсколько дней, я согласно выраженному Вами желанію установлю новыя степени ордена Таково. Вы мнѣ выразили желаніе послать ордена нѣкоторымъ лицамъ въ Россію. Какъ только установлю новыя степени, исполню Ваше желаніе. У меня уже есть списокъ лицъ, оказавшихъ намъ большія услуги. Посылаю этотъ списокъ Вамъ для прочтенія съ тѣмъ, чтобы Вы приписали къ нимъ желаемыхъ Вами лицъ.

Вы слышали уже исторію съ капитаномъ Оржевскимъ. Полковникъ Катаржи былъ причиной мѣры, которую я хотѣлъ принять относительно вышеозначеннаго офицера. Катаржи лучше сумѣетъ объяснить Вамъ всѣ подробности, когда пріѣдетъ въ Делиградъ. Политическихкихъ новостей никакихъ. Полная неопредѣленность.

Примите выраженіе моихъ чувствъ дружбы и уваженія

Искренно Вамъ благодарный

М. М. Обреновичъ.

Belgrade 22/Fevr. 6 Mars 1877.

Mon cher général,

Quand j'ai reçu votre lettre par l'entremise du capitaine Beretti, avant même de l'ouvrir, j'en fus très heureux. J'espérais depuis longtemps avoir de vos nouvelles, et ce n'est qu'à l'arrivée de Doktouroff ici que j'ai pu comprendre votre silence. Lorsqu'il m'a fait part de l'infâme mensonge émis par Marinowic à Pétersbourg, je me suis demandé si je devais vous écrire pour protester contre les indignes paroles de Marinowic et vous assurer, que loin d'avoir perdu tout crédit auprès de moi, vous jouissez de ma confiance, et que c'est avec des sentiments de reconnaissance que je me souviens de votre présence parmi nous, mais j'ai préféré vous laisser le temps de réfléchir que vous ne pouviez pas, vous ne deviez pas croire. un seul instant, à la véracité des assertions de Marinowic.

C'est pourquoi votre lettre a été pour moi la preuve que j'attendais que votre confiance et votre amitié à mon égard n'étaient point ébranlées. Je vous en remercie cordialement, mon cher general, et croyez à l'avenir comme par le passé à toute mon amitié et à toute ma reconnaissance.

Si je vous ai laissé si longtemps sans réponse à votre lettre, si j'ai retenu si longtemps le capitaine Peretti à Belgrad, c'est que dans ces derniers temps je n'ai pas eu une minute à moi, de façon qu'il m'a été impossible de prendre la plume pour vous remercier de m'avoir écrit.

Aujourd'hui même, je saisis un moment de libre pour vous écrire à la hâte ces quelques lignes, en me bornant à vous assurer de mes sentiments, et à vous envoyer les décrets pour les personnes que vous désiriez voir décorés du Takowo. En même temps je vous fait part que je me suis décidé à trois classes:

- 1-o le grand cordon.
- 2-o commandeur.
- 3-o chevalier.

Les autres classes que j'avais voulu créer je ne les ai pas décrétées. Je vous prie, mon cher général, de bien vouloir accepter la grande

Бѣлградъ, 22 Февр./6 Марта 1877 г.

Дорогой генераль,

Получивъ Ваше письмо черезъ капитана Беретти, я очень ему обрадовался, даже прежде нежели прочелъ его. Я давно надѣялся получить отъ Васъ извѣстия и только по приѣздѣ сюда Дохтурова, я могъ объяснить себѣ Ваше молчаніе. Когда онъ мнѣ сообщилъ о *безчестной лжи*, пущеной Мариновичемъ въ Петербургѣ, я хотѣлъ было писать Вамъ, протестовать противъ безчестныхъ словъ Мариновича и убѣдить Васъ, что мое довѣріе къ Вамъ не только не уменьшилось, но осталось въ полной силѣ. Съ чувствомъ постоянной признательности я вспоминаю о времени, проведенномъ Вами среди насъ, однако я предпочелъ дать Вамъ время обдумать, что *Вы не могли, не должны были* ни одной минуты повѣрить правдивости утвержденій Мариновича.

Потому то письмо Ваше было для меня *ожидаемымъ мною доказательствомъ*, что Ваше довѣріе и дружба ко мнѣ не были поколеблены. Сердечно Васъ благодарю за это, дорогой генераль, и прошу впредь какъ и прежде, вѣрить моей глубокой дружбѣ и благодарности.

Я такъ долго не отвѣчалъ на Ваше письмо и такъ долго задержалъ капитана Беретти въ Бѣлградѣ потому, что послѣднее время у меня не было ни минуты свободной, такъ что я не могъ улучшить времени, чтобы взяться за перо и благодарить Васъ за Ваше письмо. Даже сегодня пользуюсь выпавшей свободной минутой, чтобы спѣшно написать эти строки, ограничивая мое письмо увѣреніями въ дружескихъ чувствахъ и посылкой дипломовъ для лицъ, относительно которыхъ Вы выразили желаніе, чтобы они получили орденъ Таково. Сообщаю Вамъ одновременно, что я рѣшилъ учредить три степени:

- 1) Орденскую степень.
- 2) Степень командира.
- 3) Степень кавалера.

И не декретировалъ другія степени, которыя хотѣлъ установить. Прошу Васъ, дорогой генераль, примите орденъ Таково первой степени, который позволяю себѣ приложить къ этому письму. Не имѣя подъ рукой дипломовъ, и откладывая ихъ отсылку на нѣсколько дней и тогда напишу Вамъ подробнѣе о событіяхъ, случившихся послѣ Вашего отъѣзда, которыя вопреки нашей волѣ принудили насъ къ заключенію мира¹⁾.

1) Изъ письма Катаржи, бывшаго полковника румынской арміи, дяди кн. Милана М. Г. Черняеву отъ 22 Февр. 1877 г. (переводъ съ французскаго) „Князь былъ принуж-

croix que je me permets de vous envoyer ci joint. N'ayant pas de diplôme sous main, je me reserve de vous l'envoyer dans quelques jours et à cette occasion je vous écrirai plus longuement pour vous entretenir des évènements qui se sont passés ici depuis votre départ et qui nous ont amené bon gré mal gré à la conclusion de la paix! Agrées, mon cher général, mes sentiments d'amitié et de sincère estime. Ma femme me charge de vous transmettre son meilleur souvenir.

Votre sincèrement affectionné et reconnaissant.

M. M. Obrènowitsch.

Je ne vous ai pas envoyé les croix accompagnant les diplomes car je n'en ai pas eu. Si vous les désirez, télégraphiez moi; ou plutôt, je vous les enverrai en même temps que ma prochaine lettre.

M. M. O.

Télégramme. Serbie. Belgrade Son Altesse Souveraine

Milan Obrenovitch IV.

Sire, veuillez agréer mes félicitations dévouées à l'occasion de la reconnaissance par l'Europe de l'indépendance de votre peuple, conquise avec tant d'efforts et de sacrifices suprêmes. Les chrétiens des Balcons se souviendront toujours que c'est à votre initiative et à celle de votre peuple qu'ils doivent l'amélioration de leur sort.

Paris. Nissa. Télégramme.

Général Tcherniaeff. Hotel Tibre, rue de Helder. Paris.

Ai été très sensible à vos félicitations de nouvel an tiens à vous exprimer tous mes remerciements et à vous assurer que je me rappelle toujours avec plaisir votre séjour en Serbie. Princesse Nathalie.

Примите, дорогой генераль, выраженіе моихъ дружескихъ чувствъ и искренняго уваженія. Жена моя поручаетъ мнѣ передать Вамъ свой искренній привѣтъ.

Искренно Васъ любящій и благодарный

М. М. Обреновичъ.

Я не послалъ Вамъ дипломовъ къ крестамъ, не имѣя еще ихъ. Если желаете ихъ получить, телеграфируйте мнѣ, или лучше я ихъ пришлю Вамъ одновременно съ слѣдующимъ моимъ письмомъ.

М. М. О.

Сербія. Бѣлградъ. Телеграмма.

Его Высочеству Милану Обреновичу IV.

Ваше Высочество, соблаговолите принять мои всепреданныя поздравленія по случаю признанія Европой независимости Вашего народа, приобрѣтенной такими усиліями и тяжелыми жертвами. Балканскіе христіане всегда будутъ помнить, что иниціативъ Вашей и Вашего народа они обязаны улучшеніемъ своей судьбы.

Парижъ. Ницца. Телеграмма.

Генералу Черняеву. Гостинница Тибръ. Улица Гельдеръ. Парижъ.

Была очень тронута Вашими новогодними поздравленіями. Выражаю Вамъ свои чувства признательности съ увѣреніемъ, что я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю о Вашемъ пребываніи въ Сербіи. (*единственное* обращеніе къ М. Г. кн. Наталіи).

Княгиня Наталія.

день вопреки своему желанію принять предложенный Турками миръ. Съ сердцемъ растерзаннымъ подписалъ онъ его. Я былъ свидѣтелемъ его отчаянія, но другого выхода у него не было. Онъ писалъ Государю (говорю Вамъ это конфиденціально), заклиная его высказать откровенно свои намѣренія относительно Сербіи, которая готова возобновить неравную борьбу, если ей дадутъ реальную надежду на денежную помощь. Отвѣтъ восплѣдовалъ слѣдующій: „Сербія—самостоятельная распорядительница своей судьбы. Пусть она заключаетъ миръ или продолжаетъ войну соответственно своимъ интересамъ.“

Sire,

En 1876. lorsque Votre Majesté avait pris les armes pour defendre nos frères opprimés en Bosnie et dans l'Herzegovine, je me sentis entraîné à quitter ma patrie et ma famille pour entrer dans les rangs de votre armée.

Le même sentiment qui m'avait attiré en Serbie ne me permit plus de conserver cette marque de haute distinction de la part de votre Majesté maintenant, que vous avez entrepris une guerre fratricide contre ces mêmes Bulgares dont plus de mille hommes s'étaient alors enrolés volontairement pour combattre côte à côte avec les Serbes l'ennemi commun.

C'était à Votre initiative, Sire, que les deux Bulgaries durent l'amélioration de leur sort, de même que le sang Bulgare mêlé sur les champs de bataille au sang Serbe contribua à créer l'indépendance de Votre royaume.

J'ai l'honneur, Sire, de déposer dans les mains de Votre Majesté la décoration de Takovo ci jointe.—

M. Tcherniaeff.

Moscou.

12 Novembre 1885.

Ваше Величество!

Въ 1876 г. когда Ваше Величество подняли оружіе въ защиту нашихъ угнетенныхъ братьевъ въ Босніи и Герцеговинѣ, я увлекся желаніемъ вступить въ ряды Вашей арміи, покинувъ свое отечество и семью.

То же чувство, которое увлекло меня въ Сербію, не допускаетъ мнѣ сохранить этотъ высокій знакъ отличія Вашего Величества теперь, когда Вы предприняли братоубійственную войну противъ тѣхъ самыхъ Болгаръ, изъ среды которыхъ цѣлая тысяча человекъ добровольно сражались бокъ о бокъ съ Сербами противъ общаго врага.

Вашей инициативѣ, Ваше Величество, обязаны объ Болгаріи улучшеніемъ своей судьбы, точно также кровь, пролитая Болгарами на полѣ битвы совмѣстно съ кровью Сербовъ, содѣйствовала осуществленію независимости Вашего королевства.

Имѣю честь, Ваше Величество, вручить Вамъ прилагаемый при семъ орденъ Таково.

М. Черняевъ.

Москва 12 Ноября 1885 г.

Слово, обращенное Московскимъ Городскимъ Головою Государю Александру III въ Москвѣ 13 Мая 86 г.

„Всесловная Дума первопрестольной Москвы бьетъ Тебѣ, Самодержавный Государь, челомъ. Прими нашу хлѣбъ-соль, прими нашу любовь, вѣрь нашей радости лицезрѣть Тебя. Государыню Царицу, Государя Цесаревича. Ты грядешь къ намъ съ благословеннаго юга, Ты возвратилъ къ жизни Черное Море, и окрыляется наша надежда и крѣпнетъ наша вѣра, что крестъ Христовъ возсіяетъ на Святой Софій. Такъ мыслить, такъ уповаетъ Москва“.

Государь Императоръ, принявъ хлѣбъ-соль, выразилъ, что онъ любитъ Москву и радуется, что находится въ ней во дни, совпадающіе съ торжественными днями Священнаго Коронованія, которые останутся для него навсегда *самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ*.

Письмо М. Г. Черняева городскому головѣ по поводу этого слова.

Москва, 12 Мая 86 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ,

Съ оживляющимъ чувствомъ радости прочелъ я привѣтственные слова, сказанныя Вами при поднесеніи хлѣба-соли Государю.

Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Какже Москвѣ—сердцу Россіи не подавать вѣсти о своихъ желаніяхъ отзывчивому сердцу Цареву? Откуда какъ не изъ Москвы узнать Государю, что нужно, чего недостаетъ землѣ русской. Вы чутко подслушали давно гнетущую русскую душу скорбь и Ваше живое слово будетъ оцѣнено не одною Москвою, но и всею Россією.

Дай Богъ чтобы отъ Вашего почина средостѣнія рушились и древнее, благотворное общеніе Царя съ беззавѣтно преданнымъ Ему народомъ отнынѣ возстановилось.—

М. Черняевъ.

*

Письмо М. Г. королю Сербскому Александру.

Ваше Величество!

Генераль Груичъ передалъ мнѣ 14 Августа, въ день пятидесятилѣтія моего служенія Вашъ портретъ.

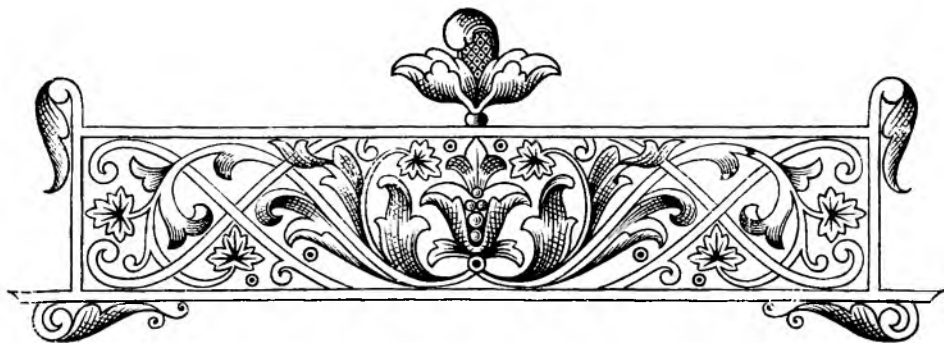
Этотъ знакъ Вашего Монаршаго вниманія къ скромнымъ заслугамъ, оказаннымъ мною Сербіи двадцать лѣтъ тому назадъ, наполнилъ мою душу радостью и глубокою благодарностью.

Взирая на подаренный Вами портретъ, я живо припоминаю, какъ вмѣстѣ съ бывшею подъ моимъ начальствомъ Моравскою армією мы праздновали въ Делиградѣ, подъ громомъ турецкихъ орудій, счастливый день Вашего рожденія. Примите же, Ваше Величество, на закатѣ моихъ дней, мои сердечныя пожеланія Вамъ долгаго и славнаго царствованія.

Вашего Величества всепреданный слуга

М. Черняевъ.

1897 г.

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА.

Книга седьмая.

Въ самый первый день 1802-го года возвратился я изъ Харькова въ Москву присутствовать въ Сенатѣ.

Весною очень заболѣли у меня ноги. Я собирался лѣчиться и въ лѣтній мѣсяцъ отдохновенія пользоваться деревенскимъ воздухомъ, прогуливаясь въ прекрасномъ моемъ Англинскомъ Саду въ подмосковной и въ немъ на Юнговомъ Острове *) у памятника Фенелону, герою моему, изъ первыхъ между мужами истинно-великими, питать свое сердце самыми для души цѣлительными чувствами нѣжной любви къ человѣчеству.

Съ большимъ утѣшеніемъ занимался я планомъ этой моей деревенской жизни, но нечаянное призваніе къ новой должности опечалило меня бывъ препятствомъ ему.

Меня выбрали совѣстнымъ судьей въ Москвѣ въ то время, какъ я не зналъ, что и выборъ производится. Я не хотѣлъ принять сей должности безъ соизволенія Государева, и всегда бы неохотно ее принялъ, потому что не предполагаю я возможности много въ ней успѣть дѣйствительнаго добра сдѣлать, однако, отказаться нельзя было, но при всемъ усиленномъ требованіи дворянства и настоянїи губернскаго началь-

*) Рисунокъ этого острова и памятника Фенелону приложенъ къ № 4 Вѣстника Европы въ Февралѣ 1809-го года описаніе ихъ и всего Сада моего на стр. 298-й. Сдѣлано издателемъ Васильемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, который отличается рѣдкими дарованїями въ литературѣ и чувствами прекраснаго сердца.

ства московскаго о вступленіи моемъ въ оную должность. не вступалъ я прежде, нежели извѣстна мнѣ будетъ о томъ воля Государева, по-чему и представленно ему было о семъ выборѣ отъ тогдашняго московскаго Военнаго Губернатора фельдмаршала Г. Салтыкова.

Для того не охотно принималъ я должность совѣстнаго судьи, что и подлинно въ судѣ семъ, съ наилучшимъ намѣреніемъ учрежденномъ, но въ правилахъ своихъ требующемъ еще, кажется, дополненія, не знаю я, что можно по сіе время основательно сдѣлать лучшаго, нежели во всякомъ другомъ.

Совѣстный судъ вообще судить такъ, какъ и всѣ прочіе по законамъ, и правила его: 1) человеколюбіе, 2) почтеніе къ особѣ ближняго, яко человеку, 3) отвращеніе отъ угнетенія человечества (учрежд. о губерніяхъ ст. 394):—суть тѣ же, которыя должны быть основаніемъ каждаго суда, и безъ коихъ правосудіе отправляться не можетъ. Уголовныя дѣла судятся въ немъ только почти объ однихъ малолѣтнихъ и по тѣмъ же указамъ. по которымъ дѣла сіи судились еще до учрежденія совѣстнаго суда.

Самый приличный совѣстному суду образъ сужденія былъ бы конечно по дѣламъ испытывать, такъ сказать, въ совѣсти побужденія къ преступленіямъ, или входить въ изслѣдованіе самыхъ сокровенныхъ ихъ причинъ, соображать качество и мѣру преступленій съ нравственными качествами каждаго преступника жъ, и потому соразмѣрное опредѣлять каждому въ надлежащей степени наказаніе.

Но сіе невозможно, не говоря уже о томъ, что не достанетъ человѣческой пронизательности на точность таковыхъ испытаній и соображеній; невозможно—оное и потому, что въ законахъ бы требовалась для того рачительность и постепенность неестественныя. Не бываетъ конечно двухъ преступленій равныхъ, ежели во всей точности соображать ихъ съ побужденіями, предметами, обстоятельствами, свойствами и силами преступниковъ.

Отъ сего то не рѣдко и случается, что два преступника. весьма различные по внутреннему расположенію къ одинаковому по внѣшнему своему виду, подвергаются равномѣрному наказанію законовъ, которымъ всѣхъ отънюдь различить и степеней опредѣлить невозможно. Иное по внутреннему уравниваетъ уже одинъ всевидящій праведный судья, въ очахъ коего иногда преступникъ подъ мечемъ лю-

тѣйшей и по суду человѣческому самой справедливой казни, достойнѣе такого, коего честности и добродѣтелямъ по заключеніямъ же человѣческимъ сплетаютъ вѣнцы и хвалы поютъ.

Въ дѣлахъ тяжбныхъ рѣшенія совѣстнаго суда тогда только дѣйствительны, когда всѣ имѣющіе между собою тяжбу или довольны, или, когда которая нибудь сторона по миролюбію прекратитъ дѣло, безъ того же тщетенъ весь трудъ совѣстнаго суда и плоды наилучшихъ его рѣшеній бывають тѣ, что тяжущіяся безотчетно объявлятъ на нихъ свое неудовольствіе и поведутъ свое дѣло надлежащимъ порядкомъ по законамъ, какъ будто бы въ совѣстномъ судѣ оно и не было.

Миролюбивые найдутъ способъ и безъ суда примириться между собою или судомъ посредниковъ который есть самый естественный и основательный совѣстный судъ. когда добрая воля судящихся избираетъ его и повинуется его заключеніямъ. А охотники до тяжбъ и лицемѣры, иногда съ тѣмъ именно пойдутъ въ совѣстный судъ, чтобъ протянуть и больше запутать дѣло, притворяясь при томъ и въ миролюбіи, и зная, что они, когда хотятъ, уничтожить могутъ все производство совѣстнаго суда.

Я думаю, что полезно было бы для нѣкотораго удержанія отъ напрасныхъ въ совѣстномъ судѣ начинаній дѣлъ и объявленій неудовольствія на справедливыя рѣшенія его, опредѣлить по крайней мѣрѣ тяжелый штрафъ, который взыскиваетъ съ тѣхъ, кои, будучи недовольны рѣшеніемъ совѣстнаго суда, пойдутъ куда по законамъ надлежитъ, и послѣ всѣхъ апелляцій окончательнымъ рѣшеніемъ обвинены будутъ.

Здѣсь по мнѣнію моему тяжелый штрафъ столько жъ можетъ быть полезенъ, сколько неумѣренный во всѣхъ судебныхъ и тяжбныхъ дѣлахъ прочими присутственными мѣстами по обыкновенному теченію производимыхъ можетъ судящихся иногда подвергать напрасно большимъ убыткамъ, и въ ободреніе неправой стороны устрашать отъ справедливыхъ жалобъ, а судей угрожать разореніемъ и чрезъ то честныхъ принуждать выходить изъ службы, или не входить въ нее, — а иныхъ торговаться съ тяжущимися и брать взятки вдвое за то. какъ рѣшить; да на расплату штрафа въ случаѣ, что такое рѣшеніе неутвердится высшимъ мѣстомъ, которое также небезпогрѣшно.

О злоупотребленіи неумѣренныхъ штрафовъ. опредѣленныхъ за неправильныя рѣшенія и неограниченныя законами пеней, произ-

вольно налагаемыхъ кстати при семъ впишу я голосъ, который подалъ я въ общемъ Собраніи Московскихъ Сената Департаментовъ, по случаю наложеннаго однимъ бывшимъ начальникомъ въ Москвѣ и ея Губерніи взысканія на присутствующихъ Московскаго Магистрата.

Голосъ сей, по предложенію Министра Юстиціи докладомъ согласившагося съ нимъ общаго собранія поднесенъ былъ Государю Императору съ тѣмъ, что неблагоугодно ли ему повелѣть комиссіи о составленіи законовъ принять сей голосъ мой во уваженіе для дальнѣйшихъ постановленій, на которой докладъ и послѣдовало Высочайшее соизволеніе Его Величества. *)

Голосъ оный, есть слѣдующій:

1-е) „За нужное считаю возобновить дѣятельнѣйшія мѣры къ поддержанію начальниковъ Губерній и Губернскія правленія отъ преступленія предѣловъ власти ихъ и должности, законами опредѣленныхъ,— которое преступленіе есть источникъ всѣхъ въ Губерніи неправдъ, безпорядковъ и притѣсеній.

2-е) „При семъ же долгомъ поставляю, сообразя многіе опыты, сказать, чтобы точно соблюденія законовъ и самымъ существомъ правосудія, требовалось заключить взысканіе и наложеніе пеней и штрафовъ единственно въ тѣхъ случаяхъ и количествахъ, которыя именно и точно опредѣлены законами, строго отвращая опредѣленіе пеней въ количествахъ произвольныхъ и произвольное также обращеніе взысканій въ штрафъ на судей и чиновниковъ по такимъ дѣламъ, по коимъ оныя взысканія именно не повелѣваются законами.

„За упущеніе въ самомъ важномъ уголовномъ дѣлѣ и, можетъ быть, иногда умышленное, со стороны умысла недоказанное, чиновникъ наказывается выговоромъ, строже—нѣкоторымъ вычетомъ изъ жалованья, по крайней уже строгости отрѣшеніемъ отъ мѣста, а за погрѣшность и часто не умышленную въ производствѣ, сопряженномъ съ интерес-

*) Дѣло оное было по долговой претензіи купца Василія Девятова на Московскомъ мѣщанинѣ Григорьевѣ.—А жалоба отъ присутствующихъ Магистрата принесена была Сенату въ 7-й Департаментъ, въ коемъ произошли разныя мнѣнія и потому дѣло разсматривалось въ общемъ собраніи, гдѣ я подалъ оный голосъ. Докладъ же по сему голосу отправленъ былъ 17-го Іюля 1807-го года, а имянное повелѣніе о препровожденіи голоса въ комиссію объявлено общему собранію 9-го Августа того же года.

нымъ искомъ можетъ вышесказаннымъ взысканіемъ не только самъ подвергнуться нищетѣ, но всего лишиться могутъ такого чиновника дѣти и наслѣдники, которые по мудрости въ Россіи законодательства Государскаго не лишаются имѣнія и за важнѣйшія Государственныя преступленія отцовъ и родственниковъ.

„Не могутъ въ наказаніе таковыми взысканіями сохраниться и равенство и единообразіе естественныя правосудію; ибо когда упущеніе не умышленно, то вина его равна, какъ въ дѣлѣ о маломъ такъ и о большомъ искѣ; но въ первомъ сдѣлавшій такое упущеніе наказывается почти не чувствительно, особливо при безбѣдномъ состояніи, а въ послѣднемъ и при самомъ иногда достаткѣ совершенному раззоренію и съ цѣлымъ семействомъ подвергается.“

„Тяжкія сего рода штрафы могутъ, устрашая благонамѣренныхъ и честныхъ, не безподверженныхъ, конечно, ошибкамъ, лишать службу полезнаго ихъ въ ней пребыванія, а злорасположенныхъ и лихоимцевъ побуждать къ большому удовлетворенію корыстолюбія, заставляя ихъ, собираясь на преступленіе незаконнымъ производствомъ, усугубить оное еще предвареніемъ чрезъ преступленіе же для запаса на то, чѣмъ бы было расплатиться за оное беззаконіе.

„Самымъ тяжкимъ лишеніемъ чести личное наказаніе лица виноватаго, справедливѣе, конечно, нежели одно денежное наказаніе, но въ такомъ количествѣ, которое вмѣстѣ съ лицомъ симъ повергаетъ въ бѣдствіе и невинныхъ дѣтей и родственниковъ.

„Я думаю, что къ лучшему исправленію туда подѣйствовать можетъ не столько тяжесть денежныхъ штрафовъ, отъ которой коварство лихоимства уклоняться найдетъ способы съ избыткомъ, и самая невинность часто пострадать можетъ, а честность, зная свойственную человѣчеству небезпогрѣшность и благоразумно не надѣясь избѣжать ея, будетъ страшиться службы, и совсѣмъ отъ нея удаляться; не столько говорю, тяжесть оныхъ штрафовъ и взысканій подѣйствовать можетъ къ лучшему и нелицепріятному судопроизводству, какъ постепенное по начальству и чрезъ разныя, учрежденіями уставленныя пути, вниманіе на теченіе, и производство дѣлъ, для сужденія и строгаго личнаго наказанія за пристрастія судящихъ, и для очищенія службы отъ таковыхъ, кои явнымъ невѣжествомъ, или малодушіемъ, если и не пристрастіемъ, вредятъ ей и оскорбляютъ святость суда.

„Напримѣръ: разнообразныя рѣшенія, ежели не всегда означаютъ умышленную неправду, то непремѣнно однако же обнаружива-

ють неспособность или невнимательность, дѣлающія недостойными званія судейскаго. Частое отступленіе отъ своихъ мнѣній и перемѣна ихъ, ежели и по нелицепріятству отъ сребролюбія производятся, то уже, конечно, или отъ неуваженія правды или отъ малодушнаго лицепріятія, уступчивости и боязни сильныхъ происходятъ, что столько же несовмѣстно почтенному характеру судейскому. Желательно, чтобъ на сіе больше обращалось вниманія и чтобъ учредились удобнѣйшіе способы къ обнаруженію оныхъ поступковъ заражающихъ судопроизводство.

„Я осмѣлился о семъ распространиться, считая долгомъ званія своего при всѣхъ случаяхъ откровенно и съ полнымъ усердіемъ дѣлать представленія, по мнѣнію моему, нужныя къ пользѣ правосудія и служенія Государственнаго. И гдѣ же приличіе и полезіе могутъ быть такія разсужденія, какъ не въ собраніи сего верховнаго правительствующаго судилища“.

Итакъ я ожидалъ соизволенія Государева на выборъ меня въ Москвѣ совѣстнымъ судьей. Неохотно готовясь вступитъ въ эту должность и жалѣя, что она мнѣ помѣшаетъ далѣе прожить въ любезной моей подмосковной.

Но порученіе мнѣ другой должности, столько же нечаянное, отвело меня на нѣсколько лѣтъ отъ Москвы—и на край Россіи. Наканунѣ полученія о выборѣ въ совѣстные судьи представленія, Государь изволилъ подписать указъ о предсѣдательствованіи мнѣ въ комиссіи, учрежденной для разбора споровъ и опредѣленій повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ.

Послѣ имѣлъ я счастье слышать изъ устъ самаго Государя, что онъ самъ избралъ меня къ сему порученію, зная.—какъ угодно ему было при томъ сказать,—мое безпристрастіе и любовь къ правдѣ и порядку.

И не слышалъ я даже, что такая учреждается комиссія прежде, нежели получилъ указъ о ея мнѣ порученіи. при которомъ прислано было ко мнѣ начертаніе правилъ ея, обнародованныхъ напечатаніемъ на русскомъ и татарскомъ языкахъ.

Причиною учрежденія сей комиссіи были жалобы татаръ, подстрекнутыхъ завистью, непріязнію между собою и разными личностями

дворянъ и чиновниковъ, начиная отъ нижнихъ до самыхъ высшихъ,— такъ, что сіе касалось и до играющихъ знатнѣйшія роли при дворѣ. Однимъ словомъ, сія коммиссія родилась больше отъ споровъ на паркетѣ, по которому охотники ходитъ всегда тѣснятся и скользятъ, нежели въ обильныхъ долинахъ и великолѣпныхъ горахъ романической Тавриды. потому, что при самомъ отправленіи ко мнѣ указа, ближайшіе по Государственнымъ дѣламъ къ Государю, писали ко мнѣ,—что Его Величество изволилъ поручить мнѣ сію коммиссію, зная мое безпристрастіе, опытность и. особливо, *твердость*.

Хотя не имѣлъ я никакого понятія о положеніи крымскомъ, но тотчасъ увидѣлъ изъ присланныхъ ко мнѣ правилъ неудобство исполненія. Не могъ я, однако, никакъ сдѣлать о томъ представленія. не изслѣдуя и не удостовѣрясь на мѣстѣ.

Въ концѣ лѣта пріѣхавши въ Крымъ, открылъ я засѣданіе комиссіи, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ собрала во всѣхъ подробностяхъ всѣ нужныя свѣдѣнія и, по соображеніи съ мѣстными обстоятельствами, постановя разсужденіе о всѣхъ неудобствахъ исполненія, какъ со стороны справедливости, такъ и порядка, просилъ я Государя о дозволеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ для личныхъ объясненій.

Государь очень милостиво соизволилъ на пріѣздъ мой. И такъ я отправился изъ Крыма чрезъ Москву, въ которой просилъ я позволенія для дѣлъ своихъ прожить двѣ, или три недѣли, какъ и въ Петербургъ просился на самое короткое время. Но за особыми, кромѣ комиссіи отъ Государя порученіями, не успѣвъ до позднихъ чиселъ Февраля выѣхать изъ Крыма, пріѣхалъ и въ Москву уже по начавшейся портиться дорогѣ, и не могъ въ ней больше пробыть 8 или 10 дней, а въ Петербургъ, на короткое то время пріѣхавши,—въ Мартѣ 1803-го года. выѣхалъ изъ него въ Августъ 1804-го.

Государь изволилъ принять меня съ отмѣнною милостію. Скоро по пріѣздѣ имѣлъ я честь у него обѣдать, и первыя слова его мнѣ были, что онъ съ особливимъ удовольствіемъ всегда дѣлаеть мнѣ порученія, и съ таковымъ же читаетъ всѣ мои бумаги. А харьковской поѣздки не забудеть никогда.

Представленія мои по комиссіи Государь изволилъ одобрить и найти достойными вниманія, но какъ сіе дѣло крымское, очень уважаемое Государемъ, трактовано было прежде въ Государственномъ со-

вѣтъ, въ коемъ и комиссіи основаніе положено, то угодно было Государю. чтобы и мои представленія разсмотрѣлъ Совѣтъ, при которомъ разсмотрѣніи я бы всегда въ немъ былъ.

Въ первое о семъ собраніе свое, Совѣтъ потребовалъ отъ меня соображенія вѣхъ предметовъ моихъ представленій и мнѣнія, какимъ образомъ удобнѣе все оное исполнить. Сочиненіе сіе о рѣшительномъ жребіи хозяйственнаго состоянія крымскихъ жителей немалого, конечно, мнѣ стоило труда. Замѣчательно, что весь планъ его случилось мнѣ придумать, прогуливаясь въ Таврическомъ саду.

Въ ту же мою бытность въ Петербургѣ, желая сдѣлать оборотъ въ долгахъ моихъ, просилъ я Государя о покупкѣ у меня въ казну деревни, и о пожалованіи мнѣ заимообразно денегъ. Записку о томъ, поднесенную Его Величеству, помѣщу я здѣсь, какъ такую, въ коей весьма справедливо и откровенно описаны вѣ причины моихъ долговъ, и какъ объясняющую самое нравственное мое расположеніе, кстати для сихъ историческихъ моихъ записокъ.

— „Дерзая испрашивать Всемилостивѣйшаго вспоможенія въ разстроенномъ состояніи моего имѣнія, нужнымъ считаю кратко разсказать исторію долговъ моихъ, съ простосердечіемъ и откровенностію. которая мнѣ свойственна, особливо предъ монаршимъ престоломъ.

„Не родился я, конечно, охотникомъ до денегъ, но всегда ненавидѣлъ мотовство. Нельзя сказать, чтобъ никогда ни чемъ не жертвовалъ я страстямъ моимъ и слабостямъ; однако, жертвы мои имъ, если имѣли, то самое малое вліяніе на долги мои. Не только не любилъ я дѣлать пировъ и праздниковъ и никогда не давалъ ихъ, но, можетъ быть, слишкомъ всегда былъ противъ ихъ предубѣжденъ. Не только не игралъ я никогда въ большія игры, но даже въ такія. какихъ меньше не играютъ въ знатныхъ бесѣдахъ. Въ самыя малыя играя, не проигрывалъ я, конечно, никогда нѣсколькихъ рублей безъ сожалѣнія: какъ напротивъ никогда не подавалъ я бѣдному. безъ нѣкотораго безпокойства о томъ, что не мало ли даю ему. Были обстоятельства, въ которыхъ разумъ мой считалъ должнымъ и силился удерживать мою руку, но ни одного, конечно, раза не успѣлъ. Простодушно описываю правду.

„Съ одной стороны увѣренъ бѣдучи, что частные люди очень могутъ содѣйствовать къ просвѣщенію Государства, и что вѣ попеченія

правительства, смѣю сказать, безъ сего содѣйствія не могутъ совершенно достигнуть въ томъ истиннаго предмета, а съ другой, любя страстно полезное просвѣщеніе и ближнихъ, жертвовалъ я многимъ иждивеніемъ на воспитаніе юношества, въ полезныхъ обществу наукахъ и на изданіе книгъ, утверждающихъ корень чистой нравственности и добродѣтели.— Въ томъ числѣ знатныя суммы употребилъ я не съ намѣреніемъ прибытка, однако, не имѣвъ намѣренія употреблять ихъ безвозвратно. Но какъ стеченіе разныхъ случаевъ, обстоятельствъ и расположеній человѣческихъ, все оное несчастно представя въ видахъ совсѣмъ превратныхъ, наконецъ разстроило весьма поразительнымъ разрушеніемъ: то я изъ тѣхъ суммъ, которыя возвратить мнѣ слѣдовало, едва ли гривну получилъ за рубль.

„Всѣ тѣ издержки дѣлалъ я въ долгъ—и въ томъ былъ, конечно, очень неостороженъ.—Но не для того, чтобъ себя оправдывать, а чтобъ искренно сказать только, всему прямую и естественную причину, скажу:— что неосторожность оная во мнѣ происходила изъ одного источника съ тѣмъ, почему разумъ мой никогда не могъ удержать руки моей, какъ я говорилъ выше.

„Въ долгъ же все бралъ для того, что жилъ при отцѣ моемъ, который 92-хъ лѣтъ скончался въ 1797-мъ году, и хотя онъ былъ самый добрый и благодѣтельный отецъ, и любилъ меня, какъ только можно, однако, смотря на вещи по заключеніямъ своего времени, не только избыточнаго, но и многого необходимо нужнаго не давалъ на самое содержаніе, не отъ скупости, или нелюбви къ дѣтямъ, но точно по смерти свою вѣря, чтобъ рубля стоило то, за что въ новыя времена надобно платить десять, особливо такъ думалъ онъ въ послѣднія 11 лѣтъ его жизни, въ которыя онъ, лишась зрѣнія, не выходилъ изъ комнатъ и крайне ослабѣвалъ въ тѣлѣ: но память имѣя здравую до позднихъ часовъ жизни, самъ управлялъ и распоряжался имѣніемъ, не позволяя мнѣ съ братомъ никакъ въ томъ участвовать. Мы хранили покой его и нисколько не нарушали его волю. Даже необходимыя по пристойности времени для содержанія дома его издержки должно было дѣлать, скрывая отъ него, и въ долгъ. Очень дорого иногда стоило не допустить свѣдѣнія о долгахъ моихъ. Онъ былъ столь хорошаго расположенія, что мнѣ бы, конечно, простилъ и ничего бы не лишилъ меня, но для себя бы огорчился несносно.

„Между тѣмъ корыстолюбіе, съ которымъ я принужденъ былъ имѣть дѣло и повиноваться ненасытнымъ его требованіямъ, всѣми

возможными способами, пользовалось моими обстоятельствами: и как же надобно было возрастать долгамъ моимъ при такихъ трудныхъ оборотахъ и нѣкоторыхъ отмѣнно критическихъ положеніяхъ чрезъ многіе годы.

„Наконецъ, несмотря на все, не только не хотѣлъ я отослать моихъ кредиторовъ къ платежу въ бывшій вспомогательный банкъ, но получая билетами его платежъ отъ нѣкоторыхъ самыхъ тѣхъ, которые по нѣсколькѣ лѣтъ должны были отцу моему, съ заплатою пяти указныхъ процентовъ, коихъ больше не бралъ онъ никогда:— что также, смѣю примѣтить, не очень обыкновенно.— Получая тѣ билеты, промѣнивалъ я ихъ и большія суммы на ассигнаціи, для уплаты своихъ кредиторамъ, которыхъ-бы безъ того ввелъ я конечно въ убытокъ, какъ и собою тутъ испыталъ: ибо я промѣнивалъ, или прибавлялъ, платя по 10-ти и 11-ти на сто;—лучше хотѣлъ я самъ понести убытокъ и разорительный, нежели не сохранить моихъ обязательствъ другимъ.

„Все, съ начала мною здѣсь сказанное, извѣстно большей части безпристрастной публики обѣихъ столицъ.

„Въ концѣ 1796-го и началѣ 1797-го года имѣлъ я вѣрные случаи нѣсколькими словами освободиться отъ своихъ долговъ, сохранивъ все имѣніе мое. Но хотя я думаю, что помощь отъ царскихъ щедротъ есть самая справедливая, однако, не могъ я воспользоваться тѣми случаями по нѣкоторой непобѣдимой стыдливости въ нравѣ моемъ,—говорить о себѣ и просить. А при томъ, хотя имѣлъ я честь отмѣнно лестно быть призванъ и принять: но я никогда не могъ и вообразить себѣ возможности просить даровъ и наградъ безъ заслугъ. Дѣла же мои, между тѣмъ, день ото дня больше разстроивались“.

„И теперь, при всемъ неописанномъ моемъ увѣреніи на самую благость, царствующую въ Россіи—посадившій Ее на престолъ видитъ съ какою прискорбностію прошу я о себѣ, и что ни слова бы не сказалъ я, если бы не крайность заставила. Прибѣгаю къ средству сему, чтобъ сохранить мою честь, которою дорожу я, въ видахъ любви къ правдѣ и челоуѣчеству, чтобъ упокоить жизнь мою, которую право я всегда провождалъ, и расположенъ провождать—или въ горячей любви къ престолу и отечеству, или въ усердной имъ службѣ, и чтобъ особливо сберечь какой нибудь кусокъ для моего брата, который не раздѣлялся со мною, но въ единственный, можетъ, примѣръ дружбы и

добродѣтели, всею своею частью знатнаго имѣнія безропотно жертвовалъ мнѣ на помощь.

„Крайность исторгла изъ меня и то изъясненіе о состояніи дѣлъ моихъ; я осмѣлился написать къ Государю Императору въ моей всеподданѣйшей просьбѣ изъ Тавриды о позволеніи пріѣхать сюда для представленій и прожить нѣсколько дней на дорогѣ въ Москвѣ. Довѣренность къ великой и щедрой душѣ его водила мою руку, и истинѣ ему первому во всю мою жизнь. говорилъ я о себѣ съ такою откровенностію.

„И по всему тому приступаю нынѣ къ просьбѣ; въ полной же откровенности скажу, что Всемилостивѣйшее къ ней вниманіе будетъ Государская милость для меня Великая, но дѣло щедроты Его тутъ будетъ справедливое. Я не прошу чрезвычайнаго, не прошу такого, чего бы безъ отличнаго благоволенія не получали служившіе не больше меня, не лучше и ужъ конечно не усерднѣе: ибо въ семъ не уступаю я никому.

„Я прошу, чтобъ повелѣно было купить въ казну деревню, которую я имѣю въ Калужской Губерніи и проч. и чтобъ мнѣ пожаловать изъ кабинета въ займы 50 тыс. рублей и проч.

„Впрочемъ, предаюсь благоутробной волѣ Государя Императора и, повергаясь къ священнымъ стопамъ Монаршимъ, сердечною любовію лобызаю руки Александра Всемилостивѣйшаго, скажу, что дѣло вѣрнаго подданнаго и сына отечества по возможности всѣми силами служить Государю и отечеству, а Государю, отцу отечества, единственно принадлежитъ мудростію цѣнить заслуги и способности, благостію же щедроты своей опредѣлять милости“.

Подать сію записку принялъ на себя Графъ В. П. Кочубей, сей благоразумный, добронамѣренный, трудолюбивый Министръ, которому останусь я навсегда благодарнымъ за его обязательное ко мнѣ расположеніе.

Государь изволилъ отозваться, что онъ охотно благоволилъ бы исполнить мою просьбу;—но что онъ деревень въ этотъ годъ ни у кого не покупаетъ,—что денегъ въ кабинетѣ нѣтъ:—но, что давно угодно ему было оказать мнѣ милость пожалованіемъ хорошей аренды,—которую и пожаловалъ.

Подалъ я въ Государственный совѣтъ требуемое имъ отъ меня мнѣніе о крымскихъ дѣлахъ, и послѣ того мѣсяца три былъ я всякое собраніе въ присутствіи Совѣта.—Много разсуждали, толковали, спорили, часто ничего не дѣлали—наконецъ рѣшили.—Большинство голосовъ согласно было съ моимъ мнѣніемъ, а три голоса были противъ. Государь изволилъ утвердить большинство голосовъ, но когда поднесены ему были для подписанія заготовленныя по тому бумаги, то онъ, не подписавъ ихъ, оставилъ все у себя.

Государь разсудилъ особливо за неудобное то, что Совѣтъ полагалъ мнѣ оставаться только Директоромъ комиссіи и, присутствуя въ сенатѣ, ѣздить въ Крымъ, когда заблагоразсужу, или когда надобность того потребуетъ. Мысль Государева была о семъ такая, что въ учрежденіи имъ комиссіи много участвовала милостивая довѣренность лично ко мнѣ, но что, если всегда я не буду тамъ на мѣстѣ, то Онъ не надѣется на успѣхи. И еще не могъ Государь никакъ согласиться на установленіе апелляціи на комиссію, о которой я представлялъ и сильно настаивалъ, говоря между прочимъ, слѣдующее:

—„Хотя за особливую честь себѣ поставляю ту высокую довѣренность, кою опредѣленъ я предсѣдательствующимъ въ такой рѣшительной комиссіи, которая есть конечно одно судилище, не имѣющее въ учрежденіи на себя апелляціи, однако по открывшимся на мѣстѣ причинамъ и по изъясненнымъ мною правиламъ пользы и правосудія, долгомъ любви къ правдѣ и благоустройству считаю представить, что нужно, справедливо и съ общимъ порядкомъ сходно,—учредить на комиссію апелляцію въ правительствующій Сенатъ“.

„Впрочемъ, и безъ того, по долгу правосудія, надобно же будетъ разсматривать жалобы на комиссію, коихъ нельзя, чтобъ послѣ не было, имъ отъ естественнаго многимъ ослѣпленія въ правахъ своей собственности, или подлинно на погрѣшности разбора, каковымъ въ дѣлахъ подобныхъ, я первый не имѣю самолюбія считать себя неподверженнымъ.—Надобно же будетъ принимать и разсматривать жалобы на комиссію; но безъ учрежденнаго порядка апелляціи, то будетъ смутно, для высшаго Правительства затруднительно: а для приносящихъ жалобы не только нисколько неудовольственно, ненадежно, но даже возмутительно быть можетъ, особливо для невѣжества и возженныхъ притязаній татарскихъ“.—

Учрежденіе въ концѣ прошлаго 1808-го года комитета для разсмотрѣнія рѣшеній комиссіи, вслѣдствіе разныхъ изъ Крыма жалобъ,

оправдало оное еще въ 1803-мъ году настоящее представленіе мое о учрежденіи апелляціи надлежащимъ порядкомъ.

Послѣ вышесказанной мною остановки дѣла, для котораго пріѣхалъ я въ Петербургъ, еще мѣсяца три или болѣе не зналъ я, да и нѣкоторые изъ самыхъ ближнихъ къ Государю ничего же не знали о его участи.

Многіе не зная этого, а иные изъ такихъ, кои могли очень знать—и знали, толковали однакожь, что я по своей охотѣ живу въ Петербургѣ и чего-то добиваюсь. Много поводъ къ сему подалъ за-долго до того разнесшійся слухъ, что я буду Министромъ Юстиціи. Откуда онъ произошелъ, я и по сіе время не знаю, только онъ родился въ Петербургѣ, и такъ распространился въ немъ, какъ бы и въ старой вѣщательницѣ Москвѣ. Но я никогда бѣ и не желалъ быть онымъ министромъ. для того, что по мнѣнію моему ничьихъ глазъ и ушей не достанетъ всего того прочитатъ и выслушать, что необходимо надобно въ семъ званіи, для истиннаго исполненія сей должности и для дѣйствительной пользы; не говоря о тѣхъ особливыхъ знаніяхъ и опытности въ разныхъ родахъ дѣлъ, которыя нужны министру Юстиціи.

Слуху оному вѣрили нѣкоторые знатные и весьма чиновные и для смѣху скажу, что онъ меня дарилъ иногда отмѣнными и очень примѣтными ласками отъ иныхъ изъ самыхъ такихъ господъ. Однако, слухъ сей и разные умножавшіеся при немъ обо мнѣ толки, сдѣлали, думаю. то, что и мнѣ тогда поскользче прежняго на паркетѣ стало: хотя я никогда очень твердою ногою на немъ не стоялъ. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось. изъ обхожденія со мною тѣхъ, кои глядя на людей, составляютъ лица свои по справкамъ о fortunѣ ихъ при Дворѣ.

Но я былъ при томъ очень равнодушенъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, распространяя на всѣхъ ихъ смыслъ стиха:

Le crime fait la honte et non pas l' echaffaud.

Не казнь приноситъ стыдъ, а преступленіе.

Итакъ послѣ неизвѣстности, нѣсколько мѣсяцевъ продолжавшейся, о участи рѣшеннаго въ совѣтѣ крымскаго дѣла—въ концѣ уже февраля 1804-го года вдругъ объявляются мнѣ отъ Государя чрезъ министерство многіе пункты въ опроверженіе моихъ представлений и согласія

совѣта, содержаціе въ себѣ новое положеніе и на все оное требуется мое мнѣніе. Вникнувъ прилежно въ предложенное мнѣ, отвѣчалъ я, что все зависитъ отъ воли Государя; но, когда Ему угодно знать мое мнѣніе, то не могъ я чистосердечно сказать иначе, что все оное неудобно и съ прямою пользою мѣстною, въ соображеніи ея съ общою государственною несогласно, и на все подалъ возраженіе на бумагѣ.

Тогда-то больше, нежели когда нибудь, заключили обо мнѣ, что я спорщикъ и упрямецъ: и между министерства, при всей ласковости обхожденія со мною, заочно говорили: „что дѣлать съ нашимъ спорщикомъ Мартинистомъ?—противъ всего спорить“. Надобно примѣтить, что на ихъ языкѣ называется Мартинистомъ тотъ, кто вѣритъ Христу и Евангелію, а спорщикомъ—кто не соглашается на все изъ угожденія Двору и имъ не придакиваетъ.

Нѣкоторые осуждали меня за то, что я представляю и столько настоятельно противъ того, что уже Государемъ учреждено и обнародовано.—Иные хвалили мою смѣлость и твердость. Были такіе, которые сравнивали меня съ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ. Но я, ничего не находилъ въ поступкѣ своемъ кромѣ долга.

Я думаю, что не представлять Государю о правдѣ и о томъ, чего требуетъ общее Государства благо, есть похищеніе истинной славы Государевой и собственности общаго и частнаго благосостоянія, татья важнѣйшая многихъ родовъ ея, съ крайнимъ безчестіемъ строго по законамъ, наказуемыхъ.—Впрочемъ для меня сдѣлать неправду въ судѣ, и не спорить, или не представлять противъ того, что мнѣ кажется вредно и несправедливо, есть то же, что нѣкоторымъ инья кушанья, которыхъ желудокъ ихъ никакъ не варить. Это во мнѣ какъ бы сказать, природный вкусъ, а не добродѣтель, которая должна быть дѣйствіе побѣды надъ собою. Это столько же мнѣ славно, какъ одному черные, а другому русые волосы.

Кстати о князѣ Я. Ѳ. Долгорукомъ, и о смѣлости и твердости патріотической.

Не хочу я конечно снять ни одного изъ неувидаемыхъ цвѣтовъ, покрывающихъ почтенный прахъ сего знаменитаго мужа: но скажу откровенно, что разодраніе имъ указа Государева и удержаніе утвержденнаго самимъ же Государемъ опредѣленія Сенатскаго, которое Дол-

горуковъ неподписавъ, запечаталъ съ заготовленными о исполненіи его указами, не почитаю я столь великими дѣлами твердости и смѣлости, какими ихъ привыкли прославлять.

Что разодралъ кн. Яковъ Ѳедоровичъ—это конечно не есть поступокъ великодушія, а запальчивости нрава, и въ такой степени, въ коей себя и преодолѣть неестественно. Слѣдственно такія дѣла и нехотя дѣлаются. Расположеніе жъ сіе нрава конечно поощрялось и образомъ тогдашняго обхожденія и нравомъ самого Петра Великаго, который ближнимъ позволялъ обходиться съ нимъ просто и свободно, иногда до крайности; а князя Якова Ѳедоровича онъ не только называлъ дядею, да и подлинно весьма близкимъ къ себѣ, уважая его и по лѣтамъ, когорыми онъ много старѣе былъ Государя.

Но какое жъ притомъ слѣдствіе оныхъ поступковъ Долгорукаго?— Не исполнить по волѣ Государевой, для того,—чтобъ замѣнить это тѣмъ, что еще гораздо угоднѣе и пріятнѣе ей будетъ. Надобенъ былъ Государю хлѣбъ:—Долгоруковъ, противясь средству къ тому назначенному,—представляетъ другое, которое удобнѣе и столько жъ скоро исполниться можетъ. Надобны были работники; Долгоруковъ, оспаривая сдѣланное о томъ распоряженіе, находитъ способъ имѣть также работниковъ и много выгуднѣе.

Это похоже на то, какъ бы напримѣръ: пріятель мой, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, писалъ при мнѣ къ деревенскому своему управителю, чтобъ въ самую трудную пору и прежде времени собрать въ оброкъ 10 т. рублей; а я бы вырвалъ у него письмо, изодралъ и сказалъ ему: „Что ты дѣлаешь?—Вѣдь ты крестьянъ то раззоришь! вотъ тебѣ 15, возьми у меня, онѣ теперь мнѣ не надобны, а послѣ мнѣ заплатишь.“ Можетъ быть въ первомъ движеніи пріятель, особливо нравомъ горячій, на меня и разсердился бы, но, конечно, скоро бы поблагодарилъ еще больше.

Смѣлость и твердость патріотическая истинно являются въ такихъ представленіяхъ, коими заставляемъ того, кому представленія сіи дѣлаются оставлять любимыя его предпріятія, такъ сказать, страстей его и прихотей, безъ всякой имъ замѣны—совершенно обнаруживая ихъ вредность: или въ замѣчаніяхъ о безвозвратномъ сдѣланіи неправды, или погрѣшности политической. Однимъ словомъ, такія представленія, которыя въ корнѣ трогаютъ самолюбіе того, кому представляются. И чѣмъ далѣе отъ престола представляющій, тѣмъ почтеннѣе его

представленія, чѣмъ большей онъ при томъ опасности подвергаетъ себя, тѣмъ онъ истиннѣе патріотъ-герой.

Наконецъ совѣтъ рѣшилось дѣло по моимъ представленіямъ о крымскимъ земляхъ. Издано дополненіе къ начертанію правилъ комиссіи, во многомъ основанное на моемъ мнѣніи, а порядокъ производства дѣлъ и весь мой принять. Главная цѣль представленій моихъ исполнена утвержденіемъ для тамошнихъ помѣщиковъ права собственности, которое рѣшеніями по прежнимъ правиламъ совершенно бы поколебалось.

Весьма желательно, чтобъ по одному дополненію скорѣе все приведено было къ концу, съ точнымъ наблюденіемъ справедливости и должнаго удовлетворенія татарамъ и помѣщикамъ.

Знаю, что меня укоряли въ медленности дѣйствій комиссіи.—Не безъ основанія думаю, что сіе внушено было самому Государю. Были такіе вѣтреницы и въ знатныхъ постахъ которыя даже въ письмахъ увѣряли, что я продолжаю комиссію для того, что мнѣ выгодно жить въ Крыму и пріятно въ немъ властвовать;—и сіе писали въ то время, когда я, по самой убѣдительной моей просьбѣ къ Государю о увольненіи меня отъ крымской комиссіи, получилъ уже предварительное извѣстіе о Его на то соизволеніи. И такъ считали, что отъ меня медленно идетъ дѣло комиссіи, но я уже скоро четыре года, какъ оставилъ ее, а она еще кажется не близка къ своему окончанію; не говоря о томъ, что еще только учредился комитетъ о пересмотрѣ ея рѣшеній, коихъ неприкосновенность и ненадобность подвергать апелляціи, такъ жарко защищали, при настояніяхъ моего мнимаго упрямства и споролубія.

Когда при отъѣздѣ изъ Петербурга откланивался я Государю, то Онъ очень милостиво изволилъ обойтись со мною. приказалъ мнѣ обѣдать за Его столомъ и послѣ обѣда, увѣряя меня въ лестной для меня надеждѣ Его Величества на мое усердіе и искусство, какъ изволилъ говорить, и любовь къ справедливости,—сказалъ, что наконецъ онъ видитъ, что нельзя такъ скоро кончить дѣлъ комиссіи и, съ отъѣздомъ милостью обнявъ меня, отпустить изволилъ.

Проживши нѣсколько времени въ Москвѣ по Высочайшему дозволенію, возвратился я въ Крымъ въ концѣ 1804-го года, и приступилъ къ распоряженію производствъ комиссіи, по изданному вновь

дополненію къ ея правиламъ. Тяжбы еще не рѣшились, ибо предвѣрительно надобно было дѣлать вызовы тяжущимся и выжидать сроки на явку ихъ и документовъ. И я, ежели никакимъ рѣшеніемъ не одолжилъ никого, то ни однимъ же никого и не обидѣлъ, а Государственной интересъ сохранилъ самый важный: справедливость и порядокъ.

Между тѣмъ, не могъ я никакъ по домашнимъ обстоятельствамъ моимъ оставаться въ Крыму, въ который разъ и поѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ побывъ тамъ нѣсколько времени, для исполненія воли Государевой, непременно просить увольненія отъ комиссіи и чрезъ три мѣсяца послѣ пріѣзда моего въ Крымъ, послалъ я о томъ въ собственные руки прямо къ Государю письмо. Ни одинъ человекъ не зналъ въ Крыму, что я прошусь изъ него.

Я просилъ Государя наиубѣдительнѣйшимъ образомъ, писалъ къ Нему.

„Воля Вашего Императорскаго Величества для меня священна но на колѣняхъ предъ Вами признаю, Государь, что оставаться здѣсь было бы для меня тяжелое несеніе долга, а не то радостное исполненіе, съ коимъ я всегда стремился исполнять волю моего Государя и особливо Александра Великаго, благостію восхищающаго меня, и тѣмъ мудрымъ правленіемъ, предъ которымъ я благоговѣю, и которое насаждаетъ блаженство въ моемъ отечествѣ“.

„Дѣла комиссіи здѣшней нѣсколько лѣтъ должны производиться непременно, какъ я неоднократно доносилъ Вашему Императорскому Величеству по справедливости, которую говорить предъ Монаршимъ престоломъ считаю я обязанностію первую въ служеніи Ему. Но самое нужное и главное сдѣлано. Правила учреждены, и я имѣю счастье и смѣлость представить Вашему Императорскому Величеству надобность того преобразованія оныхъ, которое требовалось пользою края, пользою общею Государства, и честью Имени Вашего. Впрочемъ, Государь, готовъ я всю жизнь мою истощить на службу Вашего Императорскаго Величества, но отсюда прошу всеподданнѣйше увольненія“ и проч.

Отправя свою просьбу, ѣздилъ я для нѣкоторыхъ обзорнѣй по нагорной сторонѣ Крыма и наслаждался зрѣлищемъ сего неописаннаго собранія многихъ тысячъ величественныхъ, величественныхъ, величественныхъ и

восхитительныхъ картинъ представляющихся во всей изящности разнообразія натуры.

На страстной недѣлѣ говѣлъ я и причащался въ Георгіевскомъ монастырѣ, котораго мѣсто есть самая скрытая страшными романтическими скалами пустыня, на великолѣпнѣйшемъ берегу Чернаго моря. Въ сіи истинно мирные дни моей жизни, составилъ я книжку, напечатанную подъ именемъ: *Отрывки для чтенія върующихся*, которую посвятилъ другу моему Архіерею Черниговскому Михаилу.

Послѣ сладостыхъ сихъ дней послѣдовали горькія предчувствія печали, коею поразило меня скоро полученное извѣстіе о смерти роднаго брата и друга ближайшаго: онъ былъ образецъ честности и любви братской. Во всю жизнь нашу не выходили мы за порогъ въ досадѣ другъ на друга.

Долго не получалъ я никакого отвѣта на мою просьбу. Мѣсяца черезъ два получилъ отъ Графа Кочубея письмо, коимъ онъ меня увѣдомилъ, что Государь соизволяетъ на мое увольненіе; но воля Его есть, чтобъ я остался въ Крыму до назначенія преемника, коего выборомъ Его Величество затрудняется.

Потомъ еще мѣсяца чрезъ два обрадованъ я былъ полученіемъ слѣдующаго рескрипта:

„Иванъ Владиміровичъ! Получивъ въ свое время прошеніе Ваше объ увольненіи Васъ отъ пресѣдательства въ комиссіи о разборѣ крымскихъ земель, указомъ, вмѣстѣ съ симъ правительствующему Сенату даннымъ, повелѣлъ я Васъ отъ сей должности уволить предоставляя вамъ присутствовать по прежнему въ правительствующемъ Сенатѣ.

Удовлетворяя симъ желанію Вашему, я считаю справедливымъ поблагодарить васъ за Ваши труды, и изъявить Вамъ мое сожалѣніе, что долге не могли ихъ продолжать. Пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ: Александръ.

Въ С. Петербургѣ

1-го Іюля 1805-го года.

Въ послѣднихъ словахъ сего рескрипта, хотя и очень милостивыхъ, примѣтилъ я однако неудовольствіе Государя на то, что я

просилъ увольненія отъ комиссіи. Примѣчаніе мое и подтвердилось послѣ; но я спокоенъ былъ, для того, что просился не по недостатку усердія, а по совершенной невозможности долѣе оставаться въ Крыму, гдѣ и необходимости въ пребываніи моемъ для истинной пользы не было. О семъ при нѣкоторомъ случаѣ откровенно изъяснился я и Государю.

О выѣздѣ моемъ изъ Крыма жалѣлъ тамошній народъ, который очень полюбилъ меня. Это тѣмъ замѣчательнѣе, а для меня лестнѣе, что я долженъ былъ противъ него защищать по справедливости право дворянъ и новыхъ помѣщиковъ, которые, какъ я слышалъ, не только меня любятъ.

Но тамошніе жители почти вообще конечно довольны мною. Не довольны были только тогдашніе начальники губерній, потому что пребываніе мое тамъ немножко ихъ ограничивало; и особливо они досадовали на меня за то, что я вступился за нѣкоторыхъ бѣдняковъ, у которыхъ вымучили напрасное признаніе въ покражѣ казенныхъ червонцовъ и при томъ оговорѣ въ отдачѣ ихъ будто одному честному и достаточному Мурзѣ, коего также безъ всякаго основанія обыскивали, держали въ самой тѣсной тюрьмѣ, срамили, вода по городу какъ важнаго преступника.

По званію сенатора, принявъ отъ всѣхъ ихъ жалобы, обратилъ я вниманіе суда на сдѣланныя невиннымъ истязанія, которыя изслѣдованіемъ изобличены.—Между тѣмъ я представилъ Сенату и дѣло вошло въ него.

При слушаніи сего дѣла присутствовалъ уже я, возвратясь въ Москву, опять въ 6 департаментъ. Я далъ голосъ о защитѣ и воздаяніи невинности и о поступкѣ по строгости законовъ съ тѣми, кои, гоня ее, столь много ихъ нарушали. Нѣкоторые согласились со мною, а иные съ Военнымъ Губернаторомъ, управляющимъ тамъ гражданскою частію, который въ своемъ представленіи всячески старался навлекать подозрѣніе на невиннаго Джантемиръ Мурзу и обвинять всклепавшихъ на себя отъ пытки. Пошло дѣло въ общее собраніе.—Лишь только оно въ него вступило—получается рапортъ, что подлинныя воры найдены, а всѣ оныя мученики таврическаго начальства нисколько виноваты не были.

Въ общемъ собраніи оставалось мнѣ только удержать свой прежній голосъ. Съ нимъ, тѣми или другими словами, согласились въ

общемъ собраніи всё: только я слышалъ, что смѣялись нѣкоторые тому что я на высланной мною изъ дѣла запискѣ (ибо тотъ день я въ присутствіи не былъ) написалъ: „радуюсь, что наконецъ столь торжественно оправдалась невинность, которую имѣлъ я счастливый случай защищать,—остается мнѣ только сослаться на прежній мой голосъ въ Департаментѣ данный“ и проч... Смѣхъ надъ этими словами означаетъ немилость моихъ ко мнѣ товарищей, которую также я не заслужилъ какъ Джантемиръ Мурза не заслуживалъ тюрьмы,—а если смѣялись небезграмотные—то жаль ихъ.

Еще вотъ что странно: оправданіе мертваго каласа читаютъ съ восторгомъ,—а что свои безпокровные бѣдняки живые сидѣли въ тюрьмахъ безвинно и пытаны,—это дѣло кажется очень неважнымъ и сдѣлается по немъ что нибудь развѣ потому, что ужъ нельзя иначе, или когда нѣтъ никакой подпору тѣмъ, которые тѣснили и пытали.

Неужели отъ того, что тамъ Вольтеръ, калась и Франція,—а здѣсь Джантемиръ Мурза, поселяне Мухинъ съ Гласовымъ и русская таврида?

Впрочемъ я удивляюсь, какъ можно защиту невинности и великимъ дѣломъ почитать.—Это дѣло должно быть самое натуральное. Не защититъ невинность когда можно, есть адекватная холодность, хуже злодѣйства, имѣющаго какое нибудь побужденіе.

Въ сентябрѣ 1805-го года возвратясь въ Москву началъ я присутствовать попрежнему въ пятомъ Департаментѣ Сената, который тогда уже былъ переименованъ 6-мъ уголовнымъ.

Но въ Департаментѣ семь нашихъ я уже не попрежнему. Въ строгое, какъ говорятъ, время Павла I-го и въ 1-й годъ царствованія благодѣлительнѣйшаго изъ Монарховъ Александра, въ которомъ отлучился я изъ присутствія онаго департамента, старались общими силами, сколько можно облегчить несчастную судьбу судимыхъ: но тогда уже, напротивъ, стремились осуждать сколько можно строже, и не только нисколько не принимали на себя труда сыскивать въ законахъ и обстоятельствахъ дѣлъ способы къ пощадѣ челоуѣчества, но не уважали ихъ и тамъ, гдѣ они сами собою представлялись зрѣнію и разсудку.

Напримѣръ: были споры о томъ, чтобъ не на недѣлю, а на мѣсяцъ продержать въ смиренномъ домѣ. Основаніе такого спора столько жъ трудно доказывать, сколько излишне распространяться о его неосновательности.

Были голоса, чтобъ сѣчь по жеребью десятаго; хотя и прежде подобныя рѣшенія случались, но надобно, конечно, признаться, что напрасно и придумывать искать тому причинъ въ законной, или естественной справедливости.

Было дѣло, что уѣздный судъ по догадкамъ заключилъ нѣсколько человѣкъ наказать нещадно кнутомъ и со всѣми обыкновенными законами вмѣсто смертной казни, сослать на каторгу. Палата, ревизуя нашла, что по законамъ никакъ нельзя приговорить къ такой казни, ибо судимые не признались и нѣтъ противъ нихъ такихъ доказательствъ, которыя бы исключали всю возможность къ ихъ невинности; (да и едва ли можно, когда рѣшиться, не опасаясь ошибки, утвердить такія доказательства, по одному изслѣдованію обстоятельствъ, если строго соображаться при томъ съ совѣстью и съ правилами основательнаго разсужденія), но чтобъ не поощрить къ непризнательности, палата полагала сослать тѣхъ людей по крайней мѣрѣ на поселеніе; но и того, говорила она, по законамъ сдѣлать не можно; ибо они въ повальномъ обыскѣ неопорочены; а съ мнѣніемъ своимъ о томъ, съ коимъ согласился и Губернаторъ, представила Сенату.

Что жъ Сенатъ сдѣлалъ?—Большая часть утвердила заключеніе уѣзднаго суда; я съ своей стороны далъ голосъ, что не слѣдуетъ и разматривать такого дѣла, по коему и приговора законнаго не сдѣлаю, и что его должно возратить въ Палату съ выговоромъ ей и Губернатору; ибо спрашиваться дозволяется о томъ только, на что нѣтъ законовъ, а на всѣ уголовныя и сему подобныя дѣла, законы весьма ясны и достаточны. Итакъ, чтобъ она сама прежде поставила надлежащее по оному дѣлу рѣшеніе, которое и будетъ имѣть теченіе законное.

Споръ этотъ былъ, помнится, послѣдній отъ меня въ 6-мъ Департаментѣ, и къ удивленію, конечно, ни одинъ не произвелъ въ немъ больше пустого противъ меня шума.

Много участвовало уже тогда въ такихъ несогласіяхъ, учрежденіе раздачи прежде слушанія дѣлъ извѣстныхъ изъ нихъ записокъ.—Въ

собраніяхъ Сената уже не разсуждали объ дѣлахъ, а высылали записки съ мнѣніями на скорую руку написанными; или прїѣзжали съ готовыми въ засѣданіе и, не обременяя себя дальнѣйшими разсужденіями. соглашались съ большимъ числомъ мнѣній, или съ кѣмъ больше понравится (я имѣлъ честь не быть уже въ такихъ угодныхъ) или весьма съ предложеніемъ оберъ-прокурора, и тому подобными отношеніями.

Впрочемъ утвержденіе сихъ записокъ весьма полезно, если бѣ всегда сохранялась прямая цѣль его: и оно какъ учрежденіе консультаціи, дѣлаетъ честь предприимчивому, къ общему благу усердному министру и большому генію-поэту, который представлялъ о сихъ учрежденіяхъ. Скажу только, что не соблюлъ онъ тутъ должной вѣжности къ формѣ, которая, однако, во многомъ заслуживаетъ священнаго уваженія.

Такимъ перемѣнамъ въ Сенатѣ прилично выходить по Именнымъ подписаннымъ указамъ, а не по докладамъ министровъ, или Генераль-Прокуроровъ. Доклады пристойно министрамъ подавать о тѣхъ Департаментахъ, коими они управляютъ; а Сенатъ Государь удостоиваетъ своимъ предсѣдательствомъ, и конечно Ему извѣстно должно быть особливо все, что относится къ образу производствъ и правилъ Сената, который есть то верховное правительствующее судилище, коего распространеніе правъ внесено и въ хронологію вещей достопамятныхъ.

Но не министръ оный началъ, и не онъ послѣдній не соблюдалъ той, по мнѣнію моему, почтенной вѣжности, о которой я сказалъ.

Итакъ вышесказанная мною новость въ 6-мъ Департаментѣ очень затрудняла меня. Я выбралъ самую, по мнѣнію моему, лучшую въ такихъ случаяхъ сторону, омывая по крайнѣй мѣрѣ свои руки, и подавая голоса крѣпко держался ихъ, какъ и всегда.

Иные соглашались со мною, но если бѣ и никто не соглашался, то это не можетъ благомыслящаго человѣка отвести отъ справедливаго мнѣнія. Мнѣ часто говаривали (что сладко и повторять?) „вѣдь—не будетъ же по твоему“. Какъ будто надобно рѣзать и грабить людей потому, что многіе ихъ грабятъ и рѣжутъ?

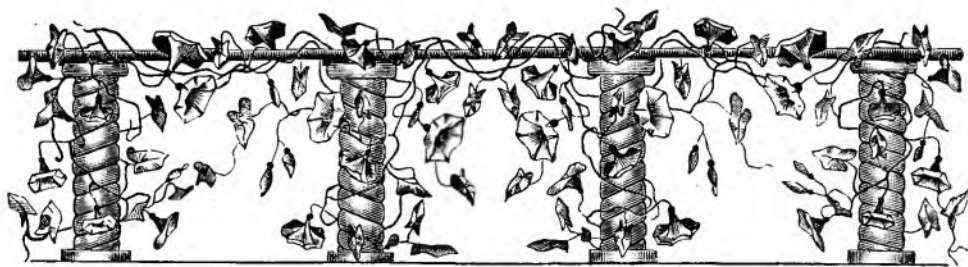
Однако, больше нежели вѣроятно, что оные споры мои были причиною, что при новомъ росписаніи сенаторовъ, очутился я въ 8-мъ

Департаментъ, въ которомъ слишкомъ довольно сенаторовъ было, и къ дѣламъ котораго я совсѣмъ не имѣлъ привычки.

Хотя Министръ Юстиціи на очень рѣзкое письмо мое о томъ къ нему, отвѣчалъ мнѣ: „что самъ Государь изволилъ меня назначить— а онъ только тому радовался, желая, чтобъ все лучшіе Г. Г. Сенаторы были въ апелляціонныхъ Департаментахъ, гдѣ больше соблазновъ“, но я не могу повѣрить, чтобъ сей родственникъ и, впрочемъ, конечно доброжелатель мой, не участвовалъ въ томъ переводѣ меня и съ своей стороны. Отдавая всю справедливость сему отлично проищательному, опытному въ службѣ и дѣятельному министру, знаю однакожь, что неуступчивые очень ему неприяты.

Сначала недолго я присутствовалъ въ 8-мъ Департаментѣ. Особое порученіе отлучило меня на нѣсколько мѣсяцевъ отъ Москвы.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРИИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

Царица Марія Петровна Шуйская.

Печатаемые нами документы интересны съ бытовой стороны: они ярко показываютъ, какая атмосфера злобы и зависти охватила общество въ смутные дни. Мы видимъ до чего пало общество, высшіе члены котораго сводили свои мелкіе личные счета и старались унижить тѣхъ, которыхъ уже и такъ не пощадила жизнь.

Семнадцатаго Іюля 1610 г. былъ низложенъ царь Василій Ивановичъ Шуйскій, черезъ два дня корона Московскаго царства была замѣнена монашескимъ клобукомъ для несчастнаго царя и царицы Маріи, урожденной княжны Вуйносовой-Ростовской, но этимъ не кончились злоключенія несчастныхъ Шуйскихъ;—царь Василій осенью того же года былъ отправленъ въ Польшу въ качествѣ плѣнника и претерпѣвши рядъ униженій умеръ въ 1612 г. въ Густынскомъ замкѣ, а царица Марія, за 1¹/₂ года только передъ тѣмъ вышедшая замужъ, а теперь заключенная въ Ивановскомъ монастырѣ, переживала издѣвательства надъ собою недавнихъ своихъ подданныхъ.

Печатаемые нами документы, извлеченные изъ Московскаго архива Министерства Императорскаго Двора (столбцы 36217-й и 36229-й), рисуютъ намъ яркую картину того, какое униженіе пришлось пережить несчастной царицѣ, обвиненной въ расточеніи государевой казны— „сколко княжъ Васильева княгиня Шуйскаго Государевы казны покрала.“ Дѣло это было поднято митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ Пафнутіемъ и князьями Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ *) и Василиемъ Михайловичемъ Мосальскимъ—эти имена объясняютъ намъ

*) Сестра князя Ивана Семеновича—княжна Марія Семеновна была замужемъ за братомъ царицы, княземъ Иваномъ Петровичемъ Вуйносовымъ-Ростовскимъ.

многое въ самомъ возбужденіи этого грязнаго дѣла;—митрополитъ Пафнутій принадлежалъ къ лицамъ близкимъ къ Лжедимитрію, князь Куракинъ былъ открытымъ сторонникомъ Сигизмунда, а князь Мосальскій, измѣнившій царю Борису и перешедшій на сторону Самозванца, а затѣмъ примкнувшій и къ Тушинскому вору былъ далеко не твердъ въ своихъ взглядахъ и симпатіяхъ; все это были такіе господа, отъ которыхъ женѣ Шуйскаго ждать чего-нибудь хорошаго было невозможно. Не спасли ее отъ злобныхъ навѣтовъ ни ея недавнее царственное положеніе, ни монашескій клубокъ насильственно возложенный на ея голову.

На распросы своихъ судей бывшая царица отвѣчала, что она не можетъ помнить кого мужъ ея и она сама жаловали и что „Рострига былъ не лучше насъ, да его дачи не у кого не емлютъ“: укоряла она бояръ, что они ее позорять и грабятъ и выразила надежду, что опять будетъ жить съ царемъ, но получила отвѣтъ, что она „слово говорить непригожее, мужъ еѣ и она пострижены, какъ тому статись, что жить въ мире по прежнему.“

Документы не даютъ намъ окончанія этого дѣла, изъ него видно только, что нѣкоторыя изъ вещей, пожалованныхъ бывшей царицей, были отобраны отъ ихъ владѣльцевъ, и какъ далеко зашли въ своей мести Куракинъ и Мосальскій съ Пафнутиемъ мы не знаемъ, во всякомъ же случаѣ, если они хотѣли унижить царицу Марію Петровну, то они этого, конечно, достигли вполне.

Царица Марія скончалась въ 1626 году, переживъ на четырнадцать лѣтъ своего несчастнаго супруга.

Л. М. Савеловъ.

(л. 1-й) 119-го ноября въ 1-й день Митрополиту Пафнутью да архимариту Ферапонту да бояромъ князю Ивану Семеновичюну¹⁾ да князю Василью Михайловичу Мосальскому съ товарищи сказывала казначея Анна Шестакова что княгиня Соломанида Бахтеярова²⁾ жила у княжъ Васильевы книгини Шуйского блиско и Государеву казну хоронила.... хто то не вѣдаетъ вся ли та Государева казна которую она хоронила у неѣ взята а начинаетца того что она вѣдаетъ и иную хороненую казну.

Ст. № 36217-н
Оп. № 23
Годъ 119.

¹⁾ Куракину.

²⁾ Вѣроятно жена боярина Владиміра Ивановича.

И по княгиню Соломониду посыланъ шаверъ казаковъ.

И бояре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ говорили княгине Соломониде княжъ Васильева княгиня Шуйского сколько Государевы казны покрала и кому давала хоронити или въ прокъ кому давала тобъ все сказала вправду.

И княгиня Соломонида въ роспросе сказала что князь Васильева Шуйского княгиня Марья давала ей хоронити Государевы казны золотые и иную ружлядь и у неѣ то все и взято а болши тово у неѣ нѣтъ и гдѣ будетъ что схоронено или кому давано тово не вѣдаетъ. И бояре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ съ товарищи говорили княгине Соломониде сказываетъ она что княжъ (л. 2-й) Васильева княгиня Шуйского кому давала Государевы казны хоронити и въ прокъ тово не вѣдаетъ а ей самой многую казну давала.

И княгиня Соломонида подала перстень золотъ а въ немъ яхонтикъ червчатъ.

И бояре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ посылали на княгининъ дворъ шавра казаковъ а велѣли ему княгининыхъ людей взяти и привести къ себѣ для роспросу.

И того жъ дни шаверъ казаковъ къ бояромъ ко князю Ивану Семеновичу да ко князю Василью Михайловичу съ товарищи привелъ княгини Соломаниды жонку Федоску а сказалъ что oprичъ тоѣ жонки у неѣ нѣтъ.

И бояре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ съ товарищи спрашивали жонку Федоску накрепко и пыткой стращали чтобъ сказала вправду княгиня Соломанида ко князе Васильеве княгине Шуйского ково посылавала ль и что у неѣ Государевы казны жемчугу и каменя и платья и всякой ружляди схоронено и старица Улѣи Боранова отъ княгини Соломаниды ко княгине Шуйской о чемъ посылавала ли и гдѣ ныне племянникъ еѣ Данило Елизаровъ да человекъ еѣ Наумко и Федоска сказала что княгиня Соломанида къ Шуйской княгине старицы Улѣи Борановы ко княгине Шуйской ни (л. 3-й) о чемъ не посылавала а тоѣ Улѣю видѣла она Федоска у церкви и ни чего съ нею не говаривала а Данило поѣхалъ на службу городомъ а Наумко де княгининъ человекъ збѣгъ безъ вѣдома а Го-

сударевы казны никакіе рухляди она у княгини Соломаниды не видала и ни у ково не вѣдасть.

И жонка Федоска дана держать сотнику стрелецкому Баушу (л. 4-й) ноября въ 2-й день митрополить Пафнотей да архимандрить Ферафонть да бояре князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ да князь Расилей Михайловичъ Мосальской съ товарищи писали въ царицыне полате что противъ мастерскіе да въ той же полате взяли въ ящике казначей Анны Шестаковы да Ульяны Орловы приходные и расходные памяти и росписи Государеве казиѣ у кого что схоронено а въ памятехъ пишеть.

(л. 5-й) И бояре князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ да князь Василей Михайловичъ Мосальской съ товарищи выслушавъ казначѣи Ульяны Орловы приходныхъ и расходныхъ памятей ведѣли ис тѣхъ памятей приходъ и расходъ выписати.

И въ тѣхъ памятехъ написано въ приходе.

Казначѣи Ульяна Орлова взяла денегъ у казначѣи у Анны Шестаковы 20-ть рублей 18-алтынъ 2 денги.

У Ивана Чепчугова 56 рублей.

У Парасковьи Колычовы 50 рублей.

У Фетиньи великой взято 90 рублей.

У князь Василья Буйносова 13 рублей 2 гривны.

У княжны Ромодановскіе 6 рублей.

У Ивана Федорова 99 рублей 23 алтына 2 денги.

У Неустроевы жены 16 рублей 20 алтынъ.

А объявились тѣ денги въ расходъ что взялъ у неѣ Гордюша ко Государю царицыныхъ 16 рублей 20 алтынъ а денги тѣ что Неустроева жена принесла.

Да на томъ же столбцѣ написано нижъ того подъ иными расходы положено рубль 4 алтына въ то сто что Неустроева жена принесла не полно сто.

(л. 6-й) А въ приходѣ тѣ обѣ статьи написаны и того не вѣдамо тѣхъ денегъ сто ли рублей у Неустроевы жены взято или 116 рублей 20 алтынъ.

А въ роспросѣ Ульяна Орлова сказала что она у Неустроевы жены взяла 116 рублей 20 алтынъ а у той де Неустроевы жены про-

дажа была многая а продавалъ де у неѣ дядя еѣ князь Васильева старова двора Богданъ Чулковъ.

(л. 7-й) И по Неустроеву жену посыланы Василей Толстой да гость Иванъ Сверчковъ.

И Василей и Иванъ сказали что они по Неустроеву жену ходили и еѣ де привести нельзя для того что болна родила недавно ребенка а привели мужа еѣ Неустройка Злобина.

А въ роспросѣ Неустройко Злобинъ сказалъ гдѣ что схоронено или что кому дано Государевы казны то всево не вѣдаетъ.

И бояринъ князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ съ товарищи говорили Неустройку сказываетъ онъ что про Государеву казну ничего не вѣдаетъ а жена его была въ постелницахъ и жемчугъ и каменя продавала многое а продала сама а иную продавалъ дядя еѣ Богданъ Чулковъ а онъ то все вѣдаетъ же.

И Неустройко всего того запырался а послѣ того сказалъ женѣ его княжъ Васильева княгини Шуйского жемчугъ продавать велѣла и она по еѣ веленю и продавала и Богдану Чулкову продавать давала а сколько денегъ за что взяла и тѣ денги отдавала казначѣемъ а что будетъ ныне у княжъ Васильевы княгини Шуйского что какіе рухляди схоронено тово не вѣдаетъ потому что онъ живетъ своимъ (л. 8-й) дворомъ а у княгини де ныне живетъ Неустройко Зевакинъ з женою а жена де ево была въ постелницахъ же.

И бояре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ въ Ивановской дѣвичь монастырь ко княжъ Васильеве княгине Шуйского посылавали Василья жъ Толстова да гостя Ивана Сверчкова а велѣли имъ взяти Неустройка Зевякина да жену ево Марью для роспросу.

И того жъ дни Василей Толстой да гость Иванъ Сверчковъ къ бояромъ ко князю Ивану Семеновичу да ко князю Василью Михайловичю привели Неустроеву жену Зевякина Марью а про Неустройку сказали что ево не сыскали.

И бояре князь Иванъ Семеновичъ и князь Василей Михайловичъ спрашивали постельницу Марью накрепко и пыткую стращали сколько

князь Васильева княгиня Шуйского Государевы казны покрала и кому давала хоронити или въ прокъ кому давала тобъ все сказала вправду.

И постельница Марья сказала что она у князь Васильевы княгини Шуйского у Марьи была въ постельницахъ (л. 9-й) и кому она что давала Государевы казны хоронить и впрокъ тово она не вѣдаетъ а вѣдаютъ про Государеву казну боярыни и казначѣи которые у неѣ блиско жили.

И постельница Марья дана держать.

А Богданъ Чулковъ сидитъ у пристава у стрелецкой головы у Ивана Толстова и велено его привести къ роспросу къ бояромъ.

И всего въ приходъ у Ульяне Орловы 452 рубли 10 денегъ.

И ис того числа въ расходъ.

Князь Иванъ Буйносовъ *) взялъ 22 рубли.

Иванъ Чепчуговъ взялъ ко князю Василью Шуйскому 73 рубли 26 алтынъ 4 денги.

Гордюшка Мандрыкинъ взялъ ко князю Василью Шуйскому 16 руб. 20 ал.

Парасковье Колычеве 19 рублевъ.

Да въ мелкихъ статьяхъ въ расходъ 121 рубль 21 алтынъ 2 денги (л. 10-й) И всего въ расходъ 253 рубли 8 алтынъ.

И нѣтъ въ расходъ противъ приходу 198 рублевъ 27 алтынъ.

И казначѣя Ульяна Орлова била челомъ бояромъ князю Ивану Семеновичю да князю Василью Михайловичю съ товарищи а сказала что у ней въ расходъ денги всѣ противъ приходу да не все записано потому что записать было у ней некому.

А у казначѣи у Анны Шестаковы по расходной памяти въ расходъ 2070 рублевъ 21 алтынъ 4 денги.

И бояре князь Иванъ Семеновичъ да князь Василей Михайловичъ съ товарищи спрашивали казначею Ульяну Шестакову много ли у ней денегъ въ приходе было и есть ли у ней тѣмъ денгамъ приходъ записанъ.

И казначѣя Анна Шестакова сказала приходныхъ памятей денгамъ у ней нѣтъ а имела она денги въ расходъ княгини Шуйскіе а что возметь то и въ расходъ отдасть и въ тѣхъ денгахъ считала еѣ княгиня же Шуйскаго (л. 11-й) И бояре князь Иванъ Семеновичъ да

*) Братъ царицы.

князь Василей Михайловичъ спрашивали казначѣю Анну Шестакову что по еѣ скаске посланъ ко княгине Орине Буйносова¹⁾ и ко княжне Марфе для серегъ Василей Толстой что дала имъ княгиня Марья Шуйского серги и княгиня Орина сказала что царица дала ей одни серги продавать а иныхъ не даывала а княжна Марфа сказала что ей царица Марья никакихъ серегъ не даывала.

И казначѣя Анна сказала что купилъ у царицы Марьи князь Василей Буйносовъ²⁾ дочери своей княжне Марфе серги двоечки лалы да яхонты далъ 20 рублевъ да княгиня жъ Марья дала княжне Марфе серги яхонты лазуревы а хотѣла ей тѣ серги зачести за долтъ за 50 рублевъ что занято у отца еѣ у князь Василья 500 рублевъ а княгине Орине дала Шуйского княгиня одни серги про которые прежь того сыскъ былъ что дала ей продавать а иныхъ серегъ ей oprичъ того не даывала а ныне тѣ серги у старицы у Шуйскіе (л. 12-й) а ко княгине Орине да ко княжне Марфе посылали бояре Дмитрея Ковезина чтобъ оне тѣ серги и иную всякую рухлядь что давала имъ княжъ Васильева Шуйского княгиня Марья.....

И казначей Анна и Ульява сказали чево они въ прежнихъ роспросехъ боярину князю Ондрею Ондреевичю Телятевскому съ товарищи сказать процамятовали а ныне вспомнятъ и они одноконечно того не утаятъ кому что дано или гдѣ что схоронено все подлинно написавъ учнуть памяти приносити.

А Дмитрей Ковезинъ сказалъ ходилъ де онъ ко княгине Орине Буйносове да ко княжне Марфе и говорилъ имъ чтобъ они прислали къ сыску серги и всякую рухлядь что давала имъ княгиня Марья Шуйского и княгиня де Орина Буйносова сказала дала де ей княгиня Шуйского продать серги двоечки лалы съ яхонты на золотѣ и она тѣ серги не продала да какъ княжъ Васильева княгиня Шуйского съѣхала на старой дворъ и она тѣ серги опять отдала царице да про то сказывала она напередъ сего боярину князю Ондрею Ондреевичю Телятевскому съ товарищи а иныхъ у неѣ серегъ и никакіе рухляди нѣтъ.

А княжна Марфа сказала что княгиня Марья Шуйского серегъ яхонтовъ лазоревыхъ ей не даывала.

¹⁾ Вдова родного дяди царицы князя Василія Ивановича Буйносова-Ростовскаго.

²⁾ Князь Василій Ивановичъ 1602 г.

(л. 13-й) 119-го ноября въ 4-й день къ бояромъ ко князю Ивану Семеновичу Куракину да ко князю Василью Михайловичю Мосалскому съ товарищи думной..... Степанъ Соловецкой привелъ отъ бояръва да гостя Ивана Юрьева..... Порывкина а сказалъ били челомъ..... гости на Федора о обидахъ да тутъ..... межъ себя и приказали Государевы казны про прописные книги (зачеркнуто: „же говорили межъ себя про Государево дѣло“) и бояре ихъ велѣли роспросити да что будетъ межъ..... про Государеву казну и про книгиетца Государево дѣло и то записать.

И бояре князь Иванъ Семеновичъ да князь Висилей Михайловичъ съ товарищи Федора Янова и гостей Ивана Юрьева и Богдана Порывкина спрашивали.

А въ роспросѣ гости Иванъ Юрьевъ да Богданъ Порывкинъ сказали какъ де послѣ ростиги велѣли п.....ти Гусудареву казну князь Василей Шуйс..... Ивану Колычеву да Федору Янову..... Меншому Булгакову да Матвѣюеиникову да имъ гостемъ Ивану Юрьеву Богдану Порывкину Ивану Кошюрину Ивану Юдину Максиму Твердикову и они де писали всѣ вмѣсте и печатали палату Иванъ да Федоръ а они гостиприкладывали съ ними жъ а приказъ де былъ Шуйскаго что было имъ книга и руки прикладыва.. И имъ де рукъ прикладывати къ книгамъ Федоръ и дьяки не дали а здѣлали книги каковыя надобе а надобе а начаютца они въ томъ отъ Федора и отъ дьяковъ вороства.

(л. 14-й) А Федоръ Яновъ сказалъ приказъ князя Василья Шуйского былъ что было къ тѣмъ книгамъ руки прикладывати гостемъ толко въ тѣ поры было руки прикладывати какъ пересмотря всю казну поамъ и казны де Шуйской не сматривалъчто послѣ переписи почаль быти той казне ...ход великой и въ жалованье а печатали де казну гости не всѣ одинъ Иванъ Юрьевъ а и пи..... гости не всѣ ходили по перемѣнамъ ...по два и по три а какъ де казну переписали и тоѣ де казну печаталъ Шуйской самъ.

Да гости жъ Иванъ Юрьевъ да Богданъ Порывкинъ сказали ималъ де съ казеннаго двора у Федора Янова гость Ондрей Юдинъ суды серебряные въ дѣло на денги и отписи тѣмъ судомъ Федоръ Яновъ Ондрею Юдину съ товарищи давали а послѣ того опять у нихъ того своего писма просилъ назадъ невѣдомо для чево а начаютца тогоФедоръ Яковъ и казенные дьяки меншида Матвѣй Коробейниковъ Государевою казною корыстовались.

А Федоръ Яковъ сказалъ что онъ гостюЮдину въ Государевыхъ судѣхъ въ серебряныхъ отписей не даывалъ, а давалъ онъ Андрею росписи Государевымъ судомъ серебрянымъ кои ковали въ дѣла выдать судовъ и что въ нихъ вѣсу было по чему бѣ имѣ имати опять денги противъ серебра а у него у Федора противъ тѣхъ росписей книги подлинныя были да въ томъ слался на Ондreja Юдина что опричь росписей какъ суды посыла.....писей не даывалъ.

(л. 15-й) Память Ульяне Фроловѣ расходъ денгамъ пятидесять рублемъ что Государыня взяла у Парасковьи Колычевы дано по князе Петре Ивановиче¹⁾ 4 рубли двадцать три алтына двѣ денги декабря въ девятый на десятъ день да ходила Государыня Петру Чудотворцу молится дала на молебенъ два рубля да на милостину полтина да на чудотворцову память Петрову на молебенъ крестовый въ хоромахъ двѣ гривны да Екатерининскимъ попамъ пожаловала Царица двѣ гривны того жъ дни на милостину полполтины да на молебенъ на Рождество Христово крестовымъ на молебенъ двѣ гривны да Екатерининскимъ попомъ двѣ гривны Рождественскимъ попомъ на молебенъ же полполтины да на милостину полтора рубли да Фетинья великая взяла полтину декабря въ 27-й день Государыня пожаловала мастерицѣ на похороны рубль да мастерицамъ полтину да княгиня Соломонида взяла полполтины Неустроеву сыну пять алтынъ да Аннину племяннику двѣ гривны генваря въ первый день на молебенъ четыре гривны да на милостыню 9 алтынъ Марьѣ Зевякиной рубль генваря въ третій день князю Ивану Петровичу два рубли по.... послѣ крещенья на третій день на милостыню десять алтынъ какъ на крещенья какъ пѣли часы царскіе протопу полполтины въ тотъ же день на молебенъ 4 гривны того жъ дни на румянецъ да на мыло 4 алтына въ 12 день генваря взяла княгиня Овдотья Прозоровская на цку кишную 3 рубли генваря въ 17-й день на милостыню двѣ гривны генваря въ 18-й день дано князь Васильеве княжне Ивановича Буйносова полтина да княжне Касаткине рубль на молебенъ да на милостыню четыре гривны Генваря въ 27-й день тѣхъ же денегъ Анна Шестакова взяла пять рублевъ а отослала Живоначальной Троицы къ Олге Борисевне²⁾ да Анна же взяла два рубли дала князю Ивану Петровичу да генваря въ 29 день въ воскресенье на Злотоустовъ день на милостыню десять алтынъ того же дни на молебенъ полполтины генваря въ 30-й день взяла княгиня Софья осмнатцать алтынъ х кишному очелью да подѣ Стрѣтеневый день въ среду на милостыню двѣ гривны да на Стрѣтеневъ день на

¹⁾ Отецъ парицы князь П. И. Буйносовъ-Ростовскій.

²⁾ Царевна Ксенія Борисовна Годунова.

(л. 16-й) молебень въ хоромехъ десять алтынъ да на завтрея воскресенье на молебень пять алтынъ да на милостыню пять алтынъ да на заговелной недѣли тритцать алтынъ на пухъ да двѣнадцать алтынъ за сани да два рубли въ тюрьму на заговелной недѣли передъ масленицею да тѣхъ же денегъ на милостыню въ тюрьму 4 рубли да свѣт-лишному сторожу двѣ гривны да тѣхъ же денегъ Ульяна отдала Парасковье Колычевы 9 рублевъ да десять рублевъ лѣтничныхъ денегъ.

(л. 1-й) 119-го октября въ 27-й день Митрополить Пафнотей да архимандрить Ферапонть да бояре князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ да князь Василей Михайловичъ Мосалской съ товарищи смотрили Царицины казны по списку переписи Кузмы Безобразова да дьяка Ивана Федорова и въ томъ списке написано

Ст. № 36219-й
Оп. № 23-й
Годъ 119-й

Н а р я д ъ

Серги двочки лалы съ яхонты на золотѣ.

Серги яхонты лазоревы на золоте.

И тѣхъ серегъ на лицо нѣтъ.

А въ роспросѣ казначѣя Анна Шестакова сказала что тѣ серги двочки княжъ Васильева княгиня Шуйского отдала княжъ Васильеве Буйносова княгине Орине а другіе серги яхонты лазоревы отдала патчереце еѣ княжне Марфе

И бояре князь Иванъ Семеновичъ да князь Василей Михайловичъ съ товарищи говорили казначеємъ Анне Шестакове да Ульяне Орлове чтобъ они сказали вправду сколько княжъ Васильева княгиня Шуйского Государевы казны покрала и кому давала хоронити или въ прокъ кому давала тобъ все сказала вправду а не скажутъ правды и имъ быти пытаннымъ

(л. 2-й) И бояре князь Иванъ Семеновичъ да князь Василей Михайловичъ съ товарищи выслушавъ памятей спрашивали казначей Анны Шестаковой да Ульяны Орловы гдѣ та рухлядь ныне что поставлена была у Фетиньи великой да у Парасковьи Колычевы и есть ли у нихъ книги приходные и расходные противъ тѣхъ памятей у ково что взято и кому сколько дано.

И казначей Анна и Ульяна сказали что тое рухлядь что поставлена была у Фетиньи у Парасковьи ставили какъ воры были сперва подъ Москвою да тое рухлядь она и взяла назадъ а книгъ де приходныхъ и росходныхъ у нихъ нѣтъ а тѣ росписцы писали себѣ для памяти.

И бояре посылали къ старице Марфе Шуйской дьяка Семейку Еуфимьева для гостя Ивана Юрьева а велѣли ей говорити прежь того хотѣла она прислати роспись написавъ у ково сколько какіе рухляди схоронено да и по ся мѣста не присылывала и она бѣ ныне дала роспись сколько у ково какіе рухляди схоронено или что кому дано и хто у неѣ какую рухлядь продавалъ и на какіе расходы денги шли и есть ли тому приходные и росходные книги.

И того жъ дни дьякъ Семейка Еуфимьевъ и Иванъ Юрьевъ къ старице Марфѣ ѣздили и спрашивали.

(л. 3-й) И старица княгини Марфа Шуйского сказала что у Парасковьи Калычовы да у Фетиньи великой была казенная рухлядь а давала она въ тѣ поры какъ пришолъ воръ сперва къ Москвѣ да и опять назадъ взяла а отдавала тоѣ рухлядь и имала назадъ по еѣ приказу казначея Ульяна Орлова а была у Фетиньи всего столовые сундуки да сорочки а у Парасковьи ящикъ не великъ кипарисной со кресты а болши де тово у нихъ ничего не было да у Фетиньи жъ де было 2 сорока соболей и она де тѣ два сорока отдала княжнамъ да именно дала одну прозоровскую а другіе не сказала а говорила малоли ково мужъ мой и я жаловали да не у всѣхъ поймать рострига былъ не лучше насъ да его дачи не у кого не емлютъ

а межъ нами кому было у насъ третьему быть а ныне что еѣ бояре и оманываютъ просятъ росписи а сами у всѣхъ у ково что было положено все поимали а будетъ не вѣрятъ и она скажетъ подлинно у княгини Прозоровскіе была коробка з золотомъ да съ шолки да платейцо дочери еѣ княгини Соломонида Бахтеяровы 1300 золотыхъ да рясы да 3-и серги у княгини Анны Урусовы коробка съ рухлядью и у тѣхъ у всѣхъ и поимано а болши тово она ни у ково ни чево отнюдь не харанивала а и то взяла была проча своей дочери надѣяся на то (л. 4-й) послѣ Бориса жена многую казну поимала о чемъ не сыскивала а рострига кому что давалъ почему назадъ неемлютъ да спрашивала о томъ есть ли отъ короля къ бояромъ листъ что еѣ позорить и грабить а будетъ и есть и ей хотя и невелитъ Богъ жити з Государемъ по прежнему и Государь за неѣ вступитца не покинетъ его король.

И Семейка и Иванъ говорили что она то слово говорить не пригосее мужъ еѣ и она пострижены какъ тому статись что жить въ мире по прежнему.

И старица говорила учну и зватись черницею какъ вы всѣ увидите то надъ собою а изговоря отдала серги яхонты да лалы двоечки что было дала продавать княжъ Васильеве княгине Буйносова.

И тѣ серги у ней взяты.

А про продажную рухлядь сказала что продано всякіе рухляди у неѣ на 12000 рублевъ а продавали у неѣ боярыни которые жили вверху и постельницы а денги приносили къ ней а она тѣ денги отдавала мужу своему а иногда имали къ нему отъ неѣ.

(л. 5-й) Иванъ Чепчуговъ да Измайловы да князь Семень Прозоровской а шли тѣ денги въ расходъ немцомъ и на жалованье дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людемъ и есть ли будетъ тѣмъ денгамъ расходъ у розрядныхъ дьяковъ тово не вѣдаетъ а у неѣ той продажи книгъ и денгамъ приходу и расходу нѣтъ.

(л. 6-й)я въ 30-й день бояромъ князю Ивану Семеновичу Куракину да князю Василью Михайловичу Мосальскому съ товарищи Фетинья великая сказала въ роспросѣ что пороли жемчугъ з Государева и Царицына платья и съ круживъ и со всякіе рухляди она Фетинья и иные боярыни да княгини Прозоровская Парасковья Колычева и тотъ жемчугъ продавали Царицынъ сынъ боярской Микита Мочаловъ да истопникъ Ивашка Бахаревъ а она продавала жемчугу золотниковъ со сто а кому продала и что денегъ взяла и куды тѣ денги шли въ расходъ.

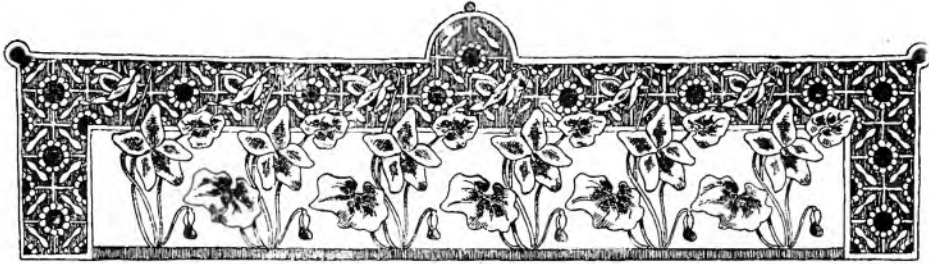
(л. 7)..... не есть письмо а продавалъ у неѣ тотъ жемчугъ человекъ еѣ Матюшка Братковъ по 24 алтына золотникъ а денги взяла казначея Анна Шестакова а тотъ человекъ еѣ ныне въ Старице деревне а письмо у него тому что кому продалъ есть да ей же велѣла княгиня продать двои серги одни яхонтъ лазуревъ а другіе лалы а велѣла было взять по 40 рублевъ за серги и она взяла за нихъ 90 рублевъ а носилъ ихъ продавать Ивашко Бахаровъ къ Овдотье Морозовой и Овдотья то вѣдаетъ кому тѣ серги проданы а денги она отдавала княгине Марье о отъ княгини Шуйскіе ко князю Василью денегъ отдано съ 17000 рублевъ а денги ималъ ко князю Василью князь Семень Прозоровской да Иванъ Чепчуговъ да Гордюшка Мандрыкинъ.

Да она жъ сказала что

княгине Прозоровской дано лѣтника съ три и съ четыре и ожерелье жемчужное да Ромодановской княжне также дано.

А продавали всякое узорочье княгини Соломанида да княгини Софья Бахтеярова да Просковья Колычева и постельницы всѣ продавали а Микита Молчановъ на одной недѣлѣ продавалъ тысячи по двѣ а послѣ роспросу де велено быти у Фетиньи въ приставстве Федору Хрипунову (л. 8-й) Октября въ 31-й день мастерицы Марфа Березникова да Люба ...ова сказали что князь Васильева княгиня Шуйскаго.... матери своей княгине Марфе Буина..... сестрѣ своей князь Ивана Воротынскаго княгине да князь Дмитріеве княгине Шуйскаго..... Катерине платя низаное жемчюгомъ и съ тѣхъ платевъ пороли жемчугъ на подворьяхъ и тотъ жемчугъ продавали..... денги отдавали ль князь Васильеве княгине Шуйскаго или нѣтъ того не вѣдаютъ.

Новые материалы изъ раннѣйшей исторіи духоборческой секты

Приведенное опредѣленіе Сената состоялось 20-го Мая. Но исполненіе по этому опредѣленію послѣдовало мѣсяць спустя послѣ 20-го Мая. Вѣдніе Святѣйшему Синоду, а также указы Военной Коллегіи и Главной Дворцовой Канцеляріи были отправлены 19-го Іюня, а указы Воронежскому Губернатору, Опекунскому Совѣту Императорскаго Воспитательнаго Дома и вѣдніе въ Московскіе Сенатскіе Департаменты были отосланы по почтѣ 22-го Іюня. Когда былъ представленъ всеподданнѣйшій докладъ Императрицѣ,—указаній на это въ нашихъ документахъ не сохранилось: черновой всеподданнѣйшій рапортъ Сената не имѣетъ никакой даты. *)

Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Сенатъ учинилъ свое опредѣленіе; посланные имъ указы разнымъ учрежденіямъ и лицамъ стали уже приводиться въ исполненіе. Но 9-го Сентября послѣдовало нѣкоторое измѣненіе этого опредѣленія. Въ протоколѣ Сенатскаго Засѣданія отъ 9-го Сентября мы читаемъ:

„По указу Ея Императорскаго Величества. объявленному словесно чрезъ генерала-прокурора и кавалера, князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, коимъ по случаю учивеннаго въ Сенатѣ минувшаго Мая 20-го дня объ отсылкѣ оказавшихся въ Воронежской губерніи раскольниковъ малолѣтнихъ ихъ пяти лѣтъ и ниже дѣтей на воспитаніе въ Сиропитательный Домъ опредѣленія и посланнаго потому къ Воронежскому Губернатору указа, Ея Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволила: тѣхъ малолѣтнихъ, не отсылая въ Сиропитательный Домъ, раздать на содержаніе и воспитаніе той же губерніи въ дворцовыя и экономическія волости, въ которыхъ подобныхъ выше-

*) Мы не приводимъ этаго доклада во избѣжаніе повторенія, такъ какъ весь онъ представляетъ собой сокращенное изложеніе помѣщеннаго нами Сенатскаго опредѣленія.

писанныхъ раскольниковъ не имѣется. *Приказали:* о должномъ по тому Ея Императорскаго Величества Высочайшему Указу исполненіи къ Воронежскому Губернатору, Императорскаго Сиропитательнаго Дома въ Опекунскій Совѣтъ, въ Главную Дворцовую Канцелярію и въ Коллегію Экономіи послать указы, а въ Московскіе Сената Департаменты и во Святѣйшій Синодъ во извѣстіе сообщить вѣдѣнія.“

Что послужило причиной, заставившей сдѣлать это измѣненіе въ Сенатскомъ опредѣленіи 20-го Мая, мы не знаемъ: въ нашихъ документахъ нѣтъ никакихъ указаній по этому поводу. Намъ извѣстно только то, что указъ объ этомъ измѣненіи, отправленный Воронежскому Губернатору 18-го Сентября, былъ полученъ въ Воронежъ уже послѣ того, какъ здѣсь состоялось исполненіе Сенатскаго опредѣленія въ его первоначальной формѣ; указъ былъ полученъ тогда, когда поручикъ Воронежскаго баталіона Егоръ Дьячковъ и сержантъ штатной роты при Тамбовской Провинціальной Канцеляріи Дмитрій Старцовъ съ данными имъ „раскольническими дѣтьми“ отправились уже въ Москву для сдачи этихъ малолѣтнихъ въ Московскій Сиропитательный Домъ. Но въ Опекунскомъ Совѣтѣ Сиропитательнаго Дома къ тому времени, когда въ Москву прибыли Дьячковъ и Старцовъ, указъ объ измѣненіи Сенатскаго опредѣленія 20-го Мая былъ полученъ. По этому „раскольническія дѣти,“ привезенныя Дьячковымъ и Старцовымъ, здѣсь не были приняты. Дьячковъ и Старцовъ послѣ оказались въ крайне затруднительномъ положеніи, которое и побудило ихъ обратиться въ Правительствующій Сенатъ (Московскіе Департаменты) съ просьбой оказать имъ содѣйствіе для обратнаго отъѣзда ихъ съ „дѣтьми“ въ Воронежъ и Тамбовъ. Правительствующій Сенатъ приказалъ немедленно передать привезенныхъ дѣтей въ Коллегію Экономіи, съ предписаніемъ послѣдней, дабы она поступила съ этими дѣтьми согласно опредѣленію Правительствующаго Сената отъ 9-го Сентября.

Этотъ случай съ „раскольническими дѣтьми“ подробно изложенъ въ „вѣдѣніи“ изъ Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената въ Санктъ-Петербургскіе, отъ 18 Ноября, за № 1396: приводимъ это „вѣдѣніе“ полностью, въ виду любопытныхъ, заключающихся въ немъ, подробностей.

„Сего 1769-го года, Октября 5 дня, поданнымъ въ Правительствующій Сенатъ Воронежскаго баталіона поручикъ Егоръ Дьячковъ и Тамбовской провинціи штатной роты сержантъ Дмитрій Старцовъ доношеніемъ, —объявляя, что они сего отъ года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ

присланы—Дьячковъ отъ Воронежскаго Губернатора и кавалера Маслова, Старцовъ изъ Тамбовской Провинціальной Канцеляріи—въ Московскій Сиропитательный Домъ съ малолѣтними раскольническими дѣтьми, коихъ съ ними было: съ Дьячковымъ—восемь, съ Старцовымъ—осмнадцать: но какъ онѣ въ тотъ Домъ не приняты, а объявлено имъ отъ Совѣта, что о непріемѣ ихъ полученъ указъ, то и отправляются они обратно съ ними къ командамъ, о чемъ отъ того Совѣта къ Воронежскому Губернатору и въ Тамбовскую Провинціальную Канцелярію сообщенія за печатью съ ними посланы; а при отправленіи ихъ отъ командъ даны были подъ тѣхъ малолѣтнихъ до Москвы: Дьячкову—двѣ, Старцову—пять подводъ, и на нихъ прогоны, такожъ и кормовыя на каждаго человѣка по двѣ копѣйки на день, которыя и употреблены безъ остатку; и за издержаніемъ оныхъ, на чѣмъ ихъ до мѣстъ вести, подводъ и прологовъ и кормовыхъ денегъ Воспитательнаго Дома отъ Опекунскаго Совѣта имъ не дано,—просили, дабы для отвозу раскольническихъ дѣтей помянутое число подводъ опредѣлить и на нихъ, что надлежитъ, прогоны, такожъ и кормовыя—Дьячкову, за умертвіемъ одного, на семь, а Старцову на осмнадцать человѣкъ—откуда надлежитъ, повелѣно было выдать. И того жъ числа, по опредѣленію Правительствующаго Сената и по учиненной справкѣ, велѣно: хотя прежде указомъ Правительствующаго Сената изъ Санкт-Петербургскихъ Департаментовъ велѣно было Воронежскому Губернатору оказавшихся тамо раскольниковъ малолѣтнихъ ихъ дѣтей, пятилѣтнихъ и ниже, отослать на воспитаніе въ Сиропитательный Домъ, но послѣ Имяннымъ Ея Императорскаго Величества Высочайшимъ указомъ повелѣно: не отсылая, раздать ихъ на содержаніе и воспитаніе той же губерніи въ дворцовыя и экономическія волости; однакожъ, вышеписанные, какъ видно, до полученія послѣдняго объ нихъ повелѣнія сюда присланы, но въ Воспитательный Домъ не приняты; то въ предупрежденіе въ возвратномъ тѣхъ малолѣтнихъ отправленіи могущаго имъ приключиться какового-либо изнуренія, какъ то и во время везенія ихъ сюда изъ нихъ одинъ уже умеръ, Коллегіи Экономіи оныхъ малолѣтнихъ раскольническихъ дѣтей двадцать пять человѣкъ у поручика Дьячкова и сержанта Старцова, со всѣмъ имѣющимся при тѣхъ малолѣтнихъ, одеждою и обувью, принять немедленно въ свое вѣдомство и раздать на содержаніе и воспитаніе по разсмотрѣнію той Коллегіи вѣдомства своего крестьянамъ, на основаніи посланныхъ о тѣхъ раскольническихъ дѣтяхъ изъ перваго Правительствующаго Сената Департамента указовъ, о чемъ въ ту Коллегію, такожъ и для вѣдома къ Воронежскому Губернатору, въ Тамбовскую Провинціальную Канцелярію и Сиропитательнаго Дома въ Опекунскій Совѣтъ послать указы,

(которые того жъ Октября 7-го дня и посланы); и изъ оныхъ на указъ Коллегія Экономіи рапортомъ объявляла, что въ силу-де оного Правительствующаго Сената указа объявленныя раскольническія дѣти у предписанныхъ, поручика Дьячкова семь, а отъ сержанта Старцова пятнадцать, итого двадцать два человѣка, для раздачи вѣдомства коллежскаго крестьянамъ того жъ октября 8-го числа приняты, а при приѣмѣ не явилось трехъ человѣкъ, о которыхъ помянутый сержантъ Старцовъ объявилъ, что изъ оныхъ раскольническихъ дѣтей въ Сиропитательномъ Домѣ умре одинъ, а вмѣсто достальныхъ двухъ показаны отправленныя съ нимъ для присмотру двѣ женки. И по указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ приказали: объ ономъ Воронежскому Губернатору и въ Тамбовскую Провинціальную Канцелярію послать указы, (которые и посланы).“

При исполненіи Сенатскаго опредѣленія отъ 20-го Мая у Воронежскаго Губернатора произошло еще одно обстоятельство, о которомъ подробно сообщаетъ „вѣдѣніе“ Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената въ Санктъ-Петербургскіе Департаменты, отъ 27 Января 1770-го года, за № 64. Въ этомъ „вѣдѣніи“ мы читаемъ:

„По указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ, по доношенію Воронежскаго Губернатора, Генералъ-маіора и кавалера Маслова, которымъ объявляя, что хотя имъ, во исполненіе полученнаго изъ Правительствующаго Сената указа, и опредѣлено было изъ оказавшихся Церкви Святой противниковъ однодворческихъ замужнихъ четырехъ женокъ, для отвращенія ихъ отъ раскола и при соединенія къ Православію, отдать мужьямъ ихъ, а двухъ вдовъ—правовѣрнымъ постороннимъ людямъ, токмо изъ первыхъ трехъ мужья, а послѣднихъ двухъ вдовъ изъ правовѣрныхъ никто не взяли, а четвертую изъ замужнихъ, хотя мужъ ее, обратившійся по прежнему къ Святой Церкви, и взялъ было на поруки, но она по многому. какъ о томъ къ нему, губернатору. Воронежская Духовная Консисторія сообщила, его. мужа ее. старанію, а потомъ и по чинимому отъ священника увѣщаванію, отъ своего заблужденія не токмо отстаеть, но еще имѣющагося у нихъ пятилѣтняго сына таковому жъ заблужденію научаетъ, и когда онъ ее въ томъ не слушаетъ, то она его, во время онаго мужа ее изъ дома отлучки, бьетъ немилосердо, почему оныя и содержатся подъ карауломъ, и что со оными за отрицательствомъ отъ взятыхъ женокъ ихъ мужей, а вдовъ—правовѣрныхъ, чинить,—требовалъ указа. *Приказали:* означенныхъ женокъ, какъ замужнихъ. такъ и вдовъ, за необращеніе по упрямству ихъ къ Православію и за от-

рицательствомъ отъ взятія первыхъ мужей, а послѣднихъ—изъ правовѣрныхъ постороннихъ людей, Воронежскому Губернатору отдать, по рассмотрѣнію своему, на имѣющіяся въ городѣ Воронежѣ фабрики въ работу, кто ихъ взять пожелаетъ: если же изъ замужнихъ, будучи на фабрикахъ, отъ раскола не обратятся, а мужья ихъ къ сожитію съ ними впредь согласія не объявятъ, то въ такомъ случаѣ о разводѣ ихъ имѣть ему сношеніе съ тамошнимъ архіереемъ. О чемъ къ нему, губернатору, послать указъ, рекомендовавъ при томъ, чтобъ онъ впредь въ подобныхъ сему случаяхъ въ Сенатъ представленія чинилъ на основаніи указовъ съ приложеніемъ своего мнѣнія и въ тѣ точно мѣста, въ которые о чемъ слѣдуетъ. И о томъ къ нему, губернатору, указъ посланъ“.

Что изъ такихъ мѣропріятій выходило, точно неизвѣстно. Несомнѣнно только одно, что подобныя мѣры не могли остановить быстрого и широкаго распространенія Духоборчества среди простого крестьянства Тамбовско-Воронежскаго края. Сектантство росло и никакія мѣры, повидимому, не могли сдержать его бурнаго натиска. Вскорѣ же здѣсь были обнаружены новые послѣдователи этого сектанскаго ученія, что въ свою очередь вызывало и новое разслѣдованіе. На этотъ разъ однимъ изъ обнаруженныхъ сектантовъ является извѣстный Семень Уклеинъ, котораго обычно считаютъ основателемъ молоканства.

16-го Іюня 1770-года въ Сенатѣ было получено слѣдующее доношеніе Воронежскаго Губернатора Маслова:

„Тамбовская Провинціальная Канцелярія ко мнѣ доноситъ, что представленные при доношеніи: Тамбовскаго уѣзда, отступившіе отъ благочестія и хулители оного, одворцы: села Уварова Семень Уклеинъ, седа Лысыхъ-Горъ Алексѣй Тепляковъ отосланы были въ Тамбовскую Духовную Консисторію, ко обращенію въ правовѣріе для увѣщанія; изъ коихъ Тепляковъ отъ того заблужденія въ благочестіе попрежнему и обратился, представя при томъ письменно слѣдующее: „что онъ отъ истиннаго благочестія отступилъ по наученію означеннаго Уклеина, который объявлялъ и толковалъ ему, что въ рукотворенныя церкви ходить, и церковныя обряды почитать, и рукою на себѣ крестное знаменіе изображать и образамъ поклоняться грѣхъ есть, за тѣмъ, что будто бы въ Библии исполнять ничего того не велѣно. А вѣтъ онъ Тепляковъ, слыша Консисторское увѣщаніе, самъ собою, добровольно и безъ всякаго принужденія, все то его, Уклеина, совращеніе оставляетъ и желаетъ быть по прежнему въ истинномъ съ Православно-

вѣрующими благочестіи, и все повелѣнное почитаетъ,—въ церковь ходить, крестное на себя знаменіе изображать, и образамъ святымъ, писаннымъ на доскахъ, поклоняться, и у священника исповѣдываться и Святыхъ Таинъ приобщаться будетъ безъ всякаго отлагательства.“ Почему онъ и отпущенъ въ домъ его во упоминаемое село Лысыя-Горы. Вышеписанный же Уклеинъ, не слушая увѣщанія, остался въ своемъ заблужденіи; отъ роду имѣетъ онъ тридцать семь лѣтъ, а жена его и дѣти состоятъ въ правовѣрїи; то какъ указомъ изъ Правительствующаго Сената отъ 19-го Іюня 1769 года повелѣно со оказавшимися впредь въ таковыхъ преступленіяхъ поступать такимъ же порядкомъ, какое уже тѣмъ Правительствующаго Сената указомъ о подобныхъ сему преступникахъ положеніе сдѣлано, но прежде доносить оному Правительствующему Сенату. Чего ради, о семъ представля въ разсмотрѣніе, имѣю ожидать Ея Императорскаго Величества указа.“

Сенатъ, заслушавъ это доношеніе въ засѣданіи 19-го августа, опредѣлилъ: „съ означеннымъ однодворцемъ Уклеинымъ, буде онъ и понынѣ къ Святой Церкви не обратился и состоитъ въ томъ своемъ заблужденіи, поступить по точному содержанію вышеписаннаго, сдѣланнаго о таковыхъ подобныхъ ему преступникахъ, опредѣленія Сената отъ 20-го Мая 1769 года.“ О чемъ и были посланы указы Воронежскому Губернатору и Военной Коллегіи 13 Сентября 1770 года.

Всѣ обнаруженные сектанты, въ силу опредѣленія Сената отъ 20-го мая 1769 года, ссылались въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости. Этихъ отступниковъ отъ благочестія и хулителей православной вѣры здѣсь набралось такимъ образомъ довольно много; число ихъ нужно было опредѣлять цѣлыми сотнями. Нѣкоторые изъ нихъ подъ вліяніемъ увѣщанія мѣстной духовной власти бросали свои заблужденія и обращались въ Православіе, но громадное большинство ихъ продолжало оставаться при своихъ сектантскихъ воззрѣніяхъ. Въ Православіе возвращались по преимуществу люди старые и больные, неспособные къ военной службѣ и къ крѣпостнымъ работамъ. Эти лица являлись большимъ бременемъ для крѣпостнаго начальства, которое, не извлекая изъ нихъ никакой пользы, вмѣстѣ съ тѣмъ принуждено было расходывать средства на содержаніе ихъ въ госпиталѣ и на лѣченіе. Естественно поэтому, что оно обратило на это вниманіе и возбудило вопросъ о томъ, нельзя-ли такихъ лицъ возвращать обратно на ихъ родину. Съ такимъ именно предложеніемъ вошелъ въ Военную Коллегію оберъ-комендантъ Азовской крѣпости, генераль-маіоръ Фохтъ. Въ своемъ доношеніи онъ, между прочимъ, писалъ, что изъ

присланныхъ къ нему раскольниковъ одинъ, именно— „Никита Киселевъ, прошлаго 1770 года, по увѣщанію Азовской крѣпости священникомъ въ прежнее истинное Святой Церкви благочестіе и вѣру греческаго исповѣданія вступилъ, который и просилъ его, оберъ-коменданта, чтобъ отпустить въ домъ его на полгода, да и прочіе изъ тѣхъ раскольниковъ, приступившіе къ благочестію, все престарѣлые и находятся большею частію, по болѣзненнымъ припадкамъ, въ гошпиталѣ, кои и пользуются со употребленіемъ на нихъ казенныхъ медикаментовъ, а при томъ хотя и бывають на работѣ, но, по слабости здоровья, получаютъ провіантъ и заработныя деньги напрасно, чрезъ что и происходитъ казнѣ ущербъ, ибо по старости лѣтъ и надежды никакой не предвидится; егда жъ оныя приступившіе отъ заблужденія къ благочестію получаютъ Высочайшую милость, уповательно и прочіе на то взирая, отъ заблужденія отставать будутъ.“ Вслѣдствіе чего Фохтъ и возбуждалъ ходатайство, „не повелѣно-ль будетъ, какъ вышеписаннаго Киселева, такъ и прочихъ съ нимъ пришедшихъ въ вѣру греческаго исповѣданія, а бывшихъ въ расколѣ, съ ихъ женами и дѣтьми отпустить на прежнее ихъ жилище, дабы они, какъ всегда находящіеся по старости лѣтъ и болѣзненнымъ припадкамъ въ гошпиталѣ, казенные медикаменты, провіантъ и заработныя деньги напрасно, въ ущербъ казнѣ получать не могли.“

Л. 16-й
241. ч.

Военная Коллегія вполне присоединилась къ мнѣнію оберъ-коменданта Фохта и вошла съ соответствующимъ доношеніемъ въ Правительствующій Сенатъ. Это было 4 Апрѣля 1771 года.

Правительствующій Сенатъ по этому доношенію Военной Коллегіи въ своемъ засѣданіи 2 Іюня 1771 года сдѣлалъ такое опредѣленіе: „сообщить въ Святѣйшій Синодъ вѣдѣніе и просить его, благоволилъ бы онъ дать знать Сенату: „можно-ли изъ тѣхъ раскольниковъ, обращающихся въ вѣру греческаго исповѣданія такихъ токмо, кои за старостію и болѣзнями въ работѣ быть неспособны, возвратя, оттуда (изъ Азовской и Таганрогской крѣпости), съ женами и дѣтьми отпустить на прежнее жилище?“ Но въ засѣданіи Сената 13 Іюня это опредѣленіе было отмѣнено и замѣнъ его сдѣлано слѣдующее постановленіе: „Военной Коллегіи предписать, чтобъ она отъ вышепомянутаго оберъ-коменданта, генерала-маіора Фохта истребовавъ извѣстіе, Сенату представила, сколько изъ показанныхъ, находящихся въ Азовской крѣпости раскольниковъ, обратившихся въ вѣру греческаго исповѣданія, съ ихъ женами и дѣтьми состоитъ такихъ, кои за старостію и болѣзненными припадками дѣйствительно въ работѣ быть неспособны; и о томъ во

оную коллегію послать указъ, а по прежде данной, 2-го сего Іюня. резолюціи исполненія не чинить.“

Намъ неизвѣстно, что заставило Сенать отмѣнить свое первоначальное опредѣленіе и замѣнить его новымъ. Но несомнѣнно, что это второе опредѣленіе являлось болѣе естественнымъ и болѣе послѣдовательнымъ при наличности тѣхъ данныхъ, которыми располагалъ Сенать. Прежде, чѣмъ обращаться въ Синодъ, предварительно надлежало выяснить, какъ велико число „раскольниковъ,“ о которыхъ онъ предполагалъ просить высшую духовную власть.

Военная Коллегія, получивъ указъ, не замедлила сдѣлать соответствующее распоряженіе оберъ-коменданту Азовской крѣпости о доставленіи требуемыхъ Сенатомъ свѣдѣній. Съ своей стороны и Фохтъ не замедлилъ исполненіемъ распоряженія Военной Коллегіи: 16-го Августа нужныя свѣдѣнія были уже доставлены имъ, и препровождены въ Военную Коллегію при особомъ доношеніи слѣдующаго любопытнаго содержанія:

„Ея Императорскаго Величества оной Государственной Военной Коллегіи указъ, пущенной отъ 11-го числа мивувшаго Іюля, подъ № 7807-мъ, о присылкѣ вѣдомости о находящихся здѣсь въ Азовѣ, вступившихъ изъ заблужденія въ вѣру греческаго исповѣданія, раскольникахъ мною полученъ сего Августа въ 4-й день.

„По которому Ея Императорскаго Величества оной Государственной Военной Коллегіи указу, сочиненную объ нихъ съ болѣзными вѣдомость при семъ Государственной Военной Коллегіи представляю.

„А какъ и въ прежнемъ отъ меня доношеніи прописано было, что сіи развратники въ Азовскую крѣпость съ прочими ихъ въ то время братья, для употребленія въ городовую работу изъ бывшихъ ихъ домовъ, за вступленіе предъ недавнимъ временемъ въ секту и за записаніе въ расколъ отъ истиннаго благочестія, кое ими до сего учинено было не изъ чего иного, какъ только съ одной, по незнанію грамотѣ, глупости и совершенной простотѣ; о чемъ предъ Создателемъ Господомъ Исусомъ Христомъ подъ отвѣтомъ состоятъ; а въ чемъ точно то отреченіе отъ истиннаго благочестія состоитъ, того они всѣ вовсе якобы не знаютъ; они жъ отъ Церкви Святой никогда не отрицались, дѣти жъ рожденныя крещены, а родственники ихъ умершіе погребены были въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ жительство имѣли, при

Церквахъ, священниками истиннаго благочестія; а только признаны они въ одномъ разноименованіи рукою креста, которое нынѣ по чтенію книгъ признавъ заповѣдей за противное; о чемъ подвергая себя къ истинному покаянію, и обязались въ сію истинную вѣру вступить, въ которую по увѣщаніи прошлаго 770-го года здѣшной крѣпости священникомъ Филиппомъ Фаддѣевымъ прежнее истинное святой Церкви благочестіе и вѣру греческаго исповѣданія и вступили; и того года, Февраля 20-го дня, въ полотняной Церкви Апостола Андрея Первозваннаго исповѣдываніе и Святыхъ Таинъ восприняли; и по сему ихъ вступленію въ вѣру греческаго исповѣданія просятъ меня объ отпускѣ въ ихъ жилища; какъ изъ сихъ приступившихъ къ благочестію всѣ престарѣлые и находятся большею частію по болѣзненнымъ частымъ припадкамъ въ гошпиталѣ и пользуются со употребленіемъ на нихъ казенныхъ медикаментовъ; а притомъ хотя употребляются въ работѣ, но по слабости здоровья получаютъ провіантъ и заработныя деньги внапраснѣ; чрезъ что и происходитъ Ея Императорскаго Величества казнѣ ущербъ, ибо по старости ихъ лѣтъ и надежды никакой не предвидится; егда жъ оныя приступившіе отъ заблужденія къ благочестію получаютъ Высочайшую милость отпускомъ ихъ въ дома, уповательно и прочіе на то взирая отъ заблужденія отставать будутъ.

„Того ради Государственной Военной Коллегіи за вышеписанными резонами представляю; прошу, повелѣно-ль будетъ показанныхъ по вѣдомости пришедшихъ въ вѣру греческаго исповѣданія, а бывшихъ въ расколѣ съ ихъ женами и дѣтьми за вышеписаннымъ обстоятельствомъ отпустить на прежнее ихъ жилище, дабы они, какъ всегда находящіеся по старости лѣтъ и болѣзненнымъ припадкамъ въ гошпиталѣ казенные медикаменты, провіантъ и заработныя деньги напрасно въ ущербъ казнѣ Ея Императорскаго Величества получать не могли.

„О чемъ изъ Государственной Военной Коллегіи имѣю ожидать въ резолюцію указа.“

Къ сему доношенію Фохта была приложена:

„Вѣдомость, учиненная состоящимся при Азовѣ въ работѣ бывшихъ въ заблужденіи отъ закону, кои по раскаяніи на путь истинный возвратились, и прошлаго 770 года Февраля 20 дня, Церковью приняты, исповѣданы и приобщены Святими Тайнами; а кто именно, сколько отъ роду онымъ лѣтъ, за какими болѣзнями и работамъ неспособны, и гдѣ ихъ жены и дѣти—значить подъ симъ.

Званіе.	Отъ роду лѣтъ.	Обратившіяся изъ раскола въ вѣру греческаго исповѣданія какими болѣзнями одержимы.	Ихъ жены и дѣти гдѣ находятся, и вступили-ль въ вѣру греческаго исповѣданія.
<p>а и мянно:</p> <p>Кирила Капыловъ</p>	53	По рапорту отъ городского лѣкаря Зиновьева показано, что имѣеть болѣзнь въ ногахъ и рукахъ—великій ломъ.	
<p>Жена его Татьяна Прокофьева</p>	45	<p>Нынѣ находится при немъ, а прежде сего была во обществѣ съ нимъ, въ таковомъ же отъ христіанскаго закона заблужденіи, а потомъ по-прежнему въ вѣру греческаго исповѣданія вступила, а сыновья: Федотъ—17-ти, Савелій—12-ти, Теодоръ—10-ти, дочери: Прасковья — 24-хъ, Прасковья жъ—22-хъ, Анна—14 лѣтъ, кои гдѣ нынѣ находятся, за отлучкою въ сіе мѣсто не извѣстенъ.</p>
<p>Савостьянъ Пудовкинъ</p>	45	По рапорту отъ городского лѣкаря Зиновича показано, что имѣеть болѣзнь—великое удушье.	
<p>Жена его Авдотья Максимова</p>	35	<p>Нынѣ находится при немъ, а была въ таковомъ же прежде бывшемъ отъ христіанскаго закона въ заблужденіи, а потомъ по-прежнему съ нимъ въ вѣру греческаго исповѣданія</p>

Званіе.	Отъ роду лѣтъ.	Обратившися изъ раскола въ вѣру греческаго исповѣданія какими болѣзнями одержимы.	Ихъ жены и дѣти гдѣ находятся, и вступили-ль въ вѣру греческаго исповѣданія.
а именно:			вступила, а дѣти сыновья: Сергѣй—12-ти, Трофимъ—5-ти, кои въ такомъ же заблужденіи были и отданы по повелѣнію главной команды въ городъ Воронежъ для обученія грамотѣ, а двѣ дочери: первая Марья—15-ти, вторая Матрена 11-ти; точно гдѣ оныя находятся—неизвѣстенъ.
Никита Киселевъ	35	По рапорту отъ городского лѣкаря Зиновича показано, (что) имѣетъ у себя болѣзнь—на ногѣ застарѣлую цынготную рану.	
Жена его Анна Еремѣева	32	Нынѣ находится въ Воронежской губерніи, города Тамбова, въ селѣ Лысыхъ-Горахъ; при ней дѣтей—сыновьевъ: Андрей—10-ти, Сергѣй—9-ти лѣтъ, кои поставлены въ то время въ воздержанной имъ греческаго исповѣданія вѣрѣ въ вышенисанномъ мѣстѣ.

Эта „вѣдомость“ вмѣстѣ съ доношеніемъ Фохта и рапортомъ Военной Коллегіи была получена въ Сенатъ 19-го Октября, а 17-го ноября состоялось опредѣленіе его по этому поводу, при чемъ Сенатъ на этотъ разъ возстановилъ свою резолюцію, отъ 2-го Іюня, которой предписывалось запросить Св. Синодъ о томъ, можно-ли удовлетворить

ходатайство оберъ-коменданта Фохта или нѣтъ. Опрежденіе Сената было уже подписано всѣми его членами: оставалось только привести его въ исполненіе. Но генераль-прокуроръ кн. Вяземскій отнесся къ этому вопросу нѣсколько иначе и задержалъ исполненіе этого опредѣленія. Въ засѣданіи Сената 13 Декабря, того же 1771-го года, онъ выступилъ съ предложеніемъ, „что удобнѣе оныхъ раскольниковъ поселить на назначенныхъ къ поселенію около Азова мѣстахъ,“ и не возбуждать такимъ образомъ вопроса о возвращеніи ихъ на прежнія жилища. Сенатъ, конечно, согласился съ этимъ предложеніемъ кн. Вяземскаго и въ этомъ смыслѣ было составлено опредѣленіе, въ силу котораго такимъ образомъ всѣ сосланные въ Азовъ и Таганрогъ „раскольники“ должны были остаться вѣчно на тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ „они за вины свои быть осуждены.“ при чемъ предписывалось „немогущихъ нести большой тяжести городскихъ работъ употреблять въ оныя, по ихъ силѣ и состоянію, поселя ихъ тамъ при Азовской или при другихъ тамошняго департамента крѣпостяхъ на отведенныхъ ко онымъ земляхъ, не отпуская на прежнее ихъ жилище.“

Такъ окончилась попытка крѣпостной администраціи освободиться отъ бесполезныхъ и обременительныхъ для нея людей. Центральная правительственная власть, очевидно, думала, что, хотя такое положеніе дѣла и является нѣкоторымъ ущербомъ для казны, но зато оно можетъ служить вѣрной порукой тому, что вредное религіозное движеніе будетъ пресѣчено совершенно и не пойдетъ далѣе тѣсныхъ предѣловъ крѣпостного населенія. Но эти расчеты высшей правительственной власти оказались невѣрными. Принятая ею мѣры не остановили распространенія сектанства. Оно замѣтно росло. При чемъ любопытно, отмѣтитъ то, что пропаганда сектанства шла именно изъ этихъ при-крѣпостныхъ поселеній. Удержать на мѣстѣ религіозный пожаръ, охватившій южно-русскій край, несмотря на принятые мѣры, правительственной власти не удалось.

Въ этомъ отношеніи любопытнымъ является дѣло о такихъ же сектантахъ, обнаруженныхъ въ Воронежской губерніи въ 1772 году.

Сектанты были открыты совершенно случайно. 8-го Августа 1772-го года сержантъ Воронежской полицейской команды Филиппъ Поповъ, „будучи на площади, за валомъ,“ замѣтилъ, что какія-то двѣ женщины, расхаживая „между народными кучами,“ (вѣроятно, день былъ базарный и по этому народу на площади толпилось довольно много), вели о чемъ-то оживленные бесѣды съ крестьянскимъ людомъ.

Сержантъ прислушался къ этимъ бесѣдамъ. Оказалось, что женщины „развратно“ толковали народу „о честномъ крестѣ и святыхъ иконахъ.“ Поповъ, такимъ образомъ, обнаружилъ открытое распространеніе какого-то „раскольническаго“ ученія. Естественно поэтому, что женщины были арестованы и отправлены „къ плацъ-маіорскимъ дѣламъ“ въ канцелярію Воронежскаго Коменданта. По опросѣ ихъ здѣсь, оказалось, что одна изъ этихъ женщинъ—Варвара Ефимова, жена крестьянина деревни Семикиной Прохора Суслина, проживавшая вмѣстѣ съ мужемъ въ городской слободѣ, а другая—дѣвка Акилина, дочь сержанта Воронежской губернской роты Феодора Овчинникова. Изъ допроса, учиненнаго имъ въ канцеляріи Коменданта, выяснилось, что такихъ же „развратныхъ“ мыслей держатся слѣдующія лица: мужъ означенной Варвары крестьянинъ Прохоръ Суслинъ и живущая у него въ домѣ теща его вдова Марина Кузьмина Шашурина, а также жена казеннаго суконщика на фабрикѣ Василья Тулинова, крестьянина Ивана Пасынкова Настасья Ефимова. Немедленно и эти лица были арестованы.

Изъ канцеляріи Коменданта всѣ арестованныя лица были препровождены въ Воронежскую Губернскую Канцелярію. Здѣсь присланныхъ подвергли новому допросу; при этомъ обнаружилось, что, кромѣ арестованныхъ лицъ, къ такому же „отступничеству отъ православной вѣры“ причастны: жена названнаго Овчинникова Мавра Семенова, солдатъ Воронежской губернской роты Оома Выповъ, жена его Катерина Іевлева и жена находящагося въ Ростовской крѣпости сержанта Андрея Гребавшинова Ульяна Терентьева. Сысканы были, конечно, и эти лица.

Такимъ образомъ образовалась уже цѣлая группа сектантовъ, „отступниковъ“ отъ Православной вѣры.

10-го Августа всѣ эти сектанты были препровождены изъ Губернской Канцеляріи къ преосвященному Тихону, епископу Воронежскому и Елецкому, для „должнаго увѣщанія и изслѣдованія.“ Въ Консисторіи Воронежскаго епископа увѣщаніе сектантовъ и разслѣдованіе о сущности содержаемаго ими ученія продолжалось почти цѣлый мѣсяць. 7-го Сентября и то и другое было окончено, и преосвященный Тихонъ этихъ сектантовъ отправилъ обратно въ Губернскую Канцелярію. Въ „сообщеніи“ къ Воронежскому Генераль-Губернатору, преосвященный Тихонъ подробно излагалъ то, что сдѣлано было духовной властью для увѣщанія сектантовъ, а также представлялъ и плоды произведеннаго въ

его Консистеріи разслѣдованія о существѣ ученія обнаруженныхъ сектантовъ. Епископъ Тихонъ писалъ въ своемъ „сообщеніи,“ что присланные къ нему вышеозначенные сектанты въ допросахъ показали слѣдующее:

„Грамотѣ они (кромѣ крестьянина Суслина) не умѣютъ; съ малолѣтства своего крестное знаменіе на себѣ изображали десныя своия руки тремя первыми персты: въ Церковь Греко-Россійскаго исповѣданія хаживали и образамъ святымъ, написаннымъ на доскахъ и протчихъ орудіяхъ, покланялись; на исповѣди у священниковъ бывали и совершаемыхъ въ оныхъ церквахъ Святыхъ Таинъ приобщались. Отъ вѣры Греческаго исповѣданія, то есть, отъ налаганія на себе троекратнымъ сложеніемъ крестнаго знаменія, отъ вхожденія въ Церковь, отъ поклоненія святымъ образамъ, отъ исповѣди у священниковъ, отъ приобщенія Святыхъ Таинъ, совершающихся въ Церквахъ Греко-Россійскаго исповѣданія, они отступили назадъ тому года 3, два и меньше а солдатъ Ѳома Выповъ лѣтъ 3 десять, а жена ево Катерина лѣтъ съ тридцать, сами собою, за усмотрѣніемъ въ книгахъ, а протчія по наученію Божию и слыша въ церквахъ, а Марина Шашурина отъ зятя своего вышеписаннаго Прохора Суслина.

„1-е. Во Евангеліи-де креститца повелѣно не рукою, но словомъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

„2-е. Господь въ рукотворенныхъ храмѣхъ не живетъ, и отъ рукъ человѣческихъ угожденія не емлетъ, а наипаче любитъ пребывать въ душахъ и сердцахъ человѣческихъ.

„3-е. Аще кто поклонитца иконѣ звѣринѣ и приемлетъ начертаніе на челѣ своемъ. будетъ жегомъ огнемъ и жупеломъ.

„4-е. Исповѣдываться велѣно Богу Небесному, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его, чрезъ что Онъ оставляетъ со испрошеніемъ преступленія ихъ.

„5-е. Причастіе, то есть: бояйся Господа, твори заповѣди Его.

„Салдатская-жъ жена Катерина по отступленіи своемъ хотя въ церковь и хаживала и у поповъ исповѣдывалась подъ видомъ, боясь наказанія.

„А вѣра ихъ нынѣ состоитъ въ томъ:

„1-е. Вѣрують они Святѣй Единосущнѣй и Нераздѣльнѣй Троицѣ: Отцу и Сыну, отъ чистыхъ дѣлъ. а не отъ Дѣвы рожденному,*) и Святому Духу; молятся и кланяются Богу духомъ и истинною.

„2-е. Церковь Греко-Россійскаго исповѣданія называютъ они рукотворенною, и за тѣмъ во оную ко всякой службѣ Божіей не ходять и хадить не желаютъ, а вмѣсто того собираютца они на молитвословіе другъ къ другу въ дома, гдѣ вмѣстѣ поють и читають изъ Псалтыри *псалмы* и *Отче нашъ*, по слову Божію: *аще собраны во имя Мое два или три, ту азъ посреди ихъ*, и потому они то свое собраніе почитаютъ за нерукотворенную церковь, коей есть Глава Христось.

„3-е. Образамъ святыхъ, написанныхъ на доскахъ и протчихъ орудіяхъ, и литымъ не поклоняютца, и оныя за святую вещь не почитаютъ потому, аще кто видимую вещь почитаетъ за святую, тотъ противъ заповѣди преступаетъ; а вмѣсто того почитаютъ онѣ чловѣка, почему и поклоняютца другъ другу и духъ духу, по естеству и по чловѣчеству, и лобызаютца лобзаніемъ святымъ.

„4-е. На исповѣдь къ попамъ они не ходять, а вмѣсто того исповѣдываются на всякой часъ Богу Небесному правдою и преподобіемъ, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его; а при томъ случается, что о своихъ согрѣшеніяхъ и другъ другу объявляя, просятъ, чтобъ другъ за друга молили Бога.

„5-е. Святыхъ Тайнъ, то есть Тѣла и Крове Христовой, совершающейся въ церквахъ Греко-Россійскаго исповѣданія, подъ видомъ хлѣба и вина не принимаютъ и ихъ за истинныя Тѣло и Кровь Спасителя нашего не признаваютъ и не почитаютъ, а почитаютъ за простой хлѣбъ и вино, и для того вмѣсто пріобщенія оныхъ Тайнъ почитаютъ они соблюденіе Слова Божія, то есть: исполнять заповѣди Его, что они почитаютъ за причащеніе Святыхъ, Безсмертныхъ и Животворящихъ Тайнъ.

„6-е. Крестное знаменіе рукою на себѣ не полагають и оно, вмѣняя ни во что, почитаютъ за щепоть; а вмѣсто того крестятся они однимъ словомъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

„7-е. Тайну крещенія они оставляють такимъ порядкомъ, когда младенецъ родится, то онъ долженъ быть до самого возраста безъ кре-

*) Впослѣдствіи, очевидно, этотъ пунктъ въ ученіи духоборцевъ былъ измѣненъ.

щенія, для того, что по пришествіи въ возрастъ окрестится онъ святымъ Духомъ, то есть: покаяніемъ, во оставленіе грѣховъ, кротостію, смиреніемъ и терпѣніемъ, ибо Іоаннъ крестилъ водою въ покаяніе, во оставленіе грѣховъ, вы же имате креститца Духомъ Святымъ.

„8-е. Священниковъ, рукоположенныхъ отъ архіереевъ, за истинныхъ священниковъ не почитаютъ, для того: священникъ есть единъ— Христосъ, а почитаютъ за истинныхъ священниковъ тѣхъ, кои отъ Него исполненіемъ дѣлъ Его посвящаютца.

„9-е. Между брачившимися совершающееся отъ посвященныхъ архіереями священниковъ вѣнчаніе, яко отъ неистинныхъ, почитаютъ за неправильное, а по ихъ истинному поклонничеству должно быть всѣмъ безбрачнымъ, понеже люди Божіи ни женятца, ни посягаютъ. но въ ангелскомъ чину пребываютъ.

„(А Прохоръ Суслинъ припомнилъ, надлежить-де жениху избрать себѣ невѣсту по любви и, при свидѣтеляхъ взявши ее, жить другъ з другомъ по закону Божію и другъ отъ друга не прелюбодѣйствовать).

„10-е. Всѣхъ угодниковъ Божіихъ почитаютъ они за святыхъ, точію образомъ ихъ не поклоняютца и мощей ихъ, яко тѣлъ мертвыхъ за святую вещь не признаваютъ и спасеніе отъ нихъ получить не надѣютца.

„По отступленіи ими отъ вѣры Греко-Россійскаго исповѣданія, таковой же вѣры, какую они нынѣ имѣютъ, никаво не научали и никого, кромѣ содержащихся въ оной Духовной Консисторіи въ другихъ мѣстахъ таковой же вѣры людей не знаютъ“.

Затѣмъ преосвященный Тихонъ сообщаетъ Воронежскому Генераль-Губернатору, что по окончаніи допросовъ всѣ вышеозначенные сектанты, по его резолюціи, были поручены для увѣщанія, дабы они отъ своего заблужденія снова обратились къ Православной Вѣрѣ, первенствующему діакону Воронежскаго Благовѣщенскаго Собора и экзаменатору Іоанну Васильеву, „слушавшему священную богословію“: послѣдній, исполнивъ возложенное на него порученіе, рапортомъ объявилъ ему, епископу Тихону. „что-де реченные люди имъ увѣщеваемы были, токмо онѣ, напротивъ одного увѣщанія оказывая упорство, остались при своемъ отъ Святой Церкви отступничествѣ. и при томъ о воплощеніи Сына и Слова Божія отъ святыя Богородицы и Присно-

дѣвы Маріи выговаривали, что-де то неправда и во утробу дѣвичю вмѣститца ему невозможно“.

Далѣе въ „сообщеніи“ епископа Тихона говорится, что жена сержанта Овчинникова Мавра Семенова въ его Консисторіи, во время присутствія, по требованію духовной власти, устно пересказывала тѣ псалмы, которые эти сектанты поютъ въ своихъ собраніяхъ; она пересказала четыре псалма, которые съ ея словъ тогда же были записаны, и которые теперь онѣ, преосвященный Тихонъ препровождаетъ ему, господину Воронежскому Генераль-Губернатору.

Вмѣстѣ съ этимъ преосвященный Тихонъ сообщаетъ, что изъ присланныхъ къ нему сектантовъ Прохоръ Суслинъ и Тома Выповъ о происхожденіи ихъ собранія или сообщества письменно показали, „что они (сектанты) *рода Сіонова, ребра сеи впрова, отъ министра Извелара, Извѣстника мира, рекундаръ нишъ, слово и дѣло, рекъ даръ намъ; а какъ на сіи слова, въ чемъ онѣ состоятъ, востребовано объясненія, то сказали, что онѣ болѣе сего ничего объявить не знаютъ*“.

Къ этому же преосвященный Тихонъ добавляетъ, что когда вышеозначенный Суслинъ съ товарищами были присланы въ его Консисторію, то сопровождавшіе ихъ конвойные представили вмѣстѣ съ ними различныя записки, содержавшія въ себѣ изложеніе сектантскаго ученія и отобранныя, очевидно, у нихъ при арестѣ; при чемъ одна изъ этихъ записокъ оказалась тою, которая была уже объявлена въ Консисторіи въ 1769 году отъ бывшаго тогда съ протчими подъ слѣдствіемъ, таковой же секты, дворцоваго крестьянина, нынѣ находящагося въ военной службѣ Степана Кузнецова, который, по словамъ Суслина, неоднократно пріѣзжалъ въ Воронежъ изъ крѣпости св. Дмитрія Ростовскаго, будучи уже солдатомъ, и увидѣвшись однажды съ нимъ, Суслинымъ, передалъ ему эту записку, заключавшую въ себѣ „содержаніе ихъ секты“. Эту „Записку“ преосвященный Тихонъ также препровождалъ къ Генераль-Губернатору.

Сообщая о всемъ вышеизложенномъ и препровождая къ Губернскую Канцелярію *псалмы и записку Степана Кузнецова*, преосвященный Тихонъ предлагалъ Генераль-Губернатору произвести разслѣдованіе о томъ, кто „издалъ“ для сектантовъ записанные со словъ Мавры Овчинниковой псалмы и кто научилъ этихъ людей грамотѣ неумѣющихъ, наизусть пѣть ихъ; иначе говоря преосвященный Тихонъ ука-

зываетъ на необходимость разслѣдованія вопроса о томъ, кто былъ учителемъ или учителями присланныхъ къ нему сектантовъ.

Въ заключеніе преосвященный Тихонъ просилъ Генераль-Губернатора учинить съ открытыми сектантами и ихъ учителемъ или учителями такъ, какъ указы повелѣваютъ.

Получивъ это сообщеніе преосвященнаго Тихона, Воронежскій Генераль-Губернаторъ не замедлилъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы Губернская Канцелярія произвела новый допросъ присланнымъ ей обратно сектантамъ и подробно выяснила вопросъ, поставленный преосвященнымъ Тихономъ. Въ Губернской Канцелярії сектанты были распрашиваны „подъ битьемъ плетью“ и на предложенный имъ вопросъ они показали слѣдующее.

Прохоръ Суслинъ,—„что означенныя псалмы слыхалъ онъ, Битюцкой Дворцовой волости, отъ крестьянина Степана Кузнецова (которой отосланъ въ Азовъ); а кто оныя ему, Кузнецову, излагалъ онъ, Суслинъ, не знаетъ“.

Марина Шешурина,—„что она оныя псалмы пѣть научилась, какъ она была повивальною бабкою у вышеописаннаго Битюцкой Дворцовой волости крестьянина Степана Кузнецова“.

Мавра Ефимова,—„что оныя псалмы пѣть научилась отъ мужа своего Прохора Суслина, а кто оныя псалмы издалъ она не знаетъ“.

Мавра Семенова и дочь дѣвка Акилина. „что означенныхъ псалмовъ научилъ ихъ Богъ“.

Ѳома Выповъ, Катерина Назарова, и Ульяна Терентьева. „кто оныя псалмы издалъ они не знаютъ и ихъ у себя не имѣли“.

Настасья Ефимова,—„кто оныя псалмы издалъ она не знаетъ“.

Допросъ такимъ образомъ не далъ того, чего отъ него ожидали: вопросъ о томъ, кто былъ составителемъ сектантскихъ псалмовъ остался совершенно неразъясненнымъ. удалось только установить, что пѣть эти псалмы научилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ бывшій уже подъ слѣдствіемъ въ 1769-мъ году кр. Степанъ Кузнецовъ.

Закончился же этотъ допросъ довольно неожиданно: большинство изъ сектантовъ выразило желаніе оставить свое заблужденіе и обратиться въ лоно Православной церкви. Выповъ, Суслинъ, Настасья Ефимова, Катерина Назарова и Ульяна Терентьева объявили, что они желаютъ по прежнему изображать на себѣ крестное знаменіе, ходить въ церковь, поклоняться святымъ образамъ, исповѣдываться и причащаться Св. Таинъ у православнымъ священниковъ. Но Марина Шашурина, Варвара Суслина и Мавра Овчинникова остались при своемъ заблужденіи и не обратились къ благочестію. Оставившіе сектантское ученіе немедленно же послѣ своего раскаянія были снова отосланы къ преосвященному Тихону „къ должному утвержденію и поступленію по правиламъ Святыхъ Отецъ“, а продолжавшіе упорствовать въ своемъ заблужденіи были оставлены подъ арестомъ.

Предъ Генераль Губернаторомъ теперь вставалъ вопросъ, что нужно предпринять и какъ слѣдуетъ поступить съ этими нераскаявшимися сектантами. Поэтому онъ 18-го Октября вошелъ въ Правительствующій Сенатъ со слѣдующимъ секретнымъ доношеніемъ:

„Юля 7-го дня 1769-го года указомъ Ея Императорскаго Величества ис Правительствующаго Сената велѣно мнѣ со оказавшимися отступниками Православной Вѣры поступить, какъ въ томъ указѣ изображено; естли же и еще сверхъ оныхъ въ таковой же сектѣ пребывающіе или подобные имъ преступники окажутся, то и съ тѣми поступать такимъ же порядкомъ, какъ объ оныхъ преступникахъ положеніе сдѣлано, но прежде доносить Правительствующему Сенату. А нынѣ здѣсь оказались разныхъ чиновъ люди въ таковой же сектѣ, о коихъ экстрактъ и онымъ имянную вѣдомость*), на разсмотрѣніе Правительствующему Сенату прилогаю при семь; изъ оныхъ же со

*) Вѣдомость кто именно отступники отъ православной вѣры, и каковыхъ лѣтъ, и сколько у нихъ мужеска и женска пола дѣтей, и въ каковыя жѣ лѣта.

Тамбовскаго уѣзда, деревни Семикиной, Дворцоваго крестьянина Прохора Суслина жена Варвара Ефимова 30 лѣтъ.

У нихъ дѣти—дочери:

Аграфена 10 лѣтъ.

Авдотья 2 лѣтъ.

Теща онаго Суслина, вдова однодворка, Марина Шашурина 50 лѣтъ.

Воронежскаго Губернской Роты Сержанта Федора Овчинникова жена

Мавра Семенова 44 лѣтъ.

Дочь ихъ—Дѣвка Акилина 14 лѣтъ.

У нихъ еще дѣти: сынъ Иванъ 10 лѣтъ.

Агафья 5.

вдовою Шешуриною, сержанта Авчинникова з женою, крестьянина Суслина з женою что учинить повелѣно будетъ, требую Ея Императорскаго Величества указу; ибо въ вышеписанномъ указѣ о таковыхъ точнаго повелѣнія нѣтъ.“

Правительствующій Сенатъ еще до полученія этого доношенія Воронежскаго Губернатора имѣлъ уже подробныя свѣдѣнія по этому дѣлу. 20-го Октября въ Сенатѣ было получено вѣдѣніе Св. Синода, отъ 19 Октября, за № 2915, въ которомъ Синодъ, препровожая присланный ему 3-го октября отъ преосвященнаго Тихона подробный рапортъ. отъ 11-го октября, за № 2766, объ открытыхъ сектантахъ Прохорѣ Суслинѣ съ товарищами, и приложенные при томъ рапортѣ найденную у сектантовъ *записку* и *псалмы*, просилъ учинить по этому дѣлу рѣшеніе по Ея Императорскаго Величества указу.

Это „вѣдѣніе“ Синода было заслушано въ Первомъ Департаментѣ Сената 30-го октября, при чемъ было поставлено: „Воронежскому Губернатору подтвердить, чтобы онъ съ оными раскольниками поступилъ по законамъ“.

Черезъ нѣсколько дней, именно 7-го Ноября, Первый Департаментъ Синода разсматривалъ доношеніе Воронежскаго Губернатора, отпавленное послѣднимъ 18-го Октября. По разсмотрѣніи, Сенатъ „*приказали*: 1-е, какъ изъ означенныхъ оказавшихся нынѣ Святой Православной Церкви противниковъ пять человекъ, мужеска и женска полу, отъ ихъ безумнаго заблужденія обратились къ благочестію, а затѣмъ остались въ своемъ душепагубномъ суемудріи и отъ Святой Церкви отвергшимися только двѣ жонки, имѣющія мужей и малолѣтнихъ дѣтей, да одна вдова пятидесяти, а другая сержантска дочь дѣвка четырнадцати лѣтъ; то Воронежскому Губернатору Маслову, въ сходственность вышепрописаннаго Правительствующаго Сената 19-го іюня 1769-го года указа, первыхъ, по совершенномъ въ христіанскомъ благочестіи тамошнимъ епископомъ утвержденіи, отпустить, каждаго во свой мѣста, а послѣднихъ, оставшихся въ суевѣрїи, отдать: женокъ—ихъ мужьямъ, а вдову и дѣвку—на содержаніе въ другія казенныя селенія правовѣрнымъ и добраго житія однодворцамъ или крестьянамъ, буде взять ихъ пожелаютъ съ такимъ наикрѣпчайшимъ имъ подтвержденіемъ, чтобъ они, пользуясь при домахъ своихъ отъ нихъ работами, найвсевозможнымъ образомъ старались при томъ вывести ихъ изъ безумнаго заблужденія и присоединить Святой Церкви: въ противномъ же случаѣ, если, по ненадежности обращенія ихъ къ благочестію, однихъ—мужья, а

другихъ—изъ правовѣрныхъ поселанъ никто взять къ себѣ не пожелаетъ, то отослать на имѣющія(ся) въ Воронежѣ фабрики въ работу; 2-е, какъ при отсылкѣ въ 1769-мъ году оказавшихся тогда отступниковъ отъ благочестія въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости для опредѣленія въ воинскую службу Военной Коллегіи предписано, чтобъ за ними при командахъ имѣть наикрѣпчайшее смотрѣніе, дабы они, будучи тамъ между собой въ согласіе ихъ суевѣрія никакого сообщенія не имѣли, и той своей прелести не разсѣвали; но изъ вышепрописаннаго обстоятельства усматривается, что опредѣленный изъ тѣхъ преступниковъ въ солдаты Степанъ Кузнецовъ, отлучаясь изъ крѣпости отъ команды, пріѣзжаетъ по-часту на прежнее жилище въ Воронежѣ, и, суевѣріемъ своимъ, обольщая другихъ легкомысленныхъ, совращаетъ отъ истиннаго христіанскаго благочестія, и для того сей коллегіи кому надлежитъ наистрожайше отъ себя подтвердить, чтобъ сосланные въ помянутыя крѣпости за отступленіе отъ благочестія отнюдь ни подъ какимъ видомъ на прежнія жилища отпускаемы не были, но содержать ихъ тамъ такъ, какъ означеннымъ Сенатскимъ Указомъ объ нихъ предписано, безъ малѣйшаго послабленія; 3-е, изъ всѣхъ же вступившихъ нынѣ таковыхъ о раскольникахъ въ Сенатъ дѣлъ сочиня экстрактъ, отослать въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ на его примѣчаніе, съ тѣмъ, чтобъ оный благословилъ вѣдомство своего духовнаго властямъ, по своему разсмотрѣнію, дать наставленіе, дабы при случаѣ производства у оныхъ о каковыхъ-либо суевѣріяхъ слѣдствій, подлежательные къ духовному суду люди въ Консисторіи требованы были съ всевозможнымъ осмотрѣніемъ и осторожностію, дабы иногда и такимъ, кои къ суевѣріямъ не причастны малѣйшаго притѣсненія причинено быть не могло, и чрезъ то не произвестъ бы существительнаго виду инквизиціи; и о томъ въ Святѣйшій Синодъ сообщить вѣдѣніе, а къ Воронежскому Губернатору и кавалеру Маслову и въ Военную Коллегію послать указы“.

Послѣдній пунктъ этого Сенатскаго опредѣленія содержалъ въ себѣ слишкомъ ясный намекъ на то, что съ этого времени желательно было измѣнить отношеніе къ сектантамъ, слѣдовало избѣгать, „виду инквизиціи“. Этотъ намекъ хорошо поняла прежде всего власть духовная, которая естественно стала ослабѣвать въ своемъ рвеніи къ обнаруженію опасныхъ для нея религіозныхъ рационалистовъ. Сектанты, названные впоследствии *духоборцами*, повидимому, получали бѣольшую свободу въ содержаніи исповѣдуемаго ими ученія и, конечно, въ распространеніи его.

Н. Г. Высоцкій.

Псалмы ¹⁾, записанные въ 1772 году въ Воронежской Духовной Консисторіи со словъ Мавры Семеновой Овчинниковой.

I ²⁾.

Сія глаголетъ Господь о кончинѣ вѣка сего ³⁾. Совершу на домъ Израилевъ Завѣтъ Новъ ⁴⁾; научу рабовъ Своихъ достоянью своему ⁵⁾; отвращу ихъ отъ пути беззаконнаго ⁶⁾, отъ злыхъ скверныхъ ⁷⁾ лживыхъ боговъ языческихъ ⁸⁾; поставлю ихъ на путь спасенія моего ⁹⁾ служить ¹⁰⁾ Богу Живу Истинному; дамъ законы мои на сердца ихъ ¹¹⁾, а глаголы мои ¹²⁾ во уста ихъ ¹³⁾; и увѣдаютъ мя, яко Азъ Господь ¹⁴⁾; посылать [вм. посылаетъ] Господь ¹⁵⁾ рабовъ своихъ передъ ¹⁶⁾ злыхъ звѣрей-мучителей, а ¹⁷⁾ они студна ¹⁸⁾ ими поругаются ¹⁹⁾, и плоти ²⁰⁾ ихъ оскорбятъ, и души ихъ осквернятъ; ²¹⁾ соберутся ²²⁾ рабы мои въ союзъ любви моей, воспаютъ пѣсню избранную Богу Живу ²³⁾, восплачутся спасенія ²⁴⁾ душъ своихъ ²⁵⁾: собери насъ, Богъ Живъ ²⁶⁾, отъ языка ²⁷⁾, всѣмъ Всемогій ²⁸⁾ всѣмъ тваремъ Царь и ²⁹⁾ Господь; отвержу ужаса ³⁰⁾ Свои, простру десницу Свою, изму рабовъ Своихъ отъ злыхъ звѣрей-мучителей ³¹⁾; воздвигну гнѣвъ Свой на славный градъ Вавилонъ, на живущія ³²⁾ въ немъ Халдеи ³³⁾, и вѣтры, и зной губительный ³⁴⁾; погублю въ Вавилонѣ ³⁵⁾ змѣя древняго; погублю въ Вавилонѣ и ³⁶⁾ всѣхъ злыхъ звѣрей-мучителей; избію въ Вавилонѣ ³⁷⁾ начальника ³⁸⁾, пророка; избію въ Вавилонѣ и стараго и юна ³⁹⁾; избію въ Вавилонѣ ⁴⁰⁾

¹⁾ Эти псалмы вошли въ составъ „Животной книги духоборцевъ“, изданной г. *Бончъ-Бруевичемъ* во второмъ выпускѣ „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектанства и раскола“; мы печатаемъ ихъ здѣсь потому, что это можетъ дать матеріалъ для критики текста псалмовъ.

²⁾ Въ *Жив. кн.* этотъ псаломъ помѣщенъ подъ № 108-мъ.

Въ „*Жив. кн.*“ читается такъ: ³⁾—Глаголетъ Господь Богъ Вседержитель о кончинѣ вѣка сего; ⁴⁾—Израиля завѣтъ новыхъ моихъ; ⁵⁾—достояніемъ твоимъ; ⁶⁾—отворочу васъ со пути беззаконнаго, ⁷⁾—это слово опущено; ⁸⁾—языченскихъ; ⁹⁾—наставлю васъ на путь спасенія своего; ¹⁰⁾—Послужите жъ; ¹¹⁾—дамъ законъ Свой во сердца ваши; ¹²⁾—мы; ¹³⁾—ваши; ¹⁴⁾—увѣдуйте меня, яко въ васъ есть Господь Богъ нашъ; ¹⁵⁾—Пошлю; ¹⁶⁾—противъ; ¹⁷⁾—этотъ стихъ опущенъ; ¹⁸⁾—стыдно; ¹⁹⁾—прибавлено: рабами моими; ²⁰⁾—плоть; ²¹⁾—души ихъ не осквернятся; ²²⁾—пропущено: всѣ; ²³⁾—эта фраза опущена вся; ²⁴⁾—во спасеніе; ²⁵⁾—прибавлена фраза: Воспоемъ мы пѣсню новую Богу Вышнему: спаси насъ Богъ-живъ нашъ; ²⁶⁾—эти два слова опущены; ²⁷⁾—языковъ; далѣе прибавлены фразы: исповѣдуемся именемъ Твоимъ великимъ. Сіе глаголю вамъ; ²⁸⁾—всѣ мой; ²⁹⁾—этотъ союзъ пропущенъ; ³⁰⁾—Азъ отвергну ужасы; ³¹⁾—опущено; отъ злыхъ звѣрей-мучителей; ³²⁾—живущихъ; ³³⁾—Халдеевъ; ³⁴⁾—ветризные (?) губители; ³⁵⁾—Я вавилоняны; ³⁶⁾—опущены слова: погублю въ Вавилонѣ и; ³⁷⁾—вавилоняны; ³⁸⁾—прибавлено: и; ³⁹⁾—этой фразы нѣтъ; ⁴⁰⁾—вавилоняны;

отрока⁴¹⁾. дѣвицу; избію въ Вавилонѣ⁴²⁾ мужа, жену; избію въ Вавилонѣ⁴³⁾ колесницу. всадника⁴⁴⁾: погублю въ Вавилонѣ пастыря стадамъ; погублю въ Вавилонѣ воеводу, управителя⁴⁵⁾; погублю въ Вавилонѣ славныхъ храбрыхъ ихъ⁴⁶⁾; и будетъ вся земля пуста⁴⁷⁾.

II*).

Сей день праздную святово неумытна пришествія Христова⁴⁸⁾. Ожидайте жъ вы⁴⁹⁾, правовѣрные, пришествія Христова; украсите жъ⁵⁰⁾ вы свѣтильники ваши; встрѣньте⁵¹⁾ Жениха-Христа; опознайте перва антихриста⁵²⁾; тогда будутъ времена люты⁵³⁾, дѣла ево тяжки⁵⁴⁾, запретитъ Божіе пѣнье, алтарная служеня⁵⁴⁾; тогда восплачютца церкви Христовы⁵⁵⁾ плачемъ великимъ, воздадутъ гласы свои⁵⁶⁾ ко Господу Богу⁵⁷⁾, Жениху своему: Христось и Истинный Богъ и человекъ⁵⁸⁾ сохранить церкви свои⁵⁹⁾, пашлютъ [вм. пошлетъ] ангеловъ своихъ, соберіютъ [вм. соберетъ] людей своихъ⁶⁰⁾; тогда возглаголетъ рабамъ своимъ: отсюда узрите неба отверста⁶¹⁾, ангели Божіи восхождаше на сыны человекски⁶²⁾, пребывающе⁶³⁾ окрестъ престола⁶⁴⁾, распространиша трубы ангельскія, спустиша гласъ Божій по всей земли на спасеніе рода человекскаго⁶⁵⁾; слышите, преподобніи, гласъ ангеловъ многихъ⁶⁶⁾; примите⁶⁷⁾ небесную славу⁶⁸⁾ помяните⁶⁹⁾ прежніе⁷⁰⁾ реченные глаголы, яже сначала вамъ во пророчествѣ⁷¹⁾ глаголетъ, а нынѣ во избранныхъ⁷²⁾, реку вамъ⁷³⁾: во облацѣхъ нашашеся⁷⁴⁾, усмотрите⁷⁵⁾ звѣзду утреннюю, явися знаменіе на небеси—Животворящій Крестъ:⁷⁶⁾ возглаголетъ: горе міру отъ соблазна. иже в-ыной слѣдъ ходиша⁷⁷⁾ не приняша ученія Божія. не познаша⁷⁸⁾ глубины сатаниной⁷⁹⁾; погибните за невѣрствіе ваше⁸⁰⁾.

41) — отрока и; 42) 43) — вавилоняны; 44) — и всаднику; 45) — двухъ послѣднихъ фразъ нѣтъ; 46) — избію вавилоняны — всѣ сильные и храбры; 47) — вся земля его будетъ пустая. 48) — празднуемъ свитому, неумытному пришествію Христову, 49) — опущено: жъ вы; 50) — украсьте; 51) — встрѣтите; 52) — познайте его прежде антихриста: въ нашу мѣру губителя; 53) — тяжкія; 54) — лютыя. Онъ же; 54) — алтарное служеніе; 55) — восплачутся церкви Христовы; 56) — гласъ свой; 57) — Христу-Богу; 58) — Христось-Богъ, истинный человекъ; Онъ; 59) — церковь свою; 60) — и соберутъ они избранныхъ его; 61) — для суда узрять небеса отверсты; 62) — и ангеловъ Божіихъ, восхождаща на Сына Человѣческаго; 63) — предстоящаго; 64) — вставлено: Господняго; 65) — Спусти, Боже, гласъ свой по всей землѣ спасенія роду человекскому; 66) — Слышите нынѣ званный — избранный — гласъ ангеловъ многихъ, пребывающихъ окрестъ престола Божія; 67) — вставлено: отъ меня; 68) — силу, 69) вставлено: мои, 70) — прежде; 71) — отъ начала во пророчествахъ вамъ глаголетъ; 72) — вставлено: моихъ; 73) — вставлено: явися знаніе велие мое на небеси; 74) — носящихъ Животворящій крестъ. Возглаголю вамъ; 75) — смотрите вы; 76) — фраза опущена; 77) — во слѣдъ Каниу ходиша, въ лести Валаамовой; 78) — разумѣша; 79) — Сатанинской; 80) въ невѣрїи своемъ погибаютъ въ муку во вѣкъ.

*) Въ „Жив. кн.“ этотъ исломъ помѣщенъ подъ № 94.

III⁸¹⁾.

Услыши⁸²⁾, Господи, гласъ мой: подай же⁸³⁾, Господи, глаголь Свой, и свѣтъ. и разумъ божественнаго писанія глаголати проти[ву]⁸⁴⁾ тьмы помраченія⁸⁵⁾, которые совѣщаютъ мнѣ⁸⁷⁾ зло помышление⁸⁸⁾. внигда собратися врагомъ на мя вкупѣ⁸⁹⁾, хотять мое тѣло потребити⁹⁰⁾, а душу мою погубити⁹¹⁾, отъ вѣчнаго Живота-Бога⁹²⁾ отлучити⁹³⁾, со ангельскими чинами разлучити⁹⁴⁾, въ⁹⁵⁾ вѣчное мученіе погрузити⁹⁶⁾; а я же⁹⁷⁾, рабъ Твой, понуждахся, они же помышляютъ на мя злое⁹⁸⁾, а ближніе мои сташа⁹⁹⁾ отъ меня далече: возведу я очи¹⁰⁰⁾ на небо, вижу я Тя¹⁰¹⁾, Господи, вижу сѣдяща¹⁰²⁾ на престолѣ высококомъ, а я же¹⁰³⁾ нынѣ въ великой безднѣ пребываю; воздохну я ко Господу отъ желанія¹⁰⁴⁾, помяну я прежніе¹⁰⁵⁾ реченные глаголы: како¹⁰⁶⁾; мнѣ у престола Господня предстояти¹⁰⁷⁾, како возгласити гласа трубнаго¹⁰⁸⁾; а я нынѣ въ безднѣ пребываю¹⁰⁹⁾; како¹¹⁰⁾ я отъ Господа отлучуся¹¹¹⁾, со святыми разлучуся¹¹²⁾, въ вѣчное мученіе погружуся; восплачу я горько со слезами; помяну прежніе реченные глаголы¹¹³⁾ воспую¹¹⁴⁾ и ко Господу громогласно: помилуй меня. Господи, спаси мя¹¹⁵⁾, избави¹¹⁶⁾ меня. Господи¹¹⁷⁾, муки вѣчной, вѣры¹¹⁸⁾ адской; возведи¹¹⁹⁾ меня. Господи, ко своему престолу прославить¹²⁰⁾ Твое имя святое¹²¹⁾.

IV. О дѣвствѣ¹²²⁾.

На облацѣхъ Господнихъ разцвѣтаетъ бѣлыя камень, самоцвѣтный. На камени¹²³⁾ стоятъ дѣвицы, власомъ русмены, лицомъ тусмены¹²⁴⁾; по имѣнью дѣвица Успенія¹²⁵⁾; на главахъ¹²⁶⁾ держатъ вѣнцы нерукотворенные во устахъ носятъ¹²⁷⁾ трубы живоносныя, въ рукахъ держатъ живописанья¹²⁸⁾. живописанья—глаголь Божій: стоятъ онѣ¹²⁹⁾ предъ Царемъ

⁸¹⁾ Въ „Жив. кн.“ этотъ псаломъ помѣщенъ подъ № 249. Въ „Жив. кн.“: ⁸²⁾—Услышь; ⁸³⁾—мнѣ; ⁸⁴⁾—(въ)тъ разумъ, божественное писаніе, глаголы тѣ супроти; ⁸⁵⁾—помраченной; ⁸⁶⁾—которую; ⁸⁷⁾—на меня; ⁸⁸⁾—помышленное; ⁸⁹⁾ Когда собравши всѣ враги на меня вкупѣ; ⁹⁰⁾—потребити; ⁹¹⁾ хотять погубити; ⁹²⁾—отъ Бога; ⁹³⁾—отлучити; ⁹⁴⁾—разлучити; ⁹⁵⁾—на; ⁹⁶⁾—поручити; ⁹⁷⁾—этотъ союзъ опущенъ; ⁹⁸⁾—фраза опущена; ⁹⁹⁾—близкіе ставши; ¹⁰⁰⁾—вставлено: свои; ¹⁰¹⁾—Тебя; ¹⁰²⁾—сѣдящаго; ¹⁰³⁾—союзъ опущенъ; ¹⁰⁴⁾—фраза поставлена ниже; ¹⁰⁵⁾—прежде; ¹⁰⁶⁾—какъ; ¹⁰⁷⁾—твой престолъ; ¹⁰⁸⁾—какъ мнѣ трубнымъ гласомъ вострубити; ¹⁰⁹⁾—фраза опущена; ¹¹⁰⁾—какъ; ¹¹¹⁾—¹¹²⁾ вставлено: какъ; ¹¹³⁾—двѣ послѣднія фразы опущены; ¹¹⁴⁾—Запою; ¹¹⁵⁾—опущено; ¹¹⁶⁾—избави; ¹¹⁷⁾—¹¹⁸⁾—опущено: отъ; ¹¹⁹⁾—произведи; ¹²⁰⁾—прослави; ¹²¹⁾—вставши: во снѣ. ¹²²⁾ Въ „Жив. кн.“ этотъ псаломъ помѣщенъ подъ № 273. Въ „Жив. кн.“—¹²³⁾—камі; ¹²⁴⁾—власами рыжыя, лицомъ тускланныя; ¹²⁵⁾—имени называются дѣвицы Успенныя; ¹²⁶⁾—головахъ; ¹²⁷⁾—держатъ; ¹²⁸⁾—не рукописанія; ¹²⁹⁾—дѣвы;

Бѣлаемъ, [вм. Бѣлымъ], жалобу творять на князя Антиоха: Ты¹³⁰⁾, Батюшка, Небесный¹³¹⁾ Царь хочеть насъ Антиохъ-князь по неволѣ¹³²⁾ замужь дать за Египта; мы боимся: у Египта дому нѣтъ Господняго¹³³⁾, мы боимся¹³⁴⁾: разорить¹³⁵⁾ домъ Господень, мы боимся¹³⁶⁾ поругается именемъ Господнимъ; охъ¹³⁷⁾, Ты, Батюшка нашъ. Небесный¹³⁸⁾ Царь, ты пусти насъ къ своему царству¹³⁹⁾, къ¹⁴⁰⁾ свѣту бѣлому; мы опознаемъ тамъ¹⁴¹⁾ Жениха твоего Іана¹⁴²⁾. ни по росту. ни по дородству, ни по бѣлому лицу, пригожеству¹⁴³⁾ мы опознаемъ¹⁴⁴⁾ Жениха своего¹⁴⁵⁾ Іана по глаголу¹⁴⁶⁾; онъ и¹⁴⁷⁾ хочеть нашу плоть одѣть своею кождою¹⁴⁸⁾ онъ и¹⁴⁹⁾ хочеть нашу смерть замѣнить животомъ своимъ, онъ и¹⁵⁰⁾ хочеть насъ избавить муки вѣчныя, онъ и¹⁵¹⁾ хочеть насъ при- вести въ Царство¹⁵²⁾ Небесное.

Записка о содержаніи секты, объявленная въ 1769 году въ Воронежской Духовной Консистеріи Степаномъ Кузнецовымъ.

Объявляемъ Вашему Преосвященству, разныхъ городовъ и отъ разныхъ чиновъ людей, а именно: Воронежа—Воронежскаго купца Василья Тулинова дворовой человѣкъ Игнатъ Большевъ, дворцовый крестьянинъ Степанъ Михайловъ¹⁵³⁾ и Московскаго уѣзду крестьянинъ Матвѣй Гавриловъ

1. Вѣруемъ, какъ мы, именованные, такъ и подобные намъ по согласію общества нашего единодушна братія наша, святѣй и нераздѣльвой Троицѣ: Отцу и Сыну и Святому Духу, какъ во святомъ Евангеліи написано; молимся и кланяемся Богу и Отцу, сотворшему небо и землю, ибо во святомъ Евангеліи толкуеть: истинные поклонницы поклоняются духомъ Отцу и истиною: а крещаемся словомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ мы такъ и подобные намъ, взявше крестъ Слова Его и глаголемъ: *Спаси, Господи, людѣ твои и благослови достойніе твое.*

2. Желаемъ мы, именованные, и сообщники наши разныхъ чиновъ люди, въ церковь ходитъ нерукотворенную, святую, соборную

¹³⁰⁾—Опущено; ¹³¹⁾—Бѣлый; ¹³²⁾—въ нѣсколько иномъ порядкѣ; ¹³³⁾—убоимся Египта; нѣтъ у него дома ¹³⁴⁾—убоимся; ¹³⁵⁾—вставлено: твой; ¹³⁶⁾—убоимся Египта; ¹³⁷⁾—воскличаніе опущено; ¹³⁸⁾—бѣлый; ¹³⁹⁾—по своему царствію; ¹⁴⁰⁾—этотъ предлогъ опущенъ; ¹⁴¹⁾—узнаемъ себѣ; ¹⁴²⁾—двухъ послѣднихъ словъ нѣтъ; ¹⁴³⁾—пригожему; а ¹⁴⁴⁾—вставлено: себѣ; ¹⁴⁵⁾—опущено; ¹⁴⁶⁾—вставлено: Онъ хочеть наши ноги обуть на камнѣ коренномъ; ¹⁴⁷⁾—союзъ пропущенъ; ¹⁴⁸⁾—кожею; ¹⁴⁹⁾—¹⁵¹⁾ союзъ и пропущенъ; ¹⁵²⁾—Царствіе. ¹⁵³⁾ Т. е. Кузнецовъ.

и апостольскую, единно гдѣ сошедшеся и глаголють про имя Господне, ибо писано въ божественныхъ книгахъ сице: *идѣ двое или трое глаголють про Имя Мое, Азъ посредь ихъ; аще идѣ одинъ глаголетъ во имя Мое, Азъ есмь въ немъ*; и нарече не та церковь нерукотворенная, ибо во Евангеліи Господь глаголетъ: *вы бо есте церковь Бога жива, Азъ вселю въ васъ и положу по вамъ и буду вамъ Богъ, а вы будете Мнѣ въ людѣ*; только Господь нашъ Исусъ Христосъ въ нерукотворенныхъ церквахъ пребываетъ, а не отъ рукъ человѣческихъ угожденія пріемлетъ; Господь Богъ рече: не вѣсте ли вамъ, тѣла ваша—храмъ Духу моему и Духъ Божій живетъ въ васъ и оживотворяетъ васъ; не вѣсте ли вамъ, что Исусъ Христосъ въ васъ есть, аще кто заповѣди Его сохраняетъ.

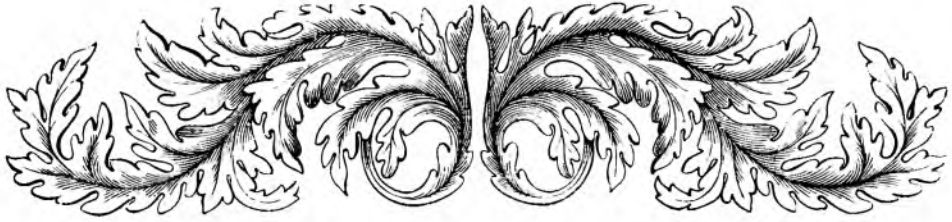
3. Почему и исповѣдываться мы и протчія единнодушныя наша братія желанія не имѣемъ у таковыхъ поповъ, кои сильно насъ къ исповѣдямъ и причастію принуждаютъ; но мы исповѣдуемся единому Богу и всѣ наши согрѣшенія оставляемъ со испрошеніемъ прощенія въ преступленіяхъ нашихъ, потомъ и пріобщаемся святымъ Его божественнымъ, безсмертнымъ и животворящимъ Таинамъ во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную; а рукотвореннаго ихъ причастія принимать изъ ихъ принужденія не желаемъ, ибо Богъ положи волю своею спасеніе, кто желаетъ, изволи душу свою спасти, а не невольнымъ спасеніемъ и принужденіемъ, такъ, какъ бы въ прежнія времена были мучители, за вѣру Христову мучили, но мы отъ такового священника принять святыхъ божественныхъ, безсмертныхъ и животворящихъ страшныхъ Христовыхъ Таинъ желаемъ, кой отъ Самаго Господа посѣщенъ; а мы въ рукотворенныя ихъ церкви и къ написаннымъ и къ сляннымъ и протчимъ рукотвореннымъ же въ нихъ образамъ поклоняться, тоже и къ рукѣ ихъ подѣ благословеніе иди какъ мы, такъ и протчія братія наши не желаемъ, ибо ни въ чемъ рукотворенномъ спасенія не обрѣтается, да и въ заповѣдяхъ Божіихъ изъяснено: рукотвореннымъ образамъ почитанія никакого не положено да и божественное Писаніе запрещаетъ: не сотворитя себѣ образевъ рукотворенныхъ въ подобіе тлѣннаго человѣка, мужескъ или женскъ полъ, и видѣвъ на небѣси сіяющъ солнце и луну, и звѣзды и всю красоту небесную да не прельщайтесь поклонитися имъ, о чемъ изъясняетъ именно въ заповѣдяхъ Божіихъ, ибо образа бездушныя чему уподоблены, да и заднія увѣряетъ имянно, что прежде были вѣрующіе имъ Елины, но въ Писаніи Божественномъ говоритъ: аще кто видимою и осязаемою, аки Богу поклоняютца и жертвы приносятъ и дѣла рукъ своихъ обоготворяютъ, таковыя названы раскольники; аще кто

такую тлѣнную вещь за святыню почитаетъ, тотъ противъ заповѣди Божіей преступаетъ; и потомъ же слышимъ въ Божественномъ Писаніи про муку вѣчную: аще кто покланяетца звѣрю, образу его, приемиетъ начертаніе на челѣ своемъ или на руцѣ своей, той будетъ пить отъ вина ярости Божія, вина неразворенна въ чаши гнѣва Его. и будетъ и мученъ огнемъ и жупеломъ предъ ангелы и предъ агнецами, и дымъ мученія ихъ восходитъ во вѣки вѣковъ покланяющіеся иконѣ звѣря его и приемиющія начертаніе.

4. Мы же, именованные, и со общниками нашими стоятъ въ вѣрѣ истинной и совершить себя всѣ по заповѣдямъ Господнимъ желаемъ, творить правду и глаголатъ истину въ сердцахъ своихъ, какъ бы спасти душу свою, дабы не погубить ее въ неправдѣ, ибо здѣсь житіе часовое, а въ будущемъ вѣцѣ вѣковое; есть самая правда: аще кто правду содѣетъ, Господь бо рече: аще по мнѣ идиши, да не видиши въ бесѣды нечестивыхъ и не умый руци въ кровѣ неповинныхъ; чего мы больше и блюдемся, что насъ видя миръ уклоняющихся отъ такихъ злыхъ дѣлъ, да и возненавидитъ. потому что мы съ ними никакого дружелюбія въ пьянствѣ не сообщаемся, также съ ними въ бесѣды нечестивыя никакія не прикасаемся, понеже заповѣди Господни весьма оное, какъ пьянство, такъ ссоръ и драки, запрещаетъ.

При семъ Вашему Преосвященству объявляемъ: попы и мужики пьяницы умыслили на насъ ложныя свидѣтельства, и брали насъ изъ домовъ безвременно, и били насъ смертно; и просимъ у Вашего Преосвященства объ рѣшеніи нашего дѣла. Доколѣ насъ въ темницѣ тѣснить и морить неповинныхъ! А двory наши запусѣли и дѣти малыя скитаются по людямъ, и гдѣ день. и гдѣ ночь, а Государевы дани и поборы на насъ стали, а обыватели двory наши продаютъ. —

Экстрактъ о службѣ адмирала А. И. Нагаева, поданный имъ въ 1740 году

Печатасмый ниже экстрактъ о службѣ адмирала Алексѣя Ивановича Нагасва (род. 17 март. 1704, † 8 янв. 1781, погреб. въ СПб. на Никол. кладб. Александровской Лавры (С.П.Б. некрол., III и сборн. Руск. Ист. Общ., т. 62), даютъ интересную страничку изъ служебной лѣтописи офицеровъ русскаго флота начала XVIII в., а также списки молодыхъ офицеровъ. А. И. Нагаевъ—извѣстный гидрографъ и геодезистъ въ 1748 г. на ввѣренномъ ему кораблѣ занимался съемкою береговъ и промѣрами, былъ дважды завѣдующимъ Морской Академіей*) и былъ первымъ директоромъ Морского Кадетскаго Корпуса въ теченіе 8 лѣтъ до 1760.

(См.—А. Кротковъ. Морской Кадетскій корпусъ. С.П.Б. 1901,—стр. 47, 50, 52, 69—71; въ этой книгѣ находится также воспроизведеніе портрета А. И. Нагаева,—работы Бореля).

В. Арсеньевъ.

Христіанія. Іюнь 1913.

*) Послѣ ухода съ должности директора Академіи ген.-адъют. Вас. Мих. Арсеньева, съ 1733 г. Академіей стали завѣдывать старшіе совѣтники академической экспедиціи кн. В. Урусовъ, Пушкинъ, Нагаевъ, Чириковъ, Афросимовъ, Селивановъ и опять Нагаевъ.

**Экстрактъ бытности в наукахъ в службѣ на сухомъ пути и на мори
от флота лейтенанта Алексѣя Нагаева.**

от флота лейтенантъ Алексей Нагаевъ из недорослей явился
і в службу написанъ въ 716-мъ году.

В которыхъ годѣхъ в какия чины произведенъ.	В морской службѣ былъ.	На сухомъ пути.
<p>В школу написанъ въ 716-мъ году от роду 13 лѣтъ.</p>		<p>Въ 716-мъ году октября 14-го дня по указу явился из недорослей въ ст. питербурхе в под- рядной канцеляріи полковника Коше- лева. откуда опре- деленъ в сактпитер- бурхскую академію для ученія матема- тическихъ наукъ. в томже октябрѣ мѣ- сяце. а будучи в школе обучилъ ари- фметику геометрію тригонометрію по 718-й годъ.</p>

В гарде-
марины во
елотѣ напи-
санъ въ
718-мъ году.

Въ 718-мъ году в мае мѣсяце
написанъ в гардемарины и ходилъ
на корабле викторія до Рѣвеля, з
дубомъ под командою капитана Франц-
бона:

Въ 719-мъ году на корабле Лон-
доне до Ламеландра і в Нордбазене
в крейсе, в команде капитана Берен-
га и литемя, а осенью идучи х Крон-
штату тои корабль сталъ на мель
гдѣ нынѣ імѣетца того званія маякъ,
в которомъ случае бѣдство терпѣль
с протчими:

Въ 720-мъ году на корабле Ар-
манте в крейсе у Гогланта караулили
аглипской елотъ в команде капитанъ
лейтенанта Кошелева и по приказу
ево все лѣто управлялъ с протчими
гардемарины рулемъ безъ матрозовъ
а за немѣніемъ аѵицеровъ командо-
вали в ходу кораблемъ.

Пожало-
ванъ в мич-
маны — въ
721 г. мар-
та 5 дня ба-
тировано.

Въ 721-мъ году на корабле Лес-
номъ въ экспедиціяхъ елота у Крас-
ной Горки в команде капитана Кии:

Въ 722-мъ году на корабле ст.
Алексадре въ экспедиціяхъ же при
Красной Горке под елагомъ в быт-
ность на томъ корабле и аншеѳтом
над эскадрою его превосходительства
господина вице адмирала Гордона в
каманде капитана Армитажа.

Зимою былъ в
санктъ питербурх-
ской академіи обу-
чилъ навигацію до
сферики і часть ор-
тилеріи и еорто-
еикаціи и рисовать

Зимою былъ в
домѣ по мартъ мѣ-
сицъ.

Зимою былъ в
Кронштате при ко-
манде гдѣ от своей
братѣ обучился на-
вигаціи круглой:

Зимою в Крон-
штатской команде.

Въ 722-мъ году
осенью опредѣленъ ука-
зомъ із колегіи обучать
гардемариновъ навига-
ціа в команду гвардіи
капитану Козинскому
длѣ вспоможенія ундеръ
лейтенанту Чирикову и
каждую зиму въ 722-м,
723-м, 724-м годѣхъ
обучалъ ихъ во С. Пи-
тербурхе.

Пожалованъ в ундеръ лейтенанты морские — въ 724-мъ году генваря 10 дня по балтированию:

Въ 723-мъ году на карабле Нептунусе до Рогорвика под елагомъ шаубенахта Дуеуса в каманде капитана Доляпа и за неимѣниемъ на карабле штурмановъ во всю компанію правилъ штурманскую должность.

Въ 724-мъ-году на карабле еерме въ экспедиціяхъ елота при Красной Горке под елагомъ бывшаго на томъ карабле и аншее тож над эскадрою вице адмирала Вирстера в каманде капитановъ Деляпа і мяснова.

Въ 725-мъ году.

Въ 726-мъ году на карабле Пантелеймонъ Викторіи при Кронштате на рейде в командѣ капитана Зотова.

Въ 727-мъ году на ерегате Сторлеяниксе в крейсе у Гоглянта в командѣ капитана лейтенанта Абексе-на командовалъ вахтою.

Въ 728-мъ году.

Въ 729-мъ году на ерегатѣ Амстердамъ Галіи на Северномъ океане до острова Килдуина в командѣ капитана лейтенанта Зверева командовалъ вахтою:

Въ годовомъ отпуску был в домѣ.

Въ 726-мъ год командою от гардемаринъ капитана Захарина в Питербурхе, а въ 727-мъ подъ командою от елота капитана калмыкова в Кронштате во обонхъ зимахъ обучалъ по преждеобъявленному коллегіи указу гардемариновъ навигаціи.

Былъ в годовомъ отпуске в домѣ:

Зимою обучалъ по прежнему указу гардемариновъ навигаціи въ ст. Питербурхе в командѣ от гардемаринъ капитана Захарина:

А сколько всѣхъ в разные годы гардемариновъ обучалъ, такожь и кто изъ нихъ произведенъ за обученіе наукъ в аеницеры, и нынѣ дѣйствительно в какихъ чинахъ служатъ тому приложенъ імянной списокъ ниже сего:

Въ 730-мъ году

Пожалованъ лейтенантомъ морскимъ въ 731-мъ году марта 17 дни по старшинству.

Въ 731-мъ году из Ора посланъ в Астрахань

Въ 732-мъ году на гекботахъ на двѣ ярках во всѣ лѣто ходилъ на Каспиское море от Астрахани до Дербента до Низовой и до Боки с правянтномъ и с аммуницею. и с посажиры. и свѣрхъ того командовал эскадрами гекботскими и прочихъ судовъ, которые определены были ходить в тѣ порты и потомъ со оными при Баке на море и зимовал, а при томъ безпрестанное во всю зиму имѣлъ отправленіе гекботовъ от Баки до местечка до Низовой и до Дербента для перевозу войска і вѣщей полковыхъ выведенныхъ из Гилены с претерпѣниемъ бѣдствъ от штурмовъ в потеряннн якорей и прочихъ поврежденіевъ: въ 733-мъ году командуя на помянутыхъ эскадрахъ, а особо гекботомъ ярками транспортвалъ от Боки до Астрахани выведенные из Персіи полки Астраханской, Каспійской і Кавказской и потомъ отправленъ из Астрахани в крѣпость Ст. Креста моремже на гекботѣ Гиляни командиромъ к бывшему тогда тамъ генералу лейтенанту принцу Гесеэнгомбургскому для осмотра обмелевшей при оной крепости рѣки Аграхани и для сысканія способа

Быль в Орловской правниціи у збору на Адмиралтейство — денежной казны;

Прибывъ в Астрахань опредѣлен былъ командиромъ на Седлистомъ острову гдѣ и зимоваль:

какимъ способнѣе быть надлежитъ лодкамъ для перевозу с морскихъ судовъ в крѣпость ст. Креста главныхъ тягостей, что всѣ разсмотря обрасцовые лотки по способности обмелевшихъ водъ здѣлая. рѣчныя устья гдѣ надлежало поправить углублениемъ и прочими поправками о томъ проэктъ Его Свѣтлости подалъ: по которому проэктъ самыхъ дѣйствомъ с того время і исполнялось; а между темъ по указу изъ Астраханской конторы над портомъ имѣлъ команду над гекботами Аграханской эскавдры особо командуя гекботомъ с которою эскавдрою в Аграханскомъ заливѣ при пустой стѣпи зимовалъ в носимомъ всегда лду. в которомъ случае со всеми подчиненными великое бѣдство терпѣлъ в поврежденіи гекботовъ. такожь и отъ выбросыванія ихъ лдомъ на мели.

Въ 734-мъ году по растаяніи лду вѣсною всѣ тѣ страдавшія гекботы (кромѣ одного вовсѣ потоплшаго гекбота ст. Павла) а некоторые с меле снявъ и починивъ до Астрахани довелъ въ целости.

И тогожь лѣта в августа мѣсяце из Астрахани посланъ въ ст. Питербурхъ куда прибывъ в ноябрѣ мѣсяце явился в колегіи;

Въ 735-мъ году.

Былъ в Смоленской губерніи у збору и у слѣдствии по имянному указу о запущенныхъ въ лонмку адмиралтейскихъ денгахъ;

Въ 736-мъ году на корабле Ингерманландѣ при Кронштатѣ на рейде в командѣ капитана Вилстера

В томже году съѣздить с корабля Ингерманланди и определенъ в Питербурхе в комисію слѣдствія на всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ о доимке адмиралтейской денежной казны;

Въ 737-мъ году.

По указу коллегіи былъ в морскомъ Камисариате и правилъ совѣтническую должность особливо имѣлъ в вѣдѣніи главной приходъ денежной казны

Въ 738-мъ году

При вышеозначенной комисіи слѣдствія о доимкахъ адмиралтейской денежной казны на губерніяхъ и провинціяхъ.

Въ 739-мъ году.

По Сенатскому указу определенъ въ комисію слѣдствія при Сенате о доимкахъ государственныхъ доходовъ гдѣ и былъ по апрель мѣсяць:

Летомъ будучи на ботахъ и шлюбкахъ командіромъ описывалъ ѳорватеры морскія отъ Кронштата: а берегъ и острова отъ речки Хмелевки до Выборга и до шведской границы в командѣ генерала лейтенанта и кавалера барона Фонъ Любераса

А в концѣ того года мерялъ съинженеріями служителями около города Выборга глубины ѳорватеровъ в заливахъ около Выборга

Въ 740-мъ году.

По маргъ мѣсяць у тогожь около Выборга вымериванья глубины ѳорватеровъ, и сочиненія о томъ картъ в кабинетъ Ея Императорского Величества

И какъ вышепоказано что от 722 по 730 годъ по окончаніи компаней во всѣ почти зимы обучалъ гардемариновъ навигаціи, а понеже оныхъ в разные годы в помянутомъ обученіи моемъ было 419 человекъ;

Изъ которыхъ за ихъ обученое наукъ по свидѣтельствамъ по указу коленіи господъ елагмановъ и капитановъ морскихъ в разныя времена произведены были в мичманы и подштурманы і в прочія чины а потомъ оныя до ныне произошли, и нынѣ дѣйствително служат во флотѣ а имянно:

Лейтенанты морские.

Андрей Вельяшевъ
Алексѣй Ниротворцовъ
Князь Никита Долгорукой
Петръ Наляновъ
Иванъ Павловъ
Алексѣй Титовъ
Густавъ Эссенъ
Петръ Чаплинъ
Иванъ Байковъ
Александръ Водорацкой
Иванъ Кореницынъ
Михайло Великополской
Игнатей Лодыгинъ
Петръ Недедннской
Терентей Хмелевъ
Семень Сытнинъ
Семень Свистуновъ
Петръ Мазовской
Петръ Трусовъ
Григорей Трусовъ
Матвѣй Ржевской
Иванъ Тютчевъ

Иванъ Неклюдовъ
Аркадей Бѣзобразовъ
Андрей Кривцовъ
Яковъ Львовъ
Иванъ Пушинъ
Аврамъ Хомяковъ
Василей Аринкинъ
Федоръ Лодыгинъ
Федоръ Квашнинъ Самаринъ
Алексѣй Измайловъ
Алексѣй Скуратовъ
Иванъ Сухотинъ
Семень Лыковъ
Харитонъ Лаптевъ
Иванъ Чехачевъ
Осипъ Телепневъ
Итого лейтнантовъ 38.
Генералсъ адютанты и адютанты при елагманахъ:
Генералсъ адютантъ
Аѳонасей Аеросимовъ

Адютанты:

Григорей Бѣзобразовъ
Григорей Спиридовъ
итого генералъ адютантъ и адютантовъ—3.

Мастера:

Федоръ Трусовъ
Василей Мясной
Естифей Бюстужевъ
Иванъ Грязной
итого в мастерахъ 4.

Мичманы:

Михайло Мусорской
Андрей Квашнинъ
Василей Хомутовъ
Федоръ Бакастовъ
Семень Румянцовъ

Оедоръ Рахмановъ
 Иванъ Рокотовъ
 Неодъ Шишковъ
 Петръ Давыдовъ
 Иванъ Трусовъ
 Аонасей Горяиновъ
 Семень Шингаловъ
 Петръ Кошневъ
 Сава Корякинъ
 Иванъ Владыкинъ
 Иванъ Сабуровъ
 Алексѣй Норовъ
 Василей Молчановъ
 Петръ Засѣдкой меншой
 Оедоръ Колобовъ
 Андрей Охотниковъ
 Андрей Ивнъ
 Никифоръ Молчановъ
 Петръ Челышевъ
 Семень Сухотинъ
 Алексѣй Секеринъ
 Андрей Колычовъ
 Андреянъ Обрюгинъ
 Аврамъ Бречетниковъ
 Александръ Колычовъ
 Григорей Аристовъ
 Павелъ Возницынъ
 Григорей Карандѣевъ
 Оедоръ Никоновъ
 Иванъ Смагинъ
 Петръ Засѣдкой
 Петръ Михайловъ
 Устинъ Чулковъ
 Степанъ Жегаловъ
 Лукьянъ Нѣсовъ
 Аврамъ Возницынъ
 Левъ Иевской
 Михайло Короваевъ
 Григорей Томановской
 Дмитрей Колтовской
 Петръ Скобѣлицынъ
 Гаврило Адрѣевъ

Логинъ Голенищевъ Кутузовъ
 Алексѣй Карповъ
 Оедоръ Дубровинъ
 Иванъ Евремовъ
 Иванъ Аеросимовъ
 Данило Хонѣневъ
нъ Троенимовъ
 Матвѣй Волчковъ
 Петръ Чириковъ
 Игнаей Редриковъ
 Алексѣй Коробьинъ
 Матвѣй Жидовиновъ
 Василей Грязной
 Евстиѣй Бѣстужевъ
 Иванъ Грязной
 Алексѣй Каблуковъ
 Петръ Братцовъ
 Иванъ Колышкинъ
 Алексѣй Ларионовъ
 Василей Бердяевъ
 Герасимъ Трофимовъ
 Осниъ Степановъ
 Михайло Кусташевъ
 Василей Арсеньевъ *)
 Максимъ Лябодниковъ
 Кирило Мазовской
 Дмитрей Бѣзобразовъ
 Левъ Болтинъ
 Василей Спиридовъ
 Аонасей Салдатовъ
 Василей Колобовъ
 Леонтей Щелинъ
 Иванъ Бѣлавинъ
 Василей Баригъ
 Андрей Ороловъ
 Григорей Печаевъ
 Князь Иванъ Вяземской
 Григорей Стремоуховъ
 Иванъ Суцевъ
 Иванъ Пазухинъ
 Иванъ Писаревъ
 Гаврило Орочевъ

Андрей Челневъ
 Григорей Уваровъ
 Сергѣй Телегинъ
 Василей Абагѣшевъ
 Василей Побѣдинской
 Григорей Замыцкой
 Яковъ Ртищевъ
 итого мячановъ 97.

Штурманы:

Иванъ Мауриновъ
 Иванъ Ратмановъ
 Левъ Казимеровъ
 Михайло Тихмѣневъ
 Никита Горяхвостовъ
 Василей Патръевъ
 Александръ Толбузинъ
 Никита Сербинъ

итого штурмановъ 8 всего произведенныхъ в чины: чело-
вѣкъ 150.

а какъ въ 722-мъ году го-
сударственная адмиралтейская
коллегия определила меня к
означенному всѣхъ гардемар-
иновъ обученію тогда хотя за
оныя труды и по оказанной
плоди награждение обѣщать
мнѣ словесно изволила, одна-
кожь поныиъ кромѣ равного с
прочими моею братьею в чинѣ
лишняго награждения мнѣ за
то не дано, что всеокорно при-
ношу ввысокое разсмотрѣние.

(Полистать скрѣпа: от оло-
та-лейтенантъ-от олоота лейте-
нантъ Алексѣй Нагаевъ“).

(Писано въ экземплярахъ,
на 7 страницахъ каждый;—
одинъ экземпляръ, очевидно,
черновой и содержитъ много
исправленій въ текстѣ).

*) *Василій Денисовичъ Арсеньевъ*, въ службѣ съ 1721, совѣтникъ адмиралтейской канторы 1754; уволенъ каштаномъ 2 ранга 1760; на службѣ въ Архангельской 1738. (родъ дворянъ Арсеньевыхъ, I, 32).

ЗАПИСКИ О РОДѢ АРСЕНЬЕВЫХЪ

составлены Юліей Ивановной Гриппенбергъ, рожд. Михайловой въ 1901 г.

Вѣтвь Рода Арсеньевыхъ, къ которой относятся сіи воспомина- нія, имѣетъ слѣдующую Родословную:

Колѣно XVI отъ предка Арсеньевыхъ Аслана-Мурзы-Челебея: *Александръ Николаевичъ Арсеньевъ.*

Колѣно XV. *Николай Михайловичъ Арсеньевъ.*

Колѣно XIV. *Михаилъ Михайловичъ.*

Колѣно XIII. *Михаилъ Ивановичъ.*¹⁾ который былъ родоначальни- комъ сей вѣтви рода.

Колѣно XIV.—

Сынъ Михаила Ивановича, *Михаилъ Михайловичъ,*²⁾ Генералъ-По- ручикъ, род. въ 1735 г., умеръ въ 1791 г., былъ женатъ на Александрѣ Кононовнѣ Прончишевой, скончавшейся 24 Марта 1826 г.

¹⁾ *Михаилъ Ивановичъ Арсеньевъ.* третій сынъ царедворца Ивана Еремѣевича А., умерш. до 1724; соловской, алексинской (1724) крапивенскій помѣщикъ (с. Доро- бино и Луковцы); подмастерье СПб. Морской Академіи въ рангѣ унтеръ-лейтенанта 1718—1727; умеръ въ 1747.; погребенъ въ с. Луковцахъ; женатъ 2-мъ бракомъ на Евфиміи Антоновнѣ, помѣщицѣ воротынского у. 1747.

²⁾ *Михаилъ Михайловичъ.* былъ правителемъ Иркутскаго намѣстничества 1785—1791; генералъ поручикъ 1790; за успѣшное веденіе переговоровъ съ Китаемъ его прав- нуки пожалованы въ 1836 г. въ пажы, портреты его у А. А. Арсеньева и Е. А. Хериди- новой и сидѣтныи въ группѣ въ Историческомъ Музеѣ; его надгробное слово напечатано въ журналѣ „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену“; въ службѣ съ 1740; окончилъ Морской Корпусъ; участвовалъ въ Морской Кампаніи 7-лѣтней войны и Архипелагской экспедиціи; капитанъ I ранга 1773; 4 раза проходилъ Нордкапъ; Ярославскій воевода 1777; Предсѣдатель Ярославской палаты гражданскаго суда 1775—1780; на фрегатѣ Полярная Звѣзда отвезъ Брауншвейгское семейство въ Бергенъ 1780—1, за что по жало- ванъ бригадиромъ и 3000 р., а отъ принцессы Елизаветы Антоновны—1000 р.; поручикъ правитель тверскаго намѣстничества 1781—3; калужскій вице-губернаторъ 1783—4.

Михаилъ Михайловичъ Арсеньевъ. служилъ сначала въ Морскомъ Вѣдомствѣ и изъ особыхъ дѣяній по службѣ извѣстенъ даннымъ ему порученіемъ доставить семейство Антона Ульриховича изъ Холмогоръ въ Голштинію.

Къ этому времени относятся слѣдующія семейныя преданія.

Изъ несчастной семьи Ульриховичей въ то время оставались только три незамужнія дѣвицы; онѣ были некрасивы, совершенно не развиты умственно, имѣли видъ и манеры простыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ: на примѣръ, при встрѣчѣ, кланялись въ поясъ, рѣчь была не плавная и одна изъ нихъ сильно заикалась.

Судно, на которомъ назначено было перевести это семейство въ Голштинію, по осмотру его Михаиломъ Михайловичемъ Арсеньевымъ, оказалось настолько ветхимъ, что было признано имъ вполнѣ непригоднымъ и даже опаснымъ для такого дальняго плаванія.

Объ этомъ онъ донесъ его Начальству и заявилъ, что не можетъ взять на себя ответственности за благополучное доставленіе ввѣренныхъ ему особъ, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе и гнѣвъ главныхъ распорядителей этого дѣла.

Подтверженіемъ этого преданія служить сохраняющаяся по настоящее время рѣзная изъ моржоваго клыка, круглая табакерка, чудной мѣстной работы (это мастерство сохраняется и понынѣ, распространено оно среди приморскихъ жителей.)

Табакерка эта была подарена старшей дочерью, (кажется, Екатериной Ульриховной) Михаилу Михайловичу при разставаніи съ нимъ. —

Въ сороковыхъ годахъ, къ сожалѣнію, оказались утраченными записки Михаила Михайловича, сохранявшіяся въ копіи долгое время въ семьѣ.

Затѣмъ, М. М. Арсеньевъ былъ назначенъ Генераль-Губернаторомъ въ Иркутскъ и принималъ участіе въ переговорахъ и сношеніяхъ съ Китайскимъ Правительствомъ по установленію пограничной торговли, что послужило развитіемъ главнаго пункта этой торговли, г. Кяхты.

За М. М. числились родовыя имѣнія, С. Луковицы, Алексинскаго Уѣзда и С. Семейкино, Тарусскаго уѣзда.

Дочь М. М.—Александра Михайловна,¹⁾ тамъ же въ Иркутскѣ, вышла замужъ, за Д. С. С. *Андрея Сидоровича Михайлова*, сослуживца ея отца, Иркутскаго Вице-Губернатора, кажется, занявшаго мѣсто послѣ кончины Михаила Михайловича.

У нихъ были дѣти: Иванъ Андреевичъ, женатый въ первомъ бракѣ, на Графинѣ *Е. П. Голенищевой-Кутузовой*, а во второй разъ на *Еленѣ Павловнѣ Тучковой* (дочери знаменитаго героя отечественной войны) и Александра Андреевна Михайлова, умершая дѣвицей и *Юлія Андреевна Михайлова*, замужъ вышедшая за *Новокищенова*, очень несчастная въ супружествѣ.

М. М. Арсеньевъ скончался въ г. Иркутскѣ, на службѣ; въ семьѣ сохраняется № журнала, издававшася въ Иркутскѣ, подъ названіемъ, „*Съверной Инокрены*,” гдѣ помѣщено надгробное слово, сказанное при его погребеніи.

Послѣ кончины М. М. вдова его Александра Кононовна,²⁾ перѣхала со всей семьей, въ свое имѣніе, Тульской Губ. Ефремовскаго Уѣзда, с. Кольцово и занялась устройствомъ этого въ то время еще почти степного уѣзда.

Барыня она была умная, строгая, и богатая; будучи ребенкомъ, А. А. Арсеньевъ засталъ еще старика крестьянина Ивана Соловьева, служившаго при ней бурмистромъ.

По рассказамъ его, у него были серебряныя стремяна; во всемъ было изобиліе: земля была такъ плодородна, что послѣ подъема пара, ко времени посѣва, по взмету, выростала такая высокая трава, что пѣшему человѣку трудно было сѣять.

Земли казенной было такъ много и она была такъ дешева, а деньги такъ дороги, что Александра Кононовна, прикупивъ казенной земли, по одному рублю десятина, приобрѣла только четыреста десятинъ.

Населеніе было рѣдко и она, какъ хорошая хозяйка, не допускала, чтобы ея крестьяне отдавались въ рекруты и на мѣсто своихъ

¹⁾ *Александра Михайловна*, р. 1768, † 1812, погреб. въ Московскомъ Даниловскаго мон., портретъ у внука Вл. Ив. Михайлова.

²⁾ *Александра Кононовна (Кононовна)*, алексинская, богородицкая и ефремовская помѣщ., московск. домовладѣль; † 24 Март. 1824, погреб. въ Моск. Данилов. мон.; портретъ у А. А. Арсеньева.

крѣпостныхъ особо покупала для этого молодыхъ крестьянъ-охотниковъ отъ сосѣднихъ помѣщиковъ.

У Михаила Михайловича и Александры Кононовны было много дочерей и два сына.

Колѣно XV.

Старшій сынъ, *Николай Михайловичъ*,¹⁾ Генераль-Маіоръ, былъ женатъ уже пожилымъ, на Юліи Максимовнѣ Клугентъ,²⁾ дочери Генераль-Маіора, царствованія Императора Павла, Гитчинскихъ полковъ.

Послѣдовательно будучи командиромъ нѣсколькихъ полковъ. Николай Михайловичъ былъ назначенъ воинскимъ начальникомъ въ Калужскую и Тульскую губерніи.

Н. М., до самой своей старости, состоялъ на военной службѣ, при чемъ служилъ подъ командою А. В. Суворова, участвовалъ при взятіи Измаила и во время второй Польской войны состоялъ адъютантомъ при А. В. Суворовѣ и сопутствовалъ ему при вѣздѣ, послѣ кровопролитнаго штурма, въ Прагу.

Изъ семейныхъ преданій къ жизни Н. М. относится слѣдующее: 1) женитьбой своей, на лютеранкѣ, онъ навлекъ на себя гнѣвъ матери, которая лишила его наслѣдства и только на склонѣ лѣтъ своей жизни, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ умиравшаго холостого своего брата, Павла Михайловича, Н. М. былъ прощенъ матерью, вслѣдствіе чего и перешли къ нему отцовскія и материнскія имѣнія. 2) Въ 1797 г. во время командованія Н. М. однимъ изъ полковъ, стоявшихъ въ Минской губерніи, къ нему явился фельдъегерь и передалъ ему Высочайшее Повелѣніе, явиться немедленно къ Государю и притомъ съ величайшей поспѣшностью и въ сопровожденіи того же фельдъегеря.

¹⁾ *Николай Михайловичъ*, р. 1765, † до 1829 генераль-маіоръ; начальникъ 7-го пѣх. каз. п., московск. дворянск. ополч. 1812; орд. св. Георгія 4 ст. (1807). Во время взятія Праги, нѣкоторые поляки просили у Суворова даровать имъ жизнь,—и онъ имъ разрѣшилъ спасаться, держась между лошадью его и Арсеньева, но ожесточеніе солдатъ было такъ велико, что всѣ они были перебиты, и вся одежда и сѣдло Арсеньева были залиты кровью избитыхъ солдатами поляковъ; за штурмъ Праги Арсеньевъ получилъ золотую шагу съ подпункомъ: „за храбрость“; былъ шефомъ новигинскаго пѣхотн. полка.

²⁾ *Юлія Максимовна*, † 10 Мая 1816., ея портретъ и браслетъ у Е. А. Херодиновой, коей хранится переписка Имп. Елизаветы Алексѣевны съ ея сестрой Рославлевою; въ церкви Арсеньевскаго имѣнія с. Кольцова находится икона 3 радостей, вывезенная Императрицей изъ-за границы и послѣ ея смерти переданная Имп. Николаемъ I въ семью Арсеньевыхъ.

Не успѣвъ проститься съ семьей и хотъ сколько нибудь собраться въ дорогу, перепуганный генераль, бывшій уже въ преклонномъ возрастѣ, былъ доставленъ прямо съ дороги во дворецъ.

Не имѣя возможности отдохнуть отъ тяжелой дороги и объяснить себѣ причину такого спѣшнаго вызова (а съ императоромъ Павломъ надо было держать ухо востро) вслѣдствіе этого, бѣдный Н. М. хотя и не сознавалъ за собой какой-либо вины, но могъ ожидать для себя чего-нибудь опаснаго, по близости своей по прежней службѣ къ фельд-маршалу Суворову.

Вопреки своимъ ожиданіямъ, и конечно, къ несказанной радости измученнаго генерала, Государь принялъ его весьма милостиво, возложилъ на него большой крестъ Мальтійскаго ордена и разрѣшилъ ему немедленно возвратиться къ мѣсту своего служенія, чѣмъ Н. М. и не замедлилъ, конечно, воспользоваться.

Этотъ Мальтійскій крестъ, столь дорого доставшійся генералу Арсеньеву, доселѣ сохраняется въ семьѣ.

Въ 1812 г. Н. М. былъ начальникомъ Калужскаго ополченія. Скончался Н. М. въ Селѣ Семейкинѣ, а похороненъ въ С. Луковицахъ.

Другой сынъ Михаила Михайловича. *Павель Михайловичъ*¹⁾ дѣйств. ст. совѣтникъ и секретарь петербургской Масонской Ложы, умеръ холостякомъ въ 1820 г.

Женившись въ пожиломъ возрастѣ, Н. М. оставилъ послѣ своей смерти двухъ малолѣтнихъ сиротъ, *Александра* и *Елизавету*, которыхъ въ раннемъ дѣтствѣ отдалъ, перваго въ Пажескій корпусъ, а вторую— въ Екатерининскій Институтъ.

Колѣно ХVІ. *Александръ Николаевичъ Арсеньевъ*,²⁾ окончилъ курсъ въ Пажескомъ Корпусѣ, сперва служилъ въ Сумскомъ Гусарскомъ Полку, а затѣмъ въ Гродненскомъ Гусарскомъ.

1) *Павель Михайловичъ*, р. 1767, † 11 Окт. 1820; членъ Прис. Деп. удѣловъ; почетн. чл. ложи средин. друзей, 2-й надзират. ложи умирающ. Сфинкса 1814; его портретъ А. А. Арсеньева.

2) *Александръ Николаевичъ*, р. 14 Апр. 1817, † 9 Дек. 1872.

Женившись въ 1847 г. на дочери Генераль-Маіора. Евдокіи Алексѣевнѣ Протасовой,*) вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ, а въ 1852 г. былъ выбранъ сначала въ Уѣздные Предводители а затѣмъ, въ скоромъ времени, въ Губернскіе и послѣднюю должность занималъ въ теченіе двухъ трехлѣтій.

Выборная его служба совпала съ тяжелыми годами Крымской Компаніи и подготовительныхъ работъ по освобожденію крестьянъ.

Наборъ ополченія въ 1854—55 г. потребовалъ много трудовъ и полного напряженія силъ; еще болѣе труда и работы потребовали занятія комитетовъ по освобожденіи крестьянъ. Время это, было смутное и шумное, а тогдашнія дворянскія собранія имѣли чрезвычайно бурный характеръ.

Въ Декабрѣ 1858 г. во время очередного собранія, Александръ Николаевичъ тяжело заболѣлъ; съ нимъ послѣдовалъ нервный ударъ, вслѣдствіе чего онъ уже не могъ продолжать далѣе своей службы, и, хотя здоровье его съ годами возстановилось, онъ на службу болѣе не поступалъ, ограничиваясь званіемъ почетнаго Мироваго Судьи и уѣзднаго Гласнаго.

.

И мужъ и жена, оба привѣтливые, добрые, радушные, симпатичные въ высшей степени, представляли собой, въ полномъ смыслѣ слова, типъ русскихъ бояръ.

Ихъ двери всегда были гостепримно открыты для всѣхъ; между родными мужа и жены не было никакой разницы: всѣ были имъ одинаково дороги и близки; великое, могучее слово „свой“ обобщало всѣхъ безъ исключенія, и всѣ, дѣйствительно, пригрѣваемые ихъ лаской, чувствовали себя какъ дома, дорожили всегда ихъ вниманіемъ и расположеніемъ и стремились отдохнуть нравственно, вшивая постоянно свѣжесть мыслей и чувствъ этого милаго дома.

Евдокія Алексѣевна Арсеньева особенно горячо принимала къ сердцу все, касающееся семьи, и помогала въ дѣлахъ мужу, какъ гу-

*) *Евдокія Алексѣевна*, рожд. Протасьева, р. 22 Авг. 1825, ум. 18 Іл. 1897; нечит. тульск. дома призранія о бѣдныхъ; портреты ея и ея мужа у сыновей ихъ; во время погребенія ея въ оградѣ церкви с. Луковицъ Алексиск. у., были обнаружены останки строителя сей церкви перваго тульскаго губернскаго предводителя дворянства Д. В. Арсеньева, отличавшагося большимъ ростомъ.

бернскому предводителю дворянства, а потомъ вела переписку сына своего, Алексѣя, также въ занимаемой имъ должности предводителя дворянства. Замѣчательно то, что ко всѣмъ своимъ невѣсткамъ Евдокія Алексѣевна Арсеньева относилась одинаково любовно и сердечно, а въ послѣдствіе также очень любила своего зятя В. Н. Пуцина, который души въ ней не чаялъ и всегда относился къ ней съ уваженіемъ, высказывая чувства сыновней почтительности и окружая ее постояннымъ вниманіемъ и заботами.

Скончался Александръ Николаевичъ Арсеньевъ въ Петербургѣ 9 Декабря, въ 1872 г. и погребенъ также въ родовомъ своемъ имѣніи, С. Луковицахъ, Тульской Губерніи, Алексинскаго Уѣзда, на родовомъ кладбищѣ, при церкви, имъ самимъ перестроенной.

Вдова его Евдокія Алексѣевна Арсеньева на много лѣтъ пережила его и скончалась въ 1897 г. 18 Іюля, въ С. Кольцовѣ и погребена рядомъ съ мужемъ, въ С. Луковицахъ.

Елизавета Николаевна Арсеньева,*) сестра Александра Николаевича, получивъ по раздѣлу половину всего имѣнія, въ томъ числѣ старинное родовое Семейкино, вышла замужъ за офицера кавалергардскаго Полка, Родіонова, потомка (чуть ли не внука основательницы казанскаго Института).

Елизавета Николаевна Родіонова была замѣчательной красавицей, чрезвычайно обходительная, умная, добрая и милая; она была горячо любима, всѣми знававшими ее, а для насъ, *Михайловыхъ*, когда мы были дѣтьми и когда она пріѣзжала къ своему двоюродному брату, а моему отцу—Ивану Андреевичу Михайлову,—было настоящимъ праздникомъ. Она часто гостила у насъ лѣтомъ: съ нею входили радость и веселіе въ нашъ домъ; она чутко и любяще отзывалась всѣмъ намъ, и когда моя мать уѣзжала на короткое время къ моей бабушкѣ въ Петербургъ, милая наша тетя Лиза всегда пріѣзжала къ намъ и заботилась о насъ.

Она скончалась вскорѣ послѣ своего брата Александра Николаевича и также похоронена въ с. Луковицахъ.

*) *Елизавета Николаевна*, р. 1815, въ 1842 г. окончила съ шифромъ Смольный институтъ; за Лукой Павл. Родіоновымъ.

Прошло уже много, много лѣтъ, что ея не стало, но память о любимой тетускѣ, единственной близкой родственницѣ моего отца, живеть въ моемъ сердцѣ, свѣтло озаряя мои воспоминанія о ней.

У Александра Николаевича Арсеньева было трое сыновей, зачисленныхъ кандидатами Пажескаго Корпуса и одна дочь.

Старшій, *Николай* (Кольно XVII), исполняя горячее желаніе отца и по собственному призванію, поступилъ на Медицинскій Факультетъ Московскаго Университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 69 году.

Имѣя вполне обеспеченное состояніе, Николай Александровичъ*) Арсеньевъ не занимался практикой. Однако, проживая въ деревнѣ, а также и во время пребыванія своего въ Москвѣ не отказывалъ никому въ бесплатной помощи, вслѣдствіе чего память его особенно чтится и до сего времени среди крестьянскаго населенія, въ округѣ с. Кольцова, Ефремовскаго уѣзда, гдѣ онъ подолгу проживалъ каждый годъ. Не занимая никакой служебной должности, онъ принималъ горячее участіе въ дѣлахъ земства, въ качествѣ Гласнаго уѣзднаго и губернскаго Земскаго собранія и Ефремовскій уѣздъ обязанъ ему правильной и удачной постановкой народной медицины въ уѣздѣ.

Въ 1877 г. Н. А. Арсеньевъ принялъ на себя руководство отдѣленіемъ Краснаго Креста, составленнымъ московскимъ дворянствомъ и дѣйствовавшимъ на Азіатскомъ театрѣ войны. Сопровождая наши войска во всемъ ихъ движеніи въ М. Азіи. до послѣдней битвы при Деве-Бойнѣ, онъ заболѣлъ отъ простуды, лишеній и переутомленія. и при обратномъ походѣ нашихъ войскъ скончался отъ голоднаго тифа, въ г. Карсѣ, 16 Ноября 78 г.

Тѣло его было привезено и предано землѣ на томъ же родовомъ кладбищѣ, въ с. Луковицахъ.

Наградой за дѣятельность по Красному Кресту было пожалованіе ордена, Владимира IV степени съ мечами, полученнаго уже послѣ его смерти, его семьей, какъ дорогое воспоминаніе. Въ походѣ Николая Александровича съ Краснымъ Крестомъ ему сопутствовалъ бывшій крѣпостной человѣкъ, Иванъ Власовъ, онъ же привезъ на родину и тѣло барина, передавъ много трогательныхъ эпизодовъ изъ дѣятельности Н. А. и картину невѣроятныхъ въ обычное время лишеній, ими перенесенныхъ.

*) *Николай Александровичъ*, р. 30 Апр. 1846. приватъ-доцентъ Московск. Университ., † 16 Нбр. 1878.

Отправился Н. А. въ походъ, полный силъ и здоровья, съ темными курчавыми волосами и черной какъ смоль бородой, а на портретѣ, снятомъ послѣ его кончины, въ гробу, посѣдѣвшихъ его волосы отличить нельзя было отъ бѣлой подушки.

Н. А. былъ женатъ на Софіи Александровнѣ¹⁾ (по первому мужу Казначеевой, рожд. Витбергъ) дочери извѣстнаго художника-мистика, составителя первоначальнаго проекта храма Христа Спасителя въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ.

У него остался одинъ сынъ *Александръ*,²⁾ (колѣно XVIII, нынѣ здравствующій и окончившій курсъ сперва на Естественномъ, а затѣмъ въ 1900 г. по примѣру отца, на Медицинскомъ Факультетѣ Московскаго Университета.

Второй сынъ Александра Николаевича Арсеньева, *Алексій Александровичъ*,³⁾ нынѣ также здравствующій, тайный совѣтникъ, окончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ въ 1872 г. служилъ недолго по министерству юстиціи; былъ добровольцемъ въ сербской компаніи и былъ раненъ въ грудь навзлѣтъ, а затѣмъ женившись на *Вирѣ Александровнѣ Ширяй*, переѣхалъ въ деревню. Въ 1876 г. былъ блестяще избранъ на должность непремѣннаго члена Ефрем. уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и съ тѣхъ поръ до сего года, продолжалъ свою выборную службу, сперва въ должности Ефремовскаго предводителя (два трехлѣтія,) а съ 1885 г. состоитъ Тульскимъ губернскимъ Предводителемъ.

Третій сынъ Александра Николаевича Арсеньева, *Александръ*⁴⁾ *Александровичъ*, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, вышелъ въ Семеновскій полкъ, участвовалъ въ походѣ 1877 г. былъ контуженъ въ ухо, но не вышелъ изъ строя. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ по-

1) *Софія Александровна*, начальница гимназій въ Москвѣ, р. 29 Янв. 1840; ум. 2 Авг. 1913 въ Крыму, погреб. въ с. Луковцахъ.

2) *Александръ Николаевичъ*, р. 12 Сент. 1874; врачъ; женатъ на Варварѣ Васильевнѣ Бибиковой, начальницѣ гимназій въ Тулѣ, р. 25 Окт. 1875; у нихъ дѣти: Николай, Василій, Алексій, Викторъ и Татьяна.

3) *Алексій Александровичъ*, р. 26 Мая 1849, членъ Государственнаго Совѣта; кавалеръ орд. Бѣлаго Орла 1913; 1-я жена—Вѣра Александр. Ширяй, † 1886; 2-я ж.—Александра Ивановна Семенова; отъ 2 брака сынъ—Алексій, студ. СПб. Универс. (1914).

4) *Александръ Александровичъ*, р. 15 Июл. 1853; д. с. с., былъ въ 1886 г. ефрем. уѣздн. предв. дворян.; его дочь *Екатерина* за членомъ Тульск. губ. земск. управы Вл. Ив. Хероидиновымъ и имѣетъ 3 дѣтей.

хода, женился на *Маріи Львовнѣ Тритатной*, имѣеть дочь *Екатерину*: былъ одно время почетнымъ *Мировымъ Судьей*, теперь живетъ въ деревнѣ и занимается хозяйствомъ.

Дочь Александра Николаевича Арсеньева, *Марія Александровна*¹⁾ *Пуцина*, замужемъ за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, воспитывавшимся въ Пажескомъ корпусѣ, бывшимъ офицеромъ Измайловскаго полка и участвовавшимъ въ походѣ 1877 г.

Дѣти ихъ: *Марія, Евдокія и Ольга*.

Сыновья: *Александръ* на Юридическомъ Факультетѣ Петербургскаго Университета и *Всеволодъ*, въ младшемъ спеціальному классѣ Пажескаго корпуса.

Совершенно къ другому роду Арсеньевыхъ принадлежалъ:

Дмитрій Александровичъ Арсеневъ,²⁾ былъ замѣчательно симпатиченъ, милъ, изященъ, красивъ, съ чудными черными глазами горной газели. Онъ былъ въ Стрѣлковомъ Его Величества полку и по распоряженію командира Полка долженъ былъ остаться въ резервномъ Баталіонѣ. Неустрашимость, сознание дома, обидное чувство, что всѣ идутъ сражаться за Вѣру, Царя и Отечество, а онъ молодой, здоровый, полный силъ и живаго, долженъ остаться, произвело на него такое, тяжелое, угнетающее чувство, что совершенно разстроенный и внѣ себя отправился онъ къ Командру съ усиленной просьбой назначалась его въ походъ, не смотря на невообразимое горе его жены, горячо его любившей.

Онъ былъ женатъ на дочери Московскаго профессора исторіи, *Шеврервой*, нынѣ тоже умершей.

Въ первой же рекогносцировкѣ подъ Горнымъ Дубникомъ, онъ былъ убитъ 12 Октября, 1878 г.

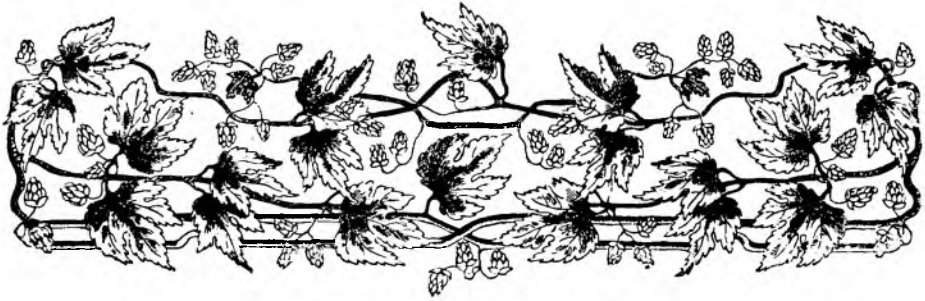
Тѣло его было привезено въ *Царское Село*, Петерб. Губ. и предано землѣ на Кузминскомъ Кладбищѣ.

Большой его портретъ, замѣчательно похожій, находится у брата его *Ореста Александровича Арсенева*.

¹⁾ *Марія Александр.*, р. 7 Ин. 1841; ея мужъ умеръ 18 Дек. 1907 г. ея дѣти: *Марія* за Трофимовскимъ; *Евдокія* за Медвѣдевымъ; *Ольга* за барон. *Нолькенъ*; *Всеволодъ* *Всеv.*, адъютантъ л.-гв. конн. п., женатъ на гр. *Клейнмихель*; *Александр* *Всеv.* — женатъ на *Трифановской*.

²⁾ *Дмитрій Александровичъ*, сынъ ген. маіора Александра Ильича и жены его *Людмилы Васильевны* рожд. *Рупертъ*; вдова его *Екатерина Сергѣевна*, † 3-III-1900 въ Сиб.

РѢДКІЯ И ЦѢННЫЯ ИЗДАНІЯ,

собранныя В. М. Остроглазовымъ.

Въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ текущаго столѣтія, среди горячо увлекающихся книголюбцевъ Москвы, невольно обращалъ на себя вниманіе извѣстный библіофилъ—тайный совѣтникъ *Василій Михайловичъ Остроглазовъ*.

Питомецъ старой духовной школы и потомъ Московскаго Университета, В. М. съ юности „любилъ книжное почитаніе“ и сначала имѣлъ подъ руками, въ своей домашней библіотекѣ, собраніе медицинскихъ сочиненій и журналовъ, необходимыхъ для его специальности, такъ какъ, обладая степенью доктора медицины, занимался лѣченіемъ больныхъ и притомъ занималъ мѣсто начальника Московскаго Врачебнаго Управленія. Затѣмъ, какъ большой любитель чтенія въ часы досуга отъ служебной дѣятельности, В. М., въ послѣднія девять лѣтъ своей жизни, независимо отъ родного брата—библіографа И. М. Остроглазова, началъ усердно собирать книги по другимъ отраслямъ знанія, преимущественно рѣдкія и цѣнныя изданія, интересовавшія его или по своему содержанію, или по важному библіографическому значенію. Подъ конецъ жизни этотъ страстный библіофилъ уже владѣлъ большимъ книжнымъ собраніемъ и, умирая въ 1907 году, завѣщалъ его своей супругѣ Т. И. Остроглазовой, въ полное ея распоряженіе, не обозначая въ своей духовной даже какого-либо учрежденія, куда могла бы поступить собранная имъ библіотека. Просвѣщенная наслѣдница, желая сберечь въ цѣлости это „книжное сокровище“, принесла его въ даръ Императорскому Московскому Университету, гдѣ оно теперь занимаетъ особо отведенный залъ при фундаментальной библіотекѣ.

Въ настоящее время, желая ближе ознакомить съ наиболѣе важною частію библіотеки В. М. Остроглазова, „Русскій Архивъ,“ посвя-

ценный вообще обнародованію и сбереженію книжныхъ богатствъ Россіи, представляетъ свои страницы обзору рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій, собранныхъ покойнымъ москвичемъ-книголюбомъ (съ его собственными отмѣтками), какъ дань „на благое просвѣщеніе“.

Аксаковъ И. С. Рѣчь, произнесенная, 22 Іюня 1878 г., въ Московскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ. Берлинъ, 1878 г. 24 стр. Рѣдкость.

Аксаковъ Константинъ. Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка. Разсужденіе, писанное на степень Магистра философскаго факультета перваго отдѣленія. Москва, 1846 г. 517+IV нenum. стр. Рѣдкость.

„Интересныя свѣдѣнія объ этой книгѣ можно прочесть въ 8-й книгѣ *Жизнь и труды М. П. Погодина* Барсукова, стр. 343—4.“

Аксаковъ Сергій. Записки объ уженѣ. Москва. 1847 г. XVI+163 стр. Рѣдкость.

Алексій, Ректоръ Московской Духовной Академіи. О лицѣ Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа. Статья первая (болѣе не было). Москва. 1847 г. II+II+II—306 стр. Рѣдкость.

Алексѣевъ, Петръ, Протоіерей. Церковный словарь. Пять томовъ. Изданіе четвертое. С.Петербургъ. 1817—1819 г. г. VП+XV+279+235+368+208+173+17+IV. Каждый томъ имѣетъ отдѣльную нумерацію. Рѣдкость.

Альбомъ архитектурный, представляющій отличнѣйшіе геометрическіе фасады соборовъ, монастырей, церквей, казенныхъ и частныхъ зданій первопрестольнаго столичнаго града Москвы. Составлены при Коммисіи для строеній въ Москвѣ. 1832 г. 4°. 2 тетради съ 64 рисунками. Рѣдкость.

Альбомъ патріотическихъ стихотвореній по случаю современной войны съ портретомъ Императора Николая. СПБ. 1854 г. 4°. 44 стр.+1 стр. (нenum.). Рѣдкость.

Амеросій, Архимандритъ. Исторія Россійской Іерархіи. 6 томовъ. (7 книгъ) М. 1822, 1810—1815 г.г. Ч. 1-я=XI стр.+642 стр.+VIII

стр.; Ч. 2-я=CLIX стр.+698 стр.+5 стр.; Ч. 3-я=761 стр.+V стр.:
Ч. 4-я=887 стр.+V стр.; 5-я Ч.=737 стр.+III стр.; Ч. 6-я=560 стр.
(7-я книга)=1148 стр. (счетъ съ 561 стр.)+III стр. Рѣдкость.

„См. полный каталогъ Шибанова, изданіи 1899 года, стр. 9-я, гдѣ цѣна сему сочиненію назначена 25 руб. Особенно рѣдка 4-я часть этого сочиненія.

„Интересныя свѣдѣнія объ этой Исторіи можно читать въ книгѣ: *Жизнь и труды М. П. Погодина* Барсукова, книга 5-я, стр. 77-я.

„Читай объ этомъ еще въ брошюрѣ Н. А. Колосова: *Исторія Россійской Герархіи* Преосвященнаго Амвросія Орнатскаго М. 1894 г.“

Амфитеатровъ Е. В. Профессоръ Московской Духовной Академіи. Историческій очеркъ ученій о красотѣ и искусствѣ. Изъ академическихъ чтеній. Харьковъ, 1890 г. 184 стр. Рѣдкость.

Антолій. архіепископъ. См. *О Иконописаніи.*

Андреевскій Иванъ. О намѣстникахъ, Воеводахъ и Губернаторахъ. Разсужденіе на степень Доктора государственнаго права. СПетербургъ. 1864 г. IV (ненум.)+156 стр. Рѣдкость.

Андреевъ А. П. Венеція въ художественномъ отношеніи. Полное описаніе замѣчательнѣйшихъ произведеній искусствъ, находящихся въ ея публичныхъ и частныхъ галлереяхъ, храмахъ, дворцахъ и проч. съ приложеніемъ топографическаго плана города Венеціи, гравированнаго снимка съ картины Тиціана „Взятіе на небо Богоматери“ и съ многими полнотипажамы. Москва. 1864 г. XI+178+I ненум. стр. Рѣдкость.

Андреевъ А. П. Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школь. Настольная книга любителей изящныхъ искусствъ съ присовокупленіемъ описанія замѣчательнѣйшихъ картинъ находящихся въ Россіи и шестнадцатью таблицами монограммъ извѣстнѣйшихъ художниковъ. С. Петербургъ. 1857 г. IV+579+XIV+II ненум. стр. Рѣдкость.

Андреевъ Пик. Аркад. Записка о Государственномъ Совѣщательномъ Собраніи. На правахъ рукописи. М. 1905 г. In folio. 10 стр. Рѣдкость.

Анненковъ Н. Ботаническій словарь. Справочная книга для ботаниковъ, сельскихъ хозяевъ, садоводовъ, лѣсоводовъ, врачей, дрогистовъ,

путешественниковъ по Россіи и вообще сельскихъ жителей. Новое исправленное, пополненное и расширенное изданіе. С. Петербургъ, 1878 г. XXI+645 стр.

„Изданіе рѣдкое. Книга сія давно вся распродана. Цѣна отъ 8 до 10 р.“

Линенковъ Н. Простонародныя названія русскихъ растений. Москва. 1858 г. 159 стр. Рѣдкость.

Линенковъ П. В. А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній. Съ приложеніемъ рисунковъ: модели памятника, мѣста погребенія и снимковъ съ пѣчерковъ и рисунковъ поэта. Изданіе 2-ое С.Петербургъ. 1873 г. II (ненум.)+III+475 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Ключкова за № 411, 1906 г. цѣна сей книги 4 р. с.“

Линенковъ П. В. Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ. Въ 3 отдѣлахъ (3 тома). С.Петербургъ. 1877, 1879, 1881 гг.

Отд. I, VI+I (ненум.)+343 стр. Отд. 2, VIII+404 стр. Отд. 3, IV (ненум.)+383 стр. Рѣдкость.

Лисильонъ, членъ Королевской Академіи Наукъ въ Пруссіи.—Естетическія разсужденія. Переведены съ французскаго языка Студентами Санктпетербургской Духовной Академіи въ пользу любителей прекраснаго и высокаго, подъ руководствомъ Синодальнаго Члена, Преосвященнаго Теофилакта, Архіепископа Рязанскаго. С.Петербургъ. 1813 г. 255 стр.

Рѣдкость. „Исторію объ этой книгѣ смотри въ сочиненіи Чистовича: „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ 19-го столѣтія“. Сиб. 1894 г. стр. 78—81.“

Аполонія, или зацѣпленіе ордена вольныхъ каменщиковъ. Писанная Братомъ**** Членомъ Шотландской** ложи, въ П**. Переводъ съ нѣмецкаго языка. Москва. 1784 г. 224 стр.

Рѣдкость. „По Сонникову (1994) рѣдка. Сочинена извѣстнымъ масономъ Штаркомъ, переведена на русскій языкъ. И. П. Тургеневымъ. По распоряженію Правительства сожжена. Смотри, „Книжныя рѣдкости“ Остроглазова, стр. 4-я. Цѣна до 12 руб.“

Ариповъ П. Н. и Гоппольшъ Августъ. Драматическій Альбомъ съ портретами русскихъ артистовъ и снимками съ рукописей. Москва. 1850 г. VI (ненум.)—XCIV+VIII (ненум.)+267+V+IX (ненум.) стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова за № 105, 1901 года, цѣна сей книги 20 р. с. Подарокъ О. И. Тютчева.“

Арсеньевъ Константинъ. Царствованіе Петра II-го. СПБ. 1839 г. 8°. 150+1 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Архивъ Русскій. 1900 г. № 2-й. Изъ записокъ фельдмаршала князя Ф. В. Сакена (въ полномъ видѣ) 8°.

Рѣдкость „Отмѣченныя карандашемъ мѣста въ статьѣ: „Изъ записокъ фельдмаршала Сакена“ не были пропущены цензурою. Нумеръ этотъ *Русскаго Архива* былъ задержанъ и записки Сакена были перепечатаны, съ исключеніемъ отмѣченныхъ мѣстъ.“

Архивъ Русскій. 1904 года. № 8. М. 1904 г. 8°. 614 стр. (счетъ съ 457 стр.)+2 стр. (ненум.).

Рѣдкость. „Не пропущенъ въ полномъ видѣ цензурою“:

„Этотъ № 8-й Русскаго Архива былъ задержанъ цензурою за статью: „Княгиня Ангальтъ-Цербская“ и затѣмъ, по исключеніи изъ нея нѣкоторыхъ мѣстъ, былъ выпущенъ въ свѣтъ. Этотъ экземпляръ безъ цензурныхъ исключеній“.

Аванасьевъ А. II. Народныя русскія легенды. Москва. 1859 г. XXXII+203+II стр.

Рѣдкость. „Второе изданіе сей книги заирещено, и поэтому она стала библиографическою рѣдкостью. Цѣна ей отъ 15 до 18 р. с. Цензоръ Дим. Михайловичъ Наумовъ былъ уволенъ отъ должности за пропускъ сей книги, какъ кощунственной и безнравственной. Смори объ этомъ въ „Собраніи мнѣній и отзывовъ Моск. Митрополита Филарета“ — томъ дополнительный, стр. 527—31, а также его „Письма“ къ Архимандриту Антонію (4 томъ, стр. 239) и къ Архіепископу Алексію (стр. 214).“

Аванасьевъ А. II. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ мифическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. Москва. 1866—1869 гг. Три тома 800+5 ненум.+784+III+840+2 ненум. стр.

Рѣдкость. — „209. Аванасьевъ, А. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ мифическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. 3 тома. Изд. К. Сосдатенкова М. 1865—1879. 35 р.—Распороданное изданіе“. Это—вырѣзка изъ каталога букиниста Фадѣева № 7, за 1903 годъ. По каталогу Шибанова № 57 цѣна этой книги также поставлена 35 р. с. Особенно рѣдко попадается въ продажѣ 1-й томъ.

Аванасьевъ А. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. Москва. 1859 г. 282 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова за № 84—цѣна 10 руб.“

Баженовъ Николай. Казанская Исторія. Съ рисунками. Казань. 1847 г. VШ+138+IV+I нenum.+II нenum.+146+II нenum.+I нenum.+148+II нenum.+XI стр. Рѣдкость.

Бакунинъ М. А. 1) Статья А. И. Герцена о Бакунинѣ. 2) Біографическій очеркъ М. Драгоманова. 3) Рѣчи и Воззванія. Съ 2 портретами Бакунина. С.Петербургъ. 1906 г. XV+296 стр. Рѣдкость. „Запрещена“.

Бакунинъ Михаилъ. Богъ и Государство. Изданіе „Равенства“ М. 1906 г. 8°. IV стр.+78 стр.

Рѣдкость. „Конфискована“.

Балмонъ Э. Э. Опытъ изслѣдованія о русскихъ названіяхъ (простонародныхъ и книжныхъ) млекопитающихъ животныхъ, водящихся въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Казань. 1858 г. 92 стр. Рѣдкость.

Бальмонтъ К. Д. Будемъ, какъ Солнце. Книга Символовъ. Обложка работы художника Фидуса. М. 1903 года. 8°. 1 стр. (нenum.)+290 стр.

Рѣдкость. „Полный экземпляръ безъ вырѣзокъ“.

Бантышъ-Каменскій Дмитрій. Біографія Россійскихъ Генералиссимусовъ и Генераль-Фельдмаршаловъ. Съ 48 портретами. С.Петербургъ. 1840—1841 гг. 4 части. VI нenum.+VI+314+268+235+373+8 стр.

Рѣдкость. „Рѣдко попадается со всѣми 48-ю портретами. По каталогу Ключкова за 1901 г.—цѣна 7 р.“

Бантышъ-Каменскій Дмитрій. Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ, служившихъ въ царствованіе Государя Императора Петра Великаго. Изданіе второе. Москва. 1821 г. Двѣ части. XVI+222+274 стр. Рѣдкость.

Бантышъ-Каменскій Дмитрій. Жизнь Пресвященнаго Амвросія, Архіепископа Московскаго и Калужскаго, убиеннаго въ 1771 году. М. 1813 г. 8°. 104 стр. Рѣдкость.

Бантышъ-Каменскій Дмитрій. Историческое собраніе списковъ кавалерамъ четырехъ російскихъ Императорскихъ орденовъ: Св. Апостола *Андрея* Первозваннаго, Св. Великомученицы *Екатерины*, Св. Благовѣрнаго Великаго Князя *Александра* Невскаго и Св. *Анны*, съ самаго учрежденія оныхъ, до установленія въ 1797 году Орденскаго Капитула; съ приложеніемъ старыхъ Статутовъ первыхъ двухъ орденовъ и ордена Св. *Анны*: съ означеніемъ кончины нѣкоторыхъ Кавалеровъ, и съ присовокупленіемъ, для удобнѣйшаго присканія, Алфавита фамиліямъ, упоминаемыхъ здѣсь Кавалеровъ. Москва. 1814 г. 336+XLVII стр.

Рѣдкость. „По каталогу Трусова за № 17—1903 года цѣна сей книги 8 руб.“

Бантышъ-Каменскій Дмитрій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли, содержащій въ себѣ жизнь и дѣянія знаменитыхъ полководцевъ, министровъ и мужей государственныхъ, великихъ іерарховъ православной церкви, отличныхъ литераторовъ и ученыхъ, извѣстныхъ по участію въ событіяхъ отечественной исторіи. Москва. 1836 г. 5 частей. VII нenum.+VII+388+VI+459+389+VI+395+VI+395+VII стр.

Распроданное изданіе. „По каталогу Шибанова цѣнныхъ книгъ изданія 1899 года цѣна сему сочиненію назначена 30 руб. А по каталогу Готье изданія 1895 г. стр. 4—цѣна 35 руб. По „Книжнымъ Рѣдкостямъ“, составленнымъ И. М. Остроглазовымъ, за всѣ 8 томовъ цѣны въ антикварныхъ каталогахъ слѣдующія: Мартыновъ—40 р. с., Ключковъ—30 р., Семеновъ—40 р. и пр.“

Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли. Съ изображеніемъ Св. Димитрія, Митрополита Ростовскаго и съ портретами князя Меншикова и графа Ростопчина. С. Петербургъ. 1847 г. 3 части. VII+III+570+I нenum.+IV+573+105+I нenum.+IV+627+I нenum. стр. Рѣдкость.

Барсовъ Антошъ. Собраніе рѣчей, говоренныхъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ при разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Москва. 1788 г. XVI (нenum.)+193+I (нenum.) стр. Рѣдкость.

Барсовъ Николай. Братья Андрей и Семень Денисовы. Эпизодъ изъ исторіи русскаго раскола. Москва. 1866 г. II (ненум.)+162 стр. Рѣдкость.

Барсовъ Н. Географическій словарь русской земли (IX—XIV ст). Вильна. 1865 г. 8°. VIII стр.+220 стр.

„Книга рѣдко встрѣчается въ продажѣ. По каталогу Ключкова за № 380 1901 г. цѣна сей книги 5 руб.“.

Барсовъ Т. В., Профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи. О каноническомъ элементѣ въ церковномъ управленіи. Москва. 1882 г. III ненум.+260 стр. Рѣдкость.

Башкитовъ Александръ. Географическій Лексиконъ для пріисканія на картахъ по градусамъ широты и долготы: городовъ, крѣпостей, примѣчательныхъ селеній, заводовъ, горъ, лѣсовъ, острововъ, заливовъ, рѣкъ, озеръ и прочихъ мѣстъ въ Европѣ и Азіатской Россіи. М. 1830 г. 8°. III стр.+206 стр. Рѣдкость.

Башуцкій Александръ. Панорама Санктпетербурга. С. Петербургъ. 1834 г. 3 части. Собраніе гравированныхъ на стали видовъ для панорамы С.Петербурга. 5 тетрадей съ 40 видами. IV (ненум.)+XVII+I (ненум.)+263+I (ненум.)+IV (ненум.) VIII+I (ненум.)+271+I (ненум.)+V (ненум.)+X+I (ненум.)+379 стр. Рѣдкость.

„Тетради съ видами чрезвычайно рѣдки, по каталогу Шибанова за № 95—цѣна 50 р. с.“.

Бибель Августъ. Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени. Лондонъ. 1895 года. 8°. 4 стр. (ненум.)+388 стр. Рѣдкость.

Безсоновъ П. Константинъ Федоровичъ Калайдовичъ. Біографическій очеркъ. М 1862 г. 8°. 208 стр. Рѣдкость.

Безсоновъ П. Прасковья Ивановна графиня Шереметева, ея народная пѣсня и родное ея Кусково. Біографическій очеркъ, съ портретомъ. Москва. 1872 г. IV (ненум.)+91 стр. Рѣдкость.

Безсоновъ П. Типографская бібліотека въ Москвѣ. М. 1859 г. 8°. 66 стр. Рѣдкость.

Безъ заглавія, политическій еженедѣльникъ № 6—1906 г. СПБ. 1906 г. 8°. 242 стр. (счетъ съ 197 стр.). Рѣдкость.

Конфискована. Главное Управленіе по дѣламъ печати возбудило уголовное преслѣдованіе противъ редактора С. Н. Прокоповича за напечатаніе въ № 6-мъ статьи „Усмиреніе Прибалтійскаго края“. См. *Руск. Вѣдомости* отъ 2-го Марта 1906 года.

Беръ II. Севастопольскій альбомъ съ 37 картинами и объясненіями къ нимъ. М. 1858 г. 4°. 18 стр. текста.

Рѣдкость. „По большому каталогу Шибанова за 1899 г. цѣна: 10 руб. Этотъ атласъ есть приложеніе къ „Запискамъ объ осадѣ Севастополя“ Н. Берга“.

Бережковъ М. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. С.Петербургъ. 1879 г. VII (ненум.)+VIII+267 стр.

Рѣдкость. „Это—диссертация на степень Магистра. Бережковъ былъ за нее награжденъ малою Уваровскою премією въ 500 р. По количеству собраннаго матеріала эта книга необходима для *каждаго*, занимающагося древнею русскою исторією. См. подробности объ этой диссертациі въ 3-мъ томѣ *Критико-біографическаго словаря* Венгерова стр. 57.“

Березинъ Н. Русскія книжныя рѣдкости. 2 ч. М. 1902—1903 года. 12°. 180 стр.+1 стр. (ненум.)+II стр.+103 стр. Рѣдкость.

Беренитамъ Владиміръ. За право! 2-е изд. СПБ. 1906 г. 12°. 254 стр.+1 стр. (ненум.).

Рѣдкость. „Цензура вырѣзала изъ этой книгѣ два разсказа: „Карусель“ и „Мать“. Въ послѣднемъ разсказѣ идегъ рѣчь о Каляевѣ—убійцѣ Великаго Князя Сергія Александровича. Эти разсказы въ этой книгѣ есть.“

Берхгольцъ. Дневникъ Камеръ-Юнкера Берхгольца. веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго, съ 1721—1725 годъ. Перев. съ нѣмецкаго И. Аммонъ Москва 1857—1860 г. г. 4 части. VIII+271+VII+358+292+242 стр. Рѣдкость.

Берхъ В. Жизнеописанія первыхъ російскихъ адмираловъ или опытъ исторіи російскаго флота. 4 части. С.Петербургъ. 1831—1836 гг. VIII (ненум.)+354—XII (ненум.)+IV (ненум.)+391+XV (ненум.)+IV (ненум.)+291+XV (ненум.)+IV (ненум.)+126+I (ненум.) стр. Распроданное изданіе.

Берхъ В. Н. Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ Санктпетербургѣ. С.Петербургъ. 1826 г. II (ненум.)+86 стр. Рѣдкость.

Бибииковъ П. А. Критическіе этюды. 1859—1865. „Современные утописты“. „Сентиментальная философія“. „Эпизодъ изъ темнаго царства“. „Ревность животныхъ“. „Положительная логика“. „Консервативныя инстинкты женщины“. „Несомнѣнное недоразумѣніе“. С.Петербургъ. 1865 г. 288 стр.

Рѣдкость. „Весьма интересныя свѣдѣнія объ этой книгѣ находятся въ сочиненіи В. Богучарскаго: „Изъ прошлаго русскаго общества“ (Сиб. 1904 г. на страницахъ 392—395.) За эту книгу, напечатанную безъ цензуры, Бибииковъ былъ преданъ въ 1865 году суду въ особомъ присутствіи Сиб. уголовной Палаты. Страницы книги, на которыя особенно ссылалось обвиненіе, были 74—76, 165—167, 177—180“.

Бибииковъ П. А. О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. Изданіе Н. Серно-Соловьевича. С.Петербургъ. 1862 г. Въ типографіи Юсафата Огризко. II (ненум.)+110 стр. Рѣдкость. „Цѣна 5 р. с.“.

Библіотека, Заграничное изданіе въ 2 томахъ. I томъ: *Гунасторербская ревизія*. Сцены списанныя съ натуры. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Лейпцигъ. 1858 г. *Она только душа!* Драма въ пяти дѣйствіяхъ Вильгельма Вольфзона. Переводъ съ нѣмецкаго. Лейпцигъ 1860 г. *Стихи Сп.....аю и П. П.* Лейпцигъ 1860 г. *Записки фонъ-Визина*, очевидца смутныхъ временъ царствованій: Павла I. Александра I и Николая I. Второе изданіе. Лейпцигъ. 1860 г. *Ровира*. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ Ивана Головина. Лейпцигъ. 1858 г. IV (ненум.)+77+195+II (ненум.)+VI (ненум.)+90+II (ненум.)+178+53 стр. II томъ: *Горе отъ ума*. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ А. С. Грибоедова. Полнѣйшее изданіе. Берлинъ. 1858 г. *Записки Ивана Головина*. Лейпцигъ. 1859 г. I (ненум.)+II+203+II (ненум.)+I (ненум.) : 216 стр. Рѣдкость.

Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва. 1845 г. VI+I (ненум.)+354+II (ненум.) стр. Рѣдкость.

Билфелдъ баронъ. Ni fallor. Наставленія политическія. Переведены съ французскаго языка Кн. Ѳедоромъ Шаховскимъ. Москва. 1768—1775 г. г. 2 тома. XII (ненум.)+461+X (ненум.)+IV (ненум.)+494+VI (ненум.) стр.

Рѣдкость. „См. Геннадіи, № 14. Сопиковъ, № 2233. По каталогу Клочкова за 1901 годъ за № 282 цѣна этой книги 10 р. См. *Книжныя Рѣдкости* И. М. Остроглазова.“

Бильбасовъ В. А. Женщина—папа. Средневѣковое сказаніе. Кіевъ. 1871 г. IV (ненум.)+59+II (ненум.) стр. Рѣдкость.

Бильбасовъ В. А. Исторія Екатерины Второй. 2 тома. С. Петербургъ. 1890—1891 г. г. Т. I: VII+643 стр. Т. II: +VI+765 стр.

Рѣдкость. „Первая часть сей книги не запрещена. Вторая же часть, какъ это видно изъ „Алфавитнаго указателя изданіямъ, запрещеннымъ въ Россіи, составленнаго въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати“ (Спб. 1894 г.)—запрещена къ обращенію и перепечатанію въ Россіи. Цѣна первой части у букинистовъ колеблется отъ 18 до 25 р. с.; цѣна же второй части, какъ весьма рѣдко встрѣчающейся въ продажѣ,—отъ 90 до 160 р. с.“

Бильбасовъ В. А. Крестовый походъ Императора Фридриха Второго изъ дома Гогенштауфенскихъ герцоговъ. (18 Іюня 1228—10 Іюня 1229). Разсужденіе, представленное въ историко-филологическій факультетъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, для полученія степени магистра Всеобщей Исторіи. С.-Петербургъ. 1863 г. III (ненум.)+II+225+V стр. Рѣдкость.

Бильбасовъ В. А. Поповскій Король. Генрихъ IV Распе. Ландграфъ Турингіи изъ дома Лудовика Бородатаго. (22 мая 1246—17 февраля 1247). Изслѣдованіе для полученія степени доктора Всеобщей Исторіи. Кіевъ. 1867 г. IV (ненум.)+II+II+194 стр. Съ генеалогической таблицей. Рѣдкость.

Биржа (Московская) 1839—1889 г. г. съ 13 портретами и 18 рисунками. М. 1889 г. 4-о 1 стр. (ненум.)+92 стр. Рѣдкость.

Благовѣщенскій Н. А. Аѳонъ и другія статьи изъ журнала „Русское Слово.“ 32+101+I (ненум.)+54+? Рѣдкость.

Благовѣщенскій Н. А. Среди богомольцевъ. Наблюденія и замѣтки во время путешествія по востоку. С. Петербургъ. 1871 г. VIII (ненум.)+463+V стр.

„Рѣдко встрѣчается въ продажѣ. Цѣна за сію книгу доходитъ до 8 р. с. См. *Каталогъ Николаева.*“

Бланъ Луи. Исторія великой французской революціи. Въ двѣнадцати томахъ. Томъ I. Переводъ съ французскаго М. А. Антоновича. С. Петербургъ. 1871 г. IV (ненум.)+IV+479+III (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Цѣна отъ 8 р. до 12 р. См. *Русскія Книжныя Рѣдкости*, М. 1902 г. № 320. Болѣе одного тома не выходило.“

Блудова А. графиня. Для немногихъ. Пять мѣсяцевъ на Волыни. Острожская лѣтопись 1867 г. С. Петербургъ 1868 г. II (ненум.)+4+5+14+4+6+4+5+5+4+20+4+2+3+4+5+4+6+15+4+7+2+8+6+10+9+8+7+8+22 стр.

Рѣдкость. „Эта книжка куплена изъ библіотеки Мухановыхъ. Геннадіи (стр. 9-я „Русскія книжныя рѣдкости“ 1872 г.) не могъ описать этой книги, ибо, по причинѣ ея рѣдкости, не видалъ ея; Бурцевъ (Описание рѣдкихъ російскихъ книгъ. Часть 1-я. Сиб 1897 г.) говоритъ на 356 страницѣ, что она напечатана въ количествѣ 40 экземпляровъ и что онъ заплатилъ за нее 20 руб. По каталогу Шибанова, за № 119-мъ отъ 27 августа 1905 года, цѣна этой книги—12 р. с.“

Бодановичъ И. Душенька. Древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Изд. Алексѣя Ржевскаго. С. Петербургъ. 1783 г. 107 стр.

Рѣдкость. „Это первое изданіе „Душеньки“. П. П. Бекетовъ, издавая „Душеньку“ въ 1811 году шестымъ изданіемъ, говоритъ въ предисловіи къ нему: „первое изданіе и весьма дорогою цѣною найти невозможно.“ См. *Книжныя рѣдкости* И. М. Остроглазова № 641. По Сошникову сія книга рѣдка (2-я часть, стр. 393). По Геннадіи—рѣдка, (№ 55.) Сошниковъ (часть 2-я стр. 396-я) говоритъ: Первое изданіе сей книги знатоками уважается болѣе, нежели послѣдующія исправленныя, ибо авторъ исправлялъ сіе твореніе въ преклонный уже вечеръ своей жизни.—Въ виду сего Сошниковъ въ своемъ *Опытѣ* перепечаталъ 1-ю и 3-ю части сего перваго изданія „Душеньки.“

Бодановичъ, И. Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Третіе изданіе, вновь исправленное. Москва 1799 г. IV (ненум.)+IV+160 стр. Рѣдкость.

Бодановичъ Ипполитъ. Русскія пословицы. С. Петербургъ. 1785 г. 3 части. VI (ненум.)+76+IV (ненум.)+38+VI (ненум.)+47 стр.

Рѣдкость. „Извѣстный библіографъ Березинъ-Ширневъ говоритъ, что первая часть этихъ пословицъ *не находима въ продажѣ* и составляетъ библіографическую рѣдкость. („Матеріалы для библіографіи.“ Сиб. 1873 года. Книга 9-я. стр. 285.) Эти пословицы были напечатаны въ 1785 году, на счетъ Академіи Наукъ. Сошниковъ („Опытъ російской библіографіи.“ Сиб. 1813 года, Часть 2-я, 396) считаетъ эти пословицы потому рѣдкими, что онѣ еще въ 1809 году были проданы Правленіемъ Академіи Наукъ въ количествѣ

1959 экземпляровъ, какъ надо полагать, на бумажныя фабрики. Но съ мнѣніемъ Березина-Ширяева, высказаннымъ имъ въ 1873 году, что первая часть этихъ пословицъ въ продажѣ не находима,—нельзя согласиться, потому что въ каталогѣ изданій Императорской Академіи Наукъ, напечатанномъ въ 1888 г., первая часть этихъ пословицъ была означена для продажи (стр. 38, № 344). Но въ болѣе позднемъ каталогѣ той же Академіи, напечатанномъ въ 1902 году, первой части этихъ пословицъ уже не показано, а сказано, что въ продажѣ находится только 2-я и 3-я части сихъ пословицъ.“

Богдановичъ Модестъ, Генераль-Маіоръ. Исторія отечественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ. Составлена по Высочайшему повелѣнію. С. Петербургъ. 1859—1860 г. г. 3 тома. IX+V+555+VII+651+VII+541 стр. Съ планами, картами, таблицами

Рѣдкость. „Цѣна отъ 12 до 25 р. смотря по степени сохранности. См. *Русскія книжныя рѣдкости* Н. Березина. М. 1902 г., стр. 26. Это сочиненіе удостоено Демидовской награды. У Шибанова съ растерянными планами цѣна 10 р., см. большой его каталогъ. Этотъ экземпляръ—полный, съ 37 картами.“

Богдановъ Александръ, ректоръ Орловской Духовной Семинаріи. Историко-критическій обзоръ ученія о безусловномъ предопредѣленіи. Орелъ. 1885 г. 99 стр. Рѣдкость.

Бокль Г. Т. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ К. Бестужева-Рюмина и О. Тиблена. С. Петербургъ. 1864—1865 г. г. 2 тома. Съ портретомъ. Т. 1, ч. 1—IV (ненум.)+XIV+376+I (ненум.) стр. Т. 1, ч. 2—X+(377—699)+XVI+I (ненум.) стр. Т. 2—VI (ненум.)+XII+523 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова за № 111—цѣна 5 р.“

Болотовъ Андрей Тимофеевичъ. Записки 1738—1794. Жизнь и приключенія его описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ. С. Петербургъ 1871—1873 г. г. 4 тома. Съ портретомъ автора. Т. 1—II (ненум.)+X+1017 стр. Т. 2—1120 стр. Т. 3—1244+158 стр. Т. 4—1330+84 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Ключкова за № 288, 1901 года—цѣна 25 р.“

Большинъ и смерть Александра III-го Лондонъ. 1900 года. 8° 20 стр. Рѣдкость.

Боткинъ В. П. Письма объ Испаніи. С. Петербургъ. 1857 г. IV+448+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова за № 34 отъ 1900 года цѣна этой книги—10 р. Она означена въ этомъ каталогѣ какъ рѣдкость. Эти письма были первоначально напечатаны въ *Современникъ* 1847 года.“

Брафманъ Яковъ. Книга кагала. Всемирный Еврейскій вопросъ. 2 части. СПБ. 1888 г. 3-е изд. 8°. 1-я ч.=XVI+373 стр.; 2-я ч.=XXXIV+479 стр.+2 (ненум.). Рѣдкость.

Брафманъ Яковъ. Книга кагала. Матеріалы для изученія еврейскаго быта. Вильна. 1869 г. LXXXVI+158+III стр.

Рѣдкость. „Въ книгѣ „Еврейскій кагалъ, по указаніямъ покойнаго Якова Брафмана, подтвержденнымъ фактами изъ періодической прессы“, составленной Борисомъ Незначнымъ, Киевъ 1881 г.—на страницѣ 8-й напечатано: „Книга Кагала Якова Брафмана. Вильна. 1869 г. составляетъ теперь библиографическую рѣдкость. вмѣсто 2 р. 50 к. за одинъ экземпляръ ея платять по 25 руб. Это сочиненіе должно быть настольною книгою всякаго служащаго въ западной Россіи. „Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1870 года, въ № 268, на 2 страницѣ въ статьѣ „Евреи въ Одессѣ“ сказано, что всѣ экземпляры „Книги Кагала“ Брафмана разомъ выкуплены въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ Бѣлаго однимъ богатымъ Евреемъ, чтобы прекратить обращеніе ея въ публикѣ. См. „Заниску о Евреяхъ въ западномъ краѣ Россіи“. М. 1882 г. 3-е изд. стр. 165.“

Брикнеръ А. Война Россіи съ Швеціей въ 1788—1790 годахъ. СПБ. 1869 г. 8°. II+299 стр. Рѣдкость.

Б(ровквичъ) Александръ, вполсѣдствіи Архіепископъ Херсонскій Никаноръ. Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола. С. Петербургъ. 1861 г. 2 части I—IV (ненум.)+II+IV (ненум.)+291 стр. Часть 2—340 стр.

Рѣдкость. „Цѣна отъ 10 руб. и дороже. Такъ какъ книга эта съ автографомъ вполсѣдствіи времени знаменитаго Херсонскаго Архіепископа Никанора, то цѣна ея—15 р. с.“

Буассе Гистонъ. Римская религія, отъ Августа до Антониновъ. Переводъ Маріи Корсакъ. Москва. 1878 г. II (ненум.)+VII+645+VIII стр. Рѣдкость.

Будьте готовы. № 1-й М. 8 стр. Рѣдкость.

Бузова А. Т. Общественное Богослуженіе Православной церкви. кратко изложенное въ вопросахъ и отвѣтахъ. Съ 34 рисунками. С. Петербургъ. 1862 г. IV (ненум.)+II+156+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Булгаковъ Александръ. Біографія Тайнаго Совѣтника, директора почтоваго департамента, С.Петербургскаго почтъ-директора, разныхъ орденовъ кавалера Константина Яковлевича Булгакова съ портретомъ. СПБ. 1838 г. 4°. 3 стр. (ненум.)+29 стр. Рѣдкость.

Булгаковъ Ѳоддей. Петръ Ивановичъ Выжигинъ, правоописательный-историческій романъ XIX вѣка. Изд. 2-е. 2 части. 8°. 1-я ч.=7 (ненум.)+XIII стр.+265 стр. 2-я ч.=2 стр. (ненум.)+279 стр. Рѣдкость.

Булинь Н. Сумароковъ и современная ему критика. Сочиненіе на степень Доктора Славяно-Русской Филологіи. С.Петербургъ. 1854 г. XIV+288+II (ненум.) стр.

Рѣдкость. „По большому каталогу Шибанова за 1898 годъ—10 р. с.“.

Бурцевъ А. Е. Обстоятельное бібліографическое описаніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ, брошюръ, художественныхъ изданій, старыхъ и новыхъ рукописей, гравюръ, грамотъ, портретовъ, лубочныхъ картинокъ, указовъ и разныхъ летучихъ листовъ, съ пояснительными замѣчаніями и полными перепечатками болѣе рѣдкихъ книгъ и др. бібліографическихъ матеріаловъ. С.Петербургъ. 1901 г. Напечатано 150 нумерованныхъ экземпляровъ—№ 30. 9 томовъ. Съ портретомъ автора. Т. I—VIII (ненум.)+306 стр. Т. 2—II (ненум.)+(307—644) стр. Т. 3—II (ненум.)+346 стр. Т. 4—II (ненум.)—292 стр. Т. 5—II (ненум.)+361 стр. Т. 6—II (ненум.)+324 стр. Т. 7—IV (ненум.)+123+II (ненум.)+60+110 стр. Т. 8—121 стр. Т. 9—II (ненум.)+135 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова за 119, отъ 27 августа 1905 года—цѣна этому изданію за всѣ девять книгъ—100 р. с.“.

Бурцевъ Александръ. Описаніе рѣдкихъ російскихъ книгъ. С.Петербургъ. 1897 г. 5 частей.

Ч. I, VI (ненум.)+XXVII+496 стр. Ч. 2, IV (ненум.)+535 стр. Ч. 3, IV (ненум.)+535 стр. Ч. 4, IV (ненум.)+467 стр. Ч. 5, IV (ненум.)+235+49+21 стр.

Рѣдкость. „Напечатана въ количествѣ 100 экз., цѣна по каталогу Шибанова за № 95, 40 р.“.

Бутурлинъ М. Д. графъ. Бумаги флорентинскаго центрального архива, касающіяся до Россіи. Итальянскіе и латинскіе подлинники съ русскимъ переводомъ. Москва. 1871 г. 2 части. Ч. I—IV (ненум.)+IV+IV+360 стр. Ч. 2—IV (ненум.)+VII+447+XVI+III (ненум.) стр. Рѣдкость.

Буцинскій П. К., профессоръ Харьковскаго Университета. Отзывы о Павлѣ I-мъ его современниковъ. Харьковъ. 1901 г. 41 стр. Рѣдкость.

Бьлокуровъ Сергій. Арсеній Сухановъ. Часть первая. Біографія Арсенія Суханова. (Съ 3-мя фототипич. снимками.) Москва. 1891 г. II (ненум.)+IV+440+CLX+V стр. Часть вторая. Сочиненія Арсенія Суханова. Выпускъ первый. (Съ 2-мя фототипич. таблицами). 2-е изданіе. Москва. 1894 г. LXXXVI+282+II (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Рѣдка особенно 1-я часть.“

Бьлокуровъ Сергій. О памятникѣ въ Москвѣ Императору Александру III. М. 1901 г. Напечатано въ 25 экземплярахъ на правахъ рукописи. 8°. 11 стр. Рѣдкость.

Вашинъ В. Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири, съ 1819 по 1822 годъ. 2 тома. Т. I—II (ненум.)+X+801+VII (ненум.) стр. Т. 2—II (ненум.)+VII+752 стр. Рѣдкость.

Ваннеръ Николай. Сказки Кота-Мурлыки. Съ 8 картинками. Изданіе Стасовой и Трубниковой. С.Петербургъ. 1872 г. IV (ненум.)+VI 420+II стр.

Рѣдкость. „Это первое рѣдкое изданіе; въ послѣдующія изданія нѣкоторыя сказки не вошли, а другія были изданы съ сокращеніями. По каталогу Ключкова № 368, за 1904 годъ. цѣна сей книги, *безъ рисунковъ*,—6 р. Не вошедшія въ позднѣйшія изданія сказки суть слѣдующія: „Швел“, „Али-Газифъ“ и Колесо жизни.“

Вилуевъ П. А. графъ. Сборникъ краткихъ благоговѣйныхъ чтеній на всѣ дни года. С.Петербургъ. 1884 г. Съ автографомъ. VII (ненум.)+653 стр. Рѣдкость.

Васильевъ Александръ. О древнѣйшей исторіи Сѣверныхъ Славянъ до временъ Рюрика и откуда пришелъ Рюрикъ и его Варяги. СПб. 1858 г. 8°. 167+2 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Васильевъ Василій. Исторія канонизаціи Русскихъ Святыхъ. М. 1893 г. 8-о. 1 (ненум.)+256 стр. Рѣдкость.

Васильевъ В., профессоръ китайскаго языка. Буддизмъ, его догматы, исторія и литература. Часть третья. Исторія буддизма въ Индіи, сочиненіе Даранаты. Переводъ съ тибетскаго В. Васильева. С. Петербургъ. 1869 г. XXII+288 стр. Рѣдкость.

Вейсманъ. Лексиконъ нѣмецко-латинско-русскій купно съ первыми началами русскаго языка. СПБ. 1731 г. 4-о. 2 (ненум.)+788+48 стр.

Рѣдкость. „Точное описаніе этого лексикона, какъ очень рѣдкаго библиографическаго изданія, находится въ „Матеріалахъ для русской библиографіи“ Губерти, Выпускъ III-й № 14, страницы 56—61. Губерти говоритъ: Всѣ изданія лексикона Вейсмана, какъ нѣмецкія, такъ и русскія, давно уже забыты, но первое академическое 1781 года останется *навсегда замѣчательнымъ*, какъ первая попытка нѣмецко-русскаго словаря, напечатаннаго въ Россіи (стр. 61-я).“

„У Сопкиова (Томъ 3-й, стр. 343, № 5911) значится сей Лексиконъ подь такимъ названіемъ: „Лексиконъ Нѣмецкій Вейсманъ съ Латинскимъ, переложенный на Россійскій языкъ Сергѣемъ Волчковымъ. СПБ. 1731 г. въ 4-е.“ Это—1-е изданіе было въ 1781 г. 3-е изданіе—въ 1799 г.“

Велтистовъ Василій. Грѣхъ, его происхожденіе, сущность и слѣдствія. Критико-догматическое изслѣдованіе. Магистерская диссертация. М. 1885 года. 8-о. 309+1 (ненум.) Рѣдкость.

Вельтманъ А. О Господинѣ Новгородѣ Великомъ (письмо) съ приложеніемъ вида Новгорода въ 12 столѣтіи и плана окрестностей М. 1834 г. 8-о. 42+1 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Веніаминовъ И. Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла. С. Петербургъ. 1840 г. 3 части. Ч. 1—IV (ненум.)+IX+364+III (ненум.) стр. Ч. 2—IV (ненум.)+409+XXI (ненум.) стр. Ч. 3—Записки объ Атхинскихъ Алеутахъ и Колошахъ—IV (ненум.)+134+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „По большому каталогу Шибанова за 1899 годъ сія книга подь № 990 означена какъ рѣдкость. Цѣна ей назначена 5 р.—И. Веніаминовъ позднѣе былъ Митрополитъ Московскій Иннокентій.“

Веніаминовъ И. П. Лунное явленіе. видѣнное въ Москвѣ 1812 года Ноября 28 дня. М. 1813 г. 8-е. 15 стр. Рѣдкость.

Верховскій Тимофей, Протоіерей. Исканіе старообрядцами въ XVIII вѣкѣ законнаго архіерейства. СПб. 1868 г. 8-е. XI стр. + 72 стр. Рѣдкость.

Вешняковъ Владиміръ. О причинахъ возвышенія Московскаго Княжества. Разсужденіе, удостоенное золотой медали. С. Петербургъ 1851 г. IV (ненум.) + 175 стр. Съ родословной таблицей и съ картой княжества Московскаго.

Рѣдкость. „По большому каталогу Шибанова за 1899 г.) ц. 3 р., а за № 14—4 р. По каталогу Мартынова—5 р. Въ одиннадцатой книгѣ: „Жизнь и труды Погодина“ Н. Барсукова сказано: „по отзыву проф. Устрялова вся эта диссертация отличается критическимъ направлеиіемъ и при томъ добросовѣстнымъ; особенно замѣчательно изложение царствованія Данила Александровича“ (Стр. 473-я).

Вивлюѣика. Повикова П. П. Древняя Россійская Вивлюѣика, или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко то: Россійскія посольства въ другія государства. рѣдкія грамоты. описаніе свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей и многія сочиненія древнихъ Россійскихъ стихотворцевъ. 10 частей. СПб. 1773—1775 г. г. Часть 1-я, мѣсяць Январь. 9 (ненум.) + 475 + 3 стр. (ненум.): Часть 2-я мѣсяць Юлій—478 + 2 стр. (ненум.); часть 3-я мѣсяць Январь 1774 г.—VIII + V + 462 стр.: Часть 4-я, мѣсяць Апрельъ, 2 (ненум.) + 384 + 2 стр. (ненум.): часть 5-я мѣсяць Юлій—1 (ненум.) + 419 + 1 стр. (ненум.); часть 6-я, мѣсяць Октоврій, 370 стр.: часть 7-я, 1775 г., 5 (ненум.) + 444 стр.: часть 8-я 2 (ненум.) + 478 стр.: часть 9-я—4 (ненум.) + 522 стр.; часть 10-я 2 (ненум.) + 423 стр. 1-е изданіе.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова, № 95, цѣна этого изданія 25 рублей.

Вивлюѣика Россійская Древняя. содержащая въ себѣ: собраніе древностей русскіихъ до исторіи, географіи и генеалогіи русскіихъ касающіяся, изданная Николаемъ Новиковымъ. Изданіе 2-е, вновь исправленное, умноженное и въ порядокъ хронологическій по возможности приведенное. 20 частей. М. 1788—1791 г. г. 8-о. 1-я ч. XVI + 446 стр.; 2-я ч. 446 стр.; 3-я ч. XI + 476 стр.; 4-е ч. 1 (ненум.) + 564 стр.; 5-я ч.-1 (ненум.) + 432 стр.; 6-я ч.-V + 506 стр.; 7-я ч.—1 (ненум.) + 484 стр.; 8-я ч.—2 (ненум.) + 475 стр.; 9-я ч.—1 (ненум.) + 494 стр.; 10-я ч.—470 стр.; 11-я ч. 4 + 448 стр.: 12-я ч.—5 + 463 + 7 стр.; 13-я ч.-2 (ненум.) + 459 стр.; 14-я ч.-4 (ненум.) + 496 стр.; 15-я ч.- VIII + 438 стр.: 16-я ч.- VIII + 434 стр.; 17-я ч.-2 + 455 стр.: 18-я ч.-1 (ненум.) + 456 стр.: 19-я ч.-IV + 418 стр.: 20-я ч.-1 (ненум.) + 442 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Ключкова (№ 335), заключающему въ себѣ книги изъ библіотеки издателя журнала „Русская старина“ М. И. Семейскаго цѣна сей Вивлюэики (31 томъ) означена 100 рублей. (См. № 1378 сего каталога). 1903 III/25.

Вивлюэики. Продолженіе древней Россійской Вивлюэики. 11 частей. СПБ. 1786—1801 г. г. 8-о. 1-я и 2-я ч.—VI+254+712 стр. (счесть съ 257 стр.); 3-я ч.—3 (ненум.)+283 стр.; 4-я ч.—4 (ненум.)+369 стр.; 5-я и 6 стр.—314+IV+301+IV стр.; 7-я и 8-я ч. ч.—II+353+336 стр.; 9-я и 10 ч.—315+327 стр.; 11-я ч.—315 стр. Рѣдкость.

Вишлянскій Петръ, учитель Александровской Акад. Опытъ священной географіи. СПБ. 1808 г. 4-о. съ 4 картами. 1 (ненум.)+IV+84 стр. Рѣдкость.

Викторовъ А. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. Выпускъ первый—1584-1725 г. Москва. 1877 г. IV (ненум.)+376 стр. Выпускъ второй—1613-1725 г. Москва. 1883 г. IV (ненум.)+(377—660) стр.

Рѣдкость. „Это изданіе въ продажу не поступало.“

Витте С. Ю. Предсѣдатель Комитета Министровъ. О современномъ положеніи Православной Церкви. Рукопись in folio. 1905 г. Рѣдкость.

Вицыль Александръ. Краткій очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра Великаго до изданія Общаго Учрежденія Министровъ. Казань. 1855 г. II (ненум.)+297+II (ненум.) стр. Рѣдкость.

Віень Иванъ. Лоімологія или описаніе моровой язвы, ея существа, произшествія, причинъ, пораженія и производства припадковъ, съ показаніемъ образа предохраненія и врачеванія сея скорби. По Высочайшему повелѣнію напечатано. С. Петербургъ. 1786 г. XVI (ненум.)+503+IV (ненум.) стр. Рѣдкость.

Вобанъ де. Книга о атакѣ и оборонѣ крѣпостей. Перевелъ Иванъ Ремезовъ. С. Петербургъ. 1744 г. Съ 32 чертежами. X (ненум.)+5+184+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. По каталогу Ключкова за 1901 годъ подъ № 282 цѣна этой книги 10 р.“

Войковъ Ювеналій. Краткое историческое родословіе благородныхъ и знаменитыхъ дворянъ Лопухиныхъ. Москва. 1796 г. Съ гербомъ Лопухиныхъ и родословною таблицею. IV+52 стр. Рѣдкость.

Воейковъ Ювеналій. Краткое историческое родословіе благородныхъ и знаменитыхъ дворянъ Сабуровыхъ. Москва. 1797 г. Съ гербами Сабуровыхъ и Ларионовыхъ и 4 родословными таблицами. 27+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Воейковъ Ювеналій. Начертаніе краткое жизни лейбъ-гвардіи подпоручика Ѳедора Михайловича Булгакова и пр. М. 1795 г. и на особомъ листѣ гербъ Воейковыхъ. 4-о 14 стр.

Рѣдкость большая.

Воейковъ Ювеналій. Родословіе краткое историческое благородныхъ дворянъ Коробановыхъ. М. 1795 г., на отдѣльномъ листѣ гербъ Коробановыхъ. 3 (ненум.)+III+100 стр.

„Рѣдкость большая.“

Воейковъ Ювеналій. Родословіе краткое историческое благородныхъ дворянъ Макаровыхъ съ родовой таблицей. М. 1795 г. 4-о. 5 стр.

„Рѣдкость большая.“

Возстаніе Поляковъ въ Юго-Западной Россіи въ 1863 году. Кіевъ 1863 г. II (ненум.)+61 стр. Рѣдкость.

Вольтеръ. Духъ или избранныя сочиненія Г. Волтера. Переводъ съ французскаго. Смоленскъ. 1803 г. 360 стр.

Рѣдкость. „По Бурцеву (*Библиографическое описаніе рѣдкихъ книгъ*, Спб. 1901 года, Т. II-й стр. 350) книга сія очень рѣдка. Цѣна 3 р.“

Вольность. Ода. 8-^о. (счетъ съ 383—398 стр.)

Рѣдкость. „Эта ода напечатана въ сочиненіи Радицева: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.“ 1905. XI—22.

Вороновъ А. Главнѣйшіе источники для исторіи Свв. Кирилла и Меодія. Кіевъ. 1877 г. II (ненум.)+II+II+331+XX+II+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Вороновъ, Александръ Дмитриевичъ, кончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1862 году первымъ магистромъ. За сіе сочиненіе, удостоенное Уваровской преміи, получилъ степень Доктора. См. *Энцикл. Словарь* Брокгауза, часть 13-я.

Встань сляцій. № 6-й (Газета). Тифлисъ. Выпускъ 6-й. 18 Юня 1906 г. Рѣдкость.

Вызинскій Генрихъ, Профессоръ Московскаго Университета. Папство и Священная Римская Имперія въ XIV и XV столѣтїи (до Базельскаго Собора). Москва. 1857 г. V+III (ненум.)+281 стр.

Рѣдкое, давно распроданное изданіе. По каталогу Ключкова за № 292 цѣна сей книги 7 р. По большому каталогу Шибанова за 1899 годъ сія книга означена „рѣдкомъ, давно распроданною.“ Цѣна ей 8 р.“

Вѣдомости (Московскія) 21 Марта 1766 года. О спектаклѣ у гр. Шереметева. Рѣдкость.

Вѣдомости (Московскія) и прибавленія къ нимъ за 1765, 67, 1796 и 1782 г. г. 1865 г. № 13; 1867 г. №№ 27, 38, 39, 62, 66, 36, 23, 20, 13, 87; 1796 г. №№ 92, 96, 101, 105, 103, 101, 105, 104, 94 и 1782 и 101. Рѣдкость.

Влѣтринскій Иродіонъ, Профессоръ Спб. Духовной Академіи. Памятники древней христіанской церкви или христіанскихъ древностей. С. Петербургъ. 1829—1845 г. г. 5 томовъ (10 частей) въ 3 книгахъ. Т. 1 (ч. ч. 1 и 2)—IV (ненум.)+X+435+II (ненум.) стр. Т. 2 (ч. ч. 3 и 4)—IV (ненум.+542+I (ненум.) стр. Т. 3 (ч. ч. 5 и 6)—IV (ненум.)+270+I (ненум.) стр. Т. 4 (ч. ч. 7 и 8)—IV (ненум.)+279+II (ненум.) стр. Т. 5 (ч. ч. 9 и 10)—VI (ненум.)+202 стр.

„Большая рѣдкость въ полномъ видѣ. См. большой каталогъ Шибанова за 1899 г. Цѣна отъ 30 до 40 рублей.“

Галичъ Александръ. Лексиконъ философскихъ предметовъ. Томъ первый (*болѣе не выходило*). С. Петербургъ. 1845 г. VI (ненум.)+VI+208 стр. Рѣдкость.

Гастевъ М. Матеріалы для полной и сравнительной статистики Москвы. Часть 1-я (*болѣе не было*) съ 27 гравирован. на мѣди картинами. М. 1841 г. 8-^о. 1 (ненум.)+III+312+16 стр. Рѣдкость.

Гастевъ Михаилъ. Разсужденіе о причинахъ, замедлившихъ гражданскую образованность въ русскомъ государствѣ до Петра Великаго, написанное на степень Магистра. Москва. 1832 г. 142 стр. Рѣдкость.

Гегемейстеръ Ю. А. Розысканія о финансахъ Древней Россіи. С. Петербургъ. 1833 г. VI (ненум.)+VII+II (ненум.)+247+II (ненум.) стр. Съ 6 таблицами. Рѣдкость.

Гейнце Н. Э. Въ тинѣ адвокатуры. Романъ конца вѣка. Въ 2 томахъ и 4 частяхъ. С. Петербургъ. 1893 г. Т. 1 (чч. 1 и 2)—236+II (ненум.) стр. Т. 2 (чч. 3 и 4)—272+IV (ненум.) стр. Рѣдкость.

Гейссеръ, профессоръ всеобщей исторіи Гейдельбергскаго университета. Исторія реформаціи. Переводъ подъ редакціей Виктора Михайловскаго. Москва. 1882 г. LXXXIII+I (ненум.)+724 стр. Рѣдкость.

Геккель Эрнстъ. Міровыя загадки. Популярныя очерки монистической философіи. Пер. съ нѣмецкаго. Г. А. Котляра подъ редакціей М. М. Филиппова. М. 1902 г. 8-^о. VI+355 стр.

Рѣдкость. „Сія книга, по постановленію Комитета Министровъ, на основаніи 147 ст. Цenz. Уст., уничтожена сожеженіемъ.“

Гельбигъ фонъ Георгъ, секретарь Саксонскаго посольства при дворѣ Екатерины II. Русскіе избранники. Переводъ и примѣчанія В. А. Бильбасова. Съ портретомъ Императрицы Екатерины II по Даніелю Ходовѣцкому. Берлинъ. 1900 г. IV (ненум.)+IV+534 стр. Рѣдкость.

Генлиди Г. Списокъ книгъ о русскихъ монастыряхъ и церквахъ СПБ. 1854 г. 8-^о. 47 стр. Рѣдкость.

Георіевскій А. Краткій историческій очеркъ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ. С. Петербургъ. 1890 г. VI+302 стр. Рѣдкость.

Георгій I. Описаніе столичнаго города Санктпетербурга. С. Петербургъ. 1794 г. (съ картою. 3 части. Ч. 1—VI (ненум.)+XI+XV (ненум.)+272+I (ненум.) стр. Ч. 2—II (ненум.)+(273—576) стр. Ч. 3—II (ненум.)+(577—757) стр.

Рѣдкость. „По каталогу Ключкова за № 399 отъ 1906 года цѣна сей книги безъ плана 10 р.“

Гериковъ Гавріиль. Твердость духа русскихъ. Петроградъ. 1813—1814 гг. 8-^о. 1-я кн.-4 (ненум.)+145 стр.; 2-я кн.-2 (ненум.)+168 стр.; 3-я кн.-2 (ненум.)+119 стр. Рѣдкость.

Герберштейнъ баронъ. Записки о Московіи. (Regum moscoviticarum commentarii). Съ Латинскаго Базельскаго изданія 1556 года перевелъ И. Анонимовъ. С. Петербургъ. 1866 г. II (ненум.)+V+229+I (ненум.)+XIV стр.

Рѣдкость. „Каталогъ Шибанова № 47 за 1892 годъ—цѣна 7 р.“

Гербовникъ общій дворянскихъ родовъ Всероссийскія Имперіи, начатый въ 1797-мъ году. 9 томовъ (отъ 2 по 10 вкл.) Т. 2, 150 №№ гербовъ, съ таблицею. Т. 3. 150 №№ гербовъ. Т. 4, 150 №№ гербовъ. Т. 5, 150 №№ гербовъ. Т. 6, 160 №№ гербовъ. Т. 7. 180 №№ гербовъ. Т. 8. 160 №№ гербовъ. Т. 9, 160 №№ гербовъ. Т. 10, 152 №№ гербовъ. Рѣдкость.

Германъ Иванъ. Историческое начертаніе горнаго производства въ Россійской Имперіи съ картою Уральскаго хребта. Часть первая (болѣе не было). Екатеринбургъ. 1810 г. 4-^о. 4 (ненум.)+VIII+223 стр. Рѣдкость.

Герценъ А. И. Публичныя чтенія Грановскаго (письмо въ Петербургъ). Изъ 142 № Москов. Вѣдом. 1843 года. Рѣдкость.

Герценъ Александръ Ивановичъ. Сборникъ посмертныхъ статей. Изданіе второе. Женева. 1874 г. VIII (ненум.)+312 стр. Рѣдкость.

Герценъ А. И. Сочиненія его, съ предисловіемъ. Женева. 1875—1879 гг. 10 томовъ (въ 5 книгахъ). Т. 1, XXIII+383 стр. Т. 2, IV (ненум.)+338+I (ненум.) стр. Т. 3, VI (ненум.)+368 стр. Т. 4, IV (ненум.)+393+II (ненум.) стр. Т. 5, VIII (ненум.)+351 стр. Т. 6, IV (ненум.)+377+III (ненум.) стр. Т. 7. IV (ненум.)+381+II (ненум.) стр. Т. 8. IV (ненум.)+395+I (ненум.) стр. Т. 9. IV (ненум.)+427+I (ненум.) стр. Т. 10, IV (ненум.)+437+II (ненум.) стр. Рѣдкость.

Герье В. профессоръ Московскаго Университета. Виллигизъ. Архiepiscopъ Майницкій. 975—1011. Историческій очеркъ. Съ двумя хромолинографическими рисунками, снимкомъ старинныхъ крюковыхъ нотъ и текстомъ латинской рукописи XII вѣка. хранящейся въ Московской Публичной Библиотекѣ. Москва. 1869 г. II (ненум.)+70+IV (ненум.)+40+II (ненум.)+47 стр. Рѣдкость.

Гильбердинъ А. Гусъ. Его отношеніе къ православной церкви. С. Петербургъ. 1871 г. II (ненум.)+79 стр. Рѣдкость.

Гиляровъ-Платоновъ Н. П. Основныя начала экономіи. Съ предисловіемъ профессора И. Т. Тарасова. Москва. 1889 г. II (ненум.)+XII+142 стр. Рѣдкость.

Гиляровъ Федоръ. 15 лѣтъ крамолы. (4 Апрѣля 1866 г.—1 Марта 1881 г.) Москва. 1883 г. Т. 1. Ч. 1. IV (ненум.)+XVI+324+IV стр. Съ таблицей.

Рѣдкость. Книга въ свѣтъ не выходила: была арестована при печатаніи въ безцензурномъ порядкѣ. На аукціонѣ вещей Кн. В. А. Долгорукова книга эта прошла за 25 р. с.“

КОМИТЕТЪ

—) по (—

ВЫСОЧАЙШЕ

РАЗРѢШЕННОМУ СБОРУ НА СООРУЖЕ-
НІЕ ВЪ МОСКВѢ ПАМЯТНИКА

Свѣтлѣйшему Князю

М. И. Кутузову-Смоленскому.

13 Ноября 1913 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ по всеподдан-
нѣйшему докладу Г. Министра Внутреннихъ
Дѣлъ въ 15-й день Марта 1913 года ВСЕ-
МИЛОСТИВѢЙШЕ соизволилъ разрѣшить
Московскому Отдѣлу ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Военно-Историческаго Общества от-
крыть повсемѣстный въ Имперіи сборъ по-
жертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памят-
ника Генераль-Фельдмаршалу Свѣтлѣйшему
Князю Михаилу Иларіоновичу Кутузову-
Смоленскому.

Въ настоящее время, избранный Мо-
сковскимъ Отдѣломъ ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Военно-Историческаго Общества и
утвержденный Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ
Комитетъ по сооруженію памятника Князю
М. И. Кутузову, приступая къ возложенному
на него почетному порученію съ твердой
увѣренностью въ успѣшное его завершеніе,
обращается къ лицамъ всѣхъ сословій и зва-
ній и ко всѣмъ учрежденіямъ съ усердною
просьбою содѣйствовать своими пожертвова-
ніями возможно скорому сооруженію въ гор.
Москвѣ достойнаго памятника великому рус-
скому полководцу Свѣтлѣйшему Князю **М. И.
Кутузову-Смоленскому.**

Рядъ блестящихъ боевыхъ подвиговъ
представляетъ жизнь Князя Кутузова: герой
славнаго Измаильскаго штурма, въ которомъ
былъ „правою рукою“ великаго Суворова;
участникъ войнъ въ Турціи и Крыму, гдѣ

два раза былъ тяжко раненъ въ глазъ, но сохраненъ Провидѣніемъ на будущее; побѣдитель турокъ въ войну 1811 г.. блестяще законченную наканунѣ вторженія Наполеона въ Россію Бухарестскимъ миромъ, давшимъ Россіи всю Бессарабію.

Но въ концѣ всѣхъ подвиговъ Свѣтлѣйшаго являются разгромъ великой арміи Наполеона и изгнаніе „двадцати языковъ“ изъ предѣловъ Россіи въ Отечественную войну.

16-го Апрѣля 1913 года исполнилось 100 лѣтъ со дня, когда, покрытый безсмертной славой своихъ великихъ подвиговъ, украшенный всѣми земными почестями и именемъ — „Спасителя Отечества“, Свѣтлѣйшій Князь Михаилъ Иларіоновичъ, среди боевыхъ трудовъ, навѣки опочилъ.

Въ сознаніи его великихъ заслугъ передъ Родиной воздадимъ же ему должную честь, воздвигнувъ въ Москвѣ его изваяніе.

Жертвуйте, кто сколько можетъ—изъ добротныхъ копѣекъ растутъ рубли и тысячи. Приглашайте и другихъ жертвовать на памятникъ нашему народному герою, Спасителю Отечества, Князю **Кутузову**.

И да послужитъ этотъ памятникъ яркимъ свѣточемъ, призывающимъ всѣхъ на труды и подвиги во славу ГОСУДАРЯ и нашей Родины.

Пожертвованія просятъ направлять по адресу: Москва, Пречистенка, Штабъ Округа, Кутузовскому Комитету или же сдавать въ Государственныя губернскія и уѣздныя казначейства, въ депозитъ сего Комитета.

Предсѣдатель комитета,

Генераль отъ Инфантеріи *Д. И. Зуевъ*.

Члены:

Генераль отъ Инфантеріи *И. И. Яковлевъ*.
Ген. Шт. Генераль Маіоръ *Е. К. Миллеръ*.
Ген. Шт. Генераль Маіоръ *М. И. Кіановскій*.
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, проф. *Д. В. Цвѣтасевъ*.
Камергеръ Высочайшаго Двора *Ю. В. Архоневъ*.
Полковникъ *А. С. Грушинскій*, К-ръ 11 гр. Фанагор. полка.
Ген. Шт. Полковникъ *В. П. Никольскій*.
Ген. Шт. Полковникъ *В. А. Афанасевъ*.
Гвардіи Полковникъ *М. Ф. Гончаровъ*.
Кол. Сов. *И. С. Бьялевъ*.
Гласн. Моск. Гор. Думы *Н. А. Шаминъ*.
Шт.-Капитанъ *А. А. Писанко*.

Секретарь,

Генеральнаго Штаба Капитанъ *Н. И. Жилинъ*.

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЕТСЯ

(СПБ., Звенигородская, 24)

новое изданіе Славянскаго Общества—

сочиненіе проф. Г. А. Воскресенскаго.

„ПРАВОСЛАВНЫЕ СЛАВЯНЕ ВЪ АВСТРО-ВЕНГРИИ“.

Цѣна 1 р. 50 к.

Тамъ же продаются слѣдующія изданія:

Этнографическая карта Западнаго Славянства и Западной Руси, составленная проф. Т. Д. Флоринскимъ. 1911 г., въ листахъ—2 р. То же, наклеенная на холстъ, 2 р. 75 к.

Болгарско-Русскій словарь . . . 2 р. 50 к.

Сербско-Русскій словарь . . . 2 „ 50 „

Чешско-Русскій словарь . . . 4 „ 80 „

Словацко-Русскій словарь . . . 1 „ 50 „

Словинско-Русскій словарь . . . 1 „ 50 „

Русско-Сербскій словарь . . . 2 „ — „

Русско-Словацкій словарь . . . 1 „ 50 „

Русско-Словинскій словарь . . . 1 „ 50 „

Къ каждому изъ названныхъ словарей, кромѣ Русско-Сербскаго, приложена краткая грамматика соответствующаго языка.

Анти-энциклика или братское слово православнаго славянина къ славянамъ католикамъ, по поводу изданія папою Львомъ XIII буллы о празднованіи памяти свв. Кирилла и Меодія. Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р.

Будиловичъ, А. С. проф. Обзоръ областей западнаго и южнаго славянства, со вклю-

ченіемъ червонно-русскихъ, въ орографическомъ и въ гидрографическомъ отношеніи. 1886 г. Ц. 1 р.

Будиловичъ, А. С. Обще-славянскій языкъ. Т. I и II. 1892 г. Ц. 2 р. за томъ.

Веденскій, А. Западная дѣйствительность и русскіе идеалы (письма изъ-за границы). 1894 г. Ц. 1 р.

Гильфердингъ, А. Ф. Гусь и его отношеніе къ православной церкви. Изд. 2-е, съ предисл. и дополнит. приложеніями проф. И. С. Пальмова. 1893 г. Ц. 1 р.

Гильфердингъ, А. Ф. Общеславянская азбука, съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій. 1892 Ц. 1 р.

Въ память Ю. Ф. Самарина. Рѣчи, произнесенныя въ С-Петербургѣ и Москвѣ, по поводу его кончины 1876 г. Ц. 30 к.

Свв. Кириллъ и Меодій, апостолы славянскіе. Изд. 1885 и 1896 г. Ц. 10 к.

Жизнь и подвиги свв. Кирилла и Меодія, просвѣтителей славянъ. 1885 г. Ц. 10 к.

- Кирѣевъ, А. А.** Религіозныя задачи Россіи на православномъ востокѣ. 1896 г. Ц. 10 к.
- Малышевскій, И. И.** Житіе Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, 1907 г. Ц. 15 к.
- Линовскій, А.** Хорваты. Очеркъ съ картой. 1900 г. Ц. 1 р.
- Новиковичъ, Ст.** Грамматика сербскаго языка. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Первыя 15 лѣтъ** существованія Слб. Слав. Благ. Общества. 1883 г. Ц. 3 р.
- Последнія 10 лѣтъ** перваго 25-лѣтія существованія того же Общества. 1893 г. Ц. 3 р.
- Ровинскій, П. А.** Петръ II (Раде) Петровичъ Нѣгосъ, владыка Черногорскій, 1889 г. Ц. 1 р.
- Самаринъ, Д.** Поборникъ вселенской правды (Возраженіе В. С. Соловьеву на его отзывы о славянофилахъ 40 и 50-хъ годовъ). 1890 г. Ц. 25 к.
- Славянскія Извѣстія.** Ежемѣсячный журналъ за 1902—1910 г. (восемь комплектовъ по 8 книжекъ каждый). Цѣна каждаго комплекта 3 р. съ пересылкой.
- Славянскій Сборникъ.** 1875—1877 гг. Три тома. Цѣна за каждый томъ 2 р. съ пересылкой.
- Славянское Обзоріе.** Сборникъ статей по славяновѣдѣнію. 1894 г. Ц. 2 р.
- Славянскія Извѣстія.** Еженедѣльная газета за 1912—1913 годъ (комплектъ въ 57 номеровъ). Ц. 1 р.
- Томекъ, Янъ** Жижка. 1889 г. Ц. 1 р.
- Хомяковъ, А. С.** Полное собраніе сочиненій. Москва 1900 г. 12 р.

Выписывающіе изъ книжнаго склада Славянскаго Общества указанныя изданія члены Славянскаго Общества, духовныя лица и учащіеся пользуются скидкой 30% съ назначенной цѣны, а книжныя магазины—20%. Почтовую пересылку книжный складъ принимаетъ на свой счетъ.

камъ, даетъ много интереснаго матеріала. Между прочимъ: о хлыстахъ въ Москвѣ, о самосожженіи раскольниковъ, о крещеніи татаръ, о постройкѣ въ Лондонѣ церкви для православныхъ грековъ, о цѣнахъ на бумагу для типографіи. Наиболее интереснымъ дѣломъ въ XXIX томѣ является дѣло по жалобѣ православныхъ румынъ въ Австрію на притѣсненія со стороны австрійскаго правительства (подобныя происходящія въ наши дни) и на принужденіе ихъ къ переходу въ унию. Оно повело за собою дипломатическое вмѣшательство Россіи, въ общемъ довольно энергичное.

Минская Старина. Труды Минскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета. Выпускъ 4. Минскъ, 1913.

Библиотека Комитета владѣетъ, между прочимъ, архивомъ Слуцкаго Троицкаго (или Тройчанскаго) монастыря, Настоящій выпускъ, „М. Ст.“ занятъ описаніемъ одной изъ книгъ этого архива (1-ой части I-го тома), исполненнымъ г. Снитко. Документы, подлинники и копии, вошедшіе въ книгу, относятся ко времени отъ 1517 по 1747 г.; наиболее важныя изъ нихъ издашы цѣликомъ; изъ другихъ даны извлечения; третьи описаны. Цѣнный матеріалъ въ обиліи; содержаніе самое разнообразное. Можно упомянуть о двухъ духовныхъ завѣщаніяхъ, одномъ — кн. Маріи Рад-

зивилль, дочери молдавскаго господаря Василія Лупула, 1659 г., другомъ — кн. Богуслава Радзивилла, кальвиниста. 1668 г., о жалобѣ православнаго духовенства Петриковской протопопіи на захватъ православныхъ церквей и на насильственное обращеніе православныхъ въ унию со стороны комиссара пани Ходкевичъ, 1746 г. Описаніе снабжено хорошими указателями.

КНЯЗЯ А. М. КУРБСКАГО исторія о великомъ князѣ Московскомъ. Извлечено изъ „Сочиненій кн. Курбскаго“. Изданіе Имп. Археологической Комиссіи. Спб., 1913. ц. 30 коп.

Археологическая Комиссія начала печатаніемъ „сочиненій“ Курбскаго, и одно, главное, изъ этихъ сочиненій выпустила отдѣльнымъ изданіемъ, имѣя въ виду, вѣроятно, потребности нашей средней и высшей школы. Трудъ исполненъ тщательно, по принятой въ Комиссіи системѣ, и даетъ текстъ одного списка „Исторіи“ съ вариантами подъ строкой изъ другихъ списковъ, т. е. текстъ почти необработанный. Приложенъ планъ осады Казани въ 1552 г. Ни введенія, ни объяснительнаго словаря, ни даже указателя собственныхъ именъ нѣтъ.

Комиссія обѣщаетъ выпустить отдѣльнымъ изданіемъ также письма Курбскаго къ разнымъ лицамъ.

Въ конторѣ РУССКАГО АРХИВА продается новая книга:

Н. И. Бартепевъ.

ПУШКИНЪ въ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Изданіе (второе) Русскаго Архива: Москва, 1914, ц. 1 р. 50 к

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1914-й годъ.

(годъ изданія 52-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1914 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 г., по цѣнѣ. 12 рублей.

Отдѣльные №№ за 1913 г., по цѣнѣ. 2 рубля.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ:

Впереди текста, страница	100 р.
$\frac{1}{2}$ стр.	50 р.
$\frac{1}{4}$ стр.	25 р.
Позади текста, страница	80 р.
$\frac{1}{2}$ стр.	40 р.
$\frac{1}{4}$ стр.	20 р.

Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель **Петръ Бартевъ** (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1914

3

стр.

- 305.** Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Воспоминанія Г. С. Ш.
- 318.** Записки Сенатора И. В. Лопухина. Книга восьмая и послѣдняя.
- 357.** Письма Князя Дмитрія Долгорукова къ отцу. 1820 г.
- 377.** О приѣмѣ изъ Губернскаго Канцелярїи ларца съ вещами Г. Меншикова.
Сообщ. Л. М. Савеловымъ.
- 389.** Памяти Т. П. Пассень. Статьи М. Бардановой.
- 399.** Изъ жизни И. И. Введенскаго въ Саратовѣ. Статья П. Л. Юдина.
- 423.** Рѣдкія и цѣнныя изданія, собранныя В. М. Остроглазовымъ. (К—Г)
Внутри обложки, О книгахъ: Біографическій очеркъ Генералъ-Фельдмаршала Свѣтлейшаго Кнзя П. М. Волконскаго.—Матеріалы для исторїи рода Рязанскихъ Селивановыхъ, ведущихъ свое начало отъ Кичибея, собралъ А. В. Селивановъ.—Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею—матеріалы для словаря лицестовъ; собралъ и издалъ Николай Гастарейндъ. Архивъ братьевъ Тургеневыхъ, Изданъ подъ редакціей съ примѣчаніями Е. И. Тарагова.

МОСКВА

Синодальная Типографія

1914.

Биографическій Очеркъ Генерала - Фельдмаршала свѣтлѣйшаго Князя Петра Михайловича Волконскаго (1776—1852 гг.) С. Петербургъ 1914; 136 стр., малая восьмушка, съ портретомъ и двумя рисунками.

Жизнеописание князя Петра Михайловича Волконскаго, который былъ не только ближайшимъ сподвижникомъ, но и вѣрнымъ другомъ Императора Александра Павловича, нельзя не привѣтствовать. Изячно изданная книга, дань благоговѣйной памяти потомковъ славному предку своему, заключаетъ не мало любопытнаго. Князь Петръ Михайловичъ, начавшій службу при Екатеринѣ Великой, видѣлъ четыре царствованія и принималъ дѣятельное участіе въ жизни государственной, по живописному выраженію биографа „дѣлалъ исторію“. Одной изъ главныхъ заслугъ князя Волконскаго былъ планъ движенія на Парижъ, когда князь былъ начальникомъ Штаба ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, слѣдствиемъ чего было взятіе столицы Франціи и скорѣйшее окончаніе войны. Памятуя выдающіяся былыя заслуги князя Петра Михайловича Волконскаго, Государь Николай Павловичъ 1850-мъ году пожаловалъ его генералъ-фельдмаршаломъ. Не на одномъ военномъ поприщѣ подвиги князя Волконскаго: слѣдуетъ отмѣтить его плодотворную дѣятельность, какъ Министра Императорскаго двора, гдѣ онъ прославился разумной бережливостью своей. Любопытна подробность, что Александръ I-ый черезъ князя Волконскаго узналъ живописца Дау. (Dow), о которомъ писалъ Пушкинъ:

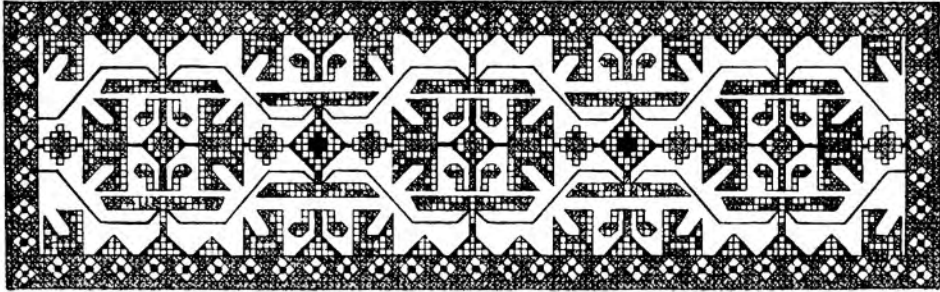
„Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой арабскій профиль.“

Картины этого выдающагося художника украшаютъ нынѣ галерею Двѣнадцатаго Гола въ Зимнемъ дворцѣ.

П. Б. (младшій)

Матеріалы для исторіи рода Рязанскихъ Селивановыхъ, ведущихъ свое начало отъ Кичибя. Собралъ **А. В. СЕЛИВАНОВЪ**. Двѣ части, 235 и 231 стр. Съ портретами. Рязань, 1912-1913. Цѣна 5 руб.

Въ 1896 году А. В. Селивановымъ была издана „Родословная Селивановыхъ“, оказавшаяся во многихъ отношеніяхъ неудачной. Переработавъ ее вновь, г. Селивановъ приступилъ въ 1912 году къ изданію новаго труда, нынѣ закончившагося вышедшимъ недавно 2-мъ выпускомъ. Нельзя не обратить вниманія на одну особенность этого новаго изданія по сравненію съ трудами по генеалогіи обычнаго типа: составитель „Матеріаловъ“ сгруппировалъ всѣ документы своего богатаго фамильнаго архива въ послѣдовательномъ порядкѣ надъ именами всѣхъ представителей рода, создавъ такимъ образомъ тѣсную связь между чисто родословными свѣдѣніями и выписками изъ архивныхъ документовъ. Такой способъ можно только привѣтствовать, т. к. имъ устраняется обычная сухость и краткость родословныхъ, но при этомъ нельзя не пожалѣть о томъ, что г. Селивановъ въ своемъ новомъ трудѣ не счелъ нужнымъ удерживать давно испытанный приѣмъ, заключающійся въ присвоеніи отдѣльнымъ представителямъ рода порядковыхъ и отцовскихъ номеровъ. Вслѣдствіе отсутствія нумерации, книга г. Селиванова лишена удобнаго указателя, просто и легко выясняющаго взаи-

ГРАФЪ А. А. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ

Тыя Пушкина тебя усыновила
И на главу твою сложила свой вѣнецъ.

* * *

Помнится мнѣ, на одномъ изъ вечеровъ уже давно скончавшагося гостепріимнаго хозяина Н. А. Ратынскаго, появился молодой еще человекъ, молчаливый и словно нѣсколько застѣнчивый, съ свѣтлою улыбкою и тихимъ, ласковымъ взоромъ. Онъ выдѣлялся своею привѣтливостію и согрѣвающею простотою. Его просили прочесть только что появившееся стихотвореніе „Разсвѣтъ“. Онъ долго не соглашался, но наконецъ уступилъ. Прочелъ его торопливо и небрежно, какъ бы скрывая его красоту и не придавая ему значенія. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе получилось сильное и глубокое. Чѣмъ-то свѣжимъ, давно не испытаннымъ повѣяло отъ чтенія. Этотъ молодой человекъ былъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Съ этого памятнаго вечера началось мое знакомство съ нимъ. Послѣ долгаго перерыва я сталъ бывать у него, когда онъ проживалъ на Адмиралтейской набережной и служилъ въ Министерствѣ Финансовъ. Къ нему собирались тогда многіе выдающіеся люди, нынѣ уже почившіе; между ними А. Н. Майковъ, любовавшійся имъ съ какимъ-то отгѣнкомъ умиленія. Это было въ началѣ 1895 года. Бесѣды неволью склонялись тогда къ переживаемому времени и чаще всего къ только что пережитому великому историческому событію 20 Октября 1894 года.

Собранія у гр. Кутузова продолжались и въ теченіе зимы слѣдующаго года; въ нихъ стали принимать участіе и новыя лица. За-

канчивались они обыкновенно радушно предлагаемымъ ужиномъ, за которымъ замѣтно сказывалось старое русское гостепріимство, съ отѣнкомъ нѣкотораго деревенскаго хлѣбосольства, напоминавшаго давній, столь знакомый и для многихъ родной еще бытъ. Ужины отличались своеобразнымъ изяществомъ и оживленіемъ. На этихъ привлекательныхъ вечерахъ у гр. Кутузова возникла мысль, позднѣе осуществленная, объ учрежденіи Общества Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память Имп. Александра III.

Вотъ что написалъ мнѣ по этому поводу гр. Арсеній Аркадьевичъ:

„Сердечное вамъ спасибо за сочувственный отзывъ о нашей вечерней бесѣдѣ въ прошедшую субботу. Онъ укрѣпилъ мое рѣшеніе посвятить остатки моихъ силъ на дѣло пробужденія русскаго самосознанія въ средѣ нашей молодежи и (насколько это возможно) также и въ средѣ нашего, такъ называемаго, образованнаго общества. Дѣло мнѣ представляется до странности простымъ и яснымъ: борьба идетъ совсѣмъ не между *сторонниками свободы*, съ одной стороны, и *представителями власти*, съ другой, а между всеразлагающимъ *космополитизмомъ и русскимъ народно-историческимъ самосознаніемъ*. Вотъ истинные непримиримые противники, и это надо выяснитъ во что бы то ни стало, чтобы окончательно разсѣять туманъ и обманъ, напущенные космополитами-западниками на молодые и неустановившіеся умы русскихъ людей всѣхъ званій и состояній. Нужно доказать не посредствомъ діалектической полемики, а *научно, на основаніи твердыхъ историческихъ фактовъ, какъ двѣ звезды два четыре*, что космополитизмъ обманно и притворно поднимаетъ соблазнительное для толпы знамя свободы, призрачностію которой обличается всей современной Европой, и что, напротивъ, торжество и воплощеніе русской государственной идеи самодержавія, какъ это блистательно доказало царствованіе Александра III, только и обезпечиваетъ какъ всему народу въ его совокупности, такъ и каждой отдѣльной личности наибольшую долю свободы, спокойствія и благосостоянія, какая возможна на землѣ.

„Изученіе и распространеніе точныхъ свѣдѣній и здравыхъ воззрѣній на прошедшее царствованіе въ связи со всею предшествующею исторіею Россіи—вотъ, по моему мнѣнію, самый вѣрный и сильный способъ борьбы съ воинствующимъ космополитизмомъ, и этому-то дѣлу должна была бы быть посвящена дѣятельность общества, объ учрежденіи котораго я помышляю. Если бы Богъ благословилъ это дѣло.

оно явилось бы поистинѣ достойнымъ „нерукотворнымъ памятникомъ“ Великому Царю, котораго мы сподобились видѣть, который озарилъ весь міръ своею праведною личностью и который завѣщалъ Россіи свой руководящій немерцающій образъ въ вѣчное назиданіе. Покойный Царь работалъ тихо, молча, смиренно. съ глубокою вѣрою въ Бога и Россію, и *побѣдилъ весь міръ*, простиравшійся ницъ передъ его прахомъ. Но прахъ есть достояніе земли, а бессмертный духъ—достояніе вѣчности. Въ Петропавловскомъ соборѣ стало одною русскою святынею больше, а въ русскомъ самосознаніи должно быть однимъ великимъ заблужденіемъ меньше. Заблужденіе это называется *впроу въ европейскую цивилизацію*, т. е. въ ту цивилизацію, которая погубила Европу и чуть-чуть не погубила Россію, спасенную Александромъ Третьимъ. Прежде всего, стало быть, надо всѣмъ показать и доказать всю неизмѣримую вышину Его царственнаго подвига и неразрывную Его связь со всѣмъ развитіемъ историческихъ судебъ русскаго народа, и для этого люди, вѣрующіе въ Россію, должны сплотиться, создать общество и находить, побивать и преслѣдовать противниковъ единственнымъ достойнымъ такого святого дѣла—оружіемъ мысли и слова.

„Я не сомнѣваюсь ни одной минуты въ томъ, что неиспорченные чистыя сердца русской молодежи откликнутся на такой призывъ. и только на такой призывъ. Ни физическое насиліе. ни хитрая и ядовитая полемика не пробудятъ въ нихъ сочувствія.

„Вамъ всецѣло преданный *Гр. А. Кутузовъ*.

„5 марта 95 г.“

Къ этому времени относится и другое письмо.

5 Апрѣля 1895 г.: Адмиралт. наб., 14.

„Вы правы, сто разъ правы. усиленно настаивая на той мысли, что общество Ревнителѣй Русскаго Историческаго Просвѣщенія *всю свою силу и все свое значеніе* должно почерпнуть исключительно въ правдѣ своего дѣла и въ нравственномъ воздѣйствіи этой правды на сердца и умы людей, чуждомъ всякаго. не говоря уже матеріальнаго,—но и мысленнаго насилія. Въ понятіи о „*просвѣщеніи*“ не можетъ и не должно заключаться, даже въ скрытомъ видѣ, понятіе о гордомъ и себялюбивомъ учительствѣ. къ которому такъ склонны наши лжеохранители.

„Всякій истинный свѣтъ *самъ по себѣ свѣтится и тьма его не объятъ?* Таковымъ самосвѣтящимъ, немерцающимъ свѣтомъ для Россіи

и даже для всего человѣчества былъ Александръ III. Общество должно отразить въ своей дѣятельности этотъ свѣтъ,—и тѣма всѣхъ тѣхъ „отчужденностей“, о которыхъ Вы пишете, его не обыметъ...”

Тогда-же онъ писалъ мнѣ:

„Ваше письмо я прочелъ съ величайшимъ наслажденіемъ и Вашу историческій взглядъ раздѣляю вполне. Россія—цѣлый самостоятельный міръ, во всемъ себѣ довлѣющій, который стоять долженъ неколебимо на рубежѣ Запада и Востока, а не склоняться туда или сюда, смотря по обстоятельствамъ... Внутренній смыслъ Россіи заключенъ въ ея Православіи“...

5 Февраля 96.

Съ тѣхъ поръ наши сношенія не прекращались, и вечера Кутузова уже въ новомъ его помѣщеніи (въ виду перемѣны службы) всегда носили все тотъ же изящный отпечатокъ и давали неизмѣнное художественное наслажденіе. Самъ хозяинъ особенно оживлялся на этихъ вечерахъ, а гости выносили свѣтлое и радужное настроеніе, нерѣдко поддерживаемое музыкою и пѣніемъ. Но Петербургъ не помогаетъ развитію подобныхъ вечеровъ, а „злоба дня“ всегда столь тяготившая хозяина, не могла не способствовать ихъ постепенному замиранію; къ тому же и здоровье его уже пошатнулось и стало сильно удручать.

Кончина А. Н. Майкова, къ которому графъ Кутузовъ былъ очень привязанъ, была для него личнымъ большимъ горемъ. Я думаю, что участіе поэта въ дѣлѣ зарожденія Общества „Ревнителѣй“ служило ему значительною поддержкою.

28 Января 1896 г. гр. Кутузовъ писалъ мнѣ:

„При семь посылаю два оттиска „Майскаго дня“ и рукопись моего стараго стихотворенія, переданную вамъ С. М. Э. Стихотвореніе это въ исправленномъ и дополненномъ видѣ было напечатано и вошло въ сборникъ, такъ что не знаю, представляетъ ли рукопись какой-нибудь интересъ? Вообще мнѣ всегда ужасно какъ-то стыдно и совѣстно дѣлается, когда моимъ писаніямъ придають значеніе. Я такъ ясно чувствую ничтожество моихъ литературныхъ работъ, которымъ не могу, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, предаться вполне, что

всякое проявленіе вниманія къ этимъ работамъ меня болѣе смущаетъ, нежели радуетъ.

„Вообще я искренно завидую тѣмъ, которые

Вдалекѣ отъ всѣхъ житейскихъ золь,
Какъ родъ людей первоначальный,

предаются излюбленному дѣлу и посвящаютъ ему всѣ силы и все свое время. Но для этого надо обладать большою силою воли и олимпійскимъ спокойствіемъ, которое позволяло бы смотрѣть свысока и равнодушно на все, что творится вокругъ,—на такъ называемую „злобу дня“.

„Такъ, говорятъ, Гете писалъ свою спокойнѣйшую идиллію „Германъ и Доротея“ въ то время, какъ на улицахъ шла пальба и разгрывалась революція. Но, очевидно, я на такое спокойствіе совершенно не способенъ, ибо не только пальба и революція, но даже У и Z мнѣ спать не даютъ, и я волнуюсь и горячусь, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ отъ нихъ зависитъ моя участь!“

Въ 1902 году гр. А. А. Кутузовъ прислалъ мнѣ при письмѣ автографъ своего прекраснаго, истинно пророческаго, стихотворенія, оставившаго сильное впечатлѣніе. Оно написано имъ года за три до такъ называемаго „освободительнаго движенія“.

1-е января 1902-го года.

Чѣмъ громче праздный пиръ шумитъ вокругъ меня,
Чѣмъ ярче наглый блескъ огней его пылаетъ,
Тѣмъ безпросвѣтнѣе въ груди тоска моя,
Тѣмъ безутѣшнѣе душа впотѣмахъ рыдаетъ!
Мнѣ чудится—бѣда великая близка;
Но поступи ея никто еще не слышитъ,
Межь тѣмъ какъ на стѣнѣ уже судьбы рука:
„Мани, факель, фаресь“ неумолимо пишетъ.
Еще не грянулъ громъ надъ пьяною толпой,
Еще не прерванъ гамъ пирующаго хора,
А въ откровеніи зловѣщемъ предо мной
Весь ужасъ видится суда и приговора.
И крикнуть хочется: очнитесь, казнь идетъ.
Но вопль въ устахъ моихъ бессильно зампраетъ—
И громче все толпа ликуетъ и поетъ,
И ярче все вокругъ безумный пиръ пылаетъ.

Гр. Кутузовъ весьма сочувствовалъ создаваемому московскимъ дворянствомъ институту для дѣвицъ дворянокъ, осуществленному при мощной поддержкѣ Имп. Александра III. На одномъ изъ предваритель-

ныхъ засѣданій, предшествовавшихъ выработкѣ устава новаго учрежденія, присутствовалъ и графъ Кутузовъ. Засѣданіе затнулось и стало утомительнымъ. Передъ нимъ случайно лежали бумага и карандашъ. Когда всѣ разошлись, я нашелъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ Кутузовъ, написанное имъ четверостишіе...

Онъ глубоко любилъ Москву, гдѣ воспитывался и подолгу жила. Пасхальная заутреня въ Кремлѣ, дивный звонъ колокольный его восхищали. Подолгу жила онъ и въ деревнѣ, въ своемъ Корчевскомъ имѣніи, Шубинѣ, гдѣ предводительствовалъ. Его всегда тянуло въ ту сторону, а новыя условія дружбы, среди цифирныхъ упражненій и торжества техники, при рѣзкихъ звукахъ трамваевъ и автомобилей, его тяготили и раздражали.

Состояніе здоровья вынуждало графа Кутузова искать отдохновенія и исцѣленія сначала въ Крыму, а потомъ за границей. и онъ предпринялъ рядъ поѣздокъ въ Италію, которую изучалъ съ большою любовью. Особенно восхищался онъ небольшими сѣверными итальянскими городами. въ родѣ Ривы, и другими прибрежными озера Гарда. Любилъ онъ и скалистые мрачные берега озера Лоппю, съ преданіями о Данте, въ которыхъ находилъ большую прелесть. Особенно онъ увлекался древними мастерами живописи эпохи до-Рафаэля и собиралъ картины, позднѣе украсившія стѣны его Петербургскаго кабинета. Блестящія страницы его повѣсти „Даль зоветъ“ отражаютъ его увлеченіе памятниками искусства старой итальянской школы христіанскаго художества (*les primitifs*).

Въ одно изъ такихъ путешествій я засталъ его на поѣздѣ въ Берлинѣ, въ любимой имъ гостиницѣ Савой (*Savoy*), гдѣ и посѣтилъ его, жившаго тогда уединенно, въ верхнемъ этажѣ, въ небольшой комнатѣ, гдѣ ему особенно удобно было заниматься и готовить къ печати свою повѣсть „Даль зоветъ“. Повидимому, полное уединеніе ему было необходимо для творчества. „Служенье музъ не терпитъ суеты“...

Въ другой разъ случилось посѣтить уже знакомый мнѣ городъ Верону, въ которомъ особенно сильно сохранился отпечатокъ временъ минувшихъ. Случайно шелъ я по узкой своеобразной улицѣ М., гдѣ ходятъ одни пѣшеходы. Улица тѣсная, а вдоль нея съ двухъ сторонъ тянутся лавки. Вижу—идеть на встрѣчу челоуѣкъ и какъ будто знакомый. Неувѣренно всматриваюсь и вижу, что и онъ удивленно взгля-

нуль на меня и вдругъ поднялъ руки! Я узналъ графа Кутузова, и мы радостно привѣтствовали другъ друга. Со мною была тогда А. Д. Евреинова. Познакомившись съ нею, графъ Кутузовъ неожиданно предложилъ намъ прогуляться по Веронѣ и быть нашимъ сісегопе. Онъ повелъ насъ прежде всего въ Колизей, гдѣ снялъ съ насъ моментальную фотографію. Меня поразило его оживленіе и даже неутомимость. Мы прошли почти всѣмъ городомъ и были на могилѣ Джуліеты, забросанной визитными карточками. Онъ былъ совершенно неузнаваемъ и, видимо, весь проникся художественными впечатлѣніями. Въ заключеніе онъ предложилъ намъ пообѣдать въ укромномъ ресторанѣ, съ громкимъ названіемъ Hotel Dante, — здѣсь былъ особенно радостенъ и благодушенъ. Говорилъ онъ тогда о желаніи своемъ посѣтить Мантую и расхваливалъ вообще второстепенные сѣверные итальянскіе города, куда и совѣтовалъ ѣхать. На меня встрѣча эта произвела большое впечатлѣніе, къ тому же радостное, въ виду казавшагося замѣтнаго улучшенія въ его здоровьѣ.

Но, увы! это было только временнымъ подъемомъ, скоро уступившимъ усиленію тяжкаго недуга, точившаго его силы.

Года проходили и мы продолжали переключаться отъ времени до времени. 27 Февраля 1902 г. онъ писалъ мнѣ:

„Письма Пушкина къ князю Вяземскому—предестъ! Сколько ума, желчи и жизненной бодрости! Последнему свойству Пушкина я всегда завидовалъ. Истинно художественное творчество возможно только при условіи любви къ жизни, при впррь въ торжество добрылъ началъ. Когда эта любовь, эта вѣра потеряны,—остается только молчать. Не правда ли? Всецѣло преданный

А. Кутузовъ.“

27 февраля 1902.

Вообще въ натурѣ его было много возвышеннаго и художественнаго, хотя и сложнаго. Съ извѣстною его мягкостью чувствъ, при гонкой воспримчивости, онъ иногда увлекался людьми и дарилъ ихъ своимъ горячимъ сочувствіемъ; но часто также и разочаровывался въ нихъ, что всегда болѣзненно отражалось на немъ. Это свойство особенно одаренныхъ людей, испытавшихъ многое въ жизни и неволью отдающихся общенію съ людьми, отраженіе которыхъ воспринимается въ ихъ сокровенномъ сознаніи и чувствѣ. Подобно ощущенію цвѣтка, сжимающагося при всякомъ неосторожномъ прикосновеніи, онъ могъ переходить отъ свѣтлыхъ и сильныхъ порывовъ къ гнетущей тоскѣ,

при всегдашнемъ исканіи идеала, всегда убѣгающаго въ туманную даль. Такихъ людей нельзя мѣрять общемо мѣркою; недостатки его преувеличивались невольно. Подвижность выраженія его была необычайна. Тѣни быстро проходили по лицу, смѣняясь то кроткою, почти дѣтскою, улыбкою, то выраженіемъ горькаго раздумья и сосредоченной скорби.

Случилось мнѣ однажды быть свидѣтелемъ, какъ графъ Кутузовъ читалъ у княгини А. А. Оболенской свою повѣсть „Даль зоветъ“. Въ ней были чудныя страницы, дивныя картины, написанныя превосходнымъ русскимъ языкомъ. Всѣ ими восхищались, но общее впечатлѣніе всего произведенія на меня было двойственно и развязка не могла всѣхъ удовлетворить. Это недоумѣніе не скрылось отъ автора, и онъ мнѣ вскорѣ послѣ того сказалъ: „Васъ неудовлетворила моя повѣсть, но вѣдь это только начало“. Дальнѣйшее развитіе разсказа предположено имъ было подъ заглавіемъ: „Жизнь зоветъ“, а въ заключеніе должно было слѣдовать „Богъ зоветъ“, — „и тогда“ — говорилъ онъ — „вы примиритесь съ началомъ“. Онъ допускалъ вполне различіе мнѣній спорныхъ и даже оживлялся ими. Иногда, дѣйствительно, можно было недоумѣвать надъ нѣкоторыми его положеніями. Древній міръ сильно привлекалъ его, а начала, обновившія міръ, онъ почиталъ отчасти повредившими искусству. Съ этимъ трудно было согласиться; но рядомъ въ разсказѣ его были чудныя мѣста, какъ, на примѣръ, взгляды его на Колизей, на Капитолій и Форумъ и др... то были яркія, дивныя страницы, красоты необычайной, пластической и безусловно воодушевительной силы. Но „Жизнь зоветъ“ такъ и осталась, къ сожалѣнію, незаконченною. Смерть захватила его въ пылу новыхъ начинаній.

Читалъ онъ и прозу необыкновенно быстро, глотая слова и довольно небрежно, что напоминало мнѣ его раннее чтеніе „Разсвѣта“ у Ратынскихъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; онъ сильно постарѣлъ и какъ-то даже нахмурился. Выраженіе было уже другое, утомленное, даже угнетенное, или, быть можетъ, мнѣ оно такъ показалось подъ какимъ-нибудь обманчивымъ впечатлѣніемъ. Въ характерѣ поэта были такія неровности и разночувствія, быть можетъ, основанныя на ложныхъ и неточныхъ представленіяхъ, свойственныхъ присущей въ немъ временами подозрительности; но это настроеніе скоро проходило и снова яркое солнце и звѣздное небо отражались въ его болѣзненно чуткой душѣ. Тогда возвращалась выразительная улыбка и свѣтлый, слегка загадочный, взглядъ. Не даромъ же въ комнатѣ его висѣло изо-

браженіе „Джіоконды“ и черты эти не то смущали, не то властно притягивали....

Въ уютномъ кабинетѣ его на Фонтанкѣ, гдѣ стояла гипсовая модель памятника Пушкина *), подаренная ему Опекушинымъ,—продолжали собираться и бесѣдовать о текущихъ явленіяхъ и событіяхъ. Посѣщала его тогда и Н. А. Звѣревъ, которому онъ особенно сочувствовалъ.

Здѣсь же въ этомъ кабинетѣ приглашалъ я его на открытіе памятника Карамзину въ Остафьевѣ. Кутузовъ воспріянулъ и общалъ непремѣнно пріѣхать, въ чемъ я, однако, сомнѣвался, зная его болѣзненное состояніе и трудность для него переѣзда. Но, къ радости моей, я обманулся, и онъ, дѣйствительно, прибылъ въ Остафьево ко дню открытія памятника. Опять и въ этотъ день онъ былъ необычайно оживленъ, какимъ я давно не видѣлъ его. Это состояніе усилилось, когда я выразилъ ему надежду на прибытіе его въ другой разъ къ открытію памятника Пушкину. Среди многочисленныхъ гостей вижу его возбужденнаго и радостнаго во время службы, засѣданія и за столомъ. особенно же во время прогулки къ березовой аллеѣ, любимой Пушкинымъ и друзьями его. Здѣсь мы любовались просторомъ полей и заливныхъ луговъ „извилистой Десны“ съ окрестными деревнями. Гр. Кутузовъ сѣлъ на скамейку, еще сохранившуюся на завѣтной березовой аллеѣ, и замолкъ. Когда я, наконецъ, предложилъ ему вернуться къ дому, онъ сказалъ: „Подождете, здѣсь такъ хорошо“... Дорогія для меня и незабвенныя минуты!..

Послѣ отъѣзда своего онъ написалъ мнѣ письмо, живо отражающее его впечатлѣнія.

19 Іюля 1911 г., Москва.

„Передъ тѣмъ, чтобы вернуться въ Санктпетербургъ, въ эту нравственную трущобу, представляющую изъ себя разсадникъ, питомникъ и хранилище всѣхъ ядовитыхъ цвѣтовъ и растеній, и гнилыхъ плодовъ нашей отечественной современности, я испытываю неодолимую потребность еще разъ выразить графинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и Вамъ мою глубокую, сердечную признательность за тѣ нѣсколько часовъ высокой духовной радости и полнаго нравственнаго удовлетворенія, которые я пережилъ вчера подъ благословеннымъ кровомъ

*) Это изображеніе Пушкина онъ считалъ наилучшимъ.

Остафьева, и за тѣ дорогія для меня знаки добраго вниманія и сочувствія, которыми Вы меня удостоили. Во все время пребыванія моего въ Остафьевѣ чуждось мнѣ. будто славныя тѣни великихъ людей, нѣкогда тамъ жившихъ, вдохновлявшихся и творившихъ свои безсмертныя созданія, витали надъ нами и невидимо участвовали въ устроенномъ Вами торжествѣ. То былъ, поистинѣ, духовный пиръ и до конца моихъ дней я сохранию о немъ самое свѣтлое, признательное воспоминаніе.

„Не знаю, удастся ли мнѣ, какъ хотѣлъ бы, воспѣть этотъ пиръ стихами, хоть нѣсколько достойными тѣхъ именъ и образовъ, которые онъ воскрешалъ въ сердцахъ и мысляхъ всѣхъ его участниковъ? Подъ старость струны души ослабѣваютъ и блекнетъ вдохновеніе. Быть можетъ, однако, сила и прелесть испытанныхъ мною впечатлѣній оживятъ мою дряхлѣющую музу, и она нашепчетъ мнѣ слова искренней, задушевной пѣсни...

Кутузовъ“.

Здоровье гр. Кутузова все ухудшалось и настало то время, когда онъ рѣшился испытать полное уединеніе, вдали отъ большого центра, и для того поселился въ глухомъ поселкѣ, въ колоніи, близъ Московской заставы, въ Царскомъ Селѣ. За нею тянулся рядъ старосвѣтскихъ домиковъ совершенно давняго пошиба, вѣявшаго двадцатыми годами XIX вѣка. Изъ этого уединенія онъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо, очевидно, подъ вліяніемъ недавно пережитыхъ тяжелыхъ годовъ съ ихъ послѣдствіями.

Царское Село, Колоніи, 26.

26 Сентября 1911 г.

„Простите меня, Христа ради, глубокоуважаемый и дорогой гр. С. Д., что такъ долго молчалъ. Тому было двѣ причины: прослышавъ о вашемъ нездоровьѣ и о томъ, что Вамъ врачами предписанъ былъ полный покой, я долго опасался утруждать Васъ чтеніемъ моего письма и просилъ только Павла Сергѣевича сообщить мнѣ свѣдѣнія о васъ, а затѣмъ я самъ захворалъ—тяжко и мучительно—какими то острыми болями въ рукахъ и ногахъ, соединенными съ полнымъ бездѣйствіемъ желудка и такимъ угнетеннымъ состояніемъ головы. что потерялъ способность не только что-либо дѣлать, но даже думать! Хотя за послѣднюю недѣлю мнѣ, какъ будто, нѣсколько лучше, но о выздоровленіи пока нѣтъ и рѣчи: руки и ноги болятъ. ничего не ѣмъ, кромѣ насильно вливаемыхъ въ меня какихъ-то питательныхъ жидкостей. Исхудалъ до чрезвычайности, и—что всего неутѣшитель-

нѣе—доктора рѣшительно не понимаютъ причины всѣхъ этихъ явленій (или не хотятъ мнѣ ее объявить). Во всякомъ случаѣ, я не надѣюсь на скорое поправленіе.

„Конечно, событія послѣдняго времени, все, что творится и происходитъ кругомъ, не могутъ содѣйствовать возстановленію ни душевныхъ, ни тѣлесныхъ силъ. Вполнѣ понимаю и ваше настроеніе, отразившееся въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ ко мнѣ. На Россію со всѣхъ сторонъ надвигаются темныя тучи, просвѣта нигдѣ не видно: повидимому, приближается буря... Выдержать ли ея напоръ потрясенное... зданіе „Государства Россійскаго“, созданное тысячелѣтними подвигами и трудами преданныхъ поруганію и забвенію предковъ?—Про то вѣдаетъ одинъ Господь! Но каково намъ, выросшимъ въ преданіяхъ и завѣтахъ родной земли, и помнящихъ ея мощь и славу, быть бессильными свидѣтелями ея разрушенія! Всю тяжесть и ужасъ такого горя нельзя выразить словами. Они могутъ только молча пониматься и раздѣляться тѣми, кто ихъ ощущаетъ въ себѣ самомъ.

„Я вамъ писалъ о моемъ желаніи написать стихотворное воспоминаніе о счастливомъ днѣ, проведенномъ мною въ Остафьевѣ. Я написалъ начало, но болѣзнь мѣшала до сихъ поръ его окончить. Надѣюсь, однако, исполнить это завѣтное желаніе и вамъ прислать на судъ то, что мнѣ удастся написать. Надѣюсь и на доброе позволеніе ваше побывать еще разъ въ Остафьевѣ на открытіи памятника Жуковскаго, конечно, если доживу до тѣхъ поръ. Будьте добры, не лишайте меня вѣстей о васъ и вѣрьте въ глубокую и неизмѣнную преданность мою къ вамъ.

А. Кутузовъ“.

Въ глухую осень мнѣ удалось посѣтить его въ его захолустьѣ. Онъ казался бодрѣе обыкновеннаго и довольнымъ. Комнаты были уютно убраны, кое-гдѣ появилась знакомая мебель, и на простыхъ стѣнахъ—разныя изображенія, виды, и на почетномъ мѣстѣ та же „Джиджонда“. Этотъ пріютъ ему былъ, видимо, по сердцу, но это продолжалось недолго: злой недугъ все болѣе терзалъ его.

Я сталъ вновь звать его въ Остафьево на предстоящее открытіе памятниковъ Жуковскому и Пушкину. Мысль эта ему полюбилась и воодушевляла его. Особенно оживляла его надежда прибыть къ открытію памятника Пушкина, и онъ представилъ для снимка свою статую поэта, изображенную Опекушинымъ. Еще 10-го Августа 1912 года онъ писалъ:

10 Августа 1912 г.

„Вотъ въ какомъ, приблизительно, видѣ мнѣ представляется памятникъ Пушкину въ изображеніи Опекушина... Думаю, что барельефъ было бы желательно помѣстить *на лицевой* сторонѣ подножія. Это совсѣмъ не помѣшало бы надписямъ: сверху—*„Пушкину“*, а снизу—*„Онъ между нами жилъ“*, и годъ. Подножіе должно быть, по крайней мѣрѣ, на одну треть выше статуи. Мнѣ кажется, что оно можетъ быть сложено изъ кирпича и только облицовано какимъ-нибудь темнымъ камнемъ, а то и просто оштукатурено и покрашено въ темный коричневыи цвѣтъ. Подъ темной бронзой идетъ только что-нибудь *совсѣмъ блрое* или *темное же*. Средніе цвѣта не годятся. Хорошо было бы углы закруглить въ столбики. На боковыхъ стѣнкахъ можно помѣстить надписи:

„Я былъ рожденъ для жизни мирной“ и т. д.

и *„Здравствуй племя младое, незнакомое“*, а на задней сторонѣ весьма умѣстно было бы, по моему мнѣнію, начертать:

„Сей памятникъ сооруженъ и освященъ въ селѣ Остафьевѣ въ 1913 году“.

„Площадка вокругъ подножія должна въ поперечникѣ быть въ *три* раза шире памятника. Можно бы ее замостить мелко дробленнымъ камнемъ всю или только дорожку кругомъ; остальное же пространство пусть было бы покрыто травой, а площадку оградить грубо обтесанными камнями съ висящими между ними простыми желѣзными цѣпами. Вотъ и все. Вокругъ Пушкина все должно быть просто, непритязательно и строго. Одно его изображеніе (если оно хорошо) вполне достаточно, чтобы произвести на всякаго проходящаго сильное и глубокое впечатлѣніе.

„Вамъ душевно преданный.

Арсеній Кутузовъ“.

Вскорѣ для меня стало ясно, что не бывать ему въ Остафьевѣ, не бывать тамъ, куда стремилась его душа: съ каждымъ днемъ силы его гасли, и онъ страшно исхудалъ. Рѣдко выходилъ онъ изъ своего завѣтнаго уголка съ дорогой ему обстановкой и все же не замеръ онъ

совсѣмъ для внѣшняго міра, съ его свѣтлыми проблесками и мрачными бурями; они доходили до него издалека,

Какъ дальній гулъ Господней непогоды
Иль тихій звонъ святыхъ колоколовъ...

Равнодушія онъ не зналъ, чутко прислушиваясь къ преходящимъ явленіямъ, нерѣдко ему по духу чуждымъ. Мысль его непрестанно стремилась въ звѣздныя вершины и никогда „память смертная“ не покидала его. У него была необыкновенная сила и глубина прозрѣнія: она не давала ему довольствоваться однимъ „земнымъ“ и отходящимъ въ землю. Она неотразимо стремилась къ горнымъ высямъ, озареннымъ солнцемъ правды, добра и красоты! Имъ остался онъ вѣренъ до конца. Когда-то думалъ онъ о сфинксѣ жизни и говорилъ:

И вѣрю я,—въ тотъ мигъ, когда во тьмѣ суровой
Я вспыхну передъ тѣмъ, чтобъ сплутъ въ вѣчпомъ спѣ,—
Уста раскроетъ Сфинксъ—и роковое слово
Онъ въ душу броситъ мнѣ.

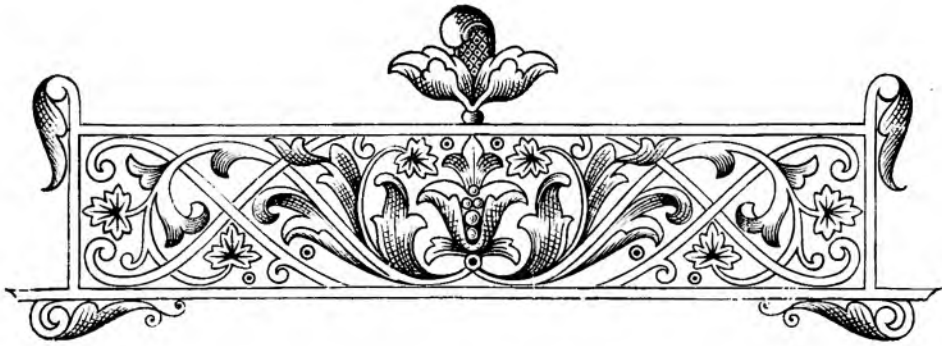
.....

Что повѣдалъ ему сфинксъ—намъ невѣдомо, но мы знаемъ, что до послѣдняго вздоха онъ сохранилъ полное сознаніе духа сокрушеннаго, сердца чистаго и здраваго ума. Онъ и почилъ народною смертью простаго русскаго православнаго человѣка, Божественныхъ Тайнъ причастный... То было 28 Января 1913 года.

Миръ его душѣ и память вѣчная!

Г. С. Ш.

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ.

Книга осьмая.

Молніеносные подвиги Наполеона—сего провидѣніемъ избраннаго орудія на доказательство того, что все трудятся зиждущіе, аще не Господь созидаетъ, въ концѣ 1806-го года приближали опасность и къ Россійскимъ предѣламъ. Сіе побудило тогда къ извѣстному и весьма памяtnому учрежденію временнаго земскаго войска.—или Милиціи.

Нѣсколько Сенаторовъ отправлены были по Губерніямъ съ особыми наставленіями для наблюденія, при семъ учрежденіи земскаго порядка, и особливо внутренняго спокойствія и тишины. Моему надзору ввѣрены были губерніи: Тульская, Калужская, Владимирская и Рязанская. Чтобъ лучше представить какимъ образомъ исполнялъ я сіе важное порученіе, и обстоятельства онаго времени, включу здѣсь выписку изъ моихъ донесеній, которыя долженъ я былъ тогда еженедѣльно посылать непосредственно къ Государю Императору.

Выписка изъ донесеній.

Изъ Тулы 4-го Января 1807-го.

Отъ сердца пылающаго любовію къ Вамъ и Отечеству, всеподданнѣйше приношу Вашему Императорскому Величеству поздравленіе съ началомъ отторженія врага всемірнаго спокойства.

Поспѣшивъ изъ Москвы къ исполненію повелѣннаго въ губерніяхъ. имѣлъ я первый неописанное удовольствіе обрадовать сею побѣдою *) жителей здѣшнихъ и по дорогѣ. Никогда не видалъ я въ народѣ ничего похожаго на ту чувствительность, съ какою приняли сію вѣсть. Крестьяне плакали отъ радости.

Скорое учрежденіе милиціи безпримѣрно глубокое впечатлѣніе въ нихъ сдѣлало. Страхъ имъ представился ближе, нежели когда либо. при покровительствѣ свыше. можетъ онъ, вѣроятно. быть для Россіи. А потому всякое отдаленіе страха сего есть не только нынѣ радость, но оживленіе народу.

И для того-то. Государь, осмѣлюсь представить, что при необходимости уже конечно составленія Земскаго Войска, сохраняя во всѣхъ случаяхъ, особливо настоящимъ, столь нужную дѣятельность, весьма однако полезно не спѣшить, или лучше сказать, не оказывать торопливости, которая тотъ часъ разливаешь страхъ въ народѣ. Въ три дня здѣсь испыталъ я сколько онъ успокаивается, сколько ободряется внушеніемъ того, чтобъ неослабно и съ наилучшимъ стараніемъ каждый, содѣйствуя въ спасительномъ дѣлѣ сооруженія общей обороны отечества. и можетъ быть. еще больше.—орудія успокоенія цѣлой Европы, не думалъ однако жъ, чтобъ нѣсколько часовъ. нѣсколько дней промѣшкать опасно было: ибо разстояніе страха отъ предѣловъ нашихъ. не днями считать должно:—слава моши, ихъ охраняющей!

Я увѣряю, и подлинно такъ думаю. что вооруженіе сіе есть точно временное: что, Боже избави Россію, превратится въ Государство военное, что свойственно ей по праведнымъ однимъ причинамъ. метать грома свои далеко за своими предѣлами, а между тѣмъ мирному ея поселянину. природно изощряя плугъ свой, о войнахъ же знать только по тѣмъ побѣдамъ, о коихъ рассказываетъ ему посѣдѣвшій въ нихъ ратникъ, котораго покоить онъ лаврами увѣнчанную старость.

Между тѣмъ. Государь вездѣ усердіе и ревность достойны сыновъ Россійскаго отечества. Гнусная лезть была бы однако увѣрять Ваше Величество, что учрежденіе милиціи не считаютъ крайне отягчительнымъ. Многіе мнѣ въ откровенности и здѣсь говорили, что гораздо лучше бы еще по одному, даже по два рекрута взять со ста, если уже необходимость того требуетъ.

*) При Пултускѣ.

Государь! усердіе и любовь моя къ Вамъ и Отечеству истинно неописанны. Я не хочу пережить спокойства и славы его и Вашей. И такъ, конечно, говорю вамъ правду. Я жилъ въ Москвѣ и общій образъ мнѣнія извѣстенъ мнѣ. Весьма коротко знакомы мнѣ люди всѣхъ состояній. Нѣтъ никого, кромѣ водимыхъ видами личныхъ выгодъ, или легкомысліемъ, кто бы не находилъ учрежденіе Милиціи тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселянской, особливо, жизни. Кто скажетъ Вамъ иное, Государь, тотъ обманщикъ, не достойный выговаривать именованіе Царскаго престола, коего одно истинное украшеніе есть всемѣрное попеченіе о благѣ Царства. не могущемъ существовать безъ спокойства и личной безопасности. безъ которой не только безопасность предѣловъ Государства но и вся возможная слава и сила въѣ,—не дѣлають народовъ счастливыми.

Еще съ вѣрноподданническимъ и патриотическимъ восхищеніемъ скажу, что повиновеніе, готовность, усердіе, вездѣ являются во всемъ своемъ пространствѣ; но сіе-то общее чувство и требуетъ, конечно, самаго рачительнаго сбереженія, какъ самый драгоценный залогъ прямой силы и твердости отечества.

Расположеніе къ пожертвованіямъ денежнымъ и проч. возбуждено до чрезмѣрности. Конечно, во времена самой нужды только сіе можетъ быть пріемлемо. Похваляя здѣсь такое разположеніе, не считаю однако жъ, Государь, за нужное по видамъ истинной и прочной для Государства пользы усиливать возбужденіе онаго. Истощеніе частныхъ силъ и способовъ есть подрывъ общаго обилія и могущества.

Я былъ въ Москвѣ свидѣтелемъ того знатнаго приношенія, которое московское купечество, славяся, сдѣлало раскладкою по гильдіямъ; но видѣлъ я отъ того и ропотъ, даже не между бѣднымъ купечествомъ, а у послѣдняго видѣлъ я слезы отчаянія. Впрочемъ они же это наложить на товары и возвышеніемъ цѣнъ усугубится трата.

Обыкновенно нѣсколько человѣкъ увлекають большее число по личнымъ видамъ собственной корысти, или честолюбія. И то, что кажется услугою обществу и пріемлется таковою и награждается, часто бываетъ въ прямомъ существѣ своемъ совершеннымъ злодѣйствомъ обществу.

Когда должно говорить, то не могу я говорить неправду Государю, и не такому. какъ Вамъ. рожденному быть истиннымъ отцемъ

Отечества и примѣромъ благости Царскаго Сана. Вамъ, Государь, говоря правду, я выигрываю, ибо надѣюсь, что пріобрѣтаю чрезъ то Вашу милость. Но не побоялся бы я за правду для отечества и гнѣва Царскаго, потому что отечество люблю я больше себя.

Осмѣливаюсь еще представить Вашему Императорскому Величеству слѣдующее:

1-е) Весьма нужно самое ясное предписаніе и точное во всѣхъ подробностяхъ опредѣленіе отношеній Милиціоннаго начальства къ состояніямъ градскимъ и сельскимъ, и къ вѣдомствамъ Земскимъ; дабы заградить всѣ возможныя пути къ притязаніямъ излишнимъ. нарушающимъ хозяйскія права и спокойство, и могущимъ смущать порядокъ гражданской части.—пути, которые неопредѣленностію и неограниченностію точныхъ отношеній естественно отверзаются. Противодѣйствія двухъ властей, конечно, можетъ воспрепятствовать успѣху дѣла. Нужно, весьма нужно взаимное содѣйствіе и согласіе: но послѣднее столько-же между людьми рѣдко, ежели не совсѣмъ при такихъ случаяхъ не натурально, при движеніи страстей. свойственныхъ человѣчеству.

Власть Главнокомандующимъ областнымъ столь торжественно и, вѣроятно, по самымъ основательнымъ причинамъ данная, не прострется думая, нѣсколько за предѣлы управленія милиціею.

2-е) Хотя и не сообщена еще намъ инструкція или грамота, имъ данная 20-го Декабря минувшаго года, но мнѣ извѣстно, что при назначеніи дней для Экзерцицій Милиціонныхъ, назначается въ ней день *изъ опредѣленныхъ для работъ на помѣщиковъ.*

Дни назначить, конечно, должно, и всего приличнѣе то сдѣлать по соображенію съ хозяйственною удобностію помѣщиковъ. Но Всемилоствѣйшій Государь, повергаясь на колѣна предъ Вами, какъ вѣрнѣйшій подданный и сынъ Отечества, усердствуя о спокойствіи его, всеподданнѣйше, всеубѣдительнѣйше представляя Вашему Императорскому Величеству инымъ образомъ изъясненія о томъ повелѣть, чтобъ не возобновился указъ раздѣляющій время работъ крестьянскихъ на себя и на помѣщиковъ, ограничивающій власть послѣднихъ не сходно съ общемою пользою. Указъ, котораго памятливы слѣдствія при изданіи его: и который, смѣю сказать, хорошо, что оставался какъ бы безъ исполненія.

Въ Россіи ослабленіе связи подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самого нашествія непріятельскаго, и не въ настоящемъ положеніи вещей. Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не дороживъ правами Государства, стыдясь даже выговаривать слово холопъ; до слабости, можетъ быть, снисходителенъ будучи къ слугамъ своимъ и крестьянамъ. Первый, можетъ быть, хочу, чтобъ не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго челоуѣка, еслибъ только то безъ вреда для нее возможно было. И наконецъ, будучи наканунѣ, по извѣстнымъ Вашему Величеству обстоятельствамъ долговъ моихъ не имѣть, можетъ быть, ни одной деревни! И такъ голосъ мой тутъ не только есть, но и долженъ быть безпристрастенъ. И въ сихъ-то чувствахъ я увѣренъ, что ничего не можетъ быть пагубнѣе для внутренней твердости и общаго спокойства Россіи, какъ разслабленіе оныхъ связей. Внушенія ни какъ не помогутъ, ежели дѣйствія соотвѣтствовать не будутъ.

Я даже осмѣлился Главнокомандующему здѣшной области, Генералу Тутолмину, въ бесѣдахъ съ нимъ по дѣламъ Милиціи, при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, настоятельнѣйше совѣтовать, чтобъ при назначеніи дней не объявлять точно словами раздѣляющими дни работъ крестьянъ на себя и на помѣщиковъ. — простите мнѣ, Государь! — я доношу все откровенно.

Духомъ несказанной преданности вѣрноподданнической цѣлую благотворную Вашу руку, да подписываетъ она только миръ и благоденствіе Россіи.

*

Изъ Тулы, 11-го Генваря 1804-го.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что въ губерніи Тульской все благополучно, и изъ прочихъ обзорнѣю моему ввѣренныхъ, ничего кромѣ пріятнаго не получаль.

Поспѣшивъ изъ Москвы нарочно къ первому дню новаго года сюда, я засталъ еще здѣсь большую часть собранія дворянскаго: а предводителей всѣхъ, особо собравъ съ предводителемъ губернскимъ, дѣлалъ я имъ надлежащія внушенія.

Рачительное также внушеніе сдѣлано отъ меня купечеству и мѣщанству. Сіе послѣднее и вообще людей нижняго состоянія, почитаю за особливо нужное вразумлять и убѣждать. И дѣлаю то ненарядно; а въ короткости простого обхожденія; въ простотѣ образа моей жизни,

ходя пѣшкомъ и со всякимъ разговаривая. Въ такой же простотѣ осмѣливаюсь и Вашему Величеству доносить, чтобъ яснѣе представить.

Составъ Земскаго войска идетъ съ наилучшимъ успѣхомъ и усердіемъ во всѣхъ Высочайше ввѣренныхъ обзорѣнію моему губерніяхъ: Тульской, Калужской, Рязанской и Владимирской.

Общій духъ рвенія и вѣрности невозможно описать довольно. Но не могу я также скрыть. Государь—и Боже меня избави скрывать отъ Васъ что либо, до спокойства или общей пользы отечества относящееся. Не могу скрыть, что часто, особливо въ тѣхъ состояніяхъ, изъ коихъ рядовыя ратники набираются, много неудовольствій. Отцы, матери естественно жалѣютъ дѣтей,—дѣти ихъ, и тому подобное.

Не можно еще ихъ увѣрить, чтобъ составляемое земское войско было временное, и что не тотчасъ они двинуты будутъ противъ непріятели, котораго каждый изъ нихъ, по безпримѣрности строгости учрежденія, и такого чрезвычайнаго, каково учрежденіе столь многочисленной милиціи, считалъ по крайней мѣрѣ далеко уже внутри російскихъ предѣловъ, ежели не близко дверей своихъ: едва и теперь отдыхаютъ отъ сей мысли. Доношу просто и справедливо.

Поразительное для всѣхъ впечатлѣніе нечаяннымъ учрежденіемъ симъ сдѣлано прежде; а расположенія успокаивающія пришли послѣ, какъ то: убѣжденія большія о временности земскаго войска; повелѣніе оставаться ему въ прежней одеждѣ, не брить лба и бороды, распоряженіе о пребываніи въ домахъ своихъ и проч.

Но и сіе не можетъ совершенно успокоить никакого рода поселянъ, ни помѣщиковъ. Хозяйство, конечно вообще разстраивается, не говори еще о слѣдствіяхъ неисправимой на опытъ неудобности вліянія властей, въ столь близкихъ и сплетенныхъ отношеніяхъ.

Повелѣвается поселянъ, вписанныхъ въ милицію, не употреблять ни въ какія посылки, или дѣла, которыя бы слишкомъ удаляли ихъ отъ мѣстъ жительства и проч., какъ и естественно. Но обыкновенная и необходимая въ самыхъ пахотныхъ мѣстахъ промышленность крестьянская и польза помѣщиковъ требуетъ нерѣдкихъ отлучекъ отъ домовъ и по положеніямъ оныхъ отъ городовъ неблизкихъ для продажи хлѣба и издѣлій, для закупки лѣса, всякихъ надобностей домашнихъ и проч.

Есть же Губерніи, въ числѣ назначенныхъ для Милиціи, которыя и обилуютъ ими единственно отъ того, что большая часть лучшихъ изъ ихъ поселянъ занимаются промыслами въ отдаленныхъ мѣстахъ и на долгое время каменьщики, плотники, трепачи, которые цѣнку обдѣлываютъ и проч., и проч., и то селеніе въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, въ коемъ остается сколько можно меньшее число людей для работъ домашнихъ.

Въ губерніяхъ, порученныхъ моему обозрѣнію, приходится съ 15-ти безъ малаго и съ 14 ревизскихъ душъ, по одному ратнику. Изъ числа же ревизскихъ душъ въ самыхъ людныхъ селеніяхъ обыкновенно не больше половины бываетъ работниковъ.

Сколько же изъ такихъ годныхъ въ Милицію остается?—И изъ какихъ же по прямому расчисленію долженъ вступить въ нее? 3-й 4-й и едва ли гдѣ 5-й опредѣлится въ Милицію изъ работниковъ. Конихъ въ иныхъ мѣстахъ большая половина на большую часть года отлучаются, и далеко отъ домовъ своихъ для тѣхъ обыкновенныхъ ихъ промысловъ. Конии единственно содержатся тамъ селенія въ безбѣдномъ состояніи, какъ напримѣръ, извѣстно мнѣ въ губерніи Калужской.

При всей благоразумной дѣятельности и самомъ ревностномъ попеченіи тамошняго губернатора не уповательно, чтобы точно въ назначенный срокъ можно было собрать въ оной губерніи все положенное съ нее число ратниковъ; ибо Калужская губернія промышленная, и большая часть жителей ея въ расходѣ по разнымъ и отдаленнымъ мѣстамъ. По симъ причинамъ губернаторъ пишетъ ко мнѣ, что не торопится круто, и требуетъ моего наставленія. Я осмѣлюсь, Государь, предписать ему съ своей стороны, чтобъ имѣя въ предметѣ точность исполненія, и нисколько въ немъ не ослабѣвая, въ чемъ на г. Львова весьма положиться можно,—сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, гдѣ можно однако, снисходить бы, не теряя ни одного возможнаго способа къ скорѣйшему успѣху.

Осмѣлюсь предписать сіе для существенной пользы, для сохраненія общаго покоя, и наконецъ по необходимости. Крутость возмущаетъ; а людей, разсыпанныхъ по всей Россіи, вдругъ отыскать нѣтъ возможности.

Въ селеніяхъ же промышленныхъ губерній и особливо въ зимнее время, остаются по большей части люди, имѣющіе свыше 50 и меньше 20 лѣтъ.

По убѣдительной просьбѣ здѣшняго градекаго общества, которое какъ и дворянское отличилось здѣсь усердіемъ и важностію пожертвованій, осмѣлился я также отсрочить на 7 дней наборъ или вписаніе въ Милицію тульскихъ мѣщанъ. Они просили для того, чтобъ въ это время отыскать сколько можно находящихся въ отлучкахъ, для назначенія справедливѣйшаго, и для поставки людей больше годныхъ.

Сего требуетъ дѣйствительная польза. А что нѣсколько дней отсрочки, ни въ какомъ тутъ случаѣ вредной разницы сдѣлать не могутъ, то кажется оцутительно; сколько же не торопливость въ настоящихъ обстоятельствахъ успокоиваетъ и ободряетъ народъ, начиная съ самаго дворянства, то имѣлъ я удовольствіе, Государь, весьма видѣть здѣсь изъ опытовъ.

Истинная слава Вашего Императорскаго Величества и благо Отечества, въ которомъ единственно и оно блистать можетъ, суть первые у меня предметы, въ дѣлѣ Высочайшею Вашешю довѣренностію порученномъ.

По искреннему моему къ Вамъ усердію еще откровенно донесу, что здѣсь, и въ самой Москвѣ, соблазняются тѣмъ, что въ то время, какъ одна часть имперіи обизывается важною и затруднительною повинностію состава вооруженія и снабженія земскаго войска, другая: (не говоря о пограничныхъ губерніяхъ) манифестомъ 6-го Декабря минувшаго года только приглашается къ добровольнымъ пожертвованіямъ.

И подлинно, Государь, не сохраняется тутъ, по крайней мѣрѣ, видъ уравненія, толь облегчающій общее ношеніе всякой тягости. Можетъ быть, что оныя, въ составъ Милиціи не вошедшія губерніи и больше принесутъ, особливо при разныхъ средствахъ возбужденій, которыя, какъ я уже осмѣлился при откровенности моей доносить, не содѣйствуютъ однако жъ существенно къ основательной пользѣ отечества, кромѣ того, что раздражается отъ онаго междуусобная зависть и размножаются случаи, подъ личиною рвенія изощрятся лукавству челоуколюбія или корысти на счетъ же общій тѣмъ или другимъ образомъ.

Можетъ быть, принесутъ они и больше, но они имѣютъ право и ничего не приносить тогда какъ прочіе Манифестомъ же обязаны непременно къ повинности въ мѣрѣ опредѣленной и тягостной. И право

сіе дается имъ съ монаршаго престола; однимъ изъ тѣхъ во всенародное извѣстіе объявленныхъ актовъ, коихъ правильность священнѣйшею печатью быть долженствуетъ.

Милосердѣйшій Государь! прости мнѣ. Не могу о Вашемъ дѣлѣ, объ отечествѣ говорить Вамъ не то, что у меня на сердцѣ, не то, что въ мысляхъ у меня.

Многое бы сказалъ я, за долгъ почелъ сказать у ногъ Вашихъ, еслибъ имѣлъ счастье быть при Августѣйшемъ лицѣ Вашемъ во время сихъ учрежденій.

Ваше Императорское Величество, конечно, милосердо бы простили и дерзость сыновняго усердія, и погрѣшность, если бы представленія мои, при всей искренности ихъ, неосновательны были. Но опять донесу, что то же бы представилъ и самому немилосердому Государю. Я былъ бы, конечно, жертвою моей преданности къ престолу и отечеству. Но жертвою такою быть столько же для меня пріятно, сколько благоденствовать подъ скипетромъ Александра, негнѣвающагося, конечно, за правду, а любящаго слышать ее.

За особливо нужное еще считаю представить благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества для единообразнаго и общаго постановленія по Милиціи, касательно убыли изъ нея людей, которую отъ смерти и утечки естественно предпологать должно.

Ежели числу ихъ быть непремѣннымъ чрезъ всегдашнее наполненіе изъ тѣхъ же селеній, каковое положеніе кажется мнѣ есть, по крайней мѣрѣ, въ мысли у Милиціоннаго начальства, то сіе было бы не только неудобно; ибо всѣ бы въ селеніяхъ связаны были и мѣщане, но крайне несправедливо и неуравнительно.

Напримѣръ: изъ двухъ селеній разнаго владѣнія, имѣющихъ въ себѣ по 1000 ревизскихъ душъ, изъ каждаго впишется въ Милицію по 70 человекъ, между одними изъ сихъ помрутъ и разбѣжятся въ одинъ годъ половина а между другими ни 4-й доли, что весьма можетъ случится по массѣ селеній. За что же виноваты первыхъ собратья поселянъ?—Наполненіемъ изъ нихъ усугубится отягощеніе, и безвинно, ибо они могутъ быть всѣ столько же невинны въ утечкѣ собратьевъ своихъ, какъ и въ смерти ихъ, Розыскъ тутъ строгій по селеніямъ, особливо въ настоящее время, будетъ всегда притѣсните-

лень, иногда возмутителенъ, и чаще безуспѣшенъ, возглашать же за утечки оныя отвѣтственность на помѣщиковъ. или начальства сельскія, волостныя и мѣщанскія, было бы творить виноватыхъ.

*

Изъ Тулы, 18-го Января 1807.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что въ Тульской губерніи все благополучно; и въ прочихъ губерніяхъ, обзорнѣю моему ввѣренныхъ, вообще спокойство и тишина царствуютъ.

Чтобъ видѣть все ближе, былъ я въ разныхъ уѣздахъ; вездѣ одинъ духъ усердія и покорности.

Наилучшимъ образомъ приняты всѣ мѣры къ снаряду, продовольствію и вооруженію земскаго войска. Люди готовы. Встрѣчается только индѣ та неудобность, что по скорости назначенія надобно вписывать и одинокихъ; а изъ семейныхъ въ отлучкахъ для обыкновенныхъ промысловъ. иные скрываются; чего нельзя было и не ожидать.

Нѣкоторыхъ видѣлъ я и весело, охотно записывающихся, видѣлъ даже крестьянъ, очень здраво разсуждающихъ о нуждѣ усилить отечественное ополченіе. Всѣ плаютъ одолѣніемъ неистоваго врага спокойства.

Не внесетъ онъ оружія своего въ нѣдра нашего отечества. По крайней мѣрѣ, не хотѣтъ дожить до того, должно быть лучшимъ чувствомъ русскаго патріота. Едва ли сколько нибудь съ успѣхомъ проникнуть сюда можетъ и адское коварство его къ дѣйствіямъ чрезъ оболъщеніе черни.*) Но дай Боже, чтобъ кромѣ такихъ непосредственныхъ и едва ли сбыточныхъ вліяній, сохранились въ ней связи подчиненности. чтобъ въ дворянствѣ и состояніяхъ учащихся не торжествовало ложное просвѣщеніе, на безвѣрїи основанное; и чтобъ, наконецъ не изощрилось внутри пагубнѣйшее оружіе отъ злоупотребленій самаго земскаго войска. Не чрезъ мятежи и волненія его, но чтобъ столь природное людямъ властолюбіе его начальства, своевольство чиновниковъ его, на которое при такихъ случаяхъ неизсчетные пути

*) Предполагали что непріятель будетъ дѣйствовать внутри Россіи чрезъ оболъщеніе черни своими тайными агентами.

отверзаются, и могущая отъ того послѣдовать распутность толь многочисленной толпы его ратниковъ, не обратилось бы въ оскорбленіе неслосное, и въ тягость возмутительную народу.

Итакъ, Государь! Вѣрность и рвеніе вездѣ общія. Все Вамъ вѣрно. Все любить Васъ до восхищенія, но чувство бремени отъ Земскаго войска общее же, какъ доносилъ я откровенно.

Все говоря, счастливѣйшая будетъ та минута, въ которую отмѣнится сіе войско; продолжаютъ думать, что лучше вмѣсто его взять со ста по одному даже по два, въ случаѣ крайности, обыкновенныхъ рекрута, безъ большой только браковки.

Затрудняются до боязни вліяніемъ начальства его, столь тѣсно сплетеннаго съ управленіемъ гражданскимъ и хозяйственнымъ состояніемъ, при толикой степени власти. Полагая, что Ваше Императорское Величество изволили послать сенаторовъ для перевѣсу ея, радуются здѣсь очень моему пріѣзду.

Врученіе областнымъ начальникамъ вдругъ такой власти всѣхъ поразило. Признаюсь, Государь, что и я содрогнулся, когда не предвидя близкой причины, услышалъ такое торжественное разрѣшеніе смертной казни... въ Россіи, гдѣ мечъ ея прежде всѣхъ странъ земныхъ отринуть былъ—разрѣшеніе, отъ руки которой опредѣлено кажется подписывать одну милость и счастье народовъ.

Государь! То время,—что или всё вѣрно, или смертная казнь не удержать. Но когда устрашала она злодѣевъ.

Государь! Пламеннымъ сердцемъ любви къ тебѣ и отечеству—у ногъ твоихъ, руки твои омывая слезами, говорю: будь только всегда Александръ, великій благостью, она все преодолѣтъ.

Откровенно представляю образъ миѣнія народнаго, и свою душу раскрываю предъ Вами Государь.

Руководствуясь одними чувствами безпредѣльной вѣрности подданнаго, сына отечества, и 10 лѣтъ имѣющаго честь носить званіе Сенатора, не для имени только.

*

Изъ Тулы 24-го Генваря 1807-го.

Въ трехъ донесеніяхъ моихъ предъ симъ Вашему И. В. со всею откровенностію безпристрастія представилъ я все. На сей разъ важнѣйшаго донести ничего не имѣю.

Приемлю только смѣлость представить Вамъ, Государь, слыша, что начальствомъ здѣшной области предполагается учредить нѣкоторый однорядокъ въ одеждѣ и рядовыхъ милиціи, какъ то: кафтаны покроя крестьянскаго, но по сотнямъ уравненные, особые пояса; на рукахъ перевязки съ имфрама; шапки одного манера и цвѣта и проч., что, конечно, не иное, какъ плодъ любви къ единообразію устройства, состарившагося въ искусствѣ его генерала Тутолмина.

Но по соображенію мѣстному, гораздо лучше считаю все сіе оставить, если бы можно: ибо оно, хотя въ мелочахъ, но все обязываетъ на повинности, еще новыя, и небезубыточныя, умножаетъ случаи къ излишнимъ притязаніямъ, при злоупотребленіяхъ, ни въ чемъ и вигдѣ неизбѣжныхъ; и, что всего важнѣе, больше утвердить народъ можетъ въ мысляхъ о невременности земскаго войска, и самаго его, или чрезъ сіи же мысли приводить въ уныніе, или особенностью такою, какъ и всякою, болѣе поощрять къ буйству, которое и безъ того весьма трудно будетъ отвращать при вліяніи властей, крайне всегда неудобномъ для нашего народа. Наконецъ, всякое такое установленіе представляется отмѣною даннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ указа Прав. Сенату, чтобъ людей въ милицію поступать имѣющихъ, одѣвать не иначе, какъ по примѣру обыкновенныхъ наборовъ въ такую же одежду, въ какой прежде они ходили. А потому откровенно донесу, что и служъ объ однорядкѣ ономъ, не съ удовольствіемъ приѣмлется.

Вся же одежда и проч. по точному исполненію повелѣнія Вашего Императорскаго Величества уже всѣми приготовлена; итакъ отмѣна, еще немалымъ всѣхъ убыткомъ затруднить.

Смѣло донося Вамъ, Государь, что знаю и думаю, повергаюсь къ священнымъ стопамъ Вашимъ и цѣлую руку, отъ которой всѣ ожидаютъ побѣдъ и милостей.

Послѣднее оное донесеніе приготовилъ я ввечеру, слѣша въ ту же ночь ѣхать въ Рязань. Ожидалъ только почты, которой надобно

было придти въ тотъ вечеръ, считая что я могу получить какой нибудь отзывъ на мое первое донесеніе.

И подлинно получилъ я Государевъ рескриптъ отъ 16-го Генваря, въ которомъ и милость и гнѣвъ изъяснялись. Начать рескриптъ свидѣтельствомъ благоволенія за усердное исполненіе по манифесту о милиціи. Потомъ Государь сказавъ мнѣ, что „не сокроетъ онъ отъ меня“, что не безъ удивленія нашель онъ въ донесеніи моемъ разсужденія совсѣмъ постороннія „сдѣланному мнѣ препорученію“. Изволилъ описывать причины составленія временнаго ополченія и заключать рескриптъ слѣдующими словами „я увѣренъ впрочемъ, что каковъ бы ни былъ образъ вашихъ мыслей касательно составленія Земскаго Войска, но Вы столько чувствуете долгъ вашъ, что потщитесь исполнить со всею ревностію и усердіемъ возложенную на васъ обязанность.

() полученіи сего донесъ я слѣдующимъ письмомъ.—

„Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 16-го Генваря я удостоился получить.

Священнымъ долгомъ считалъ я откровенно доносить Вашему Императорскому Величеству образъ мнѣнія народнаго, а собственныхъ чувствъ моихъ не могъ скрыть отъ Васъ и не скрою никогда.

Тѣмъ же чистосердечіемъ исполнены и всѣ мои донесенія. И несчастнѣйшая минута жизни моей будетъ та, въ которую навлечетъ оно гнѣвъ на меня Государя моего.—Несчастнѣйшая по безпредѣльной вѣрности и любви моей къ Нему и Отечеству.

Что касается до ревностнаго и усерднаго исполненія возложенной на меня обязанности, всемилостивѣйшимъ ожиданіемъ чего заключается Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества, то осмѣлюсь сказать, что въ ревности и усердіи исполнять повелѣнія Ваши не уступлю я никому.

Всеподаннѣйше подношу при семъ доношеніе, которое уже написано было при полученіи рескрипта.“

*

Написавъ сіе донесеніе, запечаталъ я его въ одинъ кувертъ, съ приготовленнымъ прежде отъ того жъ числа; и отдавъ почтмейстеру

для отправления. спокойно съѣлъ въ свою кибитку и поѣхалъ въ Рязань.

Я продолжалъ писать къ Государю съ тою же искренностію и смѣлостію правды, какъ увидятъ изъ слѣдующихъ донесеній.

Продолженіе выписки изъ донесеній.

Изъ Рязани, 30-го Генваря 1807-го.

Духъ покорности и пламенной любви къ Вамъ, Государь, и отечеству тоже здѣсь одушевленъ, какъ и вездѣ, равно и образъ общаго мнѣнія учрежденіи Земскаго войска такой же, какъ я прежде въ моей вѣрноподданнической откровенности доносилъ Вашему Императорскому Величеству.

Неизобильны пожертванія въ Рязанской губерніи, имѣющей въ себѣ много бѣдныхъ дворянъ и купцовъ, но весьма добровольно и непрерывно приносятся.

Къ правильному назначенію рядовыхъ въ милицію, представляетъ въ иныхъ мѣстахъ здѣшней губерніи нѣкоторое затрудненіе отлучка мѣщанъ и поселянъ въ разные промыслы, какъ то въ извозъ, въ работы, наемъ въ дальнія мѣста и проч., особливо изъ семейныхъ; что должно неизбѣжно иногда обращаться къ отягощенію одинокихъ: есть такіе, кои скрываются или нарочно удаляются, имѣя паспорта, полученные прежде Манифеста о составленіи Земскаго Войска.

Безпокоятся здѣсь также тѣми однорядками о неудобности которыхъ представлялъ я Вашему Императорскому Величеству въ моемъ послѣднемъ донесеніи.

Изъ Калуги, 7-го Февраля 1807-го.

Нельзя пересказать, сколько народъ утѣшенъ всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ отъ Вашего Императорскаго Величества отпустить въ дальнѣйшія работы и промыслы *) желательно только, чтобъ образъ исполненія сего установился, и сколько можно удобнѣйшій способъ. Формы и разномысліе, ежели не прихоти исполнителей не стѣсняли нисколько пользу сего, отеческою милостію къ народу на-

*) Тогда вышло повелѣніе отпустить въ работы и промыслы; и до того съ начала изданія Манифеста о Милиціи всѣхъ держали въ домахъ своихъ, къ отягощенію крайнему.

чертаннаго повелѣнія, и чтобъ млличное начальство въ связи своей, при исполненіи ономъ, съ начальствомъ гражданскимъ, руководствовало всегда одними благородными видами частной хозяйской и общей отечества пользы.

Петинно, Государь! всякое облегченіе повинности Земскаго войска, неизобразимою благодарностію возносить къ престолу Вашего Императорскаго Величества сердца вѣрноподанныхъ, пылающихъ любовію къ вамъ и усердіемъ безпредѣльнымъ.

Въ глубинѣ толкиныхъ чувствованій повергается къ Вашимъ священнымъ стопамъ и проч.

*

Изъ Калуги, 13-го Февраля 1807-го.

Сердцемъ, которое горитъ желаніемъ, чтобъ все покорялось російскому скипетру, и чтобъ Ваша рука управляла имъ до позднѣйшей возможности жизни человѣческой, цѣлую благотворную руку сію, приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее мое поздравленіе съ новою надъ врагами Отечества знаменитою побѣдою¹⁾ которую торжествовали здѣсь при восторгахъ, свойственныхъ чувствамъ любви и усердія Вашего народа къ Государю и отечеству.

Отъ 7-го числа сего мѣсяца доносилъ я Вашему Императорскому Величеству, что въ Калужской губерніи Земское Войско готово, и все къ составленію его сдѣлано наилучшими мѣрами.

Нынѣ же какъ о существеннѣйшемъ донесу, что съ восхитительною радостію принявъ всемлостивѣйшее постановленіе Вашего Величества, опредѣляющее лѣта вступающихъ въ оное войско, отъ 17-ти до 50-ти лѣтъ²⁾ и повелѣвается на убылыя изъ него мѣста рядовыхъ другихъ не требовать.

Послѣднее тѣмъ паче обрадовало, что въ инструкціи о должности чиновниковъ земскаго войска отъ здѣшняго областного начальства составленной, къ неописанному затрудненію и отягощенію всѣхъ состояній, предписано уже было оное наполненіе, и изъ самыхъ тѣхъ же участковъ, изъ коихъ случится убыль³⁾.

¹⁾ При Прейсшъ-Эйлау.

²⁾ Сія лѣта назначены были съ отнѣною прежняго, сходно съ моимъ представленіемъ отъ 11-го Января, въ коемъ представлялъ я противъ онаго наполненія.

³⁾ Инструкцію, въ коей сіе предписано было, уже нигдѣ послѣ не отыскивали.

Вездѣ готовы люди, одѣты, снабжены и по возможности вооружены, во всей точности сходно съ Манифестомъ о учрежденіи милиціи и данными о томъ указами Вашего Императорскаго Величества. но отъ начальства ея требованія новыя, касательно образа одѣжды, рода и количества оружія и проч. производятъ во всѣхъ губерніяхъ затрудненіе тѣмъ состояніемъ, кои обязываются исполненіемъ онаго.

При семъ по откровенности безпредѣльнаго усердія моего, не могу я, государь, удержаться отъ вѣрноподданническаго дерзновенія сказать: что, хотя Вашему Императорскому Величеству благоугодно было облечь главнокомандующихъ областнымъ Земскимъ Войскомъ такою властію, чтобъ во всѣхъ случаяхъ, до устройства областного войска относящихся. предписанія ихъ принимаемы были какъ собственные Ваши повелѣнія; но сіе конечно не о томъ, что было бы въ отмѣну оныхъ: какъ и самый Прав. Сенатъ, коего указамъ монаршею довѣренностію издавна присвоена сія сила, не можетъ, конечно, дѣлать такихъ отмѣняющихъ предписаній.

По возложенной на меня обязанности представлять Вашему Императорскому Величеству образъ общаго мнѣнія о настоящемъ случаѣ внутренняго вооруженія, долженъ я донести, что власть оная, или лучше сказать, возможность ея дѣлать устраивающіяся отъ точности, извѣстной и всенародно объявленной воли Вашей, предписанія такія, и по такимъ предметамъ, о коихъ положенія должны и могутъ быть и не на мѣстѣ предвидѣны и вездѣ однообразны, по крайней мѣрѣ, приводитъ въ недоумѣніе все земскія вѣдомства и больше разливаетъ стѣненіе въ сердца.

Еще долгомъ считаю донести, что на представленіе вѣрноподданническаго усердія моего о неудобности назначать дни для сбора ученія Милиціи, изъ дней подъ наименованіемъ *работныхъ* для помѣщика. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ своемъ Высочайшемъ ко мнѣ рескриптѣ изобразить, что оное „хотя упомянуто въ данной грамотѣ Г. г. Главнок. областными войсками, но сіе сказано собственно для нихъ“. Однако въ помянутой же инструкціи*) отъ здѣшняго начальства сего войска, которая по существу своему конечно всѣмъ извѣстна быть должна, именно назначаются два дни въ недѣлѣ изъ работныхъ на помѣщиковъ. () семъ

*) Сія то инструкція тотчасъ исчезла.

всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и первое мое представленіе осмѣлился сдѣлать.

*

Изъ Владиміра, 1-го Марта 1807-го

Въ Губерніяхъ: Тульской, Калужской, Рязанской и Владимірской спокойно все и благодѣшно.

Въ послѣднюю прїѣхавъ здѣшнюю, обозрю и извѣдаю на мѣстѣ все повелѣнное Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.

Прѣзжая я видѣлъ у городскихъ и сельскихъ жителей неопишанную радость о тѣхъ облегченіяхъ по Милиціи, которые Ваше Величество Всемиловитѣйше сдѣлать изволили: *Дай Богъ здоровья Государю*, говорятъ простосердечно поселяне, прибавляя: *когда совсѣмъ отмѣнится?*

Убѣждая ихъ въ томъ, что крайняя была надобность въ такомъ вооруженіи, увѣряю, что оно весьма временное, и что, конечно, отмѣнится, какъ скоро только можно будетъ. *Дай то Богъ, дай то Богъ*, отвѣчаютъ съ такимъ чувствомъ оживительной надежды, котораго истинно безъ слезъ почти видѣть нельзя.

Всемиловитѣйшіи Государь! я думаю, что у монарха мудраго и добродѣтельнаго, у истиннаго отца Отечества, вѣрноподданническая любовь и усердіе больше должны давать право на смѣлость представленій и приближать къ престолу, нежели одинъ порядокъ чиновъ и царедворскихъ должностей. И такъ въ моей предъ Вами откровенности, которую всегда считаю я для себя священнымъ долгомъ, осмѣлюсь сказать, что въ самомъ, благодѣтельномъ Царствованіи Вашего Императорскаго Величества, благодѣлнѣйшій будетъ тотъ день, въ который отмѣнится Земское Войско.

И 4-я часть его, обыкновеннымъ образомъ равно со всего Государства собраннаго и воински устроенаго, конечно, будетъ ополченіе гораздо дѣйствительнѣйшее а для народу легчайшее: ибо совершенно общій образъ мнѣнія непрерывно есть тотъ, что лучше по одному даже по два рекрута со ста. И отдѣленіе уже людей отъ настоящихъ званій въ прямое военное, столько же было бы полезнае къ удобнѣйшему устройству и нужно строгому управленію едипоначалствомъ во-

инской власти, сколько нынѣшнее слияніе властей представляетъ неудобства; а развлекательное положеніе въ состояніяхъ и земледѣльца или промышленника и купно ратника, можетъ лишать ихъ способностей и къ тому и къ другому, питая между тѣмъ духъ буйства и своеволя.

Впрочемъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, до чрезвычайнаго числа умноженное войско, можетъ со временемъ по разсмотрѣнію быть уменьшаемо и изъ всякаго рода организациі возвращаемо въ мирныя хозяйственныя состоянія.

Примите, Государь, великодушно мои представленія; простите милосердно, если они неосновательны, но они всегда происходятъ единственно отъ такихъ чувствъ, по которымъ я имѣю счастье быть до гроба

вѣрнѣйшимъ подданнымъ.

*

Изъ Владиміра, 8-го Марта 1807-го.

Вашему Императорскому Величеству доношу, что общая тишина и спокойствіе непрерывны въ здѣшной Владимірской и въ прочихъ обзорѣнію моему вѣрренныхъ губерніяхъ, изъ коихъ ежедневно получаю извѣстія.

Все касающееся до составленія Земскаго Войска, со стороны гражданскаго начальства, при ревностномъ подвигѣ всѣхъ сословій Владимірской губерніи весьма хорошо устроено.

Духъ любви и усердія къ Вамъ и Отечеству безпредѣленъ здѣсь, какъ и во всей державѣ Вашего Императорскаго Величества, равно и образъ общаго мнѣнія о вооруженіи земскомъ, точно здѣсь такой же какъ по возложенному на меня долгу въ откровенности доносилъ я изъ прочихъ губерній.

Найтщательнѣйше внушаю я о временности онаго войска и о пребываніи рядовыхъ его въ нерушимости связей и повиновенія по ихъ кореннымъ состояніямъ. Сіе тѣмъ паче считаю нужнымъ, что уже появляется, какъ и естественно, хотя изрѣдка, и въ неважномъ еще видѣ, расположеніе къ своевольству отъ несмысленныхъ заключеній, что уже подъ особымъ живутъ начальствомъ; и плодъ заблужденія сего доселѣ невящій, какъ въ нѣкоторыхъ развратное и дома истоца-

ющее пьянство, уклонность отъ хозяйственныхъ упражненій, малыя ослушанія, что все можетъ еще униматься не самыми строгими, только неопустительными средствами, которыя и подтверждаю я бдительно употреблять въ самыхъ коренныхъ состояніяхъ оныхъ оруженосцевъ, т. е. въ земскомъ вѣдомствѣ и въ кругѣ волостныхъ и помѣщичьихъ властей, дабы исправляемые, купно съ исправленіемъ, больше убѣждались и въ томъ, — что не выведены они изъ подчиненія властямъ онымъ.

*

Изъ Москвы, 18-го Марта 1807-го.

Узнавъ здѣсь о полезномъ преобразованіи Земскаго Войска съ столь знатнымъ его убавленіемъ, благословилъ я, и, конечно съ милліонами, любезнѣйшее Отечеству Имя Ваше; духомъ неизобразимой радости поцѣловавъ Вашу руку, коей Скипетръ вручило Милосердіе небесъ къ человѣчеству. Да! едва ли была когда въ Россіи радость общая и столь чувствительная всеѣмъ въ ней состояніямъ, какъ та, которая разольется онымъ спасительнымъ преобразованіемъ.

Не могъ я не начать симъ, Государь, отъ безпредѣльнаго удовольствія истинно вѣрноподданческой любви къ Вашему Императорскому Велпчеству и пламеннаго усердія къ благу общему.

Высочайше мнѣ повелѣнное исполнилъ я во всеѣхъ 4-хъ Губерніяхъ, кои обозрѣнію моему вѣрены были.

Во всеѣхъ все, относящееся къ внутреннему ополченію, учреждено и производится съ рвеніемъ, отличающимъ Вашихъ подданныхъ.

Пожертванія вездѣ продолжаютъ въ губерніяхъ: Тульской, Калужской, Владимірской и Рязанской, которыя, конечно, по справедливости удостоены будутъ всемплоствнѣйшаго означенія Высокомонарнаго благоволенія Вашего Императорскаго Величества.

Исполнивъ все повелѣнное мнѣ, возвратился я къ своему мѣсту, какъ, предписано въ Высочайшемъ рекриптѣ Вашего Императорскаго Величества.

Смѣю надѣяться, что образъ исполненія моего угоденъ отеческой любви Вашей къ подданнымъ, великой душѣ и мудрой прозорливо-

сти Вашего Величества, ибо я руководствовался единственно не описаннымъ усердіемъ къ истинной славѣ Вашей и къ твердому благу Отечества.

Откровенность и вѣщаніе правды безъ всякихъ отгѣнокъ предъ Монаршимъ Престоломъ есть всегда для меня долгъ священный, неизгладимо впечатлѣвшійся въ сердце, совершенно преданномъ служенію Вамъ и Отечеству: а въ дѣлѣ толико общественномъ, и столь нѣжно касающемся неколебимости благосостоянія Государственнаго, какъ есть настоящее вооруженіе внутреннее, и малое отступленіе отъ онаго правила моего было бы, по мнѣнію моему, сущее предательство.

Книга девятая.

Преобразование Земскаго войска, о которомъ я писалъ въ послѣднемъ моемъ донесеніи, подлинно обрадовало всѣхъ и облегчило не сказано: и оно было сдѣлано точно такимъ образомъ, о которомъ и имѣлъ смѣлость усердія представить Государю отъ 1-го Марта изъ Владиміра, только что не 4-я, а 3-я часть его оставлена была.

Скоро послѣ того и совсѣмъ перестало существовать оное войско; и возвратилось въ свои прежнія состоянія кромѣ тѣхъ, коихъ помѣщики или общества мѣщанъ и поселянъ казенныхъ, пожелали оставить на службѣ для зачета въ рекруты.

Миръ и съ сохраненіемъ чести Россійской державы въ Тильзитѣ заключенный, все успокоилъ. Онъ весьма желателенъ былъ и полезенъ. Одинъ только неизбѣжный при томъ разрывъ съ Англіею много навлекъ неудобствъ разнаго рода.

Хотя я очень мало свѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ и коммерческихъ; однако при семъ могу, кажется, не безъ основанія, осмѣлиться сказать, что главное искусство Россійской политики должно состоять въ томъ, чтобъ сколько можно, не только меньше зависѣть отъ Европы; но и меньше связей съ нею имѣть, какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными.

Подъ именемъ послѣднихъ разумѣю я обычай, который какъ заразительная гнилость, снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ россійскихъ.

Хорошо бы имѣть военныя силы, съ удержаніемъ всегда неустрашимаго духа и нравовъ Русскихъ, во внутренности ополченія устроенныя по тактикѣ Тюренновъ и Фридриховъ для отраженія только неприятелей отъ предѣловъ Россійской Имперіи. слишкомъ обширной: и при нужномъ знаніи иностранныхъ языковъ, при упражненіяхъ въ изящныхъ и полезныхъ наукахъ и художествахъ. не стыдиться многихъ своихъ старинныхъ обычаевъ.

Покрой платья, цвѣтъ и доброта того, изъ чего оно шьется. не просвѣщаютъ. а покоряютъ частныхъ людей самой малодушной зависимости. цѣлое же Государство непримѣтно подвергаютъ очень большой. къ ихъ ослабленію: обѣдать не въ полдни. а въ 6-мъ часу пополудни и ужинать въ 3-мъ за полночь, конечно не есть ни умнѣ, ни великодушнѣ; а что тѣлу оно изнурительно и головѣ тяжело. то естественно.

Я думаю, что не меньше полезно отучить отъ того, чтобъ не считали необходимымъ употреблять сахаръ и кофе, всякій почти день, или, по крайней мѣрѣ, всякой выѣздъ женщинамъ быть въ новомъ платьѣ и тому подобное. нежели завоевать нѣсколько провинцій.... и не меньше трудно.

Истинный Патріотизмъ состоитъ въ томъ, чтобъ желать Отечеству истиннаго добра и содѣйствовать тому всѣми силами,—желать, чтобъ не на Французовъ или Англичанъ походили Русскіе; а были бы столько счастливы, сколько они быть могутъ.

Что такое любить отечество?—Имѣть къ нему тѣ точно чувства любви, какія имѣютъ къ милой родинѣ своей—любить его подлинно, какъ добрыя дѣти любятъ своего отца. Будутъ ли они радоваться, видя, что отецъ ихъ въ красныхъ нарядахъ и обширными владѣн дачами, таеги и чахнети?—Не будутъ ли лучше желать и стараться, чтобъ онъ выздоровѣлъ, когда еще можно.

Такъ, конечно. самыя суетныя привычки—самыя мелкія связи обычаевъ обращаются въ тяжкія оковы.

Не имѣли бы мы безъ привычки такой надобности въ сахаръ, кофе, сукнахъ тонкихъ и прочемъ подобномъ;—и разрывъ бы съ Англіею въ Государствѣ едва извѣстенъ былъ.

Азіатцы, начиная отъ Пекина до Цареграда, могли бы думая, искреннѣйшими быть съ нами союзниками. Немного обезпокоятъ они и своею невѣрностію въ союзахъ. Всякая наша пушка у нихъ въ особомъ почтеніи. А размноженіе съ ними торговли, думая, весьма бы быть могло полезно съ большею удобностію сохранять въ ней всегда перевѣсъ, въ разсужденіи того, что меньше всегда причинъ уважать ихъ и опасаться.

Сколько одной пшеницы выкупать можно съ турецкой стороны, при полезномъ переселеніи на нее пахарей изъ мѣстъ малоземельныхъ, и при усовершенствованіи земледѣлія—сего источника обилія и силы государствъ.

Истинное богатство ихъ должно состоять не въ множествѣ монеты, а въ малой надобности въ деньгахъ. Государство, какъ и человекъ частной, чѣмъ меньше имѣетъ надобности, тѣмъ меньше въ нихъ зависимости отъ другихъ, тѣмъ больше въ себѣ господства и силы.

Я думая, что составившаяся у насъ надобность Европейской торговли, въ такой пространной мѣрѣ, причиною, что хитрость иностранныхъ торговцевъ, пока не сбавятъ гораздо въ нихъ нужды, никогда не допуститъ и купечество наше быть столько богатымъ, сколько оно должно и можетъ быть.

Хитрость сія въ змѣиномъ пронырствѣ своемъ неутомима. Если не можно сверху, то вползаетъ она снизу и трудно изъ флеровыхъ ся сѣтокъ выпутываться безъ старинной русской простоты и безсребренничества.

Отступленіе отъ сихъ законовъ есть поколебаніе права, которое можетъ отнестись къ общему подрыву дворянскаго состоянія и коренными законами утвержденнаго преимущества его: и равно и къ неустройству общественному, возбужденіемъ безчисленныхъ тяжбъ между крѣпостныхъ людей и помѣщиковъ, спокойно полагаясь на законныя учрежденія и самымъ временемъ укрѣпленные владѣющихъ не ограниченнымъ множествомъ подобныхъ, неосновательно вольности искать могущихъ людей.

Такимъ образомъ изъяснился я о семъ еще въ общемъ собраніи Сената Московскихъ Департаментовъ. И кромѣ нарушенія законовъ и описанныхъ мною слѣдствій, отъ лишенія помѣщиковъ и селеній

людей оныхъ, теряется еще истинная польза, которую приносятъ они Государству умноженіемъ самаго полезнаго въ немъ состоянія земледѣльцевъ, которое есть при томъ самый надежный запасъ воиновъ. Откуда, какъ не изъ за сохи брали побѣдителей Карла XII и Фридриха XI-го?

Споры мои въ Сенатѣ нѣсколько умножились въ концѣ 1807-го г. отъ того, что я мѣсяца два не могъ ѣздить въ присутствіе за болѣзнью въ лѣвой рукѣ, которую зашибъ я, упавши больно. Однако дома читалъ я изъ дѣлъ записки и опредѣленія подписывалъ. Послѣднія приносили уже ко мнѣ обыкновенно подписанныя товарищами: и когда я находилъ резолюціи несогласныя съ моимъ о дѣлѣ понятіемъ, то привужденъ былъ давать противный голосъ.

Товарищи особливо не любили со мною соглашаться: неужели, говорили, одинъ всѣхъ умнѣе? Сильнѣе этого резона не слышно было. Неужели, говаривалъ я имъ также въ пріятельской шуткѣ, одинъ Генераль-Прокуроръ, или Оберъ-Прокуроръ всегда всѣхъ умнѣе, а вы съ нимъ соглашаетесь?—Иногда отвѣчали: ихъ это должность... какъ будто нѣтъ каждаго Сенатора должности объявлять свое мнѣніе и въ немъ по справедливости настаивать.

Расположеніе не согласиться со мною отмѣнно оказалось при одномъ дѣлѣ. Приходить въ 8 Департаментъ жалоба отъ нѣкотораго крестьянина на господина и госпожу свою. Дается резолюція: возвратитъ жалобу просителю, какъ не принадлежащую до сего Департамента. Принести ко мнѣ подписать о томъ опредѣленіе, уже подписанное моими товарищами. Я разсудилъ, что просьбу оную возвращать какъ только не принадлежащую до Департамента, есть то же, что заставлять просителя подавать ее въ другой, гдѣ она по приличности будто принята быть можетъ.—А по законамъ и весьма съ общетишиною и благоустройствомъ соображеннымъ, отъ крѣпостныхъ людей на своихъ помѣщикахъ не велѣно принимать никакихъ жалобъ и доносовъ, кромѣ какъ—по первымъ двумъ пунктамъ.

За весьма нужное почитаю всегда уважать все то, что соблюдаетъ связь подчиненности помѣщикамъ, которой всякое ослабленіе ужасныя производило послѣдствія; въ исполненіе сказанныхъ законовъ, думалъ я, что должно просьбу оную передать въ 6-й уголовный Департаментъ, для уваженія и поступленія по онымъ. Но имѣя въ виду удовлетвореніе имъ и пользу истинную, а не то, чтобъ только заспорить, или

поставить на своемъ, чѣмъ, право, я даже гнушаюсь; и зная сколько товарищи мои не любятъ со мною соглашаться, не подавалъ я голоса, а прежде приватно писалъ къ Оберъ-Прокурору и долго старался, чтобъ перемѣнили резолюцію безъ моего участія, при подписаніи въ присутствіи опредѣленія, которое однимъ или двумя еще кромѣ меня подписано не было. Однако и тутъ, т. е. чтобъ передать бумагу въ другой Департаментъ,—неужели одинъ всѣхъ умнѣе?—подѣйствовало. Не согласились. Я принужденъ былъ подать голосъ, съ которымъ согласился одинъ изъ товарищей, не присутствовавшій при слушаніи сего дѣла и неподписавшій еще опредѣленія. Дѣло пошло въ общее собраніе, а мятежничество крестьянина, ожидавшаго отъ Сената рѣшенія, между тѣмъ питалось.

Когда вступило оно въ общее собраніе, то я на запискѣ было написалъ что какъ уже дѣло въ общемъ Собраніи, то въ скорѣйшее укрощеніе буйства, не передавая въ 6-й Департаментъ прямо предписать Губернскому начальству о поступленіи по Законамъ. Но согласившемуся со мною товарищу показалось это почему то не удобнымъ; ты меня завелъ, говорилъ онъ, въ свое мнѣніе, а теперь отступаемъ,—хотя по моему понятію и не было это отступленіе; однако, въ удовольствіе моему товарищу я вычернилъ написанное мною и подписалъ только, что остаюсь при своемъ голосѣ. Такъ я доказалъ еще, что нѣтъ во мнѣ упрямства, которое многіе, право, напрасно во мнѣ полагають.

Не отступалъ я, правда, въ общемъ собраніи никогда отъ своего мнѣнія, и не соглашался въ отмѣну его ни съ однимъ Генераль-Прокуроромъ: только это отнюдь не изъ упрямства, или тщеславія, а подлинно думая, что мое мнѣніе справедливо. Кажется, и нельзя иначе думать послѣ столькихъ переходовъ дѣла, ежели, разсудивъ объ немъ какъ должно, даешь свое мнѣніе. Едва ли перемѣнялъ я. помнится, резолюцію свою и въ Департаментъ Уголовномъ, потому, что дѣла его мнѣ твердо знакомы, и что производя ихъ съ тѣмъ вниманіемъ, какое требуется ихъ важностію, рѣдко, крайне рѣдко развѣ случится можетъ справедливая надобность перемѣнить резолюцію.

При слушаніи въ общемъ Собраніи дѣла по оной крестьянской жалобѣ, всѣ однако согласились съ моимъ мнѣніемъ; остались только тѣ при резолюціи 8-го Департамента, которые въ немъ ее давали.

Но про все это знаютъ большіе, а мнѣ пора оканчивать свои записки.

Кромѣ того рескрипта отъ 16-го Генваря 1807-го года, который вписалъ я здѣсь въ своемъ мѣстѣ, не получилъ я никакого отзыва на всѣ мои донесенія Государю при обзорѣннѣ губерній во время составленія Земскаго войска, и ни одного отношенія по сему важному порученію ко мнѣ не было, послѣ перваго особеннаго отъ Государя наставленія, коимъ оное на меня было возложено.

При всѣхъ разсыпанныхъ, какъ извѣстно, наградахъ за эту милицію, сенаторы, товарищи мои въ томъ дѣлѣ, ничего не получили; по крайней мѣрѣ, двоимъ изъ московскихъ департаментовъ, знаю я, что благоволенія сказано не было. Думали, что не я ли тому былъ причиною; ибо исключить меня, конечно, по справедливости было не можно.

А что Государь имѣлъ на меня неудовольствіе, то весьма открыто мнѣ было изъ самаго рескрипта его. Впрочемъ не хочу я повѣрить, чтобъ онъ сколько нибудь прогнѣвался за то, что я представлялъ правду; но онъ вѣроятно, находилъ, что не мнѣ въ семъ случаѣ принадлежало дѣлать такія представленія.

Я однако по совѣсти считалъ за долгъ дѣлать ихъ при тѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, какія тогда были и какія едва вѣками бывають. Зная неудовольствіе на меня Государево, не безпокоился я ни одной минуты, по тѣмъ причинамъ, о которыхъ довольно изъяснено мною въ самыхъ донесеніяхъ, навлекшихъ отъ него оное на меня неудовольствіе.

Время и скоро оправдало, конечно, въ очахъ его всѣ мои представленія и онъ въ томъ же году ознаменовалъ ко мнѣ милость свою и при томъ характеръ свой прямо царской. Сія черта истинно означаетъ величіе души его и любовь къ правдѣ. Награждать за пріятное естественно очень; но послѣ гнѣва, который, также и напрасный, естествененъ въ кругѣ смертныхъ всѣмъ,—никого не исключая, воспользоваться, такъ сказать, первымъ случаемъ къ награжденію знатнымъ отличіемъ того, на кого простирался гнѣвъ оной—есть дѣйство благотворительности великодушной, предпочитающей справедливое пріятному.

12-го Декабря 1807-го года Государь пожаловалъ нѣсколькихъ тайныхъ совѣтниковъ по старшинству въ дѣйствительные тайные совѣтники: въ числѣ ихъ я пожалованъ былъ послѣдній. Иные изъ нихъ,

я знаю, что очень того желали и давно искали, а мнѣ и на мысль не приходило, тогда особливо, получить этотъ чинъ. И вотъ какимъ образомъ я пожалованъ, какъ слышалъ я отъ довольно вѣрныхъ людей.

Государь приказалъ подать списокъ тайныхъ совѣтниковъ, пожалованныхъ въ 1796-мъ году. Повѣряя списки самъ по печатному издаваемому герольдіею, увидѣлъ мое имя, первое подъ послѣднимъ изъ поданныхъ ему въ списокъ. „Чтожъ его тутъ не помѣтили?“ спросилъ Государь. Онъ произведенъ въ 1797-мъ году, отвѣтствовали Его Величеству, „Однако жъ въ началѣ,—отвѣчалъ Государь,—итакъ, это мало разности,“—и самъ изволилъ приписать мое имя. Но хотя бы это и не такъ происходило; все однако жъ пожалованіе меня послѣдняго, несомнительно означаетъ особое благоволеніе. Не можно, конечно, при производствѣ обойти безобидно; и потому случается, что для того, чтобы пожаловать одного, жалуютъ, не желая, нѣсколькихъ, кои его старѣе; но послѣдній безъ всякаго вида несправедливости, при производствѣ оставленъ быть можетъ, и пожалованіе его уже непремѣнно значить вниманіе.

Я благодарилъ за чинъ Государя письмомъ, въ которомъ осмѣлился дать нѣсколько примѣтить, что я чувствую и при семъ случаѣ все величіе души его въ любленіи правды. Государь на первой почтѣ удостоилъ меня отвѣтомъ, въ которомъ изволилъ мнѣ сказать, что ему пріятно было въ письмѣ моемъ видѣть изъявленіе извѣстныхъ ему моихъ чувствованій и проч.¹⁾

Нѣкоторые изъ ближайшихъ тогда къ Государю оказали себя въ разсужденія меня со всѣмъ неподражающими его добродѣтелямъ. Они по сіе время злобятся на меня за образъ мыслей моихъ о Милиціи, въ планѣ коей они наиболѣе участвовали, и не постыдились въ пристрастіи и злобѣ своей обличить себя дачею такого голоса по дѣлу о долгахъ моихъ въ общемъ собраніи первыхъ 3-хъ Департаментовъ, въ которомъ отступили они отъ всякой справедливости и законовъ.²⁾

1) Подтвержденіе онаго Монаршаго благоволенія ко мнѣ, имѣлъ я счастье видѣть въ Государевъ пріѣздъ въ Москву въ первыхъ числахъ Декабря 1809-го года, въ который, при отлично милостивомъ обхожденіи со мною, изволилъ онъ пожаловать меня кавалеромъ Орд. Святаго Александра Невскаго.

2) Голосъ сей, съ пособіемъ малодушнаго угодничества, холодности къ правосудію и незнаніи, былъ причиною наконецъ самаго несправедливаго и разорительнаго для меня рѣшенія онаго дѣла.

По возвращеніи моемъ въ Москву изъ губерній, бывшихъ подъ моимъ надзираніемъ по случаю составленія земскаго войска, продолжая присутствовать въ 8-мъ Департаментѣ, знакомился я съ апелляціонными въ немъ дѣлами, кои прежде никогда почти въ рукахъ моихъ не бывали; продолжалъ я также и обычай мой несоглашаться на то, что несправедливымъ мнѣ кажется. Могу сказать, что я не выше неправды; но правда мнѣ такъ выше, что я не смѣю и заикнуться противъ нея.

Въ ономъ Департаментѣ споры мои большею частію были по дѣламъ ищущимъ вольности отъ помѣщиковъ. Вдругъ приняли себѣ за правило всячески натягивать въ пользу таковыхъ ищущихъ, и это не по сердечному расположенію и не по законной справедливости, а для того, что угождать думаютъ тѣмъ Государю. Я никогда не соглашался удовлетворить просьбамъ такихъ ищущихъ вольности, безъ совершеннаго по законамъ ихъ на то права.

Государю, конечно, угодно, чтобъ не оставались крѣпостными тѣ, кои подлинно ими быть не должны; но освобождать изъ крѣпостей подборомъ подъ законы, есть разрушеніе силы ихъ во вредъ общій— и кромѣ сего какой же плодъ такихъ рѣшеній?—Нѣсколько десятковъ или сотенъ не будетъ подъ властію помѣщиковъ, съ тѣмъ, что большая изъ нихъ можетъ быть часть сопьются, или голодные и нагіе скитаться будутъ по улицамъ и по дорогамъ.

Наконецъ М. Ю. предложилъ, что не имѣеть мѣста по такимъ дѣламъ и законъ о десятилѣтней давности уничтожающій всякіе иски; и всѣ Департаменты сіе приняли, но я не согласился и не согласусь прежде, нежели будетъ на то указъ Государевъ, который одинъ можетъ перемѣнять законы.—Они должны исполняться по точнымъ ихъ словамъ; а въ толкахъ о разумѣ ихъ, могутъ быть разногласіе и ошибки у всѣхъ Сенаторовъ и Министровъ.

Ежели въ оныхъ дѣлахъ не принимать закона о десятилѣтней давности, который нынѣ одинъ ограничиваетъ время исковъ, то натурально никакого времени уважать не должно; а за сто за двѣсти, за триста лѣтъ, и для чего не больше, когда такъ, кто жъ найдутся крѣпостными?—И такъ возволнуемъ только людей самымъ малымъ числомъ такихъ рѣшеній; а многихъ сдѣлать, общая польза, конечно, недопуститъ. Цѣлыя селенія и многія тысячи душъ станутъ производить иски вольности. Начнется дѣло перьями стряпчихъ, питающихся

ябедою и покушеніемъ на нее; а кончится пушками, или по крайней мѣрѣ кнутьями и ссылками—ежели не висѣлицами, что также бывало.

И въ семь случаевъ имѣю я предметомъ только общественную пользу; собственность моя нисколько тутъ не вмѣшивается, и не можетъ вмѣшиваться, какъ я очень изъяснилъ въ первомъ письмѣ моемъ по милиціи къ Государю изъ Тулы отъ 4-го Генваря 1807-го года.

Еще скажу что первый. можетъ быть, желаю, чтобъ не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, если бъ только то безъ вреда для нея возможно было. Народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы;—для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы; но сіе должно быть такъ расположено, чтобъ начальники губерній, при обузданіи тиранства, столько же бы страшились наказанія за малѣйшее при томъ излишество, или пристрастіе, и столько жъ бы увѣрены были не избѣжать того наказанія, сколько тираны за тиранство.

И еще скажу, что по сіе время въ Россіи ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельскаго. Свойственно мягкосердію жалѣть и о томъ, когда не совсѣмъ еще отъ болѣзней оправившіеся, могутъ только прогуливаться въ больничномъ саду, и пить и ѣсть только то, что имъ велятъ лѣкари: свойственно доброду сердцу желать, чтобъ они, какъ можно скорѣе воспользовались полною во всемъ свободою; но дать ее имъ прежде времени, было бы ихъ же уморить.

У насъ въ рѣшеніяхъ принято оное правило всегда рѣшить въ пользу отбывающихъ отъ помѣщиковъ, отнюдь не изъ состраданія къ нимъ и даже совершенно противъ своего желанія;—но потому только ошибочному понятію объ угодномъ, какъ я выше сказалъ, и чтобъ не спорить съ министромъ юстиціи.

На его предложеніе о томъ, что на дѣла сего рода десятилѣтняя давность не простирается, я не согласясь, записалъ въ общемъ собраніи Московскихъ Департаментовъ слѣдующій отзывъ: „Если не простираетъ на подобныя дѣла десятилѣтней давности и никакимъ временемъ не ограничивать права ищущихъ вольности; то можетъ въ общій подрывъ состоянія дворянскаго и коренными законами утвержденнаго пре-

имущества его, неограниченное множество крѣпостныхъ людей отойти отъ своихъ помѣщиковъ.—А при семъ сколько можетъ открыться путей и способовъ къ поползновенію людей, злонамѣреніемъ или невѣжествомъ водимыхъ, смущать простодушіе часто противъ истинной пользы своей желающихъ оной свободы; и сколько можетъ возникнуть тяжбъ, разслабляющихъ неописанно-полезныя для общественнаго покоя и благоустройства связи подчиненности!—20 Марта 1808.“

Иные изъ товарищей моихъ хвалили мой патриотизмъ—и всѣ согласились съ Министромъ.

Особливо настаивалъ я по дѣламъ подобнаго рода, чтобъ не лишать селенія солдатками безъ мужей прижитыхъ дѣтей и въ оныхъ воспитанныхъ.—Законы очень справедливо укрѣпляютъ ихъ за помѣщиками; а въ селеніяхъ по воспитанію оставляютъ.

Скоро дѣло о крестьянинѣ возвратилось изъ консультаціи.—Предложеніе по оному М. Ю. довольно пространно. Заключение же его состоитъ въ томъ, что сіе дѣло и принадлежитъ до 6-го Департамента; но теперь уже отослать ту жалобу прямо изъ общаго Собранія къ начальнику Губерніи съ тѣмъ, чтобъ онъ велѣлъ, кому надлежитъ по той просьбѣ изслѣдовать, и по изслѣдованіи дать сему дѣлу законное теченіе.—При томъ Министръ говоритъ, что ежели жалоба крестьянина окажется справедливою, то докажетъ недобронравіе и безчиніе (сирѣчь помѣщика) и проч., ежели, напротивъ того, жалоба та будетъ найдена несправедливою, то докажетъ возмутительность крестьянина и проч.

Всѣ по обычаю согласились съ предложеніемъ Министра, а я написалъ слѣдующій отзывъ: „Имѣя предметомъ единственно скорѣйшее укрощеніе буйства и соблюденіе общаго порядка силою законовъ, соглашаюсь я съ предложеніемъ Его Свѣтлости въ непосредственной отсылкѣ просьбы крестьянина къ начальнику Губерніи, но только съ тѣмъ, чтобъ было просто предписано о поступленіи въ семъ случаѣ по законамъ, нисколько въ предписаніи семъ не подавая поводу къ разбору между помѣщиками и крестьянами. 29-го Генваря 1809-го года.“

Въ Прошломъ 1808-мъ году прибыли по Сенату происшествія, особливо замѣчанія достойныя.

1-е, Объявлено отъ Государя Императора неудовольствіе за разногласіе по многимъ дѣламъ въ 7-мъ и 8-мъ Департаментахъ: 2-е

для скорѣйшаго окончанія въ Московскомъ общемъ собраніи накопившихся дѣлъ, велѣно оному присутствовать и послѣ обѣда по средамъ. 3-е—въ 7-мъ и 8-мъ Департаментахъ докладывать по 8 и 9 апелляціонныхъ дѣлъ въ недѣлю.

Если бы между сенаторами была должная твердость единодушія, то надлежало бы о первомъ представить Государю въ справедливое оправданіе свое, а о послѣднемъ изъ усердія къ истинному успѣху въ дѣлахъ, котораго не можетъ быть при скорости безмѣрной.

Могутъ голоса быть, конечно, и отъ охоты спорить, и отъ разныхъ пристрастій; но, можетъ быть, разномысліе основано и на самомъ чистосердечномъ побужденіи къ правдѣ, при свойственныхъ человѣческому понятію ошибкахъ. А какъ и того и другого безпогрѣшно всегда опредѣлить невозможно, то кажется полезнѣе для правосудія, чтобъ были споры, хотя иногда и неосновательные, нежели, чтобъ не было ихъ для того только, что боятся спорить.

Чтожъ принадлежитъ до скорости, то она, по мнѣнію моему, гораздо вреднѣе медленности въ судопроизводствѣ. Лучше истцу подождать, но получить принадлежащее ему, нежели онаго лишиться чрезъ необдуманное по скоропостижности рѣшеніе. Лучше просидѣть годъ лишній въ тюрьмѣ невинному, нежели отъ незрѣлости уваженія поспѣшнаго суда отправиться на каторгу.

И потому то я не только не жалѣю теперь, что переведенъ изъ Уголовнаго Департамента, но очень бы опечалился, есть бы случилось опять въ немъ присутствовать. при такомъ образѣ теченія дѣлъ.

Спѣшить и хорошо дѣлать естественно развѣ на пожарахъ; но и на нихъ часто ломаютъ лишнее въ напрасный убытокъ людямъ.

Безмѣрною спѣшностію отнимутся всѣ способы хорошенько вникать въ дѣла должнаго въ нихъ разсужденія,—и по неволѣ ихъ оставить въ рукахъ у докладчиковъ да у Оберъ-Прокуроровъ съ Генераль-Прокуроромъ, отъ вліянія которыхъ они и такъ по несчастію всегда гораздо больше зависѣли, нежели надобно.

Въ общемъ собраніи два раза въ недѣлю докладываютъ по два и по три дѣла въ каждое, это можно сказать, хотя,—говоря о собраніяхъ такого важнаго Правительства и неприлично бы,—одно щеголь-

ство. Дѣйствительнаго же отъ того успѣха никакъ быть не можетъ. Во первыхъ, едва ли чьихъ силъ достанетъ на прилежное прочтеніе по столькимъ дѣламъ всѣхъ Записокъ. Сіе должно естественно мѣшать хорошему разсмотрѣнію; а со стороны скорости, то расчисливъ время, нужное для Консультациі по всѣмъ симъ спѣшно рѣшимымъ дѣламъ, и для обращенія изъ нея въ Сенатъ къ окончанію надлежащаго производства ясно откроется, что нисколько отъ оной спѣшности прямо скорѣе оканчиваться дѣла не могутъ: а хуже разсматриваться и рѣшаться будутъ непремѣнно.

Впрочемъ, нынѣ почти труда не стоитъ заботиться Сенаторамъ разсматриваніемъ дѣлъ въ общемъ собраніи; и ломать свои головы о томъ, какое въ немъ дать мнѣніе: развѣ для того только, какъ я гдѣ то сказалъ, чтобъ омыть свои руки, ибо такъ уже укоренился нещастный обычай большинствомъ голосовъ соглашаться съ предложеніями Министерства Юстиціи или какого нибудь моднаго Оберъ-Прокурора, что все равно какъ бы они одни рѣшили дѣла, а Сенаторскія разсужденія и труды со всѣмъ становятся лишнія. Самихъ же Сенаторовъ слабость, конечно, тому виною.

Всегдашнее отступленіе отъ своихъ мнѣній и согласіе съ такими предложеніями ясно обнаруживаютъ жалкое состояніе суда въ самомъ верховномъ судилищѣ и правительствѣ, коего долгъ наблюдать за правосудіемъ и во всемъ государствѣ.

Тутъ то можно бы кстати сказать: неужели одинъ всегда бываетъ всѣхъ умнѣе; и всегдашнее уваженіе къ такому одному, не явное ли показываетъ презрѣніе правды и законовъ.

Безпристрастіе, зрѣлое уваженіе и точность въ наблюденіи судебного порядка, должны быть неразрывны, и составляютъ истинную натуру правосудія. Безъ того мертвы будутъ законы сколько бы они хорошо написаны не были.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что законы всѣ хороши, только бы исполнялись; и никогда, конечно, не бываетъ зла отъ недостатка законовъ, а все отъ того, что не слѣдуютъ ихъ справедливости.

Могутъ, конечно, и законы быть хуже и лучше: и нужно перемѣнять ихъ иногда, такъ сказать, по времени и возрастамъ народовъ. Перемѣну сію удобнѣе, думаю, дѣлать частно, ознакомливая людей постепенно съ каждымъ новымъ узаконеніемъ. Перемѣна же вдругъ

цѣлаго круга законодательства въ Государствѣ. самымъ уже тѣмъ громомъ, который сопровождать ее долженъ, можетъ произвести въ умахъ колебаніе. коего послѣдствія—вредъ, или пользу, трудно прежде отгадать.

Но все же главное въ судопроизводствѣ дѣло—любовь къ правдѣ. вниманіе и порядокъ; первая лучше не захочетъ судить, нежели спѣшить судомъ; а послѣднихъ при торопости сохранить невозможно.

Отъ этой то. я думаю, торопости. разсуждать мѣшающей или отъ желанія, чтобъ какъ можно меньше входило дѣлъ для того, чтобъ выслуживаться мнимымъ успѣхомъ въ томъ, *что нѣтъ у насъ дѣлъ, всѣ перерѣшены*. думаю отъ того, а не отъ совершенной холодности къ человѣчеству.—вотъ что произошло въ 6-мъ Уголовномъ Департаментѣ.

Вдругъ рѣшились на производства по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ о людяхъ нижняго состоянія не принимать жалобъ, которыя въ Сенатъ принимались, и сдѣлали о томъ опредѣленіе. Оберъ-Прокуроръ. не находя онаго противнымъ закону. не пропустилъ однако жъ опредѣленія потому, что оно отмѣняетъ прежнія. Перешло дѣло въ общее Собраніе. Всѣ согласились съ опредѣленіемъ. чтобъ не принимать жалобъ. И далъ голосъ съ изъясненіемъ о пользѣ принятія оныхъ жалобъ, по могущимъ быть злоупотребленіи отъ нецѣнниманія ихъ. Со мною согласились трое.

По обыкновенной отсылкѣ дѣла на консультацію, получено предложеніе отъ Министра Юстиціи, который также находить, не должно принимать такихъ жалобъ; но какъ они уже давно принимались, то, чтобъ не поступить противно указу. запрещающему разность рѣшеній. надлежитъ объ отмѣнѣ тѣхъ жалобъ поднести Государю докладъ.

На сіе предложеніе Министра записалъ я слѣдующій отзывъ:

„Жалобы оныя. неапелляціоннымъ порядкомъ и безъ остановки безвременной теченія дѣлъ. болѣе десяти лѣтъ принимались въ 5-й, что нынѣ 6, департаментъ; то есть, съ того времени, какъ уголовныя и слѣдственныя дѣла переданы были въ него изъ 2-го, но по самымъ симъ переданнымъ дѣламъ—весьма мнѣ извѣстнымъ. ибо я въ то же время началъ присутствовать въ 5 Департаментѣ,—видно, что во второмъ принимались оныя жалобы еще много лѣтъ прежде.—До учреж-

дений о Губерніяхъ принимаемы онѣ были такъ же въ Сенатѣ на рѣшенія Юстицъ-Коллегіи. Губернскихъ канцелярій и проч. Словомъ: едва ли не во все время существованія Прав. Сената принимались онѣ.

„Итакъ, опыты цѣлаго уже столѣтія доказываютъ съ одной стороны, сколько принятіе оныхъ жалобъ служило нерѣдко къ защитѣ и избавленію невинности: столько съ другой, что не доходило еще число дѣлъ сего рода до такого множества, коимъ бы Сенатъ необъятно и для человѣчества бесполезно затруднился. Если бы и до того, паче чаянія, дошло, то и тогда время принять мѣры къ ограниченію труда излишняго и безуспѣшнаго, но доселѣ человѣчество часто избавлялось отъ напраснаго страданія чрезъ разсматриваніе оныхъ жалобъ, а Сенатъ еще якогда, по справедливости, слишкомъ обремененъ ими не былъ. Успѣхъ же въ первомъ стоитъ того, чтобы продолжать трудъ послѣдняго и въ большемъ гораздо количествѣ.

„Впрочемъ, Сенатъ всегда занимался уваженіемъ оныхъ жалобъ, только по мѣрѣ того, сколько которая изъ нихъ того заслуживала, и тогда только останавливалъ производство дѣлъ и приступалъ къ изслѣдованію объясненіями, когда находилъ обстоятельства основательныя на неправость суда сомнѣнія навлекающія. Но, по крайней мѣрѣ, существовало обузданіе на неправду въ судахъ, по части, столь тѣсно сопряженной съ жребіемъ жизни человѣческой, и свободный открытъ былъ путь—къ скорой защитѣ. Когда же обузданіе оное снимется, то естественно усугубятся злоупотребленія отъ небрежности или пристрастій неискоренимыхъ.

„Не оскорбляя вообще самаго почтеннаго званія губернаторскаго, можно осмѣлиться сказать, что бывали губернаторы и несоотвѣтствовавшіе своему назначенію. Они получали и должное отъ правосудія за то возмездіе.—Но если были такіе, то и впредь иногда быть могутъ, и пока подвергнутся справедливому оному возмездію, многіе и по сей важной части уголовной пострадаютъ отъ ихъ притѣсненія, безъ преграды ему.

„То же можно сказать и о судьяхъ, которыхъ выборъ еще затруднительнѣе, въ разсужденіи большаго ихъ числа, и недерзно предположить, что когда снимется обузданіе, налагаемое принятіемъ въ Сенатѣ частныхъ оныхъ жалобъ на рѣшенія уголовныхъ Палатъ и на производство дѣлъ уголовныхъ (ибо, оставя принятіе первыхъ, несходно было бы даже съ естественнымъ порядкомъ принимать послѣднія) не

дерзно. говорю, предположить, что когда снимется оное обузданіе, то иногда случиться можетъ, что по ссорамъ Губернаторовъ и судей съ помѣщиками, цѣлыя деревни въ рабочую пору будутъ сидѣть въ тюрьмахъ, и лучшіе крестьяне отправятся въ ссылку казенныхъ поселянъ, мѣщанъ, и прочихъ людей тѣхъ состояній, о коихъ дѣла не вносятся на ревизію Сената, богатые гораздо чаще подъ судъ попадаться станутъ.

„Неправда и неусмотрѣніе вездѣ, конечно, быть могутъ—и въ высшихъ судахъ, какъ и въ нижнихъ. Но чѣмъ больше имъ преградъ, тѣмъ спасительнѣе для невинности.

„А по всѣмъ симъ причинамъ, сказаннымъ мною въ подкрѣпленіе, даннаго отъ меня мнѣнія въ Общемъ Собраніи Прав. Сената, по одному дѣлу о не принятіи жалобъ: полагаю я, что не должно прерывать принятія ихъ, столь многіе годы продолжавшагося и бывшего однимъ сколько нибудь способомъ къ защитѣ для милліоновъ, коихъ судьба по дѣламъ уголовнымъ совершенно и часто невозвратно оставляется въ полной зависимости отъ рѣшеній губернскихъ“.

„Сверхъ того не нахожу я, чтобъ закономъ запрещалось принятіе въ Сенатѣ таковыхъ жалобъ, и чтобъ уваженіе оныхъ не принадлежало до верховнаго вниманія сего Прав. Судилища, коему въ Высочайшемъ указѣ 1802-го года 8-го Сентября, правомъ, должностію, и обязанностію постановлено: „Пещись какъ хранителю законовъ о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія, и прекращенія всякихъ противузаконныхъ дѣяній во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ.“

„Докладъ же Его Императорскому Величеству считаю и за нужное и Сенату приличное, разсудя въ общемъ собраніи и сообразивъ къ устройству лучшія мѣры, поднести о слѣдующемъ.—

„Апелляція на рѣшеніе палатъ по дѣламъ уголовнымъ не дозволяется. кромѣ тѣхъ подсудимыхъ, которые осуждены къ лишенію жизни, или къ лишенію чести или къ торговой казни, то есть по дѣламъ маловажнымъ. Кто теряетъ одну четверть земли, или нѣсколько рублей, тотъ имѣетъ все способы и время, по крайней мѣрѣ, въ инстанціяхъ, защищать право свое, и всегда знать о теченіи своего дѣла.

„А по самымъ важнымъ дѣламъ осуждаемый къ лишенію жизни, чести или къ торговой казни, съ первой минуты начала надъ нимъ

слѣдствія, или взятыя его подъ стражу. до послѣдней, когда объявится ему рѣшительный приговоръ для отсылки его на казнь, не вѣдаетъ своей участи, не имѣетъ никакого способа опровергать несправедливыхъ объ немъ въ судѣ заключеній, какія бы сильныя на то доказательства имѣть ему ни случилось. однимъ словомъ, совсѣмъ въ рукахъ у судящихъ:—а безграмотный, каковыхъ по симъ дѣламъ большая часть, и въ показаніяхъ своихъ, коимъ его судятъ, зависятъ отъ тѣхъ, которые ихъ записываютъ; другому никому за такого страдальца законы не только ходатайствовать явно не позволяютъ, но строго запрещаютъ и знать объ дѣлѣ.

„И весьма случаться можетъ, что истинно невинный и въ невинности своей спокойно ожидающій свидѣтельства по справедливости отъ суда. вдругъ услышитъ при открытыхъ дверяхъ палаты кнуть себѣ или ссылку. А Сенатъ про то и не свидѣтельствуется никогда.

„Все пути его бюстительства и приближища къ нему пресѣкаются—одинъ оставался—принятіе оныхъ жалобъ, который нынѣ самъ Сенатъ уничтожаетъ. Присылка экстрактовъ изъ колодничьихъ дѣлъ уже давно отмѣнена, хотя и въ мое присутствіе въ Сенатѣ не разъ по разсмотрѣніи экстрактовъ сихъ возвращали съ каторги напрасно въ нее сосланныхъ.

„Вотъ о чемъ, по мнѣнію моему достойно Прав. Сената поднести Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ:—и хотя благонамѣреніемъ мудрости учреждена коммисія о сочиненіи Заповѣй; но въ дѣлахъ, спасающихъ отъ гибели человѣчество, дорогъ и часъ.

„Все сіе сказать при настоящемъ случаѣ счелъ я за долгъ званія сенатора, по совѣсти и по усердію къ общему благу Государства, и особое щастіе всегда почту повторить предъ самимъ Всеавгустѣйшимъ лицомъ Императора. 29-го Генваря 1809-го года.“

*

Въ общемъ собраніи большинствомъ голосовъ опредѣлено, согласно предложенію Министерства Юстиціи поднести Государю докладъ о неприиманіи оныхъ жалобъ,—А я, оставшись при своемъ мнѣніи, послалъ на той же почтѣ (8 Марта 1809-го года) на который докладъ сей отправленъ къ Его Величеству, съ надписью въ *собственныя руки*, слѣдующее представленіе:

„Прав. Сенатъ въ общемъ собраніи Московскихъ Департам. большинствомъ голосовъ опредѣлилъ поднести Вашему Императорскому Величеству докладъ о томъ, чтобъ не принимать въ Сенатѣ жалобъ на производство уголовныхъ дѣлъ о людяхъ нижняго состоянія къ тяжкому наказанію присуждаемыхъ;—такихъ жалобъ, кои всегда въ Сенатѣ принимались и которые были для людей оныхъ однимъ путемъ приближища къ Вышнему правительству, въ случаю невинности или осужденій, превосходящихъ мѣру законнаго опредѣленія.

„Разсуждая, что слѣдствіемъ того могутъ быть большія злоупотребленія во вредъ человѣчеству и правосудію дважды изъяснялъ я въ общемъ Собраніи о всѣхъ злоупотребленіяхъ произойти могущихъ.“

„При большинствѣ голосовъ, по настоящему учрежденію Сената, голосъ мой долженъ сокрыться недѣйствительностію.—Но считая, что сіе особливою есть важности, по существу своему, въ общемъ кругѣ судопроизводства, и по отношенію его къ ирребію большаго числа людей въ Государствѣ, приѣмлю смѣлость донести объ немъ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше представляя при семъ на Высочайшее благоусмотрѣніе поданныя мною въ общемъ собраніи мнѣнія.

„Симъ, по крайней мѣрѣ, успокаиваюся чувствованія долга моего званія, одушевляемая безиредѣльнымъ усердіемъ къ истинной Вашей Славѣ и къ благу отечества.“

Оканчиваю повѣсть о моихъ мысляхъ. Не всеъ разсказалъ я ихъ здѣсь, но не сказалъ и ни одной небылицы. Будетъ ли что еще въ жизни моей достойное описанія, и успѣю ли его сдѣлать—не знаю.

quis scit, an adjiciano hodierno
crustino summa tempora di superi.*)
Horat. ad. VI.

Теперь посреди службы и Москвы обширной живу я въ пустынь. Лучшіе друзья мои почти всеъ разлучены со мною смертью или отсутствіемъ. Бесѣдою мертвыхъ друзей человѣчества въ просвѣщенныхъ ихъ писаніяхъ питаю я душу; а тѣло подкрѣпляю прогулкою и воздухомъ. Не ѣзжу я на вечерніе обѣды и на утренніе ужины. Не

*) Не знаю, доживу ли до завтра. Переводъ короткій и самый вѣрный.

ѣзжу такъ же въ театры, и для того, что не нашель я никогда ни одного, въ которомъ бы хотя на минуту можно забыть, что видимъ актеровъ.

Но довольно нынѣ заниматься зрѣлищемъ великаго театра вселенной, на которомъ чудесная быстрина сценъ весьма разительно вѣщается, что Мiръ переходитъ...

Кстати скажу, что пишетъ о семъ ко мнѣ въ послѣднемъ письмѣ своемъ почтенный другъ Юнгъ Штиллингъ, сей Небомъ посвященный проповѣдникъ истины и предвозвѣстникъ явленій ея царства...

„Что касается вообще до хода вещей, пишетъ онъ, въ политическомъ мiрѣ, то со дня на день все больше раскрывается, и кому духъ предсказанія отверзеть очи, тотъ скоро увидитъ, чему изъ того выйти должно. Наше же дѣло есть только пребывать въ бдѣнiи, въ молитвѣ, и въ прилежной борьбѣ со грѣхами, приготовляя свѣтильникъ свой на срѣщенiе Господа.“

Гонить меня къ уединенiю и наскучливость, такъ сказать, жизни, въ которой испыталъ я, хотя въ образчикахъ, всѣ мечты суетнаго счастья:—и знатность породы и чиновъ, коею такъ малодушно кичатся, и бѣдность богатства, и горечь сладострастiя и пустоту шумныхъ веселiй—и тщетность похвалъ и почестей.

Пѣли меня стихотворцы и не за деньги.*) Меня пѣли въ своемъ Владимирѣ и Херасковъ, которому недавно отданную справедливость назначенiемъ отъ Россiйской Академiи сочинить ему похвальное слово, читалъ я съ чувствительнѣйшею признательностiю къ уваженiю достоинствъ, приносящихъ Отечеству честь, къ которому нѣсколько лѣтъ питалъ я и доказывалъ самую искреннюю дружбу—и коего смерть оплакивалъ я всею нѣжностiю сердца.

И такъ, все часъ отъ часу болѣе убѣждаетъ меня, что для истиннаго счастья нужно только *одно*, которое вездѣ и всегда съ нами быть можетъ, и коего никто изъ смертныхъ не можетъ ни дать, ни отнять.

*) Всего лестнѣе для меня посланiе ко мнѣ изъ Рязани въ 1807-мъ году, напечатанное въ Вѣстникѣ Европы, а послѣднее лестно особливо, потому, что я совсѣмъ незнакомъ былъ съ сочинителемъ; не только, чтобъ привлечь его благосклонность какою нибудь услугою: да онъ ни въ какой надобности не излѣтъ. Впрочемъ похвала сия не можетъ ослѣпить меня, ибо я знаю сколько свойственно пристрастiе энтузиазма такому доброду и благородному сердцу, какимъ отличается изящный оный поэтъ, украшающiй Россiйскую Литературу произведенiями рѣдкихъ его дарованiй.

Подъ симъ первое добро есть дружба. Я имѣлъ друзей, конечно, по всему изъ лучшихъ въ Государствѣ; нѣкоторыхъ и теперь имѣю. Иные оставили меня, но я не переставалъ любить ихъ, хотя о потерѣ дружбы ихъ я не жалѣю, потому что они меня оставили.

Однако есть еще у меня друзья добрые и есть люди, которые конечно меня помнятъ и любятъ.

Заклѣчу повтореніемъ конца того завѣщанія*), которое писалъ я къ нимъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ чувствованіяхъ очень непритворнаго памятованія о смерти.

Друзья и всѣ, которые знаютъ меня и любятъ, когда я умру, не тратьте иждивенія на покровъ земли землею, художествомъ испещренною. Употребите оное лучше на возбужденіе въ добрыхъ сердцахъ скудости благодаренія къ источнику всѣхъ благихъ даровъ.

Не пишите и не заставляйте писать мнѣ похвалъ: да вы и сами сего не сдѣлаете, не для того только, что я ихъ не заслуживаю, но для того, чтобъ не сравнить меня со всѣми тѣми, которыхъ хвалятъ.

Одинъ вздохъ истинной любви больше усладитъ мою память, нежели книга похвалъ, написанныхъ рукою хладнаго искусства.

Одна слеза нѣжности!—слезамъ печали, друзья мои, не давайте воли, изъ уваженія къ закону великодушія и добродѣтели—одна слеза нѣжности, пролитая на простой муравою одѣтой могилѣ моей, болѣе прославить мой прахъ, нежели великолѣпнѣйшее надгробіе, поставляемое алчнымъ наслѣдникомъ, радующимся смерти оставившаго ему тысячи, омытыя плачемъ ближнихъ.

Нѣтъ, друзья мои, не похвалъ и памятниковъ хочу я отъ васъ.

Возобновите ко мнѣ въ сердцахъ своихъ неразрывный, вѣчный узелъ дружбы, не умирающей съ тѣломъ и неограниченной временіемъ.

Поминайте меня горячею, вѣрною любовію ко всему тому, что было дорого и любезно моему сердцу!...

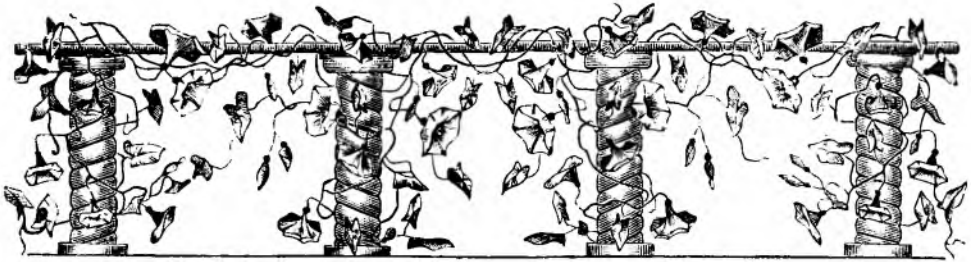
*) Сіе завѣщаніе напечатано при второмъ изданіи сочиненной мною драмы: Торжество правосудія и добродѣтели, или добрый судья 1898-го года въ Москвѣ.

Когда вспомните, что сердце сіе было вѣрнымъ хранилищемъ драгоценнаго залога дружбы вашей, что оно рыдало о всякомъ огорченіи вашемъ и восхищалось всякимъ вашимъ удовольствіемъ:—когда вспомните, что и плѣнялся красотами истины, хотя слабо соблюдалъ ея небесныя уставы, что я усердно чтить во всемъ изящное, стремился любить человѣчество и ближнему служить готовъ былъ, что если кого и оскорбилъ, то безъ намѣренія... и охотно бы согласился оное загладить величайшимъ прискорбіемъ самому себѣ.

Когда при томъ вспомните о моихъ порокахъ и слабостяхъ, гораздо превосходящихъ то малое добро, которое можетъ быть мнѣ случилось въ жизни своей ощутить и сдѣлать, то, друзья мои! изъ глубины пылающихъ любовію сердецъ вашихъ пожелайте только, чтобъ не по заслугамъ моимъ, а по единымъ щедротамъ благодати, пилъ я неисчерпаемую чашу блаженства, въ той непостижимой странѣ, гдѣ цвѣтеть вѣчный садъ радости, гдѣ вѣчная жизнь, здравіе, спокойство, наслажденіе, разливаются неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго происходитъ и всякое доброе дѣло и всякая мысль добрая.

Конецъ.

ПИСЬМА КНЯЗЯ ДМИТРІЯ ДОЛГОРУКОВА КЪ ОТЦУ

1820 годъ.

Буйукдерэ, 1-го іюля.

Слава Богу, любезный батюшка, вотъ я, цѣль и невредимъ пріѣхалъ къ мѣсту моего назначенія.

Такъ какъ почта отправляется сегодня, а я пріѣхалъ въ Буюкдерэ, мѣсто, гдѣ въ настоящее время находится наше посольство, то я и спѣшу отправить письмо, чтобы сообщить вамъ хоть что нибудь.

Страна, въ которой я нахожусь, такъ красива, что описать ее выше моихъ силъ. Это земной рай.

Баронъ принялъ меня очень хорошо и такъ какъ мой предшественникъ уже завтра уѣзжаетъ на сѣверъ, то онъ объявилъ мнѣ, что съ завтрашняго дня я вступаю въ исполненіе служебныхъ обязанностей. Здѣсь много работаютъ, квартира, столъ, все казенное.

Я истратилъ 7 дней на переѣздъ черезъ Черное море. Противный вѣтеръ все задерживалъ насъ и качка причинила мнѣ много страданій. У меня до сихъ поръ кружится голова и кажется, что передъ глазами ревуція волны. Онѣ были единственными свидѣтелями чувства сожалѣнія, которое я испытывалъ, разставаясь съ родиной—и дай Богъ, чтобы тѣ же волны перенесли меня изъ моего новаго мѣсто-пребыванія въ нѣдра семьи.

Домъ русскаго посольства великолѣпенъ. У насъ есть большой садъ, куда не смѣетъ войти ни одинъ невѣрный, и гдѣ находятся виноградники и зрѣющіи фруктовыя деревья. Климатъ прелестенъ, и я все время думаю, что именно сюда вамъ надо когда нибудь переѣхать жить. Я еще не былъ въ Константинополѣ, но судя по каналу, окру-

женному высокими горами и красивыми крѣпостями, столица турокъ должна быть чудомъ свѣта.

Да, любезный батюшка, все это прекрасно. но развѣ возможно вполнѣ насладиться чѣмъ нибудь въ одиночествѣ? Чума здѣсь ослабѣваетъ и въ настоящее время не производитъ большихъ опустошеній. Баронъ принялъ самыя сильныя мѣры предосторожности противъ этого зла, и нашъ домъ запертъ, какъ для приходящихъ такъ и для живущихъ въ немъ. за исключеніемъ вполнѣ надежныхъ людей, такъ что мы ничѣмъ не рискуемъ, впуская ихъ. Вотъ все, что я смогъ пока узнать и увидѣть. Такъ какъ почта отправляется только два раза въ мѣсяць, я постараюсь, дорогой батюшка, сообщать вамъ какъ крупныя, такъ и мелкія событія, которыя будутъ меня касаться.

Въ настоящее время я чувствую себя очень хорошо. Тургеневъ уже здѣсь, но я еще не видалъ его, такъ какъ онъ поѣхалъ въ Константинополь посмотрѣть турецкій праздникъ, который эти господа празднуютъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ поста и который они называютъ *рамизаномъ*.

Ваше послѣднее письмо я получилъ въ деревнѣ у тети Зелецкой: и вамъ безконечно обязанъ за новости, которыя вы были добры сообщить мнѣ относительно всей нашей семьи.

Кончаю письмо, цѣлую вамъ руку, дорогой батюшка, и выражаю чувство сожалѣнія, которое испытываю (даже въ такой прекрасной странѣ) въ разлукѣ съ вами. Природа прекрасна благодаря чувствамъ, которыя мы ощущаемъ; она очаровательна, когда сердце расположено наслаждаться пріятными впечатлѣніями, на насъ ею производимыми. въ противномъ случаѣ она внушаетъ только чувства грусти и сожалѣнія.

Цѣлую маму, сестру и братьевъ. Клаюся всѣмъ въ домъ и передаю мое почтеніе тетѣ.

Дай Богъ, дорогой батюшка, чтобы это письмо успокоило васъ относительно меня и чтобы вы не волновались при мысли, что я далеко, зная, что я нахожусь подъ покровительствомъ Бога, который какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи одинаково печется о насъ. Остаюсь вашъ всегда послушный и преданный сынъ

Дмитрій.

P. S. Я распечаталъ это письмо. для того. чтобы завернуть его въ другой пакетъ. потому что та бумага почти прозрачна.

Я поставленъ въ необходимость еще разъ распечатать свое письмо, дорогой батюшка, чтобы сказать вамъ. что баронъ Строгановъ поручилъ мнѣ передать вамъ, чтобы вы не сердились на него за то, что онъ не отвѣчаетъ на ваше письмо. Причина та, что, прїѣхавъ въ день отправления депеши, ему было некогда заняться этимъ, такъ что онъ отвѣтитъ вамъ съ первымъ курьеромъ, который отправится отсюда въ Петербургъ.

Я очень несчастенъ, дорогой батюшка! Вотъ ужъ около двухъ мѣсяцевъ, какъ я совершенно лишенъ извѣстій о васъ, такъ какъ ваше послѣднее письмо, которое я имѣлъ удовольствіе получить отъ васъ, помѣчено 24-мъ Мая, и оно пришло ко мнѣ изъ деревни тети Зелецкой. Сердце разрывается отъ сомнѣній относительно васъ, и такъ какъ я окруженъ чужими, ничто не можетъ разсѣять моихъ печальныхъ мыслей. Вчера, послѣ отправки курьера на сѣверъ, у насъ былъ день отдыха и я блаженствую, имѣя возможность сообщить вамъ новости о себѣ. Слава Богу я чувствую себя прекрасно, утромъ занятъ службой, а вечеромъ занимаюсь на досугѣ, я незамѣтно провожу время. Мѣсто, которое я занимаю въ посольствѣ даетъ мнѣ много хлопотъ, особенно теперь, пока я еще не привыкъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Баронъ очень хорошо ко мнѣ относится и, по случаю дипломатическаго обѣда, бывшаго у насъ на дняхъ, я былъ имъ представленъ всѣмъ министрамъ, которыми кишитъ *Буюдкеръ*.

Въ лицѣ *Бутенева*, секретаря нашего посольства, я нашелъ очаровательнаго молодого человѣка, добраго, нѣжнаго, съ начала нашего знакомства и до сегодняшняго дня оказывавшаго мнѣ знаки братскаго вниманія. Какъ дороги на чужбинѣ добрые поступки, и какъ цѣнишь ихъ тамъ! Составъ нашей миссіи, за исключеніемъ Тургенева, прекраснаго человѣка, состоитъ изъ болѣе или менѣе заурядныхъ людей, общество которыхъ отнюдь не любопытно.

Деревня, въ которой мы живемъ, находится въ 18 верстахъ отъ Константинополя и называется *Буюдкеръ*, что по турецки значитъ *большая долина*. Она окружена очень высокими горами, у подножія которыхъ разбросано множество укрѣпленныхъ мѣстечекъ, которыя дѣлаютъ столицу неприступной. Природа здѣсь всегда прекрасна, крепости Босфора великолѣпны и даютъ возможность пользоваться совершенно новыми удовольствіями и я, Поэтъ въ глубинѣ души, тоскую на лонѣ чудной природы. Она даетъ мнѣ много сладкихъ мгно-

веній, и она то часто вытѣсняетъ изъ моей памяти дорогое прошлое. Буюкдерэ стоитъ на берегу канала и обружающій его Босфоръ похожъ скорѣе на большой прудъ, чѣмъ на что нибудь другое. Мы гуляемъ почти каждый вечеръ, а какъ то разъ были у лѣстницы турецкаго султана.

Это небольшая долина, гдѣ собираются турки, чтобы курить трубки и пить великолѣпный кофе Мокко. Женщины, всѣ закрытыя бѣлыми вуалями, прогуливаются въ запряженныхъ быками телѣжкахъ, колеса которыхъ скрипятъ до того, что ушамъ больно.

Вы удивитесь, должно быть, дорогой батюшка, что я до сихъ поръ не сказалъ вамъ еще ни одного слова о самомъ Константинополѣ. Это потому, что дорога и работа до сихъ поръ мѣшали мнѣ предпринять эту прогулку, и я его еще не видѣлъ. Но природа и пейзажъ, находящіеся передъ моими глазами, красоты такой, что я не сожалею о томъ, что не могу выходить. У насъ большой садъ, гдѣ находится множество фруктовыхъ деревьевъ, много цвѣтовъ, изобиліе винограда. Иногда турки угощаютъ насъ своей музыкой, сопровождаемой барабаномъ. Народъ въ Турціи грязенъ, но тихъ и услужливъ.

Баронъ ведетъ здѣсь широкій образъ жизни, а наше посольство наиболѣе уважаемо и блестяще. Здѣсь находится графиня Дегра, которая каждый день пріѣзжаетъ къ намъ въ паланкинѣ и служитъ обществу Посланнику. Остальные, всѣ мы безъ исключенія, хозяйничаемъ и обѣдаемъ въ саду, гдѣ намъ подаютъ обѣдъ съ кухни Барона.....

У каждаго изъ насъ по двѣ комнаты облицованныхъ неполированными мраморомъ, и мы теперь разбогатѣли, потому что расходы наши очень невелики. Русская домовая церковь въ очень хорошемъ состояніи. Каждое воскресенье и большіе праздники въ ней совершается служба, въ цѣломъ порядкѣ и съ большимъ благоговѣніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ нашей деревнѣ появилась чума, всѣ ведутъ здѣсь скучный образъ жизни. Всѣ двери закрыты: мы посѣщаемъ друга друга рѣдко и непременно съ большими предосторожностями. Впрочемъ, не безпокойтесь, дорогой батюшка. Чума здѣсь настолько обыкновенная вещь, что она совсѣмъ не кажется страшной и мы ходимъ по улицамъ съ единственной мѣрой предосторожности—не дотрагиваться до прохожихъ. Въ настоящее время она ослабѣваетъ, и вотъ уже двѣ недѣли какъ не было ни одного случая въ *Буюкдерэ*.

Давно не получая отъ васъ вѣстей, я не знаю, гдѣ васъ застанетъ мое письмо. Судя по планамъ, которые вы сообщили мнѣ въ

послѣднемъ письмѣ, я полагаю, что вы въ Шуйской деревнѣ. Мой братъ Навель молчитъ съ 6-го мая, и это усиливаетъ мою тоску, я безпрестанно молю Бога о томъ, чтобы онъ помогъ мнѣ быстрой доставкой писемъ.

Между другими странностями турецкаго народа здѣсь у женщинъ есть обычай ходить на маленькихъ ходуляхъ, и какъ только входятъ въ домъ, онѣ снимаютъ ихъ, чтобы не пачкать находящихся въ комнатахъ великолѣпныхъ ковровъ.

Большинство мушкетеровъ вооружены пистолетами и цѣлый день слышится стрѣльба.

Погода здѣсь великолѣпная, а ночи необыкновенно теплыя. Зимую здѣсь, какъ говорятъ, не бываетъ больше четырехъ градусовъ мороза. Вотъ это называется *родина!*

Всѣ мелочи и подробности, которыя я вамъ только что сообщить, не могутъ заинтересовать васъ теперь, потому что онѣ приходятъ изъ мѣстности, являющейся обширнымъ предметъемъ столицы, о которой рассказываютъ чудеса.

Но я надѣюсь, дорогой батюшка, что когда нибудь мои письма станутъ болѣе цѣнными въ этомъ отношеніи.

Во всякомъ случаѣ, если вамъ понадобится что нибудь, что можно здѣсь найти и переслать за границу, прошу васъ сообщить мнѣ объ этомъ, дорогой батюшка, потому что я имѣю полную возможность приобрести эти вещи здѣсь, и вы этимъ доставите мнѣ большое удовольствіе. Прошу матушку сдѣлать тоже самое, и молиться за меня Богу, какъ я молюсь за нее.

Такъ какъ мы будемъ отправлять почту два раза въ мѣсяць, и каждый разъ постараюсь сообщать вамъ касающіяся меня новости и прошу васъ, дорогой батюшка, сдѣлать милость, поступайте и вы также.

Безъ писемъ съ родины, отъ своихъ, для меня нѣтъ счастья, нѣтъ здѣсь спокойствія. Мнѣ остается только еще разъ повторить эту просьбу и поцѣловать у васъ руку, также какъ и у моей доброй и превосходной матушки.

Остаюсь вашъ всегда покорный и преданный сынъ

Дмитрій.

Цѣлую братьевъ и сестру. Право у меня не хватаетъ времени, чтобы писать каждому отдѣльно, но какъ только у меня будетъ больше досуга, я неукоснительно посвящу его всѣмъ, кто благоволятъ вспоминать обо мнѣ.

—Да будутъ Очи Его отверсты на домъ нашъ день и ночь.

Буюкдерэ, близъ Константинополя, сего 14—26 Июля 1820 года.

Буюкдерэ, 1820 г. сего 16 августа.

Наконецъ то оно пришло, такъ страстно ожидаемое письмо, и съ чувствомъ благодарности къ писавшему его можетъ сравниться только радость, которую я испытывалъ при чтеніи.

Смѣло могу сказать, что это первое истинное удовольствіе, испытанное мною съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ родиной и лишился всего, что могло бы стать для меня источникомъ радости.

Пріятная новость, которую вы соблаговолили сообщить мнѣ относительно улучшенія вашего здоровья удваиваетъ испытываемую мною радость и дай Богъ, чтобы полное выздоровленіе увѣнчало ваше намѣреніе переѣхать на житье въ деревню.

Мало по малу я начинаю привыкать къ варварской странѣ, въ которой живу, хотя бы эта привычка досталась мнѣ цѣною разочарованія. Теперь красота природы не поражаетъ меня такъ, какъ тогда, когда я впервые увидалъ ее, и сильнѣе чувствуется скука со всѣми сопровождающими ее непріятностями. Скрестивъ руки и ноги, склонивъ голову на грудь, я начинаю разсуждать какъ мущина и съ полной покорностью я подагаюсь на волю Божественнаго Провидѣнія. Оно привело меня въ эту страну, и я надѣюсь, что когда нибудь оно же вернетъ меня отсюда.

Съ другой стороны, зная по опыту, насколько жгучія сожалѣнія истощаютъ жалкую человѣческую жизнь, я стараюсь развлекаться вещами, способными внушить мнѣ другія мысли, и чтеніе исторіи занимаетъ меня главнымъ образомъ.

Баронъ очень добръ со мной. Его вспыльчивый характеръ часто доставляетъ непріятности окружающимъ, но подъ конецъ къ нему привыкають, и я тоже надѣюсь когда нибудь достигнуть совершенства.

въ этомъ отношеніи. Со времени отправки нашего послѣдняго курьера мы много отдыхали.

Баронъ досталъ музыкантовъ и каждое воскресенье мы танцуемъ въ палаткѣ.

Наше общество, состоящее изъ всѣхъ иностранныхъ посланниковъ, ихъ милыхъ женъ и хорошенькихъ дочерей, блестяще, и ничѣмъ не отличается отъ того, среди котораго можно вращаться въ первыхъ столицахъ Европы.

Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, и не видѣлъ, чтобы хоть одна тучка появилась на ясномъ сводѣ азіатскаго неба, и эта чудная погода умножаетъ наши прогулки по окрестностямъ деревни, гдѣ мы живемъ.

Ничего нѣтъ отвратительнѣе жителей этой страны, и во всѣхъ отношеніяхъ нѣтъ ничего очаровательнѣе ея природы.

Хотя въ окрестностяхъ чума и продолжаетъ производить опустошенія и этимъ мѣшаетъ намъ углубляться въ улицы и, слѣдовательно, изучать вблизи ихъ нравы, также какъ и ихъ странные обычаи, но, судя объ этомъ народѣ на извѣстномъ разстояніи, въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго. Порабощенный образомъ правленія и законами религіи, запрещающей всякій успѣхъ просвѣщенія, турки проводятъ свою жизнь около фонтана за куреніемъ табака или питьемъ кофе. Кровожадные по натурѣ, они кладутъ голову на плаху по желанію великихъ людей государства и алчность руководитъ всѣми ихъ поступками. Этотъ народъ совершенно не похожъ на другія націи. Суевѣрный, подозрительный, онъ одновременно проявляетъ какъ и самую сильную тираннію, такъ иногда и величайшую добродѣтель.

Я чувствую себя прекрасно, любезный батюшка. Я много гуляю, какъ верхомъ, такъ и пѣшкомъ, и я чувствую, что климатъ мнѣ ничуть не вреденъ.

Поработавъ все утро, такъ какъ мое обычное дѣло и лежащая на мнѣ отвѣтственность очень велики, я вечеромъ отдыхаю въ тѣни каштановъ или мечтаю подъ глухой шумъ волнъ, катящихся къ моимъ ногамъ.

Здѣсь все внушаетъ великія и мучительныя мысли и, стоитъ только дать имъ волю, воображеніе унесетъ васъ далеко за предѣлы, предписанныя холоднымъ разсудкомъ.

Съ послѣдней почтой я получилъ письма отъ брата Павла и наконецъ успокоился на его счетъ, потому что молчаніе, которое онъ хранилъ до сихъ поръ, признаюсь, начинало меня тревожить. Послѣдній курьеръ привезъ изъ Петербурга бумаги, въ которыхъ Азіатскій Департаментъ оспариваетъ у меня мѣсто помощника 1-го секретаря. предоставленное мнѣ и утвержденное Императоромъ.

Эта новость не доставила мнѣ никакого удовольствія. но надѣюсь, что правда на моей сторонѣ и что баронъ приметъ въ этомъ дѣлѣ горячее участіе. я въ концѣ концовъ выиграю его. Тургеневу пишутъ, будто посланникъ сказалъ, что судно, на которомъ я плылъ, погибло.

Это ложное извѣстіе доставило мнѣ много заботъ, потому что оно могло огласиться раньше, чѣмъ я успѣлъ бы увѣдомить васъ о моемъ благополучномъ прибытіи и тѣмъ доставить большое безпокойство какъ вамъ, такъ и моему брату. Дѣйствительно, въ это время пошли ко дну нѣсколько кораблей. но, слава Богу, не нашъ!

Если въ настоящее время, дорогой батюшка, вашъ планъ приведенъ въ исполненіе и вы находитесь уже въ деревнѣ, близъ имѣнія княгини Куракиной, будьте добры передать княгинѣ мое нижайшее почтеніе и сказать ей, что я пристыженъ тѣмъ, что такъ долго молчалъ передъ лицомъ, которое всегда оказывало мнѣ столько добра и которое я не пересталъ вспоминать съ уваженіемъ; это отнимаетъ у меня смѣлость обратиться прямо къ ней и имѣть честь непосредственно просить удѣлить мнѣ мѣсто въ ея драгоценной, весьма драгоценной памяти.

Братъ Михаилъ пишетъ мнѣ, что недавно вы сочинили двѣ пошловицы и что полный успѣхъ увѣнчалъ эти произведенія, какъ всѣ, выходившія изъ подъ пера одного изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ. Вы доставите очень большое удовольствіе небольшому числу любителей литературы, изъ которыхъ состоитъ наше посольство, если пришлете намъ эти вещи и тѣмъ самымъ пробудите наше притупленное поэтическое воображеніе. Мы глотаемъ книги, которыя доходятъ до насъ, и въ этомъ отношеніи монашеская жизнь, которую мы ведемъ здѣсь, благопріятствуетъ намъ, потому что у насъ есть время для занятій и, слѣдовательно, для пополненія знаній, что было бы невозможно въ странѣ, образъ жизни которой способствовалъ бы развлеченіямъ.

Я очень радъ извѣстію о полномъ выздоровленіи княгини Урусовой. Надежда, которую я все время питалъ, нисколько не обманула меня.

Намѣчается гроза новаго похода и дипломатическая работа усложняется. Кончаю свое письмо, мой добрый, мой дорогой батюшка. нѣжно цѣлюя васъ, а также матушку и всю нашу семью. Тысячу и тысячу разъ желаю вамъ исполненія вашихъ желаній и полного спокойствія. У дорогого друга Михаила прошу прощенія за то, что не отвѣтилъ на его милое письмо, которое онъ отправилъ мнѣ 2-го іюля. № 2. Я сдѣлаю это со слѣдующей почтой, а пока прошу его часто присылать извѣстія о себѣ. Прощайте, дорогой батюшка. Цѣлую вашу руку, вамъ навѣки послушный и покорный сынъ

Дмитрій.

Мое почтеніе Шульгиной, ея мужу и сестрѣ.

Бюндерэ. 2-го Сентября 1820.

Я до такой степени занять сегодняшней посылкой, дорогой батюшка, что съ большимъ трудомъ мнѣ удалось найти удобную минутку, чтобы извѣстить васъ о хорошемъ состояніи моего здоровья, а также поблагодарить васъ за ваше послѣднее письмо, которое я имѣлъ счастье получить. Оно мнѣ надолго доставило удовольствіе, то удовольствіе, котораго я напрасно ищу среди турокъ.

На этотъ разъ я могу многое сообщить вамъ о Константинополѣ, который я наконецъ увидалъ, а также и о иллионации и о праздникѣ, данномъ барономъ по случаю 30-го Августа, и наконецъ о красивомъ зрѣлищѣ, которое представляла наша деревня, полная народомъ, и Босфоръ, весь покрытый судами. Но, къ моему большому сожалѣнію, повторяю, у меня совершенно нѣтъ времени, и я принужденъ отложить описаніе до слѣдующей почты, когда время будетъ болѣе благоприятно моимъ желаніямъ.

Судя по вашему послѣднему письму, я полагаю, что вы находитесь уже въ деревнѣ, любезный батюшка, поэтому я смѣло посылаю письмо въ Шую, въ твердой увѣренности, что оно не замедлитъ дойти къ вамъ.

Я очень тронутъ любезностью княгини Куракиной и въ слѣдующій разъ я послѣшу письменно поблагодарить ее, а пока прошу васъ засвидѣтельствовать ей мною глубочайшую признательность.

Наши занятія идутъ своимъ чередомъ и я по мѣрѣ возможности стараюсь *приминяться къ характеру* своего начальника, а также старшихъ по службѣ и сотрудниковъ. Я окруженъ людьми, которые желаютъ мнѣ добра, и увѣренность въ этомъ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе.

Наше посольство увеличилось прибытіемъ Сердобина, незаконнаго сына князя Алекс. Куракина, вѣжнаго и миролюбиваго молодого человека.

Мы готовимся къ большому балу, на который будутъ приглашены посольства и иностранныя націи. Мы будемъ танцовать въ палаткѣ, устроенной нарочно для этого дня и нашъ садъ будетъ освѣщенъ триумфальными арками.

Очень благодарю матушку за ея доброту, и краснѣю передъ Михайломъ, которому до сихъ поръ не отвѣтилъ на его любезное письмо.

Цѣлую васъ, дорогой батюшка, также какъ и добрую матушку, отъ всего сердца и остаюсь навѣки вамъ почтительный и покорный сынъ Дмитрій.

Тургеневъ просилъ меня передать вамъ поклонъ.

Буокдерэ, сего 1 Октября 1820.

Къ моему великому огорченію, дорогой батюшка, въ прошлый разъ я принужденъ былъ отказаться отъ мысли написать вамъ, и съ чистой совѣстью объявляю вамъ, что къ этой крайности меня принудили служебныя занятія болѣе сложныя, чѣмъ обыкновенно. Кромѣ того у насъ случилась маленькая неприятность.

Толпа *ямаковъ* или турецкихъ солдатъ явились передъ нашимъ дворцомъ и затѣяли беспорядокъ.

Мы мало огорчились этимъ, но блистательная Порта послѣдила исправить этотъ досадный случай новыми выраженіями дружескихъ чувствъ и самыми положительными увѣреніями въ томъ, что это больше не повторится. Хотя это маленькое событіе не имѣло никакихъ послѣдствій, оно надѣлало намъ хлопотъ и отчасти послужило причиной моего молчанія.

Я имѣлъ счастье получить ваше письмо отъ 4-го Августа и отъ 18-го того же мѣсяца. Они оба доставили большое утѣшеніе моей душѣ и зажгли въ ней полуугасшую радость. Миѣ приятно увѣрить васъ, дорогой батюшка, въ ненарушимомъ обѣщаніи, которое я даю вамъ—не сходить съ добраго пути и особенно соблюдать предписанія религіи, составляющія обязанности хорошаго христіанина. Есть извѣ-

стный возрастъ, когда заблужденія недопустимы. Это бываетъ тогда, когда судьба дѣлаетъ насъ вполне отвѣтственными за наши поступки. Тогда боязнь ошибиться и самому нести за это полную отвѣтственность предохранить насъ отъ пылкости воображенія, такъ хорошо олицетвореннаго *Монтэнемъ*. и мы станемъ разумными вопреки ему.

Мы не выѣзжаемъ изъ Буюкдерэ или нашей *большой долины* и классическая страна—Греція и все что говорится о ней авторами и воспѣвается поэтами, такъ же далеко теперъ отъ меня, какъ Гренландія.

Наконецъ я видѣлъ Константинополь, и что касается красоты мѣстоположенія, это чудо природы.

Говоря словами Данте. форма. въ которой его отливали. разбита. и по произведенному имъ на меня впечатлѣнью я готовъ вѣрить. что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ природа не повторяется съ такой красотой и очарованіемъ. Высокія горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. закрываютъ горизонтъ, если смотрѣть со стороны Константинополя. Помѣщаясь между Босфоромъ и мраморнымъ моремъ мысъ Сералы выступаетъ въ каналъ и образуетъ самую замѣчательную его часть.

Сады султана, мечеть святой Софїи и море. окружающее часть гарема, производятъ сильное впечатлѣніе. Остальная часть города. построенная на высотахъ и растилающаяся вдоль Босфора. представляетъ изъ себя кучу крышъ, гдѣ не различишь ни улицъ. ни площадей, кромѣ только нѣсколькихъ мечетей, покрытыхъ мраморомъ и окруженныхъ минаретами.

Я опишу вамъ. дорогой батюшка. романическій обычай. который я въ первый разъ видѣлъ въ городѣ. гдѣ царитъ Магометъ. и сдѣлаю это со всей поэтической пышностью, на которую только способно мое перо. Если оно не будетъ блестяще, то будетъ по крайней мѣрѣ правдиво.

Прекрасное утро. Мы сидѣли въ лодкахъ. Море было спокойно и блестяло, какъ зеркало хорошенькой женщины.

Чудное солнце освѣщало яркій сводъ неба и горы. убагающія вдаль подъ легкой дымкой. постоянно мѣняющіяся. смотря по тому, освѣщало ли ихъ солнце, или падали на нихъ тѣни. Дельфины играли совсѣмъ близко отъ нашей лодки и птицы-рыболовы покачивались на поверхности водъ. При каждомъ новомъ ударѣ весель, перовное теченіе Босфора. скрытое высокими горами, постепенно открывало намъ все новыя

виды, одинъ оживленнѣе другого. Крѣпости, разрушенныя башни и домики райи, нѣкоторые окруженныя деревьями и расположенныя въ глубинѣ долинъ, другіе, стояшіе вдоль канала и производящіе чудесное впечатлѣніе. Но сколько разъ я отвращала взоры отъ этихъ самыхъ селеній, гдѣ наканунѣ задушили человѣка за то, что нѣсколько дней тому назадъ онъ пожилъ, какъ ему хотѣлось! Босфоръ полонъ подобными зрѣлищами, и можно сказать, что природа такъ хороша здѣсь единственно для того, чтобы лучше утѣшать сердца бѣдныхъ обитателей. Развѣ нельзя было бы, видя образцы такого демократизма, показать—какъ нѣкоторымъ народностямъ, такъ и отдѣльнымъ лицамъ, тираническій образъ жизни, принятый среди *истинно вѣрующихъ*, какъ они себя называютъ? Они увидали бы тогда, какое имѣютъ они право возставать противъ правительства, имѣющаго болѣе или менѣе стойкіе законы, которое даетъ время, а иногда и полную возможность оправдаться и что только это лучшее заставляетъ ихъ искать зла.

Очарованіе, плѣняющее взоръ при входѣ въ Босфоръ, растаетъ по мѣрѣ того, какъ мы двигаемся впередъ, и достигаетъ высшаго развитія тогда, когда станетъ видна столица. Но здѣсь очарованіе кончается и не идетъ дальше, потому что, какъ только вы вступаете на землю, обманъ зрѣнія прекращается. Вы идете по улицамъ до такой степени отвратительно-грязнымъ, что никакой самообманъ невозможенъ. Собаки и ихъ телѣжки безпрестанно преграждаютъ вамъ путь, вонь, не дающая вамъ возможности вздохнуть, и толпа турокъ, грязныхъ и въ лохмотьяхъ, до которыхъ, по случаю чумы, сохрани васъ Богъ дотронуться, вотъ все, на что вы натолкнетесь. Самая большая улица меньше послѣдняго московскаго закоулка.

Мы спустились въ Перу, въ гавани, и пошли на маленькое кладбище. Это кипарисовый лѣсокъ, гдѣ мертвыхъ сваливаютъ какъ по палу. Красивыхъ памятниковъ совсѣмъ нѣтъ; ни одного изящнаго!

Мраморныя плиты, увѣнчанныя чалмой и отвѣсно зарытыя въ яму—вотъ мусульманская могила.

Человѣческіе трупы, слегка засыпанные землей, и другія нечистоты заражаютъ воздухъ.

А между тѣмъ для турокъ это *излюбленное* мѣсто прогулокъ, которое для древнихъ ихъ предшественниковъ, если и служило мѣстомъ погребенія, въ то же время было и колыбелью тысячи прекрасныхъ философскихъ мыслей, а османовъ оно заставляетъ заслуживать только больше презрѣнія.

Среди произведеній искусства, видѣнныхъ много въ Константинополѣ, особенно приковывающихъ вниманіе путешественниковъ и которое лишь немного удалось повидать—это мечеть Святой Софіи. Это одно изъ чудесъ древняго міра, и несмотря на то, что полумѣсяцъ сверкаетъ на верху храма, входя въ него, вы чувствуете, что охвачены глубокимъ религіознымъ чувствомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ духомъ Пелама.

Въ сравненіе со Св. Софіей храмъ Корана—тюрьма! Въ ней все велико! Все прекрасно!

Колонны изъ порфира и древней яшмы поддерживаютъ тяжелые своды, и чѣмъ ближе вы подвигаетесь къ серединѣ зданія, тѣмъ болѣе всѣ предметы удаляются, расширяются, зданіе кажется выше, а вы сами какъ бы уменьшаетесь. Такъ какъ мы оставались тамъ недолго, то за недостаткомъ времени не могли хорошенько осмотрѣть всѣ подробности.

Пораженный величіемъ общаго впечатлѣнія я, желавшій видѣть все, не видалъ ничего. Многія колонны дали трещины, и все зданіе замѣтно опускается. Намъ показали комнату, которая, быть можетъ, служила когда-то часовней для христіанъ—тамъ еще видны полу-стертые остатки иконъ. Сводъ Св. Софіи весь покрытъ мозаиками. Я купилъ маленькій запасъ ихъ у турецкихъ учениковъ, которые продаютъ ихъ въ самой мечети, и при первомъ удобномъ случаѣ я не замедлю прислать вамъ часть этихъ мозаикъ. Это маленькіе кусочки стекла или желтаго состава, оправленного въ гипсъ. Его можно рѣзать, и дѣлать кресты и другія мелкія украшенія. Правда, она не имѣетъ дѣйствительной цѣнности, но развѣ недостаточно мысли, что это часть цѣлаго, существующаго въ продолженіи почти шести столѣтій, для того, чтобы сдѣлать эту вещь равной по цѣнѣ алмазу? Мы видѣли нѣсколько мечетей, построенныхъ турками, очень красивой архитектуры, но почти всѣ онѣ построены по нѣскольکو измѣненному плану Святой Софіи.

Между прочимъ, мы посѣтили одну мечеть, смотритель которой не былъ предупрежденъ о нашемъ посѣщеніи.

Мы сейчасъ же увидали, какъ онъ побѣжалъ закрывать двери съ криками: „невѣрный вошелъ, невѣрный вошелъ!“

Мы посѣтили показать ему Императорскій указъ, и мусульманинъ удалился, скрежеща зубами. Въ общемъ посѣщеніе мечетей очень

опасно. Въ нихъ вы встрѣчаете изучающихъ мусульманскій законъ, почти безъ исключенія—величайшихъ фанатиковъ. доказательствомъ чего служатъ удары, нанесенные ими въ одинъ прекрасный день Италлинскому.

Вотъ, дорогой батюшка, подробности, которыя я въ состоянїи на этотъ разъ сообщить вамъ.

Въ будущемъ онѣ участятся, особенно потому, что я надѣюсь приготовить свои письма заранѣе, и такимъ образомъ не пропускать почтового дня, какъ это случалось со мною нѣсколько разъ. Пбо наши курьеры собираются въ поѣздку иногда за нѣсколько дней, и тогда намъ запрещены всякія частныя дѣла.

Присоединяю къ этому письму маленькую статью о вертящихся дервишахъ, составленную мною самимъ. Мы много видѣли, многому научились, посѣщая Константинополь, но самая счастливая для насъ минута это та, когда, вернувшись домой, никто изъ насъ не чувствуетъ ни головной боли, ни ужаснаго озноба—признаковъ чумы.

Да, можно смѣло сказать, что находясь среди мусульманъ, нужно умѣть смотрѣть въ лицо смерти.

Нужно умѣть ее презирать.

Я чувствую себя, слава Богу, великолѣпно. Занятія и прогулки идутъ своимъ чередомъ, но погода становится холоднѣе и гулять прїятно только верхомъ. Тѣмъ не менѣе вчера, 30-го Сентября или 12 Октября новаго стили, было такъ же тепло, какъ въ разгаръ лѣта. Прекрасная страна!

Мнѣ остается только поблагодарить васъ, дорогой батюшка, за ваше самое послѣднее письмо, которое я получилъ съ помѣткою отъ 4-го Сентября. Я очень огорченъ тѣмъ, что доставилъ вамъ напрасныя волненія по поводу моего здоровья, которое никогда не было лучше. Прошу васъ передать мое низкое почтеніе княгинѣ Куракиной. Цѣлую всю семью и кланяюсь всѣмъ, кто помнитъ еще *маленькаго турченка*. Я въ восторгѣ, что письмо барона доставило вамъ удовольствіе.

До сихъ поръ я могу лишь похвастаться его отношеніями ко мнѣ, какъ родственника и начальника.

Цѣлую вамъ руки. дражайшій и добрый батюшка. Цѣлую руку маменькѣ и поручаю себя вашимъ молитвамъ и вашему благословенію.

Вамъ преданный и покорный сынъ.

Д м и т р і й.

Статья о вертящихся Дервишахъ.

Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ способовъ, которыми челоѣчество охотно чтитъ Создателя, нѣтъ ни болѣе страннаго, ни болѣе поразительнаго, чѣмъ способъ Дервишей или вертящихся монаховъ.

Мы смотрѣли, какъ они молятся, Богу, потому что за деньги турки идутъ на все: насъ помѣстили на хорахъ, откуда, изъ за рѣшетки, какъ изъ скрытой ложи, мы, никѣмъ не замѣчаемы, могли видѣть все, что происходило на мѣстѣ религіознаго представленія.

Комната, гдѣ собираются Дервиши, имѣетъ форму осьмиугольника и окружена галлереей, гдѣ находятся мірлане-зрители.

Посрединѣ и вкругъ подвѣшаны люстры, на подобіе вазъ. На одной изъ стѣнъ, противъ входной двери, видны надписи, изъ которыхъ одна изображаетъ знакъ основателя ордена, другія—знаки Корана. Это украшеніе и составляетъ алтарь.

Наступаетъ часъ молитвъ, и вы видите, что Дервиши, закутанные въ плащи разныхъ цвѣтовъ (въ этомъ заключается различіе степеней), съ головой, покрытой почти остроконечной шапкой, входятъ въ залъ, почтительно кланяются алтарю, дѣлаютъ два шага назадъ и соблюдая полную тишину, садятся, скрестивъ босыя ноги, на маленькое возвышеніе, окружающій полъ. Начальникъ монастыря, одѣтый въ зеленое, садится на коверъ подъ надписями.

Дѣйствіе начинается стихами, взятыми изъ Корана, которые произносятся начальникомъ, въ то время, какъ остальные монахи время отъ времени касаются пола руками и лбомъ. Другіе принимаютъ различныя положенія, которыя они затѣмъ сохраняютъ. Второе дѣйствіе начинается музыкой; послѣ чего начальникъ поднимается и медленнымъ, важнымъ мѣрнымъ шагомъ дѣлаетъ кругъ по осьмиугольнику.

Приближаясь къ главному мѣсту, онъ каждый разъ почтительно кланяется, повертывается, дѣлаетъ такой же поклонъ слѣдующему за нимъ монаху, и продолжаетъ шествіе. Остальные Дервиши буквально подражаютъ ему.

Между тѣмъ начинается самое странное зрѣлище. Музыка становится громче. и вдругъ вы видите, что Дервиши сбрасываютъ свои плащи, ихъ полотняныя юбки падаютъ. и съ опущенными глазами и скрещенными на груди руками. они, одинъ за другимъ. приближаются къ алтарю.

Теперь они подходятъ къ начальнику. дѣлаютъ ему низкій поклонъ. проходятъ мимо надписей и мало по малу начинаютъ вертѣться. Вотъ они вертятся быстрѣе. еще быстрѣе. руки ихъ освобождаются. вытягиваются горизонтально и черезъ минуту вы видите, что всѣ двадцать Дервишей дѣлаютъ то же самое. Но это странное зрѣлище отнюдь не вызываетъ смѣха. а побуждаетъ погрузиться въ мечты. Оно происходитъ съ большимъ умиленіемъ и такимъ образомъ. подвергаясь самому странному испытанію, монахи этой секты думаютъ этимъ способомъ искупить свои собственные грѣхи, а также грѣхи тѣхъ, кто поручилъ имъ молиться за себя. Среди нихъ былъ мальчикъ 12 или 15 лѣтъ.

Музыка, сопутствующая этому религіозному вальсу, не лишена ни пріятности, ни гармоніи. Она состоитъ изъ бубна, гуслей, флейты и другихъ инструментовъ. Звуки ихъ очень растянуты, и это единственная хорошая музыка, которая существуетъ въ Турціи.

Этотъ обрядъ былъ повторенъ четыре раза подъ рядъ и каждый разъ продолжался $7\frac{1}{2}$ минутъ, что въ общемъ составило полчаса. Способъ вращенія тѣмъ болѣе удивителенъ, что ни одинъ изъ вертящихся не касается ни другого, дѣлающаго тоже самое возлѣ него, ни стѣны, находящейся очень близко. Правда, во время обряда одинъ Дервишъ бродитъ среди нихъ, чтобы помѣшать имъ задѣвать другъ друга. Мнѣ удалось даже замѣтить, что нѣкоторые Дервиши дѣлали это искусно, у другихъ же манера разгибаться была ученическая. Въ четвертый разъ начальникъ тоже началъ двигаться, но другимъ способомъ. Онъ не снялъ своего плаща и двигался, одной рукой придерживая воротникъ, что я считаю большой ловкостью, потому что способъ вращаться, держа руки горизонтально распростертыми, облегчаетъ это движеніе, въ то время какъ второй способъ затрудняетъ его.

Окончивъ вальсъ, всѣ Дервиши надѣли плащи и вернулись на свои мѣста.

Молитвы были повторены, затѣмъ всѣ поднялись и начали новую прогулку. Теперь, такимъ же образомъ, какъ они кланялись, они цѣловали другъ другу руки. Этотъ обрядъ смиренія, показавшійся мнѣ скорѣе христіанскимъ, чѣмъ мусульманскимъ, внушилъ мнѣ мысль,

что онъ могъ быть заимствованъ у греческой религіи. что меня очень удивило. Такъ кончается это богослуженіе Дервишей или вертящихся монаховъ.

Какъ Господь Богъ долженъ жалѣть человѣчество. видя различные способы. употребляемые имъ для того, чтобы вступить на путь спасенія. Одни танцуютъ, другіе изнуряютъ себя.

Счастливъ тотъ, кто въ простотѣ сердца своего почувствовалъ Бога.

Буюкдерэ. сего 15 Октября (27 н. с.) 1820 г.

Послѣдняя почта, т. е. 13-го Октября, не принесла мнѣ ничего отъ васъ, мой дорогой батюшка. Отсутствіе новостей отъ васъ доставляетъ мнѣ какъ заботы, такъ и волненія и усиливаетъ скуку, которую я испытываю. Я нѣсколько разъ перечиталъ письмо, которое вы имѣли любезность написать мнѣ, и я смертельно боюсь, что волненія, испытанныя вами относительно моего здоровья, были умножены письмомъ, которое я отправилъ въ *Шую*, думая, что вы уже тамъ. Теперь, когда вы въ виду приближенія дурной погоды, приняли твердое рѣшеніе не покидать Москвы, моему письму придется сдѣлать большой кругъ, прежде чѣмъ оно дойдетъ до васъ. Всѣ эти предположенія доставляютъ мнѣ сильное безпокойство, и съ неменьшимъ нетерпѣніемъ я буду ждать почты, которая должна разсѣять мои опасенія на этотъ счетъ.

Погода здѣсь такъ хороша, что даже ночью жарко гулять въ пальто. Зелень свѣжѣе и ярче, чѣмъ когда нибудь, и деревья забыли, что пора обнажаться отъ листвы. Съ другой стороны наша деревня становится все пустыннѣе и пустыннѣе. Многіе послы покинули ее, чтобы отправиться къ другимъ дворамъ, а тѣ, которые не были переведены на другія мѣста, возвратились въ свои зимнія гнѣзда въ Константинополь.

Послѣдняя надежда остается на прогулки, и я не упускаю возможности упражняться въ верховой ѣздѣ. Иногда мы ѣдимъ очень далеко, и цѣлью намъ всегда служить какой нибудь памятникъ старины, находящійся въ окрестности, и который мы осматриваемъ изъ любопытства.

Въ одинъ прекрасный день мы еще разъ были въ Константинополь. Мы сдѣлали это съ цѣлью посмотреть *византійскій базаръ* или

турецкія лавки. Онѣ находятся въ огромномъ зданіи еще древнихъ временъ. Это рынокъ почти всего востока. Видъ его очень красивъ, и богатства очень значительны. Послѣ этого посѣщенія мы отправились осматривать древній водоемъ, который поддерживаютъ нѣсколько сотъ колоннъ. Величественный и прекрасный памятникъ старины!

Тамъ на многихъ колоннахъ видны остатки греческихъ крестовъ, и мусульмане сѣшаютъ показать ихъ христіанамъ. Оттуда мы отправились въ звѣринецъ Султана, и тамъ мы видѣли прекраснѣйшихъ львовъ дикихъ странъ. Я видѣлъ также ипподромъ. Но уввы! Какъ все измѣнилось! Теперь это мѣсто засыпано мусоромъ, и стало въ четыре раза меньше, чѣмъ было когда то. Но видъ Св. Софійи и воображеніе, дополняющее все, до сихъ поръ дѣлаютъ это мѣсто прекраснымъ и достойнымъ уваженія. Я постараюсь, любезный батюшка, достать вамъ нѣсколько миниатюрныхъ рисунковъ.

До сихъ поръ я могу только похвастаться отношеніями ко мнѣ барона. Онъ продолжаетъ быть то строгимъ, то снисходительнымъ, смотря по тому, чего требуютъ обстоятельства. Наше посольство со дня на день становится многочисленнѣе, и лица его составляющія все прекрасные товарищи по службѣ. Я самъ чувствую себя великолѣпно.

Недавно у насъ былъ большой балъ. Всѣ посольства и всѣ національности были на немъ. Танцовали до двухъ часовъ, и я еще разъ могу подтвердить, что никакое собраніе, какъ бы блестяще оно ни было, не въ состояніи развлечь насъ, если сердце не принимаетъ въ немъ никакого участія. Все забавляетъ лишь поверхностно. Всѣмъ наслаждаешься на половину.

Мнѣ очень досадно, дорогой батюшка, что мы не находимся въ прямомъ сообщеніи съ Москвою и что я не могу присылать вамъ съ курьерами различныхъ мелкихъ вещицъ, которыя можно найти здѣсь и которыя рѣдки въ другой странѣ. Но съ первымъ удобнымъ случаемъ я не замедлю прислать вамъ коверъ.

Я очень благодаренъ вамъ за новости. о братѣ Павлѣ, которыя вы имѣли любезность сообщить мнѣ.

Вотъ уже 3 мѣсяца какъ я лишень извѣстій отъ него, и только отъ Тургенева я узнаю о томъ, что происходитъ на сѣверѣ.

Позвольте мнѣ, дорогой, повторить вамъ о концертѣ съ участіемъ небольшого числа находящихся здѣсь любителей литературы, и передать

вамъ ихъ просьбу прислать намъ ваши послѣднія произведенія. Я знаю, что это очень дорого, но если войти въ соглашеніе съ Тушковскимъ такимъ образомъ, чтобы нужная для пересылки пакета сумма могла быть уплачена здѣсь, это было бы очень удобно для меня и избавило бы васъ отъ крупной и лишней траты.

Какъ мнѣ обидно, что я долженъ одинъ наслаждаться прелестями здѣшней природы! Какъ я хотѣлъ бы перенести васъ въ эту страну, дорогой батюшка! Она прекрасна, до такой степени прекрасна, что описать ее невозможно!

Кончаю это письмо просьбой передать мое низкое почтеніе княгинѣ Куракиной. Цѣлую всю мою семью и молю Бога о ея сохраненія. Такъ какъ я знаю, что вы всегда передаете мои письма ма-тушкѣ, я не пишу ей отдѣльно и надѣюсь, что она будетъ настолько снисходительна, что простить мнѣ это. Прощайте, дорогой батюшка. Цѣлую ваши руки и, поручая себя вашему благословенію и вашимъ отеческимъ молитвамъ, остаюсь навсегда вашъ покорный и преданный сынъ.

Д м и т р і й.

Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ, дорогой батюшка, за ваше письмо, помѣченное 4-мъ Октября, которое я имѣлъ счастье получить. Я проглотилъ его съ удвоенной радостью, послѣ молчанія, которое вы хранили прошлую почту. Мнѣ пріятно, дорогой батюшка, отдалять отъ васъ мнѣніе, составленное вами относительно моихъ предположеній писать вамъ одинъ разъ въ мѣсяць. Какъ можетъ это быть, если я живу одной радостью—получать отъ васъ новости, а также и тѣмъ, чтобы сообщать вамъ свои?

Самая важная статья вашего послѣдняго письма, т. е. извѣстіе о беременности моей сестры, меня очень утѣшило. Да будетъ благословенна воля Божія! Батюшка, вы скоро станете дѣдомъ, званіе, къ которому вы давно стремились. Мнѣ остается только пожелать, чтобы будущій внукъ благополучно появился на свѣтъ, чтобы онъ составилъ счастье родителей и еще тѣснѣе скрѣпить соединяющія ихъ узы. Антонина и Сергѣй имѣютъ полное право сердиться на меня, но что же дѣлать? Я по уши погруженъ въ дипломатическую работу, и конечно, не развлечения принуждаютъ меня хранить молчаніе.

Вотъ ужъ цѣлую недѣлю мы съ утра до вечера работаемъ надъ приготовленіемъ къ походу.

Я чувствую себя, слава Богу, вполне хорошо и нашъ образъ жизни не мѣняется. Всегда одно и то же: утромъ за работой, вечеромъ въ библіотекѣ читаемъ или паримъ въ пространствѣ.

Такъ идетъ наша жизнь. Погода у насъ сырая и прохладная. Вчера была гроза, падълавшая мною бѣдъ какъ на землѣ, такъ и на морѣ.

Со вчерашней почтой я получилъ письмо отъ брата Павла, который пишетъ объ аудіенціи у Гурьева и его обѣщаніи предоставить брату на выборъ первую вакансію вице-губернатора, которое представится.

Я недостоенъ посылки, которую княгиня Куракина изволила отправить мнѣ. Я читалъ ее и горжусь ею, и хотя въ глубинѣ души сознаю, насколько я виноватъ, и никогда не соглашусь, что я такъ добръ. Пожалуйста, дорогой батюшка, передайте мое почтеніе княгинѣ, умоляю васъ, походатайствуйте у нея о моемъ прощеніи, и когда она будетъ среди моей семьи, соблаговолите засвидѣтельствовать ей мое глубокое сожалѣніе о томъ, что я отсутствую.

Загоскинъ, кажется, уже въ Москвѣ, такъ какъ онъ руководитель и главное дѣйствующее лицо нашихъ спектаклей. Самъ онъ не можетъ хорошо играть въ комедіи, но я думаю, что онъ способенъ отлично наладить ее. Посылаю ему дружескій привѣтъ.

Чувствую себя усталымъ, потому что мало спалъ и много работалъ, а потому на этотъ разъ прошу у васъ снисхожденія, любезный батюшка. Надѣюсь, что въ слѣдующій разъ у меня будетъ больше досуга, потому что отправка курьера не совпадетъ съ писаньемъ письма. Пусть, по крайней мѣрѣ, это письмо увѣритъ васъ въ хорошемъ состояніи моего здоровья! Закачиваю его благодарностью брату Михаилу за его письмо и его терпѣніе, цѣлую всю семью, добрую тетушку и цѣлую вамъ руки, такъ же какъ и дорогой доброй матушкѣ. Еще разъ, любезный батюшка, соблаговолите простить мнѣ краткость письма. мое паранья, такъ какъ и то, и другое я дѣлаю противъ воли.

До сихъ поръ я чувствую себя очень хорошо въ обществѣ барона, а также и моихъ товарищей по службѣ. Остаюсь навѣки преданный и покорный сынъ

Дмитрій.

О приѣмъ изъ Губернской Канцеляріи ларца съ вещами Г. Меншикова

1726-года.

Печатаемое дѣло интересно съ бытовой стороны, какъ рисующее намъ богатую обстановку вельможъ Петровскаго времени, интересно оно, конечно, и въ отношеніи къ этому „баловню судьбы безродному“ Меншикову, мечтавшему, можетъ быть, и о болѣе высокомъ положеніи, но неожиданно превратившагося въ государственнаго преступника, въ мрачной избушкѣ далекаго Березова вспоминавшаго о быломъ величій и власти.

Документы извлечены изъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора (№ 1626. Опись 36).

Л. М. Савеловъ.

(л. 1-й) Указъ Его Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго изъ Высокаго Сената Мастерской и Оружейной полатѣ, по Его Императорскаго Величества указу высокій Сенатъ по доношенію изъ Губерніи Московской которымъ требуетъ о принятіи въ казенной приказъ подъ охраненіе взятого изъ дому Генерала Маэора князя Шеховскаго по доносу служителя ево Петра Давыдова ларца съ вещми Меншикова о которыхъ изъ оной губерніи подано въ верховный Тайный Совѣтъ доношеніе приказали означенные вещи въ ларцѣ запечатать и до будущаго изъ верховнаго Тайнаго Совѣта указу отдать тотъ запечатанной ларець по описи въ храненіе въ казенную полату и Мастерской и Оружейной полатѣ учинить о томъ по сему Его Императорскаго Величества указу а въ Московскую гу-

бернію для вѣдома указъ о томъ изъ Сената посланъ. Оберъ Секретарь Иванъ Кириловъ

Секретарь Дмитрей Невѣжинъ

Канцеляристъ Гаврила Букинъ.

№ 2604-й Іюля 18-го дня
№ 62-й 1729-году.

1729-го іюля 19-го дня записатьъ въ книгу и отдать къ повиыткю и чинить по сему указу и о приѣме указа репортовать

Въ высокой Сенать изъ мастерскія и изъ оружейныя полаты

РЕПОРТЪ

Указъ Его Императорскаго Величества изъ Высокого Сената подъ номеромъ 2604 о принятіи въ казенной приказъ подъ охраненія (зачеркнуто: взятого изъ дому генерала маэора князя Шеховского по доносу служителя ево Петра Давыдова) ларца съ вещми Меншикова полученъ сего жъ іюля 19-го дня 1729 года

іюля 21 дня
1729 года
№ 40-й.

Поданъ въ Сенать того жъ числа.

Промеморія.

Изъ Московской Губернской Канцеляріи въ Казенной приказъ сего іюля 9-го дня въ доношеніи въ Высокій Сенать изъ Московской губерніи писано а имянно въ прошломъ 1728-мъ году генваря 31-го дня генерала маэора князя Шеховского служитель ево Петръ Давыдовъ при доношеніи объявилъ въ Губернской канцеляріи ларець съ вещми ис пожитковъ Меншикова а что во ономъ ларце пожитковъ явилось тому учинена опись и апрѣля 11-го дня того жъ 1728 году въ указе Его Императорскаго Величества изъ верховного Тайнаго Совѣта въ Губернскую Канцелярію писано велено на дѣло медалей коронаціи Его Императорскаго Величества для посылки къ

принцамъ чужестраннымъ прибывающимъ въ Москвѣ въ роздачу золото отдать въ манетную кантору изъ отписного Меншикова которое взято въ Москвѣ з двора князя Шеховского и потому Его Императорского Величества указу изъ отписного Меншикова золота и золотые вещи въ манетную кантору изъ губерніи Московской отосланы а коликое число вѣсомъ и за оною отсылкою какихъ вещей осталось и что въ нихъ вѣсу жъ о томъ со оногo дѣла учиненъ экстрактъ и Верховный Тайный Совѣтъ при доношеніи внесены и по тому доношенію о помянутыхъ оставшихъ вещахъ изъ Верховного Тайного Совѣта указу не получено которые и по ныне стоятъ въ Губернской канцеляріи отъ чего опасно чтобъ оному не учинилось какой траты и чтобъ въ Высокій Сенатъ покаместъ по вышеозначенному доношенію въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсмотрѣніе будетъ учинено повелено бѣ было помянутые оставшіе вещи для лучшаго охраненія принять въ Казенной приказъ и сего жъ июля 19-го дня въ указе Его Императорского Величества изъ Высокого Сената въ Губернскую Канцелярію написано: по Его Императорского Величества указу Высокій Сенатъ приказали означенные вещи въ ларце запечатать и до будущаго изъ Верховного Тайного Совѣта указу отдать тотъ запечатанной ларець по описи во охраненіе въ казенную полату и по тому Его Императорскаго Величества Указу помянутой ларець и что въ немъ какихъ вещей имѣется со учиненнымъ реэстромъ изъ Московской губерніи посланъ въ казенной приказъ при сей промеморіи за губернскою печатью и казенной приказъ о приѣме подъ охраненіе помянутого ларца съ вещми да благоволишь учинить по Его Императорского Величества указу. Алексѣй Плещеевъ
Петръ Вельяминовъ
Зерновъ

№ 2681

Юля 31-го дня
1729-го году.

Реэстръ коликое число въ ларцѣ вещей:

Футляръ выклеенъ бархотомъ въ немъ стопа золотая вѣсомъ четьре фунта тритцать шесть золотниковъ.

Чашка золотая съ ручками и съ крышкою съ финифтью съ искрами алмазными и яхонты на ней подписано тако 7202 мѣсяца генваря въ 6-й день сию золотую чашку великій Государь Царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодер-

жецъ пожаловалъ сына своего благородного Государя Царевича и великого князя Алексѣя Петровича на той же чашке шесть мѣсть с искрами алмазными въ нихъ по семи алмазовъ четыре мѣста с искрами изумрудными в нихъ по шести искоръ изумрудныхъ в средине по яхонту въ показанныхъ мѣстахъ алмазы всея гранены и розсыпъ на той же чашке крышка на ней гербъ Россійской въ томъ гербе по обѣимъ сторонамъ по красному яхонту на томъ гербѣ лалъ граненъ в росыпъ на оной крышке алмазныхъ шесть мѣсть въ нихъ по семи искоръ алмазныхъ да шесть мѣсть с искрами изумрудными въ нихъ по шти искоръ изумрудныхъ въ средине тѣхъ мѣсть по красному яхонту в кругъ той крышки въ ободу шестдесятъ искоръ яхонтовыхъ и изумрудныхъ да въ одномъ мѣстѣ искры нѣтъ в той чашке и съ крышкою вѣсу фунтъ тринадцатъ золотниковъ.

Подносъ золотой вѣсу въ немъ фунтъ дватцатъ золотниковъ кувшинчикъ яшмовой съ кровлею персицкой работы оправленъ золотомъ с искрами изумрудными и яхонтовыми вѣсу со всемъ и съ яшмою восемьдесятъ четыре золотника.

Стопа деревянная оправлена золотомъ на поддонке въ ней восемь искръ изумрудныхъ вѣсу и з деревомъ семдесятъ восемь золотниковъ двѣ четверти.

Досконь здѣланъ сердечкомъ серебряной вызолоченой на крышке гербъ Россійской финифтяной на золотѣ снизу вензель финифтянной же на золоте жъ вѣсу осмнатцатъ золотниковъ две четверти.

Двѣ чарки золотыхъ китайской работы о дву ручкахъ сканной работы съ каменья шпынарями вѣсу въ обенхъ и съ каменьями трицатъ четыре золотника.

Ножъ китайской работы черенъ середоликовой ножны костяные оправа золотая на оправа дватцатъ пять искръ алмазныхъ цепь золотая.

Мусать каменной оправленъ серебромъ скапой работы вѣсомъ со всемъ восемьдесятъ золотниковъ.

Другой ножикъ Цареграцкой работы черенъ середоликовой ножны золотые съ финифтью и съ каменья въ томъ числѣ двѣнадцатъ искръ сорокъ шесть изумрудовъ два на черену двѣнадцатъ искръ яхонтовыхъ

два изумруда цепочка серебряная плетеная вѣсу во всемъ дватцать три золотника.

Золотыхъ пугвиць кофтаннхъ и камзолныхъ трицать шесть пугвиць въ нихъ по яхонтовой искре

въ футляре два ключа золотые вѣсу два фунта девяноста четыре золотника.

Въ бумаге ложка золотая вѣсу въ нихъ дватцать три золотника двѣ четверти в низу подъ череномъ припущено финифтомъ зеленымъ.

Ложка серебряная вызолочена шеснатцать золотниковъ двѣ четверти.

Ножъ да вилки съ черенки золотыми съ финифтью вѣсу въ нихъ и желѣзомъ трицать пять золотниковъ.

Въ футлярѣ черномъ ложка золотая вилки литые золотые ножикъ черенъ золотой литой въ нихъ вѣсу и з желѣзомъ шестьдесятъ четыре золотника.

Ухавертка серебряная вѣсу одинъ золотникъ съ полу.

Другой футляръ въ красной кожѣ въ немъ ложка золотая на черене десять искръ алмазныхъ вѣсу въ ложке дватцать семь золотниковъ одна четверть.

Пара ножей съ черенки золотыми на ноже и на вилкахъ четырнатцать искръ алмазныхъ вѣсу въ ножѣ и съ вилками и з желѣзомъ пятьдесятъ три золотника.

Восемь ключей серебряные вызолочены съ коронами въ томъ числѣ у одного корона алмазная въ ней шестьдесятъ шесть алмазовъ.

Шесть ключей подъ коронами по десяти искръ яхонтовыхъ у одного искры нѣтъ одинъ ключъ безъ короны вѣсу въ нихъ два фунта сорокъ золотниковъ.

Двѣ тарелочки золотые что ставятся на уборной столѣ сканной работы вѣсу в нихъ и съ каменья фунтъ девятнадцать золотниковъ.

въ томъ числѣ на одной два яхонта лазоревые неграненыхъ да шпынарей красныхъ на обѣихъ шестьдесятъ пять камней.

Чашечка золотая на ней четыре камня изумрудные вѣсу шеснатцать золотниковъ двѣ четверти.

Въ бумаге камушковъ красныхъ восемнатцать лазоревыхъ четыре бѣлой адинъ оные камни борки яхонтовые.

1729 году августа 23 дня по вышеозначенной промеморіи въ Мастерскую и Оружейную полату изъ Московской Губернской канцеляріи ларець съ вещми за печатью Московской Губернской канцеляріи и принесъ Секретарь Наумъ Пучковъ у того жъ числа Статской Дѣйствительный Совѣтникъ Господинъ князь Одоевской осматривалъ а въ немъ явилось.

№ 1-й Футляръ выклеенъ бархотомъ.

Въ немъ стопа золотая вѣсомъ четыре фунта трицать шесть золотниковъ.

Чашка золотая съ ручками и съ финифтью съ искрами алмазными и яхонты на ней подписано тако 7202 мѣсяца генваря въ 6-й день сію золотую чашку великій Государь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ пожаловалъ сына своего благородного Государя Цесаревича и великого князя Алексѣя Петровича.

На тойже чашкѣ шесть мѣсть съ искрами въ нихъ по семи алмазовъ.

Четыре мѣста съ искрами изумрудными въ нихъ по шести искоръ изумрудныхъ въ средине по яхонту. въ показанныхъ мѣстахъ алмазы всѣ гранены въ розсыпь.

На той же чашкѣ крышка на ней гербъ Россійской въ томъ гербѣ по обѣимъ сторонамъ по красному яхонту.

На томъ гербѣ даль граневъ въ розсыпь.

На оной крышкѣ алмазныхъ шесть мѣсть въ нихъ по семи искоръ алмазныхъ.

Да шесть мѣсть съ ыскрами изумрудными въ нихъ по шти искръ изумрудныхъ въ середине тѣхъ мѣсть по красному яхонту.

Въ кругъ той крышки въ ободу шедезять искоръ яхонтовыхъ и изумрудныхъ.

Да въ одномъ мѣстѣ искры нѣтъ.

Въ той чашке и съ крышкой вѣсу фунтъ тринатцать золотниковъ.

Подносъ золотой вѣсу въ немъ фунтъ дватцать золотниковъ.

Кувшиникъ яшмовой съ кровлею персицкой работы оправленъ золотомъ с ыскрами изумрудными и яхонтовыми вѣсу со всеми и съ яшмою восемьдесятъ четыре золотника.

Стопка деревянная оправлена золотомъ на поддонке въ ней восемь искръ изумрудныхъ вѣсу и з деревомъ семдесятъ восемь золотниковъ двѣ четверти.

Досканъ здѣланъ сердечкомъ серебряной вызолоченой на крышке гербъ російской финифтяной на золотѣ снизу вензель финифтяной же на золотѣ жъ вѣсу осмнатцать золотниковъ двѣ четверти.

Двѣ чарки золотыхъ китайской работы о дву ручкахъ сканной работы съ каменьи шпынарями вѣсу въ обѣихъ и съ каменьями тритцать четыре золотника.

Ножъ китайской работы черенъ середоликовой ножны костяные оправа золотая на оправе дватцать пять искръ алмазныхъ цѣпь золотая.

Мусать каменной оправленъ серебромъ сканной работы вѣсомъ со всѣмъ восемьдесятъ золотниковъ.

Другой ножикъ Цареграцкой работы черенъ середоликовой ножны золотые съ финитью и съ каменьи въ томъ числѣ двѣнатцать искръ алмазныхъ греческой грани яхонтовыхъ красныхъ искръ сорокъ шесть изумрудовъ два на черену двѣнатцать искръ яхонтовыхъ два изумруда цѣпочка серебряная плетеная вѣсу во всемъ дватцать три золотника.

Золотыхъ пугвицъ кафтаннхъ и камзолныхъ тридцать шесть пугвицъ въ нихъ по яхонтовой искре.

Въ футляре два ключа золотые вѣсу два фунта девяноста четыре золотника.

Въ бумагѣ лощка золотая вѣсу въ нихъ дватцать три золотника двѣ четверти внизу подъ череномъ припущено финифтомъ зеленымъ.

Лощка серебряная вызолочена шестнатцать золотниковъ двѣ четверти.

Ножъ да вилки съ черенки золотыми съ финифтью вѣсу въ нихъ и зъ желѣзомъ тритцать пять золотниковъ.

Въ футляре черномъ лощка золотая вилки литые золотые ножикъ черень золотой литой въ нихъ вѣсу и зъ желѣзомъ шестьдесятъ четыре золотника.

Уховертка серебряная вѣсу одинъ золотникъ съ полу.

Другой футляръ въ красной кожѣ въ немъ лощка золотая на черене десять искръ алмазныхъ вѣсу въ лощкѣ дватцать семь золотниковъ одна четверть.

Пара ножей съ черенки золотыми на ножѣ и на вилахъ четырнатцать искръ алмазныхъ вѣсу въ ноже и съ вилами и зъ желѣзомъ пятьдесятъ три золотника.

Восемь ключей серебряные вызолочены съ коронами въ томъ числѣ у одного корона алмазная въ ней шездеять шесть алмазовъ.

Шесть ключей подъ коронами по десяти искръ яхонтовыхъ у одного искры нѣтъ одинъ ключъ безъ короны вѣсу въ нихъ два фунта сорокъ золотниковъ.

Двѣ тарелочки золотые что ставитца на уборной столѣ сканой работы съ каменки вѣсу въ нихъ и съ каменки фунтъ девятнатцать

Въ томъ числѣ на одной два яхонта лазоревые не граненыхъ да шпынарей красныхъ на обѣихъ шестьдесятъ пять каменей.

Чашечка золотая на ней четыре камня изумрудные вѣсу шестнатцать золотниковъ двѣ четверти.

Въ бумаге камушковъ красныхъ воснатцать лазоревыхъ четыре бѣлой одинъ оные камни корки яхонтовые.

Тысеча семсотъ дватцать девятый день вышесписанные вещи Губеркой канцеляріи и за мою печатью для охранения поставлены въ главнею мастерскую полату.

По указу Его Императорского Величества въ мастерской и оружейной полатѣ приказали по силѣ присланного Его Императорского Величества изъ Высокого Сената указу изъ Московской Губернской Канцеляріи присланной промеморіи ларець съ вещми Меншикова за печатью Московской Губернской канцеляріи которой принесъ Секретарь Наумъ Пучковъ въ казенной приказъ принять по описи и по принятии съ подлинныхъ на той описи судейскихъ отмѣтокъ въ Московскую Губернскую Канцелярію для вѣдома сообщить при промеморіи реэстръ и сіе определеніе записать въ протоколъ Князь Василей Одоевской. № 39-й

Канцеляристъ Максимъ Муромцовъ.

22-го дня августа.

1729 году

Промеморія.

Изъ мастерской и оружейной полаты въ Московскую Губернскую Канцелярію.

По присланному Его Императорского Величества изъ высокого Сената указу изъ Московской Губернской Канцеляріи присланной при промеморіи „с секретаремъ Наумомъ Пучковымъ“ ларець съ вещми Меншикова за печатью Московской Губернской канцеляріи въ казенной приказъ сего августа 13 дня принять отъ Секретаря Наума Пучкова а что въ немъ по осмотру въ казенномъ приказе какихъ вещей явилось о томъ при сей промеморіи реэстръ и Московская Губернская канцелярія о вышеозначенномъ благоволишь быть извѣстна.

22-го дня августа.

1729 году.

Такова промеморія съ реэстромъ взята въ Губернской Канцеляріи Секретаремъ Наумомъ Пучковымъ того же числа.

О приемѣ вещей Меншикова.

Реэстръ колкое число изъ Московской Губернской Канцеляріи отъ Секретаря Наума Пучкова для охраненія въ казенной приказъ сего августа 13-го дня принято въ ларце вшей Меншикова

А и мянн о:

Футляръ выклеенъ бархотомъ въ немъ стопа золотая вѣсомъ четыре фунта тритцать шесть золотниковъ

Чашка золотая съ ручками и съ крышкою съ финифтью с ыскры алмазными и яхонты на ней подписано тако: 7202-го мѣсяца генваря въ 6-й день сию золотую чашку великій Государь Царь (т) пожаловалъ сына своего Благородного Государя Царевича и Великого князя Алексеѣя Петровича на той же чашке шесть мѣсть с ыскрами алмазными въ нихъ по семи алмазовъ четыре мѣста с ыскры изумрудными въ нихъ по шти искръ изумрудныхъ въ срединѣ по яхонту въ показанныхъ мѣстахъ алмазы все гранены въ розсыпь на той же чашке крышка. на пей гербъ Россійской въ томъ гербѣ по обѣимъ сторонамъ по красному яхонту на томъ гербѣ лалъ граненъ въ розсыпь на той крышке алмазныхъ шесть мѣсть въ нихъ по семи искоръ алмазныхъ да шесть мѣсть съ ыскрами изумрудными въ нихъ по шти искръ изумрудныхъ въ срединѣ тѣхъ мѣсть по красному яхонту во кругъ той чашки въ ободу пятьдесятъ девять искръ яхонтовыхъ и изумрудныхъ два мѣста порозжихъ въ той чашке и съ крышкою вѣсу фунтъ тринадцать золотниковъ

Подносъ золотой вѣсу въ немъ фунтъ дватцать золотниковъ

Куфшинчикъ яшмовой съ кровлею персицкой работы оправленъ золотомъ съ ыскрами изумрудными и яхонтовыми въ томъ числѣ семь мѣсть порозжихъ вѣсу со веѣмъ и съ яшмою восемьдесятъ четыре золотника

Стопка деревянная оправлена золотомъ на поддонке въ ней восемь искръ изумрудныхъ вѣсу и з деревомъ семьдесятъ восемь золотниковъ двѣ четверти а дно той стопки отклеилось

Досканъ здѣланъ сердечкомъ серебряной вызолоченой на крышке гербъ Россійской Финифтяной на золотѣ съ низу вензель финифтяной жъ на золотѣ жъ вѣсу осемнатцать золотниковъ двѣ четверти

Двѣ чарки золотыхъ китайской работы о дву ручкахъ сканной работы съ каменьи шпинарями вѣсу во обѣихъ и съ каменьями тритцать четыре золотника на тѣхъ чаркахъ шеснатцать мѣсть порозжихъ.

Ножъ китайской работы черень середоликовой ножны костяные оправа золотая на оправе дватцать пять искры алмазныхъ цѣпь золотая порозжихъ два мѣста

Мусать каменной оправленъ серебромъ сканной работы вѣсомъ со всемъ восемьдесятъ золотниковъ

Другой ножъ Цареграцкой работы черень середоликовой ножны золотые съ финифью и каменьи въ томъ числѣ двѣнатцать искръ алмазныхъ греческой грани яхонтовыхъ красныхъ искръ сорокъ шесть изумрудовъ два на черену двѣнатцать искръ яхонтовыхъ два изумруда.

Цепочка серебряная плетелая вѣсу во всемъ дватцать три золотника золотыхъ пугвиць кафтаныхъ и камзолныхъ тритцать шесть в нихъ по яхонтовой искре у малыхъ двухъ пугвиць дву искръ яхонтовыхъ иѣтъ вѣсу девяноста два золотника

Въ футляре два ключа золотыхъ вѣсу два фунта девяноста четыре золотника

Въ бумаге лошка золотая вѣсу въ нихъ дватцать три золотника двѣ четверти внизу подъ череномъ припущено финифтомъ зеленымъ.

Лошка серебрянная вызолочена шеснатцать золотниковъ двѣ четверти

Ножъ да вилки съ череньи золотыми съ финифтью вѣсу въ нихъ и з желѣзомъ тритцать пять золотниковъ.

Въ футляре черномъ лошка золотая вилки литые золотые ножикъ черень золотой литой въ нихъ вѣсу и з желѣзомъ шестьдесятъ четыре золотника футляръ попорченъ

Уховертка серебряная вѣсу одинъ золотникъ съ полу.

Другой футляръ въ красной кожѣ въ немъ лошка золотая на черенѣ одиннатцать искръ алмазныхъ вѣсу въ лошке дватцать семь золотниковъ одна четверть

Пара ножей съ черенъи золотыми на ножѣ и на вилкахъ четырнатцать искръ алмазныхъ вѣсу въ ножѣ и съ вилками и з желѣзомъ пятьдесять три золотника

Восемь ключей серебрянные вызолочены съ коронами въ томъ числѣ у одного корона алмазная въ ней шестьдесять шесть алмазовъ у шти въ коронахъ по десяти искръ яхонтовыхъ у одного искры вѣтъ

Одинъ ключъ безъ короны у одного ключа корона сломлена вѣсу въ нихъ два фунта сорокъ золотниковъ

Двѣ торелочки золотые что ставятся на уборный столъ сканной работы съ каменъи вѣсу въ нихъ и съ каменъи фунтъ девятнатцать золотниковъ на обѣихъ шпинарей красныхъ пятьдесять четыре бѣлыхъ четырнатцать лазоревыхъ яхонтовыхъ корокъ семь и того семдесять пять

да два яхонта лазоревыхъ

Чашечка золотая на ней четыре камня изумрудные вѣсу шеснатцать золотниковъ двѣ четверти

въ бумагѣ камушковъ кратныхъ восмнатцать лазоревыхъ четыре бѣлой одинъ оные камни корки яхонтовые.

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ПЕТРОВНЫ ПАСЕКЪ

(1810—1889)

Чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и совершенство ея.

Карамзинъ.

*) Было ясное морозное Февральское утро, одно изъ тѣхъ, которыми такъ рѣдко балуетъ обывателей скупое на появленіе Петербургское солнце.

Еще наканунѣ была оттепель, придавая сѣрый грязный оттепокъ тому, вчера еще мягкому, рыхлому снѣгу, который сегодня, при 10°, морозѣ скрипитъ подъ острыми полозьями саней, искрится миллионами разсыпчатыхъ брилліантовъ и блещетъ своей ослѣпительной бѣлизной.

На ясной лазури зимняго неба виднѣются легкія, прозрачныя облачка, грозящія обыкновенно въ концѣ дня превратиться въ большія сѣрыя тучи.

Дышется особенно легко и свободно въ этотъ легкій морозъ, придающій бодрость и быстроту походкѣ прохожихъ, оживляющій здоровымъ яркимъ румянцемъ молодыя и старыя лица.

*) Татьяна Петровна Пасекъ, рожденная Кучина, родственница А. И. Герцена, называвшаго ее своей „Корчевской кузиной“, сверстница и другъ дѣтства его—авторъ записокъ, помѣщенныхъ въ Русской Старинѣ въ семидесятыхъ годахъ—авторъ интересной автобіографіи „Изъ Дальнихъ мѣтъ“, впоследствии издательница, основательница дѣтскаго журнала „Игрушечка“, была женой В. В. Пасека—этнографа, извѣстнаго своими научными трудами, одного изъ представителей крайнофильства, товарища и друга Герцена, Огарева, Кетчера и пр. членовъ этого кружка.

Какъ сейчасъ помню я то чудное Февральское утро 1884 года, когда быстрой походкой направлялась съ Владимірскаго проспекта (гдѣ проживала съ родителями) по Знаменской улицѣ, въ домъ по Саперному переулку—30 лѣтъ тому назадъ.

Выписавъ наканунѣ изъ № Новаго Времени на маленькомъ клочкѣ бумаги адресъ издательницы „Пгрушечки“, надумалась я со своимъ маленькимъ рассказомъ „Дези“ направиться къ Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ.

Не обращая вниманья на уличное движеніе, на частые звонки совершающей по Знаменской улицѣ рейсы конки, не замѣчая прохожихъ, я обдумывала вступленіе своей привѣтственной рѣчи... Настроеніе мое, въ унисонъ погодѣ, было какое-то особенно повышенное, необычайно бодрое.

Но когда я по парадной съ улицы лѣстницѣ поднялась въ 3-ій этажъ и рѣшительно позвонила у дверей указаннаго мнѣ дворникомъ №—мужество покинуло меня, хотѣлось въ тотъ же мигъ бѣжать обратно, безъ оглядки... Но отступленіе было невозможно... Дверь была тотчасъ открыта пожилой женщиной, лица которой я въ полумракѣ передней разсмотрѣть не могла.

Вопросъ мой—„дома ли Татьяна Петровна?“—привелъ ее въ такое изумленіе, что я, растерявшись, нерѣшительно переспросила:

„Могу ли я видѣть Татьяну Петровну?“

„А вотъ, войдите въ прихожую“, отвѣтила она, неторопливо закрывая дверь на лѣстницу.

„Я пойду узнаю. Какъ мнѣ только имѣ о васъ сказать“—спросила она, присматриваясь ко мнѣ.

„Фамиліи моей Татьяна Петровна не знаетъ, скажите ей только, что Г. Б., имѣя къ ней маленькое дѣло, очень проситъ принять ее.“

Пожилая женщина (оказавшаяся почтенной нянюшкой внука Т. П.) скрылась за дверью налѣво. Закрытая направо дверь вела, очевидно, въ выходящую окнами на улицу гостинную.—Вѣроятно, не долгое ожиданіе показалось мнѣ вѣчностью. „Уйти развѣ тихонько. не-

слышно открывъ дверь“ мелькнуло у меня въ умѣ въ тогъ мигъ, когда нянюшка съ привѣтливой улыбкой пригласила меня войти.

Комната, изъ передней налѣво, выходящая двумя окнами на дворъ, показалась мнѣ свѣтлой и просторной. Переступая порогъ ее, я два раза отъ смущенія роняла изъ муфты на полъ свой злополучный свертокъ,—разсказъ о Дези.

Противъ стѣны направо, съ ширмами въ изголовьѣ, стояла бѣлая деревянная кровать, на которой я увидѣла лежащую подъ одѣяломъ небольшую худенькую старушку въ ночной кофточкѣ, въ бѣломъ съ широкой оборкой чепцѣ. Мнѣ стало понятнымъ, почему такъ изумилъ нянюшку мой вопросъ—дома ли прикованная недугомъ къ постели ея госпожа.

Слабая, немощная старушка съ выразительными ясными глазами, протянувъ мнѣ съ привѣтливой улыбкой блѣдную, худощавую руку, указала мнѣ жестомъ на стулъ, стоявшій въ ногахъ кровати.

Все то, что я основательно обдумала по дорогѣ и собиралась сказать, при овладѣвшемъ мной сильномъ смущеніи было безнадежно забыто.

Робко, несмѣло, путаясь въ выраженіяхъ, сказала я Татьянѣ Петровнѣ, что давно знаю ее, люблю ее, какъ издательницу „Игрушечки“, и что мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ нею. Я сказала ей, что родители мои были хорошо знакомы и дружны съ семьей Пассекъ, что отъ нихъ я постоянно слышала какъ о ея покойномъ мужѣ, такъ и о братьяхъ его: Помпеѣ, Діомидѣ, Валерьянѣ Васильевичахъ Пассекъ и что карточка одного изъ нихъ, В. В., въ чинѣ Генералъ-Маіора, въ мундирѣ Генеральнаго Штаба, съ типичной прической*). съ оригинальною надписью—понимнѣ занимаетъ почетное мѣсто въ нашемъ семейномъ альбомѣ.

Снисходительная привѣтливая улыбка моей собесѣдницы настолько ободрила меня, что я, совершенно овладѣвъ собой, спокойно завела рѣчь о дядѣ своего отца Генералѣ-Лейтенантѣ, Генералѣ-Вагенмейстерѣ Аѳанасіи Даниловичѣ Соломко, который хорошо зналъ семью Пассекъ.

*) Съ густыми прядями зачесанныхъ на вискахъ волосъ, типичной прической времени Императора Александра I, въ несуществующемъ пылѣ мундирѣ Академіи Генеральнаго штаба.

При упоминаніи имени моего дѣда, лицо Т. П. прояснилось и оживилось.

„Царство небесное доброму, дорогому Аѳанасію Даниловичу“, съ волненіемъ въ голосѣ проговорила она.—„Не забуду я никогда того благодаренія, которое оказалъ онъ всей нашей благодарной ему семьѣ Пасекъ..... Мы его еще молодымъ знали по Петербургуну, да мало ли кого знать приходится, а между тѣмъ, когда довелось ему съ Императоромъ Александромъ I побывать въ Сибири,—онъ самъ вспомнилъ опальнаго Пасека... Онъ не побоялся за него, впаваго въ немилость, замолвить доброе слово. Добръ, но горячъ и вспыльчивъ былъ Государь. Хорошо изучивъ нравъ его, Аѳанасій Даниловичъ сумѣлъ въ добрый часъ пробудить чувство жалости, состраданія къ несчастному ссыльному, бывшему въ тяжелой разлукѣ съ близкими. Съ опасностью навлечь на себя гнѣвъ царскій за свое ходатайство, онъ доставилъ изгнаннику разрѣшеніе вернуться на родину. Много было и въ то время и позже¹⁾, добавила она со вздохомъ, такихъ опальныхъ и по винѣ иной разъ маловажной, и по недоразумѣнію, которымъ не суждено было вернуться на родину.“

Она заговорила объ изгнанникѣ, своемъ племянникѣ и другѣ дѣтства Герценѣ,—который умеръ на чужбинѣ 9-го Января 1870 г. на 68 году жизни, еще полный силъ и энергіи.

Продолжительный разговоръ видимо утомилъ ее. Не желая злоупотреблять вниманіемъ привѣтливой старушки, которой тяжелы были воспоминанія далекаго прошлаго, я сказала, что принесла свой маленькій рассказъ „Дези“, который очень хотѣла бы видѣть помѣщеннымъ на страницахъ „Игрушечки.“

„Прочитайте его... Я послушаю. Надо прежде всего, чтобъ рассказъ вашъ понравился строгому критику того возраста, для котораго онъ предназначенъ. Сережа, голубчикъ, подойди-ка сюда“—сказала она, приподнявшись на кровати, обращаясь къ маленькому 6-тилѣтнему мальчику съ большими живыми глазами и густыми темными волосами, такъ безшумно перебиравшему кубики на крайнемъ окнѣ, которое мнѣ почти не было видно за краемъ ширмы, что я не замѣтила его присутствія.

¹⁾ Намекая на умершаго 9 Января 1870 г. отъ воспаления легкихъ въ Парижѣ—А. И. Герцена.

Этотъ маленькій въ то время Сережа, какъ я узнала впоследствии, былъ тотъ самый любимый внукъ Сергѣй Владиміровичъ, которому Татьяна Петровна посвятила съ красивымъ предисловіемъ *) свой литературный трудъ „Изъ дальнихъ лѣтъ.“

Сережа тотчасъ оставилъ кубики. Онъ церемонно поклонился мнѣ, ловко при этомъ шаркнувъ ножкой, и съ достоинствомъ занялъ мѣсто передъ небольшимъ плетенымъ столикомъ на такомъ же низенькомъ, дѣтскомъ креслицѣ. Поодаль, сложивъ руки на передникѣ, прислонясь къ окну, стояла небольшого роста плотная нянюшка съ головой, повязанной (на подобіе головного убора мѣщанокъ и дьячихъ) шелковой темной косынкой.

Въ присутствіи престарѣлой Татьяны Петровны, пожилой нянюшки и малолѣтняго Сережи былъ, 30 лѣтъ тому назадъ, съ волненіемъ прочитанъ мной первый мой рассказъ *Дези*.

„А развѣ есть на самомъ дѣлѣ такая собачка? И гдѣ она?“ — спросилъ Сережа, видимо заинтересованный продѣлками хорошенькой болонки.

„Написано хорошо“, — отозвалась одобрительно Т. П. — „Кажется, что и Сережѣ понравился вашъ *Дези*. А что, дружокъ, понравился ли тебѣ рассказъ про собачку, такъ забавно игравшую съ кукольной повозочкой.“ —

Благопріятный отзывъ мальчика съ большими, красивыми глазами окончательно ободрилъ меня.

„Пишете вы хорошо — есть у васъ слогъ, видѣнъ нѣкоторый навыкъ. Откуда онъ у васъ, еще такой юной и малоопытной?“

Сказавъ Татьянѣ Петровнѣ, что я съ семилѣтняго возраста непрерывно, аккуратно веду дневникъ, я убѣдительно, какъ только умѣла, просила ее принять „*Дези*“ для напечатанія въ „Игрушечкѣ.“

*) „Другъ мой Сережа! Приближаясь къ концу своей жизни, встрѣтила тебя вступающаго въ жизнь. Свѣтлый взоръ твой, твоя невинная улыбка воскресили въ душѣ моей давно забытую радость и я съ чувствомъ счастья и благодарности къ небу — кладу у твоей младенческой колыбели мои воспоминанія „Изъ дальнихъ лѣтъ.“ — Т. Пасекъ. 1878 г.

„Слаба, немощна, какъ видите, стала я,—работать нѣтъ силъ. Свое дѣтище „Игрушечку“ я передала въ умѣлыя руки, своей уважаемой преемницѣ Г. Толивѣровой. Интересоваться ею продолжаю какъ прежде. Журналь, сами вы знаете, какой маленькій—ранѣе принятаго матеріала набралось такъ много, что его станетъ на нѣсколько лѣтъ. Принять „Дези“ я готова, но ждать очереди придется вамъ очень долго—я понимаю васъ—вамъ хочется поскорѣе увидѣть его въ печати. Жаль мнѣ огорчить васъ отказомъ помѣстить его въ этомъ году. Я понимаю, какъ необходимы вамъ для дальнѣйшей работы поддержка, поощреніе съ моей стороны и мнѣ жаль огорчить васъ еще потому, что вы внучка незабвеннаго Аѳ. Дан. и, слѣдовательно, какъ бы не чужая мнѣ.

„Хорошо было бы—добавила она послѣ краткаго раздумья—помѣстить рассказъ вашъ въ „Задушевномъ Словѣ.“ Издается оно сыномъ извѣстнаго нѣкогда книгопродавца Маврикія Осиповича Вольфа—сыномъ его Ал. Мавр., но редактируетъ и ведетъ журналъ основательница его, Софія Марковна Макарова. Побывайте у нея, передайте поклонъ; скажите, что вашъ рассказъ понравился мнѣ и что я послала васъ къ ней.“

Продолжительный разговоръ, повидимому, утомилъ ее. Я поспѣшила встать, поблагодарить и удалиться. Она протянула мнѣ на прощаніе свою маленькую худощавую руку. „Работайте, продолжайте писать, не смущаясь неудачами; легко, безъ труда въ жизни ничто не дается. Тернистымъ путемъ достигали славы и великіе писатели“—добавила она. Я направилась къ двери: „Прочтите непременно сами свой рассказъ С. М., такъ лучше будетъ“, сказала она мнѣ вслѣдъ. Я еще разъ поклонилась и уходила, глубоко тронутая и взволнованная привѣтомъ и лаской почтенной издательницы „Игрушечки.“ Участъ „Дези“ казалась мнѣ обезпеченной.

Не по годамъ степенный Сережа такъ же ловко шаркнулъ мнѣ ножкой и на прощанье. Привѣтливая старая нянюшка, выйдя проводить меня въ переднюю, неторопливо, какъ то не сразу, открыла на лѣстницу ту тяжелую дверь, къ которой всего часъ тому назадъ подходила я съ такимъ трепетомъ.

Я поспѣшно вышла на улицу. Не такъ уже ярко, какъ раньше, сіяло скупое на лучи зимнее солнце. Плывшія по небу прозрачныя, легкія облачка успѣли собраться въ болѣе плотныя, съ сѣроватымъ оттѣнкомъ, тучи, которыя заслоняли по временамъ солнечные лучи.

По твердому снѣжному покрову мостовой плавно скользили сани, оставляя позади блестящій слѣдъ полозьевъ; скрипѣлъ снѣгъ подъ ногами. Занятая мыслью о судьбѣ „Дези“, глубоко тронутая вниманьемъ Т. П., слова которой—„не смущайтесь неудачами: въ жизни легко ничего не дается“—звучали у меня въ ушахъ. Я шла быстро, не чувствуя холода.

Снова дождавшись яснаго морознаго дня, я отправилась по указанному Т. П. адресу къ издательницѣ „Задушевнаго Слова“ Софіи Марковнѣ Макаровой.

Пришлось воспользоваться двумя конками, сначала той, что по Литейному проспекту черезъ Владимірскую площадь доходитъ по Загородному до зданія Технологическаго Института, затѣмъ съ пересадкой и непродолжительнымъ ожиданіемъ по другой, идущей на Балтійскій вокзалъ.

Трудно было мнѣ, совершенно незнакомой съ мѣстностью, очутившись на одной изъ самыхъ отдаленныхъ ротъ Измайловскаго полка, найти дорогу къ тому Городскому Училищу на Рижскомъ проспектѣ, которымъ завѣдывала Софія Марковна.

Подходя къ дому, указанному мнѣ издали какимъ-то прохожимъ изъ мастеровыхъ, я уже не испытывала того страха и волненія, какъ при посѣщеніи Т. П. Ея благопріятный отзывъ о „Дези“, ея привѣтъ Софіи Марковнѣ придали мнѣ уже извѣстный апломбъ.

Быль 4-ый часъ. Классы въ училищѣ только что окончились: я встрѣтила на улицѣ группы дѣтей, нагруженныхъ тетрадями и книгами. С. М. послѣ утомительныхъ классныхъ занятій, вѣроятно, только что успѣла войти въ свое помѣщеніе, какъ открывшая мнѣ дверь прислуга вошла доложить ей о посѣщеніи какой-то незнакомки, фамилію которой ей не удавалось сразу запомнить.

Софія Марковна небольшого роста, пожилая—съ свѣжимъ здоровымъ румянцемъ на кругломъ лицѣ, обрамленномъ гладко зачесанными, сѣдыми, совершенно бѣлыми волосами—съ живыми, ясными глазами и привлекательной улыбкой. привѣтливо встрѣтивъ меня послѣ переданнаго ей отъ Т. П. поклона—усадила меня возлѣ себя на маленькомъ диванѣ, передъ столомъ, заваленнымъ №№ „Задушевнаго Слова“ и дѣтскими книгами въ нарядныхъ переплетахъ.

Я смѣло, не смущаясь, не робѣя, попросила разрѣшенія прочесть ей свой рассказъ. Небольшой, живообразный, онъ, повидимому, понравился ей.

„Оставьте его мнѣ: я даю слово помѣстить его въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Задушевнаго Слова“, вѣроятно, въ Мартъ. Я передамъ его самому Александру Маврикіевичу Вольфу и скажу ему, что въ лицѣ вашемъ пріобрѣла новую юную желательную сотрудницу для нашего журнала. Принесите еще, что есть у васъ. Пишите, примѣняясь къ требованіямъ и понятіямъ дѣтскаго возраста, главное какъ можно короче, естественнѣе, проще. Вообразите себя снова той же маленькой дѣвочкой, какой вы были еще такъ недавно. Зайдите недѣльки черезъ двѣ, тогда „Дези“ вашъ будетъ уже напечатанъ въ „Задушевномъ Словѣ“, тогда же я сообщу вамъ объ условіяхъ, на которыхъ и впредь будутъ приниматься редакціей ваши рассказы. Вы ихъ сами будете читать мнѣ, руководствуясь моими указаніями, которыя принесутъ вамъ, какъ начинающей, большую пользу.“

Она говорила съ оживленіемъ, какъ-то особенно красиво картавя. Я покидала Софью Марковну очарованная ея милой, доброй улыбкой, ея привѣтливостью. Въ ея присутствіи я чувствовала себя такъ легко и свободно, какъ будто бы давно была знакома съ нею.*)

Дома я рѣшила ничего не говорить до полученія того № „Задушевнаго Слова“, на страницахъ котораго съ иллюстраціями въ текстѣ долженъ былъ быть напечатанъ мой первый рассказъ.

Полученіе въ Мартъ 1884 года той книжки журнала для младшаго возраста, въ которой маленькими рисунками были иллюстрированы забавные эпизоды изъ жизни бѣлой болонки „Дези“, баловня и любимца всей нашей семьи, составило эпоху въ моей жизни.

Своею радостью, своимъ торжествомъ я поспѣшила подѣлиться съ Т. П. Мнѣ хотѣлось самой отнести ей Мартовскую книжку „Задушевнаго Слова.“

*) С. М. Макарова получила въслѣдствіи въ свое завѣдываніе Городское Училище, помѣщавшееся на Миліонной въ большомъ высокомъ домѣ, неподалеку отъ Эрмитажа, гдѣ по субботамъ вечеромъ собирались у нея друзья и родные, и гдѣ я познакомилась съ ея дочерью и зятемъ Н. П. Турчаниновымъ, помощникомъ Грессера (тогда полиціймейстера).

Стояла оттепель... Сыро и мрачно было на улицѣ... Съ крышъ сильно капало... На тротуарахъ стояли большія лужи воды. Еще недавно чистый и бѣлый снѣгъ на мостовой превратился въ какую-то рыхлую сѣрую массу, и тяжела была ѣзда въ саняхъ по булыжной, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно обнаженной, мостовой. Длиннымъ и утомительнымъ показался мнѣ путь по Невскому и Знаменской... Тяжело было дышать въ туманной мглѣ, окутавшей столицу какой-то густой, непроницаемой дымкой.

Смѣло и рѣшительно позвонила я у знакомой двери 3-го этажа. Нескоро на этотъ разъ открыла ее мнѣ знакомая нянюшка.

„Татьяна Петровна у насъ совсѣмъ разболѣлись — сказала она печально — вовсе ослабѣли... беспокоить ихъ теперь совсѣмъ невозможно.“

Я выразила свое искреннее соболѣзнованіе, привѣтъ, пожеланіе выздоровленія: я просила передать благодарность; сказать, что С. М. одобрила рассказъ и уже помѣстила его въ Мартовской книжкѣ.

„Передамъ, передамъ, будьте спокойны, не забуду“, говорила старушка, пожелавшая при прощаньи всякаго благополучія.

Татьяну Петровну потомъ мнѣ довелось видѣть много позже. Она жила въ то время въ квартирѣ своего родственника¹⁾ Пашкова, въ зданіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на Дворцовой площади.

Я застала ее, какъ и при первомъ знакомствѣ, на постели въ большой комнатѣ, выходявшей двумя окнами на площадь, показавшейся мнѣ, можетъ быть, вслѣдствіе поздняго часа (3 часа²⁾), какой-то особенно мрачной.

Я нашла Т. П. очень измѣнившейся. Голосъ ея показался мнѣ болѣе слабымъ, и мнѣ казалось, что потускнѣлъ взглядъ тѣхъ ясныхъ глазъ, въ которыхъ свѣтились умъ и энергія, и порой столько добродушія и ласки.

Она какъ-то не сразу узнала меня, а когда я напомнила ей о себѣ, выразила удовольствіе по поводу того, что я работаю въ „Задумшевномъ Словѣ“ и продолжаю писать.

„Помогай Вамъ Богъ. Помогать начинающимъ я всегда рада... Рука у меня, видно, легкая.“ Слабымъ, прерывающимся голосомъ заго-

1) Какъ мнѣ кажется, племянника своего.

2) Это было зимой, не помню когда именно.

ворила она о смерти. „Я не боюсь ея“—добавила она. „Дорогой друг мой Александръ Герценъ, которому надо было бы еще пожить. сошелъ въ могилу на 68-мъ году отъ роду. Онъ былъ много моложе меня; одинъ за другимъ отошли въ вѣчность мои близкіе. Изъ сверстниковъ моихъ въ живыхъ никого не осталось... Пришелъ и мой чередъ.“ Она провела по лбу рукой, какъ бы стараясь что-то припомнить.

Воцарилась тишина. Мы были одни.... Сережа и его нянюшка на этотъ разъ отсутствовали. Я встала, воспользовавшись паузой, которая была для меня томительной и тяжелой.

Жизнь медленно угасала въ этомъ слабомъ, немощномъ, нѣкогда добромъ духомъ тѣлѣ.

Я подошла къ изголовью и съ благоговѣніемъ прикоснулась губами къ блѣдной, холодной рукѣ, отвѣтившей мнѣ на поцѣлуй слабымъжатіемъ. Я сознавала, предчувствовала, что вижу въ послѣдній разъ черты добраго, привѣтливаго лица и поспѣшно направилась къ двери.

„Помогай Вамъ Богъ—будьте счастливы и здоровы“, сказала Т. П., когда я подошла къ порогу. Я еще разъ обернулась и поклонилась на прощанье.

Меня не было въ Петербургъ въ 1879 году, когда скончалась Татьяна Петровна. Я не могла присутствовать при ея погребеніи, чтобъ вмѣстѣ съ ея родными, друзьями, почитателями отдать послѣдній долгъ замѣчательной, многострадальной женщинѣ, которой, вслѣдствіе того, что пришлось самой въ жизни много выстрадать, были такъ близки, такъ понятны страданья и скорби другихъ.

За прожитыя съ того времени 30 лѣтъ—было такъ много пережито, продумано, выстрадано, что позабытымъ оказалось много и изъ того, что казалось важнымъ, значительнымъ; но въ памяти живо сохранилось воспоминаніе о томъ ясномъ морозномъ днѣ, въ который рѣшилась участь моего перваго, понавшаго въ печать разсказа—этой новой эры въ моей жизни, съ которой началась моя литературная Одиссея.

Въ 30-ти лѣтнюю годовщину своей непрерывной скромной литературной дѣятельности я приношу даръ горячей признательности памяти Т. П. Пассекъ и С. М. Макаровой, протянувшимъ руку помощи своему юному, безвѣстному коллегѣ по перу.

М. Барданова.

ИЗЪ ЖИЗНИ И. И. ВВЕДЕНСКАГО ВЪ САРАТОВѢ

По случаю столѣтія со дня его рожденія.

Страничка изъ прошлаго Саратовской семинаріи.

Вступленіе. Нѣсколько данныхъ къ жизнеописанію Г. Е. Благосвѣтлова. Знакомство съ Н. Г. Чернышевскимъ. Увольненіе изъ семинаріи „за безуспѣшность.“

Среди учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства Саратовскую семинарію можно признать одной изъ счастливыхъ по числу вышедшихъ изъ нея духовныхъ, административныхъ и литературныхъ дѣятелей.

Въ ней получили воспитаніе: извѣстный своими трудами архі-епископъ Таврической Гурій (въ мѣръ Григорій Карповъ), епископъ Томскій Петръ (Федоръ Екатеринославскій), магистръ богословія А. С. Метаніевъ (впоследствии кафедральный протоіерей Варшавскаго собора), И. Г. Терсинскій, бывший потомъ управляющимъ контролемъ при св. Синодѣ и А. А. Хованскій, издававшій въ Воронежѣ съ 1860 г. въ продолженіи 23 лѣтъ „Филологическія записки“, пользовавшіяся большою популярностью въ ученомъ мѣрѣ. Также были ея питомцами: основатель газеты „Донъ“ Г. М. Веселовскій, академикъ живописи Левъ Игоревъ, извѣстный публицистъ Н. Г. Чернышевскій, издатель Журнала „Дѣло“ Г. Е. Благосвѣтловъ и выдающійся педагогъ И. И. Введенскій.

Въ свое время о послѣднихъ трехъ—писалось и говорилось у насъ очень много. Очерчивали ихъ прошлую жизнь и дѣятельность

даже тѣ, которые знали ихъ по наслышкѣ, благодаря чему даже въ солидныхъ изданіяхъ попадались неточности и явныя несообразности, опровергаемыя и здравой логикой и архивными документами. Такъ, напримѣръ покойный П. В. Щелгуновъ, выпуская въ 1882 году объемистый томъ сочиненій Григорія Евлампіевича Благосвѣтлова, снабдилъ его „предисловіемъ“, въ которомъ окрепчиваетъ послѣдняго уроженцемъ г. Ставрополя (Кавказскаго) и сыномъ полкового священника¹⁾. Въ дѣйствительности же Г. Е. никогда этого города не видалъ и Кавказскаго „пороха не нюхалъ“. Какъ удостовѣряють документы Саратовскаго семинарскаго архива²⁾ онъ родился въ слободѣ Владимировкѣ, Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи и „былъ умершаго священника Евлампія сынъ“.

Повидимому, при жизни отца семья Благосвѣтловыхъ пользовалась большимъ достаткомъ, такъ какъ Владимировка представляла въ то время богатую слободу, гдѣ жители занимались исключительно возкой соли изъ Баскунчакскаго озера къ волжской пристани, находившейся у этого селенія. Сюда же притекали обитатели окрестныхъ деревень и рыбацкихъ ватагъ за покупками разныхъ товаровъ у тамошнихъ торговцевъ. Кромѣ того, отъ Владимировки начинался почтовый трактъ къ Ханской ставкѣ въ Рынь-Пески Букеевской Киргизской орды, откуда туземцы гнали сюда на продажу скотъ. Церковь же въ слободѣ была одна и при ней одинъ священникъ. Поэтому о. Евлампій едва ли могъ пожаловаться на плохіе доходы со стороны религіозныхъ и зажиточныхъ Владимировскихъ малороссіянъ.

Ко времени поступленія Г. Е. въ 1834 году въ 1-е Саратовское духовное училище отца уже не было въ живыхъ, почему десятилѣтнему бурсаку пришлось испытывать нѣкоторые лишения.

Недостатки эти усилились еще больше, послѣ перехода его изъ училища осенью 1840 года въ Саратовскую семинарію. По словамъ Ѳ. В. Альбокринова, обучавшагося вмѣстѣ съ Г. Е., онъ испытывалъ тамъ большую нужду. Какъ видно по архивнымъ матеріаламъ, Благосвѣтловъ не разъ обращался за пособіемъ къ семинарскому начальству. По выходѣ же изъ семинаріи онъ просилъ ректора снабдить его деньгами, чтобы пробраться на родину.

¹⁾ Тоже самое повторяють за нимъ И. Ф. Хованскій въ „Очеркахъ по исторіи г. Саратова“ 1884, стр. 182 и словарь Брокгауза, 7 полут., стр. 53.

²⁾ Дѣло № 65 за 1844 г.

Два года спустя поступилъ въ семинарію Чернышевскій. Такимъ образомъ, съ нимъ они были почти однокашниками. Одно время, когда Благосвѣтловъ обучался на второмъ курсѣ философіи, а Николай Гавриловичъ состоялъ въ классѣ риторики,—они вмѣстѣ брали уроки татарскаго языка у извѣстнаго ориенталиста и востоковѣда Гордѣя Семеновича Саблукова, впоследствии профессора Казанской духовной академіи. *)

Учился Благосвѣтловъ этому языку два года (1842—44) и имѣлъ по нему успѣхи „не худые“. Но по другимъ предметамъ ему не везло. Едва дотянуль онъ до „средняго отдѣленія 1-го класса“. когда семинарское начальство исключило 20-лѣтняго юношу, „по безуспѣшности“, выдавъ ему 20 іюля 1844 года такой аттестатъ: „по словесности *хорошо*; исторія библейская и русская. математика. Свящ. писаніе,— и языки греческій и латинскій—*недостаточно*. при способностяхъ *очень хорошихъ*. прилежаніи *непостоянномъ* и поведеніи—*хорошемъ*.“ Повидимому причиной неуспѣшности была его непомѣрная лѣнь.

Особенно не благоволилъ къ нему инспекторъ іеромонахъ Тихонъ (Солнцева) назначенный туда въ 1838 году изъ хохловъ кievской губерніи. „Это былъ настоящій іезуитъ. строгій, мнительный. любилъ шпионство. Какъ огня боялись его воспитанники и не смѣли передъ нимъ пикнуть. Только не страшился его Благосвѣтловъ и часто смѣло возражалъ ему, за что больше другихъ сидѣлъ въ карцерѣ. Однако, среди товарищей онъ, по словамъ Альбокринова. держалъ себя скромно и ни съ кѣмъ не ссорился.

Должно быть. эта невоздержность и была главной причиной выдачи ему такого „волчьего“ свидѣтельства, съ которымъ едва ли могъ онъ пробраться въ высшее учебное заведеніе. не имѣя при томъ же для проѣзда денежныхъ средствъ. Однако. это обстоятельство не помѣшало нѣкому С. Закхееву увѣрить (въ „Волж. Вѣстн.“ 1904 г. № 46). со словъ якобы родного брата Г. Е., служившаго въ 60-хъ гг. въ Саратовѣ фельдшеромъ. что вышелъ Г. Е. изъ семинаріи для того, собственно. чтобы поступить въ Медицинскую академію, и будто поступокъ этотъ столь сильно повліялъ на жаждавшаго знаній Н. Г. Чернышевскаго. что и тотъ послѣдовалъ его примѣру, къ прискорбію мѣстнаго духовенства, но къ „вящей“ гордости семинарскихъ руково-

*) Подробности о педагогической дѣятельности Г. С. въ Саратовской Семинаріи см. въ моей ст. о немъ: „Русск. Стар.“ 1905, XII.

дителей. Даже ректоръ о. Спиридоновъ совѣтовалъ имъ обоимъ, въ виду ихъ выдающихся дарованій, не переходить въ богословское отдѣленіе, гдѣ имъ нечего дѣлать, а идти въ университетъ¹⁾

На самомъ же дѣлѣ у Григорія Евлампіевича не было и родного брата. Съ нимъ вмѣстѣ учился въ семинаріи однофамилецъ его, по имени Серапионъ, который кончилъ семинарскій курсъ въ 1846 г. и 13 декабря этого года дѣйствительно поступилъ въ Медико-хирургическую академію.

Вотъ какъ легко у насъ пишется исторія!—

II.

Время рожденія и кончины П. П. Введенскаго. Знаніе французскаго языка. Переводъ въ Саратовскую семинарію. Устройство послѣдней. Помѣщенія для учениковъ и начальства. Курьезное окончаніе ремонта.

Принархъ Ивановичъ Введенскій обучался въ Саратовской семинаріи за шесть лѣтъ раньше Благосвѣтлова. Послѣдній однако посвятилъ ему, послѣ его кончины *14 Юля 1855 года*.²⁾ довольно обстоятельный біографическій очеркъ, не чуждый, впрочемъ, нѣкоторыхъ, требующихъ исправленія, пробѣловъ и неточностей.³⁾

По свѣдѣніямъ архивнымъ, нашъ выдающійся педагогъ появился на свѣтъ Божій *21 ноября 1813 года* въ семьѣ бѣднаго священника села Рождественскаго, Петровской округи (какъ назывались ранѣе уѣзды) въ Саратовской губерніи.⁴⁾ Еще въ дѣтскихъ лѣтахъ обнаружилъ онъ

¹⁾ Какъ видно изъ дѣла семин. архива 1845 г. № 139, Чернышевскій вышелъ также изъ средняго (философскаго) отдѣленія 2-й половины (см. о немъ нашу ст. въ „Истор. Вѣст.“ 1905, XII).

²⁾ День кончины П. П.—ча отмѣчается разное въ словарѣ Брокгауза (т. V, стр. 672, указывается 14 Юля 1855 г., въ очеркѣ Благосвѣтлова, „Очеркахъ по исторіи г. Саратова“ И. Ф. Хованскаго (стр. 99) и въ „Воспоминаніяхъ“ протоіерея Я. У. Палимсестова вмѣстѣ съ нимъ учившагося въ семинаріи („Сарат. Лист.“ 1883 г. № 31) 14 Юля. По моему мнѣнію, послѣднему свѣдѣнію должно дать болѣе вѣроятія, такъ какъ оно исходитъ отъ лица, близко знавшихъ покойнаго.

³⁾ Очеркъ этотъ, подъ названіемъ „И. П. Введенскій“ сначала былъ напечатанъ въ „Общезанимательномъ Вѣстникѣ“ за 1857 г., т. I, № 5, стр. 177—192 и № 6, стр. 214—221. Позднѣ онъ вошелъ въ полн. собраніе сочиненій Благосвѣтлова, изданное Шелгуновымъ.

⁴⁾ Въ словарѣ Брокгауза, у Благосвѣтлова и Хованскаго въ „Очер. г. Саратова“ указывается, что онъ родился въ г. Петровскѣ, а отецъ его былъ священникомъ с. Жукова, хотя въ дѣйствительности селенія съ такимъ названіемъ не существуетъ въ саратов. губ., а есть сел. „Жуковка“.

особенныя способности и сильную охоту къ ученью, интересуясь болѣе историческими разсказами. По словамъ Я. У. Палимсестова¹⁾, благоволившій къ его отцу, помѣщикъ с. Жуковки взялъ семилѣтняго Ирinarха къ себѣ, гдѣ онъ учился съ дѣтьми послѣдняго у гувернера-француза и настолько успѣшно, что могъ обьясняться и писать на французскомъ языкѣ, какъ на своемъ родномъ.

По этому поводу И. Ф. Хованскій въ „Очеркахъ Саратова“ приводитъ слѣдующій интересный анекдотъ. Какъ-то разъ на экзаменѣ французскаго языка въ семинаріи воспитанники плохо переводили. Вызвали Введенскаго. Не успѣлъ онъ прочесть по книгѣ нѣсколькихъ строкъ, какъ губернаторъ Переверзевъ²⁾ остановилъ его и заговорилъ съ нимъ по-французски, разспрашивая его, гдѣ онъ научился столь чистому парижскому выговору. Бесѣда продолжалась болѣе получаса: присутствующіе дивились смѣлымъ отвѣтамъ незнатнаго семинариста.

Когда И. И—чу исполнилось восемь лѣтъ, отецъ опредѣлилъ его въ Петровское духовное училище.³⁾ Откуда въ Сентябрѣ 1828 г. онъ поступилъ въ Пензенскую семинарію, изъ которой два года спустя перевели его въ среднее (философское) отдѣленіе вновь открывшейся семинаріи въ Саратовѣ.⁴⁾

Въ то время послѣдняя только что устраивалась въ четырехъ, купленныхъ у помѣщика Устинова за 160 тыс. руб. ассиг., каменныхъ домахъ на берегу р. Волги, недалеко отъ стараго Троицкаго собора. Въ главномъ домѣ, лицомъ на Сергіевскую улицу, было три этажа. Нижній имѣлъ 12 оштукатуренныхъ комнатъ: средній—22. изъ коихъ 11 были отдѣланы подъ мраморъ, а остальные „выкрашены разныхъ цвѣтовъ колерами“. 24 комнаты верхняго этажа также были оштукатурены и расписаны разными красками. Съ наружной стороны домъ этотъ поддерживали 12 колоннъ и 10 полуколоннъ коринфскаго

1) Сарат. Листокъ, 1883., № 31.

2) Д. ст. с. Федоръ Лукичъ Переверзевъ правилъ Саратовской губерніей съ 1831 по 1835 г.

3) Дѣло архива Сарат. дух. семинаріи за 1834 г. № 89. Между тѣмъ въ существующихъ печатныхъ произведеніяхъ укрывается, что онъ воспитывался въ пензенск. дух. училищѣ.

4) Въ словарь Брокгауза, у Благосвѣтлова и Хованскаго разсказывается, что онъ изъ духовнаго училища поступилъ прямо въ Саратовскую семинарію. Въ дѣйствительности этого не могло быть, если послѣдняя открыта была лишь осенью 1830 года (Дѣло Сарат. Семинар. архива за 1830 г. и 1834 г. № 89).

ордена съ лѣпными украшеніями. Къ нему примыкалъ одноэтажный флигель, а рядомъ съ нимъ стоялъ двухэтажный въ 4 комнаты. Остальные дома находились во дворѣ: одинъ былъ въ два этажа съ 8 комнатами и одноэтажнымъ флигелемъ при немъ; другой—съ 4 комнатами внизу и 6-ю въ верхнемъ этажѣ: третій, называемый Котеневымъ, имѣлъ мезонинъ въ 8 комнатъ и 22 комнаты въ двухъ другихъ этажахъ, къ нему притѣнулся небольшой одноэтажный флигелекъ съ 4 конурками.

Главный домъ, старинной барской постройки, богато украшенный внутри, былъ отведенъ для помѣщенія воспитанниковъ. Въ немъ повсюду красовались громадныя стѣнные зеркала съ вызолоченною рѣзбою, столы мраморные или изъ краснаго и орѣховаго дерева; такого же дерева и ильмовые диваны—простые и турецкіе, кресла, стулья съ триковой, сафьянною и „бомбовой“ обивкой разныхъ цвѣтовъ. Подъ потолками блестяли позолоченныя лампы съ круглыми большими стеклами о трехъ и четырехъ рожкахъ. Потолки были орнаментованы бюстами древнихъ философовъ, героевъ, изображеніями боговъ и музъ. Стѣны, украшенныя картинами въ богатыхъ рамкахъ, съ изображеніями триумфальныхъ вѣздовъ и парадныхъ празднествъ, еще болѣе отѣняли причудливую роскошь внутренняго убранства.

Прочіе дома и флигеля во дворѣ, не столь богато обставленные, были предназначены подъ квартиры семинарскаго правленія, ректора, инспектора, преподавателей и прочихъ служащихъ.

Несмотря на такое обиліе помѣщеній, зданія эти далеко не обладали удобствами, необходимыми для духовнаго учебнаго заведенія. Въ нихъ не нашлось уголка, гдѣ можно было бы устроить домовую церковь, вслѣдствіе чего воспитанниковъ въ продолженіе 30 лѣтъ водили къ богослуженію въ соборъ. Дворъ семинарскій оказался столь малымъ, что негдѣ было завести необходимаго для школы садика, благодаря чему учащіеся корчили въ душныхъ стѣнахъ зданія и зимой, и лѣтомъ.

Въ виду того, что многія комнаты имѣли сравнительно малые размѣры, пришлось размѣстить учащихся во всѣхъ трехъ этажахъ по классамъ: риторики вверху, философы въ срединѣ, богословы—внизу.

Для приспособленія зданій къ болѣе удобному размѣщенію, семинарское правленіе заключило 19 Іюня 1831 г. съ купцомъ Пулькинымъ контрактъ на 14974 р. сер., но тотъ, войдя въ сдѣлку съ эконо-

номомъ Снѣжницкимъ, успѣлъ забрать все деньги прежде, чѣмъ выпознилъ взятый на себя подрядъ. И семинарія такимъ образомъ осталась на долгіе годы въ прежнихъ комнатахъ-клѣтушкахъ.

III.

Составъ воспитанниковъ и преподавателей. Первый ректоръ семинаріи о. Никодимъ. „Профессора“ Синайскій и Соколовскій. Курьезы съ ними. Г. С. Саблуковъ. Частая смѣна инспекторовъ. Второй ректоръ архимандритъ Спиридонъ.

Съ перваго же (1830—31) учебнаго года въ саратовской семинаріи былъ образованъ полный комплектъ двухгодичныхъ классовъ въ отдѣленьяхъ: низшемъ (риторическомъ), среднемъ (философскомъ) и высшемъ (богословскомъ). Составъ учащихся и учащихъ опредѣлился въ ней задолго до ея официальнаго открытія. Въ началѣ Сентября въ риторическій классъ ея было принято 172 воспитанника изъ духовныхъ училищъ, Саратовскаго, Камышинскаго и Петровскаго. По философскому отдѣленію зачислено 76, а по богословскому 41 ученикъ.

Составъ послѣднихъ двухъ отдѣленій былъ крайне разнообразенъ. Помимо переведенныхъ сюда воспитанниковъ пензенской семинаріи, въ нихъ попало нѣсколькихъ семинаристовъ изъ Петербурга, Уфы, Астрахани и другихъ городовъ. Были даже воспитанники такъ называемой армейской семинаріи, преимущественно дѣти полковыхъ священниковъ, на содержаніе коихъ ассигновывалась особая сумма изъ военнаго вѣдомства. о нихъ сообщались постоянныя свѣдѣнія оберъ-священнику арміи и флота и, по окончаніи курса, они поступали полковыми іереями; даже некончившіе курса обращались въ военное вѣдомство для занятія должностей церковниковъ при полковыхъ церквахъ.

Согласно Высочайше утвержденному 5-го Августа 1830 г. положенію объ этой семинаріи, первоначальный штатъ начальствующихъ лицъ и „профессоровъ“ въ ней былъ очень ограниченъ. Во главѣ были поставлены ректоръ съ инспекторомъ и четыре наставника. Въ составъ семинарскаго правленія входили секретарь, экономъ и двое письмоводителей.

Ректору было опредѣлено жалованье въ годъ 600 руб. ассигнаціями, столько же получали преподаватели,—лишь инспектору полагалось 300 р. добавочныхъ; экономъ и секретарь имѣли по 350 р. каждый, правленскіе письмоводители по 100 р. и письмоводитель при

экономъ 120 р. На содержаніе дома ассигновывалось 1500 р., больницы 400 р. и воспитанниковъ 12 т. р. въ годъ.

На должность ректора Комиссія духовныхъ училищъ назначила (11 Августа того же года) бакалавра С.-Петербургской академіи іеромонаха Никодима (Лебедева),—мужа великаго ума, необычайныхъ способностей и выдающагося знатока богословія съ посвященіемъ его въ санъ архимандрита*). Онъ обладалъ громаднѣйшими познаніями въ этой наукѣ и умѣло передавалъ ихъ слушателямъ. По отзывамъ обучавшихся у него, этотъ живой, энергичный, высокодаровитый профессоръ увлекалъ всѣхъ даромъ слова, имѣя при томъ замѣчательную память. Въ семинаріи онъ устроилъ особый классъ „объясненія свящ. писанія“, и когда разъяснялъ что-либо воспитанникамъ, то всегда дѣлалъ ссылки на тексты, указывая на память безошибочно не только главу, но даже стихъ изъ пророковъ или Евангелія. Иной разъ онъ до того увлекался объясненіями, что не слышалъ возвѣщавшаго о концѣ урока звонка, спокойно просиживая еще одинъ лишній часъ.

Къ сожалѣнію, „этотъ ученнѣйшій по своему времени мужъ“ (какъ о немъ говорили въ Саратовѣ) отличался крайней невоздержностью своего характера, былъ очень вспыльчивъ, а какъ начальникъ мало входилъ въ бытъ и нужды учащихся, жилъ замкнуто и былъ почти недоступенъ имъ.

Онъ также мало интересовался и хозяйственной частью заведенія, предоставивъ вѣдать дѣла этого рода эконому, священнику церкви Нерукотвореннаго Спаса, о. Іакову Снѣжницкому, который, имѣя съ подрядчиками сдѣлку, доставлялъ продукты и матеріалы сомнительной

*) Какъ видно изъ хранящагося въ архивѣ семинаріи послужного списка, онъ получилъ воспитаніе въ Костромской семинаріи, откуда поступилъ въ С.-Петербургскую академію. На третьемъ году академической жизни онъ постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ іеродіакона. По окончаніи академическаго курса посвященъ іеромонахомъ, удостоенъ степени магистра и назначенъ инспекторомъ Костромской семинаріи и профессоромъ въ „оной“ церковной исторіи и греческаго языка. Здѣсь онъ нѣкоторое время исправлялъ должность ректора, а въ 1829 г. перемѣщенъ бакалавромъ Петербургской академіи по классу богословскихъ науки, гдѣ состоялъ бібліотекаремъ и исправлялъ должность инспектора академіи.—Въ „Очеркахъ по исторіи Саратова,“ 1-84, стр. 101 г., Хованскій увѣрялъ, будто о. Никодимъ былъ вторымъ ректоромъ Саратовск. семинаріи. Очевидно, авторъ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что о. Никодимъ не присутствовалъ на открытіи этого учебнаго заведенія, прибывши въ Саратовъ нѣсколько позднѣе; а мѣсто его на торжествѣ освященія зданія занималъ инспекторъ іеромонахъ Іоаннъ.

свѣжести и достоинства. благодаря чему воспитанники щеголяли въ дырявыхъ сюртукахъ и кормились плохо, да еще и впроголодь.

Пробывъ въ Саратовѣ до 13 Мая 1833 года, о. Никодимъ, перевелся въ Иркутскую семинарію*). откуда перешелъ ректоромъ семинаріи и настоятелемъ Успенскаго монастыря въ Уфу (1836—1846 гг.), гдѣ совсѣмъ замкнулся въ своей квартирѣ, еще болѣе сдѣлавшись недоступнымъ для окружающихъ: появленіе его среди учениковъ считалось необычайнымъ. Прослуживши послѣ того нѣсколько лѣтъ въ Перми, онъ закончилъ свою карьеру въ Черниговской семинаріи, не удостоившись при всей своей учености, благодаря своему характеру, епископской митры.

На мѣсто инспектора былъ присланъ (6 Сентября) инспекторъ же Рязанской семинаріи іеромонахъ Іоаннъ, родомъ малороссъ изъ Полтавской губерніи, питомецъ Московской академіи, которую окончилъ со степенью магистра. Какъ начальникъ и профессоръ философскихъ наукъ, онъ пользовался репутаціей человѣка опытнаго и знающаго, любимаго учениками. Состоя въ семинаріи инспекторомъ, онъ въ то же время несъ обязанности ректора Саратовскихъ духовнаго, уѣзднаго и приходскаго училищъ, помѣщавшихся въ одномъ зданіи на Часовенной улицѣ. Къ сожалѣнію, о его административной и педагогической дѣятельности тамъ сохранилось мало свѣдѣній, такъ какъ онъ пробылъ въ Саратовѣ лишь до 24 Октября 1831 г., когда былъ перемѣщенъ на такую же должность въ Тверскую духовную семинарію.

Послѣ него, до пріѣзда въ Январѣ 1832 г. іеромонаха Анастасія, исполнялъ обязанности инспектора преподаватель Сокольскій, а уроки философіи давалъ Синайскій, одинъ изъ самыхъ выдающихся наставниковъ этой семинаріи въ первые годы ея существованія. Кромѣ философіи, онъ преподавалъ гражданскую исторію и греческій языкъ, въ знаніи котораго не имѣлъ себѣ соперниковъ. Какъ грековѣдъ, онъ былъ извѣстенъ далеко за предѣлами Россіи. Съ особенной страстью преподавалъ Иванъ Ѳедоровичъ ученикамъ этотъ предметъ, о которомъ готовъ былъ говорить цѣлый день, чѣмъ не рѣдко пользовались малоуспѣвающіе воспитанники, чтобы отвлечь его отъ спрашиванія заданнаго урока. Стоило, бывало, кому нибудь спросить его о той или иной филологической особенностяхъ языка онъ, искренно воодушевляясь, на-

*) Результатомъ его тамъ пребыванія было появленіе изданнаго имъ (въ 1840 г.) „Описанія Иркутскаго Вознесенскаго монастыря“.

чиналъ объясненія и до того увлекался, что забывалъ иногда задать урокъ къ слѣдующему дню. А когда ученики просили его прочитать что-нибудь по гречески, онъ точно перерождался тогда. Какъ повѣствуетъ В. М. Покровскій¹⁾, „при чтеніи классической литературы. И. Θ. переживалъ, можно сказать, блаженные минуты въ своей жизни, заключаая свое чтеніе самымъ значительнымъ тономъ, съ выразительнымъ наклоненіемъ головы: „да, вотъ какъ, господа!...“

Конечно, такая любовь наставника къ своему предмету не могла не дѣйствовать магически на учащихся. Въ его классѣ не было недоучекъ. Всѣ знали греческій языкъ такъ хорошо, что могли свободно объясняться на немъ. Для подтвержденія этого можно указать на такой фактъ.

Во время прохожденія курса И. И. Введенскимъ (1830—1832 г.) семинаристы перевели, подъ руководствомъ Синайскаго, твореніе Св. Аванасія Великаго „*О воплощеніи Бога-Слова и о тѣлесномъ Ею къ намъ пришестіи*“. Объ этомъ узналъ преосвященный Іаковъ²⁾, и предложилъ, по разсмотрѣніи перевода профессорами семинаріи, отослать его въ С.-Петербургскую академію съ просьбою напечатать „Слово“ въ „Христіанскомъ чтеніи“ или отдѣльно, „понеже оное можетъ быть особенно полезно для здѣшней епархіи, гдѣ имѣются люди въ значительномъ количествѣ жидовствующей секты,“ выразивъ Синайскому и ученикамъ, трудившимся въ переводѣ, свою признательность³⁾.

Переводъ быстро разошелся, давъ 589 р. 64 коп. чистаго дохода, изъ которыхъ 300 руб. преосвященный повелѣлъ отчислить на семинарскую библіотеку, а остальныя деньги правленіе выдало въ вознагражденіе И. Θ-чу, „доставившему пользу церкви и сдѣлавшему честь семинаріи“, ради „поощренія его къ дальнѣйшимъ трудамъ“.

Дѣйствительно, столь радушно принятый духовнымъ міромъ первый опытъ возбудилъ въ немъ рвеніе къ продолженію начатой ученой дѣятельности. Вскорѣ онъ составляетъ греко-русскій лексиконъ и русско-греческій словарь, книгу о греческомъ стихосложеніи, краткую греческую грамматику и наконецъ издаетъ переводъ подъ названіемъ „Сократово ученіе по Ксенофону“⁴⁾.

¹⁾ Труды Саратов. учен. архив. комиссіи 1902 г., вып. 22, стр. 40.

²⁾ Преосв. Іаковъ (въ мѣрѣ Ив. Вечерковъ) назначенъ на мѣсто Епископа Моисея въ 1832 г. Впослѣдствіи былъ епископомъ Нижегородскимъ. Въ Саратов. учен. архив. комиссіи находится интересный портретъ его бюстомъ.

³⁾ Дѣло Семинар. архива 1833 г., № 133.

⁴⁾ Дѣло Саратов. муж. гимназій за 1842 г. „О сочиненіяхъ старшаго учителя Синайскаго.“

Вслѣдствіе этого директоръ Гине пригласилъ его преподавателемъ греческаго языка въ классическую гимназію, въ которой оставался онъ до 1848 года, когда вышелъ въ отставку. Узнавъ о его такихъ блестящихъ способностяхъ, правленіе Московскаго университета предложило ему занять кафедру греческаго языка. Но почему то переводъ этотъ не состоялся тогда, хотя И. Ѳ. уже переѣхалъ на житье въ Москву, гдѣ и скончалъ свои трудовые дни *).

Не меньшимъ чудачествомъ и страстностью въ преподаваніи отличался другой наставникъ, Константинъ Максимовичъ Сокольскій, переведенный вмѣстѣ съ Синайскимъ изъ Пензенской семинаріи въ первые дни организаціи семинаріи Саратовской.

Въ низшемъ отдѣленіи послѣдней онъ преподавалъ риторику, а въ прочихъ—французскій языкъ и поэзію. Хотя особенной ученостью онъ не отличался, но любилъ свой предметъ, зналъ его основательно и умѣлъ вести занятія методами чисто практическими. Съ особеннымъ восторгомъ читалъ онъ оду „Богъ“ Державина, восхищаясь гармоніей стиховъ и глубиною содержанія. Въ доказательство ея художественности, онъ увѣрялъ воспитанниковъ, что ода эта выбита золотыми буквами на доскѣ во дворцѣ Китайскаго императора.

Съ воспитанниками Сокольскій обращался гуманно и очень снисходилъ къ ихъ шалостямъ и поступкамъ. Разъ былъ такой случай. Имѣлъ онъ привычку во время урока брать съ кафедры или партъ все, что попадалось ему подъ руку, клалъ на зубъ и раскусывалъ. Ученики какъ-то нашли орѣхъ со свещомъ, набили его нюхательнымъ табакомъ и положили на видномъ мѣстѣ. К. М., придя въ классъ, по обыкновенію, взялъ его въ ротъ и невольно отплюнулся. Потомъ повернулся и, не сказавъ слова, вышелъ изъ класса. Воспитанники ждали бури, но Сокольскій, какъ ни въ чемъ не бывало, явился на другой день въ классъ и продолжалъ старую привычку.

*) Къ этому В. М. Покровскій (Тр. Сар. уч. ар. ком., 42) добавляетъ, что И. Ѳ. все время семинарскаго службъ состоялъ секретаремъ семин. правленія. За высокій ростъ Ученики прозвали его „исполиномъ“. Кличка эта дана была ему случайно. Какъ то время урока „объ образѣ допотопнаго правленія“, Саблуковъ спросилъ малоуспѣвающаго ученика: „когда и гдѣ были исполины?“ Воспитаннику подсказываютъ сосѣди, „въ правленіи!“—„Въ какомъ?“—Ученикъ слышитъ подсказъ: „въ семинарскомъ“ и, не сообразивъ сразу насмѣшки надъ нимъ товарищей, смѣло отвѣтилъ: „въ семинарскомъ правленіи“. Конечно, раздался гомерическій хохотъ. Воспитанникъ растерялся и на вопросъ преподавателя: „какіе же тамъ исполины“, продолжалъ пояснять: „въ правленіи—два исполина: ректоръ и секретарь Синайскій, потому что оба высокаго роста“?

Въ 1848 г., вмѣстѣ съ И. Ѳ. Синайскимъ, онъ вышелъ въ отставку, прослуживъ по духовно-учебному вѣдомству полныхъ 25 лѣтъ.

Третьимъ преподавателемъ или, какъ называли тогда „профессоромъ“ новой семинаріи, былъ взятый прямо со школьной скамьи 27 лѣтній кандидатъ Московской академіи Гордѣй Семеновичъ Саблуковъ, изъ уроженцевъ Уфимской губерніи. Ему было назначено преподавать въ семинаріи общую гражданскую исторію и еврейскій языкъ. По отзывамъ лицъ, близко знавшихъ его, онъ явился туда съ большимъ запасомъ знаній не только по избраннымъ наукамъ, но и по другимъ предметамъ семинарскаго курса, благодаря чему одно время (съ 12 Мая по 25 Ноября 1833 г.) онъ „исполнялъ должность профессора философіи“. Однако прибывшій въ 1832 г. на Саратовскую кафедру епископъ Іаковъ (Вечерковъ) нашелъ его незавиднымъ преподавателемъ еврейскаго языка, хотя поздѣе (въ 1844 г.) профессоръ Казанской Академіи Ивановъ-Платоновъ „обнаружилъ въ немъ обширную эрудицію“¹⁾. Г. С-чъ былъ признанъ выдающимся знатокомъ какъ этого, такъ и арабскаго и татарскаго языковъ.

Возможно допустить мысль, что въ теченіе двухлѣтней службы въ Саратовской семинаріи онъ не успѣлъ освоиться съ взятой на себя педагогической обязанностью, не вошелъ, какъ говорятъ, „въ курсъ дѣла“ или же, скорѣе, не успѣлъ произвести выгоднаго на ревизора впечатлѣнія, благодаря своей скромности и застѣнчивости, изъ за которой терялъ многое и въ преподаваніи. По словамъ В. М. Покровскаго²⁾, особеннымъ краснорѣчіемъ онъ не отличался, говорилъ съ затрудненіемъ, подбирая слова для выраженія своей мысли. Г. С-чъ имѣлъ весьма здравый взглядъ на вещи и отличался тактомъ всегда ровнаго и неизмѣннаго отношенія къ окружающимъ. За это учащіеся его любили, а сослуживцы дорожили его мнѣніемъ. Поэтому семинарское правленіе назначило его (13 Января 1834 г.) помощникомъ инспектора, въ каковой должности оставался онъ до перехода его въ 1849 г. бакалавромъ Казанской академіи по кафедрѣ греческаго языка³⁾.

Слабѣе всѣхъ въ знаніи избранныхъ предметовъ—физико-математическихъ наукъ и нѣмецкаго языка—оказался четвертый учитель Іаковъ Андреевичъ Розановъ, изъ кандидатовъ же Московской академіи,

¹⁾ Д. Семинар. арх. 1844 г. № 47.

²⁾ Труды Саратов. учен. архив. комис. в. 22, стр. 43.

³⁾ Д. Семинар. арх. 1849 г. № 85.

назначенный въ Саратовскую семинарію одновременно съ Саблуковымъ. На первыхъ порахъ своей педагогической дѣятельности, онъ какъ-будто хотѣлъ научить чему-то семинаристовъ, но у него ничего не выходило, отчасти за недостаткомъ учебныхъ пособій, а больше потому, что математика прививалась къ ученикамъ плохо: самъ же преподаватель не старался энергичнѣе вложить въ нихъ сѣмена знаній. Отзываясь больнымъ, онъ сталъ рѣже посѣщать классы, а когда являлся туда, то, не объясняя ничего, молча ходилъ весь урокъ взадъ и впередъ по одной половицѣ и, какъ только раздавался звонокъ, обращался къ ученикамъ, — указывая по книгѣ „выучить отсюда до сюда“ или „къ слѣдующему классу повторить старое.“ Пробывши преподавателемъ 10 лѣтъ, Я. А. оставилъ семинарію (въ 1840 г.) и умеръ протоіереемъ въ г. Камышинѣ.

Такъ на первыхъ порахъ существованія Саратовской Семинаріи выразился составъ ея начальствующихъ и учащихъ. За время пребыванія въ ней И. И. Введенскаго (1830—1834 гг.) увеличенія преподавательскаго персонала не было, кромѣ перетасовки административныхъ лицъ.

На мѣсто переведеннаго въ Иркутскъ архимандрита Никодима, по предписанію Правленія Московской духовной академіи отъ 22 Апрѣля 1833 года, былъ назначенъ слабоумный и болѣзненный іеромонахъ Анастасій, занимавшій послѣ о. Іоанна должность инспектора и преподававшего семинаристамъ философію, но далеко не въ той мѣрѣ и съ знаніемъ дѣла какъ того требовалъ епископъ Іаковъ. Послѣдній 9 Января 1833 года писалъ Семинарскому Правленію: „Довольный количествомъ и качествомъ ученическихъ сочиненій по классамъ богословія и словесности, симъ предлагаю Правленію взять отзывъ отъ профессора философіи іером. Анастасія, почему онъ, вопреки моему предложенію, задавалъ ученикамъ въ продолженіи Сентябрьской трети 1832 г. не по три упражненія въ мѣсяцъ, а только по одному и тѣмъ, какъ видно изъ ученическихъ сочиненій, оставилъ умы ихъ спячкѣ и безъ раскрытія.“ *)

Получивъ предписаніе владыки принять отъ ректора строгія, деньги, вещи и книги, о. Анастасій почувствовалъ себя совсѣмъ нездоровымъ и совершенно неспособнымъ къ прохожденію ввѣренной ему должности. Онъ сталъ проситься на покой въ Донской монастырь.

*) Д. семин. архива за 1833 г. № 108.

Желаніе его было уважено. Комиссія духовныхъ училищъ назначила 26 Ноября на мѣсто инспектора въ Саратовскую семинарію кандидата (С.-Петербургской академіи, іеромонаха Евангелла (Благовѣщенскаго), а ректоромъ (29 числа этого мѣсяца) инспектора Псковской духовной семинаріи архимандрита Спиридонова (Граціана), который пробылъ тамъ до 1849 года.¹⁾

Первый изъ нихъ оказался не лучше своего предмѣстника по своимъ физическимъ силамъ, часто болѣлъ и по нездоровью отсутствовалъ изъ семинаріи цѣлыми мѣсяцами, вслѣдствіе чего, какъ указано выше, ему данъ былъ въ помощники Г. С. Саблуковъ. Протянувъ до 3 Іюня 1835 г., о. Евангеллъ отошелъ съ христіанскимъ напутствіемъ въ вѣчность.

Назначенный одновременно съ нимъ ректоромъ добрѣйшій о. Спиридонъ не отличался большой ученостью и не имѣлъ высокихъ дарованій, но вѣрно понималъ характеръ духовнаго воспитанія. Схолластичность преподаванія богословской науки ему была не по душѣ. Поэтому онъ взялъ другія приемы вразумленія. Чтобы заложить болѣе фундаментально въ юныя души знанія христіанскаго вѣроученія, онъ заставлялъ учениковъ прочитывать въ подлинникахъ творенія Св. Отцовъ и учителей церкви, дабы они имѣли дѣйствительную богословскую начитанность и разумѣли бы самый поводъ, по которому высказана авторомъ та или другая мысль. Но чтобы трудъ этотъ для воспитанниковъ не былъ обременителенъ и они не понимали бы мысли св. отцовъ превратно, онъ установилъ очередь, что кому заучивать, послѣ чего призывалъ очереднаго ученика къ себѣ, гдѣ онъ сначала передъ нимъ объяснялъ приготовленный текстъ, а потомъ въ исправленномъ видѣ читалъ сочиненіе въ классѣ. А какъ творенія Св. Отецъ въ то время не были еще переложены на отечественный языкъ, то открывалась и другая польза въ такомъ преподаваніи: по мимо приученія къ самостоятельности, семинаристы болѣе основательно знакомились съ древними языками.²⁾

Знанія этихъ языковъ поощрялъ преосвященный Іаковъ, оказывая свое благоволеніе тѣмъ воспитанникамъ, которые ими хорошо занимались. Семинаристы часто пользовались этой его слабостью, и если хотѣли вымолить себѣ какую нибудь милость, то обязательно подавали ему прошенія на латинскомъ языкѣ.

¹⁾ Д. Семин. арх. 1833 г., № 63 и 65.

²⁾ Труды Сарат. учен. арх. комиссіи, в. 22, стр. 51.

Къ сожалѣнію, послѣдній предметъ на первыхъ порахъ хромалъ въ семинаріи. такъ какъ особыхъ учителей по нему не было, а преподавали тѣ изъ наставниковъ, которые давали уроки по спеціальнымъ наукамъ: въ низшемъ отдѣленіи учитель риторики, въ среднемъ—преподаватель философіи, въ высшемъ— „профессоръ“ богословія.

IV.

Открытіе семинаріи. Начало занятій въ ней. Режимъ. Заботы о ней епископовъ Моисея и Іакова. Крупныя мѣры противъ преподавателей. Недостатокъ учебныхъ пособій. Проповѣди. Ученическія сочиненія Введенскаго. Успѣхи его въ прочихъ наукахъ. Окончаніе курса и поступленіе въ академію.

Открытіе Саратовской семинаріи по заранѣе составленному церемониалу было совершено торжественно епископомъ Моисеемъ*) въ воскресенье 26 Октября 1830 года. въ присутствіи представителей мѣстной администраціи, духовенства, любителей просвѣщенія и прибывшихъ къ этому времени инспектора о. Іоанна, Секретаря Сокольскаго, профессора Синайскаго и эконома о. Снѣжницкаго, которые на первыхъ порахъ составили семинарское правленіе.

Официально классныя занятія открылись со вторника 28 числа, однако на всѣ старанія владыки, они не могли продолжаться пунктуально. вслѣдствіе отчасти непробытія къ этому времени нѣкоторыхъ наставниковъ, а главнѣе всего—изъ-за свирѣпствовавшей въ ту пору въ Саратовѣ холеры, благодаря которой ученье было прервано опять съ половины Іюня слѣдующаго года. Лишь съ Ноября семинарія вошла въ назначенную ей колею.

Проосвященный Моисей заботливо относился къ своему дѣтищу: при всякомъ удобномъ случаѣ лично посѣщалъ классы во время уроковъ, внимательно слѣдилъ за преподаваніемъ, вникая въ будничную жизнь семинаріи и стараясь о возможномъ ея улучшеніи. Къ сожалѣнію, судьба не дозволила ему видѣть плоды дѣлъ своихъ. Онъ не дождался даже перваго выпуска изъ семинаріи воспитанниковъ, получивъ въ половинѣ 1833 г. назначеніе экзархомъ Грузіи. Саратовскую кафедру послѣ него занялъ епископъ Іаковъ, не менѣе своего мудраго предмѣстника болѣвній душой за просвѣщеніе народное. Отличаясь

*) Преосв. Моисей былъ первымъ епископомъ образованной по высочайшему повелѣнію 3 Ноября 1828 г. Саратовско-Царицынской епархіи (3-го разряда), переведенный туда изъ епископовъ Вологды.

высокими нравственными качествами, горячей ревностью къ православію и отеческой любовью къ юношеству, прибывшій архипастырь не только неусыпно наблюдалъ за всѣми сторонами семинарской жизни, но онъ входилъ во всякую подробность, въ каждую мелочь. Какъ пишетъ о. Покровскій, „ничто не могло пройти мимо него незамѣченнымъ, безъ надлежащаго указанія и участія съ его стороны. Забота и работы его по семинаріи заслоняли почти другихъ дѣятелей, стоявшихъ въ непосредственныхъ къ ней отношеніяхъ.“

Кромѣ собственнаго желанія познакомиться ближе съ жизнью этого заведенія, успѣхами воспитанниковъ и дѣятельностію начальствующихъ и учащихся, владыка имѣлъ еще порученіе отъ комиссіи духовныхъ училищъ обревизовать семинарію со всѣхъ сторонъ—учебной, нравственной и экономической.*) Поэтому сейчасъ же по пріѣздѣ онъ потребовалъ отъ архимандрита Никодима присылки ему конспектовъ всего пройденнаго наставниками въ теченіе двухгодичнаго курса, разрядныхъ списковъ учениковъ съ обозначеніемъ успѣховъ по разнымъ предметамъ, ученическихъ сочиненій и вѣдомостей о семинарскихъ суммахъ.

Даже при бѣгломъ обзорѣ оказалась большая недостака въ Семинаріи книгъ и учебныхъ пособій для полнаго прохожденія курса. Не было физическаго кабинета, не доставало картъ, плановъ и наглядныхъ руководствъ, въ библіотекѣ, на содержаніе которой отпускалось лишь 114 руб. въ годъ, нашлось всего 590 книгъ, набранныхъ безъ системы, случайно „отъ добрыхотныхъ дателей.“ добрая половина коихъ для ученія не была нужна, а другія—устарѣли.

Вслѣдствіе этихъ важныхъ недостатковъ воспитанники не были ознакомлены хотя бы въ малой степени съ основаніями дифференціального и интегрального исчисленій, съ Православной пасхаліей и, что всего болѣе странно, даже съ математической географіей. „Не преподава была археологія, кромѣ изъясненія на литургіи.“ По богословію замѣчено, что ученикамъ „не были даны письменные образцы изъясненій на какуюнибудь книгу Св. Писанія, по преподаннымъ правиламъ богословія изъяснительнаго.“ Особенная неуспѣшность преобладала въ знаніи еврейскаго языка.

При разсмотрѣніи ученическихъ упражненій владыко замѣтилъ, что ученики, исключая нѣкоторыхъ въ высшемъ отдѣленіи, большихъ

*) Д. Семин. арх. 1832 г., № 58.

разсужденій не сочиняли; а краткихъ—весьма многіе не подавали со-
вѣтъ; изъ числа поданныхъ сочиненій нѣкоторыя не разсматривались
наставниками.

Примѣняясь къ порядку, заведенному въ кievской академіи, вла-
дыка назначилъ на Сентябрь и Октябрь мѣсяцы 1832 г. частныя и
публичныя испытанія какъ выпускнымъ, такъ и прочихъ двухъ клас-
совъ воспитанникамъ, самъ намѣтивъ программу ихъ и самъ же
производилъ экзамены.

Въ первый день богословы „по жребію“ отвѣчали на устные
вопросы, ученики средняго отдѣленія писали разсужденіе на тему:
„*Quid facit ad iram comprehendam?*“ а риторики составляли „хрію“ на
предложеніе: „*Добродѣтель сама себя служитъ наградой.*“ На другой
день въ богословскомъ классѣ былъ также устный экзаменъ: философы
же и ритористы отдѣлывали сочиненія на темы: первые—„*чѣмъ пре-
имущественно доказывается безсмертіе души?*“ вторые хрію—„*Deus
amandus est.*“ Въ третій день устныя испытанія происходили въ сред-
немъ и низшемъ классахъ: богословы составляли разсужденіе на текстъ
Евангелія отъ Матвѣя гл. XVI. ст. 25: „*Иже бо аще хочетъ душу
свою спасти,—погубитъ ю: и иже аще погубитъ душу свою Мене ради,—
обръщеть ю.*“ На четвертый день отвѣчали устно философы, а прочіе
писали „устные“ отвѣты: богословы на вопросъ: „*Quam obcausam
Jesus Christus in statu exinanitionis apparuit in terra?*“ а риторики—
„*Больше пользы или вреди произошло отъ крестовыхъ походовъ.*“ *).

Публичныя испытанія представляли собой нѣчто, вродѣ нынѣш-
нихъ актовъ, о которыхъ были извѣщены заблаговременно предста-
вители мѣстныхъ учреждений и публика. Въ назначенный праздничный
день, въ одной изъ самыхъ большихъ комнатъ средняго этажа (рекре-
аціоннаго зала въ то время въ семинаріи еще не было) былъ поста-
вленъ большой столъ, накрытый краснымъ сукномъ, позади него стояли
кресла для владыки и почетныхъ гостей. Ученики были размѣщены
шеренгами противъ, по бокамъ ближе къ столу сидѣли семинарскіе
власти и наставники. Конечно, воспитанниковъ подготовляли заранѣе
къ отвѣтамъ на извѣстные вопросы, которые должны были задавать
преподаватели: наконецъ все было приготовлено.

Когда преосвященный показался въ дверяхъ экзаменаціонной
комнаты, семинаристы грянули: „*Царю Небесный.*“ По окончанія мо-

*) Труды Сарат. уч. арх. комис., в. 22, стр. 31.

литвы, владыко благословилъ всѣхъ и занялъ приготовленное мѣсто. За нимъ усѣлись остальные приглашенные. Начались устные испытанія. Сначала вызывали богослововъ, за ними философовъ, напоследокъ риториковъ. Какъ только они кончились, воспитанники пропѣли „Днесъ благодать Св. Духа нисъ собра.“ Послѣ того, въ томъ же порядкѣ „по жребію“ вызывались ученики на эстраду читать составленные ими разсужденія на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ заключеніе хоръ спѣлъ: „Достойно есть.“¹⁾

Конечно, не трудно было понять, что такія испытанія всегда оканчивались блистательно. Если же кто либо изъ гостей замѣчалъ недостатки въ отвѣтахъ учениковъ, то спокойно умалчивалъ, не желая дѣлать непріятное владыкѣ. Поэтому, видимо, несмотря на замѣченные самимъ же имъ плохіе успѣхи учащихся, изъ числа окончившихъ въ этомъ году воспитанниковъ 13-ть было выпущено по 1-му разряду, 20-ть по второму, и только трое по 3-му и трое—въ всякаго разряда.

О результатѣ своей ревизіи преосвященный донесъ комиссіи духовныхъ училищъ. Въ томъ же году Правленіе Московской Духовной академіи предписало семинарскому начальству принять мѣры „къ побужденію учениковъ заниматься съ должнымъ раченіемъ еврейскимъ языкомъ.“ а также „имѣть неослабное наблюденіе, чтобы ученическія сочиненія неупустительно сопровождаемы были здоровою критикою и надлежащими исправками со стороны наставниковъ, воспитанники средняго класса упражнялись бы не въ однихъ только критикахъ, но и въ пространныхъ сочиненіяхъ, каковы суть: разсужденія, опыты разборовъ лучшихъ мѣстъ классическихъ писателей, проповѣди и проч.“ Требовалось также и отъ богослововъ, чтобы они занимались сочиненіями не однихъ только проповѣдей, но и „опытами изъясненія мѣстъ Свящ. Писанія, разборомъ избранныхъ рѣчей отцовъ церкви и т. д.“²⁾

Замѣченные недостатки, конечно, были поставлены въ вину прежде всего ректору семинаріи о. Никодиму, какъ неумѣло руководившему ввѣреннымъ его попеченію дѣломъ. Послѣдній почелъ себя обиженнымъ и предпочелъ перевестись въ Иркутскъ.

Занявшій его мѣсто архимандритъ Спиридонъ ввелъ нѣсколько иной режимъ, относясь къ воспитанникамъ по отечески и откликаясь

¹⁾ Д. Семин. арх. 1832 г. № 55.

²⁾ Д. Семин. арх. 1832 г. № 58.

на ихъ нужды. Благодаря гуманности его и прочихъ профессоровъ, въ семинаріи отсутствовала чрезмѣрная строгость, какую ввелъ потомъ прибывшій въ Августѣ 1838 г. инспекторъ іеромонахъ Тихонъ (Солнцевъ). Наставники обращались съ воспитанниками, какъ съ людьми взрослыми. Имъ предоставлена была свобода, за ними никто не шпионилъ и рѣдко ихъ подвергали наказаніямъ, развѣ ужъ за очень большіе проступки.

Новый ректоръ придерживался мудраго правила: „добрый методъ ученія состоитъ въ томъ, чтобы способствовать къ раскрытію собственныхъ силъ и дѣятельности разума въ воспитанникахъ.“ Съ этою цѣлью онъ старался выработать въ учащихся чистоту языка и пониманіе мысли сдѣланнаго изъ Св.-Отческихъ твореній перевода, слѣдя за способностями, прилежаніемъ и знакомствомъ учениковъ съ классическими языками.

Какъ богословъ, особенное вниманіе удѣлялъ онъ воспитанникамъ высшаго отдѣленія, стараясь выработать у нихъ болѣе всего проповѣдническій стиль.

На эту мысль наводитъ насъ сохранившаяся въ рукописномъ отдѣлѣ Саратовской ученой архив. комиссіи тетрадка въ 8 долю листа, написанная рукою П. И. Введенскаго, съ поправками о. Спиридона. Въ ней заключаются два „Слова“ одно „Надгробное,“ составленное по случаю кончины какого то воспитанника семинаріи на текстъ: *„Человѣкъ, яко трава, днѣе ея.—яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтаетъ, яко духъ преиде въ немъ, и не будетъ и не познаетъ къ тому мльста своего. Милость же Господня отъ вѣка и до вѣка на боящихся ея.“*

Слово это вполне закончено и подъ нимъ имѣется подпись: „3 Апрѣля 1834 г. Иринархъ Введенскій.“ А ниже резолюція о. Спиридона: *„Приготовить къ лучшему. пливному и не скорому произнесенію въ церкви.“* Во второмъ „Словѣ“ на текстъ Евангелія Іоанна гл. XIX, ст. 6: *„Поймите Ею вы и распните: азъ бо не обрѣтаю въ Немъ вины,“*—конецъ оторванъ и нельзя съ точностью опредѣлить когда оно сочинено. Можно лишь догадываться, что оно составлено П. И-чемъ также въ Апрѣлѣ этого года, т. е. на послѣднемъ богословскомъ курсѣ.

Судя по глубинѣ мысли и живости изложенія, Введенскій уже въ ту пору имѣлъ зачатки сдѣлаться впоследствии недюжиннымъ писателемъ и проповѣдникомъ. Взятые съ богословской точки зрѣнія, взгляды

его на жизнь человѣческую и людскую злобу представляютъ и теперь большой интересъ. Видимо, много передумалъ онъ прежде, чѣмъ излить свои мысли на бумагѣ:

„Человѣкъ—превосходное твореніе десницы Всевышняго,—такъ писалъ онъ въ первомъ „Словѣ“,—въ планѣ неиспытанныхъ судебъ творческихъ поставленное во владыку земли,—краса и вѣнецъ видимой природы; но за всѣмъ тѣмъ человѣкъ,—*„яко трава“* увядаемая на полѣ злачномъ, *„оніе еи“*, которые, по премудрому намѣренію Создателя, никогда не должныствовали бы кончиться,—*яко цвѣтъ сельный*,—*такъ отцвѣтетъ* въ самое короткое время. Послѣ сего, что будетъ значить для человѣка жизнь и самое названіе, повидимому, высокое—человѣкъ? Едва только начинается онъ наслаждаться жизнью, какъ смерть уже возноситъ острую косу свою на посѣченіе его, и падаетъ онъ наряду съ прочими животными, яко трава подъ рукою селянина... Въ семь случаѣ не отличается небесная роза отъ дикихъ цвѣтовъ, но не равно ли бурный вихрь истребляетъ всякій цвѣтъ и адскую траву? Не равно ли и человѣкъ упадаетъ отъ ядовитаго дуновенія смерти?

„Обратите взоры на лежащаго среди сего плачевнаго собранія юношу, узвѣннаго ядовитымъ жаломъ смерти! Посмотрите на повивальныя пелены мертваго! Вотъ что досталось ему отъ міра, надъ которымъ онъ поставленъ быть владыкою! Гдѣ здѣсь тѣ знаки, по коимъ бы можно было отличить, что онъ—человѣкъ!

„Боже великій! для того ли Ты даруешь намъ бытіе, чтобы почти въ ту же минуту отнять оное? Вѣра! Гдѣ твои чудеса? Исусе сладчайшій! Или Тебѣ возможно было воскресить одного токмо Лазаря, покоющагося сномъ непробуднымъ?

„Исусе Сладчайшій! Отъ Тебя мы всего надѣемся! Вѣра утѣшаетъ насъ: не для здѣшной жизни мы сотворены!

„Такъ для христіанина жизнь сія не драгоценна, и смерть для него не отвратительна, потому что онъ очами вѣры не видитъ въ ней никакихъ ужасовъ и почитаетъ ее переходомъ къ вѣчному блаженству.

„Что значить міръ для воспитанника Евангелія? Мѣсто испытанія, откуда онъ безпрестанно хочетъ перейти въ отечество свое—селенія небесныя.

„Миръ ненавистенъ ему, потому что въ немъ нельзя найти тѣхъ благъ, для пріобрѣтенія которыхъ производитъ насъ природа. Будучи подверженъ переменамъ, ежеминутно вращается вокругъ себя человѣкъ и ни на чемъ не остановится. Утомленная превратностью мірскою мысль не находитъ ничего, на чемъ бы могла хоть нѣсколько успокоиться.

„Миръ ненавистенъ христіанину, ибо ему постоянно приходится опасаться, какъ бы хитрость мірская не отравила его сердце ядомъ непозволительныхъ удовольствій; какъ бы не содѣлаться жертвою его злобныхъ обольщеній! А въ мірскихъ удовольствіяхъ, кромѣ зла, нѣтъ ничего для истинно вѣрующаго...

„Миръ ненавистенъ человѣку еще потому, что онъ безжалостно язвитъ сердце острыми стрѣлами жесточайшихъ мученій: бѣдность, гадь, мучительныя болѣзни.

„И только при свѣтѣ Евангелія онъ видитъ, что ему потребны высшія блага міра. Его сердце, его душу влечетъ къ тому источнику, изъ коего они воспріяли свое начало. Богъ—вотъ предметъ его желаній! Его духъ—это, если такъ можно выразиться, изліяніе Божества,—съ жаромъ стремится паки соединиться съ своимъ Творцемъ,—какъ нѣжное дитя, не видя предъ собою любезной матери, жаждетъ облобызать ее...

„Не боятся смерти истинный гражданинъ Благодатнаго Царствія Христова, не боится и тогда, если воспоминанія о прежде содѣянныхъ порокахъ наносятъ ему нѣкоторое безпокойство. Одно сознаніе, что оныя проступки омыты слезами сердечнаго раскаянія, уже вливаетъ въ его душу спокойствіе; а священное таинство причащенія, которое онъ пріемлетъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, вѣра и Евангеліе, начертанныя на сгибахъ его сердца, живописуютъ очамъ души его безпредѣльную благодать милосерднаго Бога.

„Когда усопшій нашъ братъ, находясь въ здоровомъ разсудкѣ, но уже при вратахъ смерти, былъ, по его желанію, напутствованъ Св. Тайнами,—онъ произнесъ съ умиленіемъ: „Я умираю спокойно, ибо надѣюсь на благодать и премудрость Творца Небеснаго!“

„Такъ, при боговдохновеніяхъ вѣры, христіанинъ съ брэннаго одра смерти, чрезъ милліоны міровъ, сквозь твердь небесную, зреть

уже Бога, держащаго въ десницѣ своей нетлѣнные вѣнцы славы, ими же вѣнчается любящихъ Его. О, если бы, въ сію минуту разверзлись надъ нашими главами небеса, ежели бы мы узрѣли праведниковъ, веселящихся во главѣ радованія одесную Бога Отца: если бы каждый изъ насъ узрѣлъ токмо отца или мать свою, брата или сестру въ числѣ праведниковъ, наслаждающихся благами, то кто бы изъ насъ не воскликнулъ: „*Коль возлюблены селенія Твои, Господи силъ! когда прииду и явлюсь лицу Твоему!*“

„О. Иисусе Сладчайшій! Мы хотимъ быти выну съ Тобою: но еще узы плоти удерживаютъ насъ на земли. Припадая къ престолу Твоего величія, молимъ Тя недостойніи: упокой душу преставившагося брата нашего, „идѣ же нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безкопечная“! Аминь“.

Во второй рѣчи обращаютъ на себя вниманіе интересныя разсужденія автора о суетѣ мірской, какъ причинѣ всѣхъ золъ и бѣдствій въ жизни человѣческой.

„Съ того времени,—говоритъ онъ,—какъ зло очаровало вселенную, какъ человѣкъ погрязъ въ бурномъ морѣ страстей своихъ, міръ сдѣлался землею проклятія; зло всюду разлило тлетворный ядъ свой. Человѣкъ учинился смѣшнымъ игралищемъ гнусныхъ вождѣленій своихъ. Истина съ воплемъ улетѣла въ превыспренняя своя. Кругъ дѣяній человѣческихъ получилъ инаковый видъ. Общественная связь—подъ развалинами разврата и вражды.

„Посмотримъ—кто въ мірѣ вѣнчается? гордый! Кто превозносится?—высокоумный. Кто умилоствляется?—Пронырливый и льстивый. Кто такъ страдаетъ подъ тяжкимъ бременемъ хитрообразной клеветы? Честный.—Кто здѣсь стенаетъ? Обиженный. Кто такъ осмѣливается? Простодушный и смиренный. Кто здѣсь повергается долу отъ ударовъ жестокия руки? Слабый. Кто тамъ въ жару неистовыхъ страстей своихъ сосетъ кровь изъ подобныхъ себѣ? Свирѣпый. Кого здѣсь гонять? Блюстителя закона и правды! Кого тамъ ненавидятъ? Добродѣтельнаго. Кто здѣсь проливаетъ горькія слезы и со вздохами вопіетъ на небо: „Отче, вскую мя оставилъ еси“? Невинный. Но Иисусъ Христосъ есть самая чистѣйшая невинность, есть самый источникъ добродѣтели; такъ удивительно ли, что онъ страдалъ въ то время, когда носилъ на себѣ знакъ раба? Удивительно ль, что жестокіе тираны, измучивъ его,

пригвоздили ко кресту? О, міръ! О, жилище адово! Въ тебѣ и подлая зависть беретъ верхъ надъ всѣмъ священнымъ...

„Едино лишеніе милостей кесаревыхъ заставило лить неповинную кровь Агнца Божія: „*аще сею отпустиши,—нѣсть другъ кесарю*“. Вотъ какъ дѣйствуетъ въ сердцахъ человѣческихъ подлая боязнь и гнусное малодушіе! Вотъ какъ исчезаютъ права священнѣйшія! Въ мірѣ лучше поставляютъ погибнуть невинному, нежели лишиться милости порочнаго благодѣтеля! Человѣкъ изъ малѣйшей корысти всегда готовъ отнимать жизнь у подобныхъ себѣ“...

Какъ можно судить по описанію Г. Е. Благосвѣтлова, взглядамъ, высказаннымъ, можетъ быть, подъ какимъ либо наитіемъ, въ пору юности, остался вѣренъ Иринархъ Ивановичъ и во всю остальную трудовую жизнь свою.

Судя по вышеприведенной датѣ, оба сочиненія эти были написаны 20-ти-лѣтнимъ Введенскимъ въ послѣдній годъ его пребыванія въ Саратовской семинаріи, за три мѣсяца до выпуска. Къ сожалѣнію, по документамъ семинарскаго архива, невозможно было розыскать, какъ жилъ онъ, учился, велъ себя и каковы были успѣхи его въ другихъ классахъ за время четырехлѣтняго тамъ прозябанія. Соображаясь съ оказываемымъ ему благоволеніемъ ректора и какъ видно, изъ выданнаго ему 17 Іюля 1834 г. выпускнаго аттестата, учился онъ не плохо. Однако, несмотря на его „быстрыя способности“, при „ревностномъ прилежаніи“, окончилъ онъ богословскій курсъ „по второму разряду“, хотя первымъ.¹⁾

По богословію, физикѣ и математикѣ была выставлена ему отмѣтка „хорошо“ изъ философіи, исторіи гражданской и церковной— „весьма хорошо“, русской словесности и французскаго языка— „отлично“,²⁾ а по греческому языку—даже „отлично хорошо“. Только нѣсколько подгулялъ еврейскій языкъ, за который его наградили отмѣткою лишь „похвально“. Повидимому, не попалъ онъ въ число „перворазрядниковъ“, благодаря своему поведенію, отмѣченному „довольно хорошо“ что въ то время считалось мало удовлетворительнымъ³⁾.

¹⁾ Это былъ второй выпускъ изъ Сарат. семинаріи: закончило образованіе 38 чел., изъ коихъ 11 по первому разряду, 23—по второму и четверо по третьему.

²⁾ Какъ рассказываютъ, будучи въ семинаріи, П. И. изучалъ и простонародную французскую рѣчь, заводя знакомство съ рабочими и служащими мѣстнаго французскаго завода; съ этой же цѣлью „якшался“ онъ и съ нѣмцами.

³⁾ Д. Семинарск. архива 1834 г., № 89.

Причина этому, какъ говорятъ, была его слабость къ спиртнымъ напиткамъ, за что онъ перѣдко саживалъ въ карцерѣ, а однажды, послѣ изрядной попойки, заплатился нѣсколькими мѣсяцами бѣлой горячки.

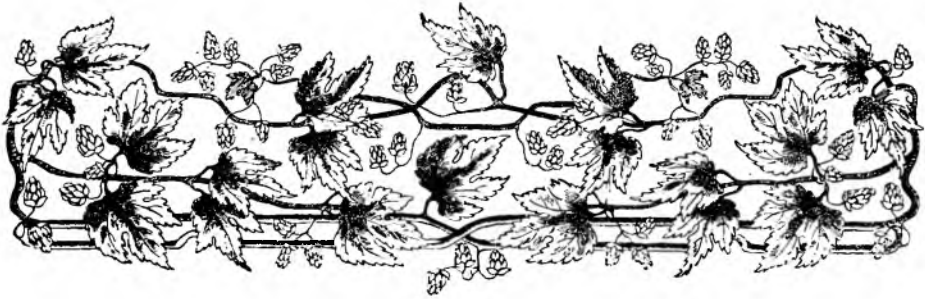
По этой причинѣ, увѣряетъ И. Ф. Хованскій, „семинарское начальство¹⁾ не рѣшилось послать его въ духовную академію“, и онъ будто бы отправился туда „волонтеромъ“. Какъ бы то ни было,—но Введенскій одинъ изъ выпуска этого года „послѣ произведеннаго испытанія“, былъ принятъ въ число студентовъ Московской академіи 4 Сентября 1834 года, о чемъ академическое начальство тогда же извѣстило семинарское правленіе.²⁾

П. Юдинъ.

¹⁾ Скорѣе всего, надо думать, пренятствовалъ этому ядовитый инспекторъ о. Тихонъ, никому не желавшій добра и особенно неблаговолившій къ Введенскому.

²⁾ Д. Семин. арх., 1834 г., № 131.

РѢДКІЯ И ЦѢННЫЯ ИЗДАНІЯ,

собранныя В. М. Остроглазовымъ.

Гирисъ Владимиръ. Права христіанъ на востоѣ по мусульманскимъ законамъ. Диссертація за степень Магистра арабской словесности. С.-Петербургъ. 1865 г. II (ненум.)+IV+107+II+III (ненум.) стр.

Рѣдкость. „По большому каталогу Шибанова 1899 года цѣна сей книги—1 р. 50“.

Гіонъ-де-ла-Мотъ. Избранныя сочиненія или изъясненія и размышленія на Притчи, Екклесіастъ, Пѣснь Пѣсней и Премудрость Царя Соломона и на премудрость Іисуса сына Сирахова, руководствующія ко внутренней жизни. Въ пяти книгахъ. Переводъ. Москва 1823 г. II (ненум.)+442+II+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Книга запрещенная. См. „Алфавитный каталогъ изданій на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи, составленный въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати по 1-января 1894 г.“ Спб. 1894 г. Цѣна по антикварнымъ каталогамъ этой книги отъ 3 до 5 р. См. *Книжные рынки* П. М. Остроглазова, стр. 42-я.“

Гіонъ. Краткій и легчайшій способъ молиться. С. Петербургъ. 1821 г. VIII (ненум.)+XIV+180+XII+I (ненум.)

Рѣдкость. „Книга эта была напечатана два раза: въ 1821 и 1822 году. Оба изданія были запрещены. Въ докладѣ Министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишкова Императору Александру I-му о вредномъ направленіи нѣкоторыхъ книгъ, изданныхъ въ 1820 годахъ, по поводу этой книги сказано: „Обыкновенно говорится: краткій и легчайшій способъ красить сукна, или мочить пеньку, или дѣлать что-нибудь подобное; но слыхано ли, чтобы былъ краткій и легчайшій способъ молиться? Можно ли молитву уподоблять какому-либо ремеслу, къ обученію котораго предлагается краткій и легчайшій способъ? Не насмѣшка ли это надъ человѣческими понятіями о молитвѣ? И еще просто

сказано молиться, не говоря кому, Богу или дьяволу; ибо можно и сему послѣднему молиться. Нужно ли по одному сему заглавію разсуждать о сей книгѣ еще далѣе?" См. *Записки Адмирала А.-С. Шишкова*, стр. 63-я. *Материалы для библиографіи* Березина-Ширяева 3-я книжка Спб. 1868 г. страница 20-я. Скабичевскій, *Очерки по исторіи русской цензуры*, Спб. 1883 г. стр. 205-я.

Гіонъ. О послѣдованіи младенчеству Иисуса Христа. Образцу совершенства для всѣхъ состояній. С.-Петербургъ. 1823 г. IV (нenum.) +XIX+137 стр.

Рѣдкость. „Книжка эта. вмѣстѣ съ другими сочиненіями Гіона, была запрещена. По поводу сей книжки Филаретъ Митрополитъ Московскій сообщилъ А. В. Горскому слѣдующее: Я былъ уже Московскимъ (архипастыремъ). Вышла книга „О подражаніи младенчеству Иисуса Христа“. Князь Александръ Ник. Голицынъ прислалъ ее для распространенія. Но я, нашедши въ ней нѣкоторые католическіе обряды, рекомендуемые православнымъ, отказался распространять. См. *Книжные рѣдкости* И. М. Остроглазова.“

Глинка Сергій. Путеводитель въ Москвѣ, изданный сообразно французскому подлиннику Леконта де Лаво съ нѣкоторыми пересочиненными и дополненными статьями съ 8 картинами и 3 таблицами. М. 1824 г. 8^о VIII стр.+402 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова за № 119, отъ 27 Августа 1905 года, цѣна сей книги 10 руб. 1905, IX/4.“

Говорскій К. Иосафатъ Кунцевичъ, Полоцкій-Уніятскій Архіепіскопъ. (Канонизованный папою Піемъ IX). Вильна 1865 г. 32 стр.
Рѣдкость.

Гогель Н. В. Иосафатъ Огрызко и петербургскій революціонный рѣндъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа. Изданіе второе, значительно дополненное. Вильна, 1867 г. 121 стр.

Рѣдкость. „Запрещена. См. „Алфавитный каталогъ изданій на русскомъ языкѣ. запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи, составленный въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати по 1-е Января 1894 г.“ Авторъ сей книги—Штабсъ-Капитанъ Н. В. Гогель былъ членомъ Виленской Слѣдственной Коммисіи по польскому бунту. О. П. Еленевъ („Студенческіе безпорядки“ Спб. 1888 г., стр. 10-я) говоритъ слѣдующее: „Эта книга, по распоряженію Виленскаго Генераль-Губернатора, графа Баранова, была задержана и уничтожена. Немногіе, случайно уцѣлѣвшіе экземпляры этой книги составляютъ *величайшую* библиографическую рѣдкость. Въ этой книгѣ, драгоцѣнной для исторіи польскаго мятежа, находятся указанія объ участіи нѣкоторыхъ профессоровъ Спб. университета и Военной Академіи въ совращеніи русской и польской учащейся молодежи на путь, враждебный нашимъ народнымъ и государственнымъ интересамъ“. Федоръ Павловичъ Еленевъ былъ членомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати и Совѣта Министра Внутр. Дѣлъ.“

Гоголь Н. В. Ревизоръ. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Изд. 2-е. М. 1841 г. 8°. 4 стр. (ненум.)+230 стр.

Рѣдкость. „Изданіе давно распродано и рѣдко. По каталогу Готье (№ 1001—1500) цѣна назначена 3 руб.“

Гогоцкій С. Проф. Кіев. Дух. Акад. О высшемъ образованіи въ примѣненіи къ женщинѣ. Рѣчь по случаю открытія высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ. Кіевъ. 1878 года 8°. 19 стр.+1 стр. (ненум.)
Рѣдкость.

Гогоцкій С. Профессоръ Кіевской Духовной Академіи. Философскій лексиконъ. Кіевъ. 1857, 1860, 1861, 1872 г.г. 4 тома. Т. I—II (ненум.)+III+III (ненум.)+579+IV стр. Т. 2—II (ненум.)+841+6+III стр. Т. 3—II (ненум.)+639+III+I (ненум.) стр. Т. 4—II (ненум.)+IV+II (ненум.)+325+III (ненум.)+IV стр.

Рѣдкость. „Цѣна 15—20 р.“

Гогоцкій С. Проф. Кіев. Дух. Акад. Философскій словарь или краткое объясненіе философскихъ и другихъ научныхъ выраженій, встрѣчающихся въ исторіи философіи. Кіевъ. 1876 г. 8°. 144 стр.+1 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Голоцынъ Н. Н. князь. Библиографическій словарь русскихъ писательницъ. С.-Петербургъ. 1889 г. VI+308 стр.

Рѣдкость. „Цѣна 10 р. с.“

Голоцынъ Н. Н. князь. Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь? Варшава. 1879 г. 8°. 1 (ненум.)+III+134+CCXVI+II стр.

Рѣдкость. „Письмо князя М. С. Воронцова къ Михаилу Павловичу Щербинину. Слб. 13 Дек. 1855 года. — „Я очень любопытенъ знать, какъ у Васъ окончилась исторія жидовъ изъ Сурама, обличенныхъ въ томъ, что они, по суевѣрію ихъ секты, умертвили ребенка. Я слышу, что Московскій Сенатъ исполнѣ утвердилъ мое мнѣніе и что въ его рѣшеніи сказано: Намѣстнику предоставляется разослать ихъ по одиночкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста по собственному его усмотрѣнію, съ учрежденіемъ надъ ними въ мѣстахъ ихъ жительства строжайшаго полицейскаго надзора. Итакъ я хотѣлъ бы знать, исполнилось ли это рѣшеніе Сената послѣ моего отъѣзда и куда были отосланы эти евреи по одиночкѣ. Во время моего двукратнаго пребыванія въ Боржомѣ я удостовѣрился въ дѣйствительности убійства, совершеннаго евреями. Было бы жалко, если бы ихъ оставили въ Сурамѣ, или въ окрестностяхъ только подъ подозрѣніемъ, и, ч., кромѣ ихъ преступленія, присутствіе ихъ здѣсь есть бѣдствіе для крестьянъ, которые занимаютъ у нихъ деньги и становятся ихъ крѣпостными. Сдѣлайте одолженіе, любезный другъ, напишите мнѣ про это дѣло.“ (Рус. Арх. 1870 г. стр. 2221-я), 1906, X-13.

Голубинскій Е. Экст. Проф. Моск. Дух. Акад. Исторія русской церкви. Т. 1. Періодъ первый. Кіевскій или Домонгольскій. Первая половина тома. Москва. 1880 г. XXIII+792+I (ненум.) стр. Томъ I. Періодъ первый, Кіевскій или Домонгольскій. Вторая половина тома. Москва. 1881 г. VI+791+XIV+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Цѣна этихъ 2-хъ книгъ доходила до 75 р.. Смотри каталогъ Шибанова за № 95.“

Голубинскій Е. Проф. Моск. Дух. Акад. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Сергіевъ Посадъ. 1894 г. 8°. 267 стр. Рѣдкость.

Голубинскій Е. Профессоръ Моск. Дух. Акад. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Сергіевъ Посадъ. 1892 г. II (ненум.)+154 стр.

Рѣдкость. „Сія книга въ продажу не поступала и была напечатана въ количествѣ 25 экземпляровъ.“ — „Эта брошюра весьма рѣдка. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія авторъ ея предполагалъ напечатать ее въ *Православномъ обозрѣніи* и она была уже набрана, но напечатать ее запретили изъ боязни, что она говоритъ не противъ раскола. У раскольниковъ эта брошюра высоко цѣнится.“

Гольдбергъ А. докторъ. Любовныя страсти и нравственные недуги. Москва. 1902 г. 250+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Сожжена по распоряженію Комитета Министровъ.“

Гонсъ. Правда о Библии. Женева. 1899 г. 12°. 35 стр. Рѣдкость.

Горбачевскій Н. Н. Записки неизвѣстнаго изъ общества Соединенныхъ Славянъ. Изъ „Русскаго Архива“ за 1882 г. Съ 436 по 555 стр. включ.

Рѣдкость. „Полный текстъ.“

Горицкій Я. Протестъ Ивана Яковлевича на Г. Прыжова за названіе его лжепророкомъ. М. 1861 г. 8°. 39 стр.

Рѣдкость. „Приложено къ книгѣ: Прыжовъ Н. Житіе Ивана Яковлевича, извѣстнаго пророка въ Москвѣ.“ (см. ниже).

Горскій А. В. Профессоръ Моск. Дух. Акад. Жизнь Святаго Аѳанасія Великаго, Архіепископа Александрійскаго. Москва. 1851 г. 175 стр. Рѣдкость.

Горскій А. В. Профессоръ Моск. Дух. Акад. О славянскомъ переводѣ пятокнижія Моисеева. исправленномъ въ XV вѣкѣ по еврейскому тексту. Москва. 1860 г. 35 стр. Рѣдкость.

Горчаковъ М., священникъ. Монастырскій приказъ. Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія. С. Петербургъ. 1868 г. II (ненум.) +296+155+IV (ненум.) стр. Рѣдкость.

Гостинецъ дѣтской, или четыре ста девяносто девять загадокъ съ отвѣтами въ стихахъ и прозѣ, взятыхъ какъ изъ древней, такъ и новейшей Исторіи и изъ всѣхъ царствъ природы, и собранныхъ однимъ другомъ дѣтей для ихъ употребленія и пріятнаго препровожденія времени. Москва. 1794 г. II (ненум.)+VI+159 стр. Рѣдкость.

Граве Н. С. Къ исторіи Еврейства. Изъ „Русскаго Архива“ 1893: 8°. 104 стр. (счетъ съ 59 стр.) Рѣдкость.

Градовскій Н. А. Отношенія къ евреямъ въ древней и современной Руси. Мотивы историко-національные съ точки зрѣнія русско-православной. Часть 1-я; СПб. 1891 г. 8°. Болѣе не выходило. Съ письмомъ автора. 504 стр.+XI стр.+I стр. (ненум.) Рѣдкость.

Граціанъ. Придворной человѣкъ. Съ французскаго на русскій языкъ переведенъ канцеляріи Академіи наукъ Секретаремъ Сергѣемъ Волчковымъ. С.-Петербургъ. 1741 г. IV (ненум.)+262 стр.

„Чрезвычайно рѣдкая книга. См. Березина-Ширяева „Описаніе русскихъ книгъ“, Сиб. 1873; стр. 11 и 12. У Березина-Ширяева въ библіотекѣ сей книги нѣтъ. Нѣтъ этой книги и въ библіотекѣ Бурцева. См. „Описаніе рѣдкихъ русскійскихъ книгъ“, часть 1-я, стр. 58, № 40.—Губерти называетъ эту книгу: „Необычайная рѣдкость“ (Губерти „Матеріалы для русской библіографіи. Выпускъ 3-й, стр. 135, примѣчаніе 1-е.)—Весною 1903 года экземпляръ сей книги былъ проданъ букинистомъ Парадѣловымъ купцу-любителю Соловьеву за 250 р.—См. *Книжныя рѣдкости* И. М. Остроглазова. По библіографическимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что такой экземпляръ находится только въ Императорской Публичной Библіотекѣ.“

Григорьевъ В. В. Еврейскія религіозныя секты въ Россіи. Спб. 1847 г. 8°. 219 стр.+2 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Григорьевъ В. В. О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами золотой орды русскому духовенству. Историко-филологическое изслѣдованіе. Москва. 1842 г. 132 стр. Рѣдкость.

Григорьевъ В. В. Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ. Москва. 1856 г. II (ненум.)+87 стр. Рѣдкость.

Григорьевъ П. Въ память столѣтія русскаго театра. Оригинальное драматическое представленіе, составленное изъ трехъ отдѣленій въ прозѣ и стихахъ, съ хорами и танцами. 1756—1856. С. Петербургъ. 1856 г. Съ видомъ Александринскаго театра и 26 портретами авторовъ и артистовъ, рисованными на камнѣ художникомъ Борелемъ. VI (ненум.)+118 стр. Рѣдкость.

Григорьевъ Я. Изъ исторіи смертной казни въ Россіи. М 1907 г. 12°. 15 стр.

Рѣдкость. „Отпечатано 16 экземпляровъ.“

Громовъ Глѣбъ. Любовь. Книжка золотая. С. Петербургъ. 1798 г. II (ненум.)+IV+VIII (ненум.)+291+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Цѣна 10 р. с.“

Гротъ Паталія. Изъ семейной хроники. Воспоминанія для дѣтей и внуковъ. Изданіе семьи. С. Петербургъ. 1900 г. Съ портретомъ автора. VIII (ненум.)+186 стр.

Рѣдкость. „Не продается.“

Гротъ Я. К. Планъ академическаго изданія сочиненій Державина. Спб. 1859 г. 13 стр. Рѣдкость.

Гурляндъ Я. Раввинъ. Очеркъ жизни и сочиненій еврейско-германскаго философа XVIII-го столѣтія Моисея Мендельсона. Полтава. 1865 г. 2 части. ч. 1, II (ненум.)+152+I (ненум.) стр. ч. 2, II (ненум.)+175+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Давыдовъ Владиміръ. Путевыя записки, веденныя во время пребыванія на Ионическихъ островахъ, въ Греціи, Малой Азіи и Турціи въ 1835 году. Съ атласомъ въ 44 картины. С. Петербургъ. 1839—1840 г.г. 2 части (въ одной книгѣ). Ч. 1, VIII (ненум.)+315+X+I (ненум.) стр. Ч. 2, IV (ненум.)+342+XVI стр.

Рѣдкость. „Цѣна сей книги съ атласомъ по большому каталогу Шибанова за 189, годъ—15 р. с.—Изъ каталога Шибанова за № 126 отъ 1906 года: („128. Давыдовъ В. Путевыя записки, веденныя во время пребыванія на Ионическихъ островахъ, въ Греціи, Малой Азіи и Турціи въ 1835 г. 2 ч. Спб. 839—40. Печ. обл. 20 р. с.) Съ атласомъ gr. in folio, состоящимъ изъ 44 листовъ литогр. рисунковъ.“

Давыдовъ Денисъ Васильевичъ. Записки его. Лондонъ. 1863 г. 153+
II (ненум.) стр. Рѣдкость.

Даль В. И. Розысканіе о убіеніи Евреями христіанскихъ младенцевъ и употребленіи крови ихъ. Напечатано по приказанію Министра Внутреннихъ Дѣлъ. 1844 г. II (ненум.)+153 стр.

Рѣдкость. „Извѣстно, что эта книжка находится только въ бібліотекѣ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Цѣна ея—нѣсколько сотъ рублей. Куплена сія книга у Петра Ивановича Бартенева, который продалъ ее мнѣ по моимъ усиленнымъ просьбамъ. Книга эта была подарена Бартеневу Далежъ. В. Остроглазовъ. 1906, X—3.“

Даль Владиміръ. Толковый словарь живого великорусскаго языка. С. Петербургъ. 1880—1882 г.г. 4 тома. Т. 1—IV (ненум.)+LXXXIV 723 стр. Т. 2—IV (ненум.)+807 стр. Т. 3—IV (ненум.)+576 стр. Т. 4—IV (ненум.)+704 стр.

„Рѣдкость; особенно, послѣ пожара книжнаго склада Вольфа. Цѣна—20 р. с.“

Даневскій, Помощникъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта. Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи. С. Петербургъ. 1859 г. IV (ненум.)+60 стр. Рѣдкость.

Даниловъ Михаилъ Васильевичъ. Артиллеріи Маіоръ. Записки, написанныя имъ въ 1771 году. Изд. П. Строевъ. Москва. 1842 г. IV+131 стр.

Рѣдкость. „Сія книжка встрѣчается въ продажѣ очень рѣдко. Цѣна ей у извѣстнаго букиниста А. А. Астапова назначена 3 р. с.—См. Большой Каталогъ Шибанова за 1899 годъ № 1866-й; цѣна по этому каталогу также 3 р. с.“

Данковъ Ив. Могила боярина Артамона Сергѣевича Матѣева съ 2-мя картинками. М. 1840 г. 8°. 24 стр. Рѣдкость.

Дантъ-Алиіери. Адъ, съ приложеніемъ комментарія, матеріаловъ пояснительныхъ, портрета и двухъ рисунковъ. Перевелъ съ итальянскаго размѣромъ подлинника Дмитрій Минъ. М. 1855 г. 8°. IV стр.+366 стр. Рѣдкость.

Дашкевичъ Николай. Княженіе Даниіла Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ. Кіевъ. 1873 г. 8°. удостоено золотой медали историко-филолог. факультетомъ Кіев. университета. I (ненум.)+156+3 (ненум.) стр. Рѣдкость.

Демубскій И. Проф. Моск. Универ. Лексиконъ городского и сельскаго хозяйства. М. 1836—37 г.г. 12 частей (томовъ). 8°. Т. 1-й=VIII стр.+334 стр.; Т. II-й=312 стр. Т. III-й=399 стр.; Т. IV-й=291 стр.; Т. V-й=299 стр. Т. VI-й=330 стр.+1 стр. (ненум.); Т. VII-й=285 стр. Т. VIII-й стр. 428 стр.; Т. IX-й=284 стр.; Т. X-й=302 стр.+84 стр.; Т. XI-й=186 стр.+1 стр. (ненум.)+VIII стр. и Т. XII-й=17 стр.

Рѣдкость. „По Ключкову 10 руб. См. каталогъ книгъ В. Н. Ключкова Сиб. 1898 г. № 259.“

О дворянствѣ. Спб. 1785 г. 4°. VII стр.+24 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова цѣна сей книгѣ 10 руб. (№ 113).“

Делицынъ Петръ. Студентъ Московск. Духовн. Акад. Святый Левъ, папа римскій. Москва, 1849 г. 110 стр. Рѣдкость.

Демидовъ Анатолій. Путешествіе въ Южную Россію и Крымъ черезъ Венгрію, Валахію и Молдавію, совершенное въ 1837 году. Съ гравированнымъ на стали портретомъ Императора Николая I. съ 23 рисунками и многими виньетками Раффе. Москва. 1853 г. VI (ненум.)+543+II (ненум.) стр. Рѣдкость.

Демьяновичъ А. Иезуиты въ западной Россіи въ 1569—1772 г.г. С.Петербургъ. 1872 г. II (ненум.)+226 стр.

Рѣдкость. „Напечатана только въ количествѣ 100 экземпляровъ. См. *Русскую Историческую Библиографію съ 1865—1876 вкл.* Томъ 3-й, стр. 246-я, № 34 024. Спб. 1883 г. Составилъ В. И. Межовъ.“

Державинъ. Сочиненія его. Съ портретомъ автора, 4 гравюрами и факсимиле. С. Петербургъ. 1831 г. 4 части. Ч. 1—IV (ненум.)+342+IV (ненум.) стр. Ч. 2—IV (ненум.)+362+IV (ненум.) стр. Ч. 3—IV (ненум.)+230+V (ненум.) стр. Ч. 4—308+IX (ненум.) стр. Рѣдкость.

Les dernières heures de la vie de l'empereur Nicolas I. Traduit du russe. Vienne. 1855 г. 8°, 25 стр. Рѣдкость.

Десницкій Нв., Проф. Моск. Университета. Легкой способъ распознавать дикорастущія на поляхъ Московскихъ растенія. М. 1827 г. 8°. VI стр.+68 стр. Рѣдкость.

Джоржъ Генри. Общественныя проблемы (Social problems). Переводъ съ англійскаго В. П. Богучарскаго. Москва. 1903 г. II (ненум.)+II+364+II стр.

Рѣдкость. „Сожжена вся.“

Диспутъ докторскій Профессора Ф. А. Терновскаго. Вырѣзка изъ „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“. Іюнь 1877 г. 14 стр. Рѣдкость.

Дмитріевъ И. И. Басни и Апологи. С. Петербургъ. 1838 г. VI (ненум.)+VI+178 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Ключкова за № 302, 1901 года цѣна сей книги 3 р. с.“

Добровскій Юсифъ. Кириллъ и Меѳодій, словенскіе первоучители. Историко-критическое изслѣдованіе. Перевелъ съ нѣмецкаго М. Погодинъ. Москва. 1825 г. II (ненум.)+VII+150+II (ненум.) стр.; со снимкомъ съ древней рукописи.

Рѣдкость. „См. Березина кн. 9-я, стр. 161-я.“

Добро и зло о женщинахъ. С. Петербургъ. 84+78+72+80+50+74+46+52+54+44 стр. Рѣдкость.

Добронравовъ Николай. Христіанское воззрѣніе на смерть. Публичная лекція. М. 1898 г. 25 стр. Рѣдкость.

Добротворскій И., Профессоръ Казанскаго университета. Люди Божіи. Русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ. Казань. 1869 г. II (ненум.)+II+IV+200 стр. Рѣдкость.

Добрынинъ Гавріилъ. Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина, имъ самимъ писанная въ Могилевѣ и Витебскѣ. 1752—1823. Изданіе 2-е дополненное. С. Петербургъ. 1872 г. 3 части. X+380 стр.

„Книга сія рѣдка. Изданіе ея давно уже все распродано. Рѣдкость этой книги объясняется, кромѣ высокаго интереса, еще и тѣмъ, что это 2-е изданіе, исправленное, напечатано только въ количествѣ 700 экземпляровъ.“

Докудовскій Василій Абрамовичъ, Генераль-Маіоръ. 1) Воспоминанія 1-й половины 19-го столѣтія до 1863 г. Рязань. 1898 г. 8^о 279

стр. 2) Дневникъ его же съ 1863 по 1872 г. Рязань. 1903 г. 8°. 431 стр.

„Очень рѣдкая книга. В. Остроглазовъ 1906 г. Сент. 8 дня.—Очень содержательная „Воспоминанія.“

Dolgoroukow P. le prince. La vérité sur la Russie. Leipzig. 1861 г. 8°. 1 стр. (ненум.)+310 стр. Рѣдкость.

Долгоруковъ Петръ, князь 1) Газета „Будущность“ № 1-й 1869 IX 15
2) Газета „Правдивый“ №№: 1 до 66 вкл. 1862 года. Заграничное издание. 4°. 48 стр.

Рѣдкость. „Запрещена.“

Долгоруковъ Петръ князь. Россійская Родословная Книга. С. Петербургъ. 1854—1857 г. г. 4 части. Ч. I, 350 стр. Ч. II, 327 стр. Ч. 3, 523 стр. Ч. 4, 482 стр.

„Книга эта рѣдка. Цѣна ей, по каталогу Ключкову № 260, за 1899 годъ—25 р. с.—Въ 1859 г. П. В. Долгоруковъ жилъ за границею и не явился въ Россію по вызову, сдѣланному ему чрезъ русское посольство въ Лондонѣ. Поэтому, въ 1861 году, 5 Іюля, состоялся о немъ указъ Правительствующаго Сената, по которому онъ лишенъ былъ всѣхъ правъ состоянія и признанъ изгнаннымъ изъ Россіи. Умеръ 6-го (18) Августа 1868 г. въ Бернѣ. См. *Справочный Словарь* о русскихъ писателяхъ и пр., умершихъ въ 18 и 19 столѣтіяхъ, Григорія Геннадіи, Берлинъ 1876 г.“

Долгоруковъ Петръ, князь. Россійскій Родословный Сборникъ. С. Петербургъ. 1840—1841 г. г. 4 книжки. Кн. 1. 109+II (ненум.) стр. Кн. 2. 110+I (ненум.) стр. Кн. 3. 141+II (ненум.) стр. 4. 123+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Донесеніе Священной Комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ. С. Петербургъ 1826 г. 95 стр.

Рѣдкость. „См. Каталогъ Ключкова за № 289, за 1901 годъ, гдѣ цѣна означена за сію книгу—5 р.“

Достопамятности (Отечественныя) или изображеніе Русскихъ Историческихъ памятниковъ и необыкновенныхъ произведеній Природы. Наукъ и Художествъ, находящихся въ Россіи. Москва. 1823 г. Съ картинами. 4 части (въ 2 книгахъ). Ч. 1, 220+IV+II (ненум.) стр. Ч. 2, 222+IV стр. Ч. 3. 242+II стр. Ч. 4. 262+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Дубровский Н. Патриаршіе выходы. М. 1868 г. 8°. 58 стр. Рѣдкость.

Дурново Н. Нѣчто о русской церкви въ оберъ-прокурорство К. П. Побѣдоносцева. Выпускъ IV. Лейпцигъ. 1889 г. 46 стр. Довѣненіе на 1 страницѣ. Рѣдкость.

Дурново Н. Открытое письмо къ Высокопреосвященному Митрополиту Московскому Іоанникію. Лейпцигъ, 1888 г. 17 стр. Рѣдкость.

Духа не ушайте. Вып. 2-й М. 17 Іюля. 31 столб. Рѣдкость.

Духовенство (Русское.) Берлинъ. 1859 г. XIII+III (ненум.)+373+III (ненум.) стр. Рѣдкость.

Духовскій М. В. Понятіе клеветы, какъ преступленія противъ чести частныхъ лицъ. Изслѣдованіе. Ярославль. 1873 г. 8°, 4 стр. (ненум.)+251 стр.+2 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Духонина Е. В. Мирная дѣятельность на войнѣ. Записки сестры милосердія, находившейся прѣ дивизионномъ лазаретѣ 14-й пѣхотной дивизіи въ войну 1877—1878 годовъ. Москва. 1894 г. 94 стр.

Рѣдкость. „Сія книга не допущена въ продажу.“

Духъ Бюффона съ французскаго перевелъ Алексѣй Малиновской. Москва. 1783 г. 278 стр.

Рѣдкость. „Съ автографомъ Михаила Михайловича Сперанскаго.“

Дьяковъ М., Проф. Юрьевскаго Университета. Власть Московскихъ Государей. Очерки изъ исторіи политическихъ идей древней Руси. СПб. 1889 г. 8°. Магистерская диссертация. VI стр.+224 стр. Рѣдкость.

Дьянія Вселенскихъ Соборовъ. изданныя въ русскомъ переводѣ при Казанской Дух. Академіи. 7 томовъ. Казань 1882—1893 г. г. 8°. т. 1-й=364 стр. т. 2-й, || 195+IV стр.: т. 3-й 304 стр.+1 стр. (ненум.): т. 4-й, || 305 стр.: т. 5-й, || 281 стр.+IV стр.: т. 6-й, || 321+II стр.: т. 7-й, || 332 стр.+IV стр. Рѣдкость.

Дюкъ Лирійскій и Бервицкій. Записки его во время пребыванія его при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ въ званіи посла Короля Испан-

скаго, 1727—1730 годовъ. Перев. съ француз. Д. Языкова. С'ПБ. 1845 г. 12°. III+217 стр. Рѣдкость.

Дю-Тур. Божественная философія въ отношеніи къ непреложнымъ истинамъ, открытымъ въ тройственномъ зеркалѣ: вселенныя, человѣка и священнаго писанія. М. 1818—1819 г. 8°. 6 частей. 1-я ч.—388 стр.: 2-я ч., || 251 стр.; 3-я ч., || 311 стр.: 4-я ч.—261 стр.: 5-я ч. || 284 стр. и 6-я ч., || 239 стр.

Рѣдкость. „Эта книга мистическаго содержанія была издана на средства Императора Александра Павловича. Послѣ паденія Министра духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына была запрещена. См. Библиограф. записки изд. Шибанова № 5 стр. 340, подстрочное примѣчаніе.“

Дидьковскій Іустинъ. Общая терапія. сочиненная для руководства слушателей своихъ, Ординарнымъ Профессоромъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Московскомъ отдѣленіи Императорской С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи Статскимъ Совѣтникомъ, Ордена Св. Анны 2-й степени, Императорскою короною украшеннаго, и Св. Владимира 4-й степени Кавалеромъ и разныхъ ученыхъ обществъ членомъ Іустиномъ Дидьковскимъ. Москва. 1836 г. X+121+II (венум.) стр. Рѣдкость.

Евангеліе Божественное и Священное сирѣчь книга Божественнаго и священнаго новаго завѣта. М. 1854 in folio. Апракосъ на славянскомъ языкѣ. 4°. 153 стр.

Рѣдкость. „Это Евангеліе называется апракосъ. Въ немъ чтенія Евангелія расположены по тому порядку, какъ должно читать его въ церковныхъ службахъ въ теченіе всего года. Сія книга напечатана для Болгарской церкви въ 1854 году первымъ изданіемъ. Въ древности употреблялось въ церквахъ преимущественно евангеліе, расположенное въ порядкѣ недѣльныхъ чтеній, какъ то показываютъ извѣстныя списки: Остромировъ, Мстилавовъ и многіе другіе.“

„Въ Мартѣ 1857 г. Св. Синодъ предписалъ Московскому Митрополиту Филарету сдѣлать распоряженіе о напечатаніи новымъ изданіемъ Евангелія такъ называемаго „апракосъ.“ Вслѣдствіе резолюціи Митрополита, послѣдовавшей по вышеозначенному указу Синода, протоіерей Певоструевъ представилъ Митрополиту свои соображенія по сему дѣлу. Эти соображенія Митрополитъ Филаретъ поручилъ разсмотрѣть своему викарію Епископу Саввѣ. Вслѣдствіе отзыва Еп. Саввы. — отзыва, который, очевидно, раздѣлялъ и Филаретъ, — изданіе Евангелія-апракосъ не состоялось. (См. Богосл. Вѣстникъ 1899 г. Ноябрь. Автобиограф. записки Еп. Саввы стр. 73—76).“

Евгеній митрополитъ. Исторія Княжества Псковскаго съ присовокупленіемъ плана города Пскова. Кіевъ. 1831 г. 4 части (въ 2 кни-

гахъ. Ч. I, X (ненум.)+321+I (ненум.) стр. Ч. 2, X (ненум.)+143 + I (ненум.) стр. Ч. 3, VI (ненум.)+171+I (ненум.) стр. Ч. 4, VIII (ненум.)+188+X (ненум.) стр., съ таблицей.

Рѣдкость. „Цѣна по большому каталогу Шибанова 1899 г.—12 р. с.“

Евгеній митрополитъ. Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви. Изданіе 2-е С. Петербургъ. 1827 г. 2 тома (въ одной книгѣ). Т. I, IV (ненум.)+343 стр. Т. 2, (ненум.)+333+III (ненум.)+LXXVI стр.

Рѣдкость. „По Шибанову—5 р.; каталогъ XXXIV за 1890 г., стр. 23-я.“

Евгеній Митрополитъ. Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей. соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи. Москва. 1845 г. 2 тома. Т. 1, II (ненум.)+IV+328 стр. Т. 2, II (ненум.) +290+XVI стр. Рѣдкость.

Европеецъ. Журналъ Наукъ и Словесности, издаваемый Иваномъ Кирѣевскимъ. 2 части (Январь 1832 г.) и 3-я часть недопечатанная (Февраль 1832 г.) Москва. Ч. 1. 142 стр. Ч. 2 143—306 стр. Ч. 3, 307—402 стр.

Рѣдкость. „*Европеецъ*“ былъ запрещенъ за статью Ив. В. Кирѣевского: „19-й вѣкъ.“ Статья помѣщена въ 1-й книжкѣ и въ 3-й сего журнала: въ отношеніи Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 13 Февр. 1832 г. къ Попечителю Москов. Учебн. Округа—запрещеніе было мотивировано такъ: „19-й вѣкъ“ есть ничто иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ. Но стоить обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобы видѣть, что сочинитель, разсуждая будто-бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное, что подъ словомъ просвѣщеніе онъ понимаетъ свободу, что дѣятельности разума означаетъ у него революцію, а искусно отысканная середина ничто иное, какъ конституція.“ (Барсуковъ. *Жизни и труды Попова*. Кн. 4-я, стр. 7-я и 8-я).

„Кромѣ запрещенія журнала, Кирѣевского предположено было выслать изъ Москвы, но горячее заступничество Жуковского спасло его. Остроглазовъ И., *Книжныя рѣдкости*. № 71.).—Цѣна книги: Ключковъ—25 и 50 р.—Изъ каталога Шибанова № 95: „123. *Европеецъ*, журналъ наукъ и словесности. издаваемый Иваномъ Кирѣевскимъ. М. 832 г. №№ 1—3. Пер. . . 25.—Этотъ журналъ былъ запрещенъ и вышли только три книжки 1-го тома, недопечатанныя и прервавшіяся на 402-й стр. Недопечатанная 3-я книга очень рѣдка. Геннади № 158.“

Екатерина Вторая. Записки Екатерины II, Императрицы Россіи. Переводъ съ французскаго. Изданіе 2-е. Лейпцигъ. 1876 г. 343 стр. Рѣдкость.

Еленевъ Ѳеодоръ. Польская цивилизація и ея вліяніе на западную Русь. СПБ. 1863 г. 8° 83 стр. Рѣдкость.

Еленевъ Ѳ. Студенческіе безпорядки. СПБ. 1888 г. 8° 46 стр.

Рѣдкость. „Ѳеодоръ Павловичъ Еленевъ—авторъ этой статьи, студентъ 40-хъ годовъ Московскаго Университета, впоследствии былъ членомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати и Совѣта Министра Вн. Дѣлъ.“

„Все напечатанное въ этой статьѣ—сущая правда! В. Остроглазовъ 1904, VIII—13.“

Эмблемы и Символы избранныя, на Россійской, Латинской, Французской, Нѣмецкой и Англійской языки предложеныя, прежде въ Амстердамѣ, а нынѣ во градѣ Св. Петра напечатанныя и исправленныя Нестеромъ Максимовичемъ Амбодикомъ. Напечатано въ Императорской типографіи 1788 г. 4° LXIII+280+3 (ненум.) стр.

„Рѣдкость.“ „Эта книга была издана три раза: 1) въ Амстердамѣ въ 1705 году; 2) въ С.Петербургѣ въ 1788 году и 3) тоже въ С.Петербургѣ въ 1811 году.“

„Сія книга—2-е изданіе. Оно рѣже встрѣчается 3-го изданія и кромѣ того, по словамъ Верещагина (*Русскія иллюстрированныя изданія 18 и 19 столѣтій*, СПБ. 1898 г.) оттиски въ 3-мъ изданіи гораздо слабѣе 2-го изданія. В. Остроглазовъ. 1904, VII—25.“

„Цѣна—10—15 рублей.“

Емельяновъ-Коханскій А. Н. Изъ гаремной жизни. Москва (года не означено). IV (ненум.)+235 стр.

Рѣдкость. По распоряженію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ арестована 17 Августа 1902 г.“

Эмилевичъ Парфеній, князь. Словарь добродѣтелей и пороковъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ достопамятныхъ происшествій. 2 части СПБ. 1827 г. 8°. 1 ч.=1 стр. (ненум.)+431 стр.; 2-я ч.=VI стр. +662 стр.+1 стр. (ненум.)

Рѣдкость. „Находящійся при 1-й части портретъ гравированъ К. Аванасьевымъ въ 1827 г. Юня 15. См. *Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ*. Д. Ровинскаго СПБ. 1872 г.“

Эмилевичъ Парфеній, князь. Словарь добродѣтелей и пороковъ; съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ достопамятныхъ происшествій. С. Петербургъ. 1828 г. 2 части. Ч. 1, VIII (ненум.)+224 стр. Ч. 2, 223 стр. Рѣдкость.

Ершовъ П. Конёкъ-Горбунокъ. Русская сказка. Въ 3 частяхъ. Съ 16 рисунками. Изданіе 3-е. Москва. 1843 г. 139 стр.

Рѣдкость. „Смотри: Верещагинъ „Русскія иллюстрированныя изданія 18 и 19 столѣтій.“ Сиб. 1898 г. № 248.“

Ефремовъ П. А. Матеріалы для исторіи русской литературы. С.-Петербургъ. 1867 г. XII+216 стр. Рѣдкость.

Еоимовскій Аванасій, Студентъ Моск. Духов. Акад. Разсужденіе, въ которомъ излагается ученіе отцовъ церкви трехъ первыхъ вѣковъ христіанства о божествѣ Сына Божія. Москва. 1837 г. II (ненум.)+90 стр. Рѣдкость.

Жадовскій Павелъ. Житейскія сцены. Москва. 1859 г. VI (ненум.)+432 стр.

Рѣдкость. „Запрещена. См. Алфавитный каталогъ изданій на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи, составленный въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати по 1 Января 1894 г.“

Жизнь, анекдоты, военныя и политическія дѣянія Россійскаго Генераль-Фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, любимца Петра Великаго и храбраго полководца. С.Петербургъ. 1808 г. 207 стр. Рѣдкость.

Жизнь Генриха Штиллина. Истинная повѣсть. Съ 2 портретами. С.Петербургъ. 1816 г. 2 части. Ч. I, II (ненум.)+X+II (ненум.)+309+I (ненум.) стр.: Ч. 2, 474+I (ненум.) стр. Последніе дни Юнга Штиллинга или шестая книжка его жизни, начатая имъ самимъ, а оконченная Внучомъ и Зятемъ его. С.Петербургъ. 1818 г. II (ненум.)+103 стр. Рѣдкость.

Жизнь Николая Николаевича Бунтыша-Каменскаго. Москва. 1818 г. 79 стр. Рѣдкость.

Жизнь святаго Апостола Петра. Выбрана изъ священнаго писанія и церковныхъ сказаній. Со изображеніемъ Святаго. Москва. 1842 г. 39 стр. Рѣдкость.

Жуковъ Иванъ. Дѣло о Верещагинѣ и Мѣшковѣ съ разборомъ извѣстій и дополненіями о казни перваго изъ нихъ 2-го сентября 1812 года. М. 1867 г. 8^о. 28 стр. Рѣдкость.

Журналъ заведенія Совѣта по случаю приближенія холеры къ Московской губерніи.—18 Сентября 1830 года in folio. Рѣдкость.

Журналъ собранія конференціи Санкт-петербургской Духовной Академіи Августа 1 дня 1823 года. С.Петербургъ. 1823 г. 7 стр. Рѣдкость.

Заблочкий Михаилъ. О цѣнностяхъ въ древней Руси. СПб. 1854 г. Часть 1-я (болѣе не было) V стр.+104 стр. Рѣдкость.

О заблужденіяхъ и истинѣ или воззваніе челоувѣческаго рода ко всеобщему началу знаній. Москва. 1785 г. XII+542+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Выходъ въ свѣтъ этого знаменитаго сочиненія Сень-Мартена, послужившаго Мартинистамъ кодексомъ, произвелъ сильное впечатлѣніе въ читающей публикѣ и книга быстро разошлась. Французскій ея оригиналъ также имѣлъ большое распространеніе. Въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ Страховымъ, книга сія была признана Московскимъ митрополитомъ Платономъ „сумнительною“, и подверглась запрещенію. Она показана въ реестрѣ книгъ, отобранныхъ изъ книжныхъ лавокъ, подъ № 3. См. сочиненіе Лонгинова: „Новиковъ и Московскіе Мартинисты“, стр. 63-я.—Цѣна по каталогу Шибанова за № 61—5 р. с.—Березинъ-Ширяевъ считаетъ эту книгу за весьма рѣдкую. См. *Матеріалы*, кн. 10, стр. 110.“

Забѣлинъ П. Е. Историческое обозрѣніе финифтянаго и ценнаго дѣла въ Россіи. С.Петербургъ. 1853 г. II (ненум.)+101 стр.

Рѣдкость. „Въ объявленіи книжнаго магазина Шибанова, напечатанномъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 10 марта 1903 года, цѣна сей книги назначена—10 р. с.“

Завадскій-Краснопольскій Андрей. Вліяніе греко-византійскій культуры на развитіе цивилизаціи въ Европѣ. Кіевъ. 1866 г. VI (ненум.)+127 стр. Рѣдкость.

Завитневичъ В. Проф. Кіев. Дух. Акад. Значеніе первыхъ славянофиловъ въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности. Рѣчь произнесенная на годичномъ актѣ Кіевской Дух. Академіи 26 Сентября 1891 г. Кіевъ. 1891 г. 8^о. 45 стр. Рѣдкость.

Завѣтъ Ветхій въ картинахъ. Изданіе Ѳ. Прянишникова и А. Сапожникова. 82 рисунка Агина, гравированные на мѣди Аванасьевымъ. С.Петербургъ. 1846 г. 12 стр. Рѣдкость.

Завѣтъ Новый Господа нашего Иисуса Христа въ рускомъ переводѣ. С.Петербургъ. 1883 г. IV (ненум.)+508 стр.

Рѣдкость. „Текстъ въ этой книгѣ во многихъ мѣстахъ подчеркнутъ и, какъ можно заключить, сдѣлано это во время печатанія книги, при помощи типографскаго станка.—Подчеркнутыя мѣста въ этой книгѣ наводятъ мысли на то, что чрезъ это пронагандируется какая-либо секта.—Эта мысль подтвердилась, когда я прочелъ сочиненіе Н. П. Гилярова-Платонова: „Вопросы вѣры и церкви“ (Т. 2-й, стр. 578-я. М. 1906 г.). Оказалось, что эти книги распространяются пашковцами.—Эта книга изъята изъ обращенія.“

Завѣтъ новый Господа нашего Исуса Христа на славянскомъ и русскомъ языкѣ. Иждивеніемъ Россійскаго Библейскаго Общества, Московскаго Отдѣленія. Первымъ тисненіемъ. М. 1822 г. 8°. VI+1 (ненум.)+885 стр.

„Рѣдка, какъ первое изданіе.“ 1904, VII—11.

Завѣщаніе XII патріарховъ сыновъ Иаковлихъ съ перевода Роберта Епископа Линколнійскаго. Рукопись въ листъ безъ означенія года 60 листов. Рѣдкость.

Записки П. В. А. Жуковскій и его произведенія съ 29 фотографюрами, автографами и нотами. М. 1883 г. 8°. VII+584+LIX+2 стр. (ненум.)

„Рѣдкость.“ „Цѣна сей книги отъ 8 до 10 рублей. Каталогъ Николаева № 4.“ „П. В. Русскія книжныя рѣдкости М. 1902 г. № 202.“ „По каталогу Фадѣева № 7, 1903 года цѣна сей книги—15 руб.“

Записки П. П. Проф. Казанскаго Университета. Къ 100 лѣтней годовщинѣ Казанскаго Университета. Дѣятели Императорскаго Казанскаго Университета. 1805—1900 г. Опытъ краткаго библиографическаго словаря профессоровъ и преподавателей Казанскаго Университета за первые 95 лѣтъ его существованія. Казань. 1900 г. 4°. 179+5 стр. (ненум.)

Рѣдкость. „Въ продажѣ нѣтъ.“

З. Г. О Дуэляхъ. С. Петербургъ. 41 стр. Рѣдкость.

Зайончковскій П. Письмо къ графу П. И. Толстову (бывш. Министру Народнаго Просвѣщенія). СПБ. 1806 г. На правахъ рукописи. 17 стр. Рѣдкость.

Зайцевъ П. Очерки быта древнихъ евреевъ. Пособіе къ изясненію священнаго писанія. Кіевъ. 1869 г. 8°. VII+238+1 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Заключеніе Ректора Императорскаго Московскаго Университета по поводу мотивированныхъ отвѣтовъ Совѣта на поставленные Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія вопросы, касающіеся устройства Университетовъ, представленные Г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа. М. 1901 г. На правахъ рукописи. 6 стр. Рѣдкость.

Записка историческая, рѣчи, стихи и отчетъ Императорскаго Московскаго Университета, читанные въ торжественномъ собраніи 12 Января 1855 года, по случаю его столѣтняго юбилея. М. 1855 г. 4° 8+27+14 (ненум.)+4+23 стр. Рѣдкость.

Записка по вопросу объ открытіи дѣтямъ священноцерковнослужителей путей, для обозначенія своего существованія на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности. (Года и мѣста изданія не означено) IV (ненум.)+152 стр. Рѣдкость.

Заспѣкій Алексѣй. Историческія и топографическія извѣстія по древности о Россіи и частно о городѣ Вологдѣ и его уѣздѣ и о состояніи онаго по нынѣ. 1780 г. 128 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Готье цѣна сей книги 5 р. с.—По каталогу Ключкова № 341, Сентябрь 1903 года, цѣна сей книги также—5 р.“

Зейдлицъ К. К. Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго 1783—1852. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ, съ портретомъ поэта, факсимиле, письмами, и съ предисловіемъ П. Б. Висковатаго. С. Петербургъ. 1883 г., 8°, IV (ненум.)+XIII (ненум.+256+IV (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Цѣна сей книги по каталогу за № 364 Ключкова—8 р. с.“

Зеркинъ А. Объ отношеніи Константинопольскаго Патріарха къ Русской Іерархіи. Разсужденія на степень Магистра русской исторіи. СПб. 1846 г. 8°. 63+2 стр. (ненум.). Переплетено вмѣстѣ съ книжкою. *Фишеръ А.* „Вступительная лекція теорической философіи“. см. ниже). Рѣдкость.

Зибаровъ Н. О сожженіи оружія духоворами. 1899 г. 12° 129 стр. Рѣдкость.

Змѣевъ Л. Ѳ. Русскіе врачи, писатели. СПб. 1886—1887—1889 г.г. 8°. 184 стр.+182 стр.+1 стр. (ненум.)+77 стр.+207 стр.+220 стр.+10 стр. Рѣдкость.

Змьевъ Л. Ѳ. Словарь врачей. получившихъ степень доктора медицины (и хир.) въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ до 1863 г. СПБ. 1885 г. 8° 67 стр. Рѣдкость.

Знаменскій П., Профессоръ Казан. Духов. Акад. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Казань. 1881 г. IV (ненум.)+806+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Знаменскій П., Проф. Казан. Духов. Акад. Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра. Докторская диссертация. Казань. 1873 г. 8° 1 (ненум.)+850+1 стр. (ненум.)

„Очень рѣдка. За это сочиненіе П. Знаменскій получилъ степень доктора церковной исторіи. Эту книгу я искалъ съ 1898 года по 2 Юля 1905 года, когда и купилъ ее у П. А. Картавова „В. Остроглазовъ.“

„Цѣна по каталогу Шибанова (№ 109)—25 руб.“

Иваницкій Н. Изслѣдованія о времени основанія г. Пскова. Псковъ. 1856 г. 8° 35 стр.

„Большая рѣдкость.“

Ивановъ Петръ. Историческія свѣдѣнія о большомъ колоколѣ, лежащемъ въ М. Кремлѣ, близъ Ивановской колокольни. М. 1835 г. 8° 55 стр. +9 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Ивановъ Петръ. Опытъ біографій Генераль-Прокуроровъ и Министровъ Юстиціи. Съ 17 портретами. С. Петербургъ. 1863 г. 8°, IV (ненум.)+IV+180+IV (ненум.)

Рѣдкость. „Цѣна этой книги по каталогу Блочкова за № 293—25 р. с.—Изъ каталога Шибанова № 95: „142. Ивановъ, П. Опытъ біографій генераль-прокуроръ и министровъ юстиціи. Спб. 863. Пер.... 10.—Въ книгѣ 17 литограф. портретовъ. На велевой бумагѣ. Экземпляръ съ портретомъ Глѣбова, что встрѣчается очень рѣдко.“

Ивановъ Петръ. Сенатъ при Петрѣ Великомъ. Изъ журнала Минист. Юст. 1859 г. № 1. Съ картиною и факсимиле сенаторовъ. 38 стр. Рѣдкость.

Иванцовъ-Платоновъ А. М. Профессоръ Московскаго Университета. О римскомъ католицизмѣ и его отношеніяхъ къ православію. Москва. 1869, 1870 г. г. 2 части. Ч. 1. II (ненум.)+VII+III (ненум.)+288+IV (ненум.) стр. Ч. 2, 262+II+II (ненум.) стр.

Рѣдкость. „3-й части сей книги въ свѣтъ не выходило.“

Иванчицъ-Писаревъ. Вечеръ въ Симоновѣ. М. 1840 г. 8^о, 123 стр. Рѣдкость.

Иванчицъ-Писаревъ Николай. День въ Троицкой Лаврѣ. М. 1840 г. 8^о, 104 стр. Рѣдкость.

Иванчицъ-Писаревъ Николай. Михаилъ. Великій Князь Кіево-Черниговскій, и бояринъ его Феодоръ. Издано К. М. Оболенскимъ. Москва 1839 г. Съ картиною. IV^о (ненум.)+47+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Иванчицъ-Писаревъ Николай. Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. Съ 7 литогр. рисунками. Москва. 1844 г. 165+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „По каталогу Астапова № 3 за 1903 годъ цѣна сей книги 10 р. с.“

Иванчицъ-Писаревъ Н. Спасо-Андрониковъ. М. 1842 г. 8^о 130 стр. +1 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Прокъ (новѣйшій русскій карточный). С. Петербургъ. 1809 г. 2 части. Ч. 1, IV^о (ненум.)+X+172 стр. ч. 2, II (ненум.)+176 стр. Рѣдкость.

Извѣстіе о новой книгѣ: опытъ Россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на Славенскомъ и Россійскомъ языкахъ отъ начала заведенія типографій, до 1813 года— В. Сопикова. (Вырѣзка изъ журнала „Сынъ Отечества“ 1813 года) отъ 115 по 200 стр. включит. Рѣдкость.

Изслѣдованіе о мстничествѣ. Издалъ Д. В. Москва. 1845 г. II (ненум.)+166 стр. Рѣдкость.

Изслѣдованіе христіанства. Пер. съ англійскаго. Яссы. 1790 г. 190 стр.

„Рѣдкость. См. Книжныя рѣдкости И. М. Остроглазова—Цѣна—10 руб.“

Изслѣдованія историческія, служащія къ оправданію старообрядцевъ. В. М. К. Москва. 1881 г. 2 тома (1-й и 2-й) Т. 1, V+III (ненум.)+366 стр. (Евангеліе. Иконографическіе и археологическіе очерки. Соч. Рого де Флери, автора сочиненія „Объ орудіяхъ страстей Христовыхъ“. Г. Туръ. Алфредъ Машъ и сынъ, издатели. 1874 г. 6 изображеній. (Снимки съ печатей, заимствованные изъ изданія: Со-

браніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. хранящихся въ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ количествѣ 9.) Т. 2. VI (ненум.)+319 стр.

Рѣдкость. „Запрещена. См. „Алфавитный Каталогъ запрещеннымъ изданіямъ, составленный въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати.“ Спб. 1894.—№ 455.“

Иконниковъ В. С. Профессоръ Кіевск. Универ. Кіевъ въ 1654—1855 г. г. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1904 г. 8°, IV+335+III стр.

„Рѣдкость. Напечатано въ количествѣ 150 экз. и въ продажу не поступало. Съ автографомъ. Подарокъ автора.“

Иконниковъ В. С. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. Кіевъ. 1869 г. II (ненум.)+552+X+3 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Н. В. Соловьева за № 1-мъ—цѣна сей книги 15 р. с.“ По каталогу Шибанова за № 99 за 1900 годъ, цѣна сей книги—20 р. с.“

Иконниковъ В. С., Профессоръ Кіевского Университета. Русская женщина наканунѣ реформы Петра Великаго и послѣ нея. Сравнительно-историческій очеркъ. Кіевъ, 1874 г. II (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Цѣна 3 р.“

Иконниковъ В., Профессоръ Кіевского Университета. Скептическая школа въ русской исторіографіи и ея противники. Кіевъ. 1871 г. II (ненум.)+106 стр. Рѣдкость.

О иконописаніи. Москва. 1845 г. II (ненум.)+II+I (ненум.)+136+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Авторъ сей книги—Анатолій, Архіепископъ Могилевскій. См. Барсуковъ: *Жизнь Полюдины*. Кн. 7-я, стр. 195.—По каталогу Николаева за № 1—1899 года—рѣдка. Цѣна 2 р. 50 к.—См. каталогъ Трусова № 12—1902 г.—цѣна 1 р. 50 к.“

Иліады Гомера, переведенная Н. Гнѣдичемъ. Изданіе второе. С. Петербургъ. 1839 г. Съ 24 рисунками, снятыми съ знаменитыхъ рисунковъ Флаксмана. 2 части. Ч. 1. VIII (ненум.)+XVIII+362 стр. ч. 2. 374+VI+II стр. Рѣдкость.

Иловыйскій Д. И. М. Н. Катковъ, какъ политикъ и публицистъ. Историческая политика. Вырѣзка изъ *Русскаго Архива* по распоряженію

Мин. Вн. Дѣл. (Русс. Архивъ 1888 г.) 8^о (счетъ съ 129 стр. до 154 стр.) Рѣдкость.

Ильинскій Михаилъ. Опытъ Историческаго описанія о началѣ города Москвы, какъ и по какимъ причинамъ она основалась, кѣмъ и когда Престоль Великокняжескій туда перенесенъ; и отъ чего сей городъ получили тогда свое возвышеніе. Москва. 1795 г. II (ненум.)+IV+98 стр. Рѣдкость.

Ильинскій Николай. Историческое описаніе города Пскова и его древнихъ пригородовъ съ самаго ихъ основанія, заключающее въ себѣ многія достойныя любопытства происходимости, составленное изъ многихъ древнихъ лѣтописцовъ, надписей, записокъ и Россійской исторіи. С. Петербургъ и Нижній Новгородъ. 1790—1795 г. г. 6 частей. Ч. 1, 67 стр. ч. 2, 71 стр. ч. 3, 52 стр. ч. 4, 64 стр. ч. 5, 62 стр. ч. 6, 60 стр.

Рѣдкость. „Изъ каталога книжнаго магазина Шибанова за № 38 изданія 1891 г.: „148. Ильинскій Н. Историч. описаніе гор. Пскова и его древнихъ пригородовъ съ самаго ихъ основанія, заключающее въ себѣ многія достойныя любопытства происходимости. 6 частей. (Ч. 4-я напечат. въ Нижи.—Новгородѣ). Сиб. 790—95. Совр. кож. пер.... 30.—Большая рѣдкость.“

Имшенецкій Даниилъ, Студентъ Кіевск. Духовн. Акад. Ученіе святыхъ отцевъ подвижниковъ о благодати Божіей, спасающей человѣка. Кіевъ. 1853 г. II (ненум.)+108 стр. Рѣдкость.

Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій. Жизнь Апостола Павла, составленная на основаніи достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ, съ присокупленіемъ по мѣстамъ археологическихъ и нравственныхъ замѣчаній. Изданіе 2-е. Москва. 1828 г. Съ рисункомъ и картою. 238+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Сергій Линьковъ, награжденный сею книгою отъ Ректора Виѣнскаго семинаріи Игнатія, былъ впоследствии времени Епископомъ Минскимъ Сimeoномъ.“

Иннокентій Архіепископъ Херсонскій. Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ греко-россійской церкви. Кіевъ. 1836 г. II (ненум.)+205 стр.

Рѣдкость. „Изъ обзора русской духовной литературы Филарета Гумилевскаго (Сиб. 1884 г., стр. 483-я) видно, что это сочиненіе знаменитаго Херсонскаго Архіепископа Иннокентія.“

Иннокентій, Архієпископъ Херсонскій. Первая седмица Великаго поста. (Издание 2-е.) Кіевъ. 1840 г. VI (ненум.)+274 стр. Рѣдкость.

Иннокентій, Архієпископъ Херсонскій. Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, изображенныя по сказанію всѣхъ четырехъ Евангелистовъ. Въ 5 частяхъ. Издание 2-е. Одесса. 1860 г. IV (ненум.)+IV (ненум.)+IV+536 стр. Рѣдкость.

Иннокентій, Архієпископъ Херсонскій. Свѣтлая седмица. Издание 2-е. С. Петербургъ. 1838 г. 240 стр. Рѣдкость.

Иннокентій Архієпископъ Херсонскій. Сочиненія. Съ портретомъ автора. Издание Вольфа. С. Петербургъ. 1872—1877 г. г. 11 томовъ (въ 6 книгахъ).

Т. 1. VIII (ненум.)+III+536 стр. Т. 2. IV (ненум.)+364+IV (ненум.) стр. Т. 3. IV (ненум.)+III+303 стр. Т. 4. IV (ненум.)+314+IV стр. Т. 5. IV (ненум.)+354+II (ненум.) стр. Т. 6. IV (ненум.)+333+II стр. Т. 7. IV (ненум.)+II+275 стр. Т. 8. IV (ненум.)+II+303 стр. Т. 9. VI (ненум.)+III+XXV+509+V стр. Т. 10. VI (ненум.)+440 стр. Т. 11. VI (ненум.)+II+508+II стр.

„Рѣдкая и цѣнная книга (до 30 р.), особенно, послѣ пожара книжнаго склада Вольфа.“

Ирвингъ Вашингтонъ. Жизнь Магомета. Перев. съ англійскаго Петра Кирѣевскаго. Москва. 1857 г. IV (ненум.)+290+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Искра. Газета. Россійская Соціалъ-демократическая рабочая партія. № 19 (1 Апр. 1902 года) № 20 (1 Мая 1902 года). Рѣдкость.

Исмаиловъ. Взглядъ на собственную прошедшую жизнь. М. 1860 г. 8^о. 165 стр. Рѣдкость.

Исторіи обстоятельныя и вѣрныя оуцъ мошенниковъ: Перваго Россійскаго славнаго вора, разбойника и бывшаго Московскаго сыщика *Ваньки Кишина*, со всѣми его сысками, розысками, сумозбрдною свадьбою и разными забавными его пѣснями; Втораго французскаго мошенника, *Картуша* и его сотоварищей. Третьимъ тисненіемъ. Во градѣ Св. Петра 1794 года. Съ портретомъ Картуша. II (ненум.)+V (ненум.) стр. Рѣдкость.

Исторія о животныхъ безсловесныхъ или физическое описаніе извѣстнѣйшихъ звѣрей, птицъ, рыбъ, земноводныхъ, насекомыхъ, червей. и животноростеній, съ присовокупленіемъ нравоучительныхъ уподобленій изъ природы ихъ взятыхъ. Переводъ съ Латинскаго языка. Москва. 1803 г. 5 частей (въ 3 книгахъ). Ч. 1, VI (ненум.)+343+III (ненум.) съ картинкою Ч. 2, IV (нен.)+256+I (нен.) стр. Ч. 3, IV (ненум.)+122+I (ненум.) стр. Ч. IV, IV (ненум.)+48+I (ненум.) стр. Ч. V, IV (ненум.)+138+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Сія книга запрещена. См. „Алфавитный каталогъ изданій на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перенечатыванію въ Россіи, составленный въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати по 1-е Января 1894 г.“ Сиб. 1894.—Интересныя замѣтки объ этой книгѣ смотри въ сочиненіи Профессора Сиб. Дух. Академіи Н. И. Барсова „Истор., критич. и политическіе опыты.“ Сиб. 1879 г., на стр. 254-й.—Сію книгу перевелъ съ латинскаго языка Веніаминъ, Архіепископъ Нижегородскій. См. Православная Богословская Энциклопедія. Томъ III-й. Изданіе Лопухина. Сиб. 1902 г., стр. 299—301.—Изъ каталога Шибанова № 95: „154. Исторія о животныхъ безсловесныхъ, или физическое описаніе извѣстнѣйшихъ звѣрей, птицъ, рыбъ и проч., съ присовокупленіемъ нравоучит. уподобленій. Съ лат. 5 част. М. Пер..... 10 р.“

Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артамона Сергеевича Матюева. Изд. 2-е. М. 1785 г. 8". XV+440 стр. Рѣдкость.

Исторія о разореніи послѣднемъ святаю града Иерусалима и о взятіи Константинополя. Съ картинами. С. Петербургъ. 1788 г. IV (ненум.)+156 стр.

„См. Роспись Смирдина № 3067. ц. 3 р.—Изданіе рѣдкое. У Сошкова оно не описано. См. Сошкова №№ 4843—51.“

Исторія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ г. С.-Петербурга. С. Петербургъ. 1906 г. 323 стр.

Рѣдкость. „Запрещена.“

Исторія Гривенскаго Собора. Москва. 1869 г. II (ненум.)+215+III стр. Рѣдкость.

Исторія Флорентійскаго Собора. Москва. 1847 г. II (ненум.)+213+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Сіе сочиненіе на степень Магистра Моск. Дух. Академіи Остроумова. Но оно было не столько написано имъ, сколько Профессоромъ той же Академіи А. В. Горскимъ.“

Иакинѣвъ, Монахъ. Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи. Съ рисунками на одномъ большомъ листѣ. С. Петербургъ. 1848 г. 4 части (въ одной книгѣ). Ч. 1, IV (ненум.)+VII+137+I (ненум.)+8 стр. ч. 2, II (ненум.)+VII+128+10+I (ненум.) стр. ч. 3, IV (ненум.)+152+2+I (ненум.) стр. ч. 4, IV (ненум.)+177+2 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Н. Соловьева за № 20, 1903 г., 20 Ноября, цѣна сей книги—12 р. с.“

Иакинѣвъ, Монахъ. Описаніе Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи. Съ картою. Переводъ съ китайскаго. С. Петербургъ. 2 части. Ч. 1. XXVI+88 стр. ч. 2. (89—223)+III (ненум.) стр.

Рѣдкость. „У Готье не значится. У Шибанова—5 р. (Кат. 100-й).“

Иакинѣвъ, Монахъ. Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана въ древнемъ и нынѣшнемъ состояніи. Переведено съ китайскаго. Съ 2 картинами. С. Петербургъ. 1829 г. 2 части. Ч. 1. XLVI+90 стр. ч. 2, II (ненум.)+(91—270)+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Іоанникій Митрополитъ Кіевскій. Рѣчь при прощаніи съ Московскою паствою, произнесенная 8 Декабря 1891 г. въ Кафедральномъ Христа Спасителя Соборѣ. М. 1891 г. 8°. 4 стр. Рѣдкость.

Іоанновъ, Андрей, Протоіерей. Полное историческое извѣстіе о Древнихъ Стригольникахъ, и новыхъ раскольникахъ, таѣхъ называемыхъ Старообрядцахъ. Съ портретомъ автора и рисунками (11). С. Петербургъ. 1795 г. 4 части. Ч. 1. II (ненум.)+III+107 стр. Ч. 2. 103 стр. Ч. 3, 63 стр. Ч. 4. 147+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Іоаннъ. Епископъ Смоленскій. О монашествѣ Епископовъ. Казань 1863 г. 8°. 241 стр.

Рѣдкость. „Исторію объ этой книгѣ см. въ автобіографическихъ запискахъ Архіеп. Тверскаго Саввы.“

„Въ 1862 г. Оберъ-Прокуроръ Синода Ахматовъ предложилъ Духов. Академіямъ рассмотреть вопросъ: „предварительное постриженіе въ монашество составляетъ ли необходимое условіе для хиротоніи?“ Въ виду этого Проф. Москов. Дух. Акад. Горскій написалъ „о санѣ епископскомъ въ отношеніи къ монашеству въ церкви восточной.“ (XXI часть прибавленій къ *Твор. Св. Отецъ* за 1862 г.). А. Ректоръ Казанской Дух. Академіи, Архимандритъ Іоаннъ написалъ: „О монашествѣ Епископовъ“ (*Правосл. Собесѣдникъ* 1863 г.). Статья эта, предварительно ея напечатанія, была рассмотрѣна Мо-

сковскимъ Митрополитомъ Филаретомъ и найдена весьма основательною и заслуживающею особаго вниманія. Иоаннъ за эту статью былъ награжденъ кабинетнымъ золотымъ съ драгоценными камнями крестомъ. (*Автобіограф. записки* Архіеп. Тверскаго Саввы, часть 2-я, стр. 731).

„Это сочиненіе—Иоанна Епископа Смоленскаго, доктора Богословія—См. *Исторію Москов. Дух. Академіи*, С. Смирнова, М. 1879 г. стр. 434.

Подробныя свѣдѣнія объ этой книгѣ читай въ „Исторіи Казанской Дух. Академіи“ Проф. П. Знаменскаго. Выпускъ 1-й стр. 212—213, Казань 1891 г.

„Профессоръ П. Знаменскій называетъ это сочиненіе *знаменитымъ*.“

Кибѣлла или религіозная философія евреевъ. Н. С. Казань. 1870 г. 152+II (ненум.) стр. Рѣдкость.

Кивеликъ К. Д. и Туреневъ Ив. С. Письма ихъ къ А. И. Герцену съ объяснительными примѣчаніями Драгоманова. Женева. 1892 г. 8°. XII+227 стр. Рѣдкость.

Кадлубовскій Арс. Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. 1—5. Отгискъ изъ *Русскаго Филологическаго Вѣстника*. Варшава. 1902 г. 8°. IX+389 стр. Рѣдкость.

Казанскій Петръ, Экстраордин. Проф. Моск. Дух. Акад. Исторія православнаго монашества на Востоку. Москва. 1854, 1856 г. г. 1 части. Ч. 1. 283+IV (ненум.) стр. Ч. 2, IV (ненум.)+303+II (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Цѣна 8 р. с.“

Казанскій Петръ, экстраордин. Проф. Моск. Дух. Акад. Исторія православнаго русскаго монашества, отъ основанія Печерской Обители Преподобнымъ Антоніемъ до основанія Лавры Св. Троицы Преподобнымъ Сергіемъ. Москва. 1855 г. 204+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Казанскій П. Проф. Моск. Дух. Акад. Кто были виновники Соловецкаго возмущенія отъ 1666 до 1676 г. (Изъ *Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* 4-я кн. 1867 г.) 8°. Рѣдкость.

Казанскій П. С., Профессоръ Москов. Духов. Акад. Объ источникахъ для исторіи монашества Египетскаго въ IV и V вѣкахъ. Москва. 1872 г. 56 стр. Рѣдкость.

Премія имени Д. И. Иловайскаго

При ИМПЕРАТОРСКОМЪ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоящемъ при Московскомъ Университетѣ, учреждается Д. И. Иловайскимъ премія его имени за работы по Русской Исторіи. На соисканіе ея будутъ приниматься:

а) Изысканія или монографіи по начальной Русской или начальной Славянской исторіи, разрабатывающія сію исторію въ установленномъ Д. И. Иловайскимъ направленіи, выразившемся въ „Розысканіяхъ о началѣ Руси“, двухъ „Дополнительныхъ полемикахъ“, а также въ послѣдующихъ критическихъ статьяхъ и замѣткахъ о томъ же предметѣ, т. е. о славянствѣ Сармать, Гунновъ, Болгарь и Руси (вопросъ о народности Скиѳовъ оставляется открытымъ), причѣмъ подробности второстепеннаго значенія могутъ подвергаться пересмотру и поправкамъ. Преміи будутъ заслуживать только тѣ историческіе очерки (хотя бы популярныя, но научно обставленные) и тѣ критическія изслѣдованія, которые составляютъ продолженіе работъ Д. И. Иловайскаго въ этой области. Предѣльной эпохой для такихъ изслѣдованій и очерковъ по Русской и вообще Славянской исторіи назначается XII в. и первая половина XIII вѣка; причѣмъ имѣется въ виду и разъясненіе сравнительно высокой степени культуры дотатарскаго періода, какъ доказательство стародавняго существованія (туземнаго) Русской народности и самобытнаго начала Русской государственности.

б) Сочиненія или изслѣдованія о Смутномъ времени, которыя развиваютъ и подтверждаютъ выработанныя Д. И. Иловайскимъ въ IV томѣ „Исторіи Россіи“ положенія: что первый Іжедимитрій (отчасти и второй) былъ подготовленъ и выставленъ тремя польско-западно-русскими фамиліями, при соглашеніи съ извѣстною группою Московскихъ боярь; что онъ былъ не Московскаго, а западно-русскаго воспитанія, а по всей вѣроятности и происхожденія, и что подъ знаменами самозванцевъ совершалось движеніе на Восточную Русь не Польши, собственно, а Западной Руси.

в) Изслѣдованія и очерки по разнымъ сторонамъ культуры, народнаго хозяйства, государственнаго и общественнаго быта Московской Руси XV, XVI и XVII вѣковъ, долженствующіе служить дополненіемъ къ II-V томамъ „Исторіи Россіи“ Д. И. Иловайскаго. Допускаются на премію также очерки по исторіи западно-русской культуры за тотъ же періодъ.

г) Болѣе или менѣе популярныя, но научно обоснованныя и обставленные, очерки изъ Русской исторіи Петербургскаго періода. „Исторія Россіи“ Д. И. Иловайскаго доведена до сего періода и поощренію преміей будутъ подлежать относящіяся къ Петербургскому періоду труды того именно характера, который усвоила себѣ названная „Исторія“. Сюда же принадлежатъ, тѣсно связанныя съ эпохою или освѣжающія ее, біографіи выдающихся дѣятелей, гражданскихъ, военныхъ, церковныхъ и собственно культурныхъ, т. е. изъ области науки, литературы и искусства.

д) Труды по экономической сторонѣ Русской исторіи, но не вообще, а въ связи съ защитой покровительственной системы. Здѣсь обязательна исходная точка зрѣнія, многократно высказанная Д. И. Иловайскимъ въ статьяхъ по экономическимъ вопросамъ, т. е. необходимость обращать покровительство народному труду главнымъ образомъ на наиболѣе культурныя отрасли промышленности.

Преміи будутъ выдаваться чрезъ каждые три года или полныя въ размѣрѣ 1500 р., или большія въ размѣрѣ 1000 р., или малыя въ размѣрѣ 500 руб. Срокомъ представленія сочиненій на первое соисканіе назначается 15 сентября 1913 г., а о результатахъ соисканія будетъ объявлено въ годовомъ заведеніи Общества 18 марта 1917 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

К. Ф. НЕКРАСОВА

Москва, Тверская, 29, кв. 46.

Бекфордъ. «Ватекъ». Арабская сказка. Пер. Бор. Зайцева. Вступительная статья «Бекфордъ, авторъ Ватека» П. Муратова Цѣна 80 коп.

Я не буду подробно останавливаться на содержаніи сказки. Я не хочу лишать читателя неожиданнаго наслажденія пережить всѣ чудесныя приключенія халифа Ватека, почувствовать аромать этихъ сценъ, то ужасающихъ, какъ безумныя оргіи зловѣщей Каратисъ, то нѣжнѣйшихъ, гдѣ описана любовь прекрасной Нуроніаръ и ея возлюбленнаго, нѣжнаго Гюльхенруузъ, то сценъ, продиктованныхъ истиннымъ страданіемъ души мятущейся,—какъ послѣднія сцены въ подземномъ царствѣ грознаго Эблиса.

Въ Россіи эта благоуханная книга появляется въ видѣ вполне достойнаго. Она изящно издана. Переводъ Зайцева сохранилъ весь аромать, всю классическую простоту подлинника. Очень интересна съ большимъ одушевленіемъ написанная вступительная статья П. Муратова.

Сергій Ауслендеръ.

«Рѣчь», 12 марта 1912 г. № 70.

...Эта забытая книга принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которыхъ пышно расцвѣталъ романтизмъ и тонкій фантастическій вкусъ Пушкина и его друзей.

Англія и Франція знаетъ уже множество изданій этой книги, но на русскій языкъ она никогда еще не была переведена...

...Русскій читатель получилъ ее въ переводѣ Бориса Зайцева. Его языкъ оказался настолько гибокъ и образенъ для выраженія картинъ «Ватека», что эта «арабская сказка» читается съ увлеченіемъ страница за страницей, не какъ чуждая, старинная книга, а какъ красивая, простая классическая проза, очищающая воображеніе и вкусъ современнаго читателя.

Предисловіе къ ней, написанное П. Муратовымъ.—очень интересное прибавленіе къ «Ватеку».

Вас. Сахновскій.

«Утро Россіи», 21 янв. 1912 г. № 17.

Жераръ де-Нерваль Сильвія—Октавія—Аврелія—Изида. Переводъ съ французскаго Е. Уреніусъ. Редакція и вступительная статья П. Муратова. Цѣна 1 руб.

Ж. де-Н. пламенный романтикъ, другъ Гейне, переводчикъ Гете, удостоившійся похвальнаго отзыва отъ самого олимпійца и примыкавшій къ литературной богемѣ улицы du Douenné,—принадлежитъ къ числу поэтовъ, которые переходятъ въ потомство съ одной книгой. У де-Н. была такая книга. Съ ужасающей яростію онъ разсказалъ въ ней о своей бурной и полной приключеній жизни, сначала въ дни юности романтическихъ мечтаній (Сильвія), затѣмъ въ годы странствованій по Европѣ и Востоку («Октавія» и «Изида») и, наконецъ, въ послѣдніе годы, свое постепенное умирание и гибель («Аврелія»).

П. Муратовъ, въ красиво написанной вступительной статьѣ, къ сожалѣнію, остановился только на біографическомъ значеніи четырехъ отмѣчаемыхъ разсказовъ, но полнаго литературнаго портрета Н. не далъ. Между тѣмъ, авторъ Contes et facéties и La Bohème galante у насъ почти неизвѣстенъ, если не считать вышедшаго лѣтъ двѣнадцать назадъ Короля шутовъ, и его литературная дѣятельность заслуживаетъ болѣе подробнаго очерка.

В. Ирецкій.

«Рѣчь» 1912 241.

Полный каталогъ издательства высылается по требованію бесплатно. Выписывающіе непосредственно изъ склада на сумму отъ 3 р. за пересылку не платятъ

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ТАКЖЕ И СЪ НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖОМЪ

Складъ высылаетъ также и всѣ другія книги, вышедшія въ Россіи.

ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

РУСЬ ДО-ПЕТРОВСКАЯ

Пособіе для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и
для самообразованія

СОСТАВИЛЪ

С. В. ФАРФОРОВСКІЙ

Преподаватель Варшавской VII мужской гимназіи

О Г Л А В Л Е Н І Е:

Томъ I.—I. Древнѣйшій бытъ сла-
вянъ.
II. Русь Кіевская.
III. Суздальская Русь. Тата-
ры.
IV. Русь Новгородская. | V. Юго-Западная Русь.
Литва.
VI. Московская Русь.
Томъ II.—VII. Смутное время.
VIII. Михайль Ѳеодоровичъ
и Алексѣй Михайло-
вичъ. |
|---|---|

Стр. 402+309. 8 д. л. Цѣна за два тома 3 руб.

Съ заказами обращаться

Въ Книжные Магазины Товарищества М. О. Вольфъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

МОСКВА

Гостинный Дв., 18 и Невскій пр., 13 || Кузнецкій М., 12 и Тверская, 22

—Русская школа въ преподаваніи родной исторіи до сихъ поръ не исполнила того пожеланія Государя, какое имъ было выражено во время Полтавскихъ торжествъ о любви и знаніи своей *родной* исторіи, объ изученіи родной старины, чтобы молодому поколѣнію было легче работать на поприщѣ служенія родинѣ. Наша школа мало сдѣлала для воспитанія патріотизма и для *истиннаго* изученія судебъ Россіи. Поэтому учащіеся, выходя за порогъ средней школы, такъ быстро и легко увлекаются другими теченіями, представители которыхъ разчитываютъ на это непониманіе истинныхъ судебъ родной страны. Желая принести родинѣ благо и не зная судебъ развитія ея, молодежь наша увлекается социализмомъ и анархизмомъ и т. д. Сколько бы полезнѣйшихъ и благороднѣйшихъ лицъ было бы спасено для родины, если бы имъ во-время дали вѣрное понятіе о томъ, что Россія идетъ *своимъ* путемъ, развивается по *своимъ* историческимъ законамъ.

(„Педаг. Вѣстн. Москов. Учебн. Окр.“ 1913, № 6.)

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ

С. В. Фарфоровскій

Лабораторный методъ преподаванія исторіи.

Цѣна съ перес. 80 коп.

Его-же—Новыя программы исторіи (концентрическій методъ)

Замѣтки о преподаваніи исторіи. 1 руб.

Готовится къ печати: Повтор. курсъ средней исторіи (VI кл. муж. гим.)

Въ виду ограниченнаго количества экземпляровъ просятъ возможно скорѣе сообщить свое желаніе о полученіи книгъ.

Отзывы печати:

Фарфоровскій, С. В. Источники русской исторіи. Русь до-Петровская. Т. I. и II. Ц. 3 р.

Составителю пришла счастливая мысль: въ двухъ сравнительно небольшихъ томахъ, которыми очень удобно пользоваться, онъ дастъ ученикамъ возможность пользоваться главнѣйшими источниками русской исторіи, т. е. тѣми документами, которые можно считать основными... („Россія“, 1, XI. 913).

Изъ ст. Лятскаго, Лабораторія исторіи; Вѣстн. литер. XI. 1913 г. стр. 278.

За границей поторопились ввести въ средней школѣ преподаваніе исторіи по первоисточникамъ и вскорѣ убѣдились, что это лучший способъ удовлетворить въ ученикахъ наклонность къ анализу и поднимать въ нихъ интересъ къ изученію родной исторіи.

У насъ этому способу будетъ данъ толчекъ новой, только что появившейся книгой г. Фарфоровскаго педагога, долго работавшаго надъ методическими вопросами преподаванія исторіи и нѣсколько лѣтъ изучавшаго ихъ въ Германіи и Франціи.

Книга г. Фарфоровскаго составлена изъ отрывковъ лѣтописей и иныхъ письменныхъ документовъ; составителемъ даны соотвѣтствующія примѣчанія, предпосылки, заглавія и т. д., которыя должны облегчить учащемуся пониманіе этихъ памятниковъ русской письменной древности.

Съ требованіями обращаться только къ автору

С. В. Фарфоровскому, Губ. гор. Кѣльцы. Муж. Гимн.

Москва. Синодальная типографія 1914 г.

моотношенія родства между поименованными въ родословной лицами. Нельзя, въ заключение, не пожалѣть и о томъ, что 1-ый выпускъ „Матеріаловъ“ издавъ съ виѣшней стороны неудовлетворительно: очень ужъ плоха бумага.

У. Г. Иваснъ.

Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею. Матеріалы для словаря лиценстовъ. Собралъ и издалъ **НИКОЛАЙ ГАСТФРЕЙНДЪ.** Т. III. СПБ. 1913.

Въ настоящемъ третьемъ томѣ своего труда г. Гастфрейндъ собралъ данныя о С. С. Есаковѣ, И. И. Пуцинѣ, П. Ф. Саврасовѣ, А. А. Корниловѣ, А. П. Бакунинѣ, И. В. Малиновскомъ, А. Ѳ. Малиновскомъ, П. Ѳ. Малиновскомъ, А. А. Самборскомъ, К. К. Данзасѣ, Н. Г. Ржевскомъ, П. П. Мясоѣдовѣ, А. Д. Тырковѣ и о графѣ С. Ф. Броглю-Шевалье-де-Касальборгоне. Обиліе неизданныхъ доселѣ матеріаловъ дѣлаетъ книгу эту цѣннымъ вкладомъ въ изученіе Пушкинскаго времени. Однако нельзя не пожалѣть, что авторъ, пытаясь дать новое освѣщеніе личности нѣкоторыхъ товарищей великаго Поэта, относится ко мнѣніямъ многихъ маститыхъ изслѣдователей слишкомъ пренебрежительно и самоувѣренно.

Н. П.

Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Выпускъ 1-й. Дневники и пись-

ма Николая Ивановича Тургенева за 1806-1811 годы. I томъ. **Архивъ братьевъ Тургеневыхъ.** Выпускъ 3-й. Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811-1816 годъ. 2 томъ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями **Е. И. ТАРАСОВА.** Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи наукъ. Спб. 1911. 1913. ц. по 3 р. за томъ.

Сынъ П. И. Тургенева, недавно умершій Петръ Ник. Тургеневъ передалъ Академіи Наукъ всѣ бумаги своего отца, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ его обширный дневникъ, сообщающій не только о видѣнномъ и слышанномъ, но также о думахъ его составителя, о книгахъ имъ прочитанныхъ и объ отдѣльныхъ ихъ мѣстахъ, ему особенно поправившихся. Н. И. Тургеневъ началъ свои дневники, когда оканчивалъ курсъ въ Московскомъ Благородномъ пансіонѣ, и продолжалъ ихъ во время продолжительнаго пребыванія за границей, въ Геттингенѣ, гдѣ онъ слушалъ лекціи въ университетѣ, въ Германіи, Швейцаріи, Франціи, отчасти Россіи (1812-1813 г.). Изъ дневниковъ Н. И. Тургенева видно, какъ онъ увлекался дѣломъ германскихъ патріотовъ, какъ высоко онъ цѣнилъ Штейна, и какъ много онъ былъ обязанъ своими взглядами Штейну. Страницы дневниковъ за 1814 г., проведенный Тургеневымъ въ Германіи и Франціи, представляютъ особенно много интереса.

С.

Отъ Конторы.

Контора доводитъ до свѣдѣнія Господъ Сотрудниковъ, что рѣшенія отнесенительно присланныхъ статей могутъ быть сообщаемы никакъ не ранѣе двухъ мѣсяцевъ со дня полученія. Лица, не получившія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ отвѣта, располагаютъ рукописями по своему усмотрѣнію.—Рукописи менѣе одного печатнаго листа не возвращаются, и по поводу нихъ Контора ни въ какую переписку не входитъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1914-й годъ.

(годъ изданія 52-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1914 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 г., по цѣнѣ 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 г., по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: впереди текста, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; позади текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель Петръ Бартевъ (младшій).

Въ конторѣ РУССКАГО АРХИВА продается новая книга:

И. И. Бартевъ.

ПУШКИНЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ.

Изданіе (второе) Русскаго Архива; Москва. 1914, ц. 1 р. 50 к.

ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1914

4

449. Письмо А. Н. Строва къ С. А. Гедіонову начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ. Изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ.
455. Борьба Чеченцевъ съ Русскими. Замѣтка С. Фарфоровскаго.
458. Письма кн. Д. И. Долгорукаго къ отцу.
488. Графъ Румянцовъ-Задунайскій, какъ администраторъ. Ст. В. Рѣшетинскаго.
501. Встрѣча Пасхи въ 1825 году. (Изъ писемъ А. П. Болотова къ дѣду и родителямъ). Сообщ. В. С. Арсеньевымъ.
503. Къ исторіи еврейства. Статья Н. С. Граве.
529. „Истинная исторія Карпато-Россовъ или Угорскихъ Русиновъ“, изданная народолюбцемъ Александромъ Духновичемъ въ 1853 году. Сообщ. Ф. Ф. Аристовымъ.
560. Рѣдкія и цѣнныя изданія, собранныя В. М. Остроглазовымъ. (К. О)
591. „Сей остальной изъ стаи славной“. Памяти А. П. Барсунова. Замѣтка М. Я. Сoderжаніе первой книги Русскаго Архива. Поправки. Внутри о б л о ж к и: о книгахъ:—Виленскій Временникъ, кн. VI; Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова; Труды Оренб. уч. арх. комиссіи; Пушкинъ и его современники.

Тихо отошелъ ко Господу
Александръ Платоновичъ Барсуковъ.
Русскій Архивъ оплакиваетъ почившаго, какъ неутомимаго изслѣдователя старины отечественной и какъ двоюроднаго дѣда издателя.

МОСКВА
Синодальная Типографія
1914

Контора Русскаго Архива доводитъ до свѣдѣнія Гг. подписчиковъ, что чрезвычайное запозданіе этого выпуска явилось слѣдствіемъ забастовки въ типографіи изданія.

Виленскій Временникъ.
Книга VI. Архивные матеріалы Муравьевскаго музея, относящіеся къ польскому возстанію 83—1646 гг. въ предѣлахъ Сѣверо-западнаго края. Часть I. Переписка по политическимъ дѣламъ гражданскаго управленія съ Января 1862 г. по Май 1863 г. Составилъ **А. И. МИЛОВИДОВЪ.** Вильна, 1913. Ц. 3 р. 75 к.

Въ то время какъ мы, жители древней русской столицы, были заняты подготовленіями къ юбилеямъ 1613—1913 гг., русскіе Вильны имѣли свою злобу дня—исполняющееся пятидесятилѣтіе со времени послѣдняго польскаго бунта. Одинъ изъ нихъ, г. Миловидовъ, взялъ на себя нелегкій трудъ разобраться въ архивномъ наслѣдствѣ этого бунта и извлечь наиболѣе цѣнные для исторіи документы изъ Муравьевскаго музея и изъ дѣлъ виленскаго генераль-губернатора. Изданный томъ, начало большаго сборника, обнимаетъ періодъ до назначенія М. Н. Муравьева и даетъ читателю представленіе о подготовленіи бунта, объ его организаціи и о первыхъ мѣропріятіяхъ русскаго правительства. Г. Миловидовъ снабдилъ документъ интереснымъ введеніемъ.

А.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Пять томовъ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями **ПРОФ. Д. И. АБРАМОВИЧА.** Изданіе Разряда изящной словесности Им. Академіи наукъ, Спб. 1910—1913.

Изъ многочисленныхъ изданій сочиненій Лермонтова послѣдняго времени это изданіе заслуживаетъ осо-

беннаго вниманія. Тексты произведеній Лермонтова—профѣренныя, печать—прекрасная, цѣна—низкая, прибавьте обиліе разнаго рода снимковъ (портреты, рисунки, автографы и т. п.), нерѣдко въ краскахъ, и рядъ статей; онѣ составляютъ весь 5-й томъ „собранія“ и въ числѣ ихъ находятся такія, какъ „Обзоръ литературы о Лермонтовѣ“, „О языкѣ Лермонтова“, „О стихѣ Лермонтова“, „Лермонтовъ—художникъ“, „Обзоръ художественныхъ работъ Лермонтова“, „Иллюстрированныя изданія Лермонтова“, „Лермонтовъ и русская музыка“ Недостаетъ лишь біографіи поэта; ее издатели обѣщали, но вмѣсто нея дали „Матеріалы для біографіи“ и „Хронологическую канву“.

К. П.

ПАВЕЛЪ ФАЛЬКОВИЧЪ.
Картины жизни въ Московскомъ государствѣ. Въ извлеченіяхъ изъ записокъ иностранцевъ о Россіи XVI—XVII вв.—М. 1914. XII +142 стр. Ц. 60 к.

АНАТОЛІЙ ПАВЛОВЪ.
Пучекъ камыша. Эпизодъ изъ исторіи хивинскаго похода.—Тифлисъ. 1914. 2 (нен.) стр. Цѣна не обозначена.

НИКОЛАЙ МОДЕСТОВЪ,
священникъ, дѣйствит. чл. Оренб. уч. Арх. ком. **Бывшій префектъ гроднен. гимназ., іеромон. доминик. ордена Кандидъ Зеленко.** Историческ. оч. съ прилож. **В. В. Григорьева.** ст.—Оренбургъ. 1913. IV +82 +1 (нен.) стр. Ц. 75 к.

ПИСЬМО А. Н. СЪРОВА

къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ.

4 Сент. 67.

Многоуважаемый

Степанъ Александровичъ!

Давно желанное мною счастье видѣть въ начальникѣ Императорскихъ театровъ, для которыхъ я работаю—лицо вполне просвѣщенное, даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ этому лицу съ исповѣдью моей артистической жизни, которая, какъ это. къ сожалѣнію, еще весьма часто случается, на половину парализована неблагоприятными обстоятельствами.

Обо всемъ, что я здѣсь Вамъ пишу, я имѣлъ намѣреніе говорить во Всеподданнѣйшей просьбѣ Государю. Теперь для меня—Вы прямая и ближайшая дорога.

Вы знаете меня, какъ композитора, знаете мое довольно замѣтное мѣсто въ этомъ смыслѣ. Эта большая извѣстность моя заставляетъ меня тѣмъ болѣе страдать ото *всего прочаго* въ моей обстановкѣ, *ни мало* не соразмѣрнаго съ такою извѣстностью.

Мнѣ, конечно, дана возможность не умереть съ голода и дѣлать дальнѣйшіе шаги на аренѣ писанія оперъ. Но по устройству моей головы, для моей жажды дѣятельности и желанія быть полезнымъ искусству въ Россіи, этого слишкомъ недостаточно. Для разъясненія моей

мысли, для сообщенія Вамъ необходимыхъ къ сужденію обо мнѣ данныхъ, позвольте мнѣ утрудить вниманіе Ваше краткимъ рассказомъ всего моего поприща (*curriculum vitae*). Я—сынъ весьма недостаточныхъ родителей, но получилъ хорошее воспитаніе. Я кончилъ курсъ въ Имп. училищѣ Правовѣдѣнія въ 1840 г.; выпущенъ IX классомъ, съ медалью, со штатнымъ мѣстомъ и т. д. Товарищи мои статсъ-секретари, сенаторы, министры.

Артистичность по призванію отвлекла меня мало-по-малу отъ служебной карьеры, широко предо мной раскрытой. Естественно, что для того, чтобы превратиться изъ чиновника въ артиста, промѣнять вѣрный хлѣбъ и готовое положеніе въ свѣтѣ на всѣ риски и тревоженія голодной и холодной артистической жизни, я долженъ былъ перенести большую и тяжелую борьбу съ отцомъ, который преслѣдовалъ меня попреками и, наконецъ, явною холодностью и враждою.

Не имѣя ни малѣйшаго *руководителя по искусству* отъ самыхъ юныхъ до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ, я сдѣлался автодидактомъ въ полномъ смыслѣ, и Вы легко себя представите, что для доведенія себя съ азовъ науки гармоніи и пр. до созданія 5-актной оперы въ серьезнѣйшемъ стилѣ (Юдифя), съ которою я впервые рѣшился выступить передъ публикой, надо было *немало* трудовъ и *немало* времени.

Находятся люди, которые и теперь желаютъ упрекнуть меня названіемъ „самоучки“, но я горжусь этимъ титуломъ, когда результатъ не свидѣтельствуеть, что я недоучка.

Пристальное изученіе моего искусства по всевозможнымъ партитурамъ, по учебнымъ и ученымъ книгамъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, должно было сдѣлать меня критикомъ по своей части. Я узналъ все замѣчательное, что сдѣлано по искусству и по наукѣ искусства, и по врожденному свойству русскаго ума ко всему относился „критически“ я не довѣрялся слѣпо ученымъ, а *пропѣрлялъ* ихъ на дѣлѣ, одного контролировалъ другимъ, отъ крупныхъ дѣятелей до самыхъ мелкихъ. Путь для изученія дѣла—трудный, медленный, но зато вѣрный. Теперь публичная оцѣнка моихъ знаній.

Въ 1851 г. (т. е. тому уже 16 лѣтъ назадъ) я выступилъ музыкальнымъ критикомъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и, несмотря на равнодушіе и некорректность нашей читающей публики, этотъ матеріалъ былъ замѣченъ и весьма читаемъ. Но безпощадностью прав-

ды и рѣзкостью тона пріобрѣлъ (онъ) мнѣ, конечно, бездну недоброжелателей и я не былъ принятъ постояннымъ музыкальнымъ лѣтописцемъ *ни въ одну газету*.

Въ Россіи по части муз. критики дѣятелей слишкомъ мало. Борьбы для меня почти не было. Чтобы испытать свои силы посерьезнѣе я состязался (на франц. и нѣмецк.) съ европейскими критиками, когда надъ моимъ соотечественникомъ (нрзб.) доставила мнѣ порядочную извѣстность въ музыкальноученой Германіи и пріобрѣла мнѣ дружбу знаменитаго Франца Листа, который еще, *на зная меня лично* и не бывъ еще со мною въ перепискѣ, напечаталъ въ 1858 году замѣчательную статью о моихъ критикахъ.

Въ 59 году я близко сошелся съ Вагнеромъ, о дѣяніяхъ котораго началъ пропаганду уже за три года до того, и *впервые* въ Россіи.

(Изъ моихъ муз.-крит. работъ большая часть относятся къ Вагнеру и Глинкѣ).

Въ этотъ же 59 годъ открылось въ Петербургѣ „Русское Муз. Общество“ съ піанистомъ А. Рубинштейномъ во главѣ всего дѣла. Меня, русскаго и довольно (нрзб.), между горсточкой русскихъ музык. знатоковъ Р. М. Общ. оставило, конечно, въ сторонѣ. „*man ignorirte mich*“.

Въ 62 году основалось въ томъ же общ. Консерваторіи—*das Ignoriren* осталось въ своей силѣ. Тому же игнорированію не помѣшали и успѣхи мои на оперной русской сценѣ. Но если созданія мои цѣнными такими артистами какъ Листъ и Вагнеръ—безполезны, не примѣнимы и даже вредны въ „разсадникѣ піанистовъ“, то почему же и вообще въ Россіи меня обходятъ въ тысячѣ случаевъ, гдѣ бы *надо было* ко мнѣ обратиться?—

Отчего съ запасомъ знаній, весьма нечастымъ въ Россіи, я *голодаю*, тогда какъ дюжинныя головы процвѣтаютъ сплошь и рядомъ!—

Вы сами—писатель. Вы знаете, что на поэтическую авторскую дѣятельность невозможно посвящать все свое время, съ утра до вечера. У меня даже и во время писанія оперы—остается еще довольно таки свободныхъ часовъ, которые бы могли быть употреблены съ большою пользою для дѣла и съ выгодною для меня самого. И такъ уходятъ цѣлые года, десятки лѣтъ!

Ни кафедры, ни должности—соответственной моей эрудиции—я не могу получить, несмотря на то, что меня очень знают и, кажется, цѣнятъ, какъ музыканта.

Между тѣмъ какъ на затѣю тупого нѣмецкаго піаниста,—въ сущности пустую, потому что она лишена разумнаго направленія и—въ корнѣ враждебна всему русскому, русскіе „любители музыки(!)“ жертвуютъ съ фанатизмомъ десятки тысячъ:—меня съ самымъ чистымъ служеніемъ искусству, не только не поддерживаютъ, а умышленно давятъ и обезкураживаютъ (во, всемъ, кромѣ оперы).

Позднѣйшій примѣръ передъ Вами.

Чтобы проводить въ публику свои мысли объ искусствѣ прямо, безъ околичностей, чтобы дать отпоръ нелѣпостямъ фельетонистовъ, я открываю въ этомъ году спеціально критическую газету „Музыка и Театръ“.

Открываю безъ капитала, безъ сотрудниковъ, съ самыми благими цѣлями. Я полагаю, это порицанія не заслуживаетъ.

Другіе газеты отнесли къ этому изданію съ примѣрнымъ равнодушіемъ и недоброжелательствомъ. Публика еще и ухомъ не ведетъ! (А мнѣ, чтобы продолжать изданіе, нужно всего: 200 подписчиковъ!) Оклеветать меня, *что, будто я великаю Глинку ругаю (???)* уже успѣли, а вниманіе къ газетѣ, кромѣ „брани“, не выразилось ни въ чемъ.

Представляю Вамъ вышедшіе до сихъ поръ 10 №№. Если Вы признаете пользу такой газеты, я буду издавать ее. Со временемъ она можетъ сдѣлаться прямымъ органомъ самой дирекціи, при Вашихъ благихъ начинаніяхъ. Я *одинъ* во всей русской прессѣ, не отношусь къ Дирекціи фрондерски, не допуская между тѣмъ и лести.

Мой девизъ—знаніе дѣла и справедливость „à tout épreuve“, хотя бы съ уцербомъ для себя.

Безъ Вашей поддержки (моральной и всяческой) я, къ сожалѣнію, скоро долженъ буду прекратить это доброе предпріятіе, къ которому отнесли всѣ такъ несимпатично. Себѣ въ убытокъ издавать—и мое самоотверженіе уже такъ далеко идти не можетъ. Но и объ журналѣ своемъ я говорю Вамъ, въ видѣ эпизода, только въ примѣръ безвыход-

ности моего положенія въ Россіи, какъ чловѣка *ученаю* по музыкальной и театральной части,—также вообще въ примѣръ горькой участи мысли и науки въ моемъ отечествѣ.

Позвольте мнѣ навести Васъ на нѣсколько мыслей.

Если бы кто нибудь изъ такихъ людей, какъ Р. Вагнеръ или Верди, или Гуно сталъ бы *проситься на службу* при Имп. Дирекціи театровъ, не думаю, чтобы этимъ господамъ двери Дирекціи были захлопнуты на носъ, напротивъ, конечно раскрылись бы *à deux battans*“.

Почему же авторъ „Юдиѳи“, „Рогвѣды“ не можетъ себя хоть немножко приравнять къ тѣмъ лицамъ? Или—въ Россіи нужно быть прежде всего не русскимъ?

Подъ Вашимъ начальствомъ много чиновниковъ и много хорошихъ, даже отличныхъ артистовъ-исполнителей, но много ли людей служащихъ искусству и разумѣющихъ это служеніе?

Много ли людей свѣдущихъ, на примѣръ, по режиссерской части и притомъ литературно-образованныхъ, такихъ, однимъ словомъ, которые могли бы Вамъ помогать дѣйствительно?

Почему бы для меня *при Васъ*, не создать такой должности (въ родѣ, на примѣръ, оберъ-режиссера русской оперной труппы) какая была уже создана для пѣвца Сѣтова, когда его перевели въ Москву за потерю голоса?

Въ эту зиму будутъ ставить „Лоэнгина“, возобновятъ „Фрейшица“. О постановкахъ обѣихъ этихъ оперъ съ ученой и практической стороны я могу книги написать. Для „Лоэнгина“ я прожилъ нарочно цѣлое лѣто въ Дрезденѣ, (въ 59 г.) чтобы изучить эту оперу до мелочей, и знаю ее вполне (я былъ на 8 пробахъ и 19 представленій; опера при мнѣ тамъ въ первый разъ ставилась). Неужели въ Петербургѣ, чужомъ еще для Вагнеровскихъ оперъ, не обратиться на судъ и совѣтъ къ русскому апостолу вагнеризма?

Въ русской постановкѣ „Фрейшица“, кромѣ безобразнѣйшаго перевода. есть капитальныя ошибки, на которыя я и указывалъ устно и печатно, но оставался „гласомъ вопіющаго въ пустынь“.

Такихъ людей, какъ я, по своей спеціальности, въ другихъ земляхъ ищутъ, а въ Россіи (еще не слишкомъ то богатой просвѣщеніемъ) я самъ въ двери толкаюсь, а отъ меня только отмахиваются. Неужели я не могъ бы сдѣлать пользу для Дирекціи и еще съ другой стороны, напримѣръ, при театральномъ училищѣ, преподаваніемъ исторіи эстетики драматическаго и музыкальнаго искусства! Неужели архивы нотъ и книгъ при Дирекціи не требуютъ надзора специалиста?

Во всѣхъ случаяхъ, когда въ видѣ исключенія ко мнѣ заблагодарсудится обратиться, я приносивъ Дирекціи прямую выгоду. Напримѣръ, огромнѣйшимъ репертуаромъ большихъ Симфоническихъ концертовъ Дирекціи, когда при К. Шубертѣ (въ 1860—63) я составлялъ программы. Это можетъ Вамъ засвидѣтельствовать П. С. Фодоровъ.

Желаніе мое быть полезнымъ „многосторонне“ и самому избавиться отъ ложнаго положенія, которое меня тяготитъ, вотъ что заставляетъ утруждать Васъ такимъ длиннымъ изложеніемъ моихъ іереміадъ и моего адвокатства самаго за себя.

Vous n'allez pas déroger en me protégeant d'une manière efficace.

На Васъ я возлагаю свою послѣднюю надежду; изъ личной бесѣды съ Вами (о „Рогнѣдъ“ въ Москвѣ) я убѣдился, что прямая логика имѣетъ къ Вамъ прямой доступъ. Это меня поощрило въ настоящей эпистолѣ, быть можетъ, не совсѣмъ ловкой, но честной и правдивой.

Невниманіе и отъ Васъ, заставитъ меня круто повернуть весь планъ моей жизни. Я надолго оставлю Петербургъ. Поселюсь гдѣ нибудь за границей, поищу земли, гдѣ побольше европеизма и поменьше равнодушія къ наукѣ и мысли.

Съ величайшимъ нетерпѣніемъ жду Вашего отвѣта.

Глубоко преданный Вамъ

А. Сѣровъ.

Адресъ мой,—Его Высокородію Александру Николаевичу Сѣрову. Близъ Надеждинской, въ Ковенскомъ переулкѣ въ д. № 5.

БОРЬБА ЧЕЧЕНЦЕВЪ СЪ РУССКИМИ

До появленія Шейха Мансура Чечна была раздѣлена на двѣ части, мирную и немирную.

Раздѣленіе это на внутреннюю жизнь народа оказало гибельное вліяніе. Оно развило лицемѣріе, а практиковавшаяся нѣкогда система подкуповъ, хотя и достигала цѣли, но окончательно развращала нравы чеченцевъ. Подчинившись русскимъ въ силу необходимости, мирные чеченцы не упускали случая мстить. Являясь на глазахъ правительства покорными, они злоупотребляли довѣріемъ Россіи,—служили проводниками немирныхъ чеченцевъ и дѣлали нападенія на станицы казачковъ.

Немирные старались эксплуатировать своихъ братьевъ, уговаривали ихъ вредить русскимъ, обѣщали свободу послѣ окончательнаго изгнанія русскихъ. Положеніе мирныхъ было очень тяжелымъ, такъ какъ и русскіе и чеченцы нападали на нихъ. Это сильно отразилось на характерѣ чеченцевъ. Немирные чеченцы, пользуясь услугами мирныхъ, часто грабили ихъ. Они терпѣли это, и это развивало ихъ звѣрскіе инстинкты. Опьяненные случайными успѣхами набѣговъ, чеченцы забывали свою прямую цѣль—борьбу за свободу, и всецѣло отдавались разбойничьей жизни. Измѣна родинѣ, за которую раньше карали смертью, стала дѣломъ обыкновеннымъ. Не было чеченца, который бы устоялъ противъ денегъ. Лучшіе люди, со скорбью видя паденіе Чечни, тщетно старались улучшить положеніе вещей. Проповѣдь ихъ, хотя выслушивалась, но оставляема была безъ вниманія, грабежи русскихъ продолжались. При такихъ условіяхъ выступаетъ Шейхъ Мансуръ. О происхожденіи его говорятъ разное. Одни производятъ его отъ оренбургскихъ татаръ, другіе—считаютъ турецкимъ дервишемъ; подслан-

нымъ Портой для возмущенія горцевъ: есть указаніе, что онъ былъ чеченскимъ пастухомъ.

Шейхъ Мансуръ или Алдинскій племъ (по прозвищу чеченцевъ) принадлежалъ къ чеченской фамиліи Арестенджой. Онъ родился въ сел. Алды въ 20-хъ годахъ XVIII в. Личность его доселѣ мало изслѣдована. Какъ провелъ онъ молодость—неизвѣстно. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ, по обычаю мусульманъ, посѣтилъ Мекку. Это странствованіе сдѣлало переломъ въ его жизни, и указало ему средства для осуществленія тѣхъ плановъ, которыми онъ задавался. Онъ хотѣлъ объединить всѣ горскіе народы и единодушнымъ ихъ дѣйствіемъ изгнать русскихъ. Для этого онъ воспользовался религіей, отлично зная то уваженіе, какое оказывали чеченцы къ духовнымъ лицамъ. Религіозный фанатизмъ заслонялъ настоящіе мотивы борьбы чеченцевъ съ русскими. Ш. Мансуръ былъ фанатикомъ-политикомъ, стремящимся къ освобожденію своей родины. Трудности этой непосильной борьбы облегчались надеждами на Бога. Отдавая полную дань находчивости Мансура въ этомъ отношеніи, нельзя умолчать, что слишкомъ глубокая вѣра вредила ему. Какъ и всѣ фанатики, Ш. Мансуръ увлекался тамъ, гдѣ требовалась холодная, расчетливая дѣятельность. На чеченцевъ онъ имѣлъ замѣчательное вліяніе своимъ религіознымъ увлеченіемъ, но это же увлеченіе заставило его относиться съ недоувѣріемъ ко всему тому, что выходило за религіозную сферу. Какъ истый мусульманинъ, Ш. Мансуръ хотѣлъ, чтобы всѣ взаимныя отношенія его соотечественниковъ основывались на шаріатѣ и адатѣ. Установившимися традиціями приходилось жертвовать во имя новаго, непонятнаго народу религіознаго начала.

Всѣ оставшіяся преданія о Ш. Мансурѣ согласны въ томъ, что онъ владѣлъ необыкновеннымъ даромъ слова, наружность его увлекала, онъ былъ замѣчательно храбръ. И надо удивляться перелому, произведенному имъ въ жизни современниковъ. Взаимную вражду чеченцевъ замѣняетъ любовь другъ къ другу, споры, воровство, тяжбы, кровавыя мести прекращаются. Уваженіе къ собственности, уничтоженное грабежами, доходитъ до того, что найденную монету кладутъ на дорогѣ, чтобы легче возвратить владѣльцу.

Ш. Мансуръ легко шелъ къ цѣли, онъ соединялъ чеченцевъ для борьбы съ русскими.

До появленія его Чечна была наканунѣ паденія, вслѣдствіе обилія развращенныхъ элементовъ, постоянно ссорившихся другъ съ другомъ изъ за награбленнаго.

Теперь всѣ тяжбы прекратились. Кровомщеніе уже не примѣнялось.

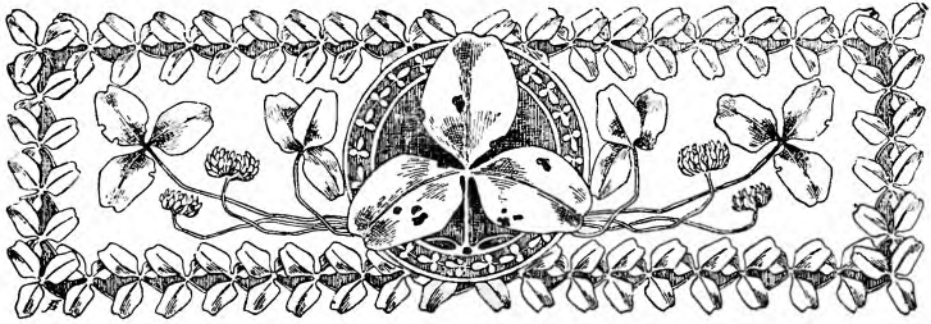
Всѣ дѣла оканчивались миромъ.

Народъ сдѣлался необыкновенно набожнымъ и дѣла рѣшались по шаріату. Въ своихъ письмахъ Ш. Мансуръ говорилъ, что умъ человѣческой и адаты—не въ силахъ дать людямъ правила въ рѣшеніи дѣлъ, только въ шаріатѣ—истина.

Такая глубокая перемѣна въ характерѣ чеченцевъ задержала на-долго паденіе Чечни.

С. Фарфоровскій.

ПИСЬМА КНЯЗЯ Д. И. ДОЛГОРУКАГО КЪ ОТЦУ

1820 годъ.

Буюкдерэ, 15-го сего ноября.

Любезный батюшка, сегодня я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо, помѣченное 18-мъ Октября, и сегодня же отвѣчаю вамъ. Не могу не признать себя виновнымъ въ горѣ и заботахъ, причиненныхъ вамъ молчаніемъ, которое я хранилъ въ продолженіе двухъ почтовыхъ сроковъ подъ рядъ.

Длинное письмо, которое я вамъ немедленно отправилъ. можетъ быть, ослабить ваше справедливое неудовольствіе и успокоить печаль, которую вы должны были испытать, но, несмотря на это, я чувствую себя очень несчастнымъ. такъ какъ послужилъ тому причиною.

Скука, которую мы здѣсь испытываемъ. составляетъ рѣзкую противоположность шумнымъ удовольствіямъ московскаго общества. Съ тѣхъ поръ какъ всѣ иностранные послы и дамы, проводившія лѣто въ Буюкдерэ. возвратились въ городъ на зимнія квартиры, наша деревня положительно опустѣла. Удовольствіе, доставляемое прогулками. прекратилось, потому что холодная погода заставляетъ насъ сидѣть дома и мы выходимъ только для того, чтобы проѣхаться верхомъ и тѣлеснымъ упражненіемъ согрѣть наши отяжелѣвшіе члены. Единственнымъ духовнымъ развлеченіемъ, оставшимся для насъ, является чтеніе, а также мы провѣряемъ правду и ошибки писателей, упоминавшихъ объ оттоманской Имперіи. На самомъ дѣлѣ она *пріятнѣе* издали. чѣмъ вблизи. и разные, лишенные достовѣрности, анекдоты о нравахъ и обычаяхъ этой страны усиливаютъ это благопріятное впечатлѣніе.

Нужно принимать участіе въ дѣйствіяхъ Правительства. нужно освоиться съ ихъ языкомъ, нужно сдѣлаться, такъ сказать, туземцемъ, чтобы удостоить ее величайшаго и любопытнѣйшаго вниманія, потому что только въ философскомъ отношеніи оттоманы заслуживаютъ серьезнаго размышленія, что особенно затруднительно, такъ какъ они избѣгаютъ всякаго общенія съ иностранцами.

Величайшее спокойствіе парить у насъ. и я чувствую себя прекрасно, любезный батюшка. Баронъ, который часто спрашиваетъ у меня о томъ, что у васъ новаго и поручаетъ мнѣ передать вамъ свой привѣтъ, относится ко мнѣ прекрасно. Я не могу также пожаловаться на своихъ товарищей, такъ какъ мы всѣ живемъ въ полнѣйшемъ согласіи. Тургеневъ достойнѣйшій человѣкъ, и несмотря на то. что очень часто мы не сходимся во взглядахъ на разные вещи. онъ очень ласковъ со мной. Однимъ словомъ, дай Богъ, чтобы во всѣхъ посольствахъ, гдѣ, быть можетъ, мнѣ случится служить, я чувствовалъ бы себя также хорошо въ этомъ отношеніи, какъ здѣсь.

Али Паша осажденъ въ столицѣ, большую часть которой онъ уничтожилъ огнемъ и мечомъ. Онъ еще сопротивляется врагамъ и пытается удержаться тамъ. Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что его паденіе недалеко и что Порты восторжествуетъ надъ этимъ непокорнымъ Пашою. сдѣлавшимъ столько зла своей области, и котораго одинаково ненавидѣли какъ турки, такъ и греки.

Наше посольство увеличилось послѣ пріѣзда Дашкова, бывшаго посланника Соединенныхъ Штатовъ. Онъ занялъ мѣсто канцлера посольства.

Это женатый человѣкъ. и его простой и привѣтливый характеръ обѣщаетъ быть для насъ пріобрѣтеніемъ.

Я получилъ нѣсколько писемъ изъ Петербурга. но братъ Павелъ упорно хранить молчаніе. Тургеневъ аккуратно съ каждой почтой получаетъ нѣсколько новыхъ произведеній сѣверныхъ поэтовъ. но все это такъ слабо, что только доказываетъ ничтожество ума и отсутствіе предмета, способнаго вдохновить таланты.

Не нахожу выраженій, равныхъ чувству признательности, которыми я проникнуть къ вамъ за ваши письма, дорогой. добрый батюшка, правильно получаемыя много съ каждой почтой, и эта великая

доброта ваша заставляеть меня вдвое сильнѣе чувствовать свои ошибки по отношенію къ вамъ. Но я надѣюсь исправить ихъ.

Кончаю это письмо, цѣлую вамъ руки, такъ же какъ и дорогой ма-тушкѣ, и остаюсь навѣкъ.

Вамъ почтительнѣйшій сынъ

Дмитрій.

Любезный батюшка, бывшій священникъ посольства только что замѣненъ другимъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга, и возвращается къ себѣ на родину. Такъ какъ ему придется ѣхать черезъ Москву, онъ согласился передать Вамъ это письмо, и я прошу Васъ, дорогой батюшка, окажите ему за это ваше содѣйствіе передъ московскимъ духовенствомъ. Онъ честный человекъ, и всѣ были имъ довольны, пока онъ жилъ при посольствѣ. Отъ него Вы можете услышать живой разсказъ о томъ, какъ мы живемъ, о нашихъ занятіяхъ и нашей скукѣ.

Это письмо, дорогой батюшка, въ которомъ я ничего не говорю изъ того, что составляетъ нашу правильную переписку, можетъ задержаться въ пути, и я набросалъ его только затѣмъ, чтобы сказать вамъ, что я чувствую себя отлично. Знаю также, что вамъ доставить большое удовольствіе бесѣда съ человекомъ, близко знавшимъ меня, человекомъ, который будетъ говорить только правду—вотъ еще причина, побудившая меня отправить вамъ это письмо.

Дай Богъ, чтобы оно застало въ добромъ здоровьи какъ васъ, такъ и всю нашу семью. Передайте мое почтеніе всѣмъ, кто изволить помнить обо мнѣ, а особенно княгинѣ Куракиной.

Прощайте, любезный батюшка, цѣлую вамъ руки, а также и ма-тушкѣ, и остаюсь навсегда.

Вашъ почтительный сынъ

Дмитрій.

21 сего Ноября.

Его Сіятельству

Милостивому Государю

Князю Ивану Михайловичу

Долгорукому.

У Воздвиженья на Поетномъ вражкѣ, близъ Дѣвичьяго поля. Въ *Москвѣ*.

3/15 Генваря 1821 года.

Меня очень удивляетъ, любезный батюшка, неаккуратность, съ которой вамъ было доставлено письмо, которое я имѣлъ удовольствіе послать вамъ 1/13 ноября. Подобная небрежность со стороны почтоваго вѣдомства, отъ которой такимъ образомъ страдаетъ частная переписка, заслуживаетъ вполне справедливыхъ упрековъ. Впрочемъ, такъ какъ я стараюсь, чтобы мои письма были интересны тѣмъ, для кого они предназначаются, я полагаю, что любопытство желающихъ ознакомиться съ ними не приведетъ ни къ чему, и надѣюсь, что со временемъ они будутъ приходить къ вамъ въ лучшемъ состояніи.

Тысячу разъ прошу прощенія, дорогой батюшка, за то, что съ послѣднимъ посланнымъ доставилъ вамъ ложную тревогу относительно моего здоровья.

Правда, въ началѣ прошлаго мѣсяца у меня былъ лишай на лицѣ, но, несмотря на это, не отступая отъ своихъ правилъ, я началъ говѣть. Постылся уже два дня, какъ вдругъ приключилась со мной сильная лихорадка, угрожавшая мнѣ продолжительной болѣзью. Вслѣдствіе этого, я былъ принужденъ отложить говѣніе, остаться въ деревнѣ и серьезно лѣчиться.

Слава Богу, я уже на ногахъ и совершенно поправился. Лишай появился вслѣдствіи испорченнаго желудка, а лихорадка—отъ сильной простуды, и то и другое прекратилось, какъ только я принялъ мѣры предосторожности противъ холода и пересталъ лакомиться.

Съ двумя послѣдними почтами изъ Петербурга я получилъ письма отъ княгини Шаховской.

Они полны добротой, которой эта милая тетья всегда отличалась по отношенію ко мнѣ. Я не забуду переслать ихъ вамъ при первомъ удобномъ случаѣ, и если я не дѣлаю этого сейчасъ, то только потому, что они нужны мнѣ для исполненія нѣкоторыхъ ея порученій, изъ которыхъ одно—непосредственно отъ Императрицы-матери.

Она желаетъ имѣть сѣмена цвѣтовъ, и такимъ образомъ я состою въ перепискѣ съ Ея Императорскимъ Величествомъ.

Я обѣщалъ сообщить вамъ, дорогой батюшка, подробности нашей будничной жизни: начну съ того, что съ каждымъ днемъ она стано-

вится все скучнѣе. Тучи или, вѣрнѣе, пары, поднимающіеся съ Чернаго моря, заволакиваютъ сосѣднія горы, и эти прекрасныя греческія облака, которыя когда то приносили землѣ боговъ, въ наши дни оставляютъ на землѣ лишь сырость, которая мѣшаетъ намъ гулять. Все утро посвящено служебнымъ занятіямъ. Вечеръ мы проводимъ въ комнатахъ, и единственно, чѣмъ мы можемъ наслаждаться, это тѣмъ, что чувствуемъ себя, какъ дома. Лежимъ на широкихъ диванахъ, подъ ногами великолѣпныя ковры, мы куримъ алоэ, и этимъ отдаемъ должное странѣ, которая можетъ доставить намъ это удовольствіе, или окруженные густымъ табачнымъ дымомъ, устанавливаемъ правила или споримъ о событіяхъ дня. Наше посольство очень многочисленно, но люди, мнѣнія которыхъ всегда болѣе или менѣе различны, рѣдко сходятся, и несмотря на то, что по внѣшнему виду всѣ находятся въ прекрасныхъ отношеніяхъ, каждый молча живетъ, какъ ему вздумается.

Таковы мы въ домашней обстановкѣ. Я очень хотѣлъ бы, чтобы мы больше сблизились другъ съ другомъ, но мнѣ кажется, что это очень трудно сдѣлать, единственно по той причинѣ, которую я только что высказалъ.

Мнѣ очень досадно, дорогой батюшка, что мое *маленькое* политическое обозрѣніе, не вполне одобрено вами. Вы правы, говоря, что мое изложеніе слишкомъ кратко, но я боялся потерпѣть неудачу въ болѣе длинномъ разсужденіи о вещахъ и событіяхъ, основанномъ на простой логикѣ, я опасался высказывать мысли, раньше меня высказанныя другими, и кромѣ того, вполне противоположныя современной политикѣ.

Третьяго дня я ѣздилъ въ Перу, чтобы по мѣрѣ возможности разсѣять обуявшую меня скуку.

Тамъ я провелъ вечеръ у австрійскаго посла, и поѣздка за 18 верстъ, которую я совершилъ, оказалась очень полезной для моего здоровья.

Я погруженъ въ чтеніе, дошелъ теперь до VI-го крестоваго похода, и мѣста и народы, столь памятные по многимъ событіямъ, вдвойнѣ занимаютъ меня.

Вотъ вамъ мѣсячный отчетъ, любезный батюшка. Мнѣ остается только поблагодарить васъ за послѣднее письмо отъ 3-го Декабря.

Это письмо не можетъ не быть краткимъ, дорогой батюшка. За послѣднія двѣ недѣли не произошло ничего замѣчательнаго или достаточно любопытнаго, чѣмъ можно было бы подѣлиться съ вами, если не считать небольшой прогулки въ Перу, которую я предпринялъ по приглашенію австрійскаго посланника графа Лютца.

Но дурная погода и необычайно бурное море не дали намъ возможности вполне насладиться, а балъ, данный папскимъ нунціемъ посланникамъ, вышелъ не очень блестящимъ, такъ что мы не могли забыть неудобствъ перѣзда. Толпа купцовъ и приказчиковъ,—вотъ главный составъ приглашенныхъ. Несмотря на все, и это небольшое цѣнно при нашей однообразной жизни, въ которой карты являются главнымъ развлеченіемъ.

Снѣгъ падаетъ густыми хлопьями, и никогда Босфоръ не былъ такимъ безобразнымъ, какъ сегодня. Дорогой батюшка, къ этому письму я прилагаю оба письма милой княгини Шаховской. Въ нихъ вы найдете слѣды ея благодѣяній, которыми я могу только гордиться. Когда вы ихъ прочтете, прошу васъ, верните ихъ мнѣ, потому что мнѣ очень важно сохранить ихъ среди лучшихъ отзывовъ обо мнѣ, и помѣстить ихъ вмѣстѣ съ письмами княгини Куракиной.

Дорогой батюшка, соблаговолите также прислать мой дневникъ.

Я чувствую себя, слава Богу, вполне хорошо. Мое нездоровье не имѣло послѣдствій. Работы у насъ вдоволь, а баронъ попрежнему добръ по отношенію ко мнѣ.

Его намѣренія относительно меня доказываютъ только его заботу обо мнѣ, и съ такимъ начальникомъ я работаю отъ всей души.

Мы ждемъ возвращенія курьера, который долженъ привести новости о васъ. Мои, мало интересныя, изсякли, и я кончаю писать, цѣлую руки вамъ, а также моей милой и дорогой матушкѣ. Прощайте, дорогой батюшка, дай вамъ Богъ здоровья и радости.

Остаюсь навсегда вашъ покорный и преданный сынъ

Дмитрій.

15-го сего Генваря 1821.

Передайте мое нижайшее назначеніе княгинѣ Куракиной. Цѣлую всѣхъ своихъ и отъ всей души желаю вамъ здоровья и радости. Же-

лаю того же доброй матушкѣ, цѣлую вамъ руки и остаюсь вашъ всегда покорный сынъ

Дмитрій.

Имѣлъ счастье получить ваше письмо отъ 5-го Генваря, любезный батюшка. и тревога, испытанная вами по случаю моего молчанія во вторую половину Декабря, доставила мнѣ большое горе.

Нездоровье, которое уже тогда давало о себѣ знать, не могло бы воспрепятствовать этому, если бы отправка почты, на этотъ разъ обширной, не оправдывала моего молчанія. Моего товарища Тургенева нельзя не похвалить за усердіе, съ которымъ онъ всегда пишетъ матери, но все таки онъ дѣлаетъ это послѣ того, какъ составить всѣ нужныя бумаги и покончить со всѣми заботами и хлопотами, обычно сопровождающими отправку курьера, и выбираетъ для переписки совершенно свободныя минуты.

Наша обычная жизнь идетъ своимъ чередомъ. Она напоминаетъ часы, заведенные скукою и нетерпяще никакихъ переменъ. За послѣднее время я два раза былъ въ Перу, хотѣлъ развлечься, но напрасно! Подобное общество не можетъ доставить развлечения. Это сборище невоспитанныхъ людей, для которыхъ первое удовольствіе—позлословить и похвастаться. Мы всѣ ждемъ-не дождемся весны, которая принесетъ намъ веселье и радость. Можно было бы навсегда остаться въ Турціи, если бы можно было вести переписку съ Небомъ и просить у него хорошей погоды, и можно было бы навѣки убѣжать изъ этой страны, если бы небо было всегда такъ же покрыто тучами, какъ теперь.

Но несмотря на скверное время года, какъ только проглянетъ солнышко, и среди зимы можно пользоваться лѣтними удовольствіями. Въ Турціи зима кажется гораздо длиннѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ можно развлечься въ обществѣ и забыть о дурной погодѣ, тогда какъ здѣсь чувствуешь себя до такой степени лишеннымъ всякаго удовольствія, что жизнь становится невыносимой. Слава Богу, дорогой батюшка, что хоть вамъ суждено вести другой образъ жизни, и что множество развлеченій помогаетъ вамъ весело проводить время.

Вы были такъ добры, сообщивъ мнѣ извѣстіе о беременности Антонины, и я полагаю, что къ тому времени какъ это письмо дой-

дети до васъ, она уже разрѣшится и васъ можно будетъ назвать дѣдушкой.

Я не перестаю молить Бога о ея благополучномъ разрѣшеніи, а также о здоровьи малютки.

Съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе доволенъ своими отношеніями съ барономъ, который по прежнему добръ со мной. Графиня д' Эга очень ласковая и любезная женщина. Она образована, и старается доставить удовольствіе всѣмъ окружающимъ, и я не разъ могъ видѣть доказательства ея доброты. Она обѣдаетъ и проводитъ весь вечеръ у барона, а я каждый день играю съ ними въ вистъ. Я никогда не думалъ, чтобы игра могла сдѣлаться для меня необходимою, а теперь я нахожу, что именно она была главнымъ путемъ для моего сближенія съ барономъ, и дала ему возможность ближе узнать меня.

Съ послѣдней почтой я получилъ письмо отъ брата Павла. Мнѣ кажется, что онъ опять дѣлаетъ ошибку, и я боюсь, что удобства, которыя онъ получить, переѣхавъ на квартиру, предложенную ему княземъ Долгорукимъ, будутъ ничтожны, въ сравненіи съ неприятностями, которыя его тамъ ожидаютъ.

Вотъ моя повѣсть послѣднихъ дней, дорогой батюшка. Прошу васъ, передайте мое почтеніе нашему старшинѣ, а также всей его семьѣ, и передайте мой низкій поклонъ княгинѣ Куракиной.

Въ заключеніе цѣлую вамъ руки, а также моей милой и дорогой матушкѣ. Цѣлую всю нашу семью и остаюсь всегда преданный вамъ сынъ

Д м и т р і й

1 Февраля 1821 года. _____

15/27 Февраля 1821 года.

Курьеръ запоздалъ по случаю дурной погоды, дорогой батюшка, а такъ какъ сегодня день отправки почты на сѣверъ, я по обыкновению пользуюсь случаемъ, чтобы отправить вамъ это письмо, хотя и не имѣю возможности отвѣтить на ваши строки, которыя я, вѣроятно, получу съ прусской почтой.

Здоровье мое въ хорошемъ состояніи. Сырость, обиліе снѣга и холодъ, хотя непревышающій одного-двухъ градусовъ мороза, не влі-

яютъ на меня такъ сильно, какъ въ началѣ нашей зимы-осени. Но если, съ одной стороны, я чувствую себя достаточно хорошо въ физическомъ отношеніи, я не совѣмъ доволенъ своимъ нравственнымъ состояніемъ. Я вынужденъ разстаться съ Андреемъ. Его склонность къ тоскѣ, удрученное состояніе, которое онъ испытываетъ, чувствуя себя въ совершенно чуждой средѣ и вытекающее отсюда недовольство поставили меня въ печальную необходимость отправить его въ Петербургъ, снабдивъ его всѣмъ необходимымъ для такого далекаго путешествія, и направить его на службу къ брату Павлу.

Заслуги этого человѣка и его преданность нашей семьѣ возлагаютъ на меня обязанность прежде всего просить васъ, любезный батюшка, не мѣнять вашего добраго отношенія къ нему и смотрѣть на его отпущекъ, какъ на видъ помощи, которую я стараюсь оказать этому человѣку, избавляя его отъ службы господину, нуждающемуся скорѣе въ ловкомъ мальчикѣ, чѣмъ въ лакеѣ, который служить ему во вредъ своему здоровью. Кромѣ того, такъ какъ нашъ дворецъ кишитъ ротозѣями и людьми, ведущими неправильный образъ жизни, я думаю, что дѣлаю доброе дѣло, удаляя его отъ общества, которое рано или поздно лишитъ его возможности честно исполнять свой долгъ и повиноваться своему господину.

Въ виду этого баронъ, которому извѣстны мои намѣренія, одобрилъ мой планъ и былъ такъ любезенъ, что одолжилъ мнѣ своего бывшаго лакея, который замѣнитъ мнѣ Андрея. Несмотря на свою рѣшимость и только что высказанные мною серьезные доводы, я до тѣхъ поръ не буду спокоенъ, дорогой батюшка, пока не узнаю вашего мнѣнія на этотъ счетъ. Кончая объ этомъ, еще разъ прошу васъ, не лишайте Андрея вашего добраго отношенія; во всякомъ случаѣ, если вы не исполните моей просьбы, то очень огорчите меня этимъ.

Такъ какъ для Антонины прошелъ срокъ разрѣшенія отъ бремени, то, можетъ быть, въ настоящую минуту вы уже дѣдушка, а я самъ начинаю играть роль дяди. Если это счастливое обстоятельство принесло въ нашу семью радость и восторгъ, я съ своей стороны объявляю, что принимаю въ нихъ живѣйшее участіе, присоединяя сюда же свои поздравленія матери, отцу, дѣдушкѣ, бабушкѣ, дядямъ и всѣмъ остальнымъ.

Заведенные часы идутъ, колеса вертятся на своихъ осяхъ и ничто не мѣняетъ ихъ движенія. Масляницу мы проводимъ печально. Ни

увеселеній, ни отдыха, соотвѣтствующихъ послѣдней недѣлѣ передъ постомъ. Но все таки, если нашъ планъ удастся, баронъ намѣревается дать въ воскресенье большой балъ. Это будетъ зависѣть отъ погоды—если она позволить обществу пріѣхать изъ города—такъ какъ съ Буюкдэръ существуетъ только водяное сообщеніе, нѣтъ ни дорогъ, ни экипажей.

Константинополь очень любопытная столица. Турки, съ тѣхъ поръ какъ завоевали ее, не только не подумали о ея украшеніи или объ удобствахъ населенія, но привели ее въ болѣе жалкій видъ, чѣмъ былъ этотъ городъ во времена владычества грековъ. Прекрасныя мечети, образцомъ которыхъ всегда служила св. Софія, и водопроводы съ прѣсной водой, вотъ ихъ лучшія произведенія. При видѣ ихъ можно сказать, что турки считаютъ Константинополь непостояннымъ жилищемъ, и смотрятъ на него только какъ на временное убѣжище.

Я предполагаю провести лѣто въ Азіи и осмѣлиться порыться въ землѣ, столь богатой остатками старины. Гора Олимпъ, вершина которой видна издалека, возбуждаетъ во мнѣ надежды, и я съ восторгомъ думаю о той минутѣ, когда буду у ея подошвы.

Уже давно, дорогой батюшка, не читалъ я ни одного вашего произведенія. Я съ искреннимъ сожалѣніемъ утерять нить вашихъ мыслей объ обществѣ, философіи, наблюденій надъ жизнью разсудительнаго наблюдателя. Вотъ что прельщаетъ меня, поэта зрѣлыхъ лѣтъ. Вотъ удѣлъ того, кто воспѣвалъ невинность, торжество совѣсти и бѣднаго „Парфена“.

Дождь, снѣгъ, вѣтеръ, масса невзгодъ соединились для того, чтобы задержать прибытіе почты, дорогой батюшка. Поэтому я вынужденъ отправить вамъ это письмо, не имѣя возможности отвѣтить на другое, которое должно придти съ сегодняшней почтой и котораго я ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Съ большимъ сожалѣніемъ думаю я о наступленіи дней, которые я привыкъ посвящать говѣнію, на этотъ разъ не имѣя возможности выполнить священный долгъ христіанина. Лишамъ, появившіеся на моемъ лицѣ, еще больше обезобразили меня, и по совѣту врачей мнѣ придется ѣхать въ городъ и брать тамъ ванны. Я знаю, какъ вы встревожитесь дорогой батюшка, узнавъ объ этомъ непріятномъ случаѣ, но могу васъ увѣрить, что это кратковременная болѣзнь, и, по словамъ врачей, черезъ нѣсколько недѣль я буду совершенно здоровъ. Тѣмъ временемъ я буду давать вамъ самыя

точные свѣдѣнія о ходѣ лѣченія, которое я намѣренъ предпринять и которое должно благотворно повліять на общее состояніе моего здоровья. Вотъ еще одна причина, заставляющая меня очень просить васъ, любезный батюшка, не предаваться мрачнымъ мыслямъ по этому поводу, такъ какъ, за исключеніемъ маленькаго пятна на лицѣ, я чувствую себя прекрасно.

Примите мои поздравленія съ наступающимъ новымъ годомъ, дорогой батюшка, а также матушка и вся наша семья.

Отъ всего сердца желаю, чтобы радость такъ же не оставляла васъ, какъ скука не разстается здѣсь съ нами. Зимой наша деревня—тюрьма, ни отдыха, ни развлеченій, которыя разнообразили бы нашу монашескую жизнь и занятія, которыя мы обязаны выполнять. Я совсѣмъ не получалъ писемъ отъ брата и очень беспокоюсь по этому поводу. Баронъ Строгановъ каждый разъ поручаетъ мнѣ кланяться вамъ отъ него.

Такъ какъ въ теченіе нѣкотораго времени я буду свободенъ отъ занятій, въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь описать вамъ наше обычное времяпрепровожденіе. Въ немъ вы увидите, дорогой батюшка, такую правильность и такое однообразіе, отъ которыхъ могутъ сдѣлаться и лишаи, и тоска.

Кончаю писать, цѣлуя вамъ руки, а также моей милой и дорогой матушкѣ, и навсегда остаюсь

вашъ почтительный сынъ

Дмитрій.

Прошу васъ, дорогой батюшка, передайте мое почтеніе княгинѣ Куракиной и низкій поклонъ архимандриту *Парфенію*.

Вотъ вамъ, любезный батюшка, сегодняшній отчетъ. Кончая его, цѣлую руки вамъ и дорогой, милой матушкѣ. Цѣлую всю семью и маленькаго душеньку въ колыбелькѣ. Остаюсь вамъ всегда покорный и почтительный сынъ

Дмитрій.

Буюкдэрэ, 28 сего Февраля 1821 года. № 1.

Сны не напрасно предвѣщали мнѣ счастливое событіе, любезный батюшка: ваше письмо отъ 18 Генваря оправдало мои надежды и осу-

щество мои мечты. Обиліе счастливыхъ событій въ нашей семьѣ придаетъ мнѣ новыя силы, чтобы порадоваться ея счастьемъ, и съ нѣжнымъ трепетомъ сердца я поздравляю васъ со званіемъ дѣда. Я не преминулъ воздать хвалу Богу, какъ только получилъ это извѣстіе отъ курьера. и надѣюсь, что Господь не отвергнетъ горячія мольбы маленькаго дядюшки. Да благословитъ Богъ маленькаго Александра и сдѣлаетъ его цѣлью жизни для родителей и утѣшеніемъ для дѣда! Только изъ боязни расплакаться, я не высказываю своихъ сожалѣній по поводу того, что не могъ присутствовать при счастливомъ событіи—разрѣшеніи Антонины, и я съ горечью думаю о томъ, что вотъ уже второй счастливый случай въ нашей семьѣ, которому мнѣ пришлось порадоваться издалека.

Надѣюсь, дорогой батюшка, что въ настоящую минуту ваше безпокойство о моемъ здоровьи совершенно разсѣяно предыдущими моими письмами. Дѣйствительно, я чувствую себя великолѣпно, и весенній воздухъ, оживившій всю природу, благотворно дѣйствуетъ на меня. Деревья у насъ распускаются, все возвѣщаетъ наступленіе прекраснаго времени года. Въ то время какъ у васъ разгребаютъ снѣгъ, мы копаемъ гряды, чтобы сажать розы. Пока вы кутаетесь въ мѣха, у насъ снимаютъ съ деревьевъ солому.

Я полонъ глубокой благодарности за то вниманіе, которымъ удостоиваетъ меня княгиня Куракина, и такъ какъ она согласна бросить милостивый взглядъ на слабыя произведенія моего пера, я льщу себя надеждой, что она захочетъ также найти въ нихъ сыновнія чувства, которыя я питаю къ ней. Они никогда не угаснутъ, и одного званія друга моего отца достаточно для того, чтобы добрый сынъ былъ на всю жизнь благодаренъ ей.

Припоминаю, дорогой батюшка, что въ послѣднемъ письмѣ я писалъ вамъ о предполагававшемся у насъ балѣ.

Онъ дѣйствительно состоялся. и вышелъ очень удачнымъ. Въ довершеніе всѣхъ удовольствій мы видѣли индійскихъ фокусниковъ, путешествующихъ вокругъ свѣта и показавшихъ намъ образецъ своей непостижимой ловкости. Они глотали шпаги, катали четыре шара заразъ, и т. д., и т. д., и т. д. Изумленное населеніе Перы видѣло въ этомъ колдовство или по крайней мѣрѣ чудо, предвѣщающее конецъ свѣта.

Мой товарищъ, Бутеневъ, очень озабоченъ состояніемъ здоровья своей сестры, которое, какъ говорятъ, внушаетъ опасенія, и я прошу васъ, дорогой батюшка, сообщить мнѣ точныя свѣдѣнія объ этомъ, и, по возможности, поскорѣе. Кромѣ личнаго участія мнѣ хочется сдѣлать одолженіе Бутеневу за его вниманіе ко мнѣ. Это рѣдкій человѣкъ, и такъ какъ въ общемъ мы сходимся во мнѣніяхъ, то одинаковый взглядъ на вещи еще больше сближаетъ насъ. Совсѣмъ иначе обстоятъ дѣла съ Тургеневымъ, который придерживается современныхъ взглядовъ, провозглашаетъ свободныя либеральныя мысли и хочетъ казаться *передовымъ*, или скорѣе человѣкомъ, слабымъ умомъ.

Но такъ какъ я не разъ замѣчалъ, что это скорѣе слова, чѣмъ истинныя чувства и такъ какъ я по опыту знаю, до какой степени онъ въ глубинѣ души мягкій и добродѣтельный человѣкъ, я не перестаю уважать его, и только не высказываю своего мнѣнія въ то время, какъ онъ выражаетъ свое.

Я предполагаю, что масляница въ Москвѣ вышла блестящей.

Наша прошла въ служебныхъ занятіяхъ и въ удовольствіяхъ монашескихъ. По моему, одиночество дѣйствуетъ на человѣка не только въ настоящую минуту, но отнимаетъ у него силу воображенія, дающую возможность жить въ прошломъ и въ будущемъ. О, никогда въ жизни я не буду монахомъ!

Замѣтивъ большую неисправность, съ которой намъ доставляются ваши письма, я рѣшилъ нумеровать свои. дорогой батюшка, и поэтому это мое письмо означено номеромъ первымъ.

Кончаю его, дорогой батюшка, просьбой, —начиная съ сегодняшняго дня, не сжигать моихъ писемъ, не потому, чтобы я хотѣлъ сохранить ихъ для потомства, но потому, что имъ я повѣряю всѣ свои мысли и чувства, такъ что они являются какъ бы моимъ дневникомъ, и я хотѣлъ бы снова перечитать ихъ, когда буду жить въ другихъ мѣстахъ и при другихъ условіяхъ.

Дорогая матушка не будетъ сердиться на меня за то, что я не пишу ей отдѣльно, и я надѣюсь, что она не сомнѣвается въ сыновнихъ чувствахъ, которыя я всегда питалъ и буду питать къ ней. Прощайте, любезный батюшка, нѣжно цѣлую вамъ руки и остаюсь всегда почтительный сынъ

Дмитрій.

Цѣлую руки милой тетушкѣ и молю Бога о ея здоровьи.

Сего 1/16 Апрѣля, Пера. № 2.

„Хоть еще не настало время, но я воскликну: Христось воскресъ! любезный батюшка. Настоящее письмо мое дойдетъ къ вамъ послѣ праздника и тогда поздравленіе мое будетъ у мѣста. Дай Богъ вамъ встрѣтить и провести оный въ добромъ здоровьи и совершенномъ спокойствіи духа. Меня сей праздникъ, конечно, застанеть съ бумагою въ рукахъ, но мысли и чувства мои вѣрно не будутъ въ землѣ иноплеменной.“

Вотъ мои поздравленія, которыя я хотѣлъ написать вамъ обязательно по русски, дорогой батюшка, но, вѣрный своему правилу писать вамъ всегда по французски, продолжаю на томъ же языкѣ.

Вѣроятно Тургеневъ былъ такъ любезенъ, что сообщилъ вамъ о причинахъ, помѣшавшихъ мнѣ написать вамъ съ послѣдней почтой. Обстоятельства съ каждымъ днемъ умножаютъ наши обязанности, и я не знаю, какъ благодарить небо за свободную минутку, которая выпала мнѣ сейчасъ.

Зная, насколько разстояніе вредитъ истинѣ, а иногда и совершенно искажаетъ ее, я спѣшу успокоить васъ на нашъ счетъ, сказавъ вамъ, что, несмотря на то, что мы находимся въ довольно критическомъ положеніи, мы вполнѣ обеспечены отъ неприятныхъ случаевъ. Мы уѣхали изъ своей деревни и уже три недѣли какъ живемъ въ Перѣ. Жизнь становится все скучнѣе и печальнѣе, а мѣры, принимаемыя турецкимъ правительствомъ для поддержанія порядка въ столицѣ, возмущаютъ людей, привыкшихъ къ мѣрамъ человѣческимъ. Таково положеніе вещей. Я не касаюсь подробностей, предоставляя ихъ правдивости газетъ, а васъ отъ всей души прошу не беспокоиться о личной нашей безопасности.

Единственно, что меня удручаетъ, это невозможность выполнить священный долгъ христіанина. Я волнуюсь, сравнивая тишину нашей часовни, гдѣ вижу васъ всѣхъ, возносящихъ къ небу горячія мольбы, съ окружающей меня тревогой и занимающими насъ мыслями.

Съ чувствомъ глубокой горечи я думаю о наступленіи праздника. провести который въ нѣдрахъ родной семьи—высшее счастье для сына.

Почта запоздала изъ за политическихъ осложненій и пока я могу доложить вамъ только о полученіи мною писемъ, дошедшихъ въ по-

ловинѣ Февраля. Я счастливъ, узнавъ, что вся наша семья находится въ добромъ здоровьи, не перестаю желать ей полного спокойствія, и ничто не доставляетъ мнѣ большаго удовольствія, какъ возможность успокоить васъ на счетъ себя, сказавъ, что чувствую себя великолѣпно.

Завтра день вашего рожденія, любезный батюшка, но увы! поздравляя васъ отъ всей души, я не могу не сознаться, что воспоминаніе объ этомъ днѣ усиливаетъ овладѣвшее мной горе, потому что, на самомъ дѣлѣ, что можетъ быть тягостнѣе душевнаго состоянія, къ которому можно примѣнить стихъ:

Средь милліоновъ душъ себя увидѣть сира.

Наша дипломатическая канцелярія увеличилась, такъ какъ пріѣхалъ Дашковъ, вернувшійся изъ поѣздки по Архипелагу. О немъ говорятъ много хорошаго, и, повидимому, онъ оправдываетъ сложившееся о немъ доброе мнѣніе.

Вотъ чѣмъ я закончу сегодняшній отчетъ, любезный батюшка. Вы получите это письмо позднѣе, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ оно пойдетъ моремъ, и слѣдовательно, все будетъ зависѣть отъ вѣтра—будетъ ли онъ попутный или противный. Цѣлую руки милой, дорогой матушкѣ и обнимаю всѣхъ. Надѣюсь, что милые не забыли меня, и низко кланяюсь княгинѣ Куракиной.

Прощайте, дорогой батюшка. Кончаю писать, цѣлуя ваши руки и вручая себя вашему родительскому благословенію, повторяю свою просьбу не придавать вѣры тому, что вамъ могутъ рассказывать о нашемъ пребываніи въ Константинополѣ, потому что, повторяю, мы находимся въ полной безопасности.

Остаюсь вашъ всегда покорный сынъ

Дмитрій.

Пера, 16/28 Апрѣля 1821 года.

Вотъ ужъ половина Апрѣля, любезный батюшка, а почты все нѣтъ.

Давно не имѣя отъ васъ извѣстій, я, такимъ образомъ, лишень самаго большаго, единственнаго удовольствія, которое осталось для насъ въ этой странѣ; и мнѣ, къ сожалѣнію, остается только извѣстить васъ о томъ положеніи, въ которое обстоятельства насъ поставили.

Ружейные выстрѣлы смолкли, несносные турецкіе солдаты уже не нападаютъ на крестьянъ среди бѣла дня, и въ настоящее время величайшее спокойствіе смѣнило волненія и опасности, которымъ мы подвергались въ нѣдрахъ самой столицы. Такую неожиданную перемену приписываютъ прибытію новаго Визиря, принявшаго самую строгія мѣры, чтобы подчинить дисциплинѣ войско, которое заставляло серьезно опасаться за общественное спокойствіе. Жестокія наказанія и возмездія, отъ одного упоминанія о которыхъ содрогнутся христіане, были несчастными послѣдствіями необдуманыхъ плановъ. Счастливы тотъ, кто вдали отъ возстанія, ничего не знаетъ о нашихъ ужасахъ, какъ на примѣръ, о патріархѣ Константинопольскомъ, повѣшенномъ на своихъ воротахъ въ первый день Пасхи, священнаго для христіанъ дня, кто не былъ свидѣтелемъ мѣръ, принятыхъ жестокимъ и по существу своему хитрымъ Правительствомъ. Самъ великій Визирь, какъ говорятъ, курилъ трубку, сидя у трупца, а двѣ тысячи евреевъ позорно волокли эти святые останки по улицамъ, послѣ чего бросили ихъ въ Босфоръ.

Непріятныя новости, дорогой батюшка, и я предоставляю газетамъ подробно ознакомить васъ съ событіями, о которыхъ я упоминаю вкратцѣ и о которыхъ совсѣмъ умалчиваю въ письмѣ. Я не хочу заполнять его такими возмутительными вѣщами.

Я чувствую себя, славу Богу, прекрасно, и жду, не дожждуся времени, когда опять буду въ Буюкдэрэ, гдѣ жизнь идетъ правильно. Наши занятія идутъ своимъ чередомъ, и привыкнувъ немного къ шуму Перы, я не жалуясь больше на скуку, которую приходится испытывать.

Въ послѣднемъ письмѣ я ничего не писалъ вамъ объ *Андреп*, котораго я взялся отправить въ Россію. Я снабдилъ его суммой денегъ, съ которой, я надѣюсь, онъ доѣдетъ до самаго Петербурга. Я не далъ ему писемъ къ вамъ, потому что я совершенно не знаю, какимъ путемъ онъ поѣдетъ и сколько времени уйдетъ на поѣздку. А пока мой новый лакей прекрасно служитъ мнѣ.

Такъ какъ я крайне занятъ службой, дорогой батюшка, я принужденъ сократить переписку съ вами, и поэтому прошу васъ успокоить на мой счетъ брата Павла и всѣхъ родственниковъ. Но больше всего я думаю о васъ, дорогой батюшка.

Не могу выразить, до какой степени я желалъ бы знать, что вы спокойны. Повторяю, я боюсь, чтобы большое разстояніе не представило вамъ съ ложной точки зрѣнія событія, которыя, на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не такъ ужасны. Стало быть, не сомнѣвайтесь въ достовѣрности моихъ писемъ и не тревожьтесь по поводу всякихъ ложныхъ слуховъ, потому что, увѣряю васъ, мы находимся въ полной безопасности.

Согласно высказанному вами въ одномъ изъ писемъ вашихъ желанію, я съ удовольствіемъ вышлю вамъ черезъ Одессу кофе и табакъ, съ условіемъ, что одинъ предназначается вамъ, а другое—милой, дорогой матушкѣ.

Кончаю письмо. цѣлую ваши руки, дорогой батюшка. Меня заставляютъ запечатать письмо раньше, чѣмъ я хотѣлъ бы, и помимо своего желанія, я прощаюсь съ вами. Цѣлую всѣхъ и остаюсь вашъ всегда покорный сынъ

Дмитрій.

18 сего мая 1821 года, Пера.

Къ моему искреннему сожалѣнію, я принужденъ написать вамъ такъ мало, любезный батюшка. Кромѣ того, что я могъ бы сообщить вамъ мало пріятнаго, главная цѣль настоящаго письма состоитъ въ томъ, чтобы увѣрить васъ въ прекрасномъ состояніи моего здоровья, хотя я нахожусь въ печальномъ положеніи. Почта приходитъ очень медленно и неисправно, потому что идетъ въ Турцію моремъ, и вотъ уже второй мѣсяць на исходѣ, какъ я не получаю отъ васъ извѣстій. Какъ то разъ почта принесла мнѣ нѣсколько вашихъ писемъ сразу, и въ двухъ послѣднихъ, отъ 17 Марта и 4 Апрѣля, я съ искреннимъ огорченіемъ прочелъ нелѣпыя слухи, распускаемые о насъ, тогда какъ никогда еще въ столицѣ не было большаго спокойствія чѣмъ теперь. Наказанія прекратились, и ужасная смерть патріарха, о которой я писалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ, была послѣднимъ ударомъ Правительства, угождающаго народу кровью убитыхъ имъ жертвъ. Съ каждымъ днемъ жизнь въ Перѣ становится скучнѣе, и нѣтъ ничего печальнѣе, какъ проводить весну въ такомъ безотрадномъ мѣстѣ. Мечты о скоромъ возвращеніи въ нашу деревню поддерживаютъ полуугасшія надежды, и я благодарю Бога за то, что онъ надѣлилъ меня воображеніемъ, способнымъ унести меня далеко отъ того мѣста, гдѣ я нахожусь въ настоящую минуту.

Съ огромнымъ удовольствіемъ, дорогой и милый батюшка, узналъ я о вашемъ рѣшеніи отправить Михаила въ Петербургъ, и я вдвойнѣ

радуюсь тому, что онъ отказался отъ военнаго поприща и выбралъ путь, хотя не такой блестящій, за то несравненно болѣе полезный. Я еще не успѣлъ написать ему, но я не премину снабдить его письмомъ къ милой тетѣ, которая, я увѣренъ, сдѣлаетъ все возможное для того, чтобы помочь ему пробиться на дипломатическомъ поприщѣ, что иногда, увы, бываетъ нелегко. Дай Богъ, чтобы хорошее, честное поведеніе вашихъ дѣтей вознаградило васъ за то одиночество, въ которомъ они оставили васъ! Но развѣ это не въ порядкѣ вещей? Желаніе сдѣлать что нибудь въ жизни сильнѣе обязанностей, налагаемыхъ самой природой, и лишь начиная съ того момента, какъ мы приобретаемъ права не слушать совѣтовъ постороннихъ, наши поступки соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ, основаннымъ не на юношескихъ мечтахъ, а на размышленіяхъ зрѣлаго возраста.

Я увѣренъ, любезный батюшка, что вы въ каждомъ письмѣ пишете обо мнѣ братьямъ, и надѣюсь, что Поль очень доволенъ своей ролью старшаго въ семьѣ. Это отвлечетъ его отъ мрачныхъ мыслей и смягчитъ суровую жизнь, которую ему приходится вести.

Я самъ чувствую себя прекрасно, утро провожу за работой, а вечерами хожу въ гости, не по расположенію, но скорѣе по обязанности. Тѣмъ не менѣе есть одинъ домъ, къ которому меня привязываетъ маленькая сердечная склонность къ хорошенькому личику, которая, хотя и заставляетъ меня забывать объ утренней усталости, но не настолько, чтобы забыть о доводахъ разсудка, болѣе холоднаго, чѣмъ когда либо.

Позвольте мнѣ повергнуть мое почтеніе къ ногамъ княгини Куракиной. Мнѣ тяжело сознаніе, что она удостаиваетъ меня чести читать мои письма, такъ какъ они нарушаютъ покой сельца Чуприна повѣствованіемъ о турецкихъ жестокостяхъ и кровавой мести, которыми полна Оттоманская имперія.

Вотъ въ общихъ чертахъ все, что я могу рассказать вамъ, дорогой батюшка. Подробности я откладываю до той минуты, когда снова буду въ родной семьѣ, если я начну ихъ описывать, *мое письмо будетъ слишкомъ любопытнымъ*, а я не хочу этого въ ущербъ будущему.

Цѣлую руки вамъ, а также и матушкѣ. Цѣлую всю нашу семью и вручаю себя ея свитому благословенію, единственной отрадѣ изгнанника.

16 іюня н. с. 1821 года.

Судя по послѣднему вашему письму изъ Москвы, дорогой батюшка, я надѣюсь, что это мое посланіе застанетъ васъ въ Александровѣ. Отправляю его прямо туда, и такъ какъ такой необыкновенный случай могъ лишить васъ вѣстей отъ меня, спѣшу сказать вамъ, что. слава Богу, я чувствую себя прекрасно, и что только видъ непрекращающихся жестокостей лишаетъ насъ возможности наслаждаться жизнью.

Народъ раздраженъ до послѣдней степени. Первый посланникъ и послѣдній канцелярскій писецъ вооружены съ головы до ногъ. Наша деревня, куда мы опять переселились, и весь берегъ Босфора носятъ на себѣ слѣды полнаго разрушенія. Въ домахъ никто не живетъ, это дѣло рукъ злодѣевъ, которые одинаково разятъ и праваго, и виноватаго.

Но насъ уважають, и до сихъ поръ намъ не приходилось опасаться за себя. Правда, мы ведемъ себя осторожно, и не выходимъ дальше сада и набережной.

Даже Константинополь въ ужасномъ состояніи: грабятъ, насилюють, убиваютъ, ничто не запрещается разнузданному населенію. Сколько разъ, дорогой батюшка, я со вздохомъ вспоминалъ родину, и сколько я пролилъ слезъ, будучи свидѣтелемъ времени, когда даже Провидѣніе, повидимому, утратило свои права.

Мнѣ очень тяжело питать мысль, что мое письмо будетъ для васъ источникомъ безпокойства, но я счастливъ, имѣя возможность удостовѣрять, что общая преступность не касается личной нашей безопасности.

Она ничуть не колеблется, и я умоляю васъ дорогой батюшка, гоните мрачныя мысли объ опасности, а главное, не вѣрьте ложнымъ предположеніямъ, распускаемымъ на нашъ счетъ, и разнымъ слухамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ истиной. Все, какъ и раньше, идетъ своимъ чередомъ, мы занимаемся, читаемъ, въ свое время отдыхаемъ, и если мы не чувствуемъ себя ни счастливыми, ни спокойными, то только благодаря обстоятельствамъ, которыя зависятъ отъ Бога.

Я получилъ письмо отъ брата Мишеля, который извѣщаетъ меня о вступленіи на дипломатическое поприще и о своихъ первыхъ успѣ-

хахъ.—Въ настоящее время наши посланники уже находятся въ Петербургъ и съ сегодняшнимъ курьеромъ я отправляю брату Мишелю два рекомендательныхъ письма къ очень вліятельнымъ лицамъ въ Канцеляріи Совѣта Министровъ, я получилъ ихъ отъ Бутенева.

Нашъ старшина направился въ Бессарабію, но, къ несчастью, сношенія съ этой областью затруднительнѣе, чѣмъ съ Китаемъ, и я не надѣюсь, что скоро получу извѣстія о немъ.

Баронъ по прежнему расположенъ ко мнѣ. Испанскій посоль де-Зеа только что вернулся изъ Петербурга, гдѣ онъ одинъ несъ на себѣ всѣ обязанности, и своимъ присутствіемъ увеличилъ наше общество, состоявшее раньше только изъ насъ самихъ. Мы были бы одни на всемъ свѣтѣ, если бы шумъ проходящихъ мимо войскъ и судовъ, непрерывно бороздящихъ Босфоръ, не напоминалъ намъ о томъ, что есть другіе люди, свидѣтели прискорбныхъ событій, совершающихся на нашихъ глазахъ. Многія изъ нашихъ дамъ отправляются моремъ въ Одессу и мое письмо пойдетъ на кораблѣ, поддерживающимъ сношенія съ Дворомъ.

Конечно, дорогой батюшка, вы изложите княгинѣ Куракиной мои чувства глубокой признательности за ея драгоценную память обо мнѣ и испытываемое мною счастье, видя поддержку въ разлукѣ съ вашими дѣтьми, доставляемую вамъ присутствіемъ Княгини.

Я хотѣлъ бы посадить въ ея цвѣтникѣ всѣ цвѣты Турціи, но, къ несчастію, приходится сѣять одни шипы, такъ какъ я шлю одни печальныя извѣстія.

Цѣлую руки милой, хорошей матушкѣ и умоляю васъ, дорогой батюшка, присылайте почаще вѣсти о себѣ: только онѣ дѣлаютъ сноснымъ наше существованіе.

Вручаю себя вашему святому благословенію и надѣюсь, что оно лучше всего охранитъ преданнаго вамъ сына

Дмитрія.

1-го іюля 1821 г. Буюкдэрэ, близъ Константинополя.

Сегодня годовщина моего пріѣзда въ Турцію. любезный батюшка.

Этотъ день я посвящаю исключительно вамъ и воспоминаніямъ прошлаго.

Увы! Какъ все измѣнилось! Съ какой горечью я сравниваю настоящее время съ той минутой, когда я впервые увидѣлъ эти мѣста. То же небо, тѣ же берега, но человѣческая жестокость лишила ихъ былого очарованія, былого значенія, которыя не такъ легко вернуть:

Ces bords fortunées de l'antique Italie,
Lieux où finit l'Europe et commence l'Asie.

Напрасно человѣкъ живетъ будущимъ. Мнѣ кажется, гораздо благоразумнѣе наслаждаться настоящимъ, не полагаясь слишкомъ на будущее. Время идетъ быстро, и иногда одинъ день совершенно мѣняетъ ходъ событій.

Ничто не можетъ сравниться съ отчаяннымъ положеніемъ, въ которомъ очутились несчастные жители Константинополя. Каждое утро приноситъ новыя казни, новыя изгнанія. Босфоръ напоминаетъ о безконечныхъ ужасахъ и возбужденіи разнузданныхъ солдатъ, и этотъ чудный проливъ, когда то покрытый множествомъ судовъ, полныхъ мирными людьми, теперъ кишитъ разбойниками и ихъ жертвами, смертные останки которыхъ носятся по волнамъ. Мы были сами свидѣтелями того, и одному Богу извѣстно, насколько глубоко горе въ чуткихъ душахъ невольныхъ свидѣтелей этого зрѣлища. Немыслимо обременять рассказъ подробнымъ описаніемъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вернулись въ Буюкдэрэ, здѣсь царитъ величайшее спокойствіе. Дома пусты, набережная кишитъ вооруженными людьми, но благодаря желѣзной дисциплинѣ Ибрагима Паши, который стоитъ въ нашей деревнѣ, ничто не угрожаетъ общественному спокойствію. Другое дѣло въ Перѣ, гдѣ всѣ неспокойны, волнуются, гдѣ все страшно, всего боятся.

Любопытство довело меня до турецкаго лагеря. Я былъ тамъ вмѣстѣ съ испанскимъ посольствомъ. Стоянка расположена на лугу, бывшемъ когда то излюбленнымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ верхомъ. Войско состоитъ изъ 3-хъ тысячъ человѣкъ. Мы проникли туда безъ малѣйшихъ затрудненій, и застали Пашу въ палаткѣ, наблюдающаго за фокусами какихъ-то жалкихъ евреевъ, въ то время, какъ солдаты копошились около труповъ двухъ несчастныхъ грековъ, которымъ только что отрубили головы. Отвращеніе еще преслѣдуетъ меня послѣ этого зрѣлища! Я не знаю точно, за что ихъ казнили, но думаю, что это было сдѣлано въ угоду фанатизму или чтобы доставить удовольствіе солдатамъ. Шатеръ богато украшенъ, посрединѣ сидитъ Паша; передъ шатромъ красуются на пикѣ его три почетныхъ хвоста, знамена

Магомета развѣваются у входа, тамъ и сямъ—гуляютъ на свободѣ лошади, военный шумъ и особенно странные наряды привлекали мое вниманіе и поражали меня, какъ совершенно новое зрѣлище. А между тѣмъ, въ полѣ царило величайшее спокойствіе. Ни брани, ни поводовъ къ бунту.

Я кончу это письмо, дорогой батюшка, выраженіемъ благодарности за два письма, которые вы имѣли любезность отправить мнѣ изъ Москвы, одно 17 Мая, другое 6-го Іюня.

Я получилъ ихъ оба сразу, потому что наши сношенія съ Одессой моремъ менѣ исправны. чѣмъ сухопутныя, которыми мы иногда пользуемся. Будучи увѣренъ въ томъ, что вы находитесь въ деревнѣ и ужъ давно пользуетесь счастьемъ быть вблизи княгини Куракиной и любезной, милой Шульгиной, къ сожалѣнію, я долженъ нарушить вашъ покой разказами о тѣхъ ужасахъ, очевидцами которыхъ намъ довелось быть. Вы вполнѣ правы, не вѣря всеѣмъ распространяемымъ на нашъ счетъ розказнямъ. а особенно извѣстію о томъ, что мы уѣхали изъ Константинополя. Вѣроятно отъѣздъ нашихъ дамъ *) далъ поводъ этой сплетнѣ.

3-го Іюля 1821 г., Буюкдэрэ, близъ Константинополя.

Я узналъ о назначеніи брата Поля въ Бессарабію, въ качествѣ члена комитета Иностранныхъ Колоній, изъ письма Мишеля, посланнаго мнѣ изъ Петербурга 14-го мая. Самъ Поль ничего не пишетъ, и напрасно онъ откладываетъ это до пріѣзда на мѣсто, въ Бессарабію, потому что въ силу теперешнихъ обстоятельствъ Бессарабія отъ насъ дальше, чѣмъ какая либо другая губернія Европейской Россіи. А такъ какъ комитетъ, къ которому онъ теперь принадлежитъ, находится теперь въ вѣдѣніи графа Каподистріи, то мы, все три брата, на одномъ и томъ же тернистомъ пути.

Меня не удивляетъ, что Поль предпочелъ Кишиневъ Петербургу. Онъ тяготился столичнымъ обществомъ, а во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ не будетъ стѣсняться, и независимость, къ которой онъ давно стремился, дастъ ему возможность вращаться въ средѣ, которую онъ найдетъ болѣе подходящей.

*) Въ числѣ ихъ госпожа Дашкова, жена Андрея Яковлевича.

Я съ удовольствіемъ узналъ объ успѣхахъ Мишеля при его вступленіи на дипломатическое поприще.

Дай Богъ, чтобы страсть къ военной службѣ не вспыхнула въ немъ снова. Тѣмъ не менѣе жаль, что онъ одинъ въ Петербургѣ, потому что, кромѣ удобства, которыми онъ пользовался. живя дома, его вкусы и образъ жизни будутъ зависѣть оттого, попадетъ ли онъ въ большой или, упаси Боже, малый свѣтъ, и это беспокоитъ меня. Конечно, нужда является и источникомъ испорченности, и школой, закаляющей характеръ юноши.

Я расквитался, дорогой батюшка, вашими поздравленіями съ барономъ. Онъ принялъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ, а достоинство, въ которое онъ возведенъ недавно, такъ же почетно, какъ онъ того заслуживаетъ. Онъ не перестаетъ высказывать мнѣ знаки своего расположенія, и я могу только радоваться его отношеніямъ ко мнѣ, какъ къ племяннику и подчиненному. Онъ рѣзокъ, вспыльчивъ, у меня бывали даже недоразумѣнія съ нимъ, но его доброта, можно сказать родительская, всегда выручала меня, какъ благодатный дождь послѣ сильной грозы. Тысячи прекрасныхъ качествъ лежатъ въ основѣ его характера, и онъ не забывается на верху почестей, а у кого изъ насъ нѣтъ слабостей?

У насъ слишкомъ сгущенная атмосфера для того, чтобы свѣтлый солнечный лучъ, о которомъ вы пишете, могъ упасть на насъ, а вымышленное извѣстіе о возведеніи моемъ въ санъ камергера, обрадуетъ меня только тогда, когда наступятъ болѣе спокойныя времена. Политическія событія въ Турціи страшны, какъ бушующая надъ головою гроза, и ея молніи такъ же разятъ невиннаго, какъ градъ бьетъ у насъ стекла и портитъ мебель, которыя, въ сущности, не имѣютъ съ нимъ ничего общаго.

Окружающія насъ одиночество и скука нарушены пріѣздомъ Зэа Бермудеца, испанскаго посланника въ Константинополь, который всѣ вечера проводитъ у насъ, и, повидимому, достойный человекъ. Мы до такой степени стѣснены въ нашихъ удовольствіяхъ, что мнѣ придется отказаться отъ верховой ѣзды, потому что нѣтъ возможности прогуливаться въ ту и другую сторону дальше набережной, изъ боязни быть раненымъ и даже убитымъ безъ всякаго толку, а такъ какъ я не собираюсь вступать въ переговоры съ богомъ Тартара, я продамъ свою лошадь и буду спокойно сидѣть въ своей комнатѣ.

Дай Богъ вамъ спокойной и счастливой жизни, дорогой батюшка!

Да пошлетъ онъ вамъ милость Свою, какъ до сихъ поръ Онъ хранитъ меня въ моемъ опасномъ положеніи, потому что я вполне здоровъ и чувствую себя прекрасно. Прошу васъ передать мой низкій поклонъ княгинѣ Куракиной и семьѣ Шульгина, особенно же его милой супругѣ и сестрѣ, увѣренія въ моей преданности и ненарушимомъ постоянномъ расположеніи.

Затѣмъ цѣлую вамъ руки, а также и матушкѣ. и прошу ее просмотрѣть это письмо, потому что оно написано къ ней, такъ же какъ къ вамъ. Вручаю себя святому родительскому благословенію и навсегда остаюсь, дражайшій батюшка, преданнымъ и почтительнымъ сыномъ

Дмитріемъ.

7-ю Юля.

Дядя Строгановъ каждый разъ поручаетъ мнѣ передать вамъ его привѣтъ, и если вамъ не будетъ трудно, дорогой батюшка, напишите ему маленькую записочку въ знакъ того, что вы рады видѣть меня подъ его особымъ покровительствомъ. Я ручаюсь, что его очень обрадуетъ ваше вниманіе.

Любезный батюшка, я поставленъ въ печальную необходимость въ двухъ словахъ успокоить васъ за нашу участь, которая въ Константинополь со дня на день все болѣе зависѣла отъ случайностей, и сообщить вамъ о нашемъ прибытіи въ Одессу.

29-го мы выѣхали изъ Буюкдэрэ, а 1-го мы уже стояли на якорѣ въ Одессѣ, такъ что нашъ переѣздъ совершился очень удачно. Съ первой же почтой вы *непременно* узнаете все, касающееся насъ, но пока у меня такъ мало времени, что я только скажу вамъ, что мы чувствуемъ себя отлично, а сейчасъ находимся въ карантинѣ, куда *всѣ* ходятъ смотрѣть на насъ. какъ на рѣдкихъ животныхъ, запертыхъ въ звѣринцѣ.

Прощайте, дорогой батюшка. Я невыразимо счастливъ, что вернулся на родину.

Цѣлую вамъ руки и остаюсь вашъ всегда преданный и покорный сынъ

Дмитрій.

1821 года.

Карантинъ въ Одессѣ, 3 Августа.

Тысячу разъ благодарю васъ, любезный батюшка, за письмо отъ 9-го Генваря присланное мнѣ и Мишелю вмѣстѣ. Оно застало насъ въ добромъ здоровьи, и я очень огорченъ тѣмъ, что наши оправданія долгаго молчанія оказались недостаточными, а между тѣмъ я увѣренъ, что если бы у насъ было побольше времени, вы никогда не чувствовали бы недостатка въ извѣстіяхъ отъ насъ.

Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ я ожидаю вѣстей о скорой женитьбѣ Алексѣя Нарышкина. Мы не можемъ сообщить вамъ ничего новаго, всѣ наши знакомые здоровы, и еще ничего не извѣстно о нашемъ будущемъ назначеніи.

Въ одномъ изъ вашихъ писемъ вы спрашивали меня, дорогой батюшка, получили ли мы какое нибудь денежное вознагражденіе. Конечно, мы ужъ получили, кромѣ крестовъ, по 200 дукатовъ на челоуѣка на путевые расходы по переѣзду изъ Константинополя въ Петербургъ.

Мнѣ очень досадно, что матушка такъ чинится со мной, потому что я и не ожидаю отвѣта, будучи заранѣе увѣренъ, что слова, подсказанныя ея добротой, будутъ настолько же лестны, насколько пріятны мнѣ.

Сегодня большой балъ у супруги князя Владиміра Голицына и я буду танцовать со всѣми барышнями, какія мнѣ пригласятся.

Вотъ все, что я могу сказать вамъ, дорогой батюшка.

Цѣлую всю нашу семью, а вамъ и дорогой милой матушкѣ цѣлую руки.

Вамъ преданный и покорный сынъ

Д м и т р і й.

17 генваря

1822 года.

На память отъ Дмитрія любимому брату и другу Пьеру.

Поэтический Римъ.

(Отрывокъ письма)

Nè greggi nè armenti
Guida bifoglio mai, guida pastore.

Вамъ конечно приходилось видѣть молодую, но грустную, покинутую женщину, грезящую о быломъ, далекомъ счастья. Такъ вотъ—такова римская равнина.

Жгучее солнце льетъ потоки свѣта на сухую землю съ вулканической почвой, безъ пастбищъ, безъ жнитва, но богатую всевозможными развалинами и памятниками старины: обиліе воспоминаній угнетаетъ насъ, какъ сладкій, но въ то же время тяжелый сонъ, а душа остается спокойной, какъ небо, отражающееся на прозрачной поверхности: ясность воздуха оживляетъ предметы, вы видите ихъ вдвое отчетливѣе.

Отроги горъ, составлявшихъ когда-то страны Сабинянъ, Вольсковъ, Стерниковъ (сколько племенъ сошло съ лица земли!), тянутся съ сѣвера на юго-востокъ и полукругомъ охватываютъ равнину Лаціума. Въ горахъ—истоки Тибра; онъ течетъ между Сорастомъ и священной рощей Тибурціа и медленно теряется въ бесплодной Остіи, гдѣ впадаетъ въ море. Я представлялъ себѣ его виды широкими, ясными, величественными; а глазъ замѣчалъ лишь необработанные, дикіе берега, только быстрыя, желтоватыя волны: такими бываютъ ранней весной грязные потоки тающихъ снѣговъ.

Часто, въ прекрасный майскій вечеръ, когда природа только что просыпается отъ глубокаго сна, я отправлялся на вершину Риччіи и садился тамъ на широкую скамью около церкви. Облака, долго оставшіяся неподвижными, вдругъ догоняли заходящее солнце. сумерки мало по малу ложились на сосѣднія долины, легкой вѣтерокъ колыхалъ обожженную солнцемъ траву, казалось поля снимали съ себя утомительный нарядъ. На громадномъ пространствѣ не было замѣтно никакого движенія; можно было услышать шелестъ травки, проглядывающей изъ трещинъ древней стѣны, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на всемъ лежала печать какого то безпокойства.

Казалось, ангелъ мира долженъ былъ спуститься съ небесъ. Въ такія минуты мнѣ нравилось сравнивать это царственное молчаніе природы съ воинственными кликами столькихъ народовъ, которые когда то съ этихъ самыхъ высотъ грозно обрушивались на Римъ. А что стало теперь съ Римомъ? Гдѣ они, эти ревнивые полчища? Владыки міра оставили намъ лишь величественные обломки, наводящіе на размышленія о духѣ народовъ и вѣковъ. Сколько разъ приходилось наблюдать, какъ осколокъ какого нибудь храма отрывался и скатывался внизъ; вслѣдъ за нимъ поднималось облачко пыли, и я говорилъ: *вотъ они, слава!*

Но, увы! Почему прекрасное зрѣлище доступно только душѣ, полной призраковъ счастливаго дѣтства, между тѣмъ какъ для чело-вѣка, серьезно относящагося къ жизни, подобное созерцаніе является неизсякаемымъ источникомъ сожалѣній или же онъ остается совершенно равнодушнымъ? Жизнь для него—всегда разъяренное море, гибнущій корабль. Развѣ это не доказательство того, что истинное счастье основано на спокойныхъ чувствахъ и на согласіи съ людьми, обстоятельствами и природой?

Въ Римѣ самыя лучшія зданія находятся внутри самого города.

Древнее и новое находится въ неразрывной связи. Здѣсь храмъ Агриппы, а тамъ—Святого Петра; могила Адриана и развалины Стеліополиса, чудеснымъ образомъ перенесенныя черезъ моря,—рядомъ съ базиликой Константина.

Остановимся на минуту передъ Пантеономъ. Это прекраснѣйшій изъ остатковъ древняго Рима; это изображеніе могущества и генія древнихъ. Взгляните на строгій и мрачный стиль, на этотъ перистиль, этотъ какъ бы застывшій образецъ соразмѣрности—на эти колонны, поддерживающія безсмертную надпись. Здѣсь одинаково обожествляли людей и милостивыхъ боговъ. Пантеонъ вовсе не искусственное соединеніе: это *одно цѣлое*, одна воплощенная мысль. Не восторженность составляетъ его величіе; вамъ не нужно справляться съ исторіей. можно не знать о его происхожденіи, о его древности: сразу видно, что это зданіе принадлежит не нашимъ вѣкамъ.

Пантеонъ похожъ на бурную ночь. Грустное противорѣчіе между брѣвностью чело-вѣка и прочностью его твореній!

Внутри Пантеонъ представляетъ изъ себя обширный правильный кругъ. Свѣтъ падаетъ изъ широкаго отверстія вверху свода, который Микель Анджело оторвалъ отъ земли и прикрѣпилъ на облакахъ. Вандализмъ лишилъ его самыхъ лучшихъ, великолѣпныхъ украшеній. Теперь ужъ нѣтъ ни скульптуры Діогена Афинскаго, ни каріатидъ, о которыхъ упоминаетъ Плиніи. Могила, смерть—вотъ мысли, овладѣвающія вами при входѣ въ этотъ храмъ. Можно подумать, что въ этихъ стѣнахъ произошла грозная революція; что здѣсь погибъ цѣлый стройный міръ. Богъ, умирающій на крестѣ, замѣнилъ башню Цитеры. Какой переворотъ!

Ach, da euer Warnedienst noch glänzte,
Wie ganz anders, anders war es da!
Da man deine Tempel noch bekränzte.
Venus Amatusia!

Но вотъ памятникъ. воздвигнутый во славу и паденіе Папскаго престола.

Ослѣпительный солнечный свѣтъ и шумъ фонтановъ такъ ошеломили меня, что войдя въ храмъ Св. Петра я, былъ сразу охваченъ такимъ покоемъ, что и въ одну минуту почувствовалъ себя гармоничнымъ. Мой взоръ блуждалъ среди безконечныхъ церковныхъ кораблей, мой слухъ, какъ въ тяжеломъ снѣ, былъ очарованъ звуками органа; малѣйшій шумъ на лѣсахъ, возведенныхъ для исправленія богатой позолоты свода, раздавался въ его огромныхъ пространствахъ, а расprostертые передъ святыми мощами люди и священнослужители, проходившіе по храму отъ главнаго алтаря, были едва замѣтны. Душевные явленія такъ же непонятны, какъ метафизическая сущность самой души. Чѣмъ больше нашъ восторгъ, тѣмъ онъ спокойнѣе. Обѣ стороны главнаго корабля переходятъ въ арки, соединяющія поперечные корабли, украшенные памятниками и мраморными статуями. Здѣсь все величественно, благородно, прекрасно! Этотъ храмъ—дань народовъ божеству; вдыхаемый тамъ воздухъ то же для души, что весна для цвѣтовъ. По мѣрѣ того, какъ вы подвигаетесь впередъ, восхищеніе растетъ; оно достигаетъ высшаго развитія, когда вы находитесь подъ куполомъ Микеля Анджело и только тогда взоръ можетъ блуждать по громадамъ, ничѣмъ не стѣсненнымъ. Вершина свода теряется въ блескѣ дня или въ туманѣ; въ мраморной паперти есть отдушины, черезъ которыя проходитъ свѣтъ въ склепъ древней церкви, построенной Константиномъ на мѣстѣ погребенія нѣсколькихъ первосвященниковъ. Такъ одинъ взглядъ соединяетъ жизнь и смерть, свѣтъ и тьму.

Между тѣмъ ничто такъ не дѣйствуетъ на воображеніе, какъ общій видъ Лаціума. Римскія поля засажены пальмами, дубами, явами. но большая часть почвы не воздѣлана. Только огороды и виноградники указываютъ на присутствіе человѣка, а внутри ихъ прячутся храмы, и ихъ своды покоятся на безформенныхъ грудахъ: въ наши дни это мѣсто можетъ служить только предметомъ идилліи, мѣсто, когда то бывшее храмомъ безсмертныхъ и жилищемъ оракуловъ. Изъ всѣхъ большихъ дорогъ, существовавшихъ со временъ Императоровъ, сохранились только двѣ: Фламиніева, по которой вы прїѣзжаете въ Римъ: и знаменитая Аппіева дорога, которая пестритъ могилами, разрушающимися въ безмолвіи пустыни, наполненной прелестнымъ запахомъ мелкихъ травъ.

Другъ забвенія, плющъ не разстается съ этими обломками и напоминаетъ о жизни взорамъ, помраченнымъ при видѣ безотраднaго зрѣлища. Каждая вещь, до которой вы дотронетесь тамъ—драгоценный камень, оторванный отъ короны воспоминаній.

Этотъ общій видъ даетъ какую то общую согласованность *между сердечными тревогами* и мрачными красками *ф. Сиклера* на планѣ римской равнины—картиной, изображающей новую метрополию (эпархіальный городъ).

Сколько разъ я любовался Колизеемъ въ тѣ минуты, когда умъ человѣка занимаетъ одна философія, когда душа отдѣляется отъ нашей планеты и полна только собою. Послѣдніе лучи солнца еще задѣвали Палатинскій холмъ; глухой, смѣшанный шумъ со всѣхъ сторонъ долеталъ до меня; мало по малу покровъ ночи спускался на Римскій Форумъ, Тріумфальныя арки, Священную дорогу и грозящихъ рогами быковъ, отдыхающихъ у подножія храма Юпитера. Скоро въ полной темнотѣ, какъ яркая звѣзда, показывалась лампада отшельника, и при видѣ этого мое воображеніе все больше отрѣшалось отъ обыденной жизни, мнѣ казалось, что я слышу ревъ тигровъ и львовъ, рукоплесканія народа, опьяеннаго преступной радостью, и мнѣ мерещился Тиверій, неподвижно, какъ черная точка, сидящій въ своей ложѣ.

Тотъ, кто никогда не блуждалъ по высотамъ озера Альбано, кто никогда не видѣлъ неподвижной бездны его водъ, его береговъ, одѣтыхъ въ молодую, свѣжую зелень, легкихъ лодокъ, мѣстами бороздящихъ поверхность ужасныхъ пучинъ,—тотъ не знаетъ природы въ ея тиши.

На склонахъ горъ построены огромные дворцы, но никто не стучится въ ихъ двери. Только *настоятель* съ лихорадочно-блѣднымъ лицомъ откликнется на вашъ зовъ; сорная трава поднимется до колѣнъ, фонтаны съ обломанными краями издають неопредѣленные, грустные звуки, грязные, запыхавшіеся ребяташки смотрять на васъ съ недоумѣніемъ: дайте же имъ что нибудь, потому что они умирають съ голода.

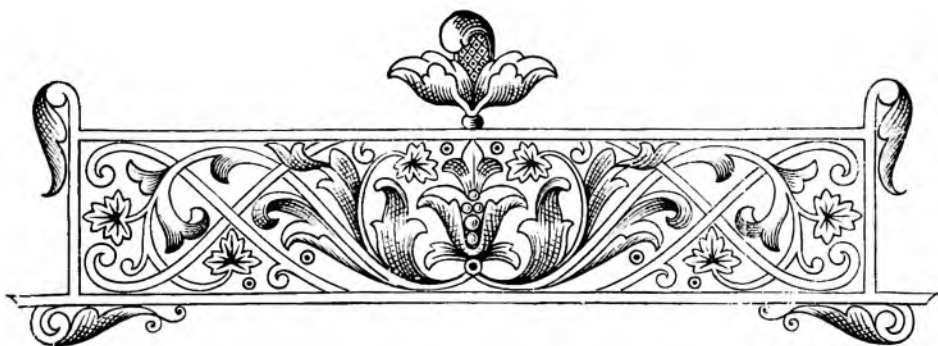
Бѣдная могила, которую путешественникъ отыскалъ среди густой рощи, не производитъ такого грустнаго впечатлѣнія, какъ молчаніе, смѣнившее блестящій пиръ, какъ трава, растущая на террасѣ, гдѣ рѣзвилась молодежь.

Поѣзжайте, поѣзжайте черезъ Альпы, достойный другъ; ступите на почву Авзоніи, пройдитесь по ея обширнымъ садамъ, разбросаннымъ безъ порядка и толка, гдѣ каждое дерево—картина, гдѣ каждое дуновеніе вѣтра—наслажденіе; придите, чтобы на мѣстѣ провѣрить точность вашей памяти: вы сразу узнаете берега, съ которыхъ бросился въ рѣку безстрашный Шелли; мостъ, который такъ чудесно обезсмертилъ въ своемъ произведеніи Коклэсъ—теперь отъ него остались однѣ развалины...

Римъ, Октябрь 1824 года.

Кн. Д. Долгорукой.

Графъ Румянцовъ-Задунайскій, какъ администраторъ

При работахъ въ Курской ученой архивной комиссіи надъ архивомъ Курскаго Намѣстническаго Правленія, намъ удалось напасть на весьма интересныя данныя, характеризующія Румянцева-Задунайскаго, доселѣ извѣстнаго болѣе, какъ одного изъ выдающихся полководцевъ XVIII вѣка, въ роли администратора.

Какъ извѣстно намѣстничества, заключавшія въ себѣ обыкновенно двѣ или три Губерніи, вводились на основаніи Учрежденія для Управленія губерній 7 Ноября 1775 года. Во главѣ ихъ мы встрѣчаемъ многихъ выдающихся блестящихъ сподвижниковъ Екатерины II: такъ, на примѣръ, намѣстникомъ Московской губерніи въ 1781 году былъ князь Долгорукій-Крымскій, Могилевской и Полоцкой губерній—графъ Чернышевъ, Тамбовской и Рязанской губерній—генераль-поручикъ Каменскій, Саратовской, Астраханской, Азовской и Малороссійской—князь Потемкинъ, въ Курской съ 1779 по 1781—графъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій.

Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій послѣ упорной и побѣдоносной турецкой войны, закончившейся Кучукъ-кайнарджійскимъ миромъ (1774) былъ призванъ къ мирной административной дѣятельности въ качествѣ генераль-губернатора малороссійскаго намѣстничества. Слѣдствіемъ его дѣятельности здѣсь было распространеніе на Малороссію общаго Учрежденія для управленія губерній въ 1782 году.

Въ 1779 году было учреждено Курское намѣстничество, намѣстникомъ былъ назначенъ Графъ Румянцовъ-Задунайскій, вслѣдствіе чего

титуль его читался „Малороссійскій Слободской, Украинскій и Курскій Генераль-Губернаторъ Генераль-Фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій“.

Графъ Румянцовъ Курскимъ намѣстникомъ пробылъ недолго, всего лишь по 13 Юня 1781 года, когда указомъ Императрицы Екатерины II Генераль-Губернаторомъ Курскаго и Орловскаго намѣстничества былъ назначенъ Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій.

Между прочимъ, сообщая объ этомъ указѣ населенію губерній, графъ Румянцовъ-Задунайскій говоритъ: „справедливость дѣлаетъ меня обязаннымъ свидѣтельствовать должную мою признательность, что съ начала устроенія въ семь намѣстничествъ новыхъ присутственных мѣсть видѣлъ я, что какъ господинъ правитель онаго, такъ поручикъ его, уголовной и гражданской палаты, верхнихъ земскаго суда, расправы и губернскаго магистрата господа предсѣдатель и всѣ члены губернскіе и въ уѣздахъ опредѣленные, въ исправленіи должностей своихъ и въ производствѣ къ общей пользѣ дѣлъ, имѣли всегда предметомъ ревностное усердіе споспѣшествовать исполненію воли Ея Императорскаго Величества согласно предписаніямъ Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія и установленному законами порядку“.

Такимъ образомъ трудное дѣло „устроенія“ Курскаго намѣстничества цѣликомъ легло на графъ Румянцовъ-Задунайскомъ.

Прежде всего возникъ вопросъ о постройкѣ зданія для правленія намѣстничества въ Курскѣ, такъ какъ до сихъ поръ оно помѣщалось въ Бѣлгородѣ, который считался губернскимъ городомъ.

Въ Февралѣ 1779 года завязывается переписка между графомъ Румянцовымъ и Бѣлгородскимъ губернаторомъ Генераль-Поручикомъ Петромъ Семеновичемъ Свистуновымъ. Первый пишетъ изъ Паравѣвки: „Рапортъ Вашего Превосходительства отъ 10, 27 и 30-го числа минувшаго Января я получилъ исправно и долженъ отдать справедливость Вашему неусыпному попеченію и трудамъ, какъ Вы въ мое облегченіе прилагаете въ чинимыхъ приготовленіяхъ къ вновь учреждаемому Курскому намѣстничеству. Найденные Вами въ Курскѣ къ употребленію на будущія строенія три дома Курскаго секретаря Протопопова, Соборной церкви протопопа и выстроенный купцами

постояльнй дворъ купить по сходной цѣнѣ за деньги изъ опредѣленной на таковыя надобности двѣнадцати-тысячной суммы. Въ прочемъ я надѣюсь, что Вы не упустите времени, которое постоитъ къ отъѣзду въ Санктпетербургъ со всѣми нужными объясненіями. А потому со всѣмъ тѣмъ прибытія Вашего буду ожидать вскорѣ, примите съ истиннымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Румянцовъ-Задунайскій.“

Въ слѣдующемъ письмѣ 12-го Марта оттуда же графъ Румянцовъ рекомендуетъ Свистунову „для приуготовленія казенныхъ строеній къ назначенному времени препоручить оно въ смотреніе надежной особѣ. Относительно же потребныхъ для всѣхъ приказовъ уборовъ, то на оныя суммы 5000 руб., и Ваше Превосходительство сообразуясь инымъ намѣстническимъ строеніемъ на первое время сооруженнымъ и расчислѣясь, прикажите оныя въ Петербургъ или Москвѣ гдѣ сходнѣе у купцовъ искупить“.

Надежной особой оказался коллежскій совѣтникъ и малороссійской коллегіи членъ Башиловъ, которому графъ Румянцовъ и поручилъ надзоръ „надъ новозаводимыми въ Курскѣ и уѣздныхъ городахъ строеніями“.

Назначеніе особаго лица для надзора надъ постройкой зданій было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ Свистуновъ какъ разъ въ это время находился въ Петербургѣ въ ожиданіи конфирмаціи Императрицей нужныхъ въ Курскомъ намѣстничествѣ строеній, при чемъ увѣдомлялъ, „что конфирмація скоро воспослѣдуетъ“.

Тѣмъ временемъ работа кипѣла: непосредственно Башилову, минуя Бѣлгородскую губернскую канцелярію, намѣстникомъ предписывается нанять плотниковъ и „являющихся по публикаціямъ охотниковъ къ перевозкѣ“.

Наводятся справки относительно казенныхъ лѣсовъ, находящихся въ Путивльскомъ уѣздѣ въ вѣдѣніи экономической коллегіи и, наконецъ, составляется реестръ, „примѣрное счисленіе матеріаловъ, потребныхъ на строеніе намѣстническаго дома въ Курскѣ“.

Но постройкой зданій техническая сторона реформы, конечно, не завершилась: нуженъ былъ обширный штатъ работниковъ, которыхъ требовала реформа Екатерины II.

Какъ извѣстно, Учрежденія о губерніяхъ 7-го Ноября 1775 года захватывало широкія области управленія и суда и привлекало все сословія. Недостаткомъ ея В. О. Ключевскій считаетъ излишнюю сложность и дороговизну управленія и особенно суда. Здѣсь необходимо вспомнить, что одновременно съ губернскимъ и нижнимъ земскимъ судомъ, учреждалась казенная палата, при чемъ судъ, распределенный по сословіямъ, имѣлъ три инстанціи:

1) уѣздный судъ для дворянъ, городской магистратъ для купцовъ и мѣщанъ, нижняя расправа для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ;

2) верхній судъ, губернской магистратъ и верхняя расправа;

3) Палата уголовная и гражданская для всехъ сословій. Одновременно учреждались совѣстный судъ и приказъ общественнаго призрѣнія.

Все это требовало большого штата чиновниковъ и внимательнаго руководства.

Разбираясь въ приказахъ графа Румянцева-Задунайскаго мы видимъ, какъ внимательно и умѣло проводилъ онъ это преобразование въ жизнь.

Прежде всего его занимаетъ вопросъ о личномъ составѣ намѣстничества, какъ главнаго административнаго органа: „Высокородный и Превосходительный Господинъ Генералъ Порутчикъ и Курскій Губернаторъ, Милостивый Государь мой! О находящихся во всехъ присутственныхъ въ губерніи Вашей мѣстахъ господахъ членахъ, благоволите Ваше Превосходительство сочинить обстоятельные списки съ показаніемъ противъ каждаго имени, находите ли Вы изъ нихъ кого къ помѣщенію въ Курское намѣстничество по штату и въ какую именно должность способными и особливо о являющихся къ Вамъ желающихъ къ опредѣленію. куда также кого находите способными и какія именно мѣста могутъ быть наполнены. а какія останутся затѣмъ празды, и доставить ко мнѣ въ самой возможной скорости“.

Далѣе намѣстникъ хлопочетъ объ открытіи губернскаго совѣстнаго суда, который учреждался для разбора тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, въ коихъ источникомъ преступленія являлось не злая воля, а несчастье, а также для полюбовнаго рѣшенія тяжбъ.

10 Января 1780 года графомъ Румянцовымъ отправляются чиновники въ уѣздные города со слѣдующимъ наказомъ: „По открытіи уже въ Курскѣ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ по Всевысочайшему Ея Императорскаго Величества о новыхъ губерніяхъ учрежденію 1775 года Ноября 7-го дня отправляетесь Вы въ города: Обоянь-Богатый, Бѣлгородъ, Корочу, Старый Осколь, Новый Осколь, Тимъ, Щигры, Фатежь, Дмитріевъ, Рыльскъ, Путивль и Суджу для такового же открытія въ оныхъ уѣздныхъ и нижнихъ земскихъ судовъ, дворянскихъ опекъ, городскихъ сиротскихъ судовъ, низшихъ расправъ; куда вы по прибытіи имѣете исполнить во всемъ по этому Всевысочайшему учрежденію, слѣдуя въ оповѣщеніи всѣмъ въ городѣ и уѣздѣ живущимъ дворянамъ о днѣ. назначенномъ къ открытію и сношеніи съ духовенствомъ о чтеніи въ церкви Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Манифеста 1775 года Ноября 7 дня.“

Не успѣли новые чиновники пріѣхать къ мѣсту назначенія и вкусить, такъ сказать, сладости своего положенія, какъ вслѣдъ имъ намѣстникомъ посылается доброе отеческое нравоученіе, какъ надо служить: „по открытіи всѣхъ въ уѣздахъ здѣшняго намѣстничества по Всевысочайшимъ Ея Императорскаго Величества учрежденіямъ судовъ и приказовъ первоначально надлежитъ мнѣ изъяснить коли нужно каждому, какъ для службы Императорскому Величеству и отечеству, такъ и собственно для самыхъ опредѣленныхъ къ должностямъ, рачительное исправленіе званія своего, а потому всѣ судящіе должны всемѣрно стараться исполнять по точности законовъ, доставляя всякому искателю справедливость и удовольствіе неотложно и избавляя всякаго отъ напрасной и незаконной волокиты; а относительно бдѣнія въ уѣздахъ и городахъ о сохраненіи добронравія и порядка и ускромленія, тому противящихся, нижніе земскіе суды и особливо капитаны исправники и городничіе соблюдать свою должность должны, какъ сіе прямо до нихъ относится, по содержанію упомянутыхъ Всевысочайшихъ учрежденій, о чемъ намѣстническое правленіе предпишетъ всякому мѣсту и особѣ. что до кого принадлежить съ тѣмъ, что всякъ рачительный о должности заслужить похвалу и достойное воздаяніе, а небрегущіе о ней будутъ сочтены, какъ недостойные и во зло употребившіе свое званіе и сверхъ того подвергнуть себя всей строгости, въ законахъ предписанной.“

И не даромъ было сдѣлано это внушеніе: вѣдь на обязанности намѣстника лежало быть „ходатаемъ за пользу общую и Государеву, заступникомъ утѣсненныхъ и побудителемъ безгласныхъ дѣлъ“.

Между тѣмъ, только что пріѣхалъ въ Курскъ этотъ ходатай, какъ посыпались со всѣхъ сторонъ жалобы и „претенсіи“. Козьмодемьянскій однодворецъ Михаилъ Креницкій жалуется на бывшаго воеводу Полонскаго, удержавшаго 93 руб., найденныхъ сыномъ просителя; три „смертоубивственныхъ“ дѣла однодворцевъ Телѣгина, Гридина и Рымшиной, начатая съ давнихъ поръ, остаются не только безъ рѣшенія, но и безъ надлежащаго производства; все видное чиновничество: Рыльня, воевода Лангъ, товарищъ воеводы Адамовичъ и канцеляристъ Овчинниковъ попали подъ судъ, дѣло о нихъ было начато по указу сената еще въ 1775 году, а между тѣмъ спустя пять лѣтъ самъ воевода сидитъ еще подъ карауломъ въ Бѣлгородѣ и, сидя подъ арестомъ, сочиняетъ жалобу намѣстнику.

Графъ Румянцовъ по послѣднему дѣлу издаетъ приказъ: „а какъ на производство и рѣшеніе таковыхъ дѣлъ по коимъ кто содержится подъ арестомъ, въ изданныхъ на то точныхъ указахъ предписаны сроки, о чемъ въ Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества учрежденіяхъ 1775 года ноября 7-го дня главы XIV въ ст. 188-й особливо предписано, дабы винные за свои преступленія неотложно наказаны быть, а невинные себя оправдать и отъ напраснаго утѣшенія свободу получить могли, въ такомъ случаѣ не можетъ ничто извинить судящимъ упущеніе своей должности“.

Сложность нововводимыхъ судебныхъ и административныхъ учреждений, какъ извѣстно, отразившихъ на себѣ преломленныя въ сознаніи русскихъ дѣятелей, не исключая самой Екатерины, идеи либеральныхъ французскихъ ученыхъ и публицистовъ XVIII вѣка, въ частности Монтескье, едва ли могла способствовать быстрой прививкѣ ихъ на русской почвѣ: всѣ эти расправы, суды и магистраты порождали массу чиновниковъ и дорого стоили и врядъ ли достигали цѣли. Выходило такъ, что раньше не было никакого суда, а теперь сразу стало много. Между тѣмъ нравы и приемы суда и управленія оставались тѣ же и вотъ почему нужно было недреманное око намѣстника, который то и дѣло напоминалъ чиновникамъ объ ихъ обязанностяхъ. До самаго послѣдняго момента пребыванія въ Курскѣ графъ Румянцовъ-Задунайскій принимаетъ многочисленныя жалобы на чиновниковъ и издаетъ приказы „объ установленіи справедливости“.

1-го Апрѣля намѣстникъ запрашиваетъ губернское правленіе о судьбѣ дѣла „колодника“ крѣпостного крестьянина Козьмина, обвиняемаго „въ смертномъ убійствѣ своего помѣщика“. такъ какъ Суд-

жанскій нижній земскій судъ, считая его неподлежащимъ разсмотрѣнію „по неимѣнію въ той округѣ нижней расправы, послалъ его въ Суджанскій уѣздный судъ, но послѣдній возвратилъ это дѣло обратно“. Намѣстникъ по этому поводу издаеть слѣдующій указъ: „дабы впредь въ дѣлахъ подобной, какъ выше упомянутой, конфузїи быть не могло и всякъ зналъ мѣсто, гдѣ съ какой претенсїей являться къ полученію своего удовольствїя по законамъ должны, исполнить по моему предложенію отъ 3-го Февраля,“ въ которомъ говорилось, что намѣстническое правленіе обязано выписывать, „какіе именно иски и претенсіи до какого новаго суда, расправы и приказа принадлежать.“

11-го Ноября графъ Румянцовъ снова подтверждаетъ, что получаетъ многочисленныя жалобы на суды, а въ Январѣ слѣдующаго года принужденъ отдать подъ судъ городничаго Суджи Лукьяна Тимченкова, обвиняемаго обывателями города въ разныхъ притѣсненїяхъ, побояхъ „уностреленїяхъ ихъ въ собственныя работы и во взяткахъ“.

Вотъ еще образецъ того, какія безчинства творились и какой безпорядокъ царилъ въ то время въ присутственныхъ мѣстахъ. Въ Обояни существовалъ тогда нѣкій купецъ Стойкинь, большой, повидимому, насильникъ, такъ какъ разорялъ бѣдныхъ обывательницъ и при томъ самымъ разбойнымъ образомъ. Пострадали отъ него двѣ вдовы, Капитанши Атреплева и Юшкова.

На послѣднюю купецъ Стойкинь послалъ цѣлую команду солдатъ и цѣловальниковъ, которые прїѣхали „въ самую полночь, вошли въ хоромы, били ее, Юшкову, и мучили смертно, взяли у нея денегъ болѣе пяти сотъ, да серебра и пожитковъ, всего до тысячи рублей, ее же почти замертво привезли въ городъ Обоянь въ питейную контору. безо всякаго до нея надлежащаго дѣла“.

Обѣ вдовы пожаловались уѣздному предводителю Глазову, а тотъ препроводилъ жалобу въ верхній земскій судъ, который въ свою очередь нашелъ это дѣло неподсуднымъ, о чемъ послалъ Глазову, какъ называетъ послѣдній, „указы и реприманды“. Намѣстникъ по этому поводу предписываетъ правленію на точномъ основанїи законовъ о дворянской опецѣ передать это дѣло для исполненїя верхнему земскому суду.

Тотъ же источникъ даетъ намъ очень любопытный матеріалъ. характеризующій отношенїе къ крѣпостному праву графа Румянцова-

Задунайскаго. Это отношеніе тѣмъ болѣе примѣчательно, что мы имѣемъ свѣдѣнія, какъ смотрѣлъ на права и обязанности помѣщика тотъ же самый П. А. Румянцовъ, но не генераль-фельдмаршаломъ, а молодымъ офицеромъ въ царствованіе Елисаветы въ 1751 году, послѣ того, какъ Румянцовъ побывалъ за границей, въ Берлинѣ. Румянцовъ издалъ тогда наказъ для управленія своими имѣніями.

„Этотъ наказъ,—говоритъ В. О. Ключевскій,—цѣлый кодексъ, на основаніи котораго должны были управляться и жить крестьяне, здѣсь перечислялись виды преступленія, которыя судитъ помѣщикъ, и виды наказаній, какимъ подвергаются крестьяне за проступки и преступленія. Помѣщикъ судитъ за воровство и другія уголовныя преступленія, за неисправность, за нерадѣніе къ церкви, за непочтительность; наказанія, какія онъ налагаетъ—это штрафъ, цѣпи, заключеніе въ тюрьму, батоги.

„Румянцовъ за малый проступокъ налагаетъ очень тяжелое наказаніе, за незначительную кражу у крестьянина отбираютъ все имѣніе и самого отдають въ солдаты безъ доклада барину. По Русской Правдѣ подобное наказаніе носило названіе, „потоки и разграбленія“, но оно назначалось за самыя тяжкія уголовныя преступленія: поджогъ, разбой и конокрадство. За непосѣщеніе церкви безъ уважительной причины налагается штрафъ 10 коп. въ пользу церкви, за обиду, нанесенную крестьяниномъ дворянину, по требованію обиженнаго виновный подвергался батогамъ, „пока тотъ доволенъ будетъ“, т. е. безъ опредѣленія границы, притомъ наказываемый долженъ былъ уплатить своему владѣльцу 2 руб. штрафа.“

Въ нашемъ распоряженіи имѣются три ордера графа Румянцова-Задунайскаго Курскому намѣстническому правленію, изданныя въ Курскѣ 18 Января, 23 Января и 10 Февраля 1780 г. Въ первомъ изъ нихъ говорится о свободныхъ уроженцахъ, „по своей волѣ и договору“ служащихъ у помѣщиковъ и прикрѣпляемыхъ послѣдними тѣмъ или инымъ способомъ: „дабы въ данномъ случаѣ съ одной стороны удержать помѣщиковъ отъ ненормальнаго вольныхъ людей порабощенія, а съ другой преградить и сихъ могущіе быть иногда въ невыполненіи по своимъ обязательствамъ и въ побѣгѣ до срока своеволіе и иныя безпорядки я Курскому намѣстническому правленію предписать нахожу нужнымъ, чтобы вездѣ въ семъ намѣстничествѣ въ городахъ, селахъ, деревняхъ до послѣдняго селенія опубликовано было всѣмъ и каждому, дабы никто никого изъ свободныхъ людей, вступившихъ къ кому либо

въ частную службу сверхъ договора кольми паче надъ желаніе жить у себя не принуждали, а по окончаніи термина отпускали ихъ съ надлежащими свидѣтельствами“.

Еще рѣче отношеніе намѣстника къ другому уродливому явленію крѣпостного права—паспльному уводу чужихъ женъ и дѣвушекъ и вѣчанію ихъ за своихъ крѣпостныхъ.

Графъ Румянцовъ-Задунайскій называетъ это явленіе „человѣчеству совсѣмъ несвойственнымъ и, слѣдовательно, невѣроятнымъ“ и поручаетъ правленію „всякую таковую жалобу разсматривая и отсылая въ надлежащее судебное мѣсто, особливо притверждать, чтобы по важности происшествія слѣдовано и рѣшимо было со всею строгостью и скоростью, дабы сколь возможно скорѣе угнетаемаго освободить, а преступника наказать безъ послабленія по силѣ законовъ и тѣмъ вовсе пресѣчь таковыя злыя и безчеловѣчныя поступки.“

„Разныя безпокойства и безчинія и особливо захватываніе чужихъ дѣвокъ и женъ и вѣчаніе за крѣпостныхъ своихъ людей“ побудили намѣстника разослать всѣмъ земскимъ исправникамъ и городничимъ для опубликованія такъ называемый открытый листъ, въ которомъ онъ, повторяя свое выраженіе „о безчиніяхъ необычнаго рода, оскорбляющихъ самое челоуѣчество“ призываетъ всѣхъ „стараться всемѣрно сохранить отнынѣ навсегда тишину и спокойствіе, судъ обязанъ доставлять скорое и неотложное рѣшеніе“. исправники и городничіе должны „прилежно наблюдать, чтобы никакихъ непозволенныхъ поступковъ нигдѣ не происходило“, епархіальные же архіереи дадутъ „строгія повелѣнія, а воспреценіи всякаго зла предписанными ими духовенству мѣрами“.

Таковы три указа графа Румянцова-Задунайскаго, имѣвшіе цѣлью сократить злоупотребленія, связанныя съ крѣпостнымъ правомъ. Происхожденіе ихъ легко объяснить: съ одной стороны на встрѣчу этому шло законодательство Екатерины II, хотя, какъ извѣстно, какъ разъ въ это царствованіе крѣпостное право достигло своего высшаго развитія и превратилось въ личную зависимость крѣпостныхъ, ставшихъ частной собственностью землевладѣльцевъ. Но не надо забывать что при Екатеринѣ же былъ изданъ указъ 18-го Октября 1770 года, по которому помѣщикъ могъ судить крестьянина только за тѣ проступки, которые по закону не сопровождались лишеніемъ всѣхъ правъ

состоянія, а также указъ 1771 года, коимъ запрещалось продавать крестьянъ за помѣщичьи долги съ публичнаго торга.

Съ другой стороны необходимо добавить разницу въ положеніяхъ графа Румянцова-Задунайскаго: въ 1751 году онъ былъ всего лишь молодымъ помѣщикомъ, въ 1780-омъ—намѣстникомъ „ходатаемъ утѣвленныхъ“, къ тому же отразившимъ тогдашнее увлеченіе общества либеральными идеями французскихъ публицистовъ.

Къ числу положительныхъ административныхъ качествъ графа Румянцова-Задунайскаго слѣдуетъ отнести его заботы о просвѣщеніи ввѣреннаго ему края.

Вскорѣ по вступленіи въ должность, 21-го Января, онъ издаетъ слѣдующій ордеръ: „между иными Всевысочайшими Ея Величества учрежденіями, относительно до главы 25 о приказѣ общественаго призрѣнія, первоначально нужна статья 381, о народныхъ школахъ, а особливо для благороднаго юношества, поелику извѣстно, что изъ здѣшнихъ обывателей попечительные отцы, стараясь о воспитаніи дѣтей своихъ, сыскиваютъ для обученія ихъ изъ дальнихъ мѣстъ учителей съ потеряніемъ не малаго иждивенія, но въ одной особѣ рѣдко сыскиваются всѣ науки потребныя, а при заведеніи школъ съ малымъ ихъ къ тому способствованіемъ весьма уменьшится ихъ убытокъ и облегчится забота. При такомъ отъ общества пособіи господина губернскій и уѣздные предводители съ благороднымъ дворянствомъ не отрекутся взять на разсужденіе и въ самой вещи способствованіе“.

Мысли графа Румянцова-Задунайскаго объ образованіи благороднаго юношества скоро получили осуществленіе: въ 1783 году въ Курскѣ было основано на средства Курскаго и Орловскаго дворянства Благородное Училище.

На ряду съ заботами о просвѣщеніи графу Румянцову-Задунайскому не разъ приходилось оказывать содѣйствіе всякимъ просвѣтительнымъ и другимъ начинаніямъ.

Такъ, напримѣръ, въ Маѣ 1781 года Академіей Наукъ была снаряжена научная экспедиція для астрономическихъ наблюденій подъ управленіемъ экстраординарнаго профессора Петра Иноходцева. Наблюденія велись „для опредѣленія градусовъ широты и долготы разныхъ городовъ при составленіи генеральной сферической карты всея импе-

ріи“. Намѣстникъ по этому случаю издаетъ указъ „о дѣланіи надлежащаго вспоможенія отправляющейся экскурсіи во время проѣзда оной черезъ ввѣренныя мнѣ губерніи и пребыванія ея для того въ городахъ Нѣжинѣ, Лубнахъ, Харьковѣ и Курскѣ“.

Владимирскій генераль-губернаторъ графъ Воронцовъ избрѣлъ „преполезное для казеннаго интереса средство къ продовольствію провіантомъ и фуражомъ воинскихъ командъ“. Средство это сводилось къ обязательной натуральной повинности обывателей: послѣдніе обязывались доставлять въ городъ рожь по 1 рублю за четверть и овесъ по 60 коп. къ извѣстному сроку. Намѣстникъ незамедлительно опубликовалъ это „преполезное“ средство.

Впрочемъ избрѣтенія бываютъ разныя. Какъ разъ въ это время въ Ригѣ отставной секундъ-маіоръ Іоаннъ Мей избрѣлъ чудодѣйственный бальзамъ, который онъ, несмотря на заявленіе медицинской коллегіи, что бальзамъ этотъ „никакого уваженія не имѣетъ“, продолжалъ дѣлать, но изъ-за долговъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги въ Украину. Недреманное око намѣстника и здѣсь проявило свое дѣйствіе: за избрѣтителемъ было приказано слѣдить, и выслать въ Ригу „къ удовольствію его кредиторовъ“.

Не оставлена была безъ вниманія графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ и торговая жизнь губерніи. Но на этой сторонѣ его дѣятельности еще разъ можно было убѣдиться, что „всеу законы писати, ежели ихъ не исполняти“. Въ Январѣ 1780 года графъ Румянцовъ-Задунайскій поручаетъ намѣстническому правленію собрать подробныя свѣдѣнія, „въ какихъ именно мѣстахъ бываютъ ярмарки, въ какое время и сколько продолжаются, откуда свозятся продаваемые на тѣхъ ярмаркахъ товары, въ чемъ оныя главнѣйше состоятъ и куда большею частью по распродажѣ развозятся, съ раздѣленіемъ ярмарокъ на большія, среднія и малыя, относительно количества и цѣны товаровъ съ означеніемъ, по какимъ дорогамъ и изъ какихъ мѣстъ, какого сорта товары на ярмарки привозятся и откуда какими дорогами развозятся отъ покупателей?“ Но въ Декабрѣ того же года намѣстникъ принужденъ повторить свое предложеніе, такъ какъ оно оставалось невыполненнымъ въ продолженіе цѣлаго года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ намѣстнику приходилось бороться со страшнымъ зломъ своего времени—корчемствомъ. Откупщики неоднократно жалуются на то, что „корчемство противъ прежняго ни мало не прекра-

пается, что военнослужащіе, приставленные къ искорененію въ уѣздѣ корчемства, престарѣлые и увѣчные,—и что зная ихъ слабое состояніе не только въ ночное время, но и днемъ черезъ форпосты пагло вино провозить“. Намѣстникъ по этому случаю издалъ пространное распоряженіе, въ которомъ называетъ корчемство преступленіемъ „криминальнымъ“ и наказываетъ судить его по всей строгости.

Какіе же черты характеризуютъ графа Румянцова-Задунайскаго, какъ администратора?

Человѣкъ блестящей эпохи, вельможа Екатерининскаго времени, вкусившій западной цивилизаціи, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій какъ нельзя болѣе отвѣчалъ своему назначенію: призванный быть „ходатаемъ за пользу общую и государеву, заступникомъ утѣсенныхъ и побудителемъ безгласныхъ дѣлъ“ онъ внѣдрялъ законность въ населеніе, боролся съ произволомъ и безчинствами, насаждалъ просвѣщеніе, проводя въ то же время сложную реформу суда и управленія. Нашъ источникъ, думается, даетъ основаніе въ полной мѣрѣ назвать его дѣятельнымъ, безпристрастнымъ и просвѣщеннымъ администраторомъ. Мало того во всѣхъ распоряженіяхъ его сквозить умѣніе легко находить въ запутанныхъ положеніяхъ, быстро рѣшать дѣло. Провести въ жизнь сложную реформу въ полтора года, коснуться всѣхъ сторонъ жизни края и вездѣ сказать свое вѣское слово—это качество во всякомъ случаѣ незаурядное. особенно, если принять во вниманіе широкое поле административной дѣятельности графа Румянцова-Задунайскаго, какъ намѣстника Малороссійскаго, Слободскаго, Украинскаго и Курскаго одновременно.

Дѣятельность графа Румянцова-Задунайскаго была оцѣнена по достоинству Императрицей Екатериной II:

По донесеніи въ Петербургъ графа Румянцова-Задунайскаго объ открытіи Курскаго Намѣстничества, имъ было получено письмо съ Монаршей благодарностью слѣдующаго содержанія:

„Графъ Петръ Александровичъ! Съ особливимъ удовольствіемъ получила Я донесенія Ваши о благополучномъ открытіи Курскаго Намѣстничества, присланнымъ директоромъ экономіи Башиловымъ. Въ семь случаевъ новый подвигъ Вашъ, оказанный по многимъ прежнимъ въ славу и пользу Мою и Имперіи Моей приѣмлю Я съ тѣмъ отличнимъ благоволеніемъ и признаніемъ, каковыхъ усердіе

Ваше къ службѣ и благу общему прямо достойно. Пріятно Мнѣ было видѣть тутъ свидѣтельство Ваше о чувствахъ благодарности, съ какими дворянство и все общество тамошнее приняли Мое о добрѣ ихъ попеченіе. Удостоверьте ихъ, что событіе сихъ Моихъ на пользу ихъ намѣреній есть главнѣйшее Мое желаніе, а содѣйствіе со стороны ихъ точнымъ исполненіемъ всего предписаннаго и радѣтельнымъ исправленіемъ званія на каждаго изъ нихъ возложеннаго лучшая предо Мною и отечествомъ жертва. Объявите равнымъ образомъ удовольствіе Мое и всѣмъ духовнымъ и мірскимъ чинамъ въ семь дѣлъ въ пособіе Ваше трудившимся. Пребываю въ прочемъ Вамъ доброжелательная

Екатерина“.

Въ заключеніе позволимъ себѣ повторить слова Державина въ одѣ „Водопадъ“, относящаяся къ графу Румянцову-Задунайскому:

Благословенъ среди позднихъ вѣковъ
Да будетъ другъ сей человѣковъ.

В. Рѣшетинскій.

ВСТРѢЧА ПАСХИ ВЪ 1825 ГОДУ

(Изъ писемъ А. П. Болотова къ дѣду и родителямъ).

I.

С 134....

*14 писмо отъ внука моего
Алекся Павловича ко мнѣ отъ 2 Апрѣля 1825 г.*

Христось Воскресе!

Милостивый Государь.

Почтеннейшій дѣдушка.

Пріятнейшимъ удовольствіемъ вмѣняю принести вамъ мое усерднейшее поздравленіе съ наступившимъ высокаторжественнымъ праздникомъ воскресенія Спасителя Нашего при искренномъ желаніи проводить вамъ не только сіи дни но и дождатся до будущаго праздника въ совершенномъ здоровъе и во всякомъ благополучіи.....

..... О себѣ же вамъ донесу, что я нахожусь слава Богу здоровъ и время проводилъ въ послѣдніи дни великаго поста находясь наиболѣе занятымъ экзаменами колоновожатыхъ въ офицеры что кончилось совершенно въ великій четвергъ. колоновожатые же были въ самый праздникъ со множествомъ офицеровъ, получившихъ чины по линіи. Самый праздникъ встретилъ я во дворцѣ, гдѣ обѣдня, бывшая тотчасъ послѣ заутрени, кончилась в половинѣ третьяго часа. Такъ какъ было еще рано, то мы всѣ залегли спать и вставъ въ 8 часу разговорелись въ своей пріятельской компаніи, послѣ чего каждый поѣхалъ съ своими визитами. Обѣдалъ же я въ сей день вмѣстѣ съ Мишею у Николая Михайловича Логинова, которой принимаетъ меня всегда благосклонно.—Между прочимъ, сообщу вамъ, что я въ праздникъ былъ поздравленъ за годичной трудъ полученіемъ ордена св. Анны 4-й степени, носимымъ на шпагѣ.—Остальныя дни проводилъ я наиболѣе въ тишинѣ и сидючи дома, ходилъ только въ хорошее время гулять на нашу улицу, гдѣ бываетъ всегда передъ обѣдомъ болшое стеченіе народа.....

.....

II.

*18 писмо отъ внука моего къ
его родителямъ отъ 31 Марта 1825.*

С. 189.... Вотъ наступила и святая неделя. съ которою усердно васъ поздравляю....

....Сообщу вамъ теперъ о своемъ времяпрепровожденіи.

....На Страстной неделѣ былъ у насъ общій экзамень колонновожатыхъ. которой дѣлалъ самъ Дибичъ и остался весьма доволенъ особенно математическимъ.—Светлое воскресенье я встретилъ во дворцѣ, гдѣ завтня и обѣдня кончилась вполонину 3-го часа.—Поздравивъ Дибича возвратились домой и залегли спать, потому что мы передъ обѣдней не ложились. Въ 8 часу разговелись въ своей компаніи. а имянно были Христіани и всѣ наши пріятели офицера.—Послѣ сего я сдѣлалъ всѣ свои визиты, и былъ у Тутошина, Засядки. коего не было дома и меня приняла Елисавета Максимовна весьма хорошо и просила о продолженіи знакомства.—Христіани, Бибикова, Шнейдера. Аксенова, Рохманова. Калошинныхъ и Логинновыхъ. Послѣдней пригласилъ меня къ себѣ обѣдать вмѣстѣ съ Мишею въ 9 часу заежжалъ я въ аглинскую церковь, гдѣ видалъ в первой разъ какъ они причащаются.—Вечеръ провелъ я дома вмѣстѣ съ Князевымъ, вчерашній день былъ утромъ у Ремкильца. а вечеркомъ у Кинга.

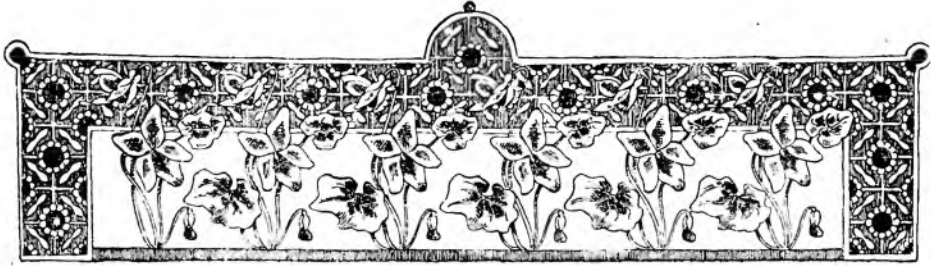
У насъ въ Светлое Воскресенье было огромное производство по свитѣ: Христіани произведенъ за отличіе въ подполковники. а Шенингъ полный въ капитаны. всемъ нашимъ училищнымъ офицерамъ достались по линіи чины, да и пора, потому что всякой изъ нихъ служилъ по четыре года въ своемъ чинѣ—сверхъ повышенія по линіи въ чины мои товарищи Крюковъ и Ладыженской за годъ службы получили въ награды перстни, а вашъ покорный слуга пожалованъ въ ковалера ордена Анны 4 степени.—Сія награда меня ни сколько не радуеть....

Сообщилъ **В. С. Арсеньевъ.**

Тула. 12 Марта. 1914.

(Сія выписка извлечена изъ находящагося у Т. М. Долиннино-Иванскаго переплетеннаго томика писемъ, переписанныхъ рукою А. Т. Болотова и озаглавленнаго: „Лѣбопытная переписка между близкими родными“, ч. I. 1825; въ томикъ сей вошло: предъизвѣщеніе А. Т. Болотова и копія 43 писемъ за періодъ времени съ 9 янв. по 23 авг. 1825, на 409 стр.)

В. А.

КЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСТВА

*„Евреи образуютъ государство
въ государство.“*

Шиллеръ.

(Книга Кагала Я. Брафмана).

*„Иудей до нашего даже времени про-
никалъ всюду, чтобы провозглашать
общенародное право, но на дѣль не
держался этого права; онъ хранилъ
свой особенный статутъ; онъ хотѣлъ
гарантій для всѣхъ и сверхъ этого
своихъ особенныхъ законовъ. Онъ хо-
тѣлъ выгоды для націй, не бывши на-
ціей, не раздѣляя народнаго бремени.
Никакой народъ никогда не могъ сно-
сить этого“.*

Эрн. Ренанъ.

(Разореніе Иерусалима. Э. Ренана. Пере-
водъ съ французскаго П. П. Надеждина
стр. 17. Москва 1886 г.)

Въ статьѣ „Къ исторіи еврейства“, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“ 1910 г., въ книгѣ III и 1911. въ книгѣ I, мы выяснили вредъ равноправія Евреевъ въ Франціи, Германіи и Австріи и расширенія ихъ правъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра II. Главною причиною этихъ мѣръ было господство въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтій началъ Французской философіи о разумѣ, свободѣ, равенствѣ и братствѣ людей, о естественныхъ правахъ чело-
вѣка и прирожденной ему добродѣтели. и увѣренность, что съ полу-
ченіемъ равноправія евреи переродятся въ полезныхъ гражданъ.

Такимъ образомъ правительства трехъ государствъ рѣшили еврей-
скій вопросъ по предвзятымъ, ложнымъ ученіямъ, не ознакомившись
съ болѣе важнымъ, чѣмъ пятикнижіе Моисея, устнымъ закономъ Евреевъ—

Талмудомъ, какъ ученіемъ о ихъ вѣрѣ, нравахъ и дѣятельности. Евреямъ были даны общія гражданскія права, безъ измѣненія ихъ особыхъ племенныхъ, челоѡконенавистническихъ законовъ, которые обособляютъ ихъ въ особое „государство въ государствѣ“, въ положеніи наслѣдственныхъ государственныхъ заговорщиковъ и приносятъ неисчислимый, нравственный и экономическій вредъ народамъ, среди и которыхъ они живутъ, возбуждая въ нихъ глубокою вражду къ себѣ—антисемитизмъ¹⁾.

Въ Россіи въ 1870 году Я. Брафманъ (крещенный еврей) подтвердилъ слава Шиллера, что „Евреи образуютъ государство въ государствѣ“ всѣмъ содержаніемъ своей „Книги Кагала“ о религіи, бытѣ и дѣятельности Евреевъ, и первый открылъ русскому обществу, что въ чертѣ ихъ постоянной осѣдности существуетъ настоящее, негласное Іудейское царство, раздѣленное на общинныя, кагалныя округа, въ которыхъ Евреи имѣютъ свои суды „Бет-дины“ и управленія общинъ—„кагалы“ (упраздненные правительствомъ въ 1844 году) съ деспотическою властью, и при помощи этихъ учрежденій безчеловѣчно эксплуатируютъ личность и имущество христіанъ. Все это подтверждено документами и фактами, приведенными въ „Книгѣ Кагала“ и нами въ статьяхъ „Къ исторіи еврейства“, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ“, въ книгѣ II, 1893 года и въ кн. III, 1910 г.²⁾

Усилившаяся вредоносность Евреевъ съ расширеніемъ ихъ правъ въ Россіи, побудила правительство въ царствованіе императора Александра III издать нѣкоторые ограничительные законы³⁾; но учрежденная въ восьмидесятыхъ годахъ послѣдняя комиссія для пересмотра законовъ о Евреяхъ подъ предсѣдательствомъ графа Палена, несмотря на правдивыя разоблаченія Брафмана и распространеніе антисемитизма въ Западной Европѣ, выражающаго протестъ христіанскаго населенія противъ равноправія Евреевъ, продолжала держаться шаблоннаго, либеральнаго взгляда на рѣшеніе еврейскаго вопроса, не требующаго основательнаго изученія его. Такъ въ „Общей запискѣ“ комиссіи высказанъ слѣдующій взглядъ на его рѣшеніе: „Можетъ ли государство относиться къ пятимилліонному населенію, $\frac{1}{20}$ части всѣхъ своихъ подданныхъ

¹⁾ Русскій Архивъ 1910 г. кн. III, стр. 638, 655 и 656. „Значеніе и содержаніе талмуда“ стр. 639—649 той же книги.

²⁾ Рус. Арх. 1893 г. кн. II, стр. 369—380; 381—390 и 543—551 и 1910 г. кн. III, стр. 667 и 668.

³⁾ Рус. Арх. 1911 г. кн. I, стр. 63—65.

(хотя и принадлежащихъ къ чуждой большинству расѣ), которую оно само приобщило, вмѣстѣ съ обитаемою ею территоріей, къ русскому государственному тѣлу, *иначе*, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ своимъ подданнымъ, въ составъ которыхъ входятъ многія самыя разнообразныя племена въ весьма значительныхъ даже размѣрахъ..? И законъ нашъ, и чувство справедливости и наука государственнаго права поучаютъ насъ, что всѣ подданные Его Императорскаго Величества пользуются общимъ покровительствомъ законовъ, *всѣ они* имѣютъ одинаковыя гражданскія права, всѣ они пользуются свободою переселенія и жительства⁴).

Въ 1905 г., по составленному въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проекту закона о Государственной Думѣ, Евреи на выборахъ въ нее не должны были участвовать „впредь до пересмотра дѣйствующихъ о нихъ узаконеній“. Совѣтъ министровъ, куда поступилъ проектъ министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина для исправленія, высказался за представленіе имъ права участія въ выборахъ по слѣдующимъ основаніямъ: отказъ Евреямъ въ правѣ голоса еще болѣе раздражитъ эту національность, тогда какъ слѣдуетъ стремиться къ ея успокоенію. Въ то же время устраниеніе Евреевъ отъ непосредственнаго участія въ выборахъ все таки не устранить косвеннаго ихъ вліянія, которое они всегда будутъ оказывать черезъ посредство христіанскихъ союзниковъ, а съ другой стороны при установленномъ цензѣ вся главная масса еврейства (его пролетаріатъ) все равно будетъ фактически устраниенъ отъ участія въ выборахъ: участвовать въ нихъ будетъ только болѣе состоятельная часть городского населенія и въ Думу пройдетъ, можетъ быть нѣсколько Евреевъ. Эти мнѣнія и повели къ тому, что закономъ 6 Августа 1905 г. объ учрежденіи Государственной Думы и о выборахъ въ Думу, Евреямъ предоставлено участіе въ ней наравнѣ съ прочимъ населеніемъ⁵).

Совѣтъ Министровъ, не обративъ вниманія на протесты русской патріотической печати противъ предоставленія равноправія Евреямъ⁶), не нашелъ возможнымъ откладывать рѣшеніе объ участіи Евреевъ въ Государственной Думѣ до пересмотра о нихъ законовъ, какъ предполагалось въ проектѣ министра внутреннихъ дѣлъ; онъ, вѣроятно, руководствовался либеральнымъ взглядомъ на еврейскій вопросъ своего предсѣдателя графа Витте, который въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, опуб-

⁴) Новое Время, 1909 г., № 11955.

⁵) Рус. Арх., 1911 г., кн. I, стр. 71.

⁶) Рус. Арх., 1911 г. кн. I стр. 69.

ликованномъ съ манифестомъ 17 Октября 1905 года, сказалъ, что задачу правительства, между прочимъ, *должно составлять уравненіе передъ закономъ вслѣхъ подданныхъ Государя независимо отъ вѣроисповѣданія и національности*⁷⁾.

Между тѣмъ, тщательный пересмотръ законовъ о Евреяхъ, до рѣшенія хотя части еврейскаго вопроса, былъ крайне необходимъ, потому что изъ всѣхъ русскихъ законовъ нѣтъ болѣе неудовлетворительныхъ, какъ существующіе законы о Евреяхъ, которые издавались при участіи ихъ представителей такъ, какъ было имъ нужно, чтобы укрѣпить обособленность Евреевъ и устранить вмѣшательство правительства въ самоуправленіе и темный бытъ ихъ. во вредъ государственнымъ интересамъ и массѣ Евреевъ. Тѣ же стремленія представители Евреевъ и раввины высказали на своихъ сѣздахъ въ Варшавѣ, Ковно въ 1909 г. и въ созванныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ Мартѣ 1910 г., въ Петербургѣ, раввинской комиссіи и особаго рода сѣздѣ⁸⁾.

Выяснивъ въ статьѣ „Къ исторіи еврейства“ вредъ равноправія Евреевъ въ Франціи, Германіи и Австріи и расширенія ихъ правъ въ Россіи, въ настоящемъ трудѣ, въ виду предстоящаго обсужденія еврейскаго вопроса въ Государственной Думѣ⁹⁾, мы намѣрены выяснить и мѣры для его рѣшенія съ главною цѣлью: насколько возможно освободить массу Евреевъ отъ деспотической власти раввиновъ и кагаловъ, подчинить ихъ дѣйствию государственныхъ законовъ, улучшить бытъ и дѣятельность и обезвредить для коренного христіанскаго населенія. Для исполненія этой задачи мы рассмотримъ существующіе законы о правахъ и обязанностяхъ Евреевъ по ихъ вѣроисповѣданію, о гражданскомъ ихъ устройствѣ, фабричной и ремесленной промышленности, торговлѣ, податяхъ, преступленіяхъ и наказаніяхъ, объ обращеніи ихъ въ христіанство и просвѣщеніи и выскажемъ наше мнѣніе

⁷⁾ Руск. Арх., 1911 кн., I стр. 71 и 72.

⁸⁾ Новое Время, 1909, г. №№ 11789, 11791, 11944 и 12110 и 1910 г., №№ 12200 и 12203.

⁹⁾ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ поставлецы на очередь вопросъ о разработкѣ ряда законодательныхъ предположеній по еврейскимъ дѣламъ. Въ первую очередь вѣдомство приступило къ составленію слѣдующихъ законопроектовъ: 1) объ устройствѣ раввината, 2) объ измѣненіи формы еврейской присяги, 3) о переустройствѣ хозяйственныхъ управленій при синагогахъ и молитвенныхъ домахъ и 4) о порядкѣ дѣятельности благотворительныхъ заведеній. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ законопроектовъ имѣются въ виду внести въ законодательныя установленія въ началѣ предстоящей сессіи. Новое Время, 1912 г., № 13069.

о необходимыхъ измѣненіяхъ этихъ законовъ. Наконецъ, мы рассмотримъ вредное вліяніе Евреевъ на нравственное и экономическое положеніе коренного христіанскаго населенія, черты ихъ постоянной осѣдлости и намѣтимъ мѣры для огражденія того и другого.

Н. С. Граве.

I.

Несоотвѣтствіе закововъ, опредѣляющихъ отношенія правительства къ еврейской религіи съ ея правилами. Безполезность существованія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ раввинской комиссіи и ученыхъ Евреевъ при генералъ-губернаторахъ и губернаторахъ черты постоянной осѣдлости Евреевъ. Неправильное опредѣленіе закономъ обязанностей раввина. Дѣйствительное его значеніе и обрядовъ: обрѣзанія, бракосочетанія, расторженія браковъ, погребенія и присяги. Нужныя измѣненія въ законахъ объ обязанностяхъ раввиновъ и обрядахъ. Злоупотребленія раввиновъ при веденіи метрическихъ книгъ и необходимость измѣненія формы и возложенія обязанности вести ихъ на городскія и волостныя управленія. Проступки раввиновъ и наказанія за нихъ.

Во всемъ нашемъ законодательствѣ о Евреяхъ самыми важными, основными законами нужно, разумѣется, считать законы, которые опредѣляютъ отношенія правительства къ религіи Евреевъ. Эти законы слѣдовало установить на основаніи точнаго и подробнаго изученія правилъ и духа іудейства; но содержаніе ихъ доказываетъ, что этого не было сдѣлано. По примѣру Западной Европы, въ нихъ ошибочно при дается раввинамъ значеніе христіанскихъ священниковъ, а еврейскимъ обрядамъ—значеніе христіанскихъ обрядовъ, и даже высказывается забота правительства, чтобы въ еврейской религіи не возникало сектъ. Вообще же законы, опредѣляющіе отношенія правительства къ еврейской религіи, основаны на ошибочномъ пониманіи ея правилъ и духа, и требуютъ кореннаго измѣненія, какъ это было объяснено еще въ 1869 году Я. Брафманомъ въ „Книгѣ Кагала.“*) Рѣзче всего несоотвѣтствіе законовъ съ правилами іудейства обнаруживается въ законахъ о раввинской комиссіи и раввинахъ.

По дѣламъ еврейской вѣры состоитъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ „раввинская комиссія,“ которая составляется изъ председателя, по назначенію министра, и шести членовъ, избираемыхъ изъ раввиновъ и почетнѣйшихъ Евреевъ въ губерніяхъ „черты осѣдлости.“ Къ обязанностямъ комиссіи собирающейся для занятій по распоряженію министра, принадлежатъ слѣдующіе предметы: „а) Рассмотрѣніе и

*) См. Русскій Архивъ, 1914, I, стр. 234.

разрѣшеніе мѣстнѣй и вопросовъ относящихся къ правиламъ и обрядамъ еврейской вѣры и къ дѣйствіямъ раввиновъ; б) рассмотрѣніе дѣлъ о расторженіи браковъ въ такихъ случаяхъ, когда сами раввины встрѣтятъ неясность въ законѣ, или когда поступитъ жалоба на неправильное рѣшеніе мѣстнаго раввина.“ Въ разрѣшеніи дѣлъ по предметамъ религіознымъ, комиссія руководствуется законами еврейской вѣры. Определенія комиссіи утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, и если касаются всего еврейскаго населенія имперіи, то могутъ быть сообщаемы министромъ начальникамъ губерній. для объявленія ихъ печатными циркулярами еврейскимъ молитвеннымъ обществамъ ¹⁰⁾.

По смыслу приведеннаго закона раввинская комиссія представляетъ собою высшее учрежденіе по дѣламъ еврейской вѣры. постановленія котораго должны исполняться всѣми молитвенными обществами въ Россіи. Насколько же оно соответствуетъ исторіи и религіознымъ правиламъ Евреевъ и насколько оправдало свое назначеніе? Возложенныя на раввинскую комиссію обязанности по разрѣшенію вопросовъ вѣры и обрядности такъ важны, что онѣ принадлежали въ древніе вѣка—когда Іудеи находились подъ властью Грековъ, и потомъ Римлянъ—великому синедріону, постановленія котораго, какъ высшаго судилища и правленія, были обязательны для Евреевъ. Въ виду такого значенія этого судилища, Наполеонъ I собралъ въ 1807 году въ Парижѣ синедріонъ изъ 70 членовъ и предсѣдателя. чтобы онъ издалъ обязательныя для Евреевъ правила объ устройствѣ религіознаго управленія и улучшенія ихъ нравственности; но эта мѣра не имѣла успѣха. Синедріонъ составилъ только изъ депутатовъ отъ еврейскихъ общинъ Франціи и Италіи, гдѣ приглашеній Наполеона о присылкѣ депутатовъ въ синедріонъ Евреи не могли ослушаться: еврейскія же общины другихъ государствъ Европы не отвѣчали на приглашенія и не прислали депутатовъ. Поэтому постановленія синедріона не имѣли значенія всѣхъ еврейскихъ общинъ Европы. чего желалъ Наполеонъ ¹¹⁾. Впрочемъ, еслибы онѣ и прислали депутатовъ, то постановленія составленнаго изъ нихъ синедріона не имѣли бы обязательной силы для Евреевъ, такъ какъ талмудъ говоритъ о „великомъ синедріонѣ“ въ Іерусалимѣ, какъ источникѣ законовъ и правъ Евреевъ. еще не потерявшихъ тогда ни своего отечества, ни духовенства, къ которому принад-

¹⁰⁾ Св. Закон., томъ I, часть II, ст. 1220 и приложеніе къ этой статьѣ.

¹¹⁾ Новое Время, 1894 г., № 6499, приложеніе № 168. Статья „Попытка Наполеона I упорядочить Евреевъ.“

лежало большинство членовъ синедріона. Слѣдовательно, ни исторія Евреевъ, ни ихъ религіозныя правила не давали основаній для учрежденія раввинской комиссіи. Ошибка въ ея учрежденіи, въ 1848 году, объясняется тѣмъ, что правительство, по примѣру государствъ Западной Европы, придало раввинамъ значеніе *христіанскихъ священниковъ*, и обрядамъ Евреевъ—значеніе христіанскихъ обрядовъ и, по образцу еврейскихъ консисторій въ тѣхъ же государствахъ, установило высшую духовную власть для разрѣшенія религіозныхъ дѣлъ евреевъ и надзора за дѣятельностью раввиновъ.

Несоотвѣтствіе обязанностей раввинской комиссіи съ правилами религіи Евреевъ обнаружилось давно; между тѣмъ раввинскую комиссію признается еще нужнымъ составлять отъ времени до времени¹²⁾. Такъ, Брафманъ въ „Книгѣ Кагала“ (изд. 1870 г. стр. 63) говоритъ о дѣятельности раввинской комиссіи слѣдующее: „совершенное отсутствіе цифръ и счетовъ въ отчетныхъ книгахъ этой комиссіи *за всѣ годы ея существованія* убѣждаютъ насъ, что предложенныя ею Евреямъ услуги—рѣшать ихъ недоумѣнія въ дѣлахъ религіи—оказались никому не нужными. Комиссія просуществовала даромъ.“ Къ этимъ словамъ слѣдуетъ прибавить, что, при своей бездѣятельности, комиссія принесла вредъ тѣмъ, что поддерживала ошибочныя взгляды правительства на обязанности раввиновъ, обряды Евреевъ и вообще на ихъ религіозныя правила. Дѣйствительное значеніе всего этого было объяснено правительству не раввинской комиссіей, а Брафманомъ. Созданныя въ мартѣ 1910 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ раввинская комиссія и съѣздъ Евреевъ (всего 41 лицо отъ 19 губерній) по дѣламъ ихъ религіознаго быта, какъ видно изъ сообщеній печати, приведенныхъ нами ниже, не предложили необходимыхъ измѣненій въ законахъ объ обязанностяхъ раввиновъ, обрядахъ и бытѣ Евреевъ¹³⁾.

Такимъ образомъ, исторія, религіозныя правила Евреевъ, прошлое раввинской комиссіи и созывъ ея въ 1910 г., *послѣ семнадцатилѣтняго перерыва*, какъ заявилъ бывшій директоръ департамента ду-

¹²⁾ Такъ какъ члены комиссіи—свѣтскія лица, то она, на самомъ дѣлѣ, представляетъ комиссію депутатовъ отъ русскихъ Евреевъ при высшемъ государственномъ учрежденіи специально для охраны интересовъ іудейства и даже названа въ шутку „еврейскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.“ Такое привилегированное положеніе еврейскихъ депутатовъ, объясняетъ то удивительное явленіе, что русскіе Евреи всегда знаютъ о мѣрахъ, которыя правительство еще предполагаетъ принять относительно ихъ и, въ случаѣ надобности, заранѣе приготовляются имъ прогнать и прогнать.

¹³⁾ Новое Время, 1910 г., №№ 12200 и 12203.

ховныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій Харузинъ¹⁴), достаточно выясняютъ, что она бесполезна и должна быть упразднена. Отсюда также слѣдуетъ, что необходимо упразднить и должности „ученыхъ Евреевъ“ для исполненія порученій по предметамъ, „требующимъ особаго знанія всѣхъ правилъ и обрядовъ еврейскаго закона“. учрежденныхъ при генераль-губернаторахъ и губернаторахъ въ чертѣ постоянной осѣдности Евреевъ¹⁵). Необходимость упраздненія этихъ должностей доказывается еще и тѣмъ, что въ царствѣ польскомъ, ни при генераль-губернаторѣ, ни при губернаторахъ, никакихъ „ученыхъ Евреевъ“ не полагается и потребность въ нихъ, какъ намъ извѣстно, не возникала, хотя тамъ, въ 1890 году, еврейское населеніе возрасло до 1.134.000. чел. Болѣе наглядно бесполезность раввинской комиссіи и ученыхъ Евреевъ доказывается дѣйствительнымъ значеніемъ раввиновъ и еврейскихъ обрядовъ, къ разсмотрѣнію чего мы теперь и перейдемъ.

Прежде всего, относительно избранія раввиновъ, замѣтимъ, что въ ст. 1083 т. XI, часть I св. закон. слѣдуетъ исключить предоставленное еврейскимъ обществамъ право приглашать, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, ученыхъ Евреевъ изъ Германіи для занятія должностей раввиновъ, въ случаѣ недостатка кандидатовъ въ Россіи на эти должности, потому что теперь, при распространеніи образованія между Евреями, недостатка въ такихъ кандидатахъ въ Россіи не можетъ быть. Въ договорѣ, которое еврейское общество заключаетъ съ избраннымъ имъ раввиномъ не нужно, по ст. 1084 того же тома, помѣщать условія о платѣ ему за совершеніе обрядовъ, такъ какъ раввины вовсе ихъ не совершаютъ.

Статья же 1086 и I-е примѣчаніе къ ней, опредѣляющія обязанности раввина и его помощника и послѣдствія, когда обряды не совершены ими, требуютъ кореннаго измѣненія. Въ статьѣ 1086 сказано:

„Должность раввина есть: 1) наблюдать, чтобы въ общественномъ богослуженіи и обрядахъ вѣры были сохраняемы установленныя правила; объяснять Евреямъ законъ ихъ и разрѣшать встрѣчающіяся въ ономъ недоумѣнія; вразумлять ихъ въ истинномъ смыслѣ закона, но не употреблять при семъ другихъ средствъ, кромѣ убѣжденія и увѣщанія. 2) Направлять Евреевъ къ соблюденію нравственныхъ обязанно-

¹⁴) Новое Время, 1910 г., № 12203.

¹⁵) Св. Закон., Т. II, часть I, ст. 349 и примѣч. къ ст. 707 того же тома и части.

стей, къ повиновенію общимъ государственнымъ законамъ и установленнымъ властямъ. 3) *Совершать исключительно по всему его вѣдомству обряды обрѣзанія и нареченія именъ младенцамъ, бракосочетанія, расторженія браковъ и погребенія*, и вести также, по всему его вѣдомству, метрическія книги и представлять ихъ куда слѣдуетъ по правиламъ, означеннымъ въ законахъ о состояніяхъ.“

Въ I-мъ примѣчаніи къ этой статьѣ объяснено, что еврейское общество по многочисленности можетъ избирать на каждую тысячу душъ по одному помощнику раввина, и сказано слѣдующее: *„никакія другія лица, кромѣ утвержденныхъ правительствомъ раввиновъ и помощниковъ ихъ, не могутъ исполнять обрядовъ, означенныхъ въ сей статьѣ“*.— „Изобличенные въ нарушеніи сего правила подвергаются по суду наказаніямъ, на основаніи законовъ уголовныхъ (Улож. ст. 1991). Глава семейства, для котораго будетъ совершенъ ими такой обрядъ, подвергается взысканію двадцати рублей; браки же и разводы, совершенные не раввинами или ихъ помощниками, признаются незаконными.“

Въ засѣданіи образованнаго при раввинской комиссіи съѣзда Евреевъ, 15 Марта 1910 г., по вопросу о легализаціи духовныхъ раввиновъ и ихъ цензѣ приняты большинствомъ голосовъ, между прочимъ, слѣдующія резолюціи:

„Дѣйствующій законъ достаточно полно опредѣляетъ назначеніе и функціи раввина, вслѣдствіе чего отъ раввина должно быть требуемо знаніе еврейскаго вѣроученія въ мѣрѣ, что бы онъ могъ служить духовнымъ руководителемъ общины.“

„Общеобразовательный цензъ, въ видѣ формальнаго требованія свидѣтельства объ окончаніи и выдержаніи экзамена въ курсѣ какого либо учебнаго заведенія представляется излишнимъ и затрудняетъ поступленіе въ раввинатъ лицамъ, дѣйствительно могущимъ быть духовными пастырями.“

„Кандидаты на должность раввина должны говорить по русски.“

„Каждая община можетъ сверхъ раввина избирать „мой ере-гора“¹⁶⁾ для совершенія обрядовъ изъ лицъ и незнающихъ русскій языкъ.“

¹⁶⁾ Ученый талмудистъ. (Я. Брафманъ, Книга Кагала. ч. I, стр. 201, прим. 3.)

„Лица стостояція нынѣ въ званіи духовныхъ раввиновъ, могутъ быть избираемы въ раввины разными обществами, хотя бы они и не знали русскаго языка“¹⁷⁾.

Разсмотримъ теперь, насколько соотвѣтствуютъ опредѣленные закономъ обязанности раввина дѣйствительному его значенію и обрядамъ Евреевъ по ихъ религіознымъ правиламъ.

Званіе „раввина“, какъ видно изъ талмуда вошло въ употребленіе у Евреевъ въ половинѣ I столѣтія по Рождествѣ Христовомъ¹⁸⁾. Оно давалось ученымъ и даже представителямъ гражданскихъ учреждений, и только послѣ разрушенія Іерусалима и 2-го храма Титомъ стало принадлежностью лицъ, изучившихъ правила вѣры, которыя состояли изъ писаннаго закона—библіи—и правилъ устнаго закона, собранныхъ въ концѣ II столѣт. по Р. Х. въ особый сборникъ—талмудъ¹⁹⁾. Обязанности духовныхъ лицъ—священниковъ—еще при Моисеѣ были возложены Пятикнижіемъ на Аарона и его потомковъ (*Исходъ*, гл. XXVIII и XXIX²⁰⁾). Съ разрушеніемъ 2-го храма и прекращеніемъ у Евреевъ богослуженія, прекратилось и исполненіе обязанностей священниковъ потомками Аарона; но они и до сихъ поръ живутъ между Евреями и сохраняютъ званіе „кочень“ (священникъ).

По закону Моисея, на обязанности еврейскаго духовенства—объясняетъ Брафманъ—лежитъ исполненіе только тѣхъ священнодѣйствій, которыя относятся до храмовой службы; *исполненіе же всѣхъ обрядовъ и требъ, до службы и въ храмѣ не относящихся, лежитъ всецѣло на обязанности каждаго Еврея-мірянина*, какъ средство къ его личному искупленію. Обрѣзаніе, бракосочетаніе, моленіе надъ чашею, очищеніе женщины, совершеніе общественныхъ и частныхъ молитвъ въ синагогахъ и всѣ прочіе, нынѣ въ іудействѣ существующіе религіозные обряды были достояніемъ мірянъ еще во время существованія царства, храма и синедріона. Право на это духовное достояніе подтверждено за каждымъ Іудеемъ законами: Моисея, и талмуда, и всѣми древними и новыми толкователями и комментаторами этихъ законовъ. На этомъ основаніи, *каждый Еврей самолично исполняетъ тотъ или иной религіозный*

¹⁷⁾ Новое Время, 1910 г., № 12217.

¹⁸⁾ В. Кирасевскій. „Критическій разборъ талмуда,“ стр. 12.

¹⁹⁾ В. Кирасевскій. „Критич. раз. талмуда,“ стр. 1; Я. Брафманъ „Книга Кагала“ стр. 244.

²⁰⁾ Служить при скинии собранія назначены левиты (*Числа* гл. VIII, ст. 5—26).

обрядъ, когда и гдѣ бы онъ съ нимъ не встрѣтился, безъ всякаго разрѣшенія. не обращаясь къ содѣйствию духовенства²¹⁾).

Такъ, *обрядъ обрѣзанія*, на основаніи правилъ талмуда, можетъ совершать каждый Еврей; но такъ какъ эта операція требуетъ навыка. то во всякомъ еврейскомъ обществѣ ее совершаютъ обрѣзатели—„могелимъ.“ *Обрядъ бракосочетанія*, по тѣмъ же правиламъ. считается совершеннымъ, если женихъ передаетъ кольцо невѣстѣ при двухъ законныхъ свидѣтеляхъ. Обыкновенно же этотъ обрядъ совершается при слѣдующей обстановкѣ: на дворѣ дома или синагоги подѣ „хупе“—балдахиномъ изъ платка и четырехъ прутьевъ-- ставятъ жениха и невѣсту, при чемъ послѣдняя занимаетъ мѣсто по правую руку жениха. Наливается стаканъ вина, надъ которымъ одинъ изъ присутствующихъ ученыхъ или почетныхъ Евреевъ совершаетъ установленную молитву и даетъ отвѣдать изъ чаши жениху и невѣстѣ. Послѣ этого „шамешъ“ т. е. служитель при какомъ либо еврейскомъ учрежденіи: кагалѣ, бетъ-динѣ (судѣ) и т. д. читаетъ „кетуба“—брачный контрактъ, въ которомъ изложены обязанности мужа относительно жены; а затѣмъ затѣмъ женихъ самъ совершаетъ актъ „кедушинъ“: подаетъ невѣстѣ серебрянное кольцо или монету, говоря: „этимъ кольцомъ ты приготовлена (обручена) мнѣ по закону Моисея и Израиля“.

Тогда опять кто нибудь изъ присутствующихъ читаетъ краткую молитву надъ другимъ стаканомъ вина, изъ котораго пьютъ женихъ и невѣста. Послѣ этого женихъ выливаетъ оставшееся вино, а стаканъ раздавливаетъ ногою въ память разоренія іерусалимскаго храма, и

²¹⁾ И. Брафманъ. „Книга Кагала“ стр. 237 и 238.—Въ еврейскомъ журналѣ „Восходъ“, 1906 г., Еврей Переферковичъ (переводчикъ Талмуда на русскій языкъ), высказалъ рѣзкое порицаніе настоящей дѣятельности раввиновъ слѣдующихъ словами: „Всякій понимаетъ, что раввинская профессія въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время—одна грусть. Талмудъ нисколько не задумался бы причислить ее къ „профессіямъ разбойничьимъ.“ Человѣкъ получаетъ генеральскій окладъ за дѣло мало производительное, если не совсѣмъ бесполезное. ибо нельзя причислить регистрацію и подписываніе бумагъ выдуманной необходимости къ занятіямъ производительнымъ. Если еще можно мириться съ получаемымъ имъ жалованьемъ—Богъ съ нимъ—вѣдь онъ, по выраженію закона „блусгитель и толкователь еврейской вѣры“—то ужъ совершенно нельзя мириться съ платой, взимаемой за отдѣльныя требы, ибо ни для кого не тайна, что для исполненія требъ никакихъ раввиновъ не надо: мы все—народъ священниковъ и раввинскіе рублевки за „квитки“ составляютъ чистѣйшій грабежъ—грабежъ тѣмъ болѣе возмутительный, что онъ совпадаетъ какъ разъ съ эпохой наибольшаго матеріальнаго напряженія платящихъ: съ рожденіемъ ребенка, съ свадьбой, похоронами.“ Новое Время 1906 г. № 10737.

обрядъ считается законченнымъ²²⁾ *Расторженіе брака*, согласно *Второзаконію* (гл. XXIV, ст. 1) и правилами талмуда, совершается мужемъ, который долженъ заявить бетъ-дину (суду), что разводится по доброй волѣ, и лично передать женѣ письмо, или разводный листъ, написанный писаремъ при свидѣтеляхъ. Въ выборѣ мужемъ причинъ для развода, талмудъ допускаетъ полный произволъ²³⁾.

Погребеніе умершихъ лежитъ на обязанности ихъ родственниковъ, и не составляетъ духовнаго обряда. По закону Моисея, *еврейскому духовенству даже запрещено заниматься похоронами*. Первосвященнику не дозволяется и прикасаться къ трупу даже своего отца или матери (*Левитъ*, гл. XXI, ст. 12); священникамъ же дозволено прикасаться только къ трупамъ самыхъ близкихъ родственниковъ (*Левитъ* гл. XXI, ст. 1—4). Талмудъ, не придавая похоронамъ духовнаго значенія, дозволяетъ совершать ихъ даже христіанамъ, если похороны случаются въ такіе праздничные дни, когда Евреи не работаютъ. Обыкновенно же похороны совершаются погребальными союзами или братствами²⁴⁾, повсемѣстно въ Россіи, хотя законами царства польскаго ихъ дѣятельность, какъ вредная, строго воспрещена еще въ 1822 году²⁵⁾.

Приведемъ важное свидѣтельство раввина, изъ его воспоминаній, напечатанныхъ въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ въ 1887 году, о томъ, что погребеніе совершается братствомъ, ведущимъ списки умершимъ съ подлогами, а обрѣзаніе—занимающимися этой операціей Евреями.

„У Евреевъ—говоритъ въ этихъ воспоминаніяхъ раввинъ—*существуетъ особое погребальное братство, заведывающее погребальнымъ обрядомъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ ведущее списки объ умершихъ. Этими списками обыкновенно пользуются раввины для составленія по своимъ метрическимъ книгамъ записей объ умершихъ; но такъ какъ братство это зависитъ отъ кагала, то понятно, что списки его составляются такъ, какъ укажетъ кагалъ въ своихъ интересахъ. Такъ напримѣръ, въ семействѣ боиача онъ покажетъ всѣхъ членовъ умершими съ целью уклоненія отъ воинской повинности, а въ семействѣ бидняка не отмѣтитъ дѣйствительно умершихъ, что бы не дать ему права на льготу, какъ оди-

²²⁾ Я. Брафманъ. „Книга Кагала. Изд. 1888 г. стр. 237—239 и 241.

²³⁾ Я. Брафманъ. „Книга Кагала, стр. 256—В. Кирачевскій. „Критическій разборъ Талмуда, стр. 213—221.

²⁴⁾ Я. Брафманъ. „Книга Кагала“, стр. 256 и 257; 278 и 279.

²⁵⁾ „Предложеніе правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія царства Польскаго“, 18 марта 1822 года.

почкъ. Борьба съ такими продѣлками бываетъ не безопасна для тѣхъ, кто жадаеть оставаться на почвѣ требованій закона. Однажды раввинъ обратилъ вниманіе на странный фактъ почти полнаго прекращенія рожденій мальчиковъ у Евреевъ, какъ будто еврейскія женщины по уговору перестали рожать. Недоумѣніе мое въ скоромъ времени объяснилось тѣмъ, что предусмотрительные родители не желали регистрировать новорожденныхъ съ извѣстною цѣлью: избавить ихъ отъ предстоящей нѣкогда воинской повинности. Для парализованія этого излишняго чадолюбія, я обратился ко всѣмъ ученымъ Евреямъ, старостамъ и казначеямъ молитвенныхъ домовъ съ настоятельнымъ требованіемъ, чтобы о всякомъ фактѣ рожденія въ ихъ участкѣ немедленно было доводимо до моего свѣдѣнія. Кагалъные чрезвычайно обидѣлись моимъ требованіемъ и захотѣли побить меня моимъ же собственнымъ оружіемъ, т. е. закономъ. Въ XI томъ Св. Законъ есть статья 1086, въ силу которой раввинъ обязанъ самъ совершать обрѣзаніе младенцевъ, а не предоставлять эту операцію мееламъ-операторамъ. Вотъ этою-то статьей меня было совсѣмъ поддѣли кагалъные. Въ одинъ прекрасный день меня пригласили *самолично совершить обрѣзаніе.*“

Далѣе изъ разсказа раввина видно, что онъ могъ избавиться отъ отвѣтственности за отказъ совершить обрѣзаніе, которое всегда совершаютъ Еврей-обрѣзатели, только благодаря снисходительности администраціи.

Слѣдующіе примѣры доказываютъ, что обряды бракосочетанія и расторженія браковъ совершаются Евреями также *безъ участія раввина* и духовенства, и что, вообще, при совершеніи этихъ обрядовъ, Евреями допускается полный произволъ относительно женщинъ.

Въ 1890 году, въ г. Вильнѣ, между Евреемъ Д., по занятію „соферомъ“ (писцовъ священныхъ свитковъ.) и его 16-лѣтнимъ помощникомъ произошла ссора, изъ-за которой послѣдній былъ уволенъ. Тогда уволенный помощникъ придумалъ такой способъ мести: во время отсутствія Д. изъ дому, онъ пришелъ къ его 17-лѣтней дочери съ двумя свидѣтелями и, передавъ ей въ руки серебряную монету, произнесъ слова о сочетаніи ея съ нимъ бракомъ по закону Моисея и убѣждалъ. Вся эта исторія была не понята дѣвушкой, но съ приходомъ отца она объяснилась. Поднялся крикъ и шумъ; отыскивали новобрачнаго, который преспокойно заявилъ, что ничего не хочетъ знать и требуетъ свою законную жену. Обратились къ суду раввиновъ, которые послѣ долгаго обсужденія вынесли приговоръ, что *внѣчаніе со-*

вершено по вѣсьмъ правиламъ еврейскаго закона и что дѣвушки должны считаться ею законной женой. Выигравъ дѣло, молодой супругъ изъявилъ желаніе дать своей законной женѣ разводъ, если его тесть заплатитъ ему 300 руб.²⁶⁾.

Въ г. Тирасполѣ, Херсонской губ., по словамъ „Одесскаго Вѣстника“ 1892 г., появился Еврей Ш., который въ теченіе четырехъ лѣтъ развлекался тѣмъ, что каждые шесть мѣсяцевъ женился и разводился. Такъ какъ онъ не требовалъ приданого (почти небывалый фактъ въ еврейской средѣ), то бѣдныя дѣвушки были рады такому случаю и выходили за него замужъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, добрый, повидимому, женихъ становился недобрымъ мужемъ, съ которымъ нельзя ужиться... Благодаря еврейскимъ духовнымъ законамъ, такія „развлечения“ вполне возможны въ средѣ Евреевъ. На этой же почвѣ часто совершаются самыя возмутительныя злоупотребленія: несчастныя женщины обируются до нитки и еще рады получить разводъ, а то мужъ уѣдетъ куда нибудь, оставивъ жену на произволъ судьбы и на чужой сторонѣ вступаетъ въ новый бракъ, безъ всякихъ формальностей, безъ всякихъ удостовѣреній о томъ, что онъ холостъ: нужно только двухъ свидѣтелей.

Въ 1894 г., двинскій корреспондентъ сообщалъ въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ о брачныхъ спекуляціяхъ Евреевъ слѣдующее:

„Отъ каждой жены эти гешефтмахи берутъ приданое, ѣдятъ и пьютъ нѣсколько мѣсяцевъ всласть и бросаютъ всѣхъ, одну за другою. Если жены случайно встрѣтятся и обманъ откроется, наши гешефтмахи мало теряютъ: раввины никогда ихъ не отдають подъ судъ, а кончаютъ всегда дѣло „домашнимъ порядкомъ.“ Въ теченіе десяти лѣтъ, я присутствовалъ на всѣхъ сессіяхъ окружнаго суда у насъ и въ сосѣднихъ городахъ, и не разу не видѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ многоженца. Схвативъ пройдоху, толпа шумитъ и негодуетъ, тащить его къ раввину, но въ концѣ концовъ онъ получаетъ свободу. Случается также, что брачныя спекулянты, получивъ отъ невесты деньги и подарки, улетучиваются еще до свадьбы. Жертвами такого вѣроломства становятся большей частью молодыя дѣвушки изъ рабочаго класса.“

Приведемъ еще слѣдующій выдающійся примѣръ брачныхъ спекуляцій Евреевъ.

²⁶⁾ Сынъ Отечества, 1890 г., № 217.

Въ февралѣ 1908 г. въ Минскѣ губерн., на одной изъ торговыхъ площадей. какая-то Еврейка, съ криками: „Держите! Мужъ мой!“ набросилась на проходившаго по улицѣ мужчину и вцѣпилась ему въ лицо. Собралась толпа. Сердобольные люди помогли покинутой жень тащить задержаннаго къ раввину. Велико было удивленіе послѣдняго, когда въ задержанномъ „мужѣ“ онъ узналъ знаменитаго „Прайса“, котораго разыскивали для развода *около двадцати пяти обманутыхъ имъ жень*. Прайсъ избралъ оригинальное занятіе,—разъѣзжая по городамъ и мѣстечкамъ черты осѣдлости, онъ, выдавая себя, то за купца, то за комиссіонера, успѣлъ 25 разъ жениться и *всегда на невестахъ съ приданымъ*. Проживъ нѣкоторое время съ новобрачной, Прайсъ *забиралъ приданое и скрывался*. Такъ практиковалъ онъ *болѣе десяти лтъ* съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Теперь Прайсу не повезло. Онъ вновь присватался къ дочери богатаго мясника и хотѣлъ было уже опять устроить свадьбу; но его опознала одна изъ прежнихъ его жень и всей его дѣятельности наступилъ конецъ. Прайсъ былъ арестованъ, а слѣдственный матеріалъ объ его продѣлкахъ переданъ прокурору. Прайсъ указалъ самъ 22 жены. которыхъ онъ обобралъ. У многихъ есть дѣти.²⁷⁾

Безсиліе раввиновъ прекратить вопіющій произволъ Евреевъ при заключеніи и расторженіи браковъ и случаи многоженства, несмотря на большую власть, предоставленную раввинамъ русскими законами. объясняется тѣмъ, что все это *узаконено талмудомъ*. Многоженство, какъ господствующій обычай между Евреями въ древніе вѣка, Моисей не запретилъ, опредѣливъ послѣдственные права дѣтей, рожденныхъ отъ разныхъ жень (*Второзаконіе*, гл. XXI. ст. 14, 15, 16 и 17), а талмудъ прямо дозволилъ многоженство безъ ограниченія числа жень. Въ талмудѣ сказано: „Каждый можетъ брать за себя нѣсколько жень. даже сотню, разомъ ли, или одну за другою. и жена (первая) не можетъ въ этомъ препятствовать ему, съ тѣмъ, однако. условіемъ, чтобы кормить, одѣвать ее и исполнять супружескій долгъ“ (Иадъ-Гахъ-Зака, 14, 3). Правда, въ XI столѣтіи, въ г. Вормскѣ (въ Германіи) собраніе раввиновъ воспретило многоженство „подъ вліяніемъ европейскихъ правовъ“ — какъ объяснили члены синагога Наполоона I—но воспрещеніе это не имѣетъ для Евреевъ законной силы²⁸⁾ и многоженство, оставленное Евреями въ Европѣ, продолжаетъ существовать

²⁷⁾ Новое Время 1908 г. № 11466.

²⁸⁾ В. Кирасевскій. Критическій разборъ талмуда стр. 204—206.

между Евреями въ Азіи,—напримѣръ, въ Бухарѣ и въ Палестинѣ, въ г. Сафедѣ.²⁹⁾

Впрочемъ, въ Европѣ, при возможности Евреямъ жениться и разводиться неограниченное число разъ, нѣтъ не только надобности въ многоженствѣ, но оно невыгодно—требовало бы значительныхъ средствъ, тогда какъ неоднократно бракъ съ полученіемъ приданого составляетъ для Евреевъ очень хорошій „гешефтъ“, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ. особенно для тѣхъ, которые, занимаясь торговлей „живымъ товаромъ“, продають своихъ женъ въ гаремы и дома терпимости въ Константинополь и въ другіе города Востока³⁰⁾.

Относительно причинъ для развода, въ талмудѣ находится слѣдующее объясненіе: „Равви Гилель говоритъ, что уже достаточно для развода, если жена испортитъ кушанье“ и пр.³¹⁾

Приведенныя нами правила и явленія изъ жизни іудейства доказываютъ, что, раввины—не духовныя, а свѣтскія лица и не совершаютъ никакихъ обрядовъ. Что касается исполненія раввинами обязанности вести метрическія книги, то ихъ злоупотребленія общеизвѣстны. Въ докладѣ комиссіи для составленія положенія о всеобщей воинской повинности (1872 г.) говорится: „Метрикамъ Евреевъ довѣрять положительно невозможно: весьма многіе изъ новорожденныхъ совершенно не записываются (раввинами); умершіе не показываются намѣренно, съ цѣлью запутать списки; о женскомъ населеніи почти не имѣется никакихъ свѣдѣній.“³²⁾

²⁹⁾ Приложение къ газ. Новое Время 1895 г., № 244. Статья „Бухарскіе Евреи.“— „Святая земля и Библия“, К. Гейки. Пересказъ съ англійскаго Комаровскаго. Изд. Тузова, стр. 947.

³⁰⁾ Въ подтвержденіе этого, изъ многихъ записанныхъ въ нашихъ тетраяхъ фактовъ, приводимъ слѣдующее извѣстіе: „У одесскихъ слѣдственныхъ властей, находится рядъ дѣлъ объ Евреяхъ, продавшихъ своихъ женъ въ вертени Ближнюю Востока и Южной Америки. Еврей Кенель, женившись на богатой и красивой Еврейкѣ Файтельбергъ, скоро спустилъ принесенное ею приданое и самъ отвезъ ее въ Каиръ. Также поступилъ Еврей Винокуръ, продавшій свою жену въ Константинополь. Нѣсколько иначе поступилъ Шкурманъ. Свезя свою первую жену въ Буэнос-Айресъ, онъ пріѣхалъ въ Одессу, передѣлалъ свой паспортъ, вновь женился и вмѣстѣ съ молодой женой опять собирався ѣхать въ Америку; но его продѣлки открыли и, какъ сообщила „Рус. Р.“, онъ былъ арестованъ. Новое Время, 1911 г., № 12641.

³¹⁾ В. Кирасевскій. „Крит. разб. талмуда“, стр. 213.

³²⁾ Я. Брафманъ. „Книга Кагала“, стр. 108 и 109.

Также ведутся метрическія книги раввинами до сихъ поръ, что обнаруживается изъ многихъ судебныхъ дѣлъ объ уклоненіи Евреевъ отъ воинской повинности и даже заявленій раввиновъ.

Такъ раввинъ М. Якринъ, въ 1901 г., въ „Могилевскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“, обличая злоупотребленія кагала и раввиновъ въ г. Могилевѣ, между прочимъ, говоритъ: „И творятся безнаказанно возмутительныя вещи: фабрикуются, буквально фабрикуются метрики; умышленно перепутываются имена и фамиліи при метрическихъ записяхъ исключительно для того, чтобы за „исправленія“ ихъ сдирать съ бѣдняковъ не три, а десять шкуръ; отдается въ солдаты сынъ бѣдной вдовы, единственный ея кормилецъ. лишь потому, что она не могла дать безсердечному метрикописцу,—казенному раввину—потребованную имъ „сумму.“ По той же причинѣ залагаются на десятки семействъ штрафы за неявку къ призыву лицъ давнымъ давно покоящихся въ землѣ. Родныя дочери являются въ пачкотнѣ современныхъ метрикописцевъ по выдаваемымъ ими „документамъ“ родными же сестрами своихъ же родныхъ отцовъ!—Вмѣсто того, что бы согласно требованію закона „направлять Евреевъ къ соблюденію нравственныхъ обязанностей“ *современныя метрикописцы направляютъ членовъ своей общины давать ложныя показанія и подтверждать ихъ ложною присягою: въ синагогахъ, вмѣсто молитвы, проповѣдуются, обсуждаются и разрѣшаются такія вещи, которымъ почетное мѣсто удѣляетъ уложеніе о наказаніяхъ*“ и т. д. Вѣрность описанія раввиномъ Якринымъ злоупотребленій раввиновъ подтверждается въ томъ же № „Могилевскихъ губер. вѣд.“ опредѣленіемъ Могилевскаго губернскаго правленія о возбужденіи слѣдствія по обвиненію казеннаго раввина Кагана въ злоупотребленіяхъ по должности.³³⁾

Въ „Новомъ Времени“ (1995 года № 10565), въ корреспонденціи изъ Вильны сообщается, что новый, недавно избранный виленскій раввинъ Л. Канторъ, принимая отъ своего предмѣстника Немзера дѣла, книги, документы и архивъ, не могъ не ужаснуться при видѣ того хлама, какой былъ предъявленъ ему, взамѣнъ законно составленныхъ и веденныхъ дѣлъ и документовъ и того невообразимаго хаоса, какой царилъ въ архивѣ еврейскихъ метрическихъ книгъ гор. Вильны и его уѣзда, нашедшихъ гостепрѣимный пріютъ въ 4 отдѣленіи виленской городской управы. Ограждая себя отъ отвѣтственности, оберегая свою репутацію и имя. Канторъ потребовалъ ревизіи всего дѣлопроизвод-

³³⁾ Могилевскія губерн. вѣдомости, 1901 г., № 100.

ства при участіи членовъ управы. Ревизія обнаружила, что управа въ періодъ времени съ 1870 г. по 1904 г. не наблюдала за дѣлопроизводствомъ раввина Немзера, слѣдствіемъ чего и явились чрезвычайные беспорядки въ немъ. Напримѣръ, писанный на еврейскомъ языкѣ алфавитъ о родившихся въ г. Вильнѣ и его уѣздѣ, начатый въ 1875 г., благополучно доведенъ лишь до 1890 г., а затѣмъ другихъ дальнѣйшихъ записей уже нѣтъ. Далѣе наружный осмотръ книгъ показалъ, что: 1) книги за нѣкоторые годы вовсе нѣтъ и гдѣ таковыя находятся въ дѣлахъ управы свѣдѣній не имѣется; 2) нѣкоторыя книги замѣнены частными тетрадами; 3) во многихъ книгахъ печать и шнуры отсутствуютъ; 4) большая часть переплетовъ пришли въ совершенную ветхость и листы въ нихъ не держатся и 5) заголовочныя наклейки на многихъ книгахъ отсутствуютъ, вслѣдствіе чего трудно разобраться къ какой категоріи относится данная книга. „Достаточно хорошо зная наши западную и южную окраины, густо населенныя еврейскимъ элементомъ—говоритъ корреспондентъ—мы вполне увѣрены, что, займись надлежащій контроль тщательными ревизіями тѣхъ учреждений, гдѣ начальствуютъ и управляютъ выборныя лица изъ Евреевъ, онъ нашель бы еще и не такіе порядки и служебныя приемы, какіе обнаружили въ дѣятельности Немзера.“

Производившимся въ 1910 г., въ *Кіевѣ* разслѣдованіемъ обнаружено уклоненіе Евреевъ отъ воинской повинности путемъ фиктивного усыновленія дѣтей. По словамъ „Кіевлянина“ такія сдѣлки совершаются путемъ обхода закона, по которому только единственный сынъ освобождается отъ воинской повинности. Во многихъ случаяхъ такое усыновленіе является не простой сдѣлкой двухъ заинтересованныхъ лицъ, а правильно организованнымъ дѣломъ, въ которомъ принимаютъ активное участіе еврейскія общества, старосты которыхъ, выдавая паспорта членамъ общества, заставляютъ бездѣтныя семьи приписывать къ ихъ посемейнымъ спискамъ чужихъ дѣтей. Дѣлается это, повидимому за деньги, причемъ новый отецъ, давшій свою фамилію, въ большинствѣ случаевъ никогда не видитъ своего фиктивного сына, который, послѣ перемѣны фамиліи, продолжаетъ жить у своего настоящаго отца. *Такая оформленная раввиномъ сдѣлка* отсылается въ казенную палату, которая утверждаетъ посемейные списки.³⁴⁾

Изъ другихъ разслѣдованій объ уклоненіи Евреевъ отъ воинской повинности, выдаются по большому числу раввиновъ и интеллигентныхъ Евреевъ, участвовавшихъ въ этомъ преступленіи, слѣдующія:

³⁴⁾ Новое Время 1910 г. № 12345.

Въ Августѣ 1909 г., въ *Екатеринославѣ*, начальникъ екатеринославскаго сыскаго отдѣленія раскрылъ цѣлую еврейскую организацію, занимавшуюся освобожденіемъ Евреевъ отъ воинской повинности. Газ. „Русская Правда“ сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: полиція произвела въ комнатѣ подозрительнаго еврея Эвентова, остановившагося въ гостинницѣ „Россія“, обыскъ и нашла цѣлую бухгалтерскую отчетность, касавшуюся опредѣленія разныхъ лицъ, призывного возраста, въ музыкальнныя училища и освобожденія такимъ путемъ отъ воинской повинности. Захваченный матеріалъ обнимаетъ собою цѣлую Россію; замѣшано свыше 1000 лицъ.

Эвентовъ не только устраивалъ отсрочку „по музыкальному образованію“; но велъ правильно организованную дѣятельность по освобожденію Евреевъ отъ воинской повинности; у него арестована записная книжка съ адресами всѣхъ городовъ и мѣстечекъ въ алфавитномъ порядкѣ, съ краткимъ изложеніемъ содержанія письменныхъ сношеній его съ общественными раввинами, въ 378 страницъ. *Всѣ раввины оказались въ высшей степени „любезными“ и давали точныя указанія.* Напримѣръ, аккерманскій раввинъ В. Крошкинъ сообщаетъ Эвентову, что онъ могъ бы ему рекомендовать вполне дѣльнаго „честнаго“ и свѣдущаго человѣка, именно онъ самъ долго служилъ по этой части. Могилевскій раввинъ Каганъ извѣщаетъ, что имѣются двое молодыхъ людей, которые желаютъ получить отсрочку путемъ поступленія въ музыкальную школу. И такихъ переписокъ съ нѣкоторыми вариантами, имѣется множество. На каждый вопросъ Эвентова, каждый раввинъ считалъ приятнымъ долгомъ отозваться. Кромѣ раввиновъ, Эвентовъ имѣлъ крупныя связи среди частныхъ лицъ, лицъ съ служебнымъ положеніемъ и военныхъ врачей Евреевъ.

Въ Октябрѣ того же года „Минское Слово“ сообщило, что въ предѣлахъ Витебской губер., почти во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, въ мѣстечкахъ и посадахъ—арестовано около 1000 Евреевъ разныхъ возрастовъ. Въ числѣ арестованныхъ было *нѣсколько раввиновъ* и адвокатовъ, а затѣмъ громадное большинство были Евреи, незаконно освобожденные отъ воинской повинности посредствомъ различныхъ подлоговъ и мошенническихъ продѣлокъ.

Поводомъ къ массовому аресту Евреевъ послужило то обстоятельство, что въ Варшавѣ обнаружено сообщество, имѣвшее цѣлью освобожденіе Евреевъ отъ воинской повинности посредствомъ подлоговъ и поддѣлки разныхъ документовъ. Во главѣ этой шайки стояли многіе

мѣстные адвокаты изъ Евреевъ, съ громкими именами и *раввины*, при содѣйствіи которыхъ и приводились въ исполненіе заранѣе намѣченныя шайкой освобожденія Евреевъ отъ военной службы.

При открытіи этой организаціи, властямъ удалось захватить въ свои руки весьма цѣнные по этому предмету документы, а также именныя списки какъ главарей и дѣйствительныхъ членовъ этой шайки, такъ и именныя списки Евреевъ, незаконно освобожденныхъ шайкой отъ исполненія воинской повинности.³⁵⁾

Въ слѣдующемъ официальномъ извѣстіи говорится еще объ обнаруженномъ въ послѣдніи годы важномъ злоупотребленіи раввиновъ, при веденіи ими метрическихъ книгъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ поставило на очередь вопросъ объ измѣненіи порядка метрикаціи Евреевъ. Вызвано это тѣмъ, что за послѣдніе годы, при занесеніи въ метрическія книги родившихся еврейскихъ дѣтей, между раввинами и еврейскимъ населеніемъ стало возникать много недоразумѣній, съ одной стороны, вслѣдствіе нежеланія родителей подвергать дѣтей обрѣзанію, а съ другой—*вслѣдствіе отказа раввиновъ заносить въ книги необрѣзанныхъ дѣтей*. При такихъ условіяхъ не только теряется возможность правильнаго учета еврейскаго населенія, но и создаются нежелательныя осложненія при разрѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ использованиемъ метрическихъ записей въ качествѣ актовъ, регламентирующихъ извѣстныя гражданскія права и обязанности даннаго лица. Такое положеніе вопроса министерство внутреннихъ дѣлъ признаетъ недопустимымъ и подлежащимъ урегулированію либо путемъ соответствующаго разъясненія Сената, либо въ законодательномъ порядкѣ и проч.³⁶⁾

Изложенные факты вопіющихъ злоупотребленій раввиновъ при веденіи ими метрическихъ книгъ настоятельно требуютъ устраненія ихъ отъ этой обязанности. Веденіе еврейскихъ метрическихъ книгъ слѣдуетъ поручить городскимъ управамъ и волостнымъ правленіямъ, какъ въ царствѣ польскомъ, гдѣ магистраты и гминныя (волостныя) управленія ведутъ акты гражданскаго состоянія (метрики) лицъ нехристіанскихъ исповѣданій. Городскія управы и волостныя правленія должны своевременно составлять акты о рожденіи, бракосочетаніи и смерти

³⁵⁾ Новое Время, 1909 г., № 11999 и 12074.

³⁶⁾ Новое Время, 1912 г., № 13051.

Евреевъ въ присутствіи раввина и двухъ свидѣтелей и согласно ст. 1,088 XI т. св. зак. наблюдать, чтобы женихъ и невѣста были узаконенаго возраста и вторичные браки совершались съ дозволенія, городской управы и магистрата или волостного и гминнаго управленій а погребеніе умершихъ происходило въ определенное закономъ время. Для записи въ метрическія книги расторгеній браковъ между Евреями съ возвратомъ или безъ возврата приданаго, достаточно требовать показаній раввина и двухъ свидѣтелей, что бракъ расторгнуть, вмѣсто рѣшенія о томъ же раввина (ст. 1,089 т. XI.) потому, что Второзаконіе и талмудъ, предоставляють право расторгать бракъ Евреямъ—мірянамъ безъ участія духовенства и раввиновъ. Для уменьшенія вреда, который терпятъ Еврейки отъ произвола мужчинъ при заключеніи и расторженіи браковъ, возможно только опредѣлить наказанія за браки евреевъ при неразведенныхъ женахъ и обманы, и возвратъ приданаго и убытковъ невѣстамъ и разведеннымъ женамъ по приговору суда. Религіозныя же правила, допускающія этотъ произволъ, не могутъ быть измѣнены раввинскою комиссіей и вообще какимъ бы то ни было собраніемъ раввиновъ.

Съ объясненіемъ въ законахъ дѣйствительнаго значенія еврейскихъ обрядовъ, должны быть сдѣланы и соответствующія исправленія въ формахъ метрическихъ книгъ, приложенныхъ къ ст. 1608 т. IX св. зак. Такъ въ книгахъ о родившихся и бракосочетавшихся, заголовки 3-й и 4-й графы: „Кто совершалъ обрядъ обрѣзанія“ и „Кто совершалъ обрядъ обрученія и бракосочетанія,“ можно замѣнить: „При какихъ двухъ свидѣтеляхъ и раввинѣ совершенъ обрядъ обрѣзанія“³⁷⁾ и „При какихъ двухъ свидѣтеляхъ и раввинѣ совершенъ бракъ.“ Въ книгѣ „О разведшихся“ заголовокъ графы 4-й: „Кѣмъ совершается обрядъ разводный или халицы“, слѣдовало бы замѣнить: „При какихъ двухъ свидѣтеляхъ и раввинѣ совершенъ обрядъ разводный или халицы.“

Къ важнымъ обязанностямъ раввина, которыя должны быть съ него сняты, относится и обязанность его присутствовать при присягѣ Евреевъ и дѣлать увѣщанія присягающимъ по религіознымъ книгамъ Туръ-Хошень-Мишпатъ, Шулханъ-Арухъ и др. (приложеніе I къ ст. 1061 т. XI св. зак., пункт. 2 и 4), потому что обрядъ присяги исполняется также Евреями—мірянами. Кромѣ того, дѣлать увѣщанія Евре-

³⁷⁾ Если по желанію родителей или по болѣзни мальчика обрядъ не совершенъ, то это записывается въ 3-й графѣ.

ямъ о важности присяги и обязанности присягающаго свидѣтеля показывать правду раввинъ не можетъ: въ этихъ книгахъ находятся правила, требующія чтобы бы Евреи не судились въ судахъ не-еврейскихъ³⁸⁾ и вообще не свидѣтельствовали въ пользу не-Евреевъ, противъ Евреевъ³⁹⁾. Эти правила и возможность каждому Еврею отказаться отъ всѣхъ данныхъ имъ присягъ и клятвъ въ присутствіи трехъ Евреевъ, по прочтеніи формы „Гофорать-Недоримъ“⁴⁰⁾ дѣлаютъ то, что *лжеприсяга чрезвычайно распространена между Евреями*. Побуждаютъ къ ней и сами раввины, какъ свидѣтельствуесть раввинъ Якринъ.

Слѣдующій фактъ характеризуетъ свидѣтельскія показанія Евреевъ.

При разбирательствѣ въ кишиневскомъ окружномъ судѣ 19 марта 1898 г. гражданскаго дѣла Аккерманъ съ Перельманомъ о доходахъ въ суммѣ 20,650 р., повѣреннымъ отвѣтчика присяжнымъ повѣреннымъ Юилевичемъ были при представлены 8 документовъ на еврейскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

„Съ Божьей помощью (!), я такой то (слѣдуетъ имя и фамилія свидѣтеля) обязуюсь показать на судѣ по дѣлу Аккермана, съ Перельманомъ такъ, какъ мнѣ указываетъ Аккерманъ, за что получаю 300 р. вознагражденія. а въ случаѣ, если я не покажу такъ, то плачу неустойку въ 300 р.“

По другимъ обязательствамъ выговорено право участвовать въ 10% съ вышранной суммы.

Судъ постановилъ дѣло передать прокурорскому надзору⁴¹⁾.

³⁸⁾ „Хошень-Мишпатъ“ стр. 21. Я. Брафманъ „Книга Качала“, стр. XIV, о томъ, что въ книгѣ „Хошень-Мишпатъ“ заключается безправственный и противозаконный правила, видно и изъ постановленія совѣта управленія царства польскаго 12 іюня 1842 г., о новомъ изданіи этой книги съ пропускомъ всѣхъ мѣстъ „законамъ и общественному порядку противныхъ“ и объ отобраніи и истребленіи находящихся въ употребленіи у Евреевъ прежнихъ изданій той же книги („Дневникъ законовъ царства польскаго“. Томъ XXX, стр. 162).

³⁹⁾ „Шулханъ-арухъ“. „Судъ и свидѣтельствованіе“ А. А. Быкова. „Наблюдатель“, 1891 г., Іюнь, стр. 140—153. (Подлинныя извлеченія изъ Шулханъ-аруха).

⁴⁰⁾ Я. Брафманъ. „Книга Качала“, стр. 203 и 204.

⁴¹⁾ Новое Время, 1898 г., № 7933.

Въ „Варшавскомъ Дневникѣ“, въ 1889 г., въ статьѣ объ отношеніяхъ Евреевъ къ судебному законодательству Польши—между прочимъ, объ участіи христіанъ и Евреевъ въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ—сказано слѣдующее:

„Джеприсяга.... 33,2 христіанъ и 200.3 Евреевъ.

„Недонесеніе о преступ. 6,9 „ „ 9.4 „

„Если во второмъ, не всегда вызываемымъ злонамѣренностью, относительное участіе Евреевъ опредѣляется въ 50%, а въ первомъ, выражающемъ явное противленіе открытію преступленія и преступника, такое же относительное участіе опредѣляется слишкомъ въ 500%. то очевидно, который изъ двухъ элементовъ народонаселенія заслуживаетъ довѣрія со стороны закона, суда и власти, стремящихся къ открытію преступленій и къ преслѣдованію виновныхъ.“ Далѣе, послѣ замѣчанія, что приведенныя цифры, опредѣляя собою лишь факты, доказанныя судомъ, меньше дѣйствительныхъ—высказано такое заключеніе: „Понятно, что если христіанское населеніе не заслуживаетъ абсолютнаго довѣрія, то еврейское не заслуживаетъ почти никакого довѣрія. при одинаковыхъ для того и другого населенія ручательствахъ за достовѣрность ихъ показаній, т.е. при условіяхъ, представляемыхъ присягою и страхомъ передъ закономъ“. Это заключеніе должно быть очень непріятно для русскихъ „просвѣщенныхъ“ Евреевъ, постоянно твердящихъ о добродѣтеляхъ своихъ соплеменниковъ; но оно совершенно вѣрно и вполне объясняется безнравственными правилами талмуда. Потому всякаго рода присягу Евреевъ слѣдовало бы отмѣнить и ограничиться отобраніемъ отъ нихъ простыхъ обѣщаній—показывать правду или исполнять обязанности подданнаго и должностнаго лица, тѣмъ болѣе, что это уже и дѣлается. При изданіи судебныхъ уставовъ 1864 г. формы присяги для евреевъ и иновѣрцевъ не были составлены, а такъ какъ приводъ къ присягѣ Евреевъ по 2-му пун. 1-го приложенія къ ст. 1061 т. XI св. Зак. долженъ совершаться въ синагогѣ или въ молитвенномъ домѣ, то, въ виду умолчанія объ этомъ въ судебныхъ уставахъ 1864 г. и неудобства такого привода къ присягѣ, кассационный департаментъ сената освободилъ новыя судебныя учрежденія отъ исполненія требованій закона о еврейской присягѣ, и въ практику вошло—приводить къ присягѣ Евреевъ по образцу, установленному для христіанъ съ выпускомъ священныхъ словъ. Конечно,

такая присяга Евреевъ, есть ничто иное какъ обѣщаніе⁴²⁾. Предложенныя въ 1879 г. раввинской комиссіей форма присяги, заключающаяся въ томъ, что присягающій Еврей долженъ класть руку на библію на еврейскомъ языкѣ и по произнесеніи присяги, прикладываться къ ней, а также исключеніе изъ существующей присяги двухъ оскорбительныхъ для Евреевъ фразъ, постановленное съѣздомъ раввиновъ въ мартѣ 1910 года⁴³⁾ не могутъ измѣнить религіозныхъ правилъ Евреевъ, разрѣшающихъ имъ давать ложную присягу для пользы іудейства.

Съ освобожденіемъ раввиновъ отъ обязанностей, которыхъ они по религіознымъ правиламъ не могутъ исполнять и въ дѣйствительности никогда не исполняютъ, разумѣется, должна быть снята съ нихъ отвѣтственность за неисполненіе этихъ обязанностей. Статья 1095 т. XI св. зак. о разсмотрѣніи и рѣшеніи собраніемъ трехъ раввиновъ жалобъ еврейскихъ обществъ на раввиновъ по дѣламъ еврейской вѣры должна быть отмѣнена, потому что такого рода жалобы на раввиновъ, какъ на свѣтскихъ лицъ возникнуть не могутъ и въ царствѣ польскомъ, какъ намъ извѣстно, не возникали. — Должности „казенныхъ раввиновъ“, черезъ которыхъ правительство надѣялось (тщетно!) вліять на улучшение нравственности Евреевъ, слѣдуетъ упразднить. Съ раввиновъ же, избираемыхъ еврейскими обществами, необходимо усилить нѣкоторыя взысканія, опредѣленныя закономъ, и установить новыя за-противозаконную дѣятельность, которая не была извѣстна правительству до разоблаченія ея Брафманомъ въ „Книгѣ Кагала“ и русскою печатью вообще. Такъ, взысканія съ раввиновъ, опредѣленныя ст. 1091 т. XI св. Зак., за наказаніе Евреевъ пенями, проклятіями и изверженіями изъ общества, по важности такихъ проступковъ, должны быть усилены. Въмѣсто наложенія штрафа въ 15 р. за совершеніе одного одного изъ этихъ проступковъ въ первый разъ; въ 30 р. — во второй, и лишенія званія раввина — съ отдачею въ военную службу; за произнесеніе проклятія — въ третій разъ, слѣдовало бы: за произнесеніе раввиномъ проклятія или за изверженіе имъ изъ общества, въ первый же разъ увольнять его отъ должности, а за положеніе раввиномъ пеней, въ

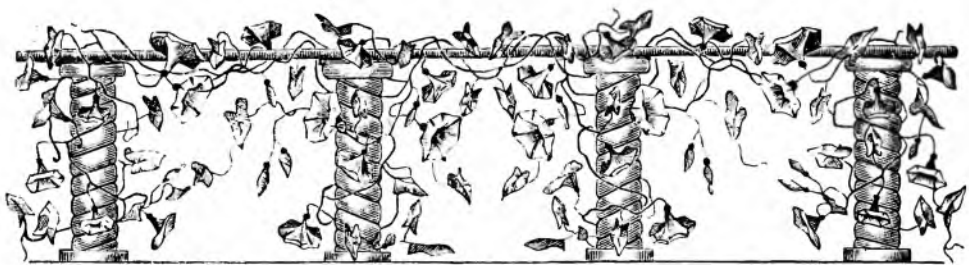
⁴²⁾ Въ виду недѣйствительности еврейской присяги въ христіанскихъ судахъ, къ Евреямъ можетъ быть также примѣнено постановленіе въ Февралѣ 1910 г. комиссіи по вѣронсповѣднымъ дѣламъ Госуд. Думы, признавшей необходимымъ освободить отъ присяги лицъ, которымъ религія запрещаетъ ее, и замѣнить присягу торжественнымъ обѣщаніемъ говорить правду, по особой формѣ устанавливаемой для каждаго исповѣданія, по соглашенію между министрами внутрен. дѣлъ и юстиціи. Новое Время, 1910 г., № 12186.

⁴³⁾ Новое Время 1910 г. № 12224.

первый разъ, налагать на него штрафъ въ 100 р.; а за тотъ же проступокъ во второй разъ, увольнять отъ должности. Кромѣ этихъ наказаній необходимо опредѣлить наказанія за слѣдующія важныя преступленія раввиновъ, обнаруженныя въ недавнее время: за принятіе къ своему разсмотрѣнію и рѣшенію такихъ дѣлъ Евреевъ, которыя должны разсматриваться и рѣшаться въ общихъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ; за участіе въ дѣятельности еврейскаго суда (бетъ-дина), кагала и еврейскихъ союзовъ, какъ противогосударственныхъ обществахъ. За всѣ эти преступленія раввины должны привлекаться къ отвѣтственности по постановленіямъ губернскихъ правленій для наказанія ихъ административнымъ порядкомъ или для преданія суду.

Н. С. Граве.

Истинная Исторія Карпато Россовъ или Угорскихъ Русиновъ изданна Народолубцемъ, Александромъ Духновичемъ. 1853.

§. 1.

О исходѣ Карпато-Россовъ.

О исходѣ семь прежде всего замѣтить нужно, что именемъ семь просто тѣ Россіане означаются. которые нынѣ начиная отъ Молдавіи. Буковины и Галицкихъ границъ. на полуденномъ Карпата бокѣ, и далѣе по рѣкѣ Замоши. Тисѣ. и Попрадѣ, внутрь границъ угорскихъ распространенные, находятся: — какъ и то что зане и найзнакомыхъ бывшихъ. и сущихъ на лицѣ земли народовъ, какъ и. п. Грековъ, Римлянъ, и Нѣмцовъ, ихже начало, и исходъ единоплемянные Дѣписатели нужными устроеныи пособіями, точно и ревностно описать, и потомству оставить тщалися, а по сихъ даже самаго славянскаго народа, и при возможномъ прилѣжаніи бытописателей, однакожь мракомъ древности столь покрытъ останеся. что едва не весьма на басняхъ, и мифніяхъ основуется.— Та что объ исходѣ сего забвеннаго, и тьмою время покрытаго Народа основательно сказать возможно.— Истинно не много! ибо современники. и соотечественники о народѣ семь очень мало, иностранцы же, и иноплемянные или ничего. или только что нибудь погрѣшнаго во памятникахъ своихъ оставили. и что больше даже Несторъ, и Карамзинъ о Карпато, или Угро-Россахъ только то упомянули. что и они на свѣтѣ суть; впрочемъ, какъ объ исходѣ, такъ и о состояніи ихъ не много что назначили. Домашніе паки, или угро-латинскіе, и нѣмецкіе повѣствователи что о нихъ написали, то все паче, ко покрытію, нежели открытію народа сего дотыкающихся происшествій надлежить; почему упомянутой Карамзинъ не безъ причины вѣрность ихъ едва что не со всѣмъ опровергнулъ; и здѣсь ними по толку пользоваться можно, по коліку свидѣтельства ихъ или необходимо нужны. или мѣстами не вознамѣ-

ряя, и не хотя объ Угро-Россахъ сказали правду.—При семъ зане Угро-Россы не совсѣмъ и единоплеменныхъ писателей лишаются, по тому здѣсь наипаче сихъ свидѣтельствами подобаетъ пользоваться; и такъ:

Преподобный отецъ Іоанникій Базиловичъ, чина св. Василія великаго обители иже во св. Отца нашего Николая Черногорской (:Чернскъ:) при городѣ Мукачевѣ находящейся Прото-Игуменъ во другой сочиненія своего части: *Brevis notitia Fundationi, Principis Rutheni Koriathovich. Cassovia 1799.* о предметѣ семъ такъ говоритъ: *Gentem Ruthenam cum Slavis, Bulgaris, et Serbis jam ante ingressum septem Scythorum Ducum in Pannoniam, parte, Pannonia inhabitasse, hos proinde ruthenos, qui ex Lodomeria (:Wladimiria) et Galicia cum septem illis Ducibus in Pannoniam intrarunt, non prius ad, sed supervenisse, suasque habitationes ad limites Poloniarum fixisse.*—Народъ Русскій со Славянами, Болгарами, и Сербамъ прежде уже семи скиѣскихъ, (:мадьярскихъ) вождей во Паннонію пришествія части Панноніи занималъ: тѣ убо Русини (:Россіани:) которые со упомянутыми Вождами во Паннонію изъ Владиміріи, и Галича переселились. О томъ же въ IV сочиненія своего части изъ году 1804. по Ассеманъ пространнѣе такъ говоритъ: *Hoc et gens ea, quo ab exilibus principis orta, in validissimam excrescens, late circumque vicinis Orientis et Occidentis populos in suum ita traduxit jus, ut a prima illa feritate ad meliorem cultum translata, Graecam, Latinamque Ecclesiam toto orbe diffusam in se una videatur complecti. Quis putasset, e media inter Volgam, et Boristhenem vastissima illa Luperborea regione, quam veteres Scythiam appellant, densissimis quondam non minus ethnica superstitionis, quam barbaricae Jeritatis tenebris involutam gentem, post tot secula surrecturam, quo dum in penitiores Bisantini, atque Germanici imperii partes invadens, eas, deletis, aut in captivitatem abductis incolis. occupet, et adspirante demum divini Numinis gratia suffultam, superstitionem excuteret, everteret, deteretque, et quam prius totio exagitabat viribus, christiano religioni colla submitteret ut id de ipsis dicam, quod in sacris litteris de Abrahamo Hebroorum Patriarcha scriptum legis legitur: Necessse fuit eis egredi de terra sua, et de cogratione sua, et de Domo Patrum suorum, et venire in terram, quam Deus illis preparaverat.*

Сей есть оной народъ, который началомъ бывъ малочисленъ. во послѣдствіи временъ столь умножися, и усилился, что пространнѣйшіе востока и запада народы побѣдивъ, и первородну свирѣпость во бла-

гонравіе перемѣнивъ, греческую и латинскую Церковь въ себѣ заключать кажется, и проч.

Статскій паки совѣтникъ Иванъ Орлай, родомъ Угро-Рось, съ Бережанской стѣлицы, въ Россіи же на послѣдокъ Одесскаго Университета Директоръ, во первой Сѣвернаго Вѣстника части, изъ году 1804. о томъ, находились-ли въ Панноніи Россіане прежде Угровъ пришествія, или нѣтъ? ничего не упоминавъ; пять Россіанъ въ Паннонію, и Угрію поставляетъ поселеній, и то

1-вое Съ Уграми, (:мадярами:) и Куманцами въ году 889. по оному Безъименнаго Нотарія, (Anonymus Belae Regis Notarius:) *Multi de Ruthenis Almo Duci adhaerentes, secum in Pannoniam venerunt, quorum posteritas usque in hodiernum diem per diversa loca in Hungaria habitat, a quibus tot locis nomen Oraszi Ороси, такъ называются въ Мадярскомъ языкѣ Россы, adhaesit.*

2. Съ Холманомъ на мошонское поле, послѣдуя тому же безъименному Нотарію, во описаніи сего переселенія багрянородну Константину подобно послѣдующему: *Dux vero Zulta post reversionem militum suorum fixit metas Regni Hungariae, ex parte Graecorum usque ad pontem Wacil, et usque ad terram Rascy; ab occidente usque ad mare, ubi est Spalatina civitas, ex parte vero Teutonicorum usque ad pontem Gucil, et in eisdem dedit castrum construere Ruthenis, qui cum Almo Duce avo suo in Pannoniam venerunt, et eodem confinio ultra lutum Musun collocavit etiam Bissenos non paucos habitare pro defensione Regni sui, ne aliquando in posterum furibundi Theutonici propter injuriam sibi illatam fines Hungarorum devastare possint, ex parte vero Bacorum fixit metas usque ad fluvium Morava sub tali conditione, ut eorum annuatim tributa peus alverent Duci Ungarorum; eodem modo ex parte Polonorum usque ad montem Tatur, sicut primo fecerat regni metam Borsun filius Bunger.— Dein: Hungaros non tantum superiorem Pannoniam ad Noricum, seu Cesium usque montem, sed aliquem itidem Austriae inferioris partem ultra hunc montem sitam eodem impetu suam fecisse.*

Вождь Жолтанъ противъ Теутъ, или Нѣмцовъ устроилъ границу до моста Гунца (:Göpez городъ и нынѣ существуетъ:) на Оназѣ зданнаго, и построилъ тамъ для Россіанъ съ Дядею его Алмомъ (:Халмомъ. Холмомъ:) во Паннонію пришедшихъ городъ именемъ Орось-варъ, т.е. русскій городъ, и пр.

3-тoе Около 1113. году съ Коломаномъ у Россіанъ, какъ своихъ племянниковъ прибѣжища, и заступленія глядавшимъ, и далѣ Уграми на королевство произведеннымъ, которой за показану при семь случаѣ себѣ Рускими услугу построилъ имъ городъ Оростъ-Фалва, (:Orosz falva) Русское село, постановя закономъ, чтобы живучіе въ немъ Россіане пользуясь впрочемъ всѣми пользами свободы охраняли врата, и собственныя жилища его отъ нападений.

4-тoе въ году 1285. съ Владиславомъ изъ побѣды Татаръ и Куманъ чрезъ Кіевъ, и Галичъ въ Угрію возвратившимся.

5-тoе же, и послѣднее въ году 1339. съ Литовскимъ княземъ Теодоромъ Коріатовичемъ, у Карла I-ваго прибѣжище, и Мукачевское княжество съ 300. селами получившимъ.

Подобныхъ почастныхъ переселеній Угорскіе бытописатели, найпаче въ періодѣ королей племени Арпадови (:Артагови) по разнымъ обстоятельствамъ случившихся. и болѣе изчисляють, какъ и. п. въ часъ Андрея, и Белы, или Бѣлы, (:бѣлаго:) изъ Россіи на Угорскій Престолъ произведенныхъ; Также Баторіева въ Польшѣ, и Малороссіи владѣнія, и что больше при самомъ Татаровъ походѣ, или набѣгѣ, коихъ предводителю російскому князю Димитрію съ его сподвижниками Угорцы даже до нынѣ не совсѣмъ благодарны, и благовольны.

Сюда принадлежитъ еще и то обстоятельство народомъ угрорусскимъ въ преданіи содержано, что Татары отправляясь плѣнить, и грабить на одну часть Карпато-Россіи именуемую Крайню женами по Русски напоминаемы были: Принести имъ рябу сорочку шелкомъ вышиту, какую тамошніе жители и до днесь носятъ;—изъ чего слѣдуетъ, что между Татарами Россіане, или по крайней мѣрѣ, мужи, и женщины Русскимъ говоряще языкомъ находились.

Я упомянутымъ согласуясь, узнаю Угро, или Карпато-Россовъ по части происходить изъ Россіи, ибо то ихъ языкъ, пмя, законъ и обыкновенія довольно показываютъ, но впрочемъ замѣчаю, съ Базилевичемъ, что Русскій такъ, какъ и болгарскій, сербскій, власкій, и славянскій народъ отъ древнѣйшихъ временъ, и едва что не отъ самаго потопа, какъ и во времена владѣнія римскаго край сей наполнялъ. и по тому какъ грекамъ, такъ и римлянамъ, подъ различными именами знакомъ былъ; а по колику отъ запада, и полудня сими, отъ востока

же и сѣвера кочующимися, и набѣгающими народами утѣсняемъ бываль, по толику всегда отступилъ на Карпаты, и далѣе; (чѣмъ по общему предавію Угро-Россіане и во время нападенія Татаровъ пользовались, и спасались:) къ сѣверу, и востоку, послѣ же бѣдствій представшихъ, отъ туда ко западу, и полудню возвращался, тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ знакомѣе есть, что какъ скоту, и птицѣ, такъ и человѣкамъ помѣрной воздухъ, плодоносная земля пріятнѣе, нежели сырой воздухъ, и худая земля; по чему можно сказать, что какъ велико, такъ и мало-россы бывъ отрывомъ Славянъ, изъ Карпата произошли, т.е. изъ плодоносныя Панноніи, или отъ Дуная и Тисы. И во самомъ дѣлѣ чтожбы иное Нестора, и Карамзина Новгородскіе и Кіевскіе Славяне были, какъ не Панноно, или Карпато Россіане—что самое слѣдующіе однаго Угро-Россіана стихи явнымъ творять:

Вѣмъ Палласъ при Невѣ престолъ положила.
 Неблагодарна! Ужокъ Латюрку (:рѣки:) лишила;
 Карпаты Славянамъ есть истинной Отецъ Мати,
 Но Россіяны дѣти то не ищутъ знати.

И такъ по реченнымъ, IX вѣка съ Угорцами (:Мадирами:) и Куманцами во Паннонію вступившіе Россіане вѣроятно въ ней такъ первые не были, какъ и. п. тѣ, которые по прежде упомянутымъ причинамъ, и позже съ русскими, польскими и мадыарскими князьями, и княгинями. то уже взаимной помощи, и заступленія ищущими, то взаимъ поселяющимися до ней переселялись: изъ чего равно и то слѣдуетъ, что Россіане какъ не новѣйшіе Угровъ въ семь краѣ, такъ окружными ихъ сподвижниками бывъ, равнымъ съ ними правомъ или новыя получили, или древнія владѣнія своя содержали; по чему то множество удѣловъ, или стѣлицъ. городовъ, мѣстъ, и деревень отъ Россіанъ какъ начало, такъ и имена своя получило, и по части и нынѣ еще содержитъ, хотя впрочемъ во полученныхъ ними тогда угодъ, и свободъ пользованіи, какъ то Докторъ Орлан во упомянутомъ Вѣсникѣ подтверждаетъ, во слѣдствіи времени. и новыхъ произшествій не мало утѣсенны, и оскорбленны были, однакожъ благородна Угро-Россіанъ часть, и днесъ оными, равно Уграмъ пользуется; Но горе! такихъ Русскихъ семействъ не много уже днесъ находится, между ними еще семейства: Ладомирскіевъ, Петровъ, Кричовскихъ (:Кричалушлевъ:) Липтавъ, отъ Липши (:Lipese, Lipesey:) Изаевъ, Березинскихъ, Добравъ, Зекановъ Мстичевскихъ, Горзововъ, Сѣдоровъ, Пастельскихъ Пастельювъ и пр.

При семъ когда бы лзя правду сказать, и тѣхъ Русскаго народа и племени Ускоковъ, семейства здѣсь исчислить, которые ради

временныхъ угодъ, и тщеславія Русскаго рода отреклись, и почтенныя Русская имена своя переверотили, или помадырили, и днесь большею Угрии частью владѣють, то подобныхъ именъ, и семействъ опись составила-бы не большую книгу;—Но Господи прости имъ. . . о сихъ ниже во кратцѣ вспомнемъ.

Славные Угорско-латинскіе Историки описуя Мадяровъ въ Паннонію приходъ, имя Орошъ, Оросъ, или Русское изьясяя, на мадырскомъ языкѣ подтверждаютъ, оно сложнымъ быть изъ *ó*, что значить древній, и русъ, или росъ, и такъ по мадырски *Orosz*, только знаменуетъ, какъ: Древной Россъ. Которое имя мадырами, найденнымъ во Панноніи Россамъ потому дано есть, чтобы сихъ отъ пришедшихъ съ ними новѣйшихъ Россіанъ тѣмъ различить, (:о томъ свидѣтельствуеть Прай, и Катова Угорскіе Дѣписатели:) что аще такъ есть, то слѣдуетъ, что мадыре, и переселившіеся съ ними Россіане, во Панноніи изобрѣли единоплеменныхъ своихъ Россіанъ. Далѣе тѣ же писатели говорятъ, что мадыре перешедъ Карпаты во первыхъ заняли городъ Мукачъ, по томъ Угъ, Упгъ, Унгваръ, коего коммендантъ, (:Владыка, владѣтель:) Лаборцъ вида невозможность Мадяровъ отразить, хотѣлъ бѣгствомъ спастися, но Мадырами захваченъ, и удушенъ былъ. Также сказываютъ, какъ они за Тисою Бигорскаго или Вигорскаго Меноморода (:Мило, или Миророда) и подъ Карпатою Салана, или Солена Бережанскаго, Гоморскаго, и Новгородскаго князей, и властитетей, какъ сказываютъ, Булгарскихъ побѣдили, и покорили; Но тѣ города, и мѣста Россіане и днесь равно, Славяне же и Угры: Мукачъ, Мугачемъ, Угъ, Унгваромъ, Березовъ, Берегазомъ, Гоморъ Геумеромъ (:Gömör:), Новгородъ, Повгразомъ именуютъ; по чему тѣмъ вѣроятнѣе можно заключить, что сіе города, и князи Русскіе были, чѣмъ обще извѣстно, что имя Булгаръ, или Болгаръ по греческимъ, и латинскимъ писателямъ Европейскимъ славянскаго племени народамъ, и найпаче Россіанамъ, Сербамъ, Кроатамъ, Илирамъ, и Боснитамъ, и что больше даже самимъ Волохамъ такъ общее было, какъ Азіатскимъ, и Кавкаскимъ племенамъ Скипъ, или Скитъ, Сцита.

Домашній писатель Антоній Сирмай, *Notitia topographica, Politica Comitatus Zempliniensis. Buda 1803*. Хотя и не много склонный къ Русинамъ какъ Мадяръ, однакожь угаить правду не смѣя, такъ говоритъ:

Въ предѣлахъ сихъ, (:Коло Бодрога рѣки:) прежде пришествія Угровъ, (:Мадяровъ:) обитали Сарматы, кой съ Россами, Роксамп,

Роксоланами, Руссами, Рутенами, Москалями, и Козаками одного суть рода, яко то поминають древніи писатели: Берось, Ксенофонъ, Геродотъ, Кромерь, и иные. Сіи однакожь отъ Слава (gloria) Славами, Славинами назывались. Откуда безымянный Бельи царя Нотарій говоритъ, что вождь Славянскій Лаборць пришедшими въ ту столицу (:Землинскую) мадярами удавленъ. и отъ него рѣка Лаборець именуется. Сіи года еще 867 на просьбу Ратислава Моравскаго князя святыми Кирилломъ, и Меѳодіемъ христіанску вѣру приняли, по свидѣтельству Патрохіа, и своего власнаго владыку (:Архіерея:) имѣли, что показуется изъ Заключенія (:указа) XI. Іустиніана Императора, Constit. XI. Novell. Iustiniani Imperator.

Послѣдственно больше Рутеновъ съ седми мадярскими Вождями въ предѣлы сіи вошло изъ Галичины и Лодомеріи, и осѣли по краямъ царства, откуда обиталища ихъ даже до нынѣшнихъ временъ Крайнею называются.

Многая поселенія Рутеновъ привели тутъ Рускіе Вожди, и князи чрезъ супружества съ угорскими царскими княжнами, а наибольше Владиславъ Палатинъ. посему вождь Опуліи по Кромеру книг. 13. родомъ Россіянь, посему Феодоръ Кориатовичъ Вождь бѣлорусскій во время Лодовѣка I-аго, которые на горахъ Вовчихъ (:mons Lupi:) или Бескидахъ осѣли, повинуюсь Русскимъ Мукачевскимъ князьямъ, пока Дошній Гомонна фамиліи Другетъ 1400 года не отдана. и пр.

Рутени (:Русины:) и посему имѣли, даже до нашихъ временъ отличныхъ своихъ судей, кои отъ поселенія ихъ Крайнею названнаго Крайниками именовались, что въ латинскомъ языкѣ Sculteti, и въ мадырскомъ Soltész значить свободнаго человѣка.

Объ Архіереяхъ. или Епископахъ Русскихъ именованный писатель Сирмаи также слѣдуюея ее воспоминаеть:

Хотяй года 1360. князь Кориатовичъ устроитъ монастырь С. Николая близъ города Мукачева по восточно-греческому обряду,—Русины однакожь священниковъ изъ Россіи, отъ Перемышлянскаго доставали Епископа. Такъ царь угорскій Маѳій 1458. приказываетъ конвенту Лелескому, чтобъ Русскаго священника Луку въ Парафію руску Мукачевую возвести. Владиславъ II. 1491. Іоанна именовалъ въ Епископа Мукаческаго, года 1551. Фердинандъ I именовалъ въ Архіерея Влади-

слава.—Исабелла царица вдовица Іоанна Запольскаго, года 1558 именовала Епископа Иларіа. Максимилианъ царь избралъ въ Епископа Сергія 1601. года.—Князь Гавріиль Бетлемъ 1623. поставилъ въ Архіерея Петронія и 1627 года Іоанна Грегоровича. Георгій князь Рáковцій 1634. именовалъ Василія Тарасовича, который отступивши отъ Уніи, и посему возвратившись, тѣмъ самымъ княземъ въ темницу вверженъ, три года плѣненъ былъ.—Леопольдъ Императоръ 1659 года именовалъ въ Епископа Мукачевскаго Петра Пареепіа, Александромъ VII. Папою Римскимъ подтвержденнаго.

По смерти Петра Пареепіа 1660. случившейся, наставшей мятежи, Народъ Русскій не имѣя Царями возведенныхъ Епископовъ, подвластился самъ Епископамъ Православнымъ даже до года 1689. когда кардиналъ отъ Колоничъ въ Римѣ бывъ, привелъ съ собой во миссіонера для Русиновъ Іосифа отъ Камиллисъ, Грека, Епископа Севастіи, кой послѣдственно Леополдомъ Императоромъ въ Мукачевскаго Епископа именованъ, и Латинскому Епископу Ягерскому подчиненъ былъ.

Года 1707. Императоромъ Іосифомъ въ Архіерейство вознесенъ Іосифъ Годермарскій. также Ягерскому Латинскому Епископу подвластенъ.—Императоръ Кароль 1716 именовалъ Георгія Бизантіа, и подвергъ также власти Латинскаго Епископа Ягерскаго.

Года 1734 одобреніемъ (врученіемъ) Епископа Ягерскаго Графа Ердведого, Императоромъ Кароломъ VI. именованъ Симеонъ Олшавскій, и года 1738 Георгій Блажовскій.—Года 1743. Марія Терезія Михаила Олшавскаго, а года 1767. Іоанна Брадача именовала, и отъ Климента XIII. Папы Римскаго получила, что Епископство Мукачовское канонизовалось, и отъ власти латинскихъ Епископовъ Ягерскихъ изъялось и проч.

Той-же писатель приноситъ еще два свидѣтельства, что на горѣ Синайской, нынѣ Синянской, выше Гуменнаго, на Русской крайнѣ былъ иногда монастырь С. Екатерины, чина С. Василія Великаго. Свидѣтельства суть изъ году 1487.

Во время пришествія Мадяровъ что въ Панноніи Русины съ Славянами бывали безъ сомнѣнія кажутъ всѣ бытописатели, якоже и то безсомнительно есть, что уже и Христіанами были, и то по обряду восточныя Церкви, какъ и то явно есть по свидѣтельству самаго Анонима гл. 34 что Холманъ, „Almus“, и Гарпагъ „Agradus“ чрезъ греческихъ

священниковъ крещены, съ собой въ Паннонію тѣхъ же священниковъ принесли.

Писатель Угорскій Туровіцій, и Енгель „Engel“ на 78 страницъ свидѣтельствуютъ, что Владиславъ царь Угорскій 1285. побѣдивши Татаровъ, чрезъ Кіевъ повернувъ Русиновъ поселенія принявши, великими воротами Галиціи, днесь Воловскими „ököremezö“ названными, до Угорщины привелъ; и пр. Далѣе Русиновъ поселенія показываетъ явно и тое свидѣтельство, которое у Угорскаго Историка Катона, Katona, Томъ VI. листъ 1200 слѣдующее находится: Nos Gregarius Comes de Beregh, Officialis (:seu castellanus:) Ducis Ruthenarum, et quatuor Iudices nobilium de cadem (:Terra Beregh) domus pro memoria.. rr 1299. etc.

Но о сихъ ниже довольно будетъ, нынѣ начнемъ

§ 2.

О имени Русиновъ.

Что во обще до начала, и означенія Русскаго, и Россійскаго имени касается, то какъ древніе греческіе, и латинскіе дѣписатели такъ Несторъ, и Карамзинъ совершенно опредѣляли. по чему о семъ имени здѣсь по толику будемъ говорить. по колику оно просто къ Угро-Россамъ относится:

Помянутый отецъ Базиловичъ въ другой сочененія своего части на листѣ 4-томъ именуетъ ихъ Хозарами, Булгарами, Сербами, и Кроатами, и отъ Славы Славянами. такъ само называетъ ихъ и помянутый Угорскій писатель Сирмай: откуда сіе имя вѣроятно и на Новгородскихъ Россіанъ прилѣпло. Нѣмецкіе паки писатели, и дипломатики именуютъ ихъ Руссами. и Рутенами. и презрительно Русняками, Rusniaken. Угры же. (:мадяре:) какъ и иные по Кавказкимъ горамъ живущіе Татарскіе. и Могольскіе народы. и даже самыя Куманцы Россіанъ какъ прежде, такъ и днесь именуютъ Оросами, Оруссами, Уруссами, что вѣроятно происходитъ отъ Оружія; и потому мадырское Оросокъ, Урузокъ и Орузокъ не что иное, какъ оруженныхъ или оружіемъ обладать, и что-нибудь остерегать искусныхъ людей знаменуетъ такъ, какъ руское Угоръ, Угорецъ, горнаго жителя.

Такожде угорское Уросъ. или Урошъ, Урачь, Угасъ знаменуетъ Господина. или молодого Пана, Панича; изъ чего слѣдствуетъ,

что имя Орось не такъ презрительно, какъ нѣкоторые латинско-угорскіе писатели мыслятъ, ни Мадырами первое послѣ пришествія ихъ въ Паннонію Россіанамъ а оно было, ибо имя Орось они такъ съ собою въ Паннонію принесли. какъ и Угорь, Угорець, Угринь, и какъ имя мадарь отъ Могель, и Манжурь, мадюрь, и такъ послѣ мадарь. О семъ отношеніе Г. Орлая, О югозападной Россіи во первой Трудовъ общества Исторіи, и древностей Россійскихъ. книгѣ въ Москвѣ 1826. печатаной, стр. 220. насъ поучаетъ.

Славяне паки. и Угро, или Карпато-Россы сами себя именуютъ: Русинами, Русаками, и Руснаками изъ чего нѣкоторые иноплеменники любятъ ихъ презрительно, и посмѣшно Русняками прозывать, что въ рускомъ ухѣ такъ гласитъ, въ нѣмецкомъ Швабъ, Schwab.

Кромѣ помянутыхъ имѣють еще Угрососсіане нѣкоторыя помѣстныя имена, или прозванія, какъ н. п. Лишакъ, Лемакъ, Цокакъ, по тому, что по намѣстному обыкновенію, часто сіи при. или пословія произносятся, какъ то пространнѣе о нарѣчій покажется. Именуются еще они Верховинцами, зане по верхамъ горь, и на подгоріи. и зане по краямъ горь, и Подгорцами; далѣ Бережанцами, зане по берегамъ рѣки сего имени обитають. Послѣ: Бляшаликами. Лѣопаками, Смоляниками, Гуцулами, Бойками, Свѣчкарями. и Грабляниками, по тому, что первые на подобіе щитовъ чресла, тайстры, или побочные изъ шеи на ремени висящіе карманы, и шапки бляхою украшають, другіи отъ широкаго одѣянія. тихаго, и тяжкаго ходу, третіе, зане между яловыми лѣсами живутъ. и яловцемъ, и смолою торгуютъ, четвертые отъ гицля. и бивака подобнаго катѣ, или отъ волоскаго „Гоцуль“ по тому, что они по молдавской. седьмоградской, Буковинской, Галицкой и Угорской границамъ живущіе изъ древле вѣроятнo на сосѣдовъ своихъ нападали. и любили разбивать, и грабить. или можетъ быть. суть отросль Готовъ (:Гоеовъ:) пятые свѣчкарями. и Грабляниками. зане на верхней одеждѣ (:плащѣ:) скрутки граблямъ, и свѣчкамъ подобные носятъ.

Впрочемъ крестныя мужей имена суть: Андрій, Василь, Гаврило. Гриць, Юрко. Юра, отъ коего праздникъ С. Георгія, Юря: Иванъ, Павелъ, Панько, Петро, Филиппъ, Симко, Тимко. Федоръ, Микита. Лукачь, Матѣй. Михайло, Яцко, Игнатъ, или Гнатъ, Олекса, Романъ, Илько. или Лѣйко н. пр. женщинъ же имена суть: наибольше: Маря. и Анця;—по сему Олена, Гафа, Гани, Настя, Маня, Полага. Таця, Наця и пр.

И такъ напริมѣръ семейства благороднаго происхожденія особенно пользуются Крестнымъ родительнымъ и владѣтельнымъ именемъ. н. пр. Петро Горзовъ Бѣлецкій, Турзовъ Лѣпшанскій, Василь Зейканъ Имстичовскій, Иванъ Бережанинъ Кумятскій, Гаврило Черепковъ Луковецкій, Митро Васьковъ Ростоцкій, Михаилъ Толстой Волковскій и пр. или отъ самыхъ владѣній. яко Василій Ладомірскій, Иванъ Полянскій, Федоръ Кружловскій, Кричовскій и проч.

Иные же Крестнымъ, и владѣтельнымъ пользуются, какъ н. пр. Гриць Полянскій, Раковецкій Липецкій, Бродянский, Волховскій. Свѣдницкій. Таже находятся имена отъ временъ язычества происходящія н. пр. Иванъ Купало. Выдало, Ягайло, Триборя. Остриворя. Костриборя. Кострубъ. Костриба, Волось. Свистунъ, Крибунъ. Юйкунъ, Хлыкунъ, Хаща, Гонихмара. Бурия, Ратичко, Козичко и пр. Далѣ отъ деревъ, н. пр. Федоръ Дубъ, Букъ, Береза, Яворъ. Дубецъ, Осика, Грабъ, Кленъ, Свербогузь. Бѣлогузь, Терень и пр. Отъ птицъ: Сорока, Сорокунъ, Воронъ, Ворона, Ястрибъ. Орелъ, Спница. Блиска, Плиска, Пергачъ, Кавка, Кавчинъ. Орловъ, Воронякъ. и пр. Отъ орудій: Теслица, Тупица, Топоръ, Топуръ, Лопатень. Брычъ. Сокира, Сокирка. Пушкаръ и пр. Отъ художествъ: Годинарь, Боднаръ, Ковачъ. Ткачъ. Друтаръ. Мельникъ, Рѣзникъ, Ризникъ (:Sartor:), Бердаръ, Счуткаръ. Решетаръ. Ситаръ, Смоляръ. Углярь, Чижмаръ. Кожухаръ и пр. Отъ способности, Мудрой, Мудракъ. Дурный, Дуракъ. Дуренько. Дуренька. Грубой, Грубый. Слабенько. Слабый, Толстый, Тонкій, Великій, Великанъ. Великаничъ, Белебанъ. Хромый. Бѣлунъ. Рябой. Рябо, Рябунъ, Черный, Червленный, Червеникъ, Червинька. Сивакъ, Сивуль. Сивуля. Лысакъ и пр. Отъ скудостей: Слѣный, Слутый. Нѣмый, Кривый, Крутиголовка, Дреботливый и пр. Родительнымъ по отцу и матери: Алексіевичъ, Василевичъ, Павловичъ, Петровичъ, Федоровичъ, Карповичъ. Анцѣнъ, Гафинецъ. Фединъ, Настинъ и пр. Что больше, Русскихъ именъ, найпаче отъ способностей, и свойствъ тѣла, таже званія и достоинствъ, происходящихъ. даже между древними мадярскими вождами слѣды находятся, ибо имена первоначальныхъ Угорскихъ воеводъ на мадярскомъ языкѣ по большей части ничего. на Русскомъ же способности тѣла, или свойства званію ихъ сходная знаменуютъ, такъ н. пр. Арпадъ. на мадярскомъ языкѣ никакого значенія не имѣеть. и паче Татарскимъ или Турецкимъ именемъ есть. на нашемъ же языкѣ прецѣнъ означаетъ что, и можно быть. что былъ горпатою, и отъ туду Горпачъ. или понеже того времени вождей чествовали, какъ небесныхъ пословъ. то и русине съ мадярами споенны

перваго вожда почестили именемъ Горпадъ. т. е. изъ Горы, (:изъ Неба:) падъ. (:упалъ:).

Еуледъ. или какъ мадарскіе писатели толкуютъ Елеудъ, — Elög— сходно есть Веливодъ, или Улебъ, Улобъ; но сего другіе писатели называютъ Улекомъ, или Гулекомъ, Гилькомъ бытъ. женившимся на Бѣлой Русси Князя дочери Емезъ. изъ коего иные писатели, какъ между прочимъ Бардоши analecta Terrae Scerusiensis 1802 производятъ племя Чаковъ, или нынѣшнихъ Графовъ Чакиевъ (:Csaky). Сего сынъ былъ Зоболшу=Забочень, Забочунъ, но сіе какъ имена, такъ и другія обстоятельства явно показываютъ: Емезу, Гилька, и Забоченаго изъ Русскаго происходитъ племени, ибо и днесъ между Угро-Россами Гилько, Гулько, и Дѣлько такъ находится, какъ н. пр. Зубачъ, Зубачко. Окаль, Носакъ, которыя наименованія мадарамъ совсѣмъ незнакомы.

Подобно изъ первыхъ семи мадарскихъ военачальниковъ третій былъ Кунду, Конда, отецъ Курцана, но и сихъ имена на мадарскомъ языкѣ никакого значенія не имѣютъ, Кунда же Конда, и Курцанъ у мало-россіанъ такъ частой, какъ и Коцанъ. Кочанъ, Косанъ, Довганъ, Куртанъ, Куштанъ: также прочіе военачальники были: Оунду, Токсу, Губа, Тугутунъ отецъ Горки (:Горка:) коего Ги́ла, (:Gila:) и Заборъ сыновя были;—коихъ имена по мадарски равно ничего, а по руски съ очень малымъ перемѣненіемъ: Оундъ. Онда, коимъ именемъ и нынѣ нѣкоторые русине Андрея называютъ. но кромѣ сего Ундъ=Уйдунъ. Коконда, Токсунъ=Товкунъ, зане гораздо умѣлъ толчи непріателей.

Губа находится при устахъ, labium, также растеть на колодахъ какъ грибокъ, и глива. при семъ въ малороссійскомъ отдѣлѣ и днесъ можетъ его потомки именуются Губанъ, Губанами. Тугутунъ. Туготянъ. отъ туга и тягать. или тять, ибо луки туго и крѣпко натягать. и спускать зналъ. Горко и сыновя его Ги́ла или Дѣль, Дѣлько, и Заборъ по Русски знающему очень поразумѣтельны. Далѣе упомянутый Бардошъ въ Алма, и Арпада родословіи говоритъ Арпадъ имѣлъ четырехъ сыновъ: Таргачъ, Елачъ, Лютоцашъ, или Ютацашъ. и Золтанъ.

Кои равно по мадарски ничего, а по Русски кромѣ всякаго перевода: Таргачъ, Ялачъ, Яличъ, и Лютачъ, Лютанъ, бо лютой былъ и свирѣпой, и Жолтанъ, коего безымянный Белы Нотарій такъ

описуеть: *Fuit Dux Zoltan parum blesus, et candidus, capillo molli, et flavo, structura medicri, dux bellicosus, animo fortis. sed invincibilis. clemens voce svavi, sed cupidus imperii, quem omnes Primates et milites miro modo diligebant.* Вождь Жолтанъ былъ блѣдой, бѣлой, мако и желто власой и пр. по чему должно быть его по мадарски именовать: *Sargo. fejer*, Шарго, Феверъ, помянутой же по руски наименованъ онъ такъ Жолтянъ отъ желтой кожи, или тѣла, и власъ, какъ н. пр. Бѣлунъ, и Рябунъ отъ Бѣлаго, или рябаго тѣла.—Отъ сихъ то Арпада сыновей происходили: Тебеле, Езелечъ, Фале, или Веливодъ Воеми вождь, и Токеунъ, по мадарскіе такожде никакого значенія не имѣвшіе, по Руски же суть: Тиболя, Азеличъ, Ожеличъ, и Товкунъ, какъ прежде, изъ коихъ первыхъ трехъ произошли: Термачъ, Фалицинъ, и Удадь или Ударьрукусъ и пр. Воемскіе и моравскіе Воеводы; отъ Товкуна же или Толкана Гейза, главный мадаровъ военачальникъ, тоже Мстиславъ, или Мишка,=Михалъ. Вождь Польши. Отъ Гейзы родился Воикъ, или какъ мадаре желаютъ Боекъ=Бойнокъ=Витязь, во крещеніи Стефанъ паречень, первой Угорской, или лучше латинской король, или царь.

Отъ Михаила Вазуль, или Василь Куманъ, и Болеславъ (:Дасловъ:) Польши Воевода. Но Гейза, или Гейца по мадарски такожде не знаменуетъ ничего, Русине же и днесь Грегорія сократительно именуютъ Гицемъ, или Грицемъ, по чему онъ не шой, какъ Григорій или Гриць былъ, что помянутый Бардошъ также узнаеть, и сказываетъ изъ военачальниковъ Угорскихъ его перваго съ Болосудомъ, или Велсудомъ, какъ и супругу его Шаролту, или Сару, дочь Дюлы или Дюры воеводы Седьмоградскаго, кою пословно народъ бѣлою княгиниею именовалъ, въ Цареградѣ крещенныхъ именовъ Христіанъ быть.

Кромъ помянутыхъ нѣкоторыя древнія, и славныя угорскія, (нынѣ мадарскія:) семейства и днесь еще руское наименованіе носятъ, хотяи и убили бы человекъ, если бы имъ кто сказать тую правду осмѣливался, какъ н. пр. отъ надежды. Надеждой=Надажди, *Nadazsdy*, отъ Старъ, Старой=Старои. *Sztároу*. Отъ веселой=Веселинъ Вешелини, *Veselényi*. Отъ еще разъ=Ешторазъ=*Eszterhazy* и пр. коихъ если бы лзя здѣсь родословіе приключить, то показалось бы, какъ они изъ Русскихъ прежде Латинами, посемъ Мадярами, а теперь ачей и Дѣмцами сдѣлались. Но то больше и не лзя, и мы не хотимъ объявить, чтобъ какъ баснотворецъ Крыловъ напоминаетъ, чтобъ гусей не раздражить. Тутъ можетъ кто нибудь сказать, что помянутыя имена не Русскія, но паче славянскія суть. Но не есть вѣроятно, что Мадаре,

Россіане, и Куманы какъ побѣдители именами поработенныхъ Панноно-славянъ пользовались. или ихъ особы, или имена приняли, впрочемъ хотяи якъ мечутся Мадыре, читая самыхъ мадырскихъ историковъ, и безъ самолюбія зря на далеку древность, по совѣсти сказать, и узнать долженъ, что Россіане. въ приобрѣтеніи Панноніи напславнѣйшіе были, какъ и то, что хрстіанскую вѣру они первіе Мадырамъ обвѣстили, и Мадыре къ греческо-русской прилежали Церкви.

§ 3.

О древнемъ и новѣйшемъ Угрососовъ состояніи.

По реченымъ въ Панноніи поселившіеся, и состояніе, и свободу свою равно съ мадырами оружіемъ утвердившіе Угрососіане конечно численнѣйшіе были, нежели въ послѣдующія времена. ибо Анонимъ Бель Нотарій сказываетъ: С. IX. Multi de Ruthenis Almo Duci adhaevetes, secum in Pannoniam venerunt, quorum posteritas usque in hodiernum diem per diversa loca in Ungaria habitat, indeque tot in Ungaria locis nomen Oroszi adhaesit.

Множество Россіанъ Алмѣ присоединившихся въ Паннонію вступило, коихъ наслѣдники даже до нынѣ различныя мѣста во Угріи, (:Угорцинѣ:) занимають, отъ коихъ то многимъ мѣстамъ имя Оросъ, или Русское прилѣпло. Таже какъ прежде речено, аще Холманъ, (:Алмъ:) Рускихъ военачалникъ, угорскаго края границы устроая, противу Теутамъ или Нѣмцамъ при Оназѣ, для Россіанъ издалъ городъ именемъ Оросваръ=Русскій и въ то самое время Россіане по Острихиі, даже до Норика, или Горъ Цеціа, и самаго Мидлига, или Мелка, по воемскимъ (:Bohemia:) же границамъ, до Моравы, и по Польскимъ до горы Татры расположенные находились;—аще въ произшествіе времени, какъ н. пр. во время царствованія Лойта (:Ludvik) 1526, данной Дипломъ Россіане именуется: Rutheni Regia Majestatis, или Его Царскаго Величества.—Есть ли тоже Россіанамъ по Свидѣтельству Николая Олага, ради оказанныхъ Королямъ услугъ, и вѣрностей даже дома, и особъ Королевскихъ храненіе увѣрено было.—то само собою слѣдуетъ, что тогда Россіанъ вѣроятнѣе болѣе во Угріи находилось, нежели мадыровъ, или Кумановъ. или хотяи больша на нихъ самыхъ Царей повага была, нежели на иныхъ власноплемянниковъ. бо иначе Цари мадыре суще, чужеплемянниковъ на храненіе своихъ особъ не употребляли бы были: но изъ сего видно, что тогда какъ состояніе Россіанъ блаженнѣйшее, таки и родъ во великомъ почтеніи былъ, что явно показываютъ имена преобладающихъ Военачалниковъ. отъ коихъ то по

большой части отдѣлы, или комитеты, города и крѣпости, мѣста. и деревни наименованіе получили. и еще и днесъ нѣсколько на мадарское прекрученное содержатъ.

И что больше не только отдѣлы, и города отъ Русскихъ имена своя получили, но даже и самыя дворныя достоинства. такъ и. пр. Первой Дому королевскаго чиновникъ Палатинъ, *Palatinus* по мадарски именуется *Nádorispán*. Надоришпанъ, что по мадарски ничего не значить, по руски же кто переперечить, что то не есть Надъ Дворъ Панъ, или Надъ Дворныхъ Панъ. Другое достоинство *Királyi Udvarnok*, *Judex Curiae Regiae*,—Королевъ Надворникъ. 3. *Erdelyi Vajda*, *Vajvoda Transylvaniae*, что иное какъ воевода. 4. Горватъ Банъ, *Horgvash Ban*, *Banus Croatiae*, не естыли Горватъ Панъ. 5. *Udvornok Mester*, *Tavernicorum magister*—Дворный или Дворныхъ Майстеръ. 6. *Udvári Kapitány*, *Удвари Капитанъ*, *Curia Regiae. Magister*—Дворный Капитанъ. 7. *Agazonok Mester*, Агазонокъ мештеръ, *Agazonum Magister* отъ Греческаго *Αγάζου*, что надзирателя скота, а найпаче Царскихъ лошадей значить. 8. *Feü Komornok*, *Feу Коморнокъ*, *Cubiculariorum magister*, Главный Коморникъ. 9. *Asztolnok Mester*, Астолнокъ Мештеръ. *Dapiferorum Regalium Magister*, Стольныхъ Майстеръ. 10. *Poharnok Mester*, Погарнокъ мештеръ. *Pincernariorum Magister*. Пивницъ, или Погаровъ, (:чашъ:) майстеръ. (:Чашу русине у насъ погаромъ во обще именуютъ:) но видится сіе паче отъ погорныхъ, или горницъ происходить. 11. Дворнокъ мештеръ. *Janisorum Magister*, Дверныхъ Майстеръ. На конецъ *Királyi korona Eörzö*, *Coronae Regiae Custos*, Королей короны сторожій, или стерегій.—*Jeü Ispán*, *supremus Comes*, Головной Панъ, *Vice Ispán*, Вице панъ, или Намѣстникъ.—*Szolga Biró*. *Judex nobilitium*; Слуговъ Бировъ или Судія Дворянскій и пр.

По томъ даже самая угорская конституція на феудальной системѣ основанна. не что иное, какъ помѣстныхъ Галицкихъ, Мало, и Велико Россійскихъ князей потомство есть; найпаче нынѣшнее мадаровъ съ Русинами обхожденіе, и бывшее сообщеніе, нынѣшнее такъ названное мадарское одѣяніе, обыкновенія, какъ и. пр. брады, когдаже до нынѣшнихъ временъ мадаре, мірскій или гражданскій чинъ носятъ: (:бо священство, латинскаго обряда еще въ XVII вѣку уже сложило.—русское же даже до XIX столѣтія еще носило,—последныи бо Епископы Алексій Повчи Мукачевскій 1831, а Пряшевскій Григорій Тарковичъ 1841, бородатые, священницы же въ Пряшовской Епархіи Тома Петрашовичъ Зубнянскій Приходникъ года 1829 а въ Мукачевской Антоніи Лабанць Березнянскій года 1842 померли:) Доказуетъ Русиновъ, или Россовъ съ Мадарами древнее соединеніе имъ обоимъ одинакое гуляніе,

(танецъ) и игры, или плясанія кое имъ и до днесь общее національная игра въ жмурки; и пр. наиболѣе же подтверждаетъ, что мадарскій языкъ выключая не много Турецкихъ, манжурскихъ и Моголскихъ, потомъ нѣмецкихъ и латинскихъ именъ, и словъ, по большей части изъ Русскаго сложенъ, что Дярматій во Грамматике своей, и одинъ Угро-Славянъ въ Словарѣ (:запрещенномъ:) довольно показали. Правда Мадяре подтверждаютъ, или по крайней мѣрѣ вѣрить желаютъ, что ихъ какъ народъ, такъ и языкъ первокоренной, или со иными европейскими народами, и языками общаго ничего не имѣеть, или какъ одинъ дуракъ, довести усилувался, и въ дурномъ своемъ сомнамбулисмѣ доводилъ, что Створитель міра съ первыми Прародителями нашими въ Раѣ, по мадарски говорилъ, и что Адамъ, Ева, Каинъ, Абель и прочая имена мадарская суть, (:хотя въ мадарскомъ языкѣ никакого не имѣють знаменованія).—Но сіе однако сіи только вѣрують, которые кромѣ мадарскаго другой ни разумѣють, ни знаютъ. Кто Русскій, или славянскій языкъ, таже латинскій, и нѣмецкій хотя немножко понимаетъ, тотъ вдругъ по первомъ слышаніи мадарской бесѣды, и нехотя замѣтитъ долженъ, что мадарской языкъ не что иное, какъ смѣсь помянутыхъ нѣсколько на правила Грамматики въ XVII столѣтіи натягнутой; такъ н. пр. принесемъ нѣсколько словъ: *ablak*, окно, отъ *облоко*, который окномъ видно, *haz*, изъ нѣмецкаго *haus*, *utza*, улица, *templom*, Церковь, отъ латинскаго *templum*, *kémény*, коминъ, *szalma*, солома, *széna*, сѣно, *gerebley*, грабли, *villa*, вилы, *ló*, лошадь, *karálni*, копати, и прочія.—Что еще болѣе и самое св. Письмо на языкъ сей первіе въ XVI столѣтіи переведено, и въ Краковѣ печатано было, и аще не бы въ Угрію, и Седьмиградску землю Евангельская реформація заведена была, та днесь неже вѣсть мадарскаго языка находилась бы въ Угріи;—по чему то желающему мадарскаго языка сходъ съ рускимъ, и прочими помянутыми совершенно представить, нужно бы особенну правильну грамматику сокоренныхъ именъ, и словъ сваремъ сочинить, что по елику сюда же принадлежитъ, по тому то на доводъ и понятіе помянутыхъ да удовлетѣетъ здѣсь то спомануть, что во мадарскомъ языкѣ не только именъ, и словъ, но даже и цѣлыхъ реченій множество находится.

§ 4.

Особенныя доказательства о блаженнѣйшемъ Россіанъ въ Угорщинѣ состояніи.

Прежде всего нужно будетъ показать отъ куда краю сему имя Угрія, Угорщина, *Hungaria* дано есть. То древній писатель греческій

Калкохондиласъ (:Calcochondylas:) у Стриттонія томъ II. на листъ 1029. и томъ IV. Jud. Geogr. на листъ 283 такъ говоритъ: Iger vel Unger (Nestoris Igor, vel Ugor) Rurici. ex Olga, Huleki, vel Ulegi, aut Olegi filia susceptus filius in alba Russia, vel Onegoria vel Chazaria boreali succesor, на что Бардоши, Bardossy, по помянутымъ писателемъ примѣчаетъ. Aquo (:Iгоре:) nempesdem suam Novogrodi, quod Calcochondylas Ungradum, sive Ungrorum castrum vocat, stabiliente, Novogrodum Ingrad, vel Ungrad, Regio autem Germanis Inger, et Unger-man-landia.

Latinis et Graecis Sugria, vel Ungria, Polonis Vengria, Slavis Uchria, Ruthenisautem Ugria, ipsique adeo Hungari (:мадьяри:) quasi omnes Luardum, et Cadusam ex Onogoria, vel boreali Chazaria, non vero Al-mum ex asiatica Labad-ös-falia secuti fuissent. Ungri, Ugri, et Uchri perperam dicebantur. И тѣмъ свидѣтельствомъ доказывается, что край прежде Панноніею речень, нынѣ, или отъ пришествія Мадяровъ Унгарія, Ungaria, Hungaria, или Угорщина, Угорска земля названъ отъ Игора, или Угора Гулековаго, или Гильковаго внука, родшагося изъ Олги, Улега или Олега бѣлой Россіи князя дочери. Я о истинѣ сей ни мало не сомнѣваюсь, и реку что иначе и не можетъ тое быть, понеже мадьяре и сами до днесь не знаютъ указать назвиско края своего, и крутятъ, что онъ отъ Гунновъ, прежде въ Панноніи бывшихъ Hungaria,—Гунгаріею. Унгаріею называется, что дуже выкрученное знаменованіе и изъ сего быти ся видимъ, что Поляки, и великоросси не называли бы ю и днесь Vengria Венгріею, и Угріею, или Угорщиною, Игерщиною, кольбы отъ Гунновъ имя получила.

Въ доказательство сего подобаетъ послушать писателя Лутпранда, Luitprandus, (:apud Stritt. T. II. pag. 969).—Cremon. Episcopus Ossonis ad Nicepharum Phocam Legatus.—такъ писавшаго: Gens quaedam est sub Aquilonis parte constituta, quam a qualitate corporis (:rectius Cf.—Константинъ Порфирогенитосъ.) Not. 69. pag. 164. a Phos Armeniae fluvio) Graeci vocant Russos nos autem a positione Loer vocamus Nordmannos, Lingua quippe Teutonum Nord, aquilo. man autem mas seu vir dicitur. unde et Nordmanos, aquilonares homines dicere possumus. Hujus denique Gentis Rex Inger vocabuloerat, qui collectis X. mille et eo amplius navibus Constantinopolim venit ect. ect.

Contantinus quoque Porphy. Slavos, hoc est Ruthenos a Russis quam accuratissime distinguit, suntque actu eorum vocabulorum praerupta

Danapris loca vocitabant, aliqua Germanica, quibus vero Rutheni, designabant: Sclavica.

Блаженное Россіанъ состояніе въ Угорщинѣ доказывается и изъ сего, что въ Историкахъ домашнихъ и о Угорской Россіи поминается, такъ Katona Tom. II. pag. 533, 537... указавши, что по смерти Свѣниміра Царя Кроватіи (:Croatiae vege:) 1088. Владиславъ Великій Угорскій Царь Стефана изъ престола Кроватіи изгнавши, во Пана Кроватіи Чакъ Димитріа вознесъ (:in Banum Croatiae constituit:). — Алма же (:Халма:) изъ Ламперта брата своего, Угорскія Россіи вожди происходшаго года 1091 надъ Славонією поставилъ, et subsequuta Slavoniae totius, cui Almu ex Lamperto fratre suo Russiae Hungaricae Duce, nepotem anno 1091 praefecerat. (Cf. Luc. lid. II. C. 1 pag. 170).

Далѣ Константинъ Порфир. какъ Stritter. Г. Ш. pag. 571. доказуетъ, исторію исхода Мадяровъ писавши между прочимъ поминаетъ: quod ex diversis tribus (:tribubus) Ruthenico scilicet. Uzica, et Pacinacico populis conflati fuerint, Constantino et Hungarico Kavar vel Kavarék ita dictos (:Cavarios:) nec non Uzas Chersonensi Graeco praetori obnoxios eo eventu excitavit (:Dux Eleud:) ut Cavari non minus, quam veliqui usi e septem adhuc tribubus constantes, secessiones a Pseudochazaris facta Eleudianos Magyaros sequentur, quorum priores Cavari novi, Galiczae, quam Rutheni Haliczani vocarunt, ad Danastri et Ladomeriae, infra Pripeci fontes constructis urbibusitae concederunt, ut posteriores Uzi Pseudokazaris (:ibidem pag. 939). contermini ab ortu fuerint, ipcosque Magyaros, vel Turcos Eleudianos, quibus ad memoratos, nec non Bugum, Prutum, et Seretum fluvios intermixti erant; linguam Ruthenorum docuerint.

Далѣ по свидѣтельствѣ Прокоція (Procor. de odiff. L. IV. c. 6) и Анонима (:Anonimus Belae:) Not. C. V. явно есть, что Олегъ, Oleg, или какъ сказано уже Гилько, уже старъ, познавши высокаго рода Алмавидѣвъ, что также Зуардъ, и Кадуши сыны его къ Алмѣ приставаютъ паче, нежели въ Отецествѣ своемъ владѣти, въ Арпадѣ, (Горпатѣ). Алмовъ сынъ давное Азіатицко Европейское царство обновити желалъ, и такъ воздвигши Горвата (:Арпада:) съ Мадярами сполся.

И симъ способомъ Россіане съ вождемъ своимъ Олегомъ, и внукомъ его Игоремъ, какъ выше помянуто, отъ Гилька, и Олги Русской княгини родившимся, мадярамъ споенные прибыли въ Паннонію, посѣдавши

по сѣверовосточныхъ мѣстахъ, новый свой край, или обиталище Игорію, Угорію, или Угрію назвали, что и Бардоши въ своихъ Аналектахъ на листѣ 282. довольно указавши, подтверждаетъ.

О Угорской Россіи еще поминается въ Исторіи Угорской во времена Владислава;—такъ *Turoczy Car. 58. Rex gloriosus invasit Ruscian, eo, quod Cuni per consilium cornu (:Ruthenorum) per portam intraverunt. et.—Expeditionem hanc triplicem anno 1091 in Russia Hungarica coeptam, eodem anno in Polonia consinuatam. etc. etc.*

Таже Угорскіи Россіане отъ Мадяровъ уже и тогда отличены были, хотя съ ними дружесствовали, сполувоевали, и женились; и по-неже истинно отлучены были, и власными вождами управляемый свой край, или можно свой власный имѣли округъ, подъ именемъ Угорская русь, то нужно сказать, что они отъ Мадяровъ не зависѣли, но токмо имъ споенны, и верховному вождю, а познѣ Царю подверженны, равно съ мадярами надъ покоренными Паннонцами господствовали.

§ 5.

Доля Угорскихъ Россіанъ измѣнилась и они утѣсненны.

По реченнымъ явно есть, что Угро-Россіане съ начала, какъ воинные Мадяровъ товарищи, и сподвижники полученными завоеванія выгодами до тѣхъ то поръ равно и покойно съ Мадярами пользовались, пока первый Угорскій (:Мадярско-латинскій:) царь (:король:) Стефанъ женившись на Гизелѣ (:Gizella:) дочери Генрика короля Баварскаго, а императора нѣмецкаго Оттона внукѣ, по сихъ совѣтамъ, ради укрѣпленія своего Царства не поддался Римскаго Престола власти. Бо царь Стефанъ, до селѣ и самъ греческаго обряда христіанинъ, по полученномъ отъ Силвестра Папы Римскаго въ достоинствѣ Царя подтвержденія, а не какъ нѣкіе латинскіе писатели говорятъ, Царскаго титла, (:бо уже корону отъ Дуки Императора Греческаго имѣлъ, котора до сихъ поръ греческими иконами и написами украшенна есть:) принесъ свою царицу Гизеллу съ нею больше нѣмецкихъ священниковъ латинскаго обряда изъ Баваріи привелъ, и ихъ на истребленіе обряда греческо-славянскаго уполномовластилъ, ко коимъ приключилися и Талианскіе священницы, не токмо сущихъ еще въ поганствѣ мадяровъ на святую Христіанскую вѣру обучивали, но и греческо-славянскій обрядъ истребити желаючи, Русиновъ на латинскій обрядъ пріимали, вабили, и силили, покрещенныхъ греческими

священниками съ нову крестили, и такъ по малу отъ обряда Церковнаго славянскаго греческаго отлучившихъ, даже и отъ народности Русской оттягли; что подтверждается по отношенію Пилагринна къ Бенедикту Папѣ: *ex nobilioribus Hungaris utriusque sexus, Catholica fide imbutos, atque sacro lavacro ablutos, (т. е. rebaptisatos:) fuisse circiter quinque millia etc. etc.* и по сему свидѣтельству до пять тысяць благородныхъ Угровъ вторицею покрещенны, и на латинскій обрядъ переведены были;—Симъ способомъ множество нѣмецкихъ, и латинскихъ (:Таліанскихъ) священниковъ подь титуломъ Апостольства переселялось, и волочилося по Угорщинѣ, какой то былъ Епископъ Адалбертъ Пимаринъ, Волфгонгъ; почему то латинское духовенство, и прочіе латинскіе и нѣмецкіе Гости мало по малу на толико умножили, и укрѣпились, что Царскій, и прочіихъ Военачалниковъ дворцы наполнили, благовѣрныхъ, и терпѣливыхъ такъ Россіанъ, какъ и прочіихъ восточнаго обряда Христіанъ храмы, и обители заняли, и наконецъ едва что не совершенно, какъ изъ Ерархіи церковной, такъ и гражданскихъ чиновъ, и достоинствъ совсѣмъ неутиснули. Угроссціане таже и иные восточнаго обряда Христіане видѣвши, и чувствуячи толикое недовольствіе, и утѣшеніе, силу силою перемочи вознамѣрили, огорчивъ таже, оскорбився, и желавъ свое состояніе, законъ, и свободу оружіемъ противу толь неприемнымъ Гостямъ защитить, протѣ первіе подь предводительствомъ Купы Стрейчиника Царска, Шемидскаго вожда, году 997. по томъ году 1002. Дюлы Уйка Стефана, и на конецъ Кіяна, или Ивана подунайскихъ Болгаровъ, и Славянъ воеводы, таже Стефанова сродника, явно Стефану сопротивились, и бунтъ сдѣлали; но сей римскою, и помянутыхъ своихъ сватовъ помощію сперва Купу Шемидскаго воеводу, *Ducem Schimigiensem* а по немъ и прочіихъ, какъ кажется Невѣрныхъ, (:*Paganos, infideles:*) т.е. восточнаго обряда Христіанъ, не только совершенно побѣдивъ, и истребивъ, но Купу для большаго примѣра и страха на четыре части разрубить повелѣвъ святой Царь, и во славныхъ Угріи городахъ на ворота повѣсить, а имѣніе, и владѣніе его отдать монахамъ Святаго Мартина на Паннонской горѣ находящихся во снабдѣніе, коимъ они и днесъ пользуются;—Уйця же Дюлу, или Дюру седьмиградскаго воеводу со женою, и сыновьями поймавъ, и навѣки до Нѣтрынской крѣпости заточивъ и на конецъ Ивана, (Кеяна) съ сподвижниками реченой сродной Святець умертвивъ, отъ коихъ происшествій какъ Россіанъ и прочіихъ благовѣрныхъ восточнаго обряда Христіанъ, такъ и Арпадова, или Русскаго племени князей Стефана Стрейчаниковъ: Андрея, Белы, или Бѣла, Лебеды, Коломанна, или Колибана, участь горькою сталася, бо отцу ихъ Василю (:*Vazul:*) воеводѣ Кумановъ глаза изнявъ, состояніе ихъ той достигло крайности, что нужно было

имъ изъ Угрии уступить, и у Россіянъ, какъ своихъ сродниковъ, и племянниковъ приближица, и защищенія искать. По чему то по смерти Стефана и сына его Емерика вдова Гизела латинъ, и своихъ единоплемянникъ состояніе безопаснымъ сдѣлать желая. по ономъ Туровція: Regina Gisella cum Buda satellite scelerum, Petrum Alaman⁴ num, vel potius Venetum, fratrem suum praeficere statuerunt, hoc inteudentes, ut Regina motus suae voluntatis pro lubitus suo posset complere et Regnum Ungariae, amissa libertate (:Civili, et religionaria:) Teutonicis subderetur sine impedimento; дерзнула Тетра, и Авву, или Соломона Латинонѣмецкихъ князей на угорскій престоль посадить, кои во истребленіи восточнаго обряда угорскихъ христіанъ Стефану послѣдуя, вновь сихъ состояніе до той привели крайности, что для спасенія нужно было имъ тайно согласиться, и помянутаго Андрея съ Русскимъ воинствомъ, и покровителствомъ на престоль Угорскій произвести, такъ латинонѣмецкихъ гостей то уже истребить, то изъ краю изгнать, Андрей правда своихъ единоплемянниковъ благосостоянію споспѣшествовалъ, на что при возшествіи на престоль долженъ былъ даже присягою обвязаться, и по тому то по году 1055 изданномъ дипломъ въ Тихони (:Tihany:) во честь святаго Аміяна, при высшемъ градѣ же, (:Vizsegrád:) своего имени обитель восточнаго обряда С. Василия монахамъ издалъ, и снабдилъ, коими днесъ Латини ползуются; и во сіе то время обѣжденные прежде въ царство Стефана Петра, и Аввы гостями Угры, и Россіане, и Куманы, и прочіе восточнаго обряда отечественники мстили имъ, избивъ множество какъ духовнаго, такъ мірскаго чина латинъ, при коемъ то произшествіи между прочими латинскими архіереами пострадалъ и Герардъ изъ одного холма при Будинѣ извернуть въ Дунай, кой холмъ и днесъ его имя содержитъ, Стефаномъ прежде въ мѣсто греческаго на Чинадское Епископство произведенъ. Коихъ мщений ради нѣмецкій императоръ Папою побужденъ пошелъ проти Угровъ войною, и при Пожони збитъ долженъ былъ то, что силою не могъ, хитростію совершить, давши сирѣчь сыну Андрею седмь лѣтнюю свою дочь Софію.—Тѣмъ способомъ Андрей Генрику Императору. и Львъ Папъ (:Leo IX:) подверженъ стался, проти волѣ долженъ былъ Латиниковъ защищать, что ему новый принесло бунтъ;—Бо Россіане видѣвъ себя обманутыми, въ тай согласившія призвали брата его Белу, т.е. Бѣлаго Князя изъ Россіи (:Romanii:) на Престоль, кой съ Россами и Поляками (:Галичскими Русинами:) пришедши, при рѣкѣ Тисѣ постоялъ, ожидая сраженія время, въ кое множество Угровъ (т.е. Русиновъ и восточнаго обряда обивателей:) лишивше царскіе (:Андрея:) полки къ Белѣ присоединились. Андрей видя себя въ не опасности, поклонился Генрику IV. нѣмец-

кому императору, которой великое войска число, Вилгелму Турингскому Мархію подчиненное послалъ въ помощь, но при Тисѣ нѣмцы переможены, побѣду Белѣ оставили; Андрей бѣгствомъ въ Мошонь, и по сему въ лѣсы Бохонскіи (:Вакопу:) спасся, но поимленъ, въ крѣпость Вышеградскую затворенъ померъ года 1060.

Въ первыхъ Андрея лѣтахъ, Радо или Радославъ Палатинъ надъ Савою устроилъ и снабдилъ монастырь С. Дмитрія мученика 1057 по свидѣтельству Cone: Hung. T. I. pag. 12.

По побѣдѣ надъ Андреемъ Бела, или Бѣлый князь, слѣпаго или ослѣпленнаго Василя второродный сынъ, помянутый Андрея Братъ царствовалъ, отъ коего подвижники его просили, чтобъ древніи обряды имъ позволилъ и какъ Туровцій пишетъ: *Concede inquietant nobis ritu Patrum nostrorum (:in paganismo:) vivere, Episcopos lapidare, Presbyterees exterminare. Clericos strangulare, decimatores suspendere Ecclesias destruere, campunas confringere. M. Turóczii: Chronic. cap. XLVI.*

Но Бела на тое позволить уже не могъ, сирѣчь Генрикомъ Императоромъ. и (Ernest.) Ернестомъ Мархіемъ (:маршалкомъ:) Турингійскимъ, такъ и множествомъ Епископовъ утомленъ, свирѣпо желающихъ разогналъ, себя власти нѣмецкаго Императора, и Римскому предавъ защищенію. И такъ русиновъ доля, и восточнаго святаго обряда превосходство со всѣмъ пропало, Россіане на обрядъ Латинской прешедше Мадярамъ споллися. только убогшіи, и богобойнѣйшіи остались, кои хъ Господь Вседержитель до днесь содержалъ на истѣ дивнымъ своимъ Промысломъ.

Много тутъ сказано и то все противъ Угорско-латинскимъ Историкамъ, они бо хотя и не сомнѣваются о томъ, что князь Vazul, Василь съ Андреемъ, и Бѣлымъ сыновьями своими къ Русскому народу споенъ и греческо-славянскому восточнаго Церкви обряду приключенъ былъ, о семъ однакожь молчатъ, бо тогда вся Истина Исторіи ихъ сомнительна была бы; мы же посмотримъ сіе правымъ окомъ, и совокупимъ обстоятельства, такъ сама истина озаритъ глаза:—и такъ:

1. Начнемъ отъ бунтовъ проти Стефана внесенныхъ—кажется Латинно-Угорскими Историками, что Угры на язычество хотѣли повернуться, и прото бунтъ учинили; мы же сказали, что нѣмецкими, и Таліанскими священниками, кои того времени сильно господствовали по всей Европѣ разъяренны, восточнаго Церкви обряды, кои отъ Гре-

ковъ, Славянъ, и Россіанъ приняли, защищали, и на латинской обрядъ перейти не хотя разжалѣнно на противъ апостата царя своего повстали;— то доводится само собою; бо кто увѣрить можетъ, чтобъ Дюла (:Дюра:) седмиградскій вождь, и Уйко Стефана, уже по свидѣтельству Бела Нотаріа съ супругою своею въ Царьградъ покрещень, языческій обрядъ желалъ бы былъ, чтобъ Купа Шемидскій, Славянами управляя, своихъ Славянъ, уже прежде Христіанъ, на язычество привести хотѣлъ, или дерзнулъ бы кто глупый вѣру даетъ и тому, что Кеанъ или Иванъ подунайскихъ Болгаровъ, и Славянъ вождь своимъ подчиненнымъ давно уже Христіанамъ язычества вручалбы.—истинно въ сей способъ не много числили были бы воиновъ, но даже и сами пострадали бы, еслибъ Христіанскій народъ на язычество привить желали, прото правда очи колетъ, что подъ словами израженіями; „*liccat nobis ritus avilos sequi*“ разумѣется восточныя Церкви обрядъ, который отцы ихъ пріяли, и въ которомъ они родились. но

2. Что первый Угорскихъ Русиновъ обрядъ Русскій былъ изъ самаго закона, Владиславомъ Царемъ подтвержденнаго Decr. L. 1. C. 11. явствуетъ, гдѣ кажется: *ad minimum unus cum tribus panibus et capdela comragent* „чтобъ до церкви хотя одинъ (:изъ фамиліи:) приходилъ съ тремя хлѣбами, и свѣщю“ но зане по латинскому обряду хлѣбы никогда не приношаются въ Церковь, у нашихъ же русиновъ еще и нынѣ приносятся хлѣбы, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ агнецъ на жертву вырѣзается; явно, что законъ той не для латинскаго (:уже тогда опрѣснокъ употребляющаго), но для греческаго обряда принесень былъ.

3. Если не та была бунта сего причина, прошу сказать мнѣ, чему ослѣпленный Владиславъ съ Андреемъ, и Бѣлымъ сыновьями своими просто въ Россію убѣгалъ бы.—Если латинскій обрядъ былъ ихъ исповѣданіемъ, тогда до Нѣмещины, и даже до самаго Рима убѣгали бы прибѣжища искаючи, знаючи то, что Престоль Римскій того времени найсильнѣйшій былъ въ Европѣ, Царямъ и Царствамъ законы давалъ, и даже царства раздавалъ; но

4. Если Андрей, и Бела Бѣлый князь Латинамъ склонены были почто ихъ Угры въ Царей кликали, а если Угры языческіи древніи обряды во истину желали, то кто вѣруетъ, что они у Россіанъ Христіановъ помощи искали бы, тогда на истѣ утѣкали бы были къ язычникамъ, яко Татарамъ сродникамъ своимъ или къ Туркамъ прибѣгали, у нихъ помощи просили.

5. Далѣ если же Андрей Поганамъ хотѣлъ былъ помоществовать, во истину не побожилъ бы, что древніи обряды сохранить и даремно говорить Палма: *Andreas nondum Regni securus, praecipue quod videbat Leventam fratrem abjecta Christi fide, perduellibus semet sociasse, negare ausus non fuit*, бо если не досмѣвалъ бы противитися, то не подвергъ ся бы толикой опасности, но онъ въ Россіи жилъ, россіанку супругу Агмунду (:Агапію:) или Анастасію имѣй, самъ уже совѣмъ россіанъ, и Христіанинъ, противо истребителей Церковнаго обряда славянско-греческаго воспламенень, своихъ соплемянниковъ защищалъ, но горе, на престолъ вознесенъ Генрика Императора, и силы Святаго Престола боявшися на конецъ и самъ поддался, про что и оставленъ отъ своихъ, худо померъ.

Отъ тѣхъ временъ еще между нашими Русинами существуютъ нѣкія преданія, и часто повѣдаютъ о бѣломъ князѣ, и о бѣлой княгинѣ, особенно же и то, что давно, давно еще (:какъ говоритъ простой народъ:) и шелъ Россійскій одинъ князь на Угорскій Престолъ съ множествомъ Русскаго войска, перешедъ Бескиды горы, чрезъ Руское, и Полянну, (:села подъ Бескидомъ:) пришелъ даже до Стасчина села, гдѣ постоявъ, и назвалъ мѣсто (:деревню:) Статчинъ, или Стасчинъ; и понеже ему сражаться нужно было съ непріателемъ, то оставивъ тамъ жену свою, бѣленьку княгиню, и великимъ имѣніемъ, коя не хотя въ деревнѣ бывать, и чтобъ видѣла войну своего князя, вышла на гору высокую, надъ Стасчиномъ сущую, и тамъ пребывала до скончанія войны: отъ того времени зане княгиня называлася Настею, или Анастасією, гора тотъ называется Настасъ, или Анастасъ, и течетъ даже до Великаго Березнаго. Повѣсть тую и я самъ слышалъ какъ хлопецъ, въ Стасчинѣ моемъ дѣтинскомъ обиталищѣ, гдѣ ю и до днесъ селяне передаютъ своимъ потомкамъ.—Повѣсть сія сходится съ нашею Исторією, бо Андрей и Бела съ Галичины пришедше вѣроятнѣйше на той проломъ Бескиды перешли, который отъ древле былъ воротами между Угорщиною и Галичею, потому же сравнивши имена Стасчинъ. и Настасъ, не есть причины противитися простонародному преданію.

Много, о много можно еще говорить о бунтахъ Угорскихъ бла-
честія ради происходящихъ, но всѣ первымъ подобны, и утоленны
Нѣмецкими Императорами князьями. и наибольше впливомъ Римскихъ
Папъ; но отъ сихъ переставши начнемъ новѣйшее русиновъ
состояніе въ

§ 6.

Состояніе Русиновъ подъ Царями Угорскими.

По кровавыхъ благочестія ради происшедшихъ, и иноплеменниками всегда утомленныхъ войнахъ, Русине Угорскіе нагло упадать начали. бо отданному подъ Покровительство Римскому Престолу, и защищенію нѣмецкимъ княземъ, съ коими Цари Угорскіе. черезъ супружество союзилися, Угорскому Царству, чины, и степени правительства, токмо латинскаго обряда Христіанамъ подавались, что и законами утверждено было, на соймахъ (:Divotac:) Епископы первое имѣли мѣсто, и слово: они по своей волѣ, но и пользѣ управляли Царствомъ. Канцелларія Царская имъ была вручена, они выдавали указы, и права, они рядили всемъ, запровадивъ латинскій языкъ. кой мало по малу Аристокрацію Русскую первіе утѣснялъ, на послѣдокъ даже и истребилъ.

Но хотя какъ сильно вознамѣрялося истребленіе оно, однакожь благочестивый народъ не лишился со всемъ народности и благочестія, и обряда своего. что свидѣтельствуеть сама даже Угорская Исторія, а между прочими Бардошъ показываетъ Breve Ивокентія III. Папы къ Емерику Царю Угорскому писаное, и посланное, слѣдующее.

Carissimo in Christo filio Illustri Regi Ungariae salutem, et Apostolicam Benedictionem. Venientes ad Apostolicam Sedem dilecti filii H. G. A. et B. Monachi S. Egidii de Ungaria, nobis lacrymabiliter intimurunt, quod eorum Abbate defuncto, alium sibi, secundum antiquum, et approbatum morem sui monasterii elegerunt, quod hactenus tam Abbates, quam Monachi consueverunt habere Latini; sed tu, fili carissime, Regium sibi noluit praebere consensum, offirmano, quod in alium, quam Hungarum minime consentiret. Venerabilis autem frater noster B. Spalantensis Archiepiscopus, hoc attudeus, ad praesentiam taeu Serenitatis accessit, et Monasterium ipsum velociter impetravit, qui non mutto post Monachos Unganos pro sua inotituit voluntate, appellationi non defeuens, quam memorati Monasterii Monachi supertanto gravamin. ad Sedem Apostolicam emiserunt. Quia vero nec novum est, nec absurdum, ut in Regno tuo diversarum Nationum uni Domino „Conventus“, sum regulari habitu famulentur. licet unum sit ibi Latinorum Coenobium, quum tamen ibidem sint multa Graecorum; Serenitatem Regiam rogamus atteute et monemus, quat nus non impediās, nec impediri permittas, quo minus praefati Monachi secundum consuetudinem hactenus observatam, assumant

sibi personam idoneam per electionem Canonicam in Abbatem. Datum Romae XVIII Kal. Octob. Pontificatus Nostri anno VII.—(:1204:) Того самого времени и Бернаруду Архиепископу Спалатинскому (:Spalatensi:) той же святой Отець Апостольское далъ посланіе, въ коемъ между прочимъ читается слѣдующее наказаніе:

„Ecce qualiter ecclesiasticam libertatem diligis, et defendis, qualiter Apostolica sedis honorem promotes, et procuras: qualiter Pontificalem modestiam exhibes, et observas, qualiter monasticam regulam prosequeris, et zelaris. Certe nisi praescriptos excessus per te ipsum corrigas, et emendes, et a similibus abstineas,... Nos quanto familiarius te diligimus, tanto districtius puniemus, ut poena unius sit cautela multorum, et justi lavent manus suas in sanguine peccatoris“,

Сіе, апостольское Посланіе Бардоши сравнивъ съ Исторіей Катоны Латинско-Угорскаго Писателя (:Katona pag. 577. et 595:) изъясняетъ что помянутый B. Archi Episcopus Spalatensis Русско-славянскаго былъ обряда, кажетъ бо: „Erat enim Emerico, queno autea instituebat, acceptissimus, et Graeco Ritui perinde addictus. Pardosy pag. 196. Той самой Бардошъ на тѣ слова: sed tu fili Charissime Regium sibi noluisti praebere consensum, affirmans quod in alium quam Hungarum minimo consentiret“ примѣчаетъ: Hungarum (:Graeco Ritui addictum). На слова далѣе: „in Regno tuo diversarum Nationum Conventus“ додасть: juxta Ritum Graeco-Catholicum. Изъ конхъ не токмо примѣчаній, но и самого текста явно есть, что еще 1204. года многіе Русско-греческіе существовали монастыри, а чисто Латинскій только одинъ С. Егидія 00. Бенедиктовъ, послѣ до Шемета перенесенъ. Peserfy Conc. pars. II. pag. 274. Что мы съ отвагою изречи не усумниваемся про то, бо явно намъ есть изъ всѣхъ Историковъ, что Емерика Царя Отець Бела III въ Царьградъ, въ дворѣ Императора Мануила воспитанъ, не латинскаго, но греческаго былъ обряда, хотяи можно послѣ и переимѣнить могъ благочестіе; такжеде и Сынъ его, нынѣ помянутой Царь Емерикъ изъ Маргариты сестры супруги Мануила Императора рожденъ, въ Цариградѣ такжеде воспитанъ греческаго обряда съи, своихъ монаховъ, паче латинскихъ защищалъ, но несчастна доля, какъ всѣ прежніи, такъ и сіи Цари должны были латинскій обрядъ Церковный принять; бо Excommunicatio на той конецъ непобѣдимое было оружіе святаго Престола, какъ довидуемся изъ слѣдующаго къ Андрею сыну юншему Бела III-го даннаго наказательнаго посланія: кое представляетъ Godefr. Monach: у Katon. pag. 464. тако: Innocentius III. die 6. Januarii 1198 ad Pontificatum evectus, scriptis Andreae

literis, districtius, et sub incursu Excommunicationis inhibuit, ne in Regem, vel Regnum Hungariae arma morere vel seditionem excitare praesumat, (:ibidem. pag. 481:) Peculiare illud est, quod in his attingit, inquit: „Inter ceteros autem, qui eidem Regno diversis temporibus praefuerunt, illustris Recordationis Bela quondam Pater tuus Ecclesiae Romanae (:где додаеть Бардоши: assumpto etiam Ritu Latino) devotior exstintit, etse, ac Regnum suum in illius necessitatis articulo exponere nullatenus formidavit, quo tumescentibus Schismaticorum cordibus nostri piscatoris navicula tumultuosis fluctibus jactabatur“.—На что примѣчаетъ Бардоши на листѣ 202. тако „Ex hoc patet Bellam acerrimum Schismaticorum, omnem Hungariam, Partesque adnexas ab Ecclesiae Romanae obedientia, et Unione abstrahere satagentium, hostem, quod nusquam alibi legitur, fuisse, quibus optima quavis ratione occursurus. multa Religiosorum Latinorum Coenobia (:ref. Kat. pag. 440. et Peterfy Conc. Part. II. pag. 265.) imdique surrexerunt“ quorum (:Tartarica potissimum anni 1241. clade haustorum:) Catalogum Petrus Pazmanus Strigoniensis Archi Episcopus, (:prout ipse loquitur:) texere voluit, sed canatum successus destituit. nihil enim uspiam reperit, quodanimum expleret“. „Emericus, Patris exemplum secutus, inter alia observando Basilitarum ordinem passim Phociano Schismati faver, Anno 1198. ad Innocentium III. recurrrens, impetravit (:Kat. t. c. p. 500:) ut monasterium, quod (:Basilitis:) Both, quondam Comes de Byhor, (:probabilius Boleslai, et Elvimi Episcoporum Pater:) in Dioecesi Varadiensi aedificare incoepit, et morte praeventus consummare non potuit in locum (:a Phocianis Hungaris:) tutiorem et magis idoneum, de assensu Dioecesani Episcopi transferantur. etc. etc.

Той же самой Папа того самого года Юву (:Iob:) Архиепископу Острохольскому (:Strigoniensi:) между прочими по свидѣтельству Pray Hier T. II. pag. 162. и Kat. l. c. p. 415 et 519. написалъ: Circa reformationem Monasteriorum, et augmentum eorum, tanto potius tenemur esse solliciti, et ipsorum (:Latinorum:) gravaminibus praecavere, quanto ad nos specialius pertinet et plantare Religionem in Dei Ecclesiis, et fovere plantatam“ Колочаньскому же Архиепископу Савлу такожде писалъ: Quatenus, si per Monachos Ecclesiam illam videris reformari non posse, in ipsa Ecclesia Canonicos instituas regulares, qui secundum Regulam B. Augustini devotum ibi Domino famulatum impendant, et per eorum Religionem locus ipse (:Graecanico Ritui addictus:) in melius, tuo faciente studio reformatur. Studium nempe reformationis додаеть Бардоши на листѣ 203. eo pertinuisse, monumenta. et adjuncta rerum loquuntur, ut nonmodo Schismatici, verum etiam Hungari et Slavi et

Greaco ad Latinum, ubi tantum fieri poterat, Ritum traducantur, atque, adeo Episcopis, Capitulis, Monasteriis, et Curionibus Paraeciarum Graecanicis Latinum Ritum amplecti nolentibus, Latini sufficiantur. Помянутый Папа (:Инокентій III:) къ Иоанну Чинадскому Епископу, кой прежде Бачскаго (Bacsiensis:) греческаго, нынѣ же Калочскаго уже Архіепископа Латинскаго намѣстникъ, (:Suffraganeus:) былъ, по свидѣтельству Прау Hier. Т. II. pag. 6—47. и Kat. I. c. p. 520. слѣдующее года 1198. написалъ апостолское Breve, (Посланіе): Quidam clerici (:по примѣчанію Бардоши, Греческаго, или стараго обряда:) tuae Dioecesis manifeste dicuntur Doctrinae Apostoli obviare, qui candorem Ecclesiasticae puritatis, qua sine omni ruga et macula esse debet—suis spurciciis depravantes, ministerium suum in vituperium, damnosa praesumptione convertunt. Quidam etenim ex ipsis in Diaconatus, et Subdiaconatus ordine constituti uxores sibi, si tamen uxores, sint nominandae. contra instituta canonica, ut dicitur. copularunt, qui postinadum dignitates Ecclesiasticas assecuti, curae student domesticae potius, quam ecclesiasticae imminere. Volentes igitur id per tuae fraternitatis industriam emendari, fraternitati tuae auctoritate praesentium indulgemus, quatenus, si praedicti clerici ad commotionem tuam mulieres ipsas non prorsus eiecerint, et de tanto excessu non satisfecerint congruenter, licitum tibi sit ipsos auctoritate nostra, ecclesiasticis redi tibus, remoto appellationis abstraculo, spoliare. Nulli ergo hominum etc. etc.

Къ тому же самому Чинадскому Епископу подалъ еще и другой приказъ помянутаго года 17 Января, въ коемъ позволяетъ ему, чтобъ Пресвитеровъ отъ Греческаго на латинскій обрядъ прешедшихъ разрѣшилъ (:beneficium absolutionis possis impendere.)—Но послѣ, понеже греческаго обряда монаховъ не такъ легко было покорить, той-же, тогда сильнѣйшой Святой Отецъ послалъ въ Угорщину Кардинала своего Григорія Кресцентія (:Gregorium de Crescentio:) и Юву Острихолмскому, Савлу же Калачскому Архіепископамъ, и ихъ намѣстникамъ (:Suffraganeis:) по свидѣтельству Катоны Libro C. pag. 528. слѣдующее написалъ напоминаніе: „Quam Ecclesio Dei in Regno Ungariae in tanta nevereutia olim consvererit haberi, ut, si publicus latro ad eam obtutelam sui corporis confugisset, sub eius subsisteret immunitate securus:—Nunc evacuata omnino, tanta per iniquitatis filios“ (:якъ Бардошъ прилагаетъ: a Graecanico Ritu recedere nolentes.) libertate, violenter ab Ecclesiis extrahantur. Unde nos, quibus secundum Apostolum incumbit omnium Ecclesiarum sollicitudo continua, propter tantum discrimen Ecclesiae (:Hungaricae:) vehementer afflicti, Universitati Vestra per Apostolica scripta mandamus, atque praecipimus, quatenus statum Ecclesiae, quam taliter

(:mutuis templorum et Paraeciarum occupationibus:) periclitari dolemus, ad antiquam studentes omni modis reducere libertatem, eos, quos temerarios violatores earum vobis esse constiterit, tam nostra quam Vestra auctoritate suffulti, appellatione cessante, terram illius rigore sententiae eмпescatis, quam secundum Canonum instituta in talibus videritis praesumptoribus ad hibendum. Datum Laterani XII. Kalendos Novembris. — Въ Римскомъ изданіи на концѣ сего посланія назначено есть: Scriptum est H. (:Henrico, seu Emerico:) illustri Regi Ungariae. ut in his, que pro libertate Ecclesiae praedicti Archiepiscopi duxerint statuenda, summ eis auxilium. et consilium impendat pariter et favorem“.

Но посмотримъ еще того же ревнаго С. Отца посланіе къ Симеону Варадинскому Епископу, которое находится въ бытописаніяхъ славнаго Прая, (:Praj Hier. P. I. pag. 376.)

Innocentius Episcopus servus servorum Dei Venerabili fratri S. Varadincusi Episcopo et Abbati de Bcel Vesprimiensis Dioecesis Sal. et Ap. Benedictionem: Significavit Nobis carissimus in Christo filius noster H. (:Henricus-Emericus:) какъ Бардошъ додаеть: qui filio suo infanti Ladislav in Regem coronato, ab Andrea fratre metucus, Innocentio se omnibus modis accommodare studuit Rex Ungarorum illustris, quod quaedam Ecclesiae Monachorum Graecorum in Regno Ungariae constitutae, per in curiam Dioecesanorum Episcoporum, et per ipsos Graecos, qui valde sunt, ut asserint, dissoluti, penitus destreuntur, a nobis supplicans humiliter et devote, ut auctoritate nostra unus fieret Episcopatus ex ipsis, qui nobis nullo mediante, subesset, vel Abbas, aut Praepositi Latini constituerentur in illis, per quorum studium, et diligentiam earundem Ecclesiarum status posset in melius reformari. Nos igitur ejusdem Regis petitionibus inclinati. Discretioni Vestre per Apostolica scripta mandamus, quatenus praedicta Ecclesias accedentes inquiratis diligentius veritatem, utrum per ipsos Monachos Graecos eadem Monasteria in Religionis observantia valeant reformari, utrumve de Dioecesanorum Episcoporum consensu unus fieri possit Episcopus ex illis; qui nobis sit mediate subjectus. Quod supertis inveneritis, fideliter ad nostram praesentiam destinctis. — Internu autem ad correctionem eorum impendatis operam efficacem. Datum Laterani XVI. Kal. May. Pontificatus nostri anno VII. (1204).

Тѣми таже орудіями, и оружіями бѣдны и русине, и славяне скоро отъ обряда своего оттягнены, латинскій пріавши обрядъ, народность свою потерять были принужденными. Цари же такожде повин-

новатися должны были бо Excommunicatio такъ важное было оружіе, что тѣмъ пораженъ отъ Престола удаленъ уже самымъ дѣломъ, ipso facto бывалъ, и сицевымъ изверженіемъ отличеніемъ (excommunicatone) ударенному Царю никто повиноватися не смѣлъ, если и самъ отлученнымъ быть не хотѣлъ.—Помянутой же Иннокентій III. прославился въ своемъ времени великостію и силою, и владѣлъ надъ Царями, и князьями по своей воли, какъ Левъ надъ зайцами. что читать можно у Sand. Pontiff. Edit. Турнао. pag. 502. Отъ туду явно уже, коея вины ради Царь Емерикъ Вацовскаго Епископа Болеслава въ Церкви Святой, власными своими руками бить не стыдился, и все имѣніе Церковное силою отобралъ, изъ коего имѣнія Лелесянскую Латинску Препозитуру снабдилъ, и учредилъ, какъ говорятъ писатели Угорско-Латини, между прочими Палму приведемъ.

Palma Hungaria nova pag. 233. tergiversantem aliquamdiu venerandum senecionem suis a summo Allaris gradu detractum manibus solo allidit, quem postea satellites parum reverenter extractum pro foribus Ecclesiae seminecem reliquerunt. Reserato deinde sacrario cuncta sagaciter perscrutatus Emericus. mogram rim pecuniae condeudae Selcusiensi Praepositurae destinatae abstulit. Кто таже изъяснить нынѣ, чему помянутый Царь одну Церковь ограбивши, а другую создалъ, если бы Вацовска Церковь не славянско-русска и греческаго не была обряда? Такъ даже и слѣпой видитъ тутъ истину, что оной Venerandus Senecio Болеславъ, по началамъ отъ Иннокентія III. датымъ отъ Церкви изгнанъ прото былъ, что греческаго былъ обряда. Во времена таже и дѣйствомъ толико помянутаго Иннокентія греческій обрядъ много уцербленъ, и что больше побѣжденъ Крестоносцами, и самъ Цариградъ Царство греческое на Латиновъ перенесено было, Балдуинъ Фландрійскій Графъ Императоромъ, а Тома Мавроценъ (:Maurocenus:) Венетіанинъ и Патрицій стался патриархомъ Цариградскимъ, о чемъ расказуя Кейри (:Kiery Hist. Byzamt. Tomo II. ad Annum 1204 et 1208). Ужасно говорить: „Nobiliaribus penes omnibus cum Camatero, Patriarcha Graeco semet in alias oras exportantibus, monachis, aliisque in Sententia veteri propugnanda ferventioribus, repleti carceres, occlusa eorum templa. quin Capitale quoque iis propositum supplicium, qui pervicaciores esse pergerent“. Ужасна святаго Отца Политика наконецъ тамъ привела славное греческое Царство, чтобъ ему разорену быть со всемъ; кто читалъ даколи Византійскую Исторію, ужасомъ не наполниться не можетъ, вообразивши ту сѣчь, какую немилостивіи Турки сдѣлали надъ благочестивыми Греками; звѣрь былъ бы той, кто бы незаплакалъ горко надъ свирѣпымъ убійствомъ;—однакожь находились Христіаны

о сей свирѣпости радость показавши; то довести легко изъ Латино-Угорскаго Писателя Палмы въ Томѣ II. листѣ 75. говорящаго: *Quamquam et Pontifex Orientalis Ecclesiae cum Latina unicudae spe inani luctatus Ludovicum ab eo bello dehortatus fuit. Чтобъ сирѣчь Грекамъ противъ Турковъ на помощь не ишолъ, и продолжаетъ: Atque his ex causis pulcherrimum illud Ludovici contra Graecos, et Turcos consilium tum quidem dilatum est, postea vero. evanuit.*

На конецъ съ удовольствіемъ заключаетъ той же Палма (:Iesuita:) священникъ, *Sed nempe haec erat Supremi Numinis providentia, quae Orientalium legitimo Christi in terris Vicario obedire detrectantium arrogantiam ottomanica olim servitute castigare purabat!*

Якъ бы сказать намѣрять: такъ вамъ хорошо случилось, радуюсь съ сего.—При семъ случаи приходитъ на память жалъ Епископа Угерскаго Естергазого на побѣду Турковъ Суворовомъ славно снесеную выраженный мадарскомъ языкѣ: *szegény Török!—megverte a pogány muska!* т. е. бѣдный Турокъ! побилъ 'го поганинь Москаль!—Хотя сія тутъ и не прислухали, но не вредить ихъ знати!

Андрей II. Царь, первіе и самъ ради восточнаго обряда брату своему Емерику сопостать, послѣ и самъ апостата, по повелѣнію Римскаго престола гонителемъ сталъ тояже восточныя Церкви, и бѣдныхъ Русиновъ, коихъ къ западному обряду принуждалъ; то явно показуеть его къ Иннокентію III. Палѣ о семъ дѣлѣ данное посланіе:

Neverit igitur Sanctitas vestra, quo Galiciae Principes, et populus Nostrae Ditioni subjecti humiliter a Nobis postularunt, ut filium Nostrum Colomanum ipsis in Regem praeficeremus, in Unitate, et oboedentia Sacrosanctae Romanae Ecclesiae perseveraturis imposterum salvo tamen eo, quod fas illis sita Ritu proprio non recedere“.

А о пришедшимъ до Угорь 1241. Татарамъ, коимъ и многи Славяне, и русине приключились, той напоръ совсѣмъ въ дѣйствіе не приведенъ, но послѣ однакожь обнаруженъ, какъ на сіе свидѣтельствуеть по Угорскимъ писателямъ Гардоши на листѣ 207. *Atque huic Epochae tribuenda est complurium Hungarorum inter Slavos, Rascios, ac Valachos partim Graecocatholicos, partim phociano-Schismticos permansio, vel etiam accessio, qui linguam, et mores ut plurimum subinde mutant.* И такъ по отъѣздѣ Татаръ бывшу наполненному Царству иностранцами, вливавшимъ Императорамъ западно Нѣмецкимъ, бѣдные

русине, чтобъ еще обрядъ народный содержать предалися совсѣмъ власти Латиниковъ, тѣми, какъ кажется защищаемы, но мало по малу и истреблены. Такъ по сему русине Латинскими Епископами управляемы, плѣнниками стали.

Полно къ сему есть доводовъ по всѣхъ книгахъ, исторiяхъ. и дипломатѣхъ, полны архивы, и преданiя, между прочими же не будетъ тутъ сбыточно привести одно письмо находящееся у Самуила Сейкель de Doba слѣдующее:

Nos magister Iohannes Prepositus Ecclesiae S. Georgii Martyris de Strigonio, Canonicusque Ecclesiae Agriensis, Generalis Vicarius Venerabilis in christo Patris, Domini Nicolai Dei, et Apostolicae sedis Gratiae Episcopi Agreiensis. Damus pro memoria: Quod cum iuxta c ninentiam priorum Literarum nostrarum Comes Petrus, filius Iohannis de Ponyilae, secundo. cum Nobili sibi simili, in, Octavis S. Michaelis Archangeli contra Dominam Uxorem Georgii Clerici de Harsany (:священника русскаго называетъ Клерикомъ:) in Capella Eiusdem Domini Episcopi nostri iuramentum praestare debuisset, adveniente ipso termino, dictus Comes Petrus cum praefato Conjuratore suo videlicet nobili sibi simili contra dietam Dominam praestitit iuramentum super eo: etc. etc. Datum Agriae in Crastino ipsius iuramenti A. D. 1333.

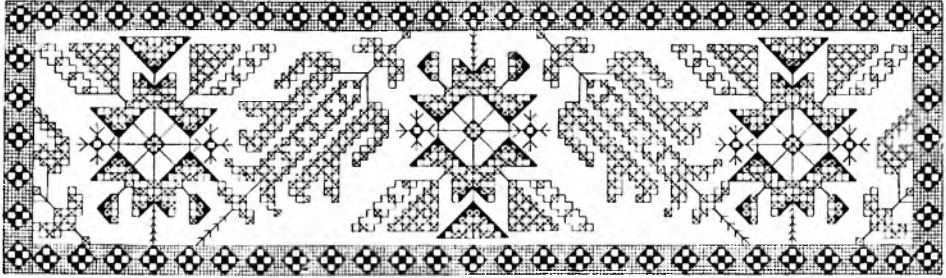
Indorsa. Super depositione iuramenti pro comite Petro filio Iohannis de Ponyila, contra Dominam Uxorem Georgii clerici de Harsany expeditoris. Но теперь уже въ Гаршанѣ больше русина не видать, понеже тое есть владѣнiе Епископа Кошицкаго.

И съ тѣмъ довлѣтъ заключить первую часть Исторiи древнобытностей Угорско-русскаго народа,

et hoc meminisse iuvabit.

Сообщ. **Ө. Ө. Аристовъ.**

РѢДКІЯ И ЦѢННЫЯ ИЗДАНІЯ,

собранныя В. М. Остроглазовымъ.

Казанцевъ В. С. За оградю и въ міръ. Разоблаченія изъ быта Троице-Сергіевой Лавры. Москва. 1886 г. 240 (печати.)+1 (ннсан.) стр.

Эта книга въ свѣтъ выпущена не была: все ея изданіе (въ количествѣ 2600 экз.) арестовано тотчасъ по напечатаніи, и хранится опечатаннымъ при типографіи Полякова, а въ 1902 г. уничтожено сожженіемъ, за исключ. 20 экз., сланныхъ въ Архивъ. Эта же книжка была выпущена въ свѣтъ въ 1906 году подъ заглавіемъ: „Среди Инокѡвъ“ и уже не есть библиографическая рѣдкость.“

Кайдановъ Иванъ, Префессоръ Царско-Сельскаго Лицея. Краткое изложеніе дипломатіи Россійскаго Двора, со времени восшествія на Всероссійскій Престоль Дома *Романовыхъ* до кончины Государя *Императора Александра I*. С.Петербургъ. 1833 г.. 2 части. Ч. 1. XVI+189 стр. Ч. 2, 240+IV стр. Рѣдкость.

Калийдовичъ Петръ. Опытъ словаря русскихъ синонимовъ. Москва. 1818 г. Часть I. (Болѣе не выходило.) 157 стр.

Рѣдкость. „По большому каталогу Шибанова за 1893 г.—1 р. 50 к.“

Калмыковъ П. Д., Профессоръ Спб. Униввер. О литературной собственности вообще и въ особенности объ исторіи правъ сочинителей въ Россіи. Разсужденіе. читанное на публичномъ актѣ Университетскомъ 8-го Февраля 1851. С.Петербургъ. 1851 г. II (ненум.)+91+1 (ненум.) стр.

Рѣдкость. „См. объ этой книгѣ у Гевнади „Литература Русскої Библиографіи.“ Сиб. 1858 г., стр. 146. № 663.“

Кальметъ Августинъ, аббатъ. Еврейскій ратникъ или разсужденіе о военномъ дѣлѣ древнихъ Евреевъ на основаніи свидѣтельствъ священнаго писанія и древностей Іудейскихъ. Пер. съ латинскаго членъ Императорской Россійской Академіи протоіерей Іоаннъ Красовскій. СПБ. 1795 г. 8°. VI стр.+110 стр.+I стр. (ненум.)

Рѣдкость. На переплетѣ книги пишется налпись: „1906, X--26 В. Остроглазовъ. Въ этой книжкѣ въ моей библіотекѣ есть атласъ.“

„Этого же автора, т. е. Кальмета Августина, есть книга: „О явленіи духовъ.“ М. 1867 г.“

Кальметъ Августинъ, аббатъ. Еврейскій чиновникъ или разсужденіе о придворныхъ и военныхъ чиновникахъ царей еврейскихъ. Пер. съ латинскаго членъ Императорской Россійской Академіи Протоіерей Іоаннъ Красовскій. СПБ. 1795 г. 8°. 40 стр. Въ одномъ переплетѣ съ книгою того же автора: „Еврейскій ратникъ, или разсужденіе о военномъ дѣлѣ древнихъ Евреевъ на основаніи свидѣтельствъ священнаго писанія и древностей Іудейскихъ. Рѣдкость.

Канефигъ. Философическая исторія Іудеевъ со времени упадка племени Маккавеевъ до нашихъ временъ. Пер. съ франц. К. Пуговинъ. 2 части. СПБ. 1837 г. 8°. Ч. 1-я=XXII+188+2 (ненум.) стр. 2-я Ч=108+4 (ненум.) стр. Удостоено преміи Французск. Института.

Рѣдкость „А. С. Шмаковъ, знатокъ литературы по Еврейскому вопросу, отзывается объ этомъ сочиненіи Канефига, какъ о превосходномъ трудѣ. Это сочиненіе было напечатано въ Парижѣ въ 1833 году (Смотри: Шмаковъ, „Еврейскія Рѣчи,“ Москва 1897 г., стр. 562-я).

„Такой же отзывъ Шмаковъ даетъ объ этомъ сочиненіи и въ своемъ новомъ трудѣ: „Свобода и Евреи.“ Москва. 1906 г., стр. ХСVI.“

Кантеревъ Н., Профессоръ Моск. Дух. Акад. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ до открытія Славяно-греко-латинской Академіи. (Рѣчь, произнесенная на публичномъ актѣ Моск. Дух. Академіи 1 Октября 1889 года.) Отъ 5 до 96 стр. включ. Рѣдкость.

Кантеревъ Н. Патріахъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Время патріаршества Іосифа. Выпускъ I-й (болѣе не выходило). Москва. 1887 г. II (ненум.)+IV+I (ненум.)+175 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова за № 95, 1899 года. цѣна сей книги—15 р. с.“

Каттеревъ Н., Профессоръ Моск. Дух. Акад. Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. Москва. 1874 г. IV (ненум.)+236+III (ненум.) стр. Рѣдкость.

Каттеревъ Николай, Профессоръ Моск. Дух. Акад. Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Москва. 1885 г. II (ненум.)+516+51+VIII+II стр.

Рѣдкость. „По каталогу Ключкова отъ 12 Октября 1902 года за № 322—цѣна сей книги 30 р. с.—Изъ каталога Шибанова № 94—1898 года: „187. Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. М. 1885..... 20.—“

Карабановъ П. Ѳ. Списки замѣчательныхъ лицъ русскихъ, составленные П. Ѳ. Карабановымъ и дополненные княземъ П. В. Долгоруковымъ. М. 1860 г. 8°. II стр.+110 стр. Рѣдкость.

Карамзинъ П. М. О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Оттискъ изъ Русскаго Архива 1870 г. II (ненум.)+съ 2229—2350 (включ.) стр. Рѣдкость.

Каратовъ Ф. В. Павелъ I-й. Его семейная жизнь, фавориты и убійство. Лондонъ. 1897 г. 12°. 38 стр. Рѣдкость.

Кармолукъ. Новая нагорная проповѣдь. Ростовъ на Дону. 1906 г. 12°. 8 стр. Рѣдкость.

Картинки Забавныя. 48 штукъ. Рѣдкость.

Картины русской живописи, изданныя подъ редакцію Н. В. Кукольника. С. Петербургъ. 1846 г. Съ 13 картинами. IV (ненум.)+343 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова за № 106 цѣна сей книги 8 р. с.“

Касторскій Михаилъ, Адъюнктъ Спб. Универс. Начертаніе славянской мѣологии. Диссертация на степень доктора философіи. С.-Петербургъ. 1841 г. IV (ненум.)+IV+182+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова № 68 цѣна 6 р. с. См. „Русскія книжныя рѣдкости“, составилъ П. Б. М. 1902 г. стр. 64.“

Каталогъ (алфавитный) изданіямъ на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечатыванію въ Россіи. Составленъ по 1 Юня 1888 года. Спб. 1888 г. 8°. 82 стр.

Рѣдкость. „Въ продажѣ нѣтъ.“

Каталогъ (алфавитный) изданіямъ на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечатыванію въ Россіи. Составленъ по 1 Января 1894 г. Спб. 1894 г. 8°. 78 стр.

Рѣдкость. „Въ продажѣ нѣтъ.“

Каталогъ. Дополненіе къ алфавитному каталогу изданій на русскомъ языкѣ, запрещенныхъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи. Составленъ по 1 января 1899 года. Спб. 1899 г. 8°. 28 стр.

„Рѣдкость. Въ продажѣ нѣтъ.“

Катковъ М. Н. Собраніе передовыхъ статей *Московскихъ Вѣдомостей* 1863—1887 годовъ. М. 1897—1898 г.г. 25 томовъ. 8°. За 1863 г. = портретъ М. Н. Каткова + 2 стр. (ненум.) + VI стр. + 785 стр.; за 1864 г. = VII стр. + 841 стр.; за 1865 г. = VI стр. + 841 стр.; за 1866 г. = VI стр. + 642 стр.; за 1867 г. = VI стр. + 752 стр.; за 1868 г. = фотограф. снимокъ кабинета М. Н. Каткова + VI стр. + 797 стр.; за 1869 г. = V стр. + 836 стр.; за 1870 г. = VI стр. + 812 стр.; за 1871 г. = VIII стр. + 863 стр.; за 1872 г. фотограф. снимокъ кабинета М. Н. Каткова въ зданіи Университетской типографіи + X стр. + 838 стр.; за 1873 г. = VIII стр. + 938 стр. за 1874 г. = фотограф. снимокъ зданія Императорскаго Лицея въ память цесаревича Николая + VI стр. + 803 стр.; за 1875 г. = портретъ П. М. Леонтьева + VI стр. + 702 стр.; за 1876 г. = VII стр. + 680 стр.; за 1877 г. = фотограф. снимокъ Знаменскаго, подмосковнаго имѣнія, гдѣ скончался М. Н. Катковъ 20 Юля 1887 г. + VI стр. + 563 стр.; за 1878 г. = VI стр. + 594 стр.; за 1879 г. = VI стр. + 662 стр.; за 1880 г. = портретъ М. Н. Каткова + VI стр. + 675 стр.; за 1881 г. = 1 стр. (ненум.) + V стр. + 632 стр.; за 1882 г. = VI стр. + 688 стр.; за 1883 г. = фотограф. снимокъ кабинета М. Н. Каткова въ селѣ Знаменскомъ + V стр. + 627 стр.; за 1884 г. = V стр. + 671 стр.; за 1885 г. = 1 стр. (ненум.) + V стр. + 653 стр.; за 1886 г. = VII стр. + 691 стр.; за 1887 г. = фотогр. снимокъ памятника надъ могилою М. Н. Каткова въ Алексѣевскомъ монастырѣ + III стр. + 322 стр. Общій указатель статей = II стр. + 192 стр.

Рѣдкость. „Цена 62 руб. 50 коп.“

Каутскій Карлъ. Экономическое учение Карла Маркса въ изложеніи К. Каутскаго. Одесса. 1905 г. 166+II (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Запрещена.“

Кейль Карлъ Фридрихъ, Профессоръ Дерптскаго университета. Руководство къ библейской археологіи. Кіевъ. 1871. 1874 г.г. 2 части Ч. 1, 592 стр. Ч. 2, 384 стр.

„Весьма рѣдкая книга. Я никогда не встрѣчалъ ее въ продажѣ. Эта книга, изъ желанія исполнить мою просьбу, была вырвана редакціею журнала „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“ изъ сего журнала съ 1871 по 1876 годъ. При книгѣ прилагается письмо объ этомъ изъ вышеозначенной редакціи на послѣдней страницѣ.“

Кельсіевъ В. Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ. Лондонъ. 1862 г. Выпуски 3-ій и 4-ый. При 3-мъ выпускѣ папка съ 12 рисунками. Вып. 3, XXIII+II (ненум.)+II+240+IV (ненум.)+92+12+12 (ненум.) стр. Вып. 4, II (ненум.)+343+1 (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Сей сборникъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи воспрещенъ. См. „Алфавитный каталогъ изданій на рускомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи, составленный въ главномъ Управленіи по дѣламъ печати“ (Сиб. 1894. стр. 30-я, № 487).“

Кесслеръ К. Проф. Университета С. Владиміра. Руководство для опредѣленія птицъ, которыя водятся или встрѣчаются въ Европейской Россіи. Кіевъ. 1847 г. 8°. 5 стр. (ненум.)+412 стр.

Рѣдкость. См. П. Березина „Русскія книжныя рѣдкости“ М. 1902 г. за № 249.

„По каталогу Шибанова подъ № 129 за 1906 годъ цѣна сей книги 15 руб.“

Кирилловъ Иванъ. Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизреченными трудами Петръ Великій. Москва. 1831 г. 2 части. Ч. 1, IV (ненум.)+184 стр. Ч. 2. IV (ненум.)+202 стр.

Рѣдкость. „По мнѣнію М. П. Погодина, эта книга. даетъ русскимъ право предъ всеми европейскими государствами гордиться древнѣйшею обстоятельною статистикою. (См. „Предисловіе“ ко 2-й части сей книги). Свѣдѣнія объ исторіи этой книги читай въ „Жизни и трудахъ М. П. Погодина“. Кн. 2-я стр. 204-я. Сиб. 1889 года, и въ книгѣ 2-й того же сочиненія, стр. 284—294, 1890 года.“

Кириловъ П. Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго языка С.-Петербургу. 1845 г. 16° II (ненум.)+324+XVII стр.+4 рисунка.

Рѣдкость. „Эта книжка, хотя и была пропущена цензурою, но вскорѣ, по выходѣ ся втораго выпуска, уничтожена, ибо въ объясненіяхъ заключались двусмысленныя, а частію саркастическія, противуцензурныя выраженія (Геннади, № 187). Подробная исторія сей книжки описана въ „Книжныхъ Рѣдкостяхъ“ И. М. Остроглазова, а еще подробнѣе въ „Русской Старинѣ“, Августъ 1903 года въ статьѣ: „Цензура въ царствованіе Императора Николая I-го“, на стр. 420—21.—Изъ каталога Шибанова № 95: „175. Кирилловъ Н. Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго языка. Сиб.-845. 16° Пер... 10 р.“, съ 4 таблицами рисунковъ.

У Геннади показано 3 таблицы, а въ этомъ экземплярѣ 4 таблицы.—Страницы 209—210, 277—278 здѣсь перенечатаны, а страницы 319—320 не перенечатаны.“

Киссель Теодоръ, Учитель Историческихъ Наукъ Угличскаго Уѣзднаго Училища. Исторія города Углича. Ярославль. 1844 г. 419+3+II стр.

Рѣдкость. „Цѣна сей книги—5 р. См. Ник. Березина: „Русскія книжныя рѣдкости“, М. 1902 г., стр. 67, № 253.“

Кистяковскій А. Ѳ., Профессоръ Кіев. Универ. Элементарный учебникъ общаго Уголовнаго Права съ подробнымъ изложеніемъ началъ Русскаго Уголовнаго законодательства. Часть общая. Второе исправленное и значительно дополненное изданіе. Кіевъ. 1882 г. II (ненум.)+IV+19+930+7+8 стр. Рѣдкость.

Китий или мы. Курскъ 1904 г. II (ненум.)+23 стр.

Рѣдкость. „Запрещена. Цензору Баргенову, пропустившему сію книгу, выговоръ“.

Классовскій В. Помпея и открытыя въ ней древности, съ монографіею Везувія и очеркомъ Геркуланума. Съ планами и пояснительными гравюрами. (Второе исправленное изданіе). С.-Петербургъ. 1849 г. XXI+325 стр. Рѣдкость.

Ключевскій В. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Москва. 1871 г. IV (ненум.)+III+465+IV+III стр. Рѣдкость.

Ключевскій Вас. Осип. Отзывъ объ изслѣдованіи Г. Платонова: „Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ“. Спб. 1890 г. 8°. 14 стр. Рѣдкость.

Ключевскій Василій, Профессоръ Моск. Универ. Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ. Москва. 1866 г. 264 стр.

Рѣдкость. „Цѣна 7 р. и болѣе.“

Ключевскій В. Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему. Опытъ опредѣленія мѣновой стоимости стариннаго рубля по хлѣбнымъ цѣнамъ. (*Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ*). Москва. 1884 г. II (ненум.)+72+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Въ продажѣ попадается сія книжка рѣдко.“

Книги о книгахъ. Толковый указатель для выбора книгъ по важнѣйшимъ отраслямъ знаній. Составленъ многими специалистами подъ редакцію П. И. Янжула 2 части. М. 1892 г. 8°. 1-я ч.=XX стр.+289 стр. 2-я ч.=X стр.+177 стр.

Рѣдкость. „Цѣна этой книги у букинистовъ 6 руб. 1904, VI/5.“

Книги (Родословная) рода Хитрово и приложеніе къ родословной книгѣ рода Хитрово. С.-Петербургъ. 1867 г. 12°. XXIII+334+409+59 стр.

Рѣдкость. „Изъ каталога Шибанова за № 106 отъ 1901 года: „335. а) Родословная книга рода Хитрово. Спб. 866. 12°. Печ. обл. б) Приложеніе къ родословной книгѣ рода Хитрово. Спб. 867. 12°. Печ. обл..... 30 р. Напечатано въ самомъ ограниченномъ количествѣ и не продавалось.“

Книги (Русская родословная). Изданіе „Русской Старины“ С.-Петербургъ. 1873, 1876 и 1878 г.г. 3 тома. Т. 1, XI+I (ненум.)+378+I (ненум.) стр. Т. 2, IV+222 стр. Т. 3, II (ненум.)+II+28 стр. Рѣдкость.

Козловскій Александръ князь. Взглядъ на исторію Костромы. Москва. 1840 г. 203 стр. Рѣдкость.

Козловъ Иванъ. Чёрнецъ. Кіевская повѣсть. С.-Петербургъ. 1825 г. 64 стр. Рѣдкость.

Колбасинъ Е. Литературные дѣятели прежняго времени. С.-Петербургъ. 1859 г. 291+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Колодезниковъ В., врачъ. Къ вопросу о петербургскихъ кладбищахъ. Санитарное изслѣдованіе Большеохтенскаго кладбища. Диссертация на степень доктора медицины. С.-Петербургъ. 1882 г.: II (ненум.)+153+II стр. Съ 12-ю приложеніями. Рѣдкость.

Колосовъ А. Александръ III-й, его личность, интимная жизнь и правленіе. Лондонъ. 1902 г. 12°. 60 стр.+IV стр. Рѣдкость.

Комаровъ Матвій. Описаніе тринадцати старинныхъ свадебъ великихъ Россійскихъ государей и князей. Москва 1785 г. (ненум.)+165 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова за № 82 цѣна сей книги—10 р. с.“

Коменій Іоаннъ Амось. Видимый свѣтъ на латинскомъ, россійскомъ нѣмецкомъ, италянскомъ и французскомъ языкахъ представленъ. Москва. 1768 г. XXIII (ненум.)+477+XXVII (ненум.) стр. Рѣдкость.

Кондорскій Протоіерей. Нравственный пластырь для такъ называющихся старообрядцевъ. Москва. 1811 г. 2 части. Ч. 1, VIII (ненум.)+121 стр. Ч. 2, II (ненум.)+83+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Сія книжка означена въ большемъ каталогѣ Шибанова за 1899 годъ какъ „большая рѣдкость“. Цѣна ей назначена 10 р. с. О томъ, что сія книга была запрещена Синодомъ, упоминается въ „Мелочахъ изъ запаса моея памяти“ М. А. Дмитриева. М. 1869 года.“

Конференція въ Гинль. Женева. 1899 г. 12°. 16 стр. Рѣдкость.

Копыловъ А. Борьба Императора Генриха V съ церковью по поводу вопроса объ инвеститурѣ. Историческое изслѣдованіе. Варшава. 1865 г. IV (ненум.)+IV+IV (ненум.)+208 стр. Рѣдкость.

Корбъ. Дневникъ поѣздки въ Московское Государство Игнатія Христоворова Гваріента, посла Императора Леопольда I къ царю и Великому Князю Московскому Петру Первому, въ 1698 году, веденный Секретаремъ Посольства Іоанномъ Георгомъ Корбомъ. Переводъ съ латинскаго Б. Женева и М. Семевскаго. Изд. Импер. О-ва. Исторіи и древн. Росс. при Моск. Университетѣ. Съ 6 рисунками. Москва. 1867 г. 8° II (ненум.)+XII+381+I (ненум.)+XXIV стр.

„Книга сія рѣдка. Цѣна ей отъ 10 до 15 р., что видно изъ каталога Шибанова. Въ ней 6 фотолитографическихъ снимковъ, находящихся въ дневникѣ Корба, изданномъ въ 1700 году на латинскомъ языкѣ и уничтоженномъ Австрійскимъ правительствомъ, вскорѣ по ея выходѣ, въ 1701 году. по настоянію Московскаго правительства, оскорбившагося нѣкоторыми отзывами и разказами Корба о кровавыхъ пыткахъ и казняхъ стрѣльцовъ и о многихъ реформахъ Петра I-го. Русскій переводъ сдѣланъ вполне, безъ всякихъ сокращеній. но изъ 19 рисунковъ, находящихся въ оригиналѣ, здѣсь приложено только 6, особенно любопытныхъ. Изданіе сей книги уже давно все распродано, что, между прочимъ, видно изъ объявленія, приложеннаго къ книгѣ: „Записки князя Я. П. Шаховскаго“, изданной въ Сиб., въ 1872 году.“

Корсаковъ Д. А. Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны. Историческій этюдъ. Казань. 1880 г. IV (ненум.)+IV+XLIII+303+88+VI стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова за № 94, цѣна сей книги 5 р. с., а по каталогу Ключкова—10 р. с.“

Корсаковъ Д. Меря и Ростовское княжество. Очерки изъ исторіи Ростовско-Суздальской земли. Казань. 1872 г. 8°. VIII стр.+246 стр.+II стр. Рѣдкость.

Корсунскій И. Профессоръ Моск. Дух. Акад. Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова), въ послѣдствіи митрополита Московскаго. Отгискъ изъ журнала „Вѣра и разумъ“ за 1885 г. 8°. 239 стр. Рѣдкость.

Консурскій Ив. Профессоръ Моск. Дух. Акад. Святитель Филаретъ Митрополитъ Московскій. Его жизнь и дѣятельность на Московской Каѳедрѣ по его проповѣдямъ, въ связи съ событіями и обстоятельствами того времени (1821—1867 г.г.). Харьковъ. 1894 г., 8°. II (ненум.)+V+I (ненум.)+1053+XXIV стр.

„Рѣдко встрѣчается въ продажѣ.“

Костомаровъ И. И. Очерки домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ 16 и 17 столѣтіяхъ. Спб. 1860 г. 8°. 214 стр.

Рѣдкость. „См. каталогъ Шибанова № 25, 1889 г. цѣна—4 руб.“

Котляревскій А. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. Москва. 1868 г. 8°. XVI (ненум.)+252+038 стр.

Рѣдкость. „Цѣна по большому каталогу Шибанова 1899 г.—5 р.“

Кохановская. Повѣсти. Москва. 1863 г. 2 тома. Т. 1. IV (ненум.)+267 стр. Т. 2, VI (ненум.)+318 стр.

„Очень рѣдкая книга. Изданіе все давно распродано.“

Кошелевъ А. Общая земская дума въ Россіи. Берлинъ. 1875 г. VIII стр.+106 стр.+1 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Красовскій Александръ. Установленіе въ русской церкви праздника 9-го мая въ память перенесенія мощей Святителя Николая изъ Миръ

Ликійскихъ въ городъ Баръ. Сочиненіе студента Кіев. Дух. Акад. на Евгение-Румянцевскую премію. Кіевъ. 1874 г. II (ненум.)+65 стр. Рѣдкость.

Красовскій П. П. Изъ воспоминаній о войнѣ 1853—56 годовъ. Томскъ. 1884 г. 8°. 31 стр. Рѣдкость.

Красоты духовнаго красноречія, почерпнутыя изъ Боссюэта, Фенелона, Массильона, Бурдалу, Флешье, Бове и другихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ, переведенныя подъ руководствомъ Сергѣя Глинки Амаатовымъ. М. 1828 г. 8°. XII стр.+203 стр.+V стр. Рѣдкость.

Крыловъ И. А. Басни. Съ 94 гравюрами на мѣди. СПетербургъ. 1834 г. 2 части (въ одной книгѣ). Ч. I, VI (ненум.)+187 стр. Ч. 2. VI (ненум.)+167+XX стр.

„Вырѣзка изъ каталога Шибанова, Московскаго букиниста, за № 127, отъ 1906 года: „140. Крыловъ, И. Басни. 2 ч. Спб. 834. 4°. Превосходный экз. въ совр. кож. переплетахъ съ золот. тисненіями.... 75 р. с. Съ 93 рисунками А. Сапожникова, гравированными на мѣди. Экземпляръ безукоризненной сохранности. Большая рѣдкость“.— „Въ 1906 году, въ Ноябрь, сія книга была продана букинистомъ Фадѣевымъ букинисту Шибанову за 40 рублей“.

Крыловъ Ив. Анор. Басни въ IX книгахъ, съ біографіею, написанною И. А. Плетневымъ. Рисунки академика Трутовскаго. СПб. 1864 г. 4°. 8-е. изд. LXIV' стр.+275 стр.+4 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Крыловъ П. П. Профессоръ Моск. Универс. Критическія замѣчанія его на публичномъ диспутѣ въ Московскомъ Университетѣ 21 декабря 1856 года на сочиненіе г. Чичерина: „Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ“. Москва. 1857 г. II (ненум.)+90 стр. Рѣдкость.

Кудрявцевъ В. Профессоръ Моск. Дух. Акад. Объ источникѣхъ идеи Божества. Москва. 1864 г. 8°. 48 стр. Рѣдкость.

Кудрявцевъ В. Профессоръ Моск. Дух. Акад. Религія, ея сущность и происхожденіе. Докторская диссертация. Москва. 1871 г. 8°. II (ненум.)+252 стр. Рѣдкость.

Кудрявцевъ-Платоновъ В. Профессоръ Моск. Дух. Акад. Матеріалистическій атомизмъ. Оттискъ. Рѣдкость.

Кудрявцевъ-Платоновъ В. Д. Профессоръ Москов. Дух. Академіи. О единствѣ человѣческаго рода. Магистерская диссертация. М. 1852 г. 8°. 142 стр.

Рѣдкость. „Московскій Митрополитъ Филаретъ объ этой диссертациі далъ въ письмѣ къ Іосифу, епископу Оренбургскому (27 Іюня 1858 г.) такой отзывъ: „надѣюсь, вы признаете въ ней — изслѣдованіе основательное и многостороннее.“ (*Исторія Москов. Дух. Академіи*, С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 230) 1904 IX/18“.

Кудрявцевъ-Платоновъ В. Профессоръ Моск. Дух. Акад. О происхожденіи органическихъ существъ. Теорія трансформациі. Москва. 1883 г. 8°. II (ненум.)+108 стр. Рѣдкость.

Кумъ Матвій или превратности человѣческаго ума. Москва. 1803 годъ. 4 части. Ч. I, VIII (ненум.)+224 стр. Ч. 2, IV (ненум.)+260 стр. Ч. 3, IV (ненум.)+279 стр. Ч. 4, (ненум.)+302+II (ненум.) стр.

Рѣдкость. „См. *Книжныя рѣдкости* И. М. Остроглазова“.

Куницынъ Александръ. Профессоръ Алекс. Лицея. Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи. СПетербургъ. 1843 г. II (ненум.)+IV+151+III (ненум.) стр. Рѣдкость.

Куницынъ Александръ. Профессоръ Императорскаго Лицея. Право естественное. 2 части. СПб. 1818—1820 г. 8°. 1-я ч. III стр.+135 стр.: 2 ч. 164 стр.+12 стр.+3 стр. (ненум.).

„Большая рѣдкость. См. матеріалы для библиографіи Березина-Шириева, СПб. 1876 г. книга 10-я стр. 294-я“.

„Чрезвычайно рѣдка“.

„Исторію о судьбѣ этой книги можно прочесть въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза (33-я книга стр. 28-я); въ „Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“ Феохтистова (стр. 9—18-я) СПб. 1865 г.; въ очеркахъ Исторіи русской цензуры Скабичевского (стр. 131-я) СПб. 1892 г. и въ Исторической запискѣ о Петербургскомъ Университетѣ Профессора Григорьева (стр. 12-я) СПб. 1870 года“.

„Книга эта была запрещена, изъята изъ продажи и отобрана какъ изъ библиотекъ, такъ и отъ частныхъ лицъ, успѣвшихъ приобрести ее, такъ какъ она была признана прогнворѣчащею явно истинамъ христіанства и клонящеюся къ ниспроверженію всѣхъ правъ семейственныхъ и государственныхъ, а Куницынъ былъ удаленъ отъ всѣхъ долъ“.

жностей по министерству народнаго просвѣщенія и нѣсколько лѣтъ послѣ этого не могли поступать на службу“.

„А. С. Пушкинъ, какъ ученикъ по лицу Куницына обезсмертилъ его въ „Первой Липцевской Годовщинѣ“ слѣдующими стихами, вылившимися изъ души:

„Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краугольный камень.
Имъ чистая лампада возжжена!“

„Извѣстный библиографъ Ширяевъ-Березинъ (матеріалы для библиографіи, часть 10-я СПб. 1876 г.) на стр. 294 пишетъ: „книга Куницына была сожжена въ большомъ количествѣ экземпляровъ, изъ коихъ весьма немногіе, случайно сохранившіеся, сдѣлались чрезвычайно рѣдки“.

„Цѣна этой книгѣ, въ неполномъ видѣ, по большому каталогу Шибанова, за 1899 годъ.—10 руб., гдѣ она названа „большою рѣдкостью“.

„Мнѣніе Рунича, на основаніи котораго сія книга была запрещена, изложено на страницахъ 9—17 въ „Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“ Е. Феоктистова СПб. 1865 г.“.

Куриновъ Николай. Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку російскаго языка, со многими присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезно-забавнаго вѣщесловія. Москва. 1837 г. 2 части (въ 1 книгѣ). 8°. Ч. I, IV (ненум.)+XV+482 стр. Ч. 2, II (ненум.)+VI+II (ненум.)+368 стр. Рѣдкость.

Куриновъ Ѳ. Проф. Казанск. Дух. Акад. Борьба папы Бонифація VIII съ французскимъ Королемъ Филиппомъ IV Красивымъ. Рѣчь. Казань. 1882 г. 8°. 149 стр. Рѣдкость.

Лаврентьевъ Г. Дванадцатые праздники православной церкви. Съ картинами. Петербургъ. 1862 г. IV (ненум.)+VII+I (ненум.)+6+14+7+12+9+9+7+8+6+8+8+14+12+8+6+ VII (ненум.)+3+4+2+2+2+2+I (ненум.)+2+2+2+2+I (ненум.)+4+I (ненум.)+18 стр. Рѣдкость.

Лавровскій Николай. О древне-русскихъ училищахъ. Разсужденіе для полученія степени доктора славяно-русской филологіи. Харьковъ. 1854 г. 8° 186+III (ненум.) стр.

Рѣдкость. „См. большой каталогъ Шибанова за 1899 г. № 3915. Цѣна книги означена 10 р. с.“

Лавровскій. Н. О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ. Харьковъ. 1865 г. 8° II (ненум.)+265 стр. Рѣдкость.

Лавровъ. Опытъ исторіи мысли. Томъ I (болѣе не выходило). СПетербургъ. 1875 г. VI (ненум.)+162 стр.

Рѣдкость. „Сія книга, на основаніи пункта 3-го примѣчанія къ ст. 175 Устава о ценз. и печ., воспрещена Министерствомъ Вн. Дѣлъ къ обращенію въ публичныхъ бібліотекахъ и общественныхъ читальняхъ.“

Лажечниковъ И. Походныя записки русскаго офицера. Съ картинкою и виньеткою. СПетербургъ. 1820 г. XV (ненум.)+347+VI (ненум.) стр. Рѣдкость.

Лакіеръ Александръ. О вотчинахъ и помѣстьяхъ. СПетербургъ. 1848 г. II (ненум.)+230 стр.

Рѣдкость. „Это сочиненіе есть магистерская диссертация. А. Б. Лакіеръ окончилъ курсъ въ Моск. Университетѣ. Диссертацию эту защищалъ тамъ же.“

Лакіеръ. Русская Геральдика. (*Записки Императорскаго Археологическаго Общества.* Томъ VII). Отдѣленіе I-е. Съ 25 таблицами рисунковъ и одной родословной таблицей. СПетербургъ. 1854 г. IV (ненум.)+632+VI (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Цѣна 25 рублей. См. Каталоги Шибанова № 94 и Ключкова № 306.“

Лассаль Фердинандъ. Г. Бастія-Шульце изъ Делича. Экономическій Юліанъ или Капиталь и Трудъ. Женева. 1875 г. 8°. IV стр.+1 (ненум.)+311 стр.

Рѣдкость. „Сія книга запрещена. См. каталогъ запрещенныхъ книгамъ, составленный въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати по 1 Января 1894 г. СПб. 1894 г.“

Латкинъ В. Н. Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст. Историко-юридическое изслѣдованіе. Томъ 1-й. СПетербургъ. 1887 г. VIII+III (ненум.)+595 стр.

Рѣдкость—распороданное изданіе.

Латкинъ В. Н. Земскіе Соборы древней Руси. Историко-юридическое изслѣдованіе. СПетербургъ. 1885 г. IV (ненум.)+II+440+I (ненум.) стр.

Рѣдкость, распроданное изданіе. „Цѣна 7 р. с. См. приложение къ сей книгѣ: „Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ древней Руси XVII стол.“

Латкинъ Василій. Профессоръ СПб. Унив. Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія (1619—20, 1648—49 и 1651 годовъ). Приложение къ изслѣдованію: „Земскіе соборы древней Руси“. Спѣтербургъ. 1884 г. I (ненум.) + II+IV+288+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Лебедевъ В. П., Начальникъ Моск. Сыскной Полиціи. Справочный Указатель для чиновъ полиціи. Москва. 1903 г. 12^о 160 стр. Съ портретами и рисунками. Рѣдкость.

Лебедевъ Василій. Сокращеніе грамматики латинской, въ пользу учащагося латинскому языку Россійскаго юношества. Спѣтербургъ 1746 г. II (ненум.)+335+IV (ненум.) стр.

„Книга рѣдкая. Она даже не описана у Соניкова. Смотри Соникова № 2901. Соникову извѣстно было 2-е изданіе сей грамматики, которое вышло въ свѣтъ въ 1762 году.“

Леванда Іоаннь, Протоіерей Кіево-Собійскаго Собора. Слова и Рѣчи. Спѣтербургъ. 1821 г. 3 части. Ч. 1, VIII (ненум.)+344 стр. Ч. 2, II (ненум.)+331+IV (ненум.) стр. Ч. 3, VIII (ненум.)+216+XVI стр. Рѣдкость.

Левитскій П. Лжедимитрій I. какъ пропандистъ католичества въ Москвѣ. (Историко-критическое изслѣдованіе). Спѣтербургъ. 1886 г. 182 стр. Рѣдкость.

Левшинъ А. Г., Протоіерей. Историческое описаніе первопрестольнаго въ Россіи храма, Московскаго большаго Успенскаго собора и о возобновеніи первыхъ трехъ Московскихъ соборовъ Успенскаго, Благовѣщенскаго и Архангельскаго. Съ 2-мя картинами. Москва. 1783 г. XXIV (ненум.)+272+112+III (ненум.) стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова, № 111, цѣна 5 р.“

Левшинъ В. Словарь ручной натуральной исторіи. Пер. съ француз. М. 1788 г. 2 тома. 8^о 1-й Т.—XXXII+321 стр.; 2-й Т.—X 321 стр. Рѣдкость.

Лейкинъ Н. А. Апраксинцы. Сцены и очерки. Допожарная эпоха. Изданіе исправл. и дополнен. СПетербургъ. 1864 г. II (ненум.)+201 стр. Рѣдкость.

Лекки Гартполь В. Э. Исторія возникновенія и вліянія рационализма въ Европѣ. Переводъ съ англійскаго А. Н. Пыпина. Томъ I (болѣе не выходило) СПетербургъ. 1871 г. IV (ненум.)+VII+318 стр.

Рѣдкость. „За изданіе сей книги дворянинъ Поляковъ былъ привлеченъ къ суду. См. отчетъ по этому дѣлу, производившемуся въ СПб. Судебной Палатѣ, — въ „Голосѣ“ 1871 года № 325, 327 и 330-й. См. также въ 3-мъ и 4-мъ прибавленіи къ каталогу книгъ А. Ф. Базунова. СПб. 1873 года, стр. 23-я“.

Лекціи публичныя о. профессоровъ: Геймана, Рулье, Соловьева, Грановскаго и Шевырева. Читаны въ 1851 году въ Императ. Моск. Универс. Москва. 1852 г. IV (ненум.)+70+I (ненум.)+121+I (ненум.)+70+I (ненум.)+93+I (ненум.)+134+II (ненум.) стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова за № 14 отъ 1888 года—цѣна 2 р.“

Леонтьевъ Николай. Басни. Часть 1-я (единственная). С.Петербургъ. 1766 г. VI (ненум.)+67+II (ненум.) стр.

„Вырѣзка изъ каталога Шибанова подъ № 129 отъ 1906 г.: „227. Леонтьевъ Н. Басни. Спб. 766. Совр. кож. пер. . . 2 р.— Рѣдкость.“

Лиловъ Александръ, студентъ Казан. Дух. Академіи. VI учебнаго курса. О зловредныхъ дѣйствіяхъ Езуитовъ въ отношеніи къ православной церкви въ Россіи въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Казань. 1856 года 8°. 282+1 (ненум.). стр.

Рѣдкость „Во 2-мъ выпускѣ „Исторіи Казанской Духовной Академіи“ (Казань. 1892 года), составленной Профессоромъ этой Академіи Н. Знаменскимъ, на страницѣ 34-й объ этой книгѣ говорится слѣдующее: Курсовое сочиненіе студента Лилова „О зловредныхъ дѣйствіяхъ Езуитовъ въ отношеніи къ православной церкви въ концѣ 16 и въ началѣ 17 вѣка“ оказалось работою выдающеюся. Преосвященный Казанскій Григорій самъ пересмотрѣлъ и исправилъ эту работу и распорядился напечатать на счетъ экономическихъ суммъ Академіи, а ректоръ Академіи Агаангель принялъ живѣйшее участіе въ самомъ изданіи ея и носился съ этимъ дѣломъ, какъ съ великою рѣдкостью въ академической жизни. Послѣ Монголо-Калмыцкой грамматики Бобровникова (1849 года) это, дѣйствительно, былъ только еще второй студенческой трудъ, печатавшійся Академіею на казенный счетъ. По распоряженію Академіи книга эта была напечатана (Казань, 1856 г.) всего во 100 экземплярахъ. Все изданіе было разослано въ даръ разнымъ лицамъ и чрезъ денія отъ лица Академіи и въ продажу не поступило“.

„Замѣчательныя свѣдѣнія объ Александрѣ Ильичѣ Лилловѣ сообщаются въ томъ же 2-мъ выпускѣ вышеозначенной Исторіи Казанской Академіи на страницахъ 33, 34, 35, 37 и 38“.—1901-ХІІ/1

Линде С. Б., Ректоръ Варшавскаго Лицея. О Россійской литературѣ. (Объ *Опытѣ Россійской Библіографіи* Сопикова). Переводъ съ польскаго. Вырѣзка изъ „Вѣстника Европы“ 1816 года. Ноябрь, № 22, часть 90, отъ 110 до 244 стр. Рѣдкость.

Лицей князя Безбородко, съ 2 рис. и 14 портретами. Изд. графъ Кушелевъ-Безбородко. СПБ. 1859 г. 4°. 144 стр.+208 стр. Рѣдкость.

Лобойко. О важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштейновыхъ записокъ о Россіи съ критическимъ обзорѣніемъ ихъ содержанія. Съ 2-мя портретами и картою. СПетербургъ. 1818 г. 39 стр. Рѣдкость.

Ловягинъ Евграфъ, Профессоръ Спб. Дух. Акад. Богослужебные каноны на русскомъ языкѣ. СПетербургъ. 1861 г. IV (ненум.)+VII+280 стр.

Рѣдкость. „Съ автографомъ арх. Игнатія“.

Ловягинъ Евграфъ, Проф. СПБ. Дух. Акад. Богослужебные каноны на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ. 2-е изд. СПБ. 1861 г. 4°, 2 (ненум.)+III+242 стр.

Рѣдкость. „Эта книга, въ первомъ ея изданіи, именно въ 1855 году, не вполне удовлетворила Москов. Митрополита Филарета. Онъ находилъ переводъ Проф. Ловягина не вездѣ правильнымъ и точнымъ (*Автобіограф. записки* Архіепископа Тверскаго Саввы 2-я ч., стр. 721)“.

Лончиновъ М. Н. Новиковъ и Московскіе Мартинисты. Москва. 1867 г. 8°, IV (ненум.)+IV+384+0176 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова за № 94 цѣна сей книги 10 р. с. По каталогу Ключкова за № 293 цѣна этой книги также 10 р. с. Куплено за 8 р. с.“

Лопухинъ А. П., Профессоръ Спб. Дух. Акад. Законодательство Моисея. Съ приложеніемъ трактата: „Судъ надъ Иисусомъ Христомъ, разсматриваемый съ юридической точки зрѣнія.“ СПетербургъ. 1882 г. 8°. II (ненум.)+VI+313 стр.

Рѣдкость. „Сія книга рѣдка. Извѣстный книжникъ В. И. Ключковъ, въ своемъ каталогѣ за № 389, отъ 18 авг. 1905 года, напечаталъ, что онъ, желая купить, ищетъ ея.“

Луганскій Владиміръ, Казакъ (Даль Владиміръ). Были и Небылицы. Книжка третья. СПетербургъ. 1836 г. VI (ненум.)+182 стр. Рѣдкость.

Луганскій Владиміръ, Казакъ (Даль Владиміръ.) Русскія сказки, изъ преданія народнаго изустаннаго на грамоту гражданскую переложенныя. къ быту житейскому приуроченныя и поговорками ходячими разукрашенныя Казаккомъ Владиміромъ Луганскимъ. Пятокъ первый. СПетербургъ. 1832 г. 201 стр.

Рѣдкость. „Сія сказки, по выходѣ изъ типографіи, вскорѣ, по распоряженію Правительства, были изъяты изъ продажи, а авторъ ихъ, Вл. Даль, былъ арестованъ при III отдѣленіи 27 Октября 1832 года. Поводомъ къ этому, главнымъ образомъ, послужила 5-я сказка о чертѣ-послушникѣ. См. „Книжныя Рѣдкости“ И. М. Остроглазова: „Очерки Исторіи русской цензуры“ Скабичевскаго. Сиб. 1892, стр. 230-я, „Матеріалы для библиографіи“ Березина-Ширяева Сиб. 1876 г, стр. 167; „Русскія Книжныя Рѣдкости“ Геннади № 156.—Цѣна сей книги отъ 5 до 15 р. По каталогу Ключкова № 329, за 1903 годъ, цѣна сей книги—8 р. с. Подробности исторіи мытарствъ, которымъ подвергся В. И. Даль по поводу этой книжки.—см. въ статьѣ П. И. Мельникова: „Воспоминанія о В. И. Далѣ“, помѣщенной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1873 г. Мартъ, стр. 297—299.“

Львовъ Н. Разсужденіе о перспективѣ, облегчающее употребленіе оной, въ Пользу Народныхъ Училищъ. Съ рисунками. СПетербургъ. 1789 г. IV (ненум.)+45 стр.

Рѣдкость. „См. *Книжныя Рѣдкости* И. М. Остроглазова.“

Льсковъ Н. С. Мелочи архіерейской жизни. (Картинки съ натуры). Второе изданіе, значительно дополненное съ тремя приложеніями: 1) Архіерейскіе объѣзды. 2) Епархіальный судъ. 3) Русское тайнобрачіе. Сиб. 1880 г. IV (ненум.)+III+296 стр.

„Рѣдкость, распроданное изданіе. „Цѣна по каталогу Шибонова за № 95—15 р. с.—Изданіе сей книги—2-е, и оно считается дороже, нежели 1-е изданіе.“

Любецкій С. М. Москва въ 1872 г. На память о Политехнической Выставкѣ въ Москвѣ въ 1872 г. и шестидесятилѣтія занятія ея французами въ 1812 г. Путеводитель по Москвѣ и указатель ея достопримѣчательностей. Очеркъ исторіи Москвы. Съ планомъ Москвы и Мо-

сква въ 1812 г. Французы въ Москвѣ.—Москва. 1872 г. IV (ненум.)+62+I (ненум.)+197+I (ненум.)+194 стр. Рѣдкость.

Любецкій С. Московскія старинныя и новыя гулянья и увеселенія. 4 отгиска изъ журнала „Москвитянинъ“ за 1854 г. 10+8+16+14+(149 до 162 вкл.) стр. Рѣдкость.

Любичъ-Романовичъ В. Сказанія иностранцевъ о Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Переводъ съ рукописей. Спѣтербургъ. 1843 г. II (ненум.)+64+10+14+12 стр. Рѣдкость.

Лютня. Собраніе свободныхъ русскихъ пѣсенъ и стихотвореній. Лейпцигъ. 1869 г. XVI+244 стр. Рѣдкость.

Маиссенъ Фридрихъ. Профес. Вѣнскаго Университета. Девять главъ о свободной церкви и о свободѣ совѣсти. Пер. съ нѣмецкаго съ предисловіемъ Проф. Ярослав. Лицея М. Суворова. Ярославль. 1882 г. 8°. XXXVI стр.+321 стр.+1 стр. (ненум.)+II стр.

„Рѣдко встрѣчается въ продажѣ. 1902 XI/27.“

Магазинъ свободно-каменщицеской, содержащій въ себѣ рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсни, письма, разговоры и другія разныя краткія писанія, стихами и прозою: въ 7 томахъ. а каждый томъ въ 3 частяхъ состоящій. Томъ I. Части I и II. Москва. 1784 г. Ч. I, II (ненум.)+VII—141 стр. Ч. II, 144 стр.

Рѣдкость. „По Сопикову (6137) очень рѣдка. Березинъ-Ширяевъ говоритъ (*Материалы для библиографіи*, Сиб. 1876 г. стр. 112), что третья часть этого сочиненія также была напечатана, но не выпущена для продажи. Первые двѣ части (болѣе не выходило), напечатанныя въ количествѣ 600 экзempl., не поступали въ продажу, а раздавались только членамъ масонскихъ ложъ при посѣщеніи ими собраній. Книги эти считались уже и въ то время рѣдными, но впоследствии, когда всѣ нерозданные экземпляры были уничтожены, то остальные сдѣлались *чрезвычайно рѣдкими; въ продажѣ совершенно не нагодими.*— Въ реестрѣ книгъ, взятыхъ въ деревнѣ Новикова для уничтоженія, сія книга значится подъ № 1-мъ (Лонгиновъ „Новиковъ и Московскіе Мартинисты“. М. 1867. стр. 225 и 62). Цѣна книги отъ 15 до 25 р. с.—По каталогу И. Г. Мартынова (Май—Сентябрь 1883 года) № 1911—цѣна 25 р. с.—Въ статьѣ Лонгинова (*Русск. Вѣстникъ* 1858 года; № 15, стр. 450): „Материалы для русскаго просвѣщенія“ сказано, что эта книга одна изъ рѣдчайшихъ.—Изъ каталога Шибанова № 95: „226. Магазинъ свободно-каменщицеской, содержащій въ себѣ рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсни, письма и пр. Томъ I. Части 1-я и 2-я (больше не издано). М. Въ т. И. Лонухина. 784. Совр. кож. золотисн. пер... 10 р.— „Магазинъ“ въ продажу не поступалъ, а раздавался лишь масонамъ:

оставшіеся же экземпляры вполѣдствіи были уничтожены. Соп. 6137:— „Очень рѣдка“ Губ. Ц, 59. Острогл. № 178.

Майковъ А. П. 1854-й годъ. Стихотворенія. СПетербургъ. 1854 г. 53+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Макарій, Митрополитъ Московскій. Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. Москва. 1881 г. II (ненум.)+116 стр. Рѣдкость.

Макаровъ М. Н. Русскія преданія. другая книжка. М. 1838 г. 8°. 186 стр.+1 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Макаровъ М. П. Село Рождествено-Монастыршина и Поле Куликово. Москва. 1826 г. 32 стр. Рѣдкость.

Максимовичъ Михаилъ, Профессоръ Кіевск. Унив. Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи. Рѣчь, произнесенная въ Собраніи Император. Университета Св. Владимира 2 Октября 1837 г. Кіевъ. 1837 г. II (ненум.)+41 стр. Рѣдкость.

Максимовичъ Михаилъ. Объ участіи Московскаго Университета въ просвѣщеніи Россіи. Рѣчь, говоренная въ Университетскомъ Собраніи 1830 г. 12 Января. Москва. 1830 г. 19 стр. Рѣдкость.

Малиновскій Алексій. Біографическія свѣдѣнія о князѣ Димитріи Михайловичѣ Пожарскомъ. Съ портретомъ и родословною таблицею. Москва. 1817 г. VIII (ненум.)+IV+110 стр. Рѣдкость.

Малиновскій Димитрій. Историческое разсужденіе о чинахъ греко-россійскія церкви, читанное въ публичномъ собраніи Санктпетербургской Александроневской Академіи 1805 года Февраля 16 дня. СПетербургъ. 1805 г. IV (ненум.)+89+V (ненум.) стр.

Рѣдкость. „По большому каталогу Шибанова за 1899 годъ цѣна сей книги—75 к.“

Маловъ Е. О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи. Казань. 1868 г. Изъ „Православнаго Собесѣдника“. 79+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. Съ автографомъ.

Маловъ Алексій, протоіерей. Поучительныя слова и рѣчи. СПБ. 1822, 1824 г. г. 3 части. Ч. 1. VIII (ненум.)+205 стр. Ч. 2. VI (ненум.)+175+I (ненум.) стр. Ч. 3. II (ненум.)+246+XXI (ненум.) стр. Рѣдкость.

Малышевскій Ив., Профессоръ Кіев. Дух. Акад. Александровскій Патріархъ Мелетій Пигасъ его участіе въ дѣлахъ русской церкви. Кіевъ. 1872 г. 2 тома. Т. 1, II (ненум.)+XVI+II (ненум.)+685+VIII стр. Т. 2, II (ненум.)+133+9 стр.

Рѣдкость. „Вторая часть этой книги очень рѣдка. Она сгорѣла.“

Малышевскій Ив., Профессоръ Кіев. Дух. Акад. Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ. Кіевъ. 1887. II (ненум.)+38 стр. Рѣдкость.

Малышевскій Ив., Профессоръ Казан. Дух. Акад. Доминиканецъ Яцекъ (Іакинѣъ, Hyacinthus) Одровонжъ, мнимый апостоль земли русской. Кіевъ. 1867 г. 196 стр. Рѣдкость.

Малышевскій Иванъ, Профессоръ Кіевской Дух. Академіи. Подложное письмо половца Ивана Смеры къ Великому князю Владиміру Святому. Кіевъ. 1876 г. 8°, 175 стр. Рѣдкость.

Малышевскій Иванъ, Проф. Кіевской Дух. Акад. Происхожденіе Русской Великой Княгини Ольги Св. Кіевъ. 1889 г. 8°. 71 стр. Рѣдкость.

Малышевскій И., Профессоръ Кіевской Дух. Акад. Сказаніе о посѣщеніи русской страны Св. Апостоломъ Андреемъ. Кіевъ. 1888. II (ненум.)+51 стр. Рѣдкость.

Мальмиъ Тимофей, членъ Императорской Россійской Академіи. Опытъ историческаго изслѣдованія и описанія старинныхъ судебныхъ мѣстъ Россійскаго Государства и о качествѣ лицъ и дѣлъ въ оныхъ. СПБ. 1803 года 8°. 5 (ненум.)+II+115 стр. Рѣдкость.

Манифестъ Екатерины II-й 1774 г. Декабря 19 дня и *Сентенція* о *Емелькѣ Пугачевѣ*. Москва. 1775 г. (87—140 стр. включ.) Рѣдкость.

Манифесты Высочайшіе, рескрипты и телеграммы, послѣдовавшіе на имя Московскаго Генераль-Губернатора Князя Владиміра Андрее-

вича Долгорукова. 1865—1888. Москва. 1888 г. Съ портретомъ князя В. А. Долгорукова. II (ненум.)+369 стр. Рѣдкость.

Мансветовъ И., Профессоръ Моск. Дух. Акад. Церковный Уставъ (Типикъ), его образование и судьба въ греческой и русской церкви. Москва. 1885 г. IV+448+I (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Диссертація докторская.“

Марковичъ Яковъ, Малороссійскій Подскарбій Генеральный. Дневныя записки его. Съ 2-мя портретами. Москва. 1859 г. 2 части (въ одномъ томѣ). Ч. 1, II (ненум.)+XIV+520+II (ненум.) стр. Ч. 2, II (ненум.)+414+II (ненум.) стр.

Рѣдкость. „По каталогу Ключкова за № 319, 1902 года, цѣна сей книги—6 р. с.“

Мартыновъ И. Г. Каталогъ русскихъ антикварныхъ книгъ 1883—1888 г. г. №№ 10386. СПб. 8°. 1883 г. Январь Февраль—32+2 стр. (ненум.); Мартъ-Апрѣль—1 (ненум.)+64 (счетъ съ 33 стр.)+2 стр. (ненум.); Май-Сентябрь—3 (ненум.)+96 (счетъ съ 65 стр.)+2 стр. (ненум.); 1885,—1 (ненум.)+160 (счетъ съ 97 стр.)+4 стр. (ненум.) 1886 г.—1 (ненум.)+224 (счетъ съ 161 стр.)+2 стр. (ненум.); 1887 г.—IX—XI+288 (счетъ съ 225 стр.)+XII—XIII+2 (ненум.)+XVI—XIX+403 стр. (счетъ съ 289 стр). Рѣдкость.

Масонъ безъ маски или подлинныя таинства масонскія, изданныя со многими подробностями точно и безпристрастно. СПетербургъ 1784 г. IV (ненум.)+VII+114+II (ненум.) стр.

Рѣдкость. „См. „Книжныя рѣдкости“ Ив. Мих. Остроглазова.“

Массильйонъ, Епископъ Клермонскій. Бесѣды его, собранныя и расположенныя въ систематическомъ порядкѣ. СПетербургъ. 1824, 1825 г. г. 7 частей. Ч. 1, VI (ненум.)+592+II (ненум.) стр. Ч. 2, VI (ненум.)+492+II+(ненум.) стр. Ч. 3, VI (ненум.)+535+II (ненум.) стр. Ч. 4, VI (ненум.)+535 стр. Ч. 5, VI (ненум.)+503 стр. Ч. 6, VI (ненум.)+555+II (ненум.) стр. Ч. 7, VI (ненум.)+519 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Н. В. Соловьева, Спб. № 19,—12 р. с.“

Матеріалы для біографіи княгини Е. Р. Дашковой: 1) Біографія Дашковой. Лейпцигъ. 168 стр. 2) Воспоминанія княгини Е. Р. Даш-

ковой. Лейпцигъ, 327 стр. 3) Письма изъ Россіи, 1895—1807 г. г., миссъ Катринъ Цильмотъ. Лейпцигъ, 96 стр. Рѣдкость.

Матеріалы для біографіи К. Н. Тихонравова. Письма къ нему разныхъ лицъ. (Изданіе въ количествѣ 50 экз. . подъ редакціей А. В. Смирнова, не для продажи). Съ портретомъ К. Н. Тихонравова. Владиміръ. 1900 г. IV (ненум.)+II+I (венум.)+408 стр. Рѣдкость.

Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. Членомъ разныхъ ученыхъ Обществъ № II. Библиографическіе листы 1825 года. СПетербургъ. 1826 г. VIII (ненум.)+725 стр.

Рѣдкость. „Особенно рѣдокъ этотъ 2-й выпускъ. За полное, въ 3-хъ Выпускахъ. изданіе—цѣна отъ 30 до 40 рублей. См. „Русскія книжныя рѣдкости“ Ник. Березина. М. 1902 г., стр. 66, № 243. Цѣна этого 2-го выпуска—15 р.“

Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. Магистромъ Правовѣдѣнія, Докторомъ Философіи и Членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. № III. СПетербургъ. 1827 г. IV (ненум.)+260 стр. Рѣдкость.

Мицкевичъ Н. Гвардейскій отрядъ почетнаго конвоя Его Величества въ Турецкую войну 1877—1878 г. Варшава. 1880 г. XII+288+68 стр.; съ 6 картинами. Рѣдкость.

Медовиковъ П. Латинскіе императоры въ Константинополѣ и ихъ отношенія къ независимымъ владѣтелямъ греческимъ и туземному народонаселенію вообще. Историческое изслѣдованіе на степень Магистра. Москва. 1849 г. XI+164 стр. Рѣдкость.

Мельниковъ П. И. Описаніе празднества, бывшаго въ СПетербургѣ 6-9 апрѣля 1865 года по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова СПб. 1865 г. 4°. Съ рисунками. 46+4 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Мельниковъ П. И. Письма о расколѣ. I—V. СПетербургъ. 1862 г. IV (ненум.)+95+I (ненум.) стр. Рѣдкость.

Мельниковъ П. 1) Тайныя секты. Вырѣзка изъ „Русскаго Вѣстника“ № 5, 1868 г. (болѣе не выходило). 2) Бѣлые голуби. Вы-

рѣзки изъ „Русскаго Вѣстника“ №№ 3 и 5—1869 г. (болѣе не выходило). (5—70 стр. вкл.)+(311—416 стр. вкл.)+(244—294 стр. вкл.)
Рѣдкость.

Memoires inedits de l'amiral Tchitchagoff. Campagnes de la Russie en 1812 г. contre la Turquie. l'Autriche et la France. Berlin. 1855 г. 8°. 88 стр. Рѣдкость.

Мердеръ К. К., Воспитатель Цесаревича Александра Николаевича. Записки его. 1824—1834 г.г. Оттиски изъ историческаго журнала „Русская Старина“, изд. 1885 г. СПетербургъ. 1885 г. II (ненум.)+183 стр.; съ 2-мя портретами. Рѣдкость.

Мержеевскій В., Докторъ Медицины. Судебная гинекологія. Руководство для врачей и юристовъ. СПетербургъ. 1878 г. IV (ненум.)+III+II+550 стр.

Рѣдкость. „Цѣна сей книги по каталогу Шибанова за № 94—15 р. с.“

Мѣсонъ Іоаннъ. Разсужденіе о познаніи самого себя, въ которомъ показывается сущность и важность, превосходство и великая польза сей глубокой науки, также и средства къ достиженію оной. Новый переводъ съ Нѣмецкаго, по Англійскому подлиннику исправленный. М. 1820 г. 3 части (въ одной книгѣ). XVI (ненум.)+XVI+402+V (ненум.) стр. Рѣдкость.

Миллеръ Герардъ Фридерикъ. Книга степенная царскаго родословія, содержащая исторію російскую съ начала оной до временъ Государя Царя и Великаго князя Іоанна Васильевича. М. 1775 г. 2 части. 4°. Часть I-я—VIII+580 стр. Часть II-я—298 стр.

„Рѣдкость. См. Книжныя рѣдкости. И. М. Осроглазова. Цѣна до 10 руб.“

Миллеръ Герардъ Фридерикъ. Описаніе Сибирскаго Царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Російской Державѣ по сіи времена. Книга первая (болѣе не выходило). СПБ. 1750 г. XVI (ненум.)+457+XXXIII (ненум.)+84 стр.

„Книга рѣдкая; по Соникову она была продана Академическимъ Комитетомъ въ 1808 году на всѣ по 4 р. 5 к. за пудъ въ количествѣ 429 экземпляровъ. Этими, между прочимъ, и объясняется ея рѣдкость.—Изъ каталога Шибанова № 95: „245. Миллеръ,

Г. Описаніе Сибирскаго царства и всѣхъ произшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала по сіи времена. Книга I (единств.). Сиб. 750. 4°. Совр. кож. пер. . . . 10 р.“

Миллеръ Ор. Церковь и Византіѣство. (памяти Ф. А. Терновскаго и по адресу В. С. Соловьева). Года и мѣста печати нѣтъ *) 28 стр.

Рѣдкость. „Превосходная статья!“

Милютинъ Владиміръ. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. Изслѣдованіе. Москва. 1859 г. VI (ненум.)+VIII+571 стр.

„Очень рѣдкая книга. Букнисты печатають въ своихъ каталогахъ, что они, желая купить эту книгу, ищуть ее. См. каталогъ Шибанова за № 76, 1897 года“.

Минъ Г. П., Профес. Кіевскаго Университета. Отчетъ объ Астраханской эпидеміи. Веглянская эпидемія. Отдѣлъ 1-й съ 11 планами и рисунками. М. 1881 г. 4°. 1 стр. (ненум.)+XVII столбц.+242 столбц.

„Рѣдкость. Въ продажѣ не было“.

Мирбо О. Дневникъ горничной. Переводъ съ французскаго. Москва. 1906 г. 512 стр.

Рѣдкость. „Конфискована.“

Михаилъ. архимандритъ. О Евангеліяхъ и евангельской исторіи. По поводу книги „Жизнь Иисуса“, соч. Э. Ренана. Опытъ обзора и разбора такъ называемой отрицательной критики евангелій и евангельской исторіи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. М. 1870 г. IV (ненум.)+362 стр.

Рѣдкость. „Это сочиненіе есть докторская диссертація“.

Михаилъ, архимандритъ. Основныя положенія (тезисы) сочиненія: „О Евангеліяхъ и евангельской исторіи“. М. 1870 г. 8 стр.

Рѣдкость. „Это тезисы къ Докторской диссертаціи.“

*) Эта статья была помѣщена въ *Кіевской Старинѣ* (1884 г., кн. 11). См. книгу Г. Д. Изыкова: „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей“, М. 1905 г., вып. IX, стр. 48.

Мицкевичъ А., Профес. Харьковскаго Университета. De juris gotani indole. Харьковъ 1848 г. 8^о, 38 стр. Переплетено вмѣстѣ съ книжкой: Фитера А. Вступительная лекція теорической философіи. Рѣдкость.

Монастырь Соловецкій и описаніе бомбардированія его Англичанами 7-го Іюля 1854 года. Съ 3-мя рисунками. М. 1855 г. 46 стр. Рѣдкость.

Морокиль А. О. Сборникъ статей. Церковные вопросы: единоувѣріе и старообрядчество. Отдѣлъ второй. Москва. 1888 г. II (ненум.)+ (187—430 вкл.) стр.

Рѣдкость. „Это изданіе арестовано, а потому въ свѣтъ и не выходило.“

Москва въ родной поэзіи. Сборникъ подъ редакціей С. И. Пономарева. СПетербургъ. 1880 г. IV (ненум.)+250+23 стр.

„Рѣдкость; распроданное изданіе. Цѣна 1 р. 25 к.“

Мудровъ Матвій. Слово о благочестіи и нравственныхъ качествахъ Гипократова врача. на обновленіе въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Медицинскаго Факультета въ торжественномъ его собраніи 1813 года Октября 13-го дня. М. 1814 г. 54 стр. Рѣдкость.

Мунъ С., Проф. въ Collège de France. Еврейскія древности. Пер. съ франц. Д. Смышляевъ. Пермь. 1880 г. 8^о. 283 стр.+III стр. Рѣдкость.

Муравьевъ М. Н. графъ. Записки его объ управленіи Сѣверо-Западнымъ Краемъ и объ усмиреніи въ немъ мятежа и другія статьи по поводу этого мятежа. Съ портретомъ гр. М. Н. Муравьева. (387—432 стр. вкл.)+(623—646 стр. вкл.)+(131—166 стр. вкл.)+(291—322 стр. вкл.)+(535—584 стр. вкл.)+(323—350 стр. вкл.)+(193—230 стр. вкл.).

„Рѣдкость.—Статьи изъ *Русской Старины*. Графъ М. Н. Муравьевъ. 1. Записки о мятежѣ въ С.-З. краѣ, 1863 г. 4 главы. 2. Графъ Ф. Ф. Бергъ. 3. Варшава въ 1860 и 1861 г. 4. Польская смута 1861 г. Собраніе писемъ. 5. Приложение къ „Запискамъ графа М. Н. Муравьева“ (переписка, стихотворенія, очерки и разсказы).“

„Эти записки были свѣрены съ рукописью, которую я получилъ отъ родственника покойнаго графа Мих. Ник. Муравьева, и всѣ вставки въ этихъ запискахъ сдѣланы по этой рукописи. В. Остроглазовъ. 1905. VII 20.“

Муравьевъ Ник. Назарьевичъ. Описаніе древней Новгородской се-себряной гривны и ея рублей и пр. съ планомъ и 2-мя таблицами рисунковъ. М. 1826 г. 4°. 18 стр.

„Рѣдкость. См. *Книжныя рѣдкости* И. М. Остроглазова“.

Мусинъ-Пушкинъ Ал. Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Тмураканскаго княженія. Съ одною таблицею и двумя рисунками, СПБ. 1794 г. VIII (ненум.)+IV+64+III (ненум.)+LXXIV стр.

Рѣдкость. „Цѣна отъ 6 до 12 рубл. Смотри *Русскія Книжныя рѣдкости* Ник. Березина, Москва, 1902 года, № 367.“

Мухинъ Алексій. студентъ Моск. Дух. Акад. Разсужденіе о праздникахъ, совершаемыхъ въ честь Пресвятыя Богородицы. Москва, 1838 г. II (ненум.)+62 стр. Рѣдкость.

Мысль (Свободная.) Май, Іюнь и Іюль 1900 года. Женева. 112 стр. (счетъ съ 65 стр.) Рѣдкость.

Мѣсяцесловъ Санктпетербургскій карманный на лѣто отъ Рождества Христова 1812, которое есть високосное. содержащее въ себѣ 366 дней. Печатано при Императорской Академіи Наукъ. 271+II (ненум.) стр. Рѣдкость.

На баррикадахъ. Драма въ 1-мъ дѣйствіи. Безъ означенія мѣста и времени изданія. 20 стр.

Рѣдкость. „Заарестована.“

Надлеръ В. К. Профессоръ Харьков. Унив. Императоръ Александръ I и идея священнаго союза. Рига. 1886—1892 г. г. 5 томовъ. Т. 1. VI (ненум.)+IV+378 стр. Т. 2. VI (ненум.)+IV+384 стр. Т. 3, VI (ненум.)+V+IV+432 стр. Т. 4. VI (ненум.)+VI+458 стр. Т. 5, VI (ненум.)+VIII+643 стр.

Рѣдкость. „Цѣна 15 р. с.“

Надлеръ В. К. Профессоръ Харьков. Университета. Меттернихъ и Европейская реакція. Харьковъ, 1882 г. 8°. XV+286 стр. Рѣдкость.

Найденовъ П. А. Воспоминанія о видѣнномъ, слышанномъ и испытанномъ. Напечатаны для лицъ принадлежащихъ и близкихъ къ роду составителя. М. 1903 г. 8°. 113 стр.

„Рѣдкость. Напечатано въ количествѣ 100 экземпляровъ. 1906, XI—12.“

Нарциссовъ Алексѣй, учитель нѣмецкаго языка въ Слав. Греко-Латинской Академіи. Зрѣлица креста Христова. Пер. съ иностраннаго. М. 1810 г. 8°, 3 (ненум.)+48+1 стр. (ненум.) Рѣдкость.

Нарѣжскій Василій. Бурсакъ, малороссійская повѣсть. М. 1824 г. 4 части. Ч. 1. 164+1 (ненум.) стр. Ч. 2. 177+1 (ненум.) стр. Ч. 3. 200+1 (ненум.) стр. Ч. 4, 208+1 (ненум.) стр. Рѣдкость.

Нарѣжскій Василій. Россійскій Жилблазъ. или похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова. СПБ. 1814 г. Часть 1-я; 2-й нѣтъ; 3-я не вся. Ч. 1. VI+233 стр. Ч. 3. 238 стр.

Рѣдкость. „Сія книга подарена мнѣ Петромъ Александровичемъ Ефремовымъ. В. Остроглазовъ“.

На славномъ посту (1860—1900). Литературный Сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому. Спб. 1900 г. VI+II (ненум.)+ 516 стр. Съ портретомъ.

Рѣдкость. „По каталогу Мелина за № 1-мъ, Спб. 1905 года, цѣна сей книги 20 р.— „Новости Дня“, № 8016, отъ 9-го Октября 1905 года: „2-ое изданіе извѣстнаго сборника, посвященнаго Н. К. Михайловскому, по случаю 50-лѣтія его дѣятельности на славномъ посту, задержано цензурой.“

Настѣдство миллионное и акулы Зимняго дворца. Женева: 1898 г. 23 стр. Рѣдкость.

Наставленіе о лъченіи перемежающихся тхорадокъ плевой куринаго яйца. Составлено Штабъ-Лѣкаремъ И. Д. СПБ. 1853 г. 16 стр. Рѣдкость.

Наумовъ П. Объ отношеніяхъ россійскихъ князей къ монгольскимъ и татарскимъ ханамъ отъ 1224 по 1480 годъ. СПБ. 1823 г. 4°. 83 стр. Рѣдкость.

Начертаніе хронологическое ояній блаженныя памяти Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ пользу состоявшихъ подъ Высочайшимъ Ея покровительствомъ заведеній. Спб. 1836 г. 74 стр. Рѣдкость.

Небольсинъ Навель. Покореніе Сибири. Историческое изслѣдованіе. Спб. 1849 г. IV (ненум.)+146+112 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Шибанова № 94—15 р. По каталогу Ключкова № 178—25 р. По каталогу Ключкова № 252—25 р.—Любопытныя свѣдѣнія объ этой книгѣ можно читать въ сочиненіи Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина,“ книга 10-я, стр. 108-9. Тутъ говорится, что эта книга произвела большой переполохъ. Графъ С. Г. Строгановъ жаловался офиціально на автора, какъ отвергающаго заслуги его предковъ,“

Певзоровъ Максимъ. Наполеонова политика или царство гибели народной и состояніе европейскихъ государствъ до начатія французской войны 1812 года. Изд. 2-е съ фронтисписомъ. М. 1813 года. 16°. VIII+102 стр.

„Рѣдкость. См. *Книжныя рѣдкости* И. М. Остроглазова.“

Неволинъ К. А. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора. Спб. 1857—1859 г.г. 6 томовъ. Т. 1, XXVI+I (ненум.)+501 стр. Т. 2, X+I (ненум.)+513 стр. Т. 3, XVI+444 стр. Т. 4. XIII+446 стр. Т. 5, XII+524 стр. Т. 6, V (ненум.)+643 стр. Рѣдкость.

Нечаевъ Александръ, студентъ Москов. Дух. Академіи седьмого курса. Разсужденіе объ объѣгѣ Іефоя. М. 1830 г. 4°. 20 стр. Магист. диссертация. Рѣдкость.

Нечаевъ Василій (Епископъ Костромской Виссаріонъ). Св. Димитрій, Митрополитъ Ростовскій. М. 1849 г. 8°. II+203+2 (ненум.) стр.

Рѣдкость. „Сочиненіе это, можно сказать, написано не Нечаевымъ, а Профессоромъ Москов. Дух. Академіи А. В. Горскимъ. Оно одно изъ самыхъ лучшихъ сочиненій, написанныхъ на степень Магистра. Таковыми же могутъ считаться сочиненія „О единствѣ рода человѣческаго“ Кудрявцева и „Объ ересяхъ“ Руднева. См. Богословскій Вѣстникъ. Іюнь 1901 г., стр. 393-я.“

„Сочиненіе сіе, хотя и приписывается В. И. Нечаеву (впослѣдствіи Епископу Костромскому), какъ написанное имъ на степень Магистра въ Москов. Дух. Академіи, но оно на самомъ дѣлѣ было составлено Профессоромъ этой Академіи А. В. Горскимъ. о чемъ и сохранилось преданіе среди академиковъ, что и подтверждается данными, изложенными въ книгѣ Н. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина“. кн. 11-я стр. 220 и далѣе (Спб. 1897 г.).“

Никитинъ П. Исторія города Смоленска. 1847. М. 1848 г. II (ненум.)+VI+316+LXVI+XI+IV (ненум.) стр. Съ планомъ. Рѣдкость.

Никитниковъ Герасимъ, студентъ Моск. Дух. Акад. Разсужденіе объ епитиміяхъ. М. 1838 г. 67 стр. Рѣдкость.

Никольскій Александръ, студентъ Моск. Дух. Акад. Разсужденіе о томъ, что Владыка Израилевъ, о которомъ говоритъ пророкъ Михей въ гл. V, ст. 2—есть Мессія Іисусъ. М. 1838 г. 38 стр. Рѣдкость.

Никольскій Константинъ, священникъ. Анаѳематствованіе (отлученіе отъ церкви), совершаемое въ первую недѣлю великаго поста. Историческое изслѣдованіе о чинѣ православія. Спб. 1879 г. VI+314+I (ненум.) стр. Съ изображеніемъ иконы.

Распроданное изданіе.

Нилъ Архіепископъ Ярославскій. Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири. Спб. 1858 г. IV (ненум.)+386 стр.

Рѣдкость. „По каталогу Клочкова за № 319, 1902 г., цѣна сей книги 5 руб. В. Остроглазовъ. 1902, IX—14“.

Новиковъ Евгеній. Гусъ и Лютеръ. Критическое изслѣдованіе. М. 1859 г. 2 части. Ч. 1. VI (ненум.)+356 стр. Ч. 2, IV (ненум.)+468 стр.

„Рѣдкое изданіе. По большому каталогу Шибанова за 1899 годъ цѣна 10 р. с.“

Новиковъ Николай. Опытъ историческаго словаря о русскіихъ писателяхъ. Изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій. Спб. 1772 г. XI (ненум.)+264 стр. Рѣдкость.

Новицкій Орестъ, Профессоръ Кіев. Универс. Объ упрекахъ, дѣлаемыхъ философіи въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи, ихъ силѣ и важности. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Университета Св. Владиміра 15 Іюля 1837 года. Кіевъ. 1838 г. II (ненум.)+50 стр. Рѣдкость.

Новицкій Орестъ, профессоръ Кіев. Дух. Акад. О первоначальномъ переводѣ священнаго писанія на славянскій языкъ. Кіевъ 1837 г. II (ненум.)+81 стр. Рѣдкость.

Нордовъ В. протоіерей. Поученія православнаго священника къ своимъ прихожанамъ. Вологда. 1860 г. II + 286 стр. Рѣдкость.

Потовицъ Николай. Европа наканунѣ войны. М. 1889 г. 169 стр.

Рѣдкость. „Это изданіе въ свѣтъ выпущено не было. 1200 экз. его съ 1889 находится подъ арестомъ въ Московскомъ Губернскомъ Архивѣ.“

Нѣсколько словъ о Г-жѣ Медвѣдовой и объ игрѣ главныхъ артистовъ Москов. драматич. сцены. М. 1859 г. 12°. 16 стр.

„Рѣдкость. См. Геннадіи № 202. Остроглазовъ И. М. „Книжныя рѣдкости“ № 200 1906, XI—18.“

Обзоръ (краткій) книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ. 1782—1882. Съ 5 гравир. портретами и 8 снимками съ писемъ. СПБ. 1903 г. 98+74 стр. Рѣдкость.

Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о свободѣ законовъ. Сочиненіе Графа М. М. Сперанскаго. СПБ. 1833 г. 8°. 1—194 стр. + 198—200 + VII стр. Рѣдкость.

Обряды Еврейскіе или описаніе церемоній. Съ 4 картинами. 8° Орель 1830 г. 332+III стр.

Рѣдкость. „Въ большомъ каталогѣ за 1899 г. Шибанова сія книга значится „рѣдкою“; цѣна ей назначена 3 руб.“.—

Общество пропаганды въ 1849 г. Собраніе секретныхъ бумагъ и высочайшихъ конфирмацій. Лейпцигъ. 1875 г. 12°. 181 стр. Рѣдкость.

Объясненія на сочиненія Державина, имъ самимъ диктованныя родной его племянницѣ, Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой въ 1809 г. 4 части. 1 ч. IV+72, II-я ч. 114., III-я ч. 50 и IV-я ч. 11 стр. (въ одной книгѣ) СПБ. 1834 г. 8°. Рѣдкость.

Объятія нлжныя въ бракъ и потѣхи съ любовницами продажными изображены и сравнены правдолюбомъ. СПБ. 1799 г. 8°. 2 стр. (ненум.)+240 стр.

„Книга сія очень рѣдкая. Цѣна ей отъ 10 до 15 рублей. См. „Описаніе рѣдкихъ російскихъ книгъ“ Бурцева. часть 3-я, № 507. См. Губерти 2 выпускъ, стр. 632.“

О Великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ 1835 г. 8°. 190 стр. Рѣдкость.

Оинскій. А. Собраніе коренныхъ словъ греческаго языка, расположенныхъ по азбучному порядку, съ приложеніемъ трехъ главъ ихъ Священнаго писанія для чтенія. СПБ. 1823 г. V+I (ненум.)+98 стр. Рѣдкость.

Оленинъ Алексій. Описаніе краткое Египетской купчей крѣпости, писанной въ городѣ Птолемаидѣ за 104 г. до Р. Х. съ рисункомъ. СПБ. 1822 г. 27 стр.

„Рѣдчайшая брошюра. См. каталогъ Ключкова отъ 1901 г. за № 289, гдѣ цѣнность сей брошюры означена 15 рублей.—На оборотной сторонѣ обложки находится надпись, которая, по мнѣнію В. М. Остроглазова, сдѣлана рукой гр. Аракчеева.—

Олесницкій Акимъ, Доцентъ Кіев. дух. Акад. Ритмъ и метръ ветхозавѣтной поэзіи. Изслѣдованіе. Кіевъ. 1873 г. II (ненум.)+235 стр. Рѣдкость.

Олесницкій Акимъ, Э. Профес. Кіев. дух. Акад. Святая земля. Съ рисунками. Кіевъ. 1875, 1878 г. г. 2 тома. Т. 1, 555+II (ненум.) стр. Т. 2, IV+II (ненум.)+654+II+II стр.

Рѣдкость. „По каталогу Тузова за 1903 годъ цѣна сей книги—10 р. с., причемъ въ этомъ каталогѣ напечатано, что въ продажѣ имѣется только одинъ экземпляръ.—Куплена въ Кіевѣ 16 Іюня 1902 г. Замѣчательной трудъ проф. А. Олесницкаго, „Святая Земля“ можетъ быть смѣло поставленъ на ряду съ знаменитыми изслѣдователями Палестины: Робинсономъ, Тоблеромъ, Сольси и Мюнхенскимъ Профессоромъ Сеппомъ. (См. Древняя и Новая Россія, 1876 годъ, № 7, стр. 287.)—Часть 1-я этого сочиненія была написана, какъ докторская диссертация.“

Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 юду Февраля 5-го, при бракосъчетаніи Государя, царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича съ Государынею Царицею Евдокіею Лукьяновною изъ рода Стрѣшневыхъ. М. 1810 г. 4°. Съ 65 раскраш. картинами. 137 стр.

„Рѣдкая книга особенно съ 65-ю раскрашенными картинами. См. *Книжныя рѣдкости* И. М. Остроглазова. Цѣна до 60 руб. Смотри *Русскія книжныя рѣдкости* Николая Березина. М. 1902 г. стр. 104-я, № 410. Чаше попадается съ 63 рисунками 1904 X—8.“

Описаніе Кіево-Печерской Лавры съ присовокупленіемъ разныхъ грамматъ и выписокъ, объясняющихъ оное, также плановъ Лавры и обѣихъ пещеръ. Изд. 2-е испр. и умноженное. Кіевъ. 1831 года. 4°. 366 стр.+5 стр. (ненум.) Рѣдкость.

„СЕЙ ОСТАЛЬНОЙ ИЗЪ СТАИ СЛАВНОЙ“

Памяти Александра Платоновича Барсукова.

(Къ сороковому дню его кончины 24 Мая 1914 г.).

Прекрасный знатокъ церковной и общественной жизни Москвы за прошлое время, Владиміръ Константиновичъ Истомина, въ одномъ изъ своихъ воспоминаній о минувшемъ отмѣтилъ весьма любопытный эпизодъ. „Лѣтъ пятнадцать тому назадъ — вспоминалъ онъ въ 1906 году — къ только-что прибывшему въ Москву для управленія Новоспасскимъ монастыремъ бывшему епископу Смоленскому Нестору, въ числѣ желавшихъ съ нимъ познакомиться, пріѣхалъ Иванъ Платоновичъ Барсуковъ. Когда, представляясь, онъ назвалъ свою фамилію, преосвященный спросилъ его: „Который — Барсуковъ? *Полодинъ? Родъ Шереметевыхъ* или *Митрополитъ Иннокентій?*..“ — „Послѣдній“ отвѣчалъ тотъ, крайне польщенный вопросомъ епископа“ (*Московскія Вѣдомости* 1906 г., № 127).

Такъ, подобно епископу Нестору, въ теченіе многихъ лѣтъ и другія лица различали трехъ родныхъ братьевъ Барсуковыхъ, симпатичныхъ членовъ почтенной и трудолюбивой семьи, пока постепенно не замерла ихъ добрая и плодотворная дѣятельность. Первымъ скончался (14 Апрѣля 1906 г.) младшій изъ нихъ, уже упомянутый Иванъ Платоновичъ, авторъ обширныхъ біографій Московскаго митрополита Иннокентія и графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго: за нимъ скоро послѣдовалъ въ могилу (23 Ноября 1906 г.) самый старшій братъ — Николай Платоновичъ, почти всецѣло посвятившій свои силы и мѣткое перо изслѣдованію „Жизни и трудовъ М. П. Погодина“: наконецъ, 15 Апрѣля нынѣшняго года угасъ и послѣдній изъ нихъ — Александръ Платоновичъ, извѣстный археологъ, историкъ и генеалогъ, особенно прославившій свое имя монументальнымъ трудомъ: „Родъ Шереметевыхъ“.

Потомокъ старинной дворянской фамиліи, занесенной въ шестую часть родословной книги Тамбовской губерніи,—ведшій свое происхожденіе отъ тѣхъ своихъ предковъ „мещеряковъ-вотчинниковъ“, которымъ отъ царя Алексѣя Михайловича „были жалованы помѣстья въ Борисоглѣбскомъ стану за вѣрную ихъ службу Престолу и Отечеству“ (1645—1648 гг.),—Александръ Платоновичъ Барсуковъ родился 4 Декабря 1839 года въ тамбовскомъ имѣніи отца и тамъ же съ братьями провелъ свое раннее дѣтство. Послѣ тщательнаго домашняго воспитанія и солиднаго образованія, онъ съ молодыхъ лѣтъ, по примѣру многихъ русскихъ дворянъ, вступилъ въ ряды арміи и началъ свою военную службу. Между прочимъ, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, ему пришлось служить въ Польшѣ. Зорко присматриваясь къ состоянію и настроенію только-что замиреннаго края, молодой образованный офицеръ задумалъ передать печати свои внимательныя наблюденія и живыя замѣтки. Съ этою цѣлію онъ отправилъ вереницу корреспонденцій въ Москву къ М. П. Погодину, который тогда же и напечаталъ ихъ въ своей газетѣ *Русскій* (1867—1868 гг.).

Успѣхъ этихъ первыхъ литературныхъ работъ и сочувственное ободреніе со стороны Погодина побудили начинающаго автора покинуть военную службу и переѣхать въ Петербургъ, чтобы тамъ серьезнѣе заняться разработкою матеріаловъ по русской исторіи. И дѣйствительно, съ начала семидесятыхъ годовъ изъ-подъ пера А. П. Барсукова послѣдовательно выходятъ такіе очерки, какъ, на примѣръ, „Шкловскіе авантюристы“, 1778—1783 гг. (*Заря* 1871 г., кн. 1), „Узникъ Спасо-Евѣиміева монастыря“ (*тамъ же*, кн. 12), „Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ“ (*Русскій Архивъ* 1873 г., кн. 2), „Историческія лица въ головѣ престолюдина“ (*тамъ же*, кн. 10), „Иоасафъ Батуриный“ (*Древняя и Новая Россія* 1875 г., кн. 2), „Батюшковъ и Опочининъ“ (*тамъ же* 1878 г., кн. 12). Эти интересныя по содержанію и живо написанныя статьи, притомъ основанныя на новыхъ данныхъ, затѣмъ были собраны авторомъ въ одну книгу, изданную подъ заглавіемъ: „Разказы изъ русской исторіи XVIII вѣка, по архивнымъ документамъ“ (Спб. 1885 г., 284 стр.), и послужили къ назначенію его членомъ Археографической Коммиссіи, а позже доставили ему службу въ Департаментъ Герольдіи.

Съ восьмидесятыхъ же годовъ еще болѣе расширилась и углубилась учено-литературная дѣятельность А. П. Барсукова. Цѣнными плодами ея явились: „Россійское благородное собраніе въ Москвѣ по сох-

ранившимся архивнымъ документамъ“, съ приложеніемъ правилъ 1803 г. и устава 1849 г. (М. 1886 г., 66 стр.), „Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія“, по поводу книги П. Н. Петрова: „Исторія родовъ русскаго дворянства“ (Спб. 1887 г., 96 стр. съ одною таблицею), „Автобіографическія показанія прадѣда Пушкина А. П. Ганнибала и дядица Петра Великаго А. К. Древника“ (*Русскій Архивъ* 1891 г., кн. 5), „Свѣдѣнія объ Юхотской волости и ея прежнихъ владѣльцахъ, князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ“ (Спб. 1894 г.), „Рескриптъ Екатерины Великой сенатору Маврину“ (*Русскій Архивъ* 1896 г., кн. 3), „О перевезеніи тѣла Лермонтова“ (*тамъ же*, кн. 4), „Письма къ графу П. А. Румянцову отъ его родителей“, 1745—1768 гг. (Спб. 1900 г., 35 стр. съ предисловіемъ и примѣчаніями), „Письма Филарета, впослѣдствіи епископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, къ Н. Н. Шереметевой“, 1835—1849 гг. (Спб. 1900 г.) „Списокъ городскихъ воеводъ и другихъ лицъ воеводскаго управленія Московскаго Государства XVII столѣтія“ (Спб. 1902 г., IX+611 стр.), „Семь собственноручныхъ писемъ и записокъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго къ графу П. А. Румянцову-Задунайскому“, 1769—1788 гг. (*Старина и Новизна* 1902 г., кн. 5) и „Родословіе Шереметевыхъ“ (Спб. 1904 г.).

Названныя работы Александра Платоновича, какъ ни были значительны нѣкоторыя изъ нихъ, все-таки являлись какъ бы случайными, второстепенными произведеніями его пера, такъ какъ въ тотъ же періодъ времени онъ почти всецѣло былъ занятъ самымъ главнымъ трудомъ—изслѣдованіемъ, посвященнымъ многолѣтней исторіи Шереметевскаго рода,—этой самой замѣчательной стародворянской фамиліи Россіи. Пользуясь обширными, часто необнародованными матеріалами изъ разнообразныхъ учрежденій, имѣя всегда подъ рукою грамоты, акты, купчія и закладныя, старинную переписку и другія бумаги изъ богатаго семейнаго архива гр. С. Д. Шереметева, неутомимый изслѣдователь медленно, но постепенно создавалъ капитальный трудъ, который затѣмъ съ небольшими промежутками выходилъ въ свѣтъ, подъ заголовкомъ: „Родъ Шереметевыхъ“ (Спб. 1881—1904 гг., восемь изящно изданныхъ томовъ со многими снимками, рисунками, чертежами), и на своихъ страницахъ впервые ярко освѣтилъ доблестныхъ предковъ знаменитой старо-русской Шереметевской семьи.

Во все описанное нами время Александръ Платоновичъ, постоянно занятый историческими и генеалогическими изысканіями, проживалъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ Николаемъ Платоновичемъ, на Большой

Морской улицѣ, во дворѣ дома Тура. Помѣщеніе обоихъ братьевъ— тружениковъ, домашняя обстановка ихъ окружавшая, кружокъ горячо преданныхъ имъ друзей,—все это рельефно изображено отчасти Влад. Констант. Истоминымъ, отчасти гр. Павломъ Сергіевичемъ Шереметевымъ*). По воспоминаніямъ этихъ близкихъ лицъ, квартира Барсуковыхъ, состоящая изъ пяти небольшихъ комнатъ, отличалась совѣшенно необычнымъ, особенно для Петербурга. характеромъ: вся она была установлена полками, сверху до низу заполненными книгами, а пустые простѣнки надъ диванами были увѣшаны портретами историческихъ и литературныхъ дѣятелей, рѣдкими гравюрами и видами. Особенно оригинальна была маленькая столовая въ одно окно, вся унизанная портретами русскихъ іерарховъ XIX вѣка. Эта особенность столовой и послужила поводомъ для наименованія ея „Патріаршею Палатой“. Въ небольшой же гостиной находилась этажерка, на полкахъ которой, въ большихъ красныхъ сафьяновыхъ переплетахъ сохранялась обширная переписка братьевъ и другіе рукописные матеріалы, собранные ими въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ такую-то своеобразную квартиру неизмѣнно 6 Декабря, въ день именинъ старшаго брата, собирались интимные друзья Барсуковыхъ. Тутъ-то за скромною, но радушно предложенною трапезою быстро протекало время среди оживленныхъ и интересныхъ разговоровъ. Особенно любопытны были вечера, когда читались Н. П. Барсуковымъ новыя главы изъ біографіи Погодина, когда А. П. Барсуковъ знакомилъ съ новыми находками для своего труда о Шереметевыхъ, или же когда за хлѣбосольнымъ столомъ въ своей неистощимой остроумной бесѣдѣ царилъ И. Ѳ. Горбуновъ, по его же собственному прозванію „Смиранный Іоаннъ, Патріаршей Палаты членъ“...

Прекрасно обрисовалъ такое оригинальное житье-бытье двухъ братьевъ Барсуковыхъ покойный поэтъ В. Л. Величко, когда на своей книгѣ „Арабески“ написалъ имъ слѣдующіе стихи, какъ „дань почтенія и любви“:

Несу цвѣты своей души
 Въ ту „Патріаршую Палату“,
 Гдѣ
 Признь и трудъ царятъ въ тиши;
 Въ ту „Патріаршую Палату“,
 Гдѣ духъ высокъ, смиренень, чистъ,
 Гдѣ большій грѣхъ—невинный вистъ.

*) См. *Московскія Вѣдомости* 1906 г., № 289.—*Новое Времѣ* 1906 г., № 11035.— „И. Ѳ. Горбуновъ, личные воспоминанія В. К. Истомина“, Сиб. 1908 г., стр. 11 и 13.

И равнодушно знанье къ злату;
Гдѣ такъ прѣлебно хороши,
Полны бесѣды аромату,—
Въ ту „Патріаршую Палату“
Несу цвѣты своей души...

Такому своеобразному дружескому кружку и такой продолжительной совмѣстной жизни двухъ братьевъ Барсуковыхъ былъ положенъ конецъ со смертію старшаго изъ нихъ. Осиротѣлый Александръ Платоновичъ, благоговѣя предъ памятью Николая Платоновича, позаботился издать два послѣдніе тома его большаго изслѣдованія: „Жизнь и труды М. П. Погодина“ (Спб. 1907 и 1910 г.г., кн. XXI и XXII, съ приложеніемъ „Указателя“), но не рѣшился продолжать работу покойнаго брата. „Благословеніе мое—писалъ онъ—къ памяти брата и труду его заставляетъ меня отказаться отъ мысли завершить или продолжить его долготѣннй трудъ, ибо чувствую, что не въ силахъ сдѣлать это дѣло, какъ слѣдуетъ, не имѣя возможности, подобно брату, отдаться ему всецѣло“... Въмѣсто того Александръ Платоновичъ, „душой въ минувшемъ погруженный“, продолжалъ трудиться надъ своимъ „излюбленнымъ трудомъ“ о Шереметевыхъ, пока приближившаяся смерть не вырвала изъ рукъ его пера и не успокоила много поработавшаго труженика...

М. Я.

ПО П Р А В К И

стр:	строка:	напечатано:	должно читать:
271	9 сн.	Херидиновой	Херодиновой
272	6 св.	Ульриховичей	Антоновичей
274	3 сн.	церкви	усадыбы.
275	7 св.	не могъ ожидать	не могъ не ожидать
—	3 сн.	среди друзей	соедин. друзей
274	6 сн.	новягинскаго	навагинскаго
280	1 св.	Тритатной	Тришатной
—	6 сн.	Трофимовскимъ	Трифановскимъ

СО Д Е Р Ж А Н І Е
П Е Р В О Й К Н И Г И
РУССКАГО АРХИВА

1914 года.

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

455. Борьба чеченцевъ съ русскими, замѣтка С. И. Фарфоровскаго.

501. Встрѣча Пасхи въ 1825 году (изъ жизни А. П. Болотова къ дѣду и родителямъ), Сообщ. В. Арсеньевымъ.

305. Графъ А. А. Голенищевъ-Нутузовъ. Воспоминанія Г. С. Ш.

488. Графъ Румянцовъ-Задунайскій, какъ администраторъ, статья В. Рѣшетинскаго.

132, 199, 318. Записки сенатора И. В. Лопухина.

399. Изъ жизни И. И. Введенскаго въ Саратова, статьи П. Л. Юдина.

105. Изъ кавказской старины, воспоминація А. А. Аноева.

87. Изъ переписки гр. Л. Н. Толстого съ П. И. Бартевымъ.

5, 162. Княжна Туркестанова, фрейлина Высочайшаго Двора. Монографія Кн. Е. Ѳ. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.

503 Къ исторіи еврейства. Ст. Н. С. Граве.

90. Къ исторіи Московской Оружейной палаты. Сообщено Л. М. Савеловымъ.

66, 235. Новые матерьялы изъ рангѣйшей исторіи духоборческой секты. Статья Н. Г. Высоцкаго.

377. О приѣмѣ изъ Губернскаго канцеляріи ларца съ вещами Г. Меншикова. Сообщ. Л. М. Савеловымъ.

389. Памяти Т. П. Пассенъ, статья М. Бардаковой.

25, 182. Письма властителей Сербіи къ М. Г. Черняеву съ предисловіемъ А. М. Черняевой.

357, 558. Письма кн. Д. И. Долгорукаго къ отцу, 1820 г.

449. Письмо А. Н. Строва къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ.

271. Родъ Арсеньевыхъ. Сообщ. В. Арсеньевымъ.

281, 423, 560. Рѣдкія и цѣнныя изданія, собранныя В. М. Остроглазовымъ.

222. Страничка изъ исторіи Смутаго времени, Царица Марія Петровна Шуйская. Сообщ. Л. М. Савеловымъ.

591. «Сей остальной изъ стаи славной». Памяти А. П. Барсукова. Замѣтка М. Я.

262. Экстрактъ о службѣ адмирала А. И. Нагаева, поданный имъ въ 1740 г. Сообщ. В. Арсеньевымъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ
РУССКОЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Отъ постоянной Природоохранительной Комиссіи при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

Императорское Русское Географическое Общество, изучая уже болѣе 60 лѣтъ наше отечество, неоднократно констатировало въ своихъ научныхъ трудахъ тѣ большія измѣненія въ его природѣ, которыя происходятъ подъ вліяніемъ культуры.

Въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ Об-ва имѣется длинный рядъ описаній и замѣтокъ, указывающихъ на исчезаніе первобытныхъ лѣсовъ, степей, скалъ и проч., или на коренное измѣненіе ихъ характера. Подъ натискомъ культуры исчезаютъ не только отдѣльныя животныя и растенія, но грозятъ исчезнуть даже цѣлыя географическія явленія и среди нихъ прежде всего такія, какъ дѣвственные ковыльные степи, сосновые боры на мѣловыхъ горахъ и другія, которыя въ предѣлахъ Европы уцѣлѣли до сихъ поръ только на необъятныхъ пространствахъ нашей родины и, исчезнувъ на ней, останутся вѣчной загадкой для грядущихъ поколѣній. А между тѣмъ каждая изъ такихъ загадокъ является большимъ тормазомъ для развитія географическихъ дисциплинъ и основывающихся на нихъ практическихъ мѣропріятій, ибо полное познаніе настоящаго состоянія различныхъ формъ земной поверхности и предвидѣніе ихъ измѣненій въ будущемъ, крайне важное и для раціональной эксплуатаціи ихъ, невозможно безъ пониманія прошлаго этихъ географическихъ явленій.

Въ Европѣ и особенно въ Америкѣ уже давно признана вся важность и необходимость сохраненія въ неприкосновенномъ видѣ наиболѣе интересныхъ и важныхъ участковъ нетронутой природы. Совокупными усиліями многочисленныхъ союзовъ, обществъ и правительства образовано, выдѣлено и дѣятельно охраняется и изучается большое число «памятниковъ природы», начиная съ колоссальныхъ по площади и затратамъ національныхъ парковъ Сѣв. Америки и кончая даже отдѣльными деревьями и камнями въ Германіи.

«Россія не можетъ не примкнуть къ этому широкому движенію, охватившему Западную Европу», говоритъ въ статьѣ «Охрана памятниковъ природы» одинъ изъ инициаторовъ этого дѣла въ Россіи Академикъ И. П. Бородинъ: «это нашъ нравственный долгъ передъ родиной, человѣчествомъ и наукой. Мы уже поняли необходимость охранять памятники нашей старины; пора намъ проникнуться сознаніемъ, что важнѣйшими изъ нихъ являются остатки той природы, среди которой когда-то складывалась наша государственная мощь, жили и дѣйствовали наши предки. Растерять эти остатки было бы преступленіемъ.

«Сколько бы защитныхъ участковъ ни устроили у себя наши сосѣди, они не въ состояніи замѣнить нашихъ будущихъ заповѣдниковъ. Раскинувшись на огромномъ пространствѣ въ двухъ частяхъ свѣта, мы являемся обладателями въ своемъ родѣ единственныхъ сокровищъ природы. Это такія же уника, какъ картины, напримѣръ, Рафаэля,—уничтожить ихъ легко, но возсоздать нѣтъ возможности.

«Созданіе защитныхъ участковъ чрезвычайно важно и въ цѣляхъ педагогическихъ, такъ какъ обезпечиваетъ наличность объектовъ для нагляднаго изученія природы. Что касается строго научнаго значенія защитныхъ участковъ, то едва ли стоить о немъ распространяться. Такіе участки сохраняютъ намъ объекты для дальнѣйшаго, часто едва начатаго изслѣдованія, и даютъ незамѣнимый матеріалъ для рѣшенія многихъ спорныхъ вопросовъ ботанической географіи, выдвинутыхъ наукою въ послѣднее время, какъ напр., вопросъ о естественной смѣнѣ растительныхъ формаций, о роли чело-вѣка и. т. п.

«Медлить съ этимъ дѣломъ нельзя въ виду особыхъ условій, въ которыхъ находится наша страна именно въ настоящую эпоху усиленнаго землеустройства и переселенія. Неотложнымъ является, напримѣръ, образованіе степныхъ заповѣдныхъ участковъ. Степные вопросы—это наши, чисто русскіе вопросы, между тѣмъ именно степь, дѣвственную степь, мы рискуемъ потерять скорѣе всего. Въ научномъ отношеніи, конечно, не менѣе важны защитные участки въ лѣсахъ различныхъ типовъ...»

Послѣ доклада Академика И. П. Бородина, изложеннаго въ упомянутой статьѣ, Императорское Русское Географическое Общество учредило особую Постоянную Природоохранительную Комиссію, съ цѣлью возбуждать интересъ въ широкихъ слояхъ населенія и у Правительства къ вопросамъ объ охраненіи памятниковъ природы Россіи и осуществлять на дѣлѣ сохраненіе въ неприкосновенности отдѣльныхъ участковъ или цѣлыхъ мѣстностей, а также и отдѣльныхъ видовъ растеній и животныхъ, важныхъ въ научномъ отношеніи.

Глубоко убѣжденная въ томъ, что ея задачи не могутъ не быть дороги каждому, любящему свое отечество, Постоянная Природоохранительная Комиссія обращается ко всемъ съ горячимъ призывомъ принять посильное участіе въ этомъ національномъ дѣлѣ—сохраненія природы родного края, въ которое каждый можетъ и долженъ внести свою лепту.

Пропаганда любви и бережливаго отношенія къ окружающей насъ природѣ, ея животнымъ, растеніямъ, скаламъ и пр., описаніе и фотографированіе интересныхъ участковъ природы, видовъ растеній и животныхъ и даже замѣчательныхъ чѣмъ-либо экземпляровъ ихъ, и затѣмъ доведеніе до свѣдѣнія Комиссіи объ этомъ представляется дѣломъ, доступнымъ каждому, и въ то же время наиболѣе обезпечивающимъ осуществленіе задачъ и желаній Комиссіи. За всякія сообщенія такого рода и присылку соотвѣтствующихъ описаній и фотографій Комиссія будетъ глубоко признательна.

Всѣхъ, интересующихся дѣломъ сохраненія природы, Комиссія приглашаетъ обращаться за справками, литературой, указаніями, совѣтами и пр. по адресу: Императорское Русское Географическое Общество, Природоохранительная Комиссія, Демидовъ пер. домъ № 8-а, С.-Петербургъ.

Предсѣдатель Почетный Членъ Общества, Статсъ-Секретарь А. С. Ермоловъ.

Товарищъ Предсѣдателя Академикъ И. П. Бородинъ.

Секретарь В. А. Дубянскойій.

Утверждено 'Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 5-го марта 1912 года.

Положеніе о постоянной Природоохранительной Комиссіи при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

1. При Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ учреждается особая Постоянная Природоохранительная Комиссія.

2. Цѣль Комиссіи—возбуждать интересъ въ широкихъ слояхъ населенія и у Правительства къ вопросамъ объ охраненіи памятниковъ природы Россіи и осуществлять на дѣлѣ сохраненіе въ неприкосновенности отдѣльныхъ участковъ или цѣлыхъ мѣстностей, важныхъ въ ботанико- и зоо-географическомъ, геологическомъ и вообще въ физико-географическомъ отношеніяхъ, охраненіе отдѣльныхъ видовъ растеній, животныхъ и пр.

3. Для осуществленія своей задачи Комиссія входитъ въ сношенія съ разными вѣдомствами, учрежденіями и лицами и вырабатываетъ мѣропріятія, могущія служить къ наилучшему достиженію цѣли, а также содѣйствуетъ образованію мѣстныхъ кружковъ и поддерживаетъ съ ними сношенія.

4. Въ составъ Комиссіи входятъ Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Географіи Физической, Помощникъ его и Секретарь Общества, девять представителей Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по избранію Совѣта послѣдняго на 4 года и представители разныхъ ученыхъ обществъ и правительственныхъ учрежденій, участіе которыхъ будетъ признано желательнымъ, и на назначеніе которыхъ послѣдуетъ согласіе этихъ учрежденій.

5. Комиссія имѣетъ право увеличивать число своихъ членовъ по собственному избранію, а также приглашать къ участію въ работахъ свѣдущихъ лицъ не только изъ числа Членовъ Общества, но и постороннихъ—пользующихся въ засѣданіяхъ совѣщательнымъ голосомъ.

6. Комиссія избираетъ изъ своей среды каждые четыре года Предсѣдателя и Секретаря изъ числа Членовъ Общества.

7. Сношенія по дѣламъ Комиссіи производятся или отъ имени Предсѣдателя Комиссіи, или отъ Вице-Предсѣдателя Общества, смотря по надобности.

Составъ Природоохранительной Комиссіи (къ ноябрю 1913 года.)

Предсѣдатель

Почетный членъ Общества, Статсъ-Секретарь А. С. Ермоловъ.

Товарищъ Предсѣдателя

Академикъ И. П. Бородинъ.

Секретарь

В. А. Дубянскойій.

Члены Бюро:

Князь В. И. Масальскій.

Ст. Юл. Раунеръ.

А. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій.

Члены Комиссіи.

Представители отъ И. Р. Г. Общества:

Богдановичъ, Карль Ивановичъ,

чл. Совѣта И. Р. Г. О., профессоръ Горнаго Института.

Бушъ, Николай Адольфовичъ,

д. чл. Об-ва, старшій ботаникъ Имп. Академіи Наукъ.

Воейковъ, Александръ Ивановичъ,

почетный членъ и членъ Совѣта И. Р. Г. Об-ва, заслуженный профессоръ метеорологіи Имп. СПб. Университета.

Дубянскойій, Владиміръ Андреевичъ,

д. чл. Об-ва, Консерваторъ Имп. СПб. Ботаническаго Сада.

Ермоловъ, Алексѣй Сергѣевичъ,

почетный членъ Об-ва, Статсъ-Секретарь, членъ Государственнаго Совѣта.

Кожениковъ, Григорій Александровичъ,

д. чл. Об-ва, профессоръ зоологіи Имп. Моск. Университета.

Кузнецовъ, Николай Ивановичъ,

д. чл. Об-ва, профессоръ ботаники Имп. Юрьевск. Университета.

Князь Масальскій, Владиславъ Ивановичъ,

д. чл. Об-ва, Управляющій Отдѣломъ Земельныхъ улучшеній.

Семеновъ-Тянь-Шанскій, Андрей Петровичъ,

д. чл. Об-ва, Вице-Президентъ Русскаго Энтомологическаго Об-ва, Предсѣдатель Біогеографической Комиссіи И. Р. Г. О.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Географіи Физической И. Р. Г. О.:—
Шокальскій, Юлій Михайловичъ.

Помощникъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Географіи Физической И. Р. Г. О.:— Семеновъ-Тянь-Шанскій, Вениаминъ Петровичъ.

Секретарь Императорскаго Русскаго Географическаго Общества:—Достоевскій, Андрей Андреевичъ.

Представители отъ Императорской Академіи Наукъ:

Бородинъ, Иванъ Парфеньевичъ,

д. чл. Об-ва, Академикъ, Директоръ Ботаническаго Музея Импер. Академіи Наукъ.

Насоновъ, Николай Викторовичъ,

Академикъ, Директоръ Зоологическаго Музея Имп. Академіи Наукъ.

Чернышевъ, Ѳеодосій Николаевичъ,

д. чл. Об-ва, Академикъ, Директоръ Геологическаго Комитета.

Отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ:

Лыкошинъ, Александръ Ивановичъ,

Сенаторъ, Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Бруннеманъ, Юлій Вильгельмовичъ,

д. чл. Об-ва, Старшій Редакторъ Центр. Статист. Комитета.

Крафтъ, Иванъ Ивановичъ,

д. чл. Об-ва, Губернаторъ Якутской Области.

Литвиновъ, Яковъ Яковлевичъ,
Управляющій Земскимъ Отдѣломъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія:

Шевяковъ, Владиміръ Тимоѳеевичъ,
Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія.
Иностранцевъ, Александръ Александровичъ,
заслуженный профессоръ геологій Имп. Спб. Университета, членъ Совѣта М-ва Народнаго
Просвѣщенія.
Палечекъ, Николай Осиповичъ,
Завѣдующій Разрядомъ Ученыхъ Учрежденій и Высшихъ Учебныхъ Заведеній Департамента
Народнаго Просвѣщенія.

Отъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія:

Графъ Игнатьевъ, Павелъ Николаевичъ,
д. чл. Об-ва, Шталмейстеръ, Товарищъ Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земле-
дѣліемъ
Раунеръ, Станиславъ Юльевичъ,
д. чл. Об-ва, Вице-Инспекторъ Корпуса Лѣсныхъ, Товарищъ Пресѣдателя Гидрологиче-
скаго Комитета.

Отъ Министерства Императорскаго Двора и Удѣловъ:

Никифоровъ, Василій Васильевичъ,
чиновникъ особыхъ порученій IV кл. при Министрѣ Императорскаго Двора и
Удѣловъ.

Отъ Горнаго Департамента Министерства Торговли и Промышленности:

Хованскій, Яковъ Ивановичъ,
чл. Горнаго Совѣта.

Отъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія:

Полянскій, Иванъ Ивановичъ,
Постоянно Присутствующій Членъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

Отъ Императорскаго Спб. Общества Естествоиспытателей:

Дерюгинъ, Константинъ Михайловичъ,
д. чл. И. Р. Г. Об-ва, Секретарь Имп. Спб. Об-ва Естествоиспытателей, прив.-доц. зоологій
Имп. Спб. Университета.
Каракашъ, Николай Ивановичъ,
д. чл. Об-ва, прив.-доц. геологій Имп. Спб. Университета.
Сукачевъ, Владиміръ Николаевичъ,
д. чл. И. Р. Г. Об-ва, младшій ботаникъ Имп. Академіи Наукъ.

Отъ Русскаго Энтомологическаго Общества:

Шевыревъ, Иванъ Яковлевичъ,
Завѣдующій Энтомологической Лабораторіей Лѣснаго Д-та.

*Отъ Ботанико-Географической Комиссіи Императорскаго Вольнаго Экономиче-
скаго Общества:*

Высоцкій, Георгій Николаевичъ,
д. чл. И. Р. Г. Об-ва, членъ Комиссіи по Лѣсному Опытн. Дѣлу.

Отъ Лѣснаго Общества:

Морозовъ, Георгій Федоровичъ,
д. чл. И. Р. Г. Об-ва, профессоръ Лѣсоводства Имп. Лѣснаго Института.

По избранію Природоохранительной Комиссіей И. Р. Г. Общества:

Звегинцовъ, Александръ Ивановичъ,
д. чл. И. Р. Г. Об-ва, членъ Государственной Думы.
Фальцъ-Фейнъ, Фридрихъ Эдуардовичъ,
учредитель Заповѣдника «Асканія-Нова».
Графиня Панина, Софія Владиміровна,
учредительница Заповѣдника дѣвственной степи въ Воронежской губ.
Наумовъ, Александръ Николаевичъ,
членъ Государственнаго Совѣта.
Головинъ, Давидъ Николаевичъ,
профессоръ Моск. Сельск. Хоз. Института.

И. И. ОРЛОВСКИЙ. Смоленскъ въ исторіи Дома Романовыхъ. 2-ое изд. Смоленск. уч. Арх. ком.—Смоленскъ. 1913. 53 стр. Ц. 25 к.

Изъ родной старины. Дѣйствія Нижегород. Губерск. уч. Арх. ком.—Выставка Нижегородск. уч. Арх. Комиссіи 26 Дек. 1913—7 Января 1914.—Н.-Новгородъ 1913. Стр. 26. Ц. 20 к.

Н. Ѳ. АКАЕМОВЪ. Тѣни минувшаго. Стр. 115, съ планомъ. Варшава, 1914. Ц. 40 коп.

М. САЗАВСКИЙ. Славянская письменность и литургія въ IX—XI вѣвѣ на западѣ. 28 стр. Н.-Новгородъ. 1914. Цѣна не обозначена.

Матеріалы для исторіи города Боровска и его уѣзда. Т. I. Собраны и записаны **Н. П. ГЛУХАРЕВЫМЪ.** Боровскъ, 1913. Стр. IV+122+III. Ц. 1 р.

Труды Оренбургской Ученой архивной комиссіи. Вып. XXIX.—Оренбургъ. 1913. Стр. 4 (нен.)+141+I (нен.)+II+планъ+(144—239). Ц. 1 р.

Въ книгѣ помѣщены статьи гг. Воронцовскаго, Шушкинцева, Кастанье, Юдина, Модестова, Гра, Цоцова и Кононова, касающіяся памятниковъ и народовъ Оренбургскаго края, а также дѣятельности комиссіи.

В. М. МЕНДРИНЪ. Исторія Сіогуната въ Японіи-Нихонъ Гайси.—Сочиненіе Рай-Дзіо Сисей въ XXII книгахъ. Переводъ съ японскаго съ примѣчаніями и комментаріями.—Книга III. Минамото II.—Владивостокъ. 1914. Изд. Восточнаго Института. Стр. XV+1 (нен.)+

125+3 (нен.)+портретъ Ц. 1 р.—**То же,** книга IV. Ходзіо.—Владивостокъ, 1914. Изд. Восточнаго Института. Стр. XIII+1 (нен.)+188+2 (нен.)+портретъ.—Обѣ книги съ приложеніемъ сравн. табл., датъ по календ. лунн. и солнечн.; хронол. переч. императоровъ, сіогуновъ; алфавитныхъ указателей.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ XVII—XVIII. Повременное изданіе Комиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи русскаго яз. и словесн. Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1913.

Значительная часть настоящаго выпуска занята мелкими и мало значенія имѣющими замѣтками. Меньшая занята статьями А. I. Бертье-Делагарди и г-жи Ганнибалъ. Первая изъ этихъ статей, снабженная рядомъ снимковъ со старыхъ рѣдчайшихъ литографій, говоритъ о „памяти Пушкинъ въ Гурзуфѣ“. По автору и пушкинскій кипарисъ, и пушкинская комната и пушкинская пещера въ Гурзуфѣ—измышленія новѣйшаго времени, а татарскія преданія о Пушкинѣ—неправдоподобная басня. Южный берегъ 20-хъ годовъ XIX в. былъ дикимъ мѣстомъ съ трудными дорогами и съ незнавшимъ русскаго языка малочисленнымъ татарскимъ населеніемъ, а поэтъ при посѣщеніи Южнаго берега былъ многообщающимъ, но еще незначительнымъ и незамѣтнымъ юношей. Авторъ даетъ много цѣнныхъ свѣдѣній о состояніи Южнаго берега пушкинскихъ временъ, о первыхъ насадителяхъ культуры (гр. Ришелье, гр. Воронцовъ, Фундуклей), объ ихъ сооруженіяхъ и насажденіяхъ. Вторая статья—часть большой біографіи „Арапа Петра Вел.“, А. П. Ганнибала, богатая неизвѣстными доселѣ подробностями.

С.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартоновымъ (младшимъ).

1914-й годъ.

(годъ изданія 52-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1914 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 г., по цѣнѣ 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 г., по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: впереди текста, страница 100 р., $\frac{1}{2}$ стр. 50 р., $\frac{1}{4}$ стр. 25 р.; позади текста, страница 80 р., $\frac{1}{2}$ стр. 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель Петръ Бартоновъ (младшій).

Въ конторѣ РУССКАГО АРХИВА продается книга:

П. И. Бартоновъ

ПУШКИНЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ

Изданіе (второе) Русскаго Архива; Москва, 1914, ц. 1 р. 50 к.

Подписчикамъ Русскаго Архива, выписывающимъ изъ Конторы, скидка 15%